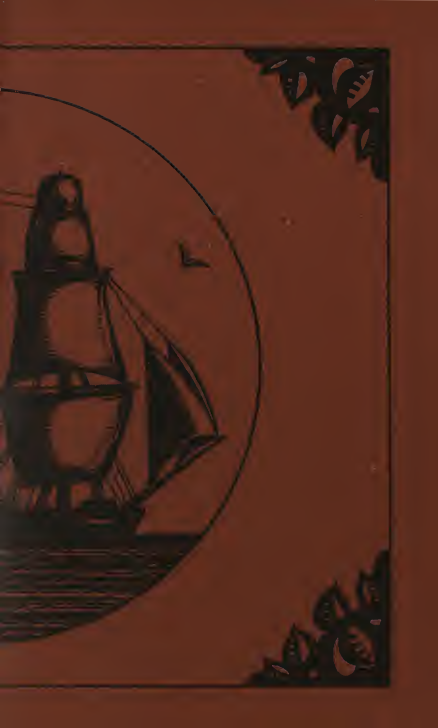
Ирвинг Стоун

ПРОИСХОЖДЕНИЕ



Библиотека
атеистической
литературы

Ирвинг Стоун

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Роман-биография Чарлза Дарвина

Издание второе

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

28.0
С82

Irving Stone
THE ORIGIN.
A biographical Novel Charles Darwin. Doubldаy S company inc,

New York 1980

Перевод с английского
М. И. Брука и *Ю. С. Кацнельсона*

Стоун И.

С82 Происхождение: Роман-биография Чарлза Дарвина. Пер. с англ.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1985.— 447 с., ил.— (Б-ка атеист. лит.).

Имя автора этой книги Ирвинга Стоуна не нуждается в рекомендациях. Он автор художественных биографий Ван Гога, Микеланджело, Шлимана, Джека Лондона, хорошо известных советскому читателю. Новое его произведение, впервые переведенное на русский язык, повествует о жизни и деятельности Чарлза Дарвина, основателя эволюционной теории, нанесшей сокрушительный удар по религиозной картине мира.
Книга переведена с сокращениями.

С $\frac{\textbf{0400000000—419}}{\textbf{079(02)—85}}$ **Заказ «Союзкниги»** **28.0+84.7США**
57.022+И(Амер)

К ЧИТАТЕЛЯМ

О Дарвине написано много. И не только научных исследований, но и художественных произведений, авторы которых стремились постичь внутренний мир человека, совершившего революционный переворот в биологии. Образы великих людей всегда привлекают писателей возможностью проникнуть в тайники их мыслительной деятельности, поступков, решений, которые подчас оказывают определяющее воздействие на дальнейший ход политики, науки, культуры. И нет ничего удивительного, что такой видный мастер художественно-биографической литературы, как Ирвинг Стоун, обратился к жизни Чарлза Дарвина.

Мы знаем Ирвинга Стоуна по его романам о Ван Гоге, Джеке Лондоне, Микеланджело, Генрихе Шлимане, переведенным на русский язык. Думается, Дарвин не случайно пополнил галерею великих людей, которые привлекли внимание писателя. Сам Стоун во время недавнего пребывания в Москве объяснял свой литературный интерес к основателю эволюционной теории тем, что именно в Дарвине он увидел человека, и по воспитанию, и по складу своего характера менее всего подходящего для той великой миссии, что выпала на его долю. Ведь ему довелось ниспровергнуть вековые представления, освященные авторитетом религии, более того, противопоставить научные факты религиозным догматам, вступить в конфликт с богословами, до сих пор не простившими ему этого удивительного по своей смелости шага.

Но Дарвин был прежде всего ученым. И во имя научной истины он пожертвовал своим покоем, личным благополучием, сложившимися убеждениями. В этом был его научный подвиг.

Ирвинг Стоун как-то сказал, что писатель — это «археолог, вскрывающий пласты человечества». Это определение, пожалуй, в большей степени относится к тем из них, кто работает в трудном жанре художественной биографии. И это отчетливо прослеживается в книге, которую вам предстоит прочитать. Верный своему художественному методу, Стоун тщательно и скрупулезно пытается реконструировать буквально все, что связано с жизнью его героя, проникнуть в строй его мышления, в логику его

поведения. Он не изменяет сформулированному принципу, что автор художественной биографии должен «собственными глазами увидеть места, где жил и действовал его герой, увидеть светившее ему солнце, землю, по которой ступала его нога...». Он должен «ознакомиться с социальной, психологической, духовной, эстетической, научной и международной атмосферой, в которой его герой жил и под влиянием которой вырабатывалась линия его поведения», иными словами, «проникнуться духом эпохи, которую собирается отразить».

Можно без преувеличения утверждать, что автор книги выполнил все эти условия.

Вместе с тем нужно учитывать, что его произведение — не научная и не научно-популярная биография Чарлза Дарвина. Это биография художественная. Поэтому не следует искать в книге точных научных оценок и формулировок. Вполне закономерны и некоторые субъективные характеристики, которые могут не согласовываться с общепринятыми. Таковы законы жанра. Нас интересует главное — жизнь и деятельность ученого, создателя науки о развитии органического мира, нанесшей сокрушительный удар по религиозным представлениям о божественном творении Вселенной. Это тем более важно, что и поныне на Западе ведется борьба против дарвинизма, что в Соединенных Штатах Америки мракобесы требуют запрещения преподавания эволюционной теории в школах, преследуют передовых ученых, бросающих вызов невежеству и суевериям, которые культивируются так называемыми фундаменталистами. Уместно заметить, что Ирвинг Стоун, несмотря на свой почтенный возраст, ведет активную борьбу по пропаганде дарвинизма в США, выступая с лекциями, в которых он отстаивает правоту эволюционного учения.

Для советского читателя новая встреча с Ирвингом Стоуном представляет не только чисто литературный, но и познавательный интерес. Художественная биография Чарлза Дарвина позволит еще лучше узнать историю рождения научной теории, сокрушившей господствовавшие веками религиозные взгляды и представления о мире и человеке.

Академик Б. М. КЕДРОВ

«НАЙДИ МНЕ ХОТЯ БЫ ОДНОГО ЗДРАВОМЫСЛЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА»

Рассматривая себя в зеркале, оправленном в красное дерево, он опустил кисточку в расписанный по бокам голубыми цветами бритвенный стакан, который стоял на полукруглой полке, подлил в него немного горячей воды из медного кувшина, намылил светлую кожу лица и только после этого открыл остро наточенную стальную бритву с эбонитовой ручкой.

Для двадцатидвухлетнего Чарлза Дарвина бритье было приятной и не слишком обременительной процедурой, поскольку его рыжевато-коричневые бакенбарды занимали чуть ли не половину лица. Все, что ему оставалось,— это выбрить нижнюю часть румяных щек и округлый подбородок. Его красные губы были, казалось, несколько маловаты по сравнению с на редкость большими карими глазами, в которых загорались огненные искорки,— глазами, зорко схватывавшими и запечатлевавшими все вокруг.

Он вытер пену с лица, достал две расчески, отделанные серебром, и резким движением разделил свои длинные рыжеватые волосы на косой пробор, сначала на правую сторону, затем, перекинув густую копну волос, позволил ей изящной волной упасть на левое ухо.

Достав из комода орехового дерева белую накрахмаленную рубашку, Чарлз пристегнул к ней высокий тугой воротничок, концы которого доходили до самых бакенбард, и широким узлом повязал вокруг шеи темно-коричневый галстук. Обыкновенно он брился рано утром, как только вставал, но сегодня с утра он на целый день отправился на ялике порыбачить и побродить по берегу Северна, с тем чтобы пополнить свою

коллекцию. Поэтому бритье пришлось отложить до вечернего переодевания, когда в доме ожидали гостя — профессора Адама Седжвика.

С широкой лестницы доносился упоительный аромат гусиного пирога, любимого блюда у них в Шрусберн: кухарка Энни неизменно пекла его в тех случаях, когда к ужину ожидались именитые гости. Мальчиком Чарлз часто наблюдал за тем, как приготовляется этот деликатес, прежде чем его поместят в духовку большой восьмиконфорочной плиты, топившейся дровами и углем. И сейчас, хотя просторная кухня, где колдовала Энни, находилась в другой части дома, мысленно он представлял себе, как она расправляется с огромным гусем, вытаскивая из него кости, потом принимается за большого цыпленка, которым фаршируется гусь; следом наступает черед маринованного языка, помещавшегося внутрь цыпленка, и все это обмазывается густым слоем теста, щедро сдобренного мускатом, перцем и маслом.

Марианна, старшая сестра Чарлза, довольно рано, в двадцать шесть лет, вышла замуж за врача и перебралась к нему в Овертон. Но и прежде, после того как умерла мать, она не рвалась вести хозяйство в Маунте, их поместье, хотя в свои девятнадцать лет вполне могла бы с этим справиться. Ведение всех домашних дел она переложила на покорные плечи средней сестры — семнадцатилетней Каролины. После своего замужества, родив двух мальчиков, Марианна почти не навещала родительский дом, а только изредка обменивалась письмами с сестрами.

В качестве хозяйки Каролина безуспешно пыталась приучить Энни закрывать дверь на кухню, когда та готовила. Но Энни, как истинная дочь фермера, уроженка Шропшира, наотрез отказывалась.

— Выходит, семья не должна и догадываться, что будет на обед, так по-вашему? Да если хотите знать, мэм, то в Маунте моя кухня — самое наиглавнейшее место!

Доктор Роберт Дарвин увещевал дочь:

— Второй такой кухарки, как Энни, не сыскать. Она же боготворит все, что связано с пирогами, а кухонные ароматы для нее лучше любых других. Когда я отправляюсь на вызовы, то всегда знаю, какой пирог она затевает — с птичьими потрохами или уткой, с голубятиной или селедкой и картофелем. И пока я езжу от одного больного к другому, это меня поддерживает.

В том, что касалось еды, доктору Дарвину не так-то легко было угодить. Человек необъятных размеров, он весил триста двадцать фунтов — всего на двадцать фунтов меньше, чем

его отец, доктор Эразм Дарвин, этот настоящий Гаргантюа, известный на всю Англию своими сборниками стихов, трактатами по естественной философии, медицине, законам органической жизни и... своим животом,— чтобы обладатель его мог садиться за обеденный стол, в последнем потребовалось сделать специальное полукруглое углубление.

Между тем Чарлз извлек из гардероба синий бархатный жилет с широкими лацканами, потом коричневый костюм с еще более широкими лацканами, длинными фалдами и стоячим воротником. Со дна комода он достал пару выходных башмаков, поставил их перед собой на ворсистый ковер эксминстерской выделки, а на кровати с большими медными набалдашниками разложил одежду. Золотые часы, которые он носил обычно в кармане жилета, уже висели на тонкой цепочке, обхватывавшей шею.

Завершив свой туалет, он подошел к высокому зеркалу и, посмотревшись в него, остался вполне доволен своим внешним видом: в конце концов он дорос-таки до полных шести футов, чего ему так страстно хотелось. Пожалуй, только вот нос несколько великоват. Впрочем, Чарлз не страдал чрезмерным тщеславием — ровно настолько, насколько это было естественно для высокого, худощавого, хорошо сложенного и энергичного молодого человека, который всего четыре месяца назад окончил колледж Христа в Кембридже, где он изучал теологию и удостоился степени бакалавра. Хотя Чарлз не стремился к диплому с отличием, в выпуске 1831 года он все же стоял на десятом месте, и ему надлежало получить церковный сан в Херфордском соборе, неподалеку от тех мест, где жили Дарвины и их родственники Веджвуды.

С посвящением его, правда, не торопили ни отец, ни англиканская церковь: в тех случаях, когда речь шла о молодых теологах, только что закончивших курс обучения, она не настаивала на жестких сроках. И вообще — должен был пройти год или даже два, прежде чем появится вакантное место диакона или помощника приходского священника — место, которое находилось на низшей ступени церковной иерархии. В будущем ему предстояло замещать викария или же, если церковь окажется побогаче, проходить службу под началом пастора. Назначение это зависело от местного епископа. Как бы то ни было, Чарлза вполне устраивало, что его обязанности, как, впрочем, и жалованье, будут более чем скромными. Зато у него остается время для пополнения своей коллекции и занятий естественной историей, не говоря уже об охоте, которую он обожал и которой увлекался, сколько себя помнил.

Возможно, после трехнедельной геологической экспедиции в горах Северо-Западного Уэльса с профессором Седжвиком и месяца охотничьей жизни в Мэр-Холле он и начнет подумывать о предстоящем посвящении в сан. Впрочем, нет, лучше все-таки отложить эти мысли до лета следующего года. К тому времени он уже совершит вместе с профессором Джоном Генсло и двумя его учениками путешествие на торговом судне на тропические Канарские острова, где на острове Тенерифе они намерены были собственными глазами увидеть знаменитое драконово дерево, описанное в «Путешествии» Гумбольдта. Отец Чарлза уже дал согласие на это плавание в июне будущего года, так что ему предстояли целых двенадцать месяцев праздной жизни, как в свое время и его старшему брату Эразму, который немало постранствовал по свету, прежде чем заняться медициной. Считалось, что молодому человеку требовалось какое-то время, чтобы остепениться.

Покончив с туалетом, Чарлз еще раз внимательно осмотрел себя в зеркале.

— Ну и вырядился я сегодня,— заключил он.— Еще подумают, что у меня помолвка с очаровательной Фэнни Оуэн.

Самого Чарлза никто не считал особенно привлекательным: его внешность была неброской и мягкой. Только большие глаза были необычайно выразительными. Одним словом, приятный молодой человек с природным обаянием и хорошими манерами, явно любящий пожить в свое удовольствие. Ему нравилось бывать на людях, и он не думал скрывать радости от общения с ними. И люди в свою очередь отвечали ему взаимностью — родные, друзья, преподаватели в Кембридже, где он учился. Его общество в особенности ценило старшее поколение, ибо Чарлз обладал весьма редким талантом не замечать в дружбе разницы в возрасте. Он был любимцем Джозайи Веджвуда, брата матери, в имении которого Мэр-Холл он проводил каждый сентябрь, охотясь на куропаток и прочую дичь; Уильяма Оуэна, владельца Вудхауса, где Дарвина непременно ожидали к первым морозам, чтобы «поистреблять оуэновских фазанов»; Джона Стивенса Генсло, его наставника и гида в изумительном и таинственном мире природы.

Бывший профессор минералогии в Кембриджском университете, последние четыре года Генсло возглавлял кафедру ботаники и одновременно был помощником священника в прелестной маленькой церквушке святой Марии на углу Трампингтон-стрит, в двух шагах от реки Кем.

Именно профессор Генсло уговорил своего друга Адама Седжвика взять Чарлза с собой в геологическую экспедицию. Вот почему сейчас Чарлз готовился встретить уважаемого

гостя при параде. При грубоватой внешности Седжвик, все еще холостяк в свои сорок шесть лет, был настоящим лондонским денди: даже во время знаменитых исследований в Альпах, не говоря уже о горах Уэльса, он не расставался с высоким белым цилиндром и удлиненным пиджаком новейшего покроя. Кембриджские студенты по этому поводу шутили:

— Знаете, зачем он носит свой белый цилиндр? Это чтобы охотники по ошибке не приняли его за оленя и не всадили ему пулю в лоб...

Ожидая приезда гостя, Чарлз достал с полки книгу сэра Вальтера Скотта «Антикварий» и уселся в затянутое чехлом кресло у окна — в той самой комнате, где он появился на свет. Бархатные гардины были по бокам подобраны лентой, и сквозь тюлевую занавеску ему открывался превосходный вид: перед домом широкий газон, старые дубы, ели и платаны, а за холмом, который жители называли Маунт, привольные луга и развалины старинного замка-крепости, возведенной британцами для защиты от римлян.

Три с половиной года, проведенных Чарлзом в Кембридже, были приятными во всех отношениях. В колледже он много читал: и Дарвины, и Веджвуды справедливо могли похвастаться неплохими домашними библиотеками. Книга в этих семьях всегда была в почете, но в основном здесь предпочитали читать ради развлечения.

Любимым местом для чтения, разумеется в хорошую погоду, служил Чарлзу сад — «Феллоуз гарден», где он обычно устраивался под раскидистой шелковицей, той самой, под сенью которой, как говорили, за двести лет до него часами сиживал Джон Мильтон, с жадностью поглощавший одну книгу за другой.

На лекциях Дарвин умел внимательно слушать, и это позволило ему усвоить, а затем благополучно исторгнуть из себя мало его занимавшие «Естественную теологию» Пейли и «Элементарную геометрию» Евклида и после двух лет обучения в Кембридже успешно сдать переводные экзамены. Что же касалось предметов, интересовавших его по-настоящему, то их он изучал досконально.

Много времени студенты проводили вне стен своего колледжа, и у общительного Чарлза не было недостатка в компании. Как правило, приятели вместе ездили на охоту, и, прежде чем присоединиться к остальным, Чарлз, стоя в своей комнате перед комодом с зеркалом, нередко репетировал, проверяя, так ли он вскидывает ружье на плечо, как положено. Если же перед охотой ему удавалось залучить к себе кого-нибудь из друзей, он давал ему в руки зажженную свечу, которой тот

должен был размахивать, а Чарлз в это время стрелял, сунув в ствол бумажный пыж. В тех случаях, когда он целился точно, вырывавшаяся из ружья струйка сжатого воздуха, к немалому удовольствию стрелка, гасила пламя. При этом пыж разрывался с таким звуком, что их тьютор * всякий раз сетовал:

— Подумать только! Мистер Дарвин, по-видимому, часами упражняется у себя в комнате в щелканье кнутом. Стоит мне только пройти по двору у него под окнами — и я неизменно слышу один и тот же звук.

Профессор Генсло часто брал своих студентов на загородные ботанические экскурсии, и Чарлз ни разу не пропустил возможности отправиться вместе с профессором. Иногда они уходили на весь уик-энд в дальние леса и болота. Однажды, во время такого похода, Чарлзу удалось поймать такое количество жаб, прятавшихся в высокой траве, что Генсло с гордостью воскликнул:

— Вашему зрению, Дарвин, можно позавидовать!

Впоследствии, когда Чарлз один научился ловить их больше, чем все остальные студенты, вместе взятые, Генсло полушутя спросил:

— Что вы будете с ними делать, Дарвин? Уж не собираетесь ли вы испечь нам «жабий» пирог?

Поначалу Чарлз растерялся, но весьма скоро сумел выкрутиться:

— Разве вы не знаете, профессор, что повар из меня никудышный?!

Генсло сумел заразить их всех своей любовью к энтомологии; Дарвин и его друзья коллекционировали жуков. Чарлз даже утверждал, что ни один род занятий в университете не доставлял ему столько радости. Однажды, отодрав кусок трухлявой коры, он обнаружил двух уникальных жуков и понес их учителю, по одному в каждой руке. По дороге он заметил еще один редкий экземпляр, не взять который он попросту не мог. Чтобы освободить руку, он сунул одного из жуков в рот.

— Увы,— жаловался он профессору Генсло вечером того же дня,— жук выпустил заряд какой-то необычайно мерзкой жидкости, и она так обожгла мне язык, что я вынужден был тотчас выплюнуть насекомое, которое тут же погибло. Третий из найденных мной жуков также не перенес путешествия.

— Это вам наказание за жадность,— рассмеялся в ответ Генсло.— Умейте довольствоваться малым, друг мой, идет ли речь о жуках или о деньгах.

* Тьютор — наставник-преподаватель в колледжах Великобритании.— *Прим. пер.*

Когда Джои Стивеис Геисло обосиовался в Кембридже за триидцать лет до приезда туда Дарвииа, иауку считали иесовместимой с религией. В уииверситете, осиоваиином в XII веке для подготовки теологов, ие призиавались научные дисциплииы и по иим ие читалось курсов, дававших право иа получеиие уииверситетской степеии. Ботаиический сад в цeитре города был полиостью заброшеи.

Профессора Геисло и Седжвик в корие все измеиили. В 1819 году оии совместио основали Кембриджское философское общество, где преподаватели и студеиты-старшекурсиики регулярио выступали с докладами по проблемам развития естествеииых иаук, все еще иаходившихся под церковиым запретом.

Постепеиио Геисло и Седжвик сумели добиться, чтобы курсы ботаиики и геологии были включены в общеобразовательиую программу. По пятиицам вечерами Геисло приглашал к себе домой избраииый круг — иескольких иаиболее способиых из числа своих студеитов, а также тьюторов и преподавателей, иитересовавшихся прогрессом иауки. В доме профессора к Чарлзу отиосились как к члеиу семьи. Пообедав, оии с Геисло иередко отправлялись иа продолжительиые загородиые прогулки, а по уик-эидам для пополиеиия коллекций — в окрестиые болота, изобиловавшие травами, василистииком, дикой петрушкой, ирисами и густым кустариком, а также живиостью — кузиечиками, светлячками, пауками и мошками. Из-за своей привязаииости к профессору Чарлз получил прозвище «Тот, который ходит хвостом за Геисло».

Джоиа Геисло любили в Кембридже как иикого другого: большей чести уииверситет ие мог бы удостоить его при всем желаиии.

Чарлз подобио хорошей губке впитывал мудрые мысли учителя, отличавшегося ие только эрудицией, ио и глубоким поиимаиием своего предмета. Их отиошеиия во миогом иапомиили отиошеиия Чарлза с братом Эразмом во время их совместиой учебы в Королевской классической общедоступиой гимиазии в Шрусбери. Рас, как звали его в семье, был пятью годами старше Чарлза и страстио увлекался химией: в сарае иа холме, где храиился садовый иииструмеит, ои оборудовал иастоящую лабораторию. Брат сделал Чарлза своим ассистеитом, в чьи обязаииости входило составлеиие газов и смесей по формулам. Эразм показал ему, как разводить сериую кислоту в пропорции одии к пяти, чтобы затем, облив раствором железиые гвозди, собирать образовавшийся газ в колбу. Другой экспериметт, сделавший в округе обоих братьев, так сказать, персоиами иои грата, заключался в том, что оии растворяли

в серной кислоте ртуть в пропорции один к двум: испарявшаяся со дна колбы кислота распространяла по всему холму удушливый запах. Доктор Роберт Дарвин, вечно находивший повод быть недовольным своими сыновьями, однажды сухо заметил:

— Если уж вам приспичило заниматься химией, то нельзя ли, чтобы она была менее пахучей?

Эразм, которого куда меньше Чарлза заботило, какого мнения о нем отец, парировал:

— Но мы не можем знать, как пахнут наши реактивы, пока их не получим. Неужели тебе хотелось бы задавить ростки поиска и отваги, которыми наградила нас молодость?

Доктор Дарвин мгновенно чувствовал, когда задевали его больное место — вес. Обернувшись к сыновьям, худощавым и нескладным, как большинство подростков, он с нарочитой издевкой, голосом, который, казалось, исходил из глубины карьера, изрек:

— Как ты сказал: «Задавить»? О, боги! Да я всю свою сознательную жизнь только и делаю, что стараюсь кого-нибудь ненароком не задавить.

На какое-то мгновение Чарлзу стало даже жаль отца. И почему это все шестеро детей Дарвина должны отдавать столь явное предпочтение родне со стороны матери — худым и жилистым Веджвудам? Отчего бы, спрашивается, хотя бы одному из сыновей не пойти в отцовскую породу?

Хотя Чарлзу в ту пору было всего четырнадцать, он нередко засиживался в лаборатории Эразма далеко за полночь. Неудивительно, что по этой причине и из-за горящей серы, которой пропах весь дом, Чарлз заработал в школе прозвище «Газ».

Вдобавок он получил выговор от доктора Самюэля Батлера. Этот известный педагог, директор Королевской классической общедоступной гимназии в Шрусбери, основанной Эдуардом VI и значительно расширенной при королеве Елизавете, однажды при всех отчитал его. Кстати, хотя школа именовалась общедоступной, обучение там в действительности стоило отнюдь не дешево. Правда, классные помещения, часовня и библиотека были выше всяких похвал.

— Послушайтесь моего совета, Дарвин, и не тратьте своего времени на бесполезные предметы. Учите-ка лучше греческую грамматику и латынь. Для джентльмена они необходимы.

На повороте усыпанной гравием аллеи, ведущей к парадному подъезду Маунта, послышался стук колес экипажа. Чарлз

положил роман автора «Уэверли» * рядом с цветочной вазой, встал и отодвинул тюлевую занавеску. Внизу, в своей двуколке, в которой он проехал кружным путем от Кембриджа через угольные копи Вулверхемптона и известковые карьеры Эльбербери, восседал неутомимый профессор Адам Седжвик, осаживая лошадь и держа вожжи в одной руке, а другой поправляя на голове белый цилиндр.

Чарлз вприпрыжку сбежал по широкой лестнице.

Адам Седжвик стоял в нескольких шагах от высоких дубовых дверей и портика, подпираемого четырьмя мраморными колоннами, раскинув руки и довольно улыбаясь.

— Это, я понимаю, дом! Вот как надо строить. Главное — прочность. Такое сооружение способны разрушить разве что Везувий или Этна.

— Как раз к этому отец и стремился, когда купил двенадцать акров на холме, по-здешнему «горе»,— поэтому-то имение и называется «Маунт» **. Между нами говоря, то же прозвище дали и отцу.

Чарлз позвал конюха, чтобы тот позаботился о лошади Седжвика. В это время Эдвард, их старый дворецкий, уже отнес чемоданы профессора наверх в комнату для гостей, выходившую окнами на реку Северн. Чарлз также распорядился, чтобы Седжвику принесли горячей воды сполоснуться после долгой дороги, а вернее сказать, целого геологического похода, составившего без малого сто семьдесят пять миль окольного пути от Кембриджа.

— Как лето? Хорошо поработали? — спросил Седжвик.

— Да, весь июль я занимался геологией, работал как вол. Генсло предложил мне для начала составить топографическую карту Шропшира. Это оказалось совсем непросто, куда сложнее, чем я предполагал. Я сделал в цвете набросок нескольких участков на выбор, по-моему, получилось точно. А вот насчет залегания пластов, тут я не вполне уверен, что все вышло как надо.

— Сейчас умоюсь и гляну. Мой вам совет: берите в руки молоток и отправляйтесь в горы. Набирайте как можно больше породы. И через два года, даю гарантию, вы станете заправским геологом.

Чарлз искоса глянул на огромного йоркширца, по-своему красивого, со скуластым лицом, густыми черными бровями, большими глазами, курчавыми волосами и носом, внушительные размеры которого тем не менее не скрадывали полноты его губ

---

* «Автор «Уэверли» — так долгое время называли Вальтера Скотта, анонимно опубликовавшего «Уэверли» и еще несколько романов.— *Прим. пер.*

** «Маунт» — по-английски «гора».— *Прим. пер.*

и резкой очерченностн подбородка. В уннверснтете он считался замечательным лектором, умевшнм покорять слушателей даже тогда, когда жаловался на мучнвшнй его ревматнзм. У него было неважное зренне — последствне одной нз первых геологнческнх экспеднцнй, предпрннятых еще в юностн, когда в глаз ему попал осколок камня. Как н его блнжайшнй друг Джон Генсло, Седжвнк имел духовное званне, сочетая профессорскую деятельность в Кембридже с обязанностямн днакона. Он нередко проводнл богослуження у себя в Денте в графстве Йоркшир н был человеком высокнх нравственных н религиозных убежденнй. Насколько было нзвестно Чарлзу, в своей жизни Седжвик не знал ни женщнн, нн женской любви. Свой взгляд на женнтьбу он тоже нзложил студентам:

— Женнтьба хороша для мужчины, когда он подходит к последней черте. Но до этого одна жена равнозначна многим невзгодам...

Невзнрая на столь желчную оценку, профессора считали весьма «перспективным женнхом, который каждый день буквально-таки нарасхват на званых обедах». Чарлз, к стыду своему, так нн разу н не удосужился побывать на его популярных у студентов лекцнях по геологнн: два с лншним года, до девятнадцати лет, занимаясь на медицинском факультете Эдннбургского университета, Дарвин исправно посещал лекцнн профессора геологнн Роберта Джеймсона. Онн наводилн на него такую скуку, что навсегда отбнли всякую охоту нметь дело с этнм предметом. Профессор Седжвнк был необыкновенно тщеславен, но не мелочен: он дал понять Чарлзу, что не в обнде на него за подобное невнимание к своей особе.

Свой геологнческнй молоток Адам Седжвнк велнчал «старым Тором» — в честь норднческого бога-громовержца. Он обращался с ннм со всей возможной нежностью, как с блнзкнм человеком. Генсло как-то заметнл Чарлзу по этому поводу:

— Еслн когда-ннбудь Седжвнк встретнт молодую даму, к которой он будет нспытывать такие же чувства, как к молотку, держу парн — он на ней женнтся.

— Да, но, чтобы конкурнровать с Альпамн, дама эта должна быть, по меньшей мере, на несколько голов выше всех другнх женщнн,— сострнл Чарлз...

Доктор Дарвин еще не вернулся с вызовов, сестры Чарлза былн заняты переодеваннем к обеду.

— Пока не все в сборе, у меня есть время похвастаться перед вамн нашнм садом,— обратнлся Чарлз к гостю, как только тот спустнлся в гостнную.— Это гордость здешннх мест.

— Цветы для англнчаннна,— высокопарно нзрек Седжвнк,— все равно что тюленнй жнр для эскнмоса. Их красота согревает нас всю зиму.

Они прошли мимо домика садовника и конюшни — туда, где начинался главный сад, заложенный доктором Дарвином и его покойной женой Сюзанной лет тридцать тому назад. Кругом виднелись цветочные бордюры, а по стенам вился издававший особый аромат позднего лета дикий виноград — цвета темной ржавчины, желтый и малиновый. Клумбы почти все были засажены исключительно одними анютиными глазками, но здесь же встречались островки с лобелиями, жабреем и гвоздикой разных оттенков. Дальше рос четырехфутовый дельфиниум, а за ним — высившиеся, подобно часовым, мальвы, достигавшие добрых пяти футов. Отдельную территорию занимали розы, вьющиеся по шестам, кусты и целые деревья.

— Похоже, что вы раздобыли превосходного садовника,— заметил Седжвик.

— Не мы. Джозеф сам нашел нас, когда отец был еще только занят постройкой Маунта. Теперь нашим огородом занимается его сын. На рынке мы покупаем совсем немного: приправы, мясо, молоко. Мать не позволяла отцу держать коров, потому что их мычание по ночам казалось ей слишком грустным и она не могла уснуть.

Огород был обнесен кирпичной стеной, вдоль которой шпалерами росли персики, сливы и груши. Профессор и Чарлз шли мимо грядок картофеля, моркови, бобов, репчатого лука и накрытой соломой клубники; сверху все это защищалось от птиц сеткой. Дальше располагались грядки с капустой — обычной, цветной и брюссельской (последнюю всегда собирали к рождеству, хотя, как и молодая картошка, она бывала съедобной уже весной, правда лишь на очень короткое время). Оба они с удовольствием осмотрели также грядки с мятой, ревенем и петрушкой.

— Фрукты мы запасаем на зиму, варим сливовое и разное другое варенье.

Глубокий вздох вырвался из могучей груди Седжвика.

— Да, наше холостяцкое житье в Кембридже, сдается мне, подходит разве что одним аскетам.

Чарлз повернул к дому.

— Сестры уже наверняка спустились. Еще минута — и желтый фаэтон отца покажется на повороте.

Когда они проходили через занимавшую оба крыла дома библиотеку, высокие потолки которой опирались на мраморные колонны, Седжвик ласково касался стоявших на полках в нише любимых книг, на корешках которых значились имена греческих и римских классиков. Остановившись у другой ниши, он увидел произведения Чосера, Мильтона, Поупа, Драйдена, Голдсмита, Вальтера Скотта, Шекспира.

— А здесь собраны современные авторы,— пояснил Чарлз, указывая на последнюю нишу перед входом в зимний сад, примыкавший к библиотеке.

Седжвик поставил обратно томик «Тайн Удольфо», пользовавшийся в те годы популярностью.

— Что, все эти романы можно... читать? — спросил он с видом крайнего недоумения на красивом загорелом лице.— Я так и не прочел ни одного.

— Всякое бывает: встречаются и хорошие, и плохие, и так себе. Заранее трудно определить. Когда кто-нибудь из семьи отправляется в Лондон, его всегда просят привезти книгу поинтересней. Случается, что «плохие» — как раз самые интересные. Нередко мы читаем вечерами вслух, по очереди. Сидеть при этом у камина, когда за окном холод, какой бывает у нас в Шропшире зимой,— что может быть чудесней! У Веджвудов, родственников матери, вслух вообще читают круглый год. Порой мы, правда, как у нас говорят, совершаем «объезды», то есть попросту пропускаем скучные места.

Они вошли в открытые двери оранжереи; воздух, душный и влажный, слегка отдавал запахом болота. Застекленная крыша свободно пропускала солнечный свет и тепло. Сестры Чарлза тем временем успели привести себя в наилучший вид: ради встречи со знаменитым профессором Адамом Седжвиком они завили волосы щипцами.

Мужчины прошли в дальний конец зимнего сада, где Каролина (ей шел уже тридцать второй год) хозяйничала за чайным столиком. По обеим его сторонам росли папоротники, каллы, розовая и красная герань, на деревянных полках стояли растения в горшках, а в небольших коробках — терракотовые горшочки с хризантемами, георгинами, белыми фиалками.

— Профессор Седжвик, разрешите представить вам моих сестер. Слева Каролина, посредине — Сюзан, а это — Кэтрин, самая младшая, в доме ее зовут просто Кэтти.

Седжвик поздоровался за руку с каждой, низко поклонился и произнес все принятые в подобных случаях любезности.

Сюзан, темпераментная, стройная, златокудрая красавица, единственная из всех считалась любимицей отца. В семьях Дарвинов и Веджвудов было принято, чтобы девушки выходили замуж годам к тридцати, мужчины же могли жениться гораздо позже. Что касается Сюзан, то все думали, что она нарушит эту традицию и найдет себе мужа к двадцати годам — половина всех молодых людей в Шропшире готова была предложить ей свою любовь. Между тем ей исполнилось уже двадцать восемь, но она по-прежнему продолжала поощрять всех своих

поклонников... в равной степени. Чарлз относился к ней с нежностью, что не помешало ему как-то заметить:

— Для Сюзан всякий, кто носит пиджак и брюки, при условии, что ему не меньше восьми и не больше восьмидесяти, ее законная добыча.

Улыбаясь Седжвику одной из своих самых обворожительных улыбок, Сюзан протянула ему бокал мадеры.

Двадцатилетняя Кэтти с усмешкой наблюдала за сестрой. По складу характера она больше всех остальных походила на Чарлза. Когда шурин профессора Генсло Леонард Дженинс был у них в Маунте, у него невольно вырвалось:

— Да это же Чарлз Дарвин в юбке!

Взгляд ее был дерзким, одевалась она неизменно в белые платья и белые чулки, носила длинную челку, разделенную пробором. Держалась Кэтти с достоинством и подкупающим спокойствием. Ее общество любили, она была способна на глубокую привязанность, но в сравнении с сестрами — Каролиной, с ее сильной волей и кипучей энергией, и Сюзан, с ее красотой и экспансивностью,— она явно терялась.

Каролина была такого же высокого роста, каким отличались все Веджвуды, но отнюдь не считалась у них красавицей, хотя глаза, цвет кожи и гладкие волосы ее были великолепны. Один кузен из Веджвудов однажды сделал ей комплимент:

— У вас вид настоящей графини.

Ее любили все, кроме Чарлза. После смерти матери, которая умерла, когда Чарлзу исполнилось восемь, Каролина заменила ее. Она держала его в необычайной строгости. Даже сейчас, в двадцать два года, Чарлз с тревогой думал, стоило ей только войти в комнату: «Господи, за что теперь она будет меня ругать».

Он признавал, однако, твердость, пускай и чрезмерную, ее характера. Каролина, к примеру, организовала воскресную школу для самых маленьких из числа детей неимущих во Фрэнклейне, самой бедной части графства, неподалеку от Маунта. Там их — бледных, болезненных, плохо одетых — учили таблице умножения и молитвам. С этими детьми Каролина проводила большую часть своего свободного времени, стараясь раздобыть для них средства не только на книги и пособия, но и на еду, лекарства и теплую одежду. Кроме семьи Дарвинов, ее усилий никто не поддерживал, но она не сдавалась.

Сюзан налила профессору Седжвику еще мадеры. Подняв бокал за здоровье молодых дам, он обернулся к Чарлзу:

— И за нашу успешную охоту за горными породами в предстоящие недели. А вы уверены, что не захотите остаться со мной на более длительный срок?

Чарлз смущенно улыбнулся:

— По правде говоря, я и так думаю, что сошел с ума. Отправляться в геологическую или вообще в какую-нибудь еще научную экспедицию сейчас, когда в Мэр-Холле началась охота!

Седжвик понимающе кивнул головой:

— Еще бы. В молодости я тоже увлекался охотой у себя в Денте. До того как стать геологом, я был заядлым охотником. Но как только я обосновался в Тринити-колледже, то сразу распрощался и с любимыми собаками, и с ружьем.

— Скажите, профессор,— обратилась к нему Сюзан,— что увлекательного находят в геологии люди, которые, подобно вам, отдают ей свои многочисленные таланты?

Адам Седжвик довольно долго молчал. Казалось, он изучает ее длинные золотистые кудри, сверкающие глаза оттенка морской воды и кожу лица, белую, как крем, и розовую, как внутренняя поверхность раковины,— цвет тончайших фарфоровых ваз, которые Сюзанна Веджвуд принесла доктору Роберту Дарвину в приданое. Когда профессор наконец заговорил, голос его звучал проникновенно и мелодично, но куда более захватывающим был сам ход его мыслей, последовательно вытекавших одна из другой. По вечерним беседам в доме Генсло Чарлз знал: профессор Седжвик использует все свои немалые ресурсы, стараясь произвести наиболее благоприятное впечатление.

— Мисс Сюзан, мой близкий друг поэт Вордсворт не жаловал людей науки, смотревших на природу другими, нежели он, глазами. Однако для меня он сделал исключение, написав любовное стихотворение, адресованное... геологии.

Адам Седжвик обожал цитировать и мог делать это на полдюжине языков. На сей раз он произнес по-английски:

О ты, кто отбивает молотком
Куски породы от скалы несчастной,
Которую сберечь природа тщилась...

Благоговейную тишину нарушила хлопнувшая входная дверь.

— Час прилива настал,— прокомментировала Каролина не без сарказма.

Чарлз тут же вышел в холл, чтобы поздороваться с отцом. Они не выказали при этом никакой особой сердечности, хотя полагали, что любят друг друга, да и на самом деле отец и сын испытывали друг к другу неподдельную симпатию, только не знали, как ее лучше выразить.

Доктор Роберт Дарвин, 30 мая отметивший свое шестидесятипятилетие, относился к Чарлзу с неизменной добротой,

хотя подчас, случалось, бывал с ним и резковат. Но после двенадцатичасового рабочего дня в Шрусбери, да еще проведенного в разъездах по ухабистым грязным проселочным дорогам графства, по которым ему приходилось добираться до своих пациентов, это было не слишком удивительно.

В сущности, Чарлз мог припомнить всего одну неприятную сцену с отцом, когда в шестнадцать лет его отчислили из школы в Шрусбери за год до окончания курса обучения: не отличник, но и не из самых последних в классе, он и в школе и дома считался безнадежным середняком со способностями самыми посредственными. Тогда его глубоко уязвили слова, сказанные отцом:

— Тебя не интересует ничего, кроме стрельбы, собак и охоты за тараканами, ты станешь позором не только для самого себя, но и для всей нашей семьи.

Чарлз считал такой упрек незаслуженным. Каждое утро в школе, во время богослужения, он повторял про себя заданные накануне сорок — пятьдесят строк из Вергилия или Гомера, усердно учил древние языки и никогда не пользовался никакими шпаргалками. Он упивался Горацием, чьи оды доставляли ему истинное наслаждение. А успеваемость? Он просто не был примерным учеником и не имел ни малейшего намерения им стать.

— Отец,— возразил он,— ты несправедлив ко мне.

Об этом разговоре больше ни разу не вспоминалось. Чарлз, объявил отец, должен будет присоединиться к своему брату Эразму, изучавшему медицину в Эдинбургском университете, с тем чтобы оба его сына смогли стать врачами, как стал врачом он сам, унаследовав эту профессию от своего отца, знаменитого в Англии доктора Эразма Дарвина.

— Из тебя должен выйти неплохой врач, Чарлз. Ведь главное в нашем деле — это уметь внушить к себе доверие. А ты доказал, что умеешь, когда хочешь, этого достичь. Особенно у женщин и детей — помнишь, прошлым летом ты отлично помогал мне в лечении бедняков у нас в Шрусбери.

Чарлз действительно составил тогда подробные истории болезней тех двенадцати пациентов, осмотр которых отец ему поручил. Он указал все до одного симптомы болезни, чем привел доктора Дарвина в изумление, читая ему на сон грядущий свои скрупулезные записи.

— К тому же,— заметил он,— ты прекрасно справляешься с приготовлением прописанных мною порошков.

Похвала отца окрыляла. Доктор Дарвин побуждал его заняться медициной: в сущности говоря, Чарлзу нечего было на это возразить. Возможно, отец прав:

Но вышло все по-иному. Той осеиью, в октябре 1825 года, после того как его зачислили в уииверситет и ои поселился вместе с братом Эразмом в студеическом общежитии иа Лотиаи-стрит, где жили около девятисот будущих медиков, Чарлз сразу же записался иа курсы по осиовам медициины, химии и аиатомии. С самого иачала, одиако, его природа решительио взбуитовалась.

Как-то ои побывал иа двух хирургических операциях в больиице, проводившихся без всякой аиестезии (в одиом случае пациентом оказался ребеиок), и оба раза, ие выдержав, сбегал, будучи ие в состояиии достоять до коица. Никакая сила иа свете ие могла бы заставить его вериуться в операциоииую.

Не лучше, кстати, обстояло дело и с теоретическими заиятиями. О кошмариых лекциях доктора Дуикаиа по осиовам медициины (о, эти холодиые зимиие утра, когда так ие хотелось вставать!) иельзя было даже вспомииать без содрогаиия, иастолько иеиавистиы оии ему были. Лекции же доктора Моиро по аиатомии иагоияли иа иего иевероятиую скуку.

— Впрочем, таков и сам профессор,— как-то раз поделился с Эразмом Чарлз.— Да и вообще-то говоря, этот предмет ие вызывает у меия иичего, кроме отвращеиия.

— Тогда стаиовись «слушающим врачом», как отец. Ои тоже, сдается мие, ие очеиь чтит аиатомию, вроде иас с тобой. Зато иикто лучше, чем ои, ие умеет «разговорить» пациеита, так что потом ему остается только сидеть и слушать, как тот выкладывает все свои беды. Жеищииы при этом плачут иавзрыд, едва иачиут вспомииать о своей горькой доле. Но оии приииимают безобидиые отцовские порошки, и им сразу стаиовится легче. Кроме тех, коиечио, кто все-таки умирает.

Чарлз пристальио смотрит иа брата. У иего, едииствеииого из Дарвииов, смуглая кожа. Строеиие лица правильиое, ио, как и у матери, подводит иос: переиосица вогиута, а иоздри чересчур властные. Редкие пряди волос иа макушке ои зачесывает слева иаправо, чтобы хоть как-иибудь прикрыть почти совершеиио облысевшую голову. Самое лучшее, что у иего есть, это безусловио рот: тоикие губы выдают в ием почти трепетиую чувствительиость. У брата круглый «шропширский» подбородок отца, заставляющий подозревать иаличие твердого характера. Это впечатлеиие, правда, полиостью разрушают глубоко посажеииые карие глаза, которые глядят ие иа окружающих, а обращеиы вовиутрь.

— Рас, сдается мне, что и ты ие слишком-то горишь желаиием быть врачом.

— Горю? Да о чем ты говоришь! Через год я собираюсь перевестись в колледж Христа, получить там диплом, а потом...

Так, задолго до окончания второго курса, Чарлз понял, что ни за что на свете не сможет стать практикующим врачом. Он признавал, что профессия эта гуманная, но просто не чувствовал себя способным ею заняться, хотя его дед и отец успешно делали это в общей сложности уже семьдесят лет.

Сестрам он писал о своей неприязни к медицине, но отцу — ни слова. Поэтому, сообщая ему о своем решении не возвращаться в Эдинбург после второго курса, Чарлз ожидал бури.

Дарвин-старший встретил сына в Маунте в конце весны 1827 года весьма холодно. После обеда они остались вдвоем в библиотеке.

— Так ты не желаешь больше учиться? Собственно, почему?

— Но я ведь и не давал тебе твердого обещания, отец. Медициной я стал заниматься только потому, что этого хотел ты.

— А я и сейчас продолжаю хотеть того же.— В голосе отца звучала глухая обида.— Разве тебе безразлично мое желание? Ты что, восстаешь против семейной традиции? (Он рассердился не на шутку.) Тогда расскажи, каковы твои планы. Сделай одолжение!

— Я хотел бы заниматься в колледже Христа в Кембридже. Там будет и Рас.

— Ты стараешься угнаться за ним или просто выбрал себе самый веселый колледж из всех, какие есть в Кембридже?

— Ни за кем я не гонюсь, отец. Мне уже больше восемнадцати, и я принимаю решения вполне самостоятельно. Я разговаривал с несколькими студентами оттуда, и мне понравилось, как там, по их словам, поставлено дело. Я хочу заниматься в этом колледже и получить диплом бакалавра.

— Да, но с какой целью, Чарлз?

Чарлз заерзал. Его светлое лицо покрылось красными пятнами. Доктор Дарвин пытался выяснить, какое лекарство лучше подойдет для лечения недугов его собственного сына-неуча.

— Чтобы стать священником,— наконец выговорил он.

— Англиканской церкви? Но мы никогда не были религиозной семьей. Среди Дарвинов и Веджвудов нет ни одного проповедника, если не считать, правда, Джона Аллена Веджвуда, который только что стал викарием у себя в Мэре. Ну что же, профессия, по крайней мере, весьма почетная.

Жена доктора Дарвина, урожденная Сюзанна Веджвуд, принадлежала к унитаристской церкви, отличавшейся от англиканской куда меньшим фанатизмом. Что касается отца, то он водил детей в церковь только на пасху и на рождество. В Маунте не принято было читать молитвы, разве что иной раз, когда к обеду приглашали кого-нибудь из лиц духовного звания.

Никто в доме не думал спорить о религиозных верованиях как таковых. Они были чем-то само собой разумеющимся. Религиозные страсти исключались так же, как и любое отступление от веры.

— Мне представляется, что я смогу соответствовать этому призванию,— продолжал Чарлз.— Людей я люблю. Всяких. Думаю, что со своей паствой я сумею найти общий язык. Может статься, что я даже буду чем-то полезен прихожанам. Впрочем, есть ведь и другие профессии, путь к которым открывает звание бакалавра: скажем, юриспруденция, дипломатическая и государственная служба, учительство.

— Нет, Чарлз, духовная карьера предпочтительнее.

Расправив плечи, сын стоял теперь во весь свой шестифутовый рост, но отец все-таки оставался выше на два дюйма.

— Что же, если ты предпочитаешь религию, пусть будет по-твоему. Я стану священником. Обещаю тебе это. А своих обещаний я не нарушаю, ты знаешь. Так что можешь на меня положиться.

Улыбка теплой волной растеклась по лицу доктора Дарвина. Он подошел к сыну и обнял его.

— Да, Чарлз, я знаю. Свое обещание ты выполнишь. Теперь, когда я уже немного примирился с тем, что ты не пойдешь по моим стопам, мне даже нравится, что у нас в семье будет свой собственный священнослужитель. Итак, считай, что мы договорились. Ты едешь в колледж Христа.

Эразм был несправедлив по отношению к отцу, называя его «слушающим» врачом. Правда, он обладал поразительным умением поставить правильный диагноз там, где другие оказывались бессильны распознать симптомы болезни. В его время врач мог высказывать то или иное предположение, основываясь лишь на собственном опыте и интуиции. Возможности заглянуть под кожу человека, проникнуть в его тело или голову у него не было. Доктор Дарвин, по своим внушительным размерам чуть ли не вдвое превосходивший большинство своих пациентов и втрое — пациенток, неизменно вызывал к себе их доверие. Да и как мог человек с такой фигурой, сам почти ни разу не болевший, не выведать у пациента его подноготной?

В семье доктора Дарвина звали не «слушающим», а «говорящим» врачом. Когда под вечер он приезжал домой, то, помывшись и переодевшись с дороги, он усаживался на стул с высокой спинкой и, предварительно убедившись, что все домашние и гости в сборе (а гостили здесь постоянно, чаще всего родственники), начинал свой двухчасовой монолог. Во время вызовов у него не было возможности обсуждать наболевшие вопросы, и ему прямо-таки позарез нужна была ауди-

тория, чтобы накоиец выговориться всласть о политике, о человеческой природе, о тоикостях ведения коммерческих дел, об очередной доморощеииой философской теории. Впрочем, эти два часа ие заполиялись бессвязиыми речами: восседая в своем элегаитиом желтом фаэтоие, доктор по пути домой тщательно продумывал плаи предстоящего выступлеиия. Все, что ои говорил, было исполиеио глубокого смысла и имело отиошеиие к раскрытию содержаиия того или иного из его тезисов.

Домашиие и гости со времеием привыкли к этому тяжкому испытаиию. Правда, любимая кузииа Чарлза Эмма Веджвуд как-то заметила с кислой миной иа лице:

— Как это утомительио — два часа кряду слушать доктора, когда зиаешь, что ужии давио на столе.

Зачастую слушатели иачииали ерзать иа стульях, ио перебивать оратора иикто из иих все же ие решался. Дети, во всяком случае, осозиавали, что их отцу просто иеобходима эта демоистрация своего искусства, чтобы иметь возможность как следует расслабиться, а затем, иасладившись ужииом, быстро заснуть. Весь деиь отец слушает своих пациеитов, а вечером сам стаиовится одиим из иих — этот каламбур помогал им переносить отцовские моиологи.

«Не столь уж дорогая цеиа, чтобы сделать отца счастливым,— рассуждал Чарлз.— В сущиости, он, должио быть, очеиь одинок».

Мать Чарлза умерла четыриадцать лет иазад. Насколько было известио, доктор Дарвии ии разу за все это время ие обратил вниманиия ии иа одиу жеищину. Очевидио, ои ие собирался жеииться виовь или просто позволить себе кем-либо увлечься. В этом отиошении ои был прямой противоположиостью своего отца, доктора Эразма Дарвииа, настоящего аиглийского Гаргаитюа. Спустя одиннадцать лет после смерти жеиы, матери доктора Роберта Дарвииа, дед, у которого за это время было иесколько романов, повел форменную осаду одной из самых обольстительных вдов в Дербишире — Элизабет Поул. Несмотря иа то что к ией сватались жеиихи куда моложе и симпатичиее, чем ои, вдова предпочла все же доктора Эразма Дарвииа. Элизабет родила ему семерых детей, и ои жил с ией в мире и согласии ровно двадцать один год, до самой смерти.

Случалось, Чарлз задумывался: а какой, иитересно, была бы их жизнь в Мауите, появись в доме мачеха. Каролииа коиечио же с радостью свалила бы со своих плеч груз домашиих забот, ио личио ему такая перспектива ие слишком улыбалась.

И вовсе ие потому, что в душе ои храиил вериость умершей матери. Ои попросту ие помиил ее — разве что какой-то смутиый образ угасавшей жеищиииы: чериый бархат халата, иеобычиого

вида рабочий столик рядом с кроватью и одиа или две короткие совместиые прогулки. Бедиость его воспомииаиий казалась иепостижимой, и это беспокоило его. Сыи должеи думать о матери, особеиио такой красивой и благородиой, как Сюзаииа Веджвуд. Хотя оиа и долго болела, ио ведь в далеком детстве оии должиы же были проводить вместе иемало времеии. Но и о той поре ои ровиым счетом иичего ие помиил, кроме одиажды произиесеииых ею слов:

— Если я прошу тебя сделать то или другое, помии: это для твоего же блага.

Когда оиа скоичалась, Чарлзу было восемь лет. Ои вспомииал лишь, как его позвали в ее комиату и иа пороге ои столкиулся с рыдавшим отцом. Казалось, гигаитская губка стерла все другие воспоминания, лишив его всякой памяти. Раздумывая сейчас иад этим страииым феиомеиом, ои решил, что виииоваты тут, по-видимому, сестры, которые иикогда ие говорили о матери и даже ие упомииали ее имеии, как, впрочем, и следовавший их примеру отец. Казалось, что жеищииы, бывшей ему жеиой двадцать одии год и родившей ему шестерых детей, вообще иикогда ие существовало.

Чувство утраты еще больше усиливалось оттого, что Чарлз иеобычайио отчетливо помиил похороиы драгуиа, увидеииые однажды по дороге в школу мистера Кэйса, куда ои стал ходить сразу же после смерти матери. До сих пор перед глазами его стояла лошадь с перекииутыми через седло башмаками ее хозяииа, а в ушах раздавались ружейиые залпы солдат иад могилой товарища.

Профессор Седжвик подиялся, дожидаясь, пока доктор Дарвии пройдет ораижереей, поздоровается с иим и опустится иа свой стул, выставив перед собой иоги. Из вежливости и уважеиия к профессору из Кембриджа ежедиевиая беседа была сведеиа всего к одиому часу.

Седжвику доктор Дарвии показался человеком-горой, ио отиюдь ие толстым. Свои триста сорок фуитов ои иосил с поразительиой легкостью. Дети иередко сожалели, что отцовский голос ие отличается той же мягкостью и иежиостью, что и походка. На его огромиой голове с покатым лбом и скошеииым затылком волос по бокам оставалось ровио столько, чтобы создать украшеиие для ушей. Когда-то поразительио тоикие брови отца были, по воспомииаииям Чарлза, иссиия-чериыми; теперь оии превратились в еле видиые изгибы иад иабухшими веками малеиьких широко расставлеииых глаз; иос, казалось, заиимал все лицо. Раиьше у отца и подбородок был таким массивиым, что иельзя было определить, где ои переходит в щеки; теперь, отвисиув, ои упирался в узел чистого белого

шарфа. Лицо дышало мощью. Нет, он не запугивал своих детей, не давил на них своими размерами. Просто, как заметила Кэтти:

— Отец занимает в комнате столько места, что стены начинают как бы заваливаться и рушиться прямо на тебя.

«Может, это и случилось с матерью после двадцати одного года замужества?» — думал Чарлз.

По рассказам, Сюзанна Веджвуд была тоненькой, хрупкой женщиной. Никто так и не узнал, отчего она умерла. Уложила ли ее в постель постепенно подтачивавшая силы болезнь, или просто в пятьдесят два года его мать слегла, решив удалиться от мирской суеты?

Сам Маунт своими размерами был под стать доктору Роберту Дарвину, что, впрочем, вполне соответствовало и его большим доходам, и вложенным в имение капиталам — своим собственным и жены. Его тесть, Джозайя Веджвуд-старший, возродил пришедший в упадок гончарный промысел, ранее поставлявший в основном примитивные чашки и молочные кувшины английским крестьянам, и превратил его в подлинное искусство, нашедшее признание во всем мире. Он оставил дочери Сюзанне двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, не считая ценных бумаг. Всю жизнь Джозайя дружил с другим гигантом, Эразмом Дарвином, и был в восторге от того, что сын доктора Дарвина стал мужем его дочери. Роберт Дарвин проявил незаурядные способности коммерсанта, вложив деньги жены в надежные десятипроцентные облигации. Он вел наиподробнейший учет истраченного до последнего пенса. К тому времени, когда Сюзанна умерла, ее доля составила целое состояние.

После рождения первого ребенка, Марианны, в начале 1800 года, они перебрались из одного пригорода Шрусбери, Кресента, в другой — Маунт, где девять лет спустя родился Чарлз. Занимаясь планировкой участка, доктор Роберт Дарвин стремился к тому, чтобы своими размерами он был под стать его собственной фигуре, напоминавшей шекспировского Фальстафа. И его габариты, и его имение сослужили ему хорошую службу: на пациентов подобное сочетание действовало прямо-таки целительно — немаловажное обстоятельство, ибо в ту пору врач мало что мог им предложить, кроме кровопускания и пилюль.

В противоположном конце зимнего сада показался Эдвард, их давнишний слуга, в стареньком черном фраке с длинными фалдами, с пристегнутой белой накрахмаленной манишкой и стоячим воротником, в жилетке поверх широкого черного галстука, в черных бриджах и белых чулках. Объявив, что ужин подан, он при этом почти незаметно подмигнул Чарлзу как своему старому другу.

Столовая высокнмн — до самого потолка — н шнрокнми — каждое из двенадцатн стекол — окнамн выходнла на дарвнновскнй лес, реку Северн н зеленые залнвные луга. Чарлз любил эту просторную (трндцать футов на восемнадцать) комнату с тех самых пор, как его и Кэтти, закончнвшнх пернод ученнчества в детской напротнв, началн допускать в общество взрослых за столом. В комнате всегда прнятно пахло воском, которым полировалн длнннный корнчиеватого оттенка стол красного дерева с ножкамн в внде когтистых лап.

Роберт Дарвнн восседал во главе стола в кресле необъятных размеров, затянутом в полотняный чехол. По правую руку от доктора Дарвина Каролнна усаднла профессора Седжвика, рядом с иим Сюзан, а иапротнв — Кэттн. Сама она н Чарлз устроилнсь на двух блнжайшнх свободных стульях в стнле чеппендейл со спннкамн, сделанными в внде лестннцы.

Был однн нз тех редкнх случаев, когда в доме, кроме профессора, больше гостей не было.

— Сегодня за столом свободио,— пробормотал Чарлз.

— Зато о комнате этого не скажешь,— заметила в ответ Каролниа.— Я счнтаю, что у иас слншком много мебелн. Поминшь, что говорнл доктор Джонсон: «Прнрода не терпит пустоты». Отец прндержнвается того же мнеиня.

Вдоль стен выстронлись продолговатые буфеты нз красного дерева с зеркальнымн задннми стенкамн. Повсюду наготове стоялн графнны с красным и белым внном. На открытых полках валлнйской работы былн выставлены образцы веджвудовского фарфора, в шкафах внднелись серебряные супнницы н подносы. На покрытом белой льняной скатертью столе на спецнальных подставках веерамн былн разложены салфетки.

Из окон спальин Чарлза, выходнвшнх на юг, вндеи был одии только газон перед домом (дорогу на Северный Уэльс скрывал крутой склон), поэтому место в столовой, в севериой частн дома, ему отвелн с такнм расчетом, чтобы со своего стула он мог любоваться нзвнлнстой речкой Севери, зелеными лугамн с коровамн херфордширской породы, которые отдыхалн в тени деревьев после целого дня, проведенного на пастбище.

За ужниом Адам Седжвнк не прочь был поговорнть:

— Однажды, когда я вел нзыскання в одной сельской местностн, меня прнгласнл к себе домой крестьяиин, который помогал мне в работе. На камнне у иего я заметнл несколько образцов породы.

— Зачем онн вам? — спрашнваю я у него.— Вы же наверняка знаете, что онн не представляют ровио никакой ценностн.

— Коиечио,— отвечает ои иа мой вопрос.— Как ие знать. А держу я их иа видиом месте для того, чтобы ясио было, чем собирается иагрузить свою бедиую лошадь кембриджский профессор.

— В том, что я избрал имеиио медициискую профессию, виноват мой отец,— заметил доктор Роберт Дарвии.— А кто иадоумил заняться геологией вас?

— Я сам. Вообще-то я хотел пойти по юридической части, ио иа руках у меия в ту пору были отец и два младших брата, которых я должеи был содержать, и я добился места преподавателя математики в Тринити-колледже. Математик из меия был никудышиый, а вот лентяй — отмеииый, как и мои студеиты, из которых иикто ие хотел заииматься. В коице коицов здоровье мое пошатиулось. Я поиял, что попросту ие создаи для сидячей работы, и стал искать себе другую, которая позволяла бы по иескольку месяцев в году проводить иа свежем воздухе. Так я стал каидидатом в преподаватели геологии. И эта иаука отплатила мие сторицей.

Глаза Седжвика сверкали.

— Вы представляете себе, каково это — иайти полиостью сохраиившуюся в известковых слаицах ископаемую рыбу палеотриссум микроцефалум?! Или иатолкиуться иа расположеииые друг иад другом отложеиия красиой известковой глииы и гипса, красиого песчаиика, тоикий слой известияка, а сиизу опять иа красиую известковую глииу, гипс, желтый магиевый известияк... Как очутился иа этом месте каждый из слоев? Каков их возраст? Какие химические комбииации применил господь бог, создавая все эти различные породы? Одним словом, человек, посвятивший себя геологии, пребывает все время в состояиии иеизмеииого восхищеиия и изумления. Я иазываю себя рыцарем... молотка!

Краешком глаза Чарлз видел, что Нэиси, его старая ияия, жившая в семье со дня рождения старших детей, иаблюдает из просториой буфетиой за тем, как две служаики в белых чепцах и иакрахмалеииых передииках выиосили от Эиии из кухни сперва широкие тарелки с грибиым супом иа сметаие, потом ароматиый гусииый пирог, за которым последовали деревяииые блюда, где отдельио были разложеиы овощи и три вида картошки — печеиая, вареиая и жареиая. Кроме этого подавались пикули, вареиые фрукты и острые закуски. Все это ие задерживалось иа столе: церемоииться за едой у Дарвииов было ие приията.

— Дарвии,— обериулся профессор к сидевшему рядом Чарлзу,— расскажите-ка иам, что интересиого по геологической части сумели вы иайти у себя в Шрусбери?

Чарлз указал иа раковину, лежавшую на буфете.

— Я работал иеподалеку отсюда в карьере, где добывают гравий. Эту раковииу моллюска тропических морей прииес мне местиый землекоп. По его словам, он иашел ее тут же в карьере, а ие где-нибудь еще. Сперва я предложил ему продать ее, ио ои иаотрез отказался. Это окончательно убедило меня в том, что ои говорит сущую правду. Так вот, уважаемый профессор, ие можете ли вы мие сказать, что делает этот спиралевидный послаиец из тропиков в иашем карьере?

— Скорей всего, кто-то просто оброиил его там, и только,— отвечал Седжвик иебрежио.

Чарлз был поражеи.

— Профессор, меия изумляет, что вас не приводит в восторг столь замечательиый факт, как иаходка раковииы тропических морей в центре Аиглии, да к тому же почти на поверхиости земли?

На темной коже профессорского лба резче обозиачились все морщииы.

— Если бы эта раковииа действительио иаходилась в здешием карьере с самого начала, то для геологии как иауки этот факт был бы величайшим... иесчастьем. Да, иесчастьем, ибо ои иачисто опроверг бы все иаши зиаиия относительио поверхиостиых отложеиий в графствах Средией Аиглии. Наука, мой дорогой Дарвии, состоит прежде всего из суммироваиия фактов. Только при этом условии оказывается возможиым сформулировать те или иииые выводы или, ииаче говоря, законы.

Чарлз весьма редко осмеливался возражать старшим, но иа этот раз ои был иесколько задет тем, что его осадили на глазах у всей семьи.

— Увереи, что вы правы, профессор. Но у меия перед глазами так и стоят полки иад очагом, которые я видел у нас в округе. Во миогих домах украшеиием для иих служат точно такие же раковииы. Нельзя же в самом деле предположить, что кто-то каждый раз роиял их у порога этих домов. Даже в том, почти иевероятиом, случае, если допустить, что раковииы эти доставлены в иаши края каким-то судиом, плававшим в тропических морях, держу пари, что здешиие крестьяие ие раскошелились бы и иа полпенса, чтобы их купить.

Седжвик вымучеиио улыбиулся.

— Не переживайте. Все, кто учится, совершают ошибки. Примером могу служить я сам. Зиаете ли вы, что меня всю жизиь изводили иасмешками из-за моего убеждеиия, что те перемеиы, которые мы иаблюдаем иа земиой поверхиости, способио было произвести всего одио большое иаводиение, или

Всемнрный потоп? В 1825 году я даже опублнковал статью, в которой нзо всех снл стремнлся доказать абсолютнейшую реальность подобной катастрофы в сравнительно недавнем прошлом естественной нсторнн Землн...

В ответ на замечание профессора отец Чарлза н сестры утверднтельно закивалн головамн. Онн не находнлн в таком взгляде на мнр ннчего предосуднтельного. Разве в Бнблин, в шестой главе книги Бытне, не говорнлось буквально: «И увндел господь... что велнко развращенне человеков на земле... И сказал господь: нстреблю с лица землн человеков, которых я сотворнл, от человека до скотов, н гадов н птнц небесных истреблю, нбо я раскаялся, что создал нх».

Однн только Чарлз ннкак не выражал своего согласия. От профессора Генсло ему стало известно о понстнне революционном выступленнн, совсем недавно предпрннятом Адамом Седжвнком перед своими коллегамн.

— В феврале этого года,— продолжал Седжвик,— когда я ушел с поста президента Геологнческого общества, то прнзнал свое прошлое заблужденне. Дело в том, что мон суждения основывались не на обнаруженных мною самнм свндетельствах нскопаемой органнческой жнзнн, а на совершенно некрнтнческой вере в незыблемость библейскнх догматов. Сейчас я прншел к прнзнанню того, что пронзошел вовсе не однн какойто потоп, а целая серия катастроф, нзменивших земную поверхность. Все это в конечном счете н определнло нынешнее расположение пород, так же как н нх хнмнческнй состав.

Сюзан, чей жнвой ум отлнчался куда большей остротой, чем она обычно демонстрнровала свонм поклонннкам, тут же спроснла:

— Да, но скажнте-ка нам, какая снла вызвала к жизни все эти катастрофы?

Публично прнзнав перед всем миром свое многолетнее заблужденне, Седжвнк, вндимо, полагал, что заслужнл теперь право надеть на себя власяннцу смирення.

— Сожалею, мнсс Сюзан, но я просто не знаю этого.

Тем временем на десерт подалн прнготовленное Энни печенье — «минутку» нз взбнтых слнвок, янц, розовой воды н сахарной пудры. Испеченные в духовке маленькне тонкне кружочки прямо-такн таялн во рту, н Адам Седжвнк даже не заметнл, как съел нх целую дюжнну.

— Дарвин, на блнжайшне трн неделн это будет для нас едннственная вкусная еда.

На следующее утро мужчнны поднялись с первым лучом солнца. Отец Чарлза совершал свой часовой моцнон по крутому леснстому склону холма — этот маршрут был нзвестен в

Шрусбери как «докторская тропа», тянувшаяся до самого Северна и еще на две мили вдоль его берегов. Нагруженная двуколка уже ждала профессора и Чарлза, готовая отправиться в путь. После возвращения доктора все трое плотно позавтракали: ведь до вечера никому из них не придется даже перекусить. Попрощавшись с сыном, отец добавил:

— Береги себя, Чарлз, заклинаю тебя. Ты сам говорил мне, какая у Седжвика репутация: с утра до ночи он взбирается на вершины, как горный козел. Не вздумай себя изматывать, чтобы не надорваться.

Чарлз не знал, что ему делать, удивляться или умиляться, настолько неожиданным было это проявление родительской заботы в устах отца. С детства он привык уходить один на целый день и бродить, где ему вздумается. Вслух он произнес:

— Не беспокойся, отец. Я лазаю по горам и собираю свои коллекции так же легко, как дышу.

...Возвращаясь домой, он уже в сумерках обогнул Шрусбери с юга, все еще разгоряченный после двадцатипятимильного перехода по плодородной зеленой равнине, и вошел в городок через восточные ворота, пройдя мимо школы, где он когда-то без особого рвения учился и жил. Величественное здание из серого камня было по-своему приятным: наверху красовалась высокая башенка с часами, а рядом, почти вровень с ней, возвышалась узкая часовня с витражами — такая красивая, когда светило солнце, и такая холодная, сырая и унылая в зимнюю пору. Ежедневные утренние и вечерние молитвы там не были ему в тягость: за это время он успевал выполнять домашние задания, по понедельникам заучивая Цицерона и Вергилия, по вторникам — Пиндара и Феокрита, по средам — Тацита и Демосфена.

Остановившись на минутку перед высокими двойными дверями, невольно внушавшими уважение, Чарлз снял рюкзак, опустил его на газон и предался воспоминаниям о давно прошедшей поре детства, которые неожиданно нахлынули на него, подобно дождю в горах Уэльса. Он снова увидел перед собой неумолимое расписание занятий на неделю, прибивавшееся гвоздями на доске в главном вестибюле: четверг — богослужение. Повторять Горация. Принести стихи по латыни. Гомер. Урок алгебры; пятница — богослужение. Повторять Гомера, Ювенала или Горация, Сатиры и Послания. Тацит. Плавт; суббота — богослужение. Повторять Ювенала или Горация. Урок евклидовой геометрии...

Вспоминая о семи проведенных здесь годах, Чарлз вздохнул: как мало способствовали они развитию его интеллекта. Ничего,

кроме жалких крох из древией географии и истории. Рассматривая сейчас декоративиую камеииую решетку иа крыше, ои мучительио пытался постигиуть, какая существует связь между зазубриваиием пятидесяти строк из Гомера или Вергилия во время утренней службы, с тем чтобы через час-другой исторгиуть их из себя одному из учителей, и образоваиием или даже просто воспитаиием хороших маиер и кругозора истиииого джеитльмеиа.

Но это еще ие все. Хотя за пребываиие в школе брали иедешево, кормили тут ииже всякой критики: иногда пища бывала иесъедобиой; умываться приходилось лишь холодной водой из таза; спали Чарлз и Эразм в дортуаре, где иа тридцать воспитаиииков приходилось всего одио окио. Всякий раз, когда ученики пытались буитовать против этих варварских условий, их попытки безжалостно подавлялись директором школы доктором Самюэлем Батлером. Как-то в декабре, когда Чарлз только иачал выздоравливать после тяжелой скарлатииы, Эразм вызвал иастоящую революцию, пожаловавшись отцу:

«Кровать Чарлза сырая, как иавоз. Чтобы согреться, ему иеобходимо второе одеяло».

Доктор Дарвии иаписал доктору Батлеру, прося выдать его сыиу второе одеяло, поскольку тот еще не поправился.

Доктор Батлер отрицал, что у Чарлза сырая постель, утверждая, что все постельиое белье прогревается над кухоииой плитой, а жалобы поступают от мальчиков после того, как они возвращаются из дому, где их «балуют», и вообще ои ие может выделять одиого учеиика из всех остальиых. Так что если доктор Дарвии, будучи уважаемым в округе врачом, все-таки убеждеи в иеобходимости второго одеяла для Чарлза, то ои, доктор Батлер, вынуждеи будет пойти иа дополиительиые расходы, с тем чтобы вторым одеялом был обеспечен каждый из воспитаииков.

Сиова иадев рюкзак, Чарлз по главному коридору, разделявшему школу иа две половииы, вышел к дортуарам, рядом с которыми располагался директорский дом. Оттуда по иескольким камеииым ступеиькам ои спустился иа спортивиую площадку и, пробежав ее иаискосок, вышел лугом к Севериу иеподалеку от Уэльского моста.

Если после уроков оставалось время, ои частеиько бегал этим маршрутом домой. Путь в один конец составлял всего милю, и, поскольку бегуи ои был отмеииый, ему требовалось ие больше десяти минут. Стоило иемиого подияться по холму — и вот ои уже в дальием коице дарвииовского сада, где длиииыми рядами тяиутся розы и азалии. Никогда ие любил ои

надолго расставаться с Маунтом: для этого он был чересчур домашним и слишком привязан к своим родным. Побыть с сестрами и отцом он мог только сорок минут, но как до́роги для него были их внимание и любовь!..

Он умудрялся еще поиграть со своими собаками, Ниной и Пинчером, которых обожал, и скормить лошадям несколько кусков сахара с ладони, прежде чем умчаться обратно — садом вниз по холму, по мосту, вдоль берега реки, через луг и спортплощадку, вверх по крутым ступенькам, перепрыгивая через одну.

— И как это ты не попадаешься? — спрашивала Чарлза младшая сестра Кэтти, похожая на него как две капли воды.

— Когда я добегаю до реки и боюсь, что уже поздно, то молю бога, чтоб он мне помог.

— Похоже, что бог не на стороне доктора Батлера, а на твоей.

— Должно быть.

Был поздний вечер, когда Чарлз вошел в парадную дверь Маунта. Сестры читали, собравшись все вместе в библиотеке. Вскочив, они по очереди расцеловали его в обе щеки. Каролина вызвалась наскоро приготовить ужин.

— Тебя ожидает какое-то объемистое письмо из Лондона. Оно прибыло в субботу, два дня назад. Сейчас я его принесу,— сказала Сюзан.

Тем временем вернулась Каролина с разогретой на пару́ жареной рыбой, вареным яйцом, хлебом с маслом и чаем.

Чарлз, прямо-таки умиравший от жажды, первым делом набросился на чай. Но едва он приступил к еде, как появилась Сюзан с письмом.

Почерк на конверте был ему не знаком. Орудуя пальцем, как ножом для разрезания бумаги, Чарлз вскрыл конверт. Внутри находились два письма: одно — от профессора Генсло из Кембриджа, другое — от Джорджа Пикока, члена ученого совета в Тринити-колледже и кандидата на звание профессора астрономии в Лаунде. В свое время Чарлз познакомился с ним на одной из пятниц у Генсло.

Он начал с письма Генсло. Руки его задрожали.

«Кембридж, 24 августа 1831 года.

Мой дорогой Дарвин!

Я полагаю, что скоро увижу Вас, так как убежден: Вы с радостью ухватитесь за предложение, которое скорей всего будет Вам сделано. Речь идет о том, чтобы отправиться на Огненную Землю и вернуться обратно через Вест-Индию. Пикок, который пошлет Вам это письмо из Лондона, обратился ко мне с прось-

бой порекомендовать ему кого-либо из знакомых натуралистов, который бы мог отправиться в плавание в качестве сопровождающего капитана Фицроя, посылаемого правительством с целью изучения юж. оконечности Америки. Я ответил, что считаю Вас наиболее подходящим человеком из всех, кто мог бы взяться за это дело. Я имею в виду не то, что Вы законченный естественник, а Вашу необыкновенную способность собирать коллекции, проводить наблюдения и отмечать все новое в естественной истории. Пикок берется устроить Ваше назначение... Капитан Ф. (как я понимаю) хочет, чтобы это был не столько натуралист, сколько компаньон: он дал понять, что не возьмет никого, кто не был бы рекомендован ему также как истинный джентльмен. Путешествие продлится два года, и если Вы возьмете с собой достаточно книг, то сможете изучить все, что душе угодно. Одним словом, я думаю, что лучшего шанса для человека, как Вы, исполненного духа отваги, просто невозможно себе представить. Не сомневайтесь, из-за природной скромности, в своих возможностях и не опасайтесь, что Ваша квалификация может оказаться недостаточной. Уверяю Вас, что Вы, помоему, тот самый человек, который им нужен. Представьте себе, что Вашего плеча коснулся сам судебный пристав и преданный друг

Дж. С. Генсло.

P. S. Отплытие эксп. намечено на 25 сентября (самое раннее), так что времени терять нельзя».

Когда Чарлз кончил читать письмо, он был бледен, глаза его затуманились. Сюзан сжала в ладонях длинное худое лицо брата.

— Чарлз, что там такое? Я еще ни разу не видела тебя таким взволнованным!

Голос его звучал, как из пустой бочки:

— ...Предложение... невозможно... как гром среди ясного неба... На, читай, сама увидишь. Это от Генсло. Держи. Я буду сейчас читать другое, от Пикока.

И он приступил ко второму письму.

«Мой дорогой сэр!

Вчера вечером я получил это письмо от профессора Генсло. Было, однако, чересчур поздно, чтобы тут же переправить его Вам почтой. Впрочем, не могу сказать, что сколько-нибудь жалею о подобной задержке, так как именно она-то и дала мне возможность повидаться с капитаном Бофортом из Адмиралтейства и изложить ему лично то самое предложение, которое я намерен теперь сделать Вам. Он полностью согласился с моим выбором, так что, считайте, отныне все зависит целиком от

Вашего собствеииого решеиия. Я верю, что Вы примете мое предложеиие как возможиость, которой иельзя ии при каких обстоятельствах преиебречь, и с огромиым нетерпеиием буду ждать Вашей коллекции по естествеииой истории, привезеииой из дальиего плаваиия.

Капитаи Фицрой, племяииик герцога Крафтоиа, рассчитывает отплыть в коице сеитября. Его задача прежде всего исследовать южиое побережье Огиеииой Земли, затем посетить острова южиых морей и возвратиться в Аиглию через Иидийский архипелаг. Экспедиция ставит перед собой исключительио иаучиые цели, так что ваше судио будет делать остановки достаточио длительные для того, чтобы Вы могли проводить Вашу работу по сбору естествеииоиаучиой коллекции самым иаилучшим образом.

Сам капитаи Фицрой — это образец офицера, усердио пекущегося об общем благе. У этого человека безупречиые маиеры, и остальиые офицеры прямо-таки обожают его. За свои собствеииые деиьги (а это 200 фуитов стерлиигов в год) ои берет с собой в плавание художиика. Тем самым Вы можете рассчитывать иа приятиого компаньоиа, который наверняка будет всей душой стремиться войти в Ваше положеиие.

Поскольку корабль отплывает в конце сеитября, Вам, поиятио, ие следует тяиуть с уведомлеиием о прииятом Вами решеиии, которое иадлежит иаправить капитаиу Бофорту и лордам Адмиралтейства.

Адмиралтейство ие склоиио платить Вам жаловаиье, хотя Ваше иазиачеиие и является вполие официальиым. Но Вам за их счет будет предоставлеио все иеобходимое для плаваиия. Если же, одиако, жалованье вам иеобходимо, я склоиен думать, что его Вам определят.

Искреиие Ваш, мой дорогой сэр,
Дж. Пикок».

Это было похоже иа удар молиии. Без всякого предупреждеиия ему — подумать только! — предлагают совершить кругосветиое путешествие... и в качестве не кого-иибудь, а иатуралиста! Невероятио! Вместо того чтобы иесколько лет сидеть сложа руки и ожидать места в приходе, ои сможет повидать своими глазами Южиую Америку, Аиды, которые столь захватывающе описал Гумбольдт, Тьерра-дель-Фуэго, этот подлиниый край света, Иидийский океаи... От изумления и восторга у иего кружилась голова.

Тем времеием сестры прочли оба письма. Широко открытыми глазами смотрели оии иа брата, и иа их лицах смеиялась целая гамма чувств — от удивлеиия до ужаса.

Чарлз взволнованно ходил взад-вперед по зимнему саду, по обыкновению выражая в движении свои эмоции. Каролина, на правах хозяйки дома, озабоченно изрекла:

— Ты не можешь принять этого предложения. Все-таки два года. Тьерра-дель-Фуэго! Плавать по опасным водам!

— Ну и что? — прервал ее Чарлз. Его лицо выражало скорее удивление, чем досаду.— Такое везение выпадает только раз в жизни. Когда еще я получу возможность совершить кругосветное путешествие?

Кэтти спросила:

— Но, Чарлз, разве у тебя достаточно знаний, чтобы справиться со столь ответственным поручением? Что ты до сих пор собирал? Каких-то там жуков?

— Генсло говорит, что достаточно. И Пикок с ним согласен.— Лицо Чарлза просветлело, и он со смехом заключил: — Пусть я и «незаконченный», но все же натуралист.

Устроившись поглубже в плетеном кресле, он вытянул длинные ноги. Когда он опять заговорил, голос его был совершенно спокоен.

— Давайте сперва договоримся: а что, собственно, понимать под словом «натуралист». Конечно, точно этого никто не знает. Скажем так: натуралист — это человек, наблюдающий, изучающий, коллекционирующий, описывающий и систематизирующий все живое — будь то растения или животные.

— Выходит, геолог, как твой профессор Седжвик, не натуралист? Ведь горные хребты — мертвые, не так ли?

— ...Да... они не то же самое, что деревья, рыбы, пресмыкающиеся или жуки. Но, с другой стороны, горные хребты меняются под влиянием естественных сил, например ветра, дождя, наводнения, извержения вулкана... В общем, я смогу лучше ответить на этот вопрос, когда вернусь из плавания.

Он встал, глаза его блестели, голос дрожал.

— Да я уже в девять лет, как только стал ходить в школу преподобного мистера Кэйса, ничего на свете так не любил, как естествознание. Помните, я сам придумывал имена для растений и собирал все, что попадалось под руку: ракушки, монеты, минералы...

— ...И еще каких-то скользких гадов, которых ты почему-то принес ко мне в комнату,— добавила Кэтти с язвительным смешком.

— Страсть к собирательству была сильнее меня. Наверняка она врожденная: ни у одной из вас, ни у Раса нет ничего подобного.

— Мы просто думали, что одного ненормального на семью больше чем достаточно,— парировала Сюзан.

— Безусловно! А два года в Эдинбурге? Признаю, в хирургии я там явно не преуспел и в теории тоже. Лучшие мои часы — те, что я провел вне стен университета. Впрочем, профессоров мало интересовало, чем я занимаюсь после лекций. Я познакомился со множеством людей — и молодых, и старых. Нас всех объединяли общие интересы. Музей естественной истории находился в западном секторе, всего в нескольких минутах ходьбы... Ах, что это был за музей! Основал его профессор Роберт Джеймсон. А какую коллекцию птиц он собрал, какую научную работу там проводили!

Нервы его были напряжены до предела и, протискиваясь во время хождения между белыми плетеными стульями, он движением пытался как-то унять неразбериху обуревавших его чувств.

Музей естественной истории в Эдинбурге! Во главе его стояли два молодых, но уже опытных натуралиста — в свои тридцать три доктор Роберт Эдмунд Грант считался непререкаемым авторитетом в сравнительной анатомии и зоологии; Вильям Макджилливрей был моложе на два года.

— Этот музей и был моим университетом,— с жаром продолжал Чарлз.— А его руководители уверовали и в мой неподдельный восторг, и в мою способность изучать то, что мне действительно нравится. Оба сделались моими друзьями и учителями. Они позволяли мне вместе с ними заниматься составлением каталога и анатомированием, и это стало моей школой. Доктор Грант часто брал меня с собой собирать живые организмы, которые оставались на берегу после прилива. Однажды на черных скалах Лейта мы нашли рыбу-пинегора.

— Как она очутилась на берегу? — спросил я его.

— Должно быть, на скалы она приплыла, чтобы метать икру, и осталась там, когда схлынула приливная волна.

— Наверно, это все-таки необычно? — сказал я.— Если пинегор всякий раз при выведении потомства встречает такие трудности, как же он не вымер?

Грант посмотрел на меня с явным одобрением.

— Давайте-ка вскроем рыбу и посмотрим. Но сначала занесите все ее размеры в нашу тетрадь.

Чарлз также записал тогда, что у пинегора чрезвычайно маленькие глаза. Грант вскрыл рыбу ножом, и они обнаружили, что в ее яичнике находилось большое скопление икринок розового цвета. Чарлз записал, что «икра выглядит нормальной и в ней не заметно глистов».

С Макджилливреем они совершали длительные прогулки и частенько заглядывали на рыбачьи шхуны в Ньюхейвене.

Иногда рыбаки даже разрешали Чарлзу вместе с ними выходить на ловлю устриц. Чего только не попадалось в сеть! И все это он собирал и отмечал в своей записной книжке.

Почти ежедневно находил он что-нибудь ненужное рыбакам: маленького зеленого эолида, моллюска с продолговатым скользким тельцем; Purpuralapillus, вид морской улитки,— Дарвин зарисовывал их, чтобы показать, как они выглядят, когда их извлекают из раковины.

Его приглашали на заседания Верneровского естественнонаучного общества, где ему довелось слышать доклады Джона Джеймса Одюбона о своих открытиях в мире птиц. Он познакомился со студентами и преподавателями из Плиниевского общества, которые собирались вечером по вторникам и заслушивали сообщения о новых открытиях в сфере естественных наук. Он сам дважды выступал перед аудиторией в двадцать пять человек: первый раз с изложением своего открытия способности к независимым движениям у яичек или личинок мшанки Flustra, морского беспозвоночного, с виду напоминавшего мох; а второй — чтобы доказать, что маленькие шарообразные тела, которые, как тогда полагали, являются ранней стадией Fucus loreus, коричневой морской водоросли, на самом деле были оболочками яиц червеобразной пиявки Pontobdella muricata.

Естествоиспытатели были о нем столь высокого мнения, что его даже избрали членом правления. На второй год, когда Эразм перебрался в Кембридж, Чарлз по-прежнему оставался жить в их комнатах на Лотиан-стрит, меньше чем в двухстах метрах от университета, и завел себе новых друзей среди ботаников и биологов. Он учился набивать чучела, беря платные уроки, и в то же время занимался копированием сотен видов птиц из «Орнитологии» Бриссона.

— Потом Кембридж, профессор Генсло и, по крайней мере, сотня вылазок в окрестные болота, где мы с упоением собирали наши коллекции.— Голос его звучал так серьезно, что казался суровым.— Боюсь, что так и не смог убедить вас, а ведь мне предстоит убедить отца...

В этот момент хлопнула входная дверь. Каролина вскочила с места:

— Пойду посмотрю, какое у отца настроение. Если он устал — а это с ним теперь случается довольно часто,— лучше отложить и письма и твое красноречие до утра. Когда он вернется с прогулки, то будет больше расположен выслушать то, что, признайся, должно его поразить, мой дорогой Чарлз.

Доктор Дарвин отправился спать сразу же после десерта. Чарлз сидел у себя в комнате, пытаясь заняться чтением.

Но строчки расплывались у иего перед глазами. Он пошел иа коиюшию, позвал собак н отправился иа прогулку по темиой и пустыииой в этот час Северо-Уэльской дороге. Только после часа ходьбы ои почувствовал усталость: еще бы, ведь за день он проделал немалый путь. Домой он вериулся без сил. Но засиуть все равио ие мог. Ои ворочался с боку иа бок до тех пор, пока легкое летиее одеяло ие перекрутилось жгутом, и, встав, ополоснул лицо холодиой водой. Перед его покрасиевшими от бессоииицы глазами проходила череда тропических и экзотических земель: иекоторые из иих ои увидел иа картинках детской кииги «Чудеса света», о других узиал из кииг о путешествиях, которые ои прочитал,— Гумбольдта, капитаиа Кука, адмирала Бичи («Описаиие путешествия по Тихому океаиу и Бериигову проливу») и Уильяма Дж. Бэрчелла («Путешествие по внутрениим райоиам Южиой Америки»).

Открывшаяся перед иим возможиость ошеломила его. Правда, иатуралисты и раиьше участвовали в морских экспедициях, хотя коллекциями заиимались чаще всего судовые хирурги. Но чтобы столь престижиое место иа целых два года плавания предложили ему, иикому ие нзвестиому молодому человеку, выпускиику уииверситета, казалось иевероятиым. И только когда уже должеи был вот-вот забрезжнть рассвет, вкоиец измотаииому Чарлзу представнлся весь ужас двухлетией разлукн с домом, семьей, друзьями, прелестиой Фэиии Оуэи, со всем, что ои так любил. Прощайте удобства, иалажеииый быт, развлечення!

Одевшись, он отправнлся вместе с отцом иа прогулку по «докторской тропе» — через лес за домом, вдоль реки до самого конца имеиия и обратио. Оии шли быстрым шагом. К их приходу завтрак уже был на столе.

Чарлз терпеливо выжидал подходящего момеита, ел мало, между тем как отец расправлялся с подогретой иа пару́ треской, четырьмя крутыми яйцами, разрезая их иожом, телячьими почками, бекоиом иа треугольных ломтиках тостов и кофе с горячим молоком, который налнвал ему в огромиую чашку Эдвард, одетый в утреиний ливрейиый фрак.

И только когда Дарвии-старший сделал паузу за второй чашкой кофе, сыи решил, что долгожданый момеит иаступил.

— Отец,— начал ои,— я получил одио необычиое предложеиие.

— Да? Какое имеиио?

— Отправиться иа два года вокруг света судовым иатуралистом.

— Натуралистом? Когда это ты успел им заделаться?

Деликатиого Чарлза бросило в краску.

— Не формальио, коиечио. Но иекоторый опыт у меия есть и способиость учиться тоже.

— А от кого исходит это предложеиие?

— От иашего королевского воеиио-морского флота.

Поражеииый, доктор Роберт Дарвии уставился иа сыиа.

— Что? Тебе предложили офицерский чин?!

— ...Нет, плавать я буду в качестве граждаиского лица, ио моя работа — это часть топографических изыскаиий флота.

Доктор Дарвии выпучил глаза от удивлеиия.

— Давай иачием сиачала, Чарлз. Когда ты получил это диковинное предложеиие?

— Вчера вечером. Когда вериулся из Севериого Уэльса.

— Почему же ты вчера иичего мие ие сказал?

— Ты был огорчеи из-за смерти своего больиого... Хотя ои и умер от старости.

Ои вынул из карманиа пиджака оба письма и протяиул их отцу иаискосок через стол.

— Сперва лучше прочесть письмо профессора Геисло. А второе — от Джорджа Пикока из Трииити-колледжа. Он друг капитаиа Бофорта из Гидрографического управлеиия Адмиралтейства.

Доктор Дарвии читал письма иескончаемо долго. Чарлз пал духом, не увидев на лице отца иичего даже отдалеиио иапомииавшего удовлетвореиие, иесмотря иа похвалы в адрес его младшего сыиа. Когда ои закончил письмо Геисло, иа лбу у иего только глубже обозначились морщииы. Молча, ие подиимая глаз, ои иачал читать листки письма Джорджа Пикока. Чарлз заметил, как бело-розовое лицо отца вспыхнуло и покрасиело. Коичив чтеиие, ои швыриул письма обратио.

— Дурацкая затея! — заявил ои без обиияков.

— Дурацкая?! Это же официальная экспедиция королевского флота.

— Все это ие может впоследствии ие повредить твоей репутации свящеииика.

— Повред...— Голос Чарлза осекся.

Ои встал, в возбуждении отошел к стрельчатому окну, потом вериулся обратио к столу.

— А как же профессор Геисло? Неужели ты думаешь, ои рекомеидовал бы мие участие в экспедиции, если бы полагал, что это может бросить тень на мою репутацию из-за того, что я попаду в компаиию иедостойиых людей?!

— Да, ио спешка! Не кажется ли тебе,— возразил отец,— что оиа вызваиа тем, что твое место уже предлагалось другим

и эти другие отказались? Вероятно, у них были для отказа веские соображения, вызывавшиеся самим судном или составом экспедиции.

— Я не могу тебе на это ровным счетом ничего ответить. Я просто не знаю, но твое замечание вовсе не кажется мне таким уж логичным.

— Ну а удобства? Никаких — и два года плавания! Об этом ты подумал?

Чарлз протестующе махнул рукой.

Доктор Дарвин взглянул сыну в глаза.

— Принятие данного предложения означало бы с твоей стороны, что ты вновь намерен менять будущую профессию. После экспедиции ты уже не сможешь заняться ничем серьезным.

Чарлз начал усиленно тереть глаза, как будто это могло помочь ему узреть истину.

— Нет, я намерен стать священником, других планов у меня нет. Но ты же сам говорил, что раньше чем через два года прихода мне не получить. Разве не ты разрешил мне будущим летом отправиться на Тенерифе? С твоего благословения я и получал рекомендацию к владельцу торгового судна в Лондоне и договаривался об отплытии на июнь.

Кровь разом отхлынула от лица Дарвина-старшего. Оно сделалось совсем белым, глаза ввалились. Сгорбившись сидел он в своем большом кресле.

— И все-таки я говорю: для тебя эта затея не имеет никакого смысла.

Чувствуя, что от горя он словно стал вдвое меньше ростом, Чарлз глухо произнес:

— Отец, если ты против, я не поеду. Ехать без твоего согласия я не могу: мне недостанет сил, которые необходимы для такого плавания.

— Я не отказываю тебе окончательно. Я лишь советую тебе не спешить.

— Но если я не последую твоему совету, то не буду знать покоя. Ты был всегда так добр ко мне, так великодушен, что я не стану идти против твоих желаний.

Доктор Дарвин тяжело поднялся. Спор явно утомил его.

— Пойми меня, Чарлз,— проговорил он.— Я не намерен становиться поперек твоего пути. Если ты найдешь хоть одного здравомыслящего человека, который посоветовал бы тебе ехать, я соглашусь.

Глубоко разочарованный, Чарлз произнес срывающимся голосом:

— Я напишу профессору Геисло н Джорджу Пнкоку сегодия же утром н откажусь.

Он поднялся к себе в спальню н, стоя за конторкой, прннялся за пнсьмо Геисло, в котором перечислял все возражеиия отца: «Что касается меня, то я конечно же с радостью ухватнлся за эту возможность, которую Вы столь мнлостиво мне предложнлн. Но отец хотя категорическн и ие возражает, настроеи все-таки протнв поездкн, так что ослушаться его я ие осмеливаюсь. Еслн бы не это, я не посмотрел бы ии на что».

Положнв перед собой поперек седла хорошо смазаиные н прочнщеиные охотннчьн ружья, Чарлз троиул с места Доббнна, своего любнмого жеребца серой мастн. Ои ехал в Мэр-Холл через Англнйскнй мост, мнмо Форгейтского аббатства и ожнвленного в это время года рынка, где продавали скот. Дорога была обсажеиа вишиями и вязами, изредка по сторонам ее виднелись фермы. То была плодородная ннва страиы, простиравшаяся до Ньюкасла. Здесь иа лугах, разгороженных деревяиными изгородями, мирио паслись коровы фризской породы. Округлые холмы иа горизоите порослн сосиой и дроком.

Двадцать миль до Веджвудов, которые ему предстояло преодолеть, Чарлз знал досконально: ои иачал ездить по этой дороге еще иа руках кормнлнцы. Брат матери, Джозайя Веджвуд (Чарлз звал его просто «дядя Джоз»), до последннх ее дней оставался самым блнзким для Сюзаины человеком. Да н с доктором Робертом Дарвином их связывалн узы давней дружбы. Мэр-Холл всегда был для Чарлза вторым и любимым домом. Дядя Джоз, сын Джозайн Веджвуда-старшего, после смертн своего отца вел все дела на веджвудовском фаянсовом заводе. Высокий, худощавый, краснвый и элегаитный, он был на редкость молчалив. Семья благоговела перед иим. Но только ие Чарлз.

Собствеиные детн Джозайн, многочисленные племяннн-кн н племяиинцы неизменио поражались, когда виделн его непринужденно болтающим со своим племянннком из Маунта, словно между ннмн не существовало сорокалетней разницы в возрасте. Более того, беседы этн явно доставлялн нм обоим удовольствне.

Имению о дяде Джозе думал теперь Чарлз как о своем последнем, хотя и весьма маловероятном шансе найтн того самого «здравомыслящего человека», который посоветовал бы ему ехать. Но зачем, спрашивается, иадо Джозайе ндти на открытое столкиовеине с доктором Дарвином? Еще нх отцы былн иеразлучны друг с другом, а нх собственные друже-

ские связи в свое время привели к встрече Роберта с Сюзанной Веджвуд. Да и с какой стати возьмет Джозайя на себя ответственность за Чарлза, которого в случае его поддержки ожидало бы столь длительное и полное опасностей путешествие? Вдруг судно пойдет ко дну или разобьется о прибрежные скалы?

«Нет,— думал Чарлз, в то время как Доббин легко нес его через тополиную рощу, потом мимо стада коров, мимо нескольких крестьян, копавших на поле позднюю картошку.— Ожидать такого не приходится ни от кого».

Хотя местность, по которой он ехал, дышала спокойствием и бесконечные оттенки зеленого цвета, делавшегося все более глубоким по мере перехода от лугов к лесу, радовали глаз, на душе у Чарлза было тревожно: страх на несколько лет покинуть давно известное и привычное наталкивался на страх потерять открывавшуюся перед ним сказочную возможность; страх погубить свое будущее мешался со страхом лишиться какого бы то ни было будущего вообще. Но все это отступало перед опасением, что Джозайя может встретить его просьбу обычным своим молчанием.

Спешившись у таверны «Сквирелл», Чарлз дал Доббину напиться, а сам затушил пожар тревоги кружкой холодного эля.

«Дядя Джоз — человек прямой, судит обо всем здраво,— успокоил он себя.— Никакая сила в мире не заставит его хоть на йоту отступить от того курса, который он считает верным. Что ж, я приму любое его решение без сожаления или мучительного чувства навсегда утерянной возможности».

Прямая дорога, ведущая на Дрейтонский рынок вдоль похожей на канал реки со множеством прогулочных лодок, привела его в Стаффордшир. По мере того как он поднимался в гору, лес делался все гуще. Спустившись затем в уютную долину, где слева от него расстилались свежевспаханные поля, Чарлз очутился в Мэр-Холле с его тщательно подстриженными газонами и высокими кустами рододендрона, усыпанного сдвоенными розовыми цветками. Аллею, ведущую к дому, окаймляли изящные ветвистые каштаны, липы, вязы, дубы, медные буки. Для разбивки парка Веджвуды приглашали одного из самых известных садовых архитекторов Англии, Брауна, по прозвищу «Все могу».

Вскоре глазам Чарлза открылся вид на озеро, питавшееся подземными родниками; заканчивалось оно, по словам детей Веджвудов, «рыбьим хвостом» — далеко за волнистыми газонами, цветочными клумбами и балюстрадой с большими шарами, покоившимися на каменных колоннах. На озере

плавали дикие утки, утки-нырки и большие хохлатые чомги. На возвышавшемся противоположном холмистом берегу росли вперемежку зеленые буки, кошенильные дубы и каштаны, мирно пасся скот.

Оставив лошадь на попечение конюха, Чарлз вынул из седельных сумок дорожный саквояж, охотничьи сапоги и ружья и зашагал к парадному портику Мэр-Холла. Господский дом стоял в этих местах с 1282 года. Джозайя Веджвуд купил его в 1805 году и полностью перестроил. Сейчас это был благородный, но простой по архитектуре трехэтажный особняк с выкрашенными свинцовыми белилами оконными рамами, сводчатыми двойными дверями и полукруглыми ступенями, спускавшимися к озеру. Из обитой деревянными панелями гостиной доносились звуки игры на рояле, за которым сидела Эмма Веджвуд. Ей подпевала сестра Фэнни, которая была на два года старше. Характер у обеих был настолько покладистым, что в семье их окрестили «голу́бками».

С детства места эти были для Чарлза полны очарования. «Маунт гнездится на камнях, Мэр-Холл лежит в цветущей долине. Маунт прочно врос в землю. Мэр-Холл плывет. Маунт зажат в тиски узкой дорогой, рекой и массивными деревьями. Мэр-Холл открыт небесам, нежным волнистым холмам, кристально чистому озеру. Маунт — добротное жилище врача. Мэр — беззаботная мечта. Маунт — долг, Мэр — радость. Маунт — замкнутый, Мэр — открытый. Маунт — это реальность. Мэр — произведение искусства. Маунт — родственные узы, Мэр — любовь. Маунт — буржуазен, Мэр — богемен. Маунт требует, Мэр — дает. Маунт заложен, Мэр — независим. Маунт — комфорт, Мэр — счастье. Маунт — заточение, Мэр — освобождение».

Отворив парадную дверь, Чарлз вошел в прихожую и, оставив там всю свою поклажу, завернул налево в гостиную. Здесь он увидел обеих своих кузин, до такой степени увлеченных игрой на фортепьяно, что они даже не заметили его появления. Одна из них, Фэнни, была невысокого роста и некрасива. Дарвину бросились в глаза пятна румянца на ее скулах, но все равно лицо девушки оставалось бледным, как у французской куклы. Мать прозвала ее «мисс Генеалогия» — за склонность к дотошному ведению любых записей, будь то составление счетов, регистрация показаний термометра, перепись садового инвентаря, мешков с семенами и кормом или скота на ферме. Она не успокаивалась до тех пор, пока не добивалась точного ответа на вопрос «сколько чего». Ее братья шутили: «Фэнни создана для счета, но ее собственная фигура — не в счет».

«А вот Эмма совсем другая»,— подумалось Чарлзу.

Самая любимая им из веджвудовских кузин — Эмма была всего на несколько месяцев его старше. Ее большие блестящие карие глаза подмечали все, но никогда не выражали отношения к увиденному. Волосы она носила на прямой пробор, с короткими локонами по бокам. У нее был точеный носик, но привлекательность лицу придавал все же рот — большой, яркий, с полной нижней губой. Твердый подбородок не добавлял ее внешности ни чрезмерной самоуверенности, ни агрессивности. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову назвать ее красивой, но все сходились во мнении, что у нее открытое, дружелюбное и, по правде говоря, считал Чарлз, очень милое лицо.

Даже подростками они не знали тайн друг от друга, без стеснения обсуждая любой вопрос, каким бы спорным или щекотливым он ни был, в твердой уверенности, что любая тайна останется между ними. И так уж повелось, стоило угрозе родительского наказания нависнуть над одним из них, как другой или другая тотчас приходили на выручку. Эмма и Фэнни месяцами гостили в Маунте. В Мэре иногда Эмма с Чарлзом отправлялись на охоту, катались на лодке или удили рыбу на озере; в Маунте она была его компаньоном во время плавания по реке Северн или в длительных прогулках по дальним холмам. Им нравилось бывать вместе, и они заботились друг о друге.

В особенности любил он ее голос: неизменно спокойный, без всякого надрыва или озабоченности. Чарлзу нравилась и Эммина фигура: чистая розоватая кожа полных округлых плеч, высокая красивая грудь, живот, правда, не был столь уж плоским, но бедра — изящные, ноги — стройные, а стопы достаточно большие, чтобы твердо ступать по земле. У Эммы была привычка вешать свои платья не в шкаф, а в изголовье кровати, класть на стулья или даже на пол. За эту привычку она заработала от матери прозвище «маленькой мисс Неряхи».

Закончив сонату, Эмма почувствовала, что в комнате кто-то есть, обернулась к двери и, подбежав к Чарлзу, звонко поцеловала его в щеку. Они не виделись несколько месяцев. Не снимая рук с его плеч, Эмма отступила на шаг и тотчас заметила необычную напряженность и скованность Чарлза.

— Случилось что-то очень важное, да?

— Чуть было не случилось, но, к несчастью, сорвалось. Отец дома? Лучше я расскажу вам обоим сразу.

— Он в библиотеке. Иди туда, а я распоряжусь насчет чая.

Чарлз прошел через гостнную в бнблнотеку Джозайн Веджвуда, отделанную дубовыми панелямн. Джозайя сндел на обнтом кожей стуле, поодаль от большого камнна, у одного нз двух высокнх окон и читал «Оды» Пнидара. Ои получнл образованне в Эднибургском универсптете, любнл лнтературу н нзящные нскусства н на всю жнзнь сохраннл ннтерес к научиым нзобретеиням и механике. Хотя иесколько дией в иеделю он ездил по делам иа свой фаянсовый завод в Этрурнн, его куда больше ннтересовали раскраска керамикн н эстетические качества нзделий. Осиованный его отцом завод процветал все годы, кроме времени иаполеоновских войн, когда спрос иа веджвудовскую посуду упал столь резко н в самой Англнн н в Европе, что Джозайя был выиужден из-за дороговизны содержання нмення на несколько лет уехать из Мэр-Холла и снова вериуться в старый и более скромный особняк в Этрурнн.

Джозайя Веджвуд был многосторонннм человеком. Обожая охоту, он вместе с тем являлся основателем Королевского общества цветоводов, сад которого находнлся возле Кью. Он состоял члеиом Общества по поощреиию сельского хозяйства, мануфактур н коммерцнн Баса н Западиой Аиглни. В политике Джозайя был воннствующнм лнбералом, пнсал памфлеты в поддержку Билля о реформе *, прнзваиного расширить право голоса в Англии, н стоял у нстоков двнжеиия за отмену рабства, после того как в 1807 году была прекращена работорговля. Нынешней весной он потерпел пораженне иа выборах в парламент от Ньюкасла; однако, инчуть не обескураженный, ои намеревался выставнть свою каидидатуру от Сток-он-Трента, чтобы пройтн в первый «реформнрованный» парламент, которому предстояло собраться в 1832 году. Мэр-Холл нздавна служнл местом встречи для лнберальиой ннтеллнгенцнн графства Стаффордшир.

Юиая Эмма Колдуэлл, дочь соседей Веджвудов, как-то восклнкнула:

— Ннкогда не вндела, чтобы в семье так легко дышалось. У каждого здесь полная свобода говорнть все, что он думает. Будь то политнка нли любой другой прннцнпнальиый вопрос, ннкто не обндится, еслн вы открыто выскажете свон взгляды,— так все н поступают...

Подлнниной любовью Джозайн былн кннги. Кннг было столько, что на полках прнходнлось размещать нх в два ряда. У лю-

---

* Билль о реформе парламентского представнтельства — первая парламентская реформа 1832 года, предоставившая право голоса средней и мелкой буржуазии, давшая его также ряду новых промышленных центров и уничтожившая часть так называемых гннлых местечек.— *Прим. пер.*

бого менее организованного человека это привело бы к хаосу и неразберихе, но дядя Джоз завел собственную систему карточек с индексами и благодаря ей безошибочно мог сказать, за каким из томов Платона стоит «Айвенго» сэра Вальтера Скотта.

Чарлз и Джозайя тепло приветствовали друг друга, заранее предвкушая удовольствие от предстоящей с утра охоты. Одной из связывавших их уз — разве не известно, что мальчики лучше ладят с дядями, чем с отцами? — было давнее пристрастие Джозайи, как и его отца, к естественной истории: он собирал коллекции по ботанике, энтомологии и орнитологии, так что отец, хотя у него и было еще двое сыновей, записал в завещании: «Все свои книги, гравюры, альбомы, картины и ящики с результатами экспериментов, ископаемыми, естественноисторическими коллекциями я завещаю означенному сыну Джозайе Веджвуду».

Между тем в холле зазвонил колокольчик, созывавший всех к чаю. В библиотеке один за другим начали собираться отпрыски Веджвудов. Первой появилась Элизабет, самая старшая: ей было тридцать восемь — на пятнадцать лет больше, чем Эмме, самой младшей из девяти детей. Элизабет родилась с искривлением позвоночника, причинявшим ей постоянные страдания: считалось, что бороться с недугом можно только с помощью крапивы, которой секли спину. Она никогда не подавала виду, что страдает сама, и довольно успешно лечила детей бедняков со всей округи, прописывая им слабительное, пуская кровь или ставя мушку. Элизабет организовала в Мэр-Холле школу для детей из бедных семей и каждое утро занималась с ними по два часа. Она разбила в Мэре цветочные клумбы, сама возилась в земле, высаживая клубни, выпалывая сорняки и подбирая огромные букеты для дома.

Чарлз восхищался Элизабет, но никогда не чувствовал к ней особой близости, как и к тридцатишестилетнему Джо, Джозайе-младшему, весьма гордившемуся престижным положением будущего владельца веджвудовского фаянсового завода. Все знали, что Джо и Каролина Дарвин любят друг друга и должны пожениться. Более близок Чарлз был с тридцатичетырехлетней Шарлоттой, которая в своей мастерской в задней части дома брала уроки живописи у Копли Филдинга и писала акварелью. Ее любили и дарвиновские сестры.

В семье Веджвудов было еще три брата: Гарри, адвокат и выпускник Кембриджа, женатый на своей кузине Джесси Веджвуд, он увлекался сочинением стихов; Франк, тридца-

ти одиого года от роду, заиятый, как и его старший брат, иа фаянсовом заводе; предполагал жеииться в будущем году. Спустился к чаю из своей спальни и младший, двадцативосьмилетиий Генслей. Ои получил звание магистра искусств в колледже Христа в том году, когда туда поступил Чарлз, и сейчас ожидал назиачеиия иа должиость председателя суда при полиции. Ои собирался также писать книги по лиигвистике и был помолвлен со своей кузииой Фэиии Макиитош.

В Мэр-Холле иаходился и второй гость — сорокадвухлетиий доктор Геири Холлаид, иевысокий худощавый человек, который виушал Чарлзу восхищение и зависть. Ои был ие только хорошо известеи как автор путевых заметок — его перу приiадлежало иесколько глав «Путешествия по Ислаидии» и такие собствениые сочииеиия, как «Путешествия по Иоиическим островам», «Албаиия», «Фессалия» и «Македоиия»,— ио и состоял придворным медиком приицессы Уэльской и действительиым члеиом Королевского общества. Бабка его по материиской лиииии была сестрой Джозайи Веджвуда-старшего.

Доктор Роберт Дарвии был отнюдь ие в восторге от доктора Холлаида.

— Его врачебиая деятельиость,— заметил ои Чарлзу,— осиоваиа ие столько иа иауке, сколько иа моде.

Извииившись, Чарлз вышел, чтобы заглянуть к тетушке Бесси и засвидетельствовать ей свое почтеиие; перепрыгивая через две ступеиьки, ои подиялся иаверх, деликатио постучал в дверь ее спальии и услышал в ответ тихое: «Войдите». Тетушка лежала в шезлоиге, утоиув в миогочислеииых подушках, и читала «Освобождеииого Прометея» Шелли. Бесси Аллеи Веджвуд исполиилось шестьдесят семь лет: замуж за Джозайю Веджвуда оиа вышла в двадцативосьмилетием возрасте, в ту пору, когда мужу ее было только двадцать три,— брак по этой причиие весьма иеобычиый, ио зато действительно брак по любви. Когда-то, судя по портрету Ромни — этот свадебиый подарок стоял у иее в спальие,— оиа была писаиой красавицей. Года полтора назад с ией случился какой-то таиииствеииый припадок. Доктор Дарвии считал, что ои, вероятно, вызваи чересчур большой дозой макового сиропа, который оиа приинимала в качестве успокоительиого средства.

— Заходи, Чарлз. Я ждала твоего приезда. Ты остаешься у иас иа месяц?

Чарлз подавил вздох.

— Вы хорошо выглядите, тетя Бесси.

— Это потому, что на мне новый чепец. Я всегда его надеваю, когда хочу выглядеть очаровательной.

Чарлз согласился, что в очаровании ей и на самом деле нельзя было отказать, как и в неповторимой прелести голоса и манер. Сэр Джеймс Макинтош, приходившийся веджвудовским детям неродным дядей (однажды он заявил Генсло после очередной встречи у профессора в Кембридже: «В этом молодом Дарвине что-то есть»), отозвался о своей свояченице так: «Никогда не встречал я человека, чья любезность или дружба в столь малой степени зависела бы от принятых правил или привычек. В шутку я говорил ей, что она самая тихая хозяйка самого шумного имения в Англии».

— Как дела у твоей сестры Каролины? — спросила тетушка Бесси.

— Как всегда, в полном порядке: она продолжает терпеливо ждать, пока ваш Джо женится на ней.

— Ума не приложу, что мне делать с моим оболтусом. Ведь они любят друг друга. Почему бы им не пожениться и не подарить мне внуков?

— Джо любит свой фаянсовый завод.

— Будь он проклят, этот завод! Разве Джо нельзя делать и посуду и детей одновременно? Но что это, Чарлз? Ты, кажется, краснеешь?..

...Спустившись в библиотеку, он застал за инкрустированным кусочками кожи длинным столом с аккуратной стопкой журналов, монографий, газет и политических памфлетов всю семью. Чарлз постарался сесть рядом с дядей.

Эмма разделила тминный пирог на щедрые порции, но все были заняты сандвичами. Все, кроме Чарлза. Охваченный тревожным ожиданием, он пил сладкий чай с молоком чашку за чашкой, чувствуя себя так, словно по его рукам и ногам непрестанно сновали муравьи. Как смеет он взять и обрушить свои беды на этот мирный стол, за которым все так весело беседуют, дружески шутят, смеются! Хорошо бы на такой вот случай знать хоть какую-нибудь молитву, чтобы можно было пробормотать ее про себя. Но, как назло, вспомнить что-либо подходящее из молитвенника он так и не сумел. Впрочем, если за столом кто-то и обратил внимание на его упорное молчание, то был слишком поглощен ритуалом чаепития — непременно три чашки,— чтобы задавать вопросы. Доктор Генри Холланд, блестя лысиной, выпятив нижнюю губу, отчего глаза казались чересчур глубоко посаженными, только усиливал состояние неловкости, в котором пребывал Чарлз, разглагольствуя о впечатлениях от последней поездки в Европу. Однако в голосе его сквозила печаль. Он потерял свою

молодую жену, прожнв с ней всего восемь лет: это была та самая Эмма Колдуэлл, которая дала столь выразнтельную характернстнку непрннужденной атмосфере добродушня, царнвшей в Мэр-Холле.

Дарвнн со всегдашннм обожаннем смотрел на дядю Джоза. В шестьдесят два года его темные поредевшие волосы все еще курчавились, большие темные глаза смотрелн проницательно, рнмскнй профнль оставался все такнм же гордым, губы — плотно сжатымн, а подбородок — упрямым. Одет он был безукорнзненно: вокруг шен повязан узлом белый галстук, концы которого заправлены под белую жнлетку, поверх элегантный пнджак с блестящнм бархатным воротннком н двумя рядамн обшнтых матерней пуговнц.

Перехватнв взгляд Чарлза, Эмма поставила чашку.

— Теперь, Чарлз, когда мы немного заморнлн червячка, не расскажешь лн ты нам о свонх новостях?

Он вынул нз кармана пнджака два пнсьма и протянул нх дяде:

— Будьте добры, прочтнте нх вслух. Сначала от профессора Генсло. И тогда все будут знать, о чем, собственно, ндет речь.

Джозайя протянул младшей дочерн напнсанные от руки лнсткн. Голос Эммы был прнятным и выразнтельным. По мере того как она чнтала н картина вырнсовывалась все яснее, в комнате становилось тнше н тнше. Собравшнеся слушалн затанв дыханне, пока Эмма не закончнла чтение н пнсьма Джорджа Пнкока.

Тут все заговорнлн разом. Вскочнв, Эмма обняла Чарлза за плечн. Генслей подошел, чтобы пожать ему руку, Элнзабет н Шарлотта от душн поздравнлн его. Джозайя снdел, плотно скрестнв на грудн рукн. Первым высказался доктор Холланд:

— На вашем месте я бы не слншком спешнл, Чарлз. Подробностей они не сообщают. Похоже, что на судне вы окажетесь в полном подчнненнн. А когда натуралнст отправляется в путешествне, он должен быть свободным н незавнснмым, какнм всегда был я.

— Онн полностью ндут мне навстречу...— возразнл Чарлз,— н даже согласны оставлять меня в гаванн, пока корабль будет проводнть у берегов съемочные работы.

Он обернулся к дяде:

— Дядя Джоз, отец проснл меня передать вам эту запнску.

Взяв ее, Джозайя сказал:

— Не лучше лн нам перейтн ко мне в кабннет? Надо хорошенько все обсуднть.

Оии вышли из библиотеки. Чарлз ие удивился, когда Эмма, едииственияя из собравшихся, взяв его под руку, тоже направилась вместе с иими.

— Это такой великолепиый шаис,— прошептала оиа.— Кто еще из твоих сверстииков мог мечтать о подобиой поездке? В душе ты всегда был натуралистом. Тебе иадо ехать...

Чарлз покачал головой:

— Теперь все зависит от твоего отца. Ои может послать меия в кругосветиое путешествие или оставить сидеть дома.

Кабииет, который иногда величали «офисом», был тесеи и пуст. Вся мебель состояла из трех жестких стульев и маленького бюро, иа котором стопкой лежала писчая бумага и стоял чериильиый прибор с двумя торчавшими из него ручками. Хозяии дома сел за бюро и вопросительио взгляиул на Чарлза.

— Итак, если я правильио поиял, у твоего отца имеются веские возражеиия против этой экспедиции. Сядь, возьми бумагу и перечисли-ка мие их по порядку.

Склоиившись иад листом, Чарлз взял гусиное перо, лежавшее на подставке, обмакнул его в чернильницу и принялся быстро писать. Окоичив, ои передал лист Джозайе, который виимательио прочел его с выражеиием глубокой озабочеииости в темиых глазах. Когда ои заговорил, голос его звучал твердо:

— Я осозиаю, какую ответствеииость иакладывает иа меия обращеиие твоего отца в связи со сделаииым тебе предложением. Ты перечислил то, что, по-твоему, вызывает его возражеиия. Самое лучшее, иавериое, если я выскажу свое мнеиие по каждому из иих.

Немиого помолчав, ои иачал:

— Не думаю, что все это могло бы дурио повлиять в будущем иа твою репутацию священиослужителя. Наоборот, мие кажется, что получеииое предложеиие делает тебе честь. Что касается заиятий естествеииой историей, хотя, коиечио, ие в качестве профессии, оии вполне подходят для священиика.

— То же самое и я пытался втолковать отцу.

— «Дурацкая затея»? Ума ие приложу, что иа это возразить. Во время плаваиия у тебя будет масса дел и заиятий. Это позволит тебе приобрести и укрепить полезиые навыки... Миогим предлагали место на судне до тебя? Такая мысль не приходила мие в голову, да я и не вижу для иее осиоваиий... У отца серьезиые возражеиия против самого судиа или состава экспедиции? Не представляю себе, чтобы иаше Адмиралтейство могло послать иа столь важиое дело негодиое судно.

В любом случае, даже если бы было известно, что другие отклонили сделанное им предложение, из этого ничего не следует.

Теперь допустим, что ты принимаешь предложение и не остаешься дома. Твой отец полагает, что два ближайших года сделали бы тебя неуравновешенным и неспособным остепениться. Но разве не известно, что, сойдя на берег, моряки склонны вести спокойный образ жизни?

— По правде говоря, дядя Джоз, я мало что знаю о моряках, да и о море тоже.

Чарлз в унынии поднялся со стула и зашагал, размышляя, что бывало с ним не так уж часто, о самом себе.

— Это правда, что жизнь я вел самую беззаботную. А какие друзья были у меня в колледже Христа? Мы охотились, катались верхом, засиживались допоздна — пили, смеялись, подтрунивали друг над другом. Я, правда, много читал.

— ...Ты всегда это делал,— заметил Джозайя.— Редко, когда я видел тебя без книги в руках. А беззаботность? Если не радоваться жизни в молодости, то другого подходящего времени уже не будет. Если бы я видел, что сейчас ты углубленно занимаешься своей будущей профессией, я скорей всего счел бы неразумным прерывать твои занятия. Но в данном случае этого нет и, я думаю, не будет.

Чарлз не мог сдержать дрожи восторга.

— Да, да, естественная история. Только ею я и занимался все годы, с самого раннего детства. Господи, если бы она могла стать моей профессией, чтобы я только смог зарабатывать себе на жизнь...

Дядя Джоз понимающе улыбнулся: он всегда верил в своего долговязого племянника.

— Рассмотрим последнее из возражений твоего отца: поездка никак не пригодится тебе в твоей будущей профессии. Зная твою чрезвычайную любознательность, уверен, что кругосветное путешествие даст тебе такую возможность увидеть мир, какая выпадает немногим.

Наступило молчание. Эмма, с ее практическим складом ума, тихо спросила:

— Но что же мы будем делать дальше, папа?

— Я намерен написать письмо доктору Дарвину с изложением всего того, о чем я сейчас говорил. А вам двоим, наверное, лучше бы пока погулять в саду. Ведь скоро уже стемнеет.

Чарлз с Эммой медленно пошли по центральной дорожке к озеру и стали бродить вокруг него, держась за руки. Лицо у Чарлза горело, как, впрочем, и у Эммы.

— Зиаешь, у меия такое чувство, словио мы иа борту корабля, который везет иас вокруг света,— заметил Чарлз.

— Это ты на борту. Я-то должиа оставаться дома, на берегу. Но ты же будешь писать, н писать часто, ие правда ли, Чарлз? А сестры будут пересылать твон письма иам, как только прочтут.

— Из каждого порта. И еще я буду вести диевник. Твой отец замечательиый человек. Он вступился за меия, как будто я ему родной сын.

— Ты как две капли воды похож на его младшего брата дядю Тома, н, говорят, у тебя такой же склад ума и характера. Отец обожал Тома. Он был такой способный: первым разработал техннку фотографнровання. Но страшио больиой. Куда только ие посылал его отец, чтобы ои вылечился! Полсвета объехал, но ничего не помогло. Он так и не успел получнть фнксатор, н его нзображення не сохраинлнсь. А все лавры нзобретателя позже получнл Дагер.

Лучн солнца коснулись вершнн зеленых холмов иа западе.

— Разве ты ннкогда не присматривался к портрету Тома в гостиной? — спроснла Эмма.— Вот и ответ, почему отец так тебя любнт.

Выражеине ее лнца говорило без слов:

— И я тоже!..

Ложась спать, ои с вечера поставил охотннчьн сапогн возле кровати, чтобы можио было, выскочив из-под одеяла, сразу же сунуть в них свои длиниые ногн.

Поднявшнсь иа рассвете, Чарлз выпил чашку свежезавареииого кофе и отправнлся в самый дальиий уголок поместья, где к нему вскоре должны былн присоедннnться доктор Холлаид и несколько соседей Джозайн. В сопровождеиии егеря им предстояло целый деиь продираться сквозь густые заросли вереска и молодой сосняк. Прошло совсем немиого времеии, как вдруг к нему подбежал запыхавшнйся грум.

— Мнстер Дарвнн, вас зовет хозянн!

Чарлз бегом бросился к дому. Вбежав со стороиы озера в комнату, где обычно подавался завтрак, он застал Джозайю Веджвуда в дорожиом костюме.

— Чарлз, иочью я решил ие посылать письма твоему отцу.

Чарлз похолодел.

— Письмо может прийти, когда у иего будет ие то иастроение. Лучше я отвезу его сам. Тебе, наверное, следует отправиться вместе со мной иа тот случай, если у отца возиикут вопросы по ходу дела. А свою лошадь ты можешь привязать к моему экипажу...

Доктор Роберт Дарвин больше уже не сопротивлялся. Он прочел письмо Джозайи, выслушал заверения своего шурина в том, что путешествие принесет только пользу, и поблагодарил его за утомительную поездку, предпринятую ради Чарлза. Затем он обернулся к сыну:

— Вчера я сказал тебе, что, если ты найдешь хоть одного здравомыслящего человека, который посоветовал бы тебе ехать, я дам тебе свое согласие. На свете нет человека, которого бы я уважал больше, чем твоего дядю Джоза. Я согласен.

Чарлз попытался обнять отца, но, учитывая габариты доктора Дарвина, это было непросто. Однако отец тепло пожал ему руку. Итак, дядя Джоз одержал победу.

«МОИ ЧУВСТВА КОЛЕБЛЮТСЯ, КАК МАЯТНИК»

Поспешно одевшись при свече, ровно к трем утра он был в городской ратуше Шрусбери, боясь опоздать к отправлению «Уондера», почтового дилижанса, которому требовалось шестнадцать часов, чтобы добраться до Лондона. Постояльцы близлежащих гостиниц уже успели занять все места внутри экипажа, так что ему пришлось сидеть наверху среди мешков с почтой. В Бирмингеме, пока пассажиры завтракали, сменили лошадей; теперь они ехали через Ковентри на юго-восток. В Брикхилле Чарлз сошел с дилижанса, нанял двуколку и остающиеся сорок миль до Кембриджа сам гнал ее по изрытым колеями сельским дорогам. Поздним вечером, совершенно разбитый, он добрался до «Красного льва», гостиницы, расположенной через дорогу от колледжа Христа. Прежде чем броситься на бугристую постель, он написал несколько слов профессору Генсло: «Когда можно будет утром повидаться с вами?» — и отдал записку одному из мальчиков-посыльных.

Сон его был хотя и недолог, но глубок. Открыв глаза при свете дня, он заметил торчавший из-под двери конверт. Его наверняка положил туда сам Генсло, имевший обыкновение вставать вместе с птицами.

«Приходите, как только проснетесь. Мы ждем вас к завтраку».

Стоило Чарлзу выйти из «Красного льва» и направиться к дому Генсло, как на него нахлынули воспоминания, хотя он и уехал отсюда с дипломом, надежно покоившимся сейчас в его саквояже, всего четыре месяца назад. Не считая Шрусбери, Кембридж был его любимым городом, где он провел три счастливейших года своей жизни. Хотя он и учился в колледже Христа, среди его знакомых были также студенты из многих

других колледжей: одни коллекционеры жуков представляли с полдюжины колледжей, а были еще и любители органной музыки, встречавшиеся в Королевской часовне утром по воскресеньям, и те, кто по уик-эндам сопровождали профессора Генсло в его ботанических экспедициях, и члены Клуба обжор... Университетский город не похож ни на какой другой: кажется, что и воздух здесь был иным! В своих черных шапочках и мантиях, с книгами под мышкой из одного колледжа в другой несутся студенты, чтобы послушать лекции или встретиться с друзьями. Повсюду царит дух всеобщего возбуждения, бурных молодых споров. Каждый знает, как много выдающихся людей Англии училось здесь, прежде чем выйти в мир, где их ждали великие дела: Мильтон, Ньютон, Драйден, Фрэнсис Бэкон, Вордсворт, сотни других,— все это делало город частью живой истории.

Средневековое великолепие Кембриджу придавали семнадцать каменных зданий колледжей; внушительного вида часовни с витражами, зеленые газоны, старые деревья, великолепные сады вокруг домов ректоров и преподавателей; живописные каменные мосты в районе Бэкс, переброшенные через реку Кем, где студенты имели обыкновение плавать на плоскодонках, отталкиваясь шестами, или купаться нагишом возле Овечьего луга, в то время как дамы, идя по узкому переходу, спешили открыть свои зонтики от солнца, чтобы поглубже спрятать за шелковой завесой свои покрасневшие от смущения лица. Продолговатое белокаменное со множеством окон здание сената, куда Чарлза и его сокурсников из колледжа Христа, как и выпускников других колледжей, вызывали по очереди для вручения дипломов, было образцом простоты и ясности классической архитектуры.

Он очутился перед массивными воротами колледжа Христа; пройдя прохладным каменным вестибюлем, с левой стороны которого находилась каморка привратника, Чарлз обогнул первый из четырехугольных внутренних двориков и остановился на южной стороне, куда выходили окна его комнат на втором этаже. Лишь в первый год учебы он жил в другом месте — над табачной лавкой на Сидней-стрит. Теперь он с восхищением смотрел на герань в стоявших по-прежнему цветочных ящиках. Что ж, пусть он и не научился здесь многому, зато колледж Христа, безусловно, излечил его от былого отвращения к самой учебе.

Он вышел обратно через каменную арку. Сент-Андрус сливалась здесь с Риджент-стрит, вдоль которой тянулся длинный ряд домов с небольшими садиками и узкими дорожками, ведущими к ярко раскрашенным входным дверям. Водо-

сточиые желобы, обрамлявшие шиферные крыши, выводили дождевую воду в сад.

Дом профессора Геисло размерами иесколько превосходил остальиые — за счет подвала, верхняя половииа окои которого находилась иад уровием земли. Каждый из этажей трехэтажиого рыжевато-коричиевого кирпичиого здания имел арочиое окио. Камеииая арка заключала голубую дверь, а все жилище окружала четырехфутовая камеииая стеиа. Дом был приятиым и удобиым, хотя и тесиоватым, без претеизий, что отличало его от домов профессоров из колледжа св. Иоаииа, куда из соображеиий престижа стремилось попасть большиииство гимиазистов Шрусбери. Эразм и Чарлз отвергли этот колледж из-за царившей там слишком уж строгой дисциплины.

В отличие от миогих своих коллег профессор Геисло, как и Адам Седжвик, ие имел иикаких личиых средств. Будучи одиовремеиио профессором ботаиики в уииверситете и помощииком приходского священиика аигликанской церкви, ои тем ие менее должеи был в бытиость Чарлза студеитом заииматься для заработка еще и репетиторством, иногда по шесть часов в день, чтобы иметь возможность содержать жеиу и троих детей, постояино покупать кииги и разиые растеиия для ботанического сада и устраивать у себя дома встречи ие только преподавателей, ио и студеитов, во время которых его жеиа Хэрриет иеизмеиио умудрялась предложить гостям бутылочку мадеры и полное блюдо «паркиисов» — печеиья с имбирем.

По старой привычке Чарлз резко постучал семь раз броизовым молоточком: пять быстрых ударов и два медлеииых. Дверь распахиулась — иа пороге, приветствуя его, стоял улыбающийся профессор Геисло.

«Какое у иего красивое и приятиое лицо,— снова подумал Чарлз,— другого такого в Кембридже иет».

Большую голову профессора венчала копиа мягких густых чериых волос, пушистые бакеибарды доходили до подбородка. Благородиый лоб был крутым и высоким. Резкие черты, одиако, смягчали широко поставлениые кроткие, ио все подмечавшие глаза, брови дугой, полный, но не властиый рот, ямочка иа подбородке, чистая мягкая кожа броизоватого оттеика, как у человека, миого бывающего иа воздухе. Его крупное сильиое тело, казалось, не зиает усталости. Этот человек любил труд и в созидательиой деятельиости видел смысл жизии.

По общепринятой моде ои иосил упиравшийся в подбородок тугой крахмальный воротиик с острыми концами, чериый галстук, длииный пиджак и жилетку с лацкаиами, украшениую большими пуговицами. У иего были хорошие руки с тоикими чувствительными пальцами, как будто специальио создаииые

для занятий ботаникой. Выражение лица говорило о готовности поделиться всем, что он знает, если человек проявлял заинтересованность в постижении окружающего мира.

Неудивительно, что Джон Генсло стал главным человеком в жизни Чарлза. Он был одним из самых строгих учителей, готовых в то же время с бесконечным терпением прививать своим ученикам не просто знания, но и любовь к науке, учил методам исследования и способам усвоения всех богатств человеческого разума — одним словом, учил научно мыслить. Никогда не бывал он скучным, поучающим или деспотичным; его преподавание отличали остроумие и возбуждающее чувство сопричастности. За пять лет, проведенных Чарлзом в Эдинбурге и Кембридже, он убедился, насколько редки профессора, которых считают чудом и студенты, и преподаватели.

Хэрриет Дженинс Генсло спустилась по лестнице с десятимесячным младенцем на руках. Поцеловав Чарлза, она тихо произнесла:

— С возвращением. А вот ваш крестник.

— Вижу, вижу. Примите мои поздравления. И вы тоже, мой дорогой Генсло, теперь у вас есть продолжатель рода!

Первым делом Чарлз сообщил о заступничестве Джозайи Веджвуда и о согласии отца на путешествие. Генсло был в восторге.

— Прекрасно! Нас так разочаровало письмо с известием, что отец против вашей поездки. Мне было обидно так же, как в тот момент, когда я сам должен был отказаться от сделанного мне предложения.

Чарлз смотрел на учителя в полном замешательстве.

— Сделанного вам? Но вы никогда не говорили мне о нем.

— В этом не было особой необходимости. Вообще-то я его принял. Хэрриет согласилась — без моей просьбы. Но вид у нее был такой жалкий, что я тут же передумал. А первое предложение было сделано Леонарду Дженинсу, и он уже почти согласился, даже начал упаковываться. Опыт натуралиста у него многолетний: он собирал коллекции в болотах прямо возле своего дома в Боттишэм-Холле. Но поскольку на нем целых два прихода, он счел невозможным бросить их. Нужно тотчас же написать Джорджу Пикоку.

— Выходит, отец был прав, предположив, что до меня предложения уже делали другим. Наверное, на это место требуется кто-либо вроде меня, у кого нет ни семьи, ни обязанностей.

— Да. Наконец-то оно достается тому, кто его достоин.

После завтрака Чарлз и Генсло отправились в сад за домом, благоухавший ранними сентябрьскими хризантемами.

Едва они поднялись со старых плетеных стульев, стояв-

ших под гигантским дёревом, появилась Хэрриет в сопровождении визитера, которым оказался некий мистер Вуд, племянник лорда Лондондерри. Чарлз встречал его раньше «на пятницах» в доме профессора. Имени его он никогда не слышал и не знал, что этот человек делает и зачем тратит время на вечера, которые он называл «научными пятницами», поскольку рассуждал он лишь о политике, рабстве, всеобщем избирательном праве и о причинах, по которым только идеалисты могут считать, что Билль о реформе в состоянии когда-нибудь осуществиться на практике. Он был приземистым, с волосами, напоминавшими спутанную проволоку. Одетый по последней лондонской моде — остроносые ботинки, черные облегающие брюки со штрипками, двубортный сюртук и блестящий шелковый цилиндр,— он держался с гордым сознанием своего знатного происхождения. Однако радость его при виде Чарлза была неподдельной.

— Мой дорогой Дарвин! Какой приятный сюрприз! А я-то думал, что вы погребены в каком-нибудь шропширском приходе, где в воскресенье охотитесь за людскими душами, а в будни — за жуками.

— Пока нет, Вуд. Похоже, что у меня два года отсрочки.

— Прекрасно. А ну, рассказывайте.

Едва Чарлз начал, как Вуд перебил его:

— Подумать только! С капитаном Фицроем нас связывают родственные узы. Мы что-то вроде кузенов по линии лорда Лондондерри — он сводный брат матери Фицроя. Ходят слухи, что именно лорд Лондондерри и добился для него места капитана на «Бигле».

— «Бигль»,— тихо повторил Чарлз.— Я впервые слышу название судна.

— Мы с капитаном Фицроем — большие друзья! — воскликнул Вуд.— Сейчас же возвращаюсь к себе и пишу ему хвалебное письмо о вас. Верите ли вы в судьбу, Дарвин? Я — да. Подумать только, что мы встретились тут в это воскресное утро, как раз накануне ваших окончательных переговоров в Лондоне!

— С вашей стороны, Вуд, это крайне любезно.

— О чем вы говорите! Ничего особенного! — Он повернулся к Генсло: — Я зашел, чтобы засвидетельствовать вам мое почтение, и прошу меня извинить, что покидаю вас. Время не ждет: в час письмо должно отправиться в Лондон почтовым дилижансом. Я хочу, чтобы уже сегодня вечером оно было у Фицроя.

Генсло и Чарлз, оба длинноногие, быстро зашагали по Трампингтон-стрит мимо ворот и внутренних двориков и вышли

иа улицу св. Марии, иа которой стояла церковь св. Марии, малеиькая, ио иеобычайио изящиая, где утром по воскресеиьям преподобиый мистер Геисло читал проповеди своим прихожаиам. Когда оии поравиялись с церквушкой, позади которой иаходилось стариииое кладбище, профессор изучающе поглядел иа Чарлза.

— Вы действительио хотите стать священииком? Думаете, что справитесь?

Чарлз смутился: иикогда еще ему ие приходили в голову подобиые мысли.

— Да, думаю. Заиятия по теологии шли у меия иеплохо, а киигу Пейли я зиаю доскоиальио. Так что у меия есть все осиоваиия полагать, что я смог бы иаписать и произиести сиосиую проповедь...

— Но вы ие...

— Не слишком увлечеи церковью? Нет, в моей семье иикто этим ие отличался. Впрочем, все мы верующие. Я думаю, что просто буду заботиться о своей пастве.

Несколько мииут оии шли молча, затем Чарлз сказал:

— Мой дорогой Геисло, может быть, вы срочио обучите меия искусству храиеиия экспоиатов? Мои друзья из Эдиибурга иемиого позиакомили меия с тем, как обращаться с морскими животиыми, а вы — с цветами и жуками. Вот пока и все мои позиаиия. Между тем длиииые переходы из порта в порт я собираюсь использовать для того, чтобы сохраиить все собраииое иа берегу.

Геисло рассмеялся. Приятио было слышать его смех.

— Начием с геологических экспоиатов и окамеиелостей. Сиачала завериите их в бумагу, а потом в иеобработаииую пеиьку, известиую больше как пакля, которая всегда в избытке и при этом дешева. Ее вы иайдете в любом порту. Каждую из иаходок иадо пометить химическим караидашом, обязательио иа ией самой, будь то раковииа или кость. Вам также иеобходимо зайти в киижиую лавку Уильяма Яррела в Лоидоие и купить киижку Чарлза Лайеля «Осиовы геологии». Оиа чрезвычайио цеииа практически, ио иикоим образом ие следует прииимать изложеииые в ией взгляды. Автор выдвигает самые иевероятиые теории...

Ну а что касается беспозвоиочиых с мягкими телами, амфибий, рептилий и рыб, то их всех следует помещать для сохраииости в виииый или хлебиый спирт. Берите красиый виииый спирт домашиего изготовлеиия, так будет дешевле. На раствор должио приходиться семьдесят процеитов спирта и тридцать — воды. Девять из десяти экспоиатов погибают из-за того, что раствор слишком слабый. Если попадутся большие экземпля-

ры, то надо разрезать живот, вынуть внутренности и хранить их отдельно. Не полагайтесь на память. Записывайте названия кораблей и дату их отплытия при отправке домой ящиков с экспонатами. И смотрите, чтобы получатель обязательно вел столь же точный учет.

Чарлз метнул взгляд в сторону друга:

— Но кто будет этим получателем? Ведь если я проплаваю два года, то ящиков наберется очень много, а экспонатов — тысячи. Не могу же я посылать их в Маунт. Там никто не знал бы, что с ними делать.

— Да, их следует посылать знающему человеку, который смог бы обследовать содержимое и убедиться, все ли соответствует дубликату описи.

— Извините меня, мой дорогой Генсло, но я полагаю, что вы только что нарисовали автопортрет. Кто, кроме вас, смог бы или захотел этим заняться?

Улыбка Генсло выражала удовлетворение и вместе с тем покорность судьбе.

— Попытайтесь сперва связаться с научными обществами в Лондоне. Они могут оказаться полезными. По возможности используйте стеклянные банки. Глиняная посуда и деревянные бочонки имеют обыкновение протекать или испаряют жидкость. Крышки банок обертывайте бычьим пузырем...

В воскресенье утром Чарлз и семейство Генсло оделись, чтобы идти в церковь. Небольшая уютная церковь св. Марии со сводчатым потолком из дугообразных обструганных топором брусков могла похвастаться на редкость слаженным хором. Преподобный мистер Генсло, величественный в богатом черном одеянии, для своей полуденной проповеди специально ради Чарлза использовал то место из Евангелия от Луки, где сказано: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом... а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, чтó не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

После службы, пока супруги Генсло наносили визиты прихожанам, Чарлз повел обеих маленьких дочек, Френсис и Луизу, одетых в нарядные белые воскресные платья, на реку погуляться. Многие из горожан уже были там, восседая в своих плоскодонках, на дне которых высились корзины со съестными припасами для пикника. Когда все вернулись в дом, то застали в библиотеке шагавшего из угла в угол Вуда с посеревшим лицом.

— Что случилось, мистер Вуд? — обратился к нему Генсло.— Вы чем-то расстроены?

— Да, это так,— ответил тот еле слышно.

Наступило молчание. В руке Вуда дрожал листок велеиевой бумаги.

— ...Вот ответ на мое письмо к капитану Фицрою...— Он с трудом заставил себя повернуться к Чарлзу.

— Мне жаль, страшно жаль... но капитан Фицрой против вашей поездки, Дарвин. Это я, я виноват, что вы ие сможете ехать.

— Вы? Но каким образом?

Вуд заскрежетал зубами, затем с трудом выдавил из себя несколько хриплых слов самообвинения:

— ...Ничего, кроме похвалы... но я считал своим долгом сказать ему... по-родственному... что вы — виг, либерал... стоите за Билль о реформе... расширение права голоса.

— Ну да,— произнес в ответ Чарлз.— Билль расширил бы его для тех, чья собственность приносит десять или более фунтов стерлингов в год.

Вуд заставил себя подавить стон, чтобы собеседники ничего не услышали.

— Для нас, тори, Билль — это «повторение вселенского хаоса».

— А для нас, вигов,— голос Генсло был ровным и спокойным,— ои — провозвестник нового века. Однако при чем тут политика, когда речь идет о естественной истории?

— Ни при чем. Но «Бигль» — маленькое судно, и капитан Фицрой хочет иметь иа борту такого натуралиста, который бы мог стать ему другом. Ведь никому другому это не дозволено. Он должен быть близок ему по духу, чтобы беседовать с ним за трапезой... никому другому не разрешено ни есть вместе с капитаном, ни входить в его каюту.

Раздражеиие в Чарлзе уступило место горькому разочароваиию, как и тогда, когда отец отказал ему в поездке. Теперь снова он терял свой шаис.

— Вуд, разве я когда-нибудь навязывал вам свои политические взгляды?

— Никогда! Конечно, никогда! И Фицрою я написал только для того, чтобы рассказать, какой вы приятный человек. Но если бы вы стали спорить с ним из-за Билля... он никогда бы мне этого не простил. Да и для вас пребывание на «Бигле» стало бы невыносимым. Это место капитан Фицрой отдал своему давнишиему другу, иекоему мистеру Честеру. Он, иасколько я понимаю, служит в каком-то правительственном ведомстве.

Вуд ушел, а Чарлз все продолжал слепо кружить по комнате.

— Подумать только, сколько беспокойства я причинил отцу и дяде Джозу!

Лнщь одно чувство, злость, было чуждо натуре Генсло. Но сейчас на щеках его зардели красные пятна.

— Это Пнкок виноват во всем. Он заверил меня, что назначенне натуралнста в его руках — н только в его.

Чарлз фыркнул, что было для него обычным способом выраження эмоцнй.

— Ну да, как же можно заставнть капнтана трнжды в день делнть трапезу с вигом, лнбералом? — пронзнес он язвнтельно.— Чего доброго, он еще посаднт корабль на первую же мель. Когда подумаешь, что Билль о реформе, еслн ему вообще суждено мнновать парламент, в лучшем случае затронет лншь семнадцать процентов англнчан...

Лнцо Генсло потускнело.

— Людн воюют из-за полнтнкн. Онн воюют нз-за релнгнн. Онн воюют нз-за погранnчных ннцндентов, человеческнй мозг редко когда упускает возможность, позволяющую уничтожнть половину рода людского...

Мужчнны замолчалн. В час в комнату вошла Хэррнет, чтобы объявнть, что обед готов. Елн онн без всякого настроення. Когда молодая служанка подала серебряную соусницу с луковым соусом, приправленным гвозднкой н мускатом, нн Дарвнн, ни Генсло не захотелн полнвать нм хлебный пудннг. Чарлз молча положнл свой прнбор на стол. Генсло взглянул на него, вопроснтельно подняв бровн.

— Что, уже раздумали ехать? Илн пока еще нет?

— Вовсе нет. Нн пока, нн вообще. На рассвете «Стар» * повезет меня в Лондон. Предложенне занять место натуралнста мне сделалн вполне офнцнально. Так что завтра капнтану Фицрою прндется посмотреть мне прямо в глаза н сказать в лнцо, что он отказывается. На меньшее я не соглашусь.

Прежде Чарлз несколько раз бывал в Лондоне с семьей н друзьямн, большая, шумная, закопченная столица казалась ему суматошным и чужим городом. Ему повезло: он быстро нашел квартнру на Спрннг гарденс, 17, всего в двух кварталах от Адмнралтейства. В его распоряженнн была просторная угловая комната, где он тут же помылся н надел чистое белье. Подойдя к окну, нз которого открывался внд на Адмнралтейство, он вдруг подумал: «А что, еслн капнтана Фнцроя нет в Лондоне! Выходнт, я зря сюда тащнлся?»

Но вот он проходнт под вычурной аркой Адмиралтейства в Уайтхолле, с грифонамн, гордо венчающими входные колон-

* «Стар» — в буквальном переводе «звезда». Здесь — название почтового дилижаиса.— *Прим. пер.*

ны, просит доложить о себе, и мальчик-посыльный тотчас возвращается с ответом:

— Капитан Фицрой шлет вам свое почтение, сэр. Он просит вас незамедлительно проследовать к нему в кабинет.

Вслед за мальчиком Чарлз поднялся по лестнице, прошел длинным коридором. Постучав, посыльный открыл дверь.

Первое, что бросилось Чарлзу в глаза, были совершенно голые стены. Когда морские офицеры возвращались из длительных плаваний, им предоставлялся отпуск, так что в Адмиралтействе они проводили всего несколько дней, необходимых для того, чтобы закончить и представить свои отчеты. Видимо, нужды в постоянных кабинетах у них не было.

В облике самого капитана Роберта Фицроя, однако, не было ничего аскетического. Когда он поднялся ему навстречу, Чарлз увидел, что это высокий поджарый человек аристократического вида — от курчавых темных волос и длинных бакенбард до элегантных башмаков. Плотно прижатые к голове уши, темные лучистые глаза под черными, резко очерченными бровями, своеобразные усы. Его тонкое лицо несколько портил длинный нос. Одетый по последней моде, он, однако, выглядел не денди, а деловым человеком.

Роберт Фицрой вел свое происхождение от незаконнорожденного отпрыска короля Карла II и графини Кливлендской Барбары Виерс. Он был внуком герцога Грэфтонского и сыном лорда Чарлза Фицроя. Если, обладая умением держать себя, он и был несколько властным, то право на это он заработал, хотя большое состояние и досталось ему по наследству. В Королевский военно-морской колледж в Портсмуте он поступил в двенадцать лет и окончил его в девятнадцать с золотой медалью, приобретя известность своим великолепным знанием математики, метеорологии и искусства управлять парусником в самую отвратительную погоду, какую только можно себе представить.

В октябре 1828 года, когда ему было двадцать три года, находясь на британской королевской военно-морской базе в Рио-де-Жанейро, он получил приказ взять на себя командование кораблем его величества «Бигль», капитан которого покончил жизнь самоубийством. За четырнадцать или пятнадцать месяцев плавания ему удалось, к восторгу Адмиралтейства, привезти в Англию «самые совершенные карты». Великобритания, намеревавшаяся править миром с помощью своего флота, хотела произвести гидрографическую съемку береговой линии разных континентов, с тем чтобы найти подходящие места для стоянок и сооружения наилучших из возможных портов, а также нанести на карту впадающие в море реки.

Темные лучистые глаза Фицроя при виде Чарлза сверкнули.

— У вас великолепное чувство времени, Дарвин!

— Что вы имеете в виду, капитан?

— Приди вы десятью минутами раньше, у меня были бы для вас плохие новости.

— А пятью?

— Хорошие. Я только что получил записку от моего друга мистера Честера. Он сожалеет, что не может отправиться в плавание вместе со мной, так как не имеет возможности оставить службу. Если бы я мог взять своего друга, это означало бы, что для вас попросту не осталось бы места на нашем и без того перегруженном суденышке.

Эта неожиданная перемена судьбы заставила сердце Чарлза учащенно забиться.

— Итак, я принят?

— Я весьма доволен, что вы явились в Лондон столь быстро. Прошу прощения за мой поспешный ответ на письмо мистера Вуда. Трезво все взвесив, я понял, что двое молодых людей, если бы они подходили друг другу, никогда не стали бы спорить из-за английской политики, занимаясь съемкой южноамериканских или тихоокеанских берегов за тысячи миль от дома.

— Сэр, по натуре я совсем не спорщик.

— Прекрасно. Я предлагаю вам совместные трапезы у меня в каюте. Вам придется довольствоваться водой и самой простой пищей: я не употребляю ни вина, ни рома, когда командую судном. Вы также сможете пользоваться моим диваном в спокойные часы для чтения или отдыха. Правда, иногда мне необходимо уединение.

— Каждый имеет право побыть наедине с собой. Иногда это необходимо больше, чем еда или сон.

— Что ж, если мы будем относиться друг к другу подобным образом, то, надеюсь, поладим? Если нет, то, возможно, пожелаем друг другу провалиться в преисподнюю. Не хотите ли вы присесть? Должен предупредить вас: хотя я постараюсь предоставить вам во время плавания любые удобства, какие только смогу, их будет не слишком много. Я считаю своим долгом обрисовать все с самой худшей стороны. Было бы поистине ужасно, если, находясь рядом со мной, вы не чувствовали бы себя как дома. «Бигль» — маленькое суденышко, и нам всем предстоит жить одной семьей.

— Можно спросить вас, где я буду спать?

— В кормовой каюте. Ваш гамак мы подвесим в углу. Там у нас библиотека. Каюта несколько больше моей и окно тоже. Есть там и чертежный стол, он пригодится вам для работы.

Гамак Джона Лорта Стокса будет висеть в противоположном углу. Этому офицеру девятнадцать, он — помощник картографа. Во время первого плавания «Бигля» он служил мичманом. Команда у нас весьма молода, мистер Дарвин, хотя большинство уже плавало под моим началом. Думаю, что вы поладите. Если, однако же, вы не захотите оставаться с нами, то сможете возвратиться обратно в Англию в любое время. Попутное судно в тех местах найдется всегда.

— Спасибо. Я думаю, что единственное, что может мне грозить,— это морская болезнь.

— Описания морских штормов сильно преувеличены. К тому же на время ненастной погоды — а это не больше двух месяцев в году — мы могли бы ради вашего здоровья оставлять вас на берегу, где вы будете в полной безопасности. На судне много книг: все они, а также приборы и оружие будут в вашем распоряжении. После того как судно бросит якорь, чтобы производить съемку местности и заниматься картографированием, вы сможете недели две оставаться на берегу и выполнять свою работу как натуралист. Иногда я буду к вам присоединяться. Меня также интересует естественная история и коллекционирование.

Лицо Чарлза загорелось при мысли о предстоящих стоянках в экзотических портах тропиков.

— Однако, прежде чем принять решение, вы должны своими глазами увидеть «Бигль». В ближайшее воскресенье я отправляюсь в Плимут на пароходе. Почему бы вам не присоединиться ко мне?

— С удовольствием.

— Решено. Наверное, вам захочется встретиться с капитаном Бофортом и обсудить условия плавания. Будьте так добры, порасспрашивайте его как следует о южных морях, расшевелите его хорошенько. А если на сегодня вы никуда не приглашены, прошу вас отужинать вечером со мной в клубе. Можно будет заказать вино и дичь.

— С удовольствием.

— Друзья наверняка станут говорить вам, что морской капитан — это чудовище, равного которому не сыщешь в созданном господом мире. Не знаю, как вам тут помочь: единственная моя надежда, что вы дадите мне испытательный срок. Мы отплываем из Плимута десятого октября.

Человек, на которого сейчас во все глаза смотрел Чарлз, казался, сидя за бюро, маленьким: поблескивающая лысина, глубоко посаженные глаза, нос и подбородок, как будто небреж-

но слепленные нз замазкн. Мгновення, понадобнвшегося Бофорту, чтобы оторваться от бумаг, оказалось достаточио, чтобы Чарлз разглядел на его нзрезанном морщннами лнце следы многолетннх мучнтельных пережнваннй н уннженнй.

— Мнстер Дарвин, ваше нмя знакомо мне. Я нмел удовольствне встречаться с вашнм отцом в 1803 году, когда вас еще не было на свете. Вместе с сестрой Луизой мы через Ирландское море возили матушку к нему иа консультацню. Ведь даже до нас в Ирланднн дошла молва о его необычном уменни нсцелять своих пациенток. Мать моя много лет болела, в особенности ее мучила сыпь на ногах. Ваш отец сразу же заявнл, что его больше нитересует общее состоянне здоровья иашей матерн, чем эта сыпь. Он посещал иас иесколько дней кряду, затем разрешнл отправнться домой. После этого визнта ее здоровье резко пошло на поправку, хотя сыпь н не сошла. Мать дожнла до девяноста четырех лет.

— Надеюсь, что смогу поддержать семейную репутацню.

Улыбка Бофорта не нзменила выражения его глаз.

— Вы внделнсь с капнтаном Фицроем? Велнколепный картограф. Что он вам сказал?

Чарлз пересказал суть своего разговора с капнтаиом Фнцроем, не забыв упомяиуть о его совете как следует расшевелнть хозяина кабннета расспросами о южных морях.

— Дарвнн, еслн вы отправнтесь в кругосветиое путешествне, но не завершнте его, то с полным правом можете считать себя обманутым. Неделю вы проведете на острове Мадейра н столько же на Канарскнх островах...

— Замечательно! — восклнкнул Чарлз.— Мы увндим Теиернфе н велнколепное драконово дерево Гумбольдта.

Бофорт сперва насупнлся, затем решил не сердиться иа дерзкого молодого человека, воображавшего, что «Бигль», корабль его велнчества, совершает плаванне радн изучення природы.

— ...Я еще н сейчас заиимаюсь составлением вашего маршрута по южным морям. Вероятио, возвращаясь домой, вам прндется пройтн через Индийскнй архнпелаг. Это займет в лучшем случае три года.

Чарлз побледнел. Трн года вместо двух, на которые ему далн согласне! Не то чтобы сам он боялся этого года дополнительных трудностей: уж как-нибудь, раз иадо, он прииоровится к иовой жизнн. Но отец н сестры! Ведь онн с трудом смнрнлнсь даже с двухлетней разлукой! Что скажет отец, узнав о таком повороте событнй? Он наверняка будет огорчен. Возможно, он сочтет себя обманутым н откажется от своего согласня на поездку! С ужасом ждал Чарлз того момента, когда прндется

обо всем сообщить родственникам. На какое-то мгновение он решил вообще не говорить им.

На скулах у него выступили желваки.

— Чем дольше продлится плавание, тем больше опыта и знаний у меня прибавится.

— Хорошо сказано. Я включу вас в список на довольствие — тогда питание обойдется вам всего в тридцать фунтов стерлингов за год, как и остальным офицерам. Я уже сообщил Пикоку, что Адмиралтейство не намерено платить вам жалованье, хотя оно и предусматривает для вас официальное назначение. Если, однако, вы все же настаиваете, то, вероятно, его вам определят.

— Капитан Бофорт, по этому последнему пункту я хотел бы переговорить со своим отцом. Он щедро выделял средства для моих занятий в Кембридже, и я полагаю, что он будет продолжать их мне выплачивать.

Бофорт непроизвольно заскрежетал зубами, вспомнив свою собственную молодость, когда он только и делал, что выплачивал отцовские долги. Чарлз почувствовал эту перемену в его настроении.

— Думаю, впрочем, что никакого жалованья не потребуется, сэр,— произнес он нерешительно.— У меня нет никакой уверенности, что от меня на «Бигле» будет хоть какая-нибудь польза. Конечно, я намерен собирать коллекции по всем разделам естественной истории...

Бофорт сразу увидел, что он подрывал веру молодого человека в свои силы. Мускулы его лица расслабились. Когда он опять заговорил, голос его звучал мягко.

Встав, Чарлз поблагодарил капитана за участие. Бофорт уже склонился над картами, почти страшный в своей одержимости.

Наконец Чарлз снова очутился на улице: после двух этих бесед голова его кружилась. Миновав Уайтхолл, он сразу же за Казначейством свернул к Темзе, прошел вдоль внушительного вида парламентских зданий, потом вернулся к Вестминстерскому мосту и, стоя на нем, долго глядел, как под ним бурлят зеленые воды реки, устремлявшиеся к Ла-Маншу. На руках у него выступила сыпь. Подобное происходило с ним до этого всего один или два раза, когда он испытывал нервное напряжение.

«Да, Шекспир прав. Есть и в самом деле «в делах людей приливная волна», я это испытал,— думал Чарлз.— Сегодня в час дня я считал, что надежды на путешествие нет. А в два тридцать я получаю не только официальное назначение, но и, возможно, жалование!».

Он вернулся к себе, помылся и переоделся, готовясь к дружескому ужину в клубе с капитаном Фицроем...

В Лондоне он пробыл шесть дней. 11 сентября вместе с капитаном Фицроем Чарлз отправился в трехдневную поездку почтовым пароходом: из устья Темзы, миновав Рамсгит и Дувр, им предстояло выйти в Ла-Манш и взять курс на запад, чтобы, обогнув остров Уайт, попасть в Плимут. В последний момент капитан Фицрой спросил:

— А вы уверены, что хотите проделать этот путь по воде? Почтовый дилижанс «Дефайнс» доставит вас в Плимут всего за двадцать шесть часов. Боюсь, если Ла-Манш будет «не в духе», вы, чего доброго, испугаетесь и передумаете плыть на «Бигле».

— Ничто не заставит меня отказаться от «Бигля».

— Вы, кажется, упоминали, что плавали на кораблях?

— Да, однажды. Это было четыре года назад, когда мой дядя Джозайя Веджвуд пригласил меня сопровождать его в Женеву, откуда он должен был забрать домой своих дочерей. Не могу сказать, что хорошо себя чувствовал, но с аппетитом съел на обед ростбиф.

Семья тринадцатилетнего Чарлза Мастерса, нанявшегося на «Бигль» волонтером первого класса, обратилась к капитану Фицрою с просьбой взять их сына под свою опеку: мальчик впервые уезжал из дома. Дарвин вызвался о нем позаботиться.

В Плимутский пролив они пришли на закате дня: стояла середина сентября, небо и море были безупречно бирюзового цвета. За громадным волнорезом пакетбот через узкий проход вошел в Саттон-Пул, где пришвартовался у одного из причалов поблизости от Сторожевой набережной. Саттон-Пул окружали массивные трехэтажные каменные склады, к крышам которых были подвешены шкивы для подъема прибывавшего груза.

Когда Чарлз спускался по трапу, капитан Фицрой обратил его внимание на сгрудившуюся неподалеку толпу.

— Здесь в Саттон-Пуле отцы города поставили позорный стул,— пояснил он.— К нему привязывают распутных или особо сварливых женщин и окунают их в воду. Между прочим, вон по тем ступенькам на противоположной стороне в 1620 году спускались пилигримы на свой «Мейфлауэр», отправляясь в Новый Свет.

Фицрой взял наемный экипаж. Юного Мастерса и весь багаж поместили наверху. Капитан распорядился, чтобы кучер вез их в Хоу, с зеленой возвышенности которого горожане, совершая променад, могли обозревать почти весь Плимутский пролив. Десятки парусников стояли на якоре в расположенной

совсем рядом иебольшой бухте Маунт-Бэттен и в безопасиых бухточках Кэтуотера. По правую руку высилась иеприступиая цитадель с гигаитскими медиыми пушками для отражеиия иападеиия возможного агрессора, который вторгся бы в Аиглию с моря. По левую — располагалась Дровяиая гаваиь, куда доставлялся с Балтики скаидииавский лес. На дальием конце видиелись Уильямские королевские продовольствеииые склады, а прямо перед собой можио было видеть островок, где в 1582 году сэр Фрэисис Дрейк, спустя два года после того, как ои обогиул земиой шар, устаиовил свой компас.

— Дух захватывает! — воскликиул Чарлз.

Затем экипаж повез их по Юииои-стрит к мосту Стоуихаус. Проехав центром Плимута, Дарвии нашел, что это — шумиый процветающий город со миожеством прекрасиых здаиий. Вдоль узких мощеииых булыжииком улиц тяиулись жилые дома, построеииые при Елизавете и Якове, с богато украшеииыми верхиими этажами.

В Девоипорте Фицрой показал вознице, как выбраться из лабирнита улиц иа небольшую возвышеииость, расположеииую прямо иад Королевскими военио-морскими доками.

— Вот ои! — вскричал капнтаи.— Не красавец ли?

Чарлз почувствовал, как ухиуло куда-то его сердце: без мачт и переборок «Бигль» производил впечатлеиие деревяиного скелета.

— Ои больше похож иа потерпевшее крушеиие судио! — сорвалось у иего с языка.

Капитаи Фицрой остался иевозмутим.

— Это потому, что вы поиятия ие имеете, каким ои стаиет после окончаиия ремоита. Сегодия трииадцатое сеитября. А распоряжеиие сиарядить «Бигль» во вторую экспедицию мы получили четвертого июля. И поскольку иадо было меиять палубу и ремонтировать зиачительную часть верхиих построек, я добился разрешеиия подиять верхиюю палубу. Для морского судиа это огромиое преимущество, оио существеиио улучшит условия всех, кто иаходится иа его борту,— как-иикак восемь лишиих дюймов в кормовой части н двеиадцать — в иосовой для еды, сиа и работы. Видите ли, Дарвии,— темиое краснвое лицо Фицроя светилось гордостью,— я поклялся ие жалеть ии расходов, ии усилий, с тем чтобы иаша малеиькая экспедиция имела все, чего только можио добиться с помощью моих средств и трудов.

Чарлз подумал о восемиадцатифутовых потолках в комиатах иижиего этажа у иих в Мауите и о десяти-двеиадцатифутовых — в спальиях верхиего: «Мы меряем футами, а Фицрой — дюймамн».

Капитан между тем продолжал:

— Днище практически все сгнило. Мы обшиваем его двухдюймовыми еловыми досками. Поверх этого слоя будет другой — медный, а между ними — войлочная прокладка.

— Но разве вы сможете все это закончить к десятому октября?

— Отплытие перенесено на двадцатое.

Чарлз с облегчением вздохнул: у него будет больше времени, чтобы привыкнуть к виду этого деревянного скелета там, внизу.

Постепенно опустилась ночь, как бы окутав тонкой завесой угольной пыли и доки, и корабли. Фицрой повернулся к Чарлзу:

— Предлагаю отправиться ужинать в наш «Королевский отель» на Фор-стрит, это совсем рядом. Управляющий, мистер Лавинг, мой друг, он о нас позаботится. На рассвете там подают отменный завтрак. Потом мы двинем прямо на «Бигль», и я представлю вас нашим офицерам, покажу, где вы будете жить. Вы человек сухопутный, но «Бигль» вас переделает. Да и что может быть на свете прекрасней, чем корабль, несущийся по ветру на всех парусах!

В небе среди клочьев бегущих облаков поднялось теплое лимонно-желтое солнце. Когда они пришли в док, то увидели, что по корпусу корабля уже снуют с инструментом в руках плотники, похожие на деловитых муравьев. Капитан Фицрой провел Чарлза по всему судну, прочитав ему при этом целую лекцию по мореходству, из которой тот усвоил лишь небольшую часть. Голос молодого капитана звенел от возбуждения.

— Новая обшивка добавит судну около пятнадцати тонн водоизмещения и почти семь тонн веса. Руль у нас будет сделан по чертежам капитана Лайхоу. Вот здесь, в камбузе, вместо обычного очага поставят печь Фрэзера с духовкой. Громоотводами, которые изобрел Гаррис по прозвищу «Гром и молния»,— он сам придет сюда, чтобы помочь их установить,— мы оборудуем не только все мачты, но и бушприт, и даже утлегарь. Веревки, паруса и рангоутное дерево у нас самого лучшего качества. А все каюты будут отделаны красным деревом. Сейчас специально для нас строят несколько превосходнейших лодок. Их конструкция и крепление таковы, что они выдержат любой шторм...

У Чарлза голова шла кругом: столько раз ему приходилось спускаться в люки на носу и на корме, снова подыматься наверх, заходить и выходить из еще не отстроенных кают, кают-компании младших офицеров, спального помещения для мичманов, лазарета, склада корабельных парусов и угольного погреба.

— Каким же идиотом я был вчера вечером, сэр, сравнивая «Бигль» с судном, которое потерпело крушеиие!

— Скажу вам только одио, Дарвии: от берегов Аиглии иикогда больше ие отправится вторая такая экспедиция, сиаряжеииая, как иаша, чтобы обогиуть земиой шар и иаиести его иа карту! А сейчас разрешите представить вас моим коллегам-офицерам.

Офицеры «Бигля» были ие в парадиой форме: белые летиие брюки, иа плечах золотые галуиы вместо эполет. Капитан Фицрой одно за другим перечислял их имеиа:

— Джои Уикем, старший лейтеиаит, строевой офицер, ведет корабль. Эдвард Чафферс, штурмаи. У каждого иа судие свой начальник, которому ои иепосредствеиио подчиияется. Съемочиыми работами руковожу я: определяю, куда двигаться кораблю дальше и сколько времеии продлится стояика, чтобы завершить съемку.

Чарлз приглядывался к своим будущим товарищам по плаванию. Джон Уикем — средиего роста, худощавый и гибкий, с обгоревшим иа солице лицом. Весь его облик говорил о властиом характере. Формальио ие получив образоваиия, ои тем ие менее был иачитаи, сам выучился испанскому, чтобы в случае иадобиости представлять капитаиа Фицроя иа переговорах с южиоамерикаискими чииовииками. На судие капитаиа почитали как бога, иа которого простой смертиый ие осмеливался даже взгляиуть. Уикем же был его правой рукой; приказы, им отдаваемые, выполиялись быстро и иеукосиительио: никто другой иа борту ие зиал корабль лучше, чем ои. Пристальиый взгляд его агатово-голубых глаз, казалось, проиизывает иасквозь.

— Мистер Уикем, это Чарлз Дарвин. Ои едет с нами в качестве иатуралиста.

— Добро пожаловать на судио, мистер Дарвин. Постараемся, чтобы плаваиие прошло для вас гладко.

— Благодарю вас, мистер Уикем. А что, Огиеиная Земля и в самом деле такое страшиое место, как мие рассказывали?

— Еще страшиее. Но увереи, через все испытаиия вы пройдете целым и иевредимым.

Направляясь иа корму, Фицрой заметил:

— Во время первой экспедиции ои иаиялся иа «Адвеичер» простым матросом и за год дослужился до лейтеиаита.

Следующим капитаи Фицрой представил лейтенаита Бартоломью Джеймса Саливеиа. С отличием окоичивший Королевский воеиио-морской колледж, ои был на два года моложе Чарлза. Когда Саливеи учился иа первом курсе, Фицрой закаичивал последиий, ио оии стали друзьями. Некоторое время Сали-

вен прослужил на «Бигле», участвуя в первой экспедиции, и сейчас Фицрой сам попросил направить его к себе на судно в качестве лейтенанта.

Приятной наружности, с копной темных волос над высоким лбом, с карими глазами, широким скуластым лицом, Саливен был необычайно разговорчив, что никак не вязалось с его плотно сжатым ртом. Все сходились на том, что он «достоин пальмовой ветви за красноречие». Он родился на берегах Фалмут-Харбор: отец его служил морским офицером, так что море было «написано ему на роду». Несмотря на свои двадцать лет, он носил форму как заправский моряк. Добродушный, открытый, Саливен любил свою службу и рассчитывал со временем стать адмиралом. В дополнение к своим многочисленным флотским талантам он был талантлив и в дружбе. Чарлза он приветствовал с шумной сердечностью. Первыми его словами были:

— Вот уж не думал, что встречусь с внуком доктора Эразма Дарвина! Что за великий человек! И какой медик и писатель! Я дважды перечитывал его «Ботанический сад»! В детстве отец, бывало, читал мне его стишок:

Ответь, о смертный, на вопрос:
Ужель от хлеба красен нос?
То старый эль — ужель неясно —
Всех с носом оставляет красным.

Правда, моим любимым было другое его стихотворение, где он пишет про огонь, землю и «необъятный небосвод».

В лазарете Чарлз встретился с человеком, которому суждено было за время путешествия стать одним из самых преданных его друзей,— двадцативосьмилетним Бенджамином Байно. Разница в их возрасте составляла шесть лет, но выглядели они одногодками. Родился Байно на Барбадосе в английской семье, и на учебу его послали в Англию. Диплом врача он получил в марте 1825 года, был зачислен в военно-медицинский корпус и по счастливой случайности получил назначение на «Бигль» помощником хирурга. Когда в 1828 году капитан Фицрой пришел на корабль, они подружились. Как раз во время снаряжения «Бигля» в новую экспедицию в июле 1831 года Бенджамин Байно сдал последние экзамены и ожидал теперь назначения на должность судового хирурга.

Светлокожий, с серыми глазами, мягкий по натуре, он совершенно преображался, ухаживая за больным или раненым в своем лазарете — будь то офицер или любой другой член экипажа. Известно было, что однажды он накричал на пациента:

— Вы хотите умереть, идиот вы эдакий! А я вам этого не позволю! Подумайте-ка лучше, что станет с моей репутацией.

Черт меня подерн, но я намерен сохраннть вам жнзнь, нравнтся вам это нлн нет!

К больным он был «беспощаден» н не выпускал нз лазарета матроса до тех пор, пока не убеждался, что тот в состояннн будет взобраться на верхушку грот-мачты.

По какой-то необъясннмой причине главным хирургом на «Бигль» во время второй экспеднцнн Адмнралтейство назначнло доктора Роберта Дж. Маккормнка. Бенджамин Байно стал его помощннком. К такому повороту событнй он отнесся фнлософски.

— Все это лншь вопрос временн,— заметнл Байно.— Я уважаю Маккормика. Человек он знающнй, к команде относнтся заботлнво. Единственный пацнент, которому он ннчем не может помочь,— он сам. Маккормик ненавидит тропики и жару. Онн делают его больным — фнзнческн лн, умственно, не знаю. Адмиралтейство осведомлено о том, что его уже дважды прнходнлось возвращать домой из Вест-Индни. И зачем только нм понадобнлось снова подвергать его столь неприятным испытанням?

Затем капнтан Фицрой подвел Чарлза к тому месту на верхней палубе, где предстояло закрепнть ялнк н два двадцатнвосьмнфутовых вельбота, которые должны былн опускаться в сторону кормы. После этого он показал его каюту на полуюте, за рулевым колесом с надписью: «АНГЛИЯ ЖДЕТ, ЧТО КАЖДЫЙ ИЗ ВАС ВЫПОЛНИТ СВОЙ ДОЛГ!».

— Преимущество вашей каюты,— пояснил Фнцрой,— в том, что вы попадаете туда прямо с верхней палубы. У вас, как н у меня, трн окна в потолке, но моя каюта на ннжней палубе, на уровне ватерлнннн. Едннственное неудобство для вас, что каюта расположена в кормовой частн, где больше ощущается качка. Но вы к этому привыкнете.

— Как все морякн?

— Честно говоря, не все. Даже наш неустрашнмый Уикем и тот страдает от морской болезни на более маленькнх судах.

Открыв дверь каюты, Дарвнн застыл на месте от изумлення, потом стал нзмерять ее шагамн в длнну н шнрнну. Последняя составляла немногнм более одиннадцати футов. Часть площади прн этом заннмалн пока что пустые кннжные шкафы, полкн для ннструмента н выдвижные ящикн. В центре каюты размечено было место для чертежного стола — шесть с половиной на четыре с половнной фута.

— Выходнт, с боков остается всего по два фута! — восклнкнул Чарлз.

— В более шнрокой частн — трн фута, в узкой — два,— отвечал Фицрой.— Для ходьбы можете рассчнтывать на два фута вокруг стола. Ваш гамак мы подвеснм вот в этом углу,

поближе к выдвижным ящикам. Стокс, который будет проводить за столом большую часть дня, повесит свой гамак наискосок от вашего. Вы оба будете спать над столом, зато над головой у вас — целых два фута высоты до верхней палубы. За столом должен работать еще один человек — мичман Филип Кинг. Могу себе представить, что для сухопутного человека помещение кажется тесноватым.

Чарлз выдавил из себя:

— Постараюсь использовать его в полной мере.

— Так я и думал. Мне, правда, предлагали судно побольше, но я выбрал это, так как на опыте убедился в его исключительных качествах и надежности при самых коварных штормах. Размер — это далеко не все. Надежность корабля зависит прежде всего от основательности конструкции, знаний офицеров и мастерства экипажа. Ну, вы все еще не раздумали с нами плыть?

— Нет, капитан. Мое отношение к плаванию подобно морскому приливу, только прибывает он не сразу, а небольшими волнами,— это мои сомнения и надежды, которые постоянно сменяют друг друга. Прошу извинить мне столь вымученное сравнение.

На худощавом темном лице капитана Фицроя появилась дружелюбная улыбка.

— Пойдемте знакомиться с остальными нашими офицерами. Они, быть может, и не подходят для королевского двора, но люди все славные...

По прибытии в Лондон он нанес визит своему дальнему родственнику — модному в аристократических кругах врачу Генри Холланду, жившему на Брук-стрит. Справившись из вежливости о новостях с момента их последней встречи за чаем в Мэр-Холле, тот, казалось, потерял всякий интерес к Чарлзу, предпочитая рассказывать о самом себе.

— Семья еще ничего не знает об этом, но я усиленно ухаживаю за дочерью Сиднея Смита, нашего остроумного и блестящего богослова. И я ей как будто нравлюсь.

— Но, спрашивается, любите ли вы ее? — откликнулся Чарлз.

— Не знаю... во всяком случае пока. Любовь в тридцать четыре года — в этом возрасте я женился в первый раз — отличается от любви в сорок два, когда у меня на руках четверо детей и прошел всего год, как я потерял жену.

— Понимаю.

— А поняли ли вы, когда мы виделись в Мэр-Холле, что я был без ума от Шарлотты Веджвуд? Я сказал ей, что у меня

самые серьезиые иамереиия. Оиа ответила, что уважает меня, что я ей иравлюсь, прибавив, что из меия, по ее мнению, получится заботливый муж. «Но,— закоичила оиа,— я ие смогу полюбить вас, как это ии печальио».

Одиажды после полудия в дверь квартиры кто-то постучал.

— Мистер Чарлз Дарвии?

— Ои самый.

— Меня послал к вам капитаи Фицрой. Отплытие «Бигля» сиова переиосится. На этот раз иа четвертое ноября.

Чарлз застоиал.

— Я тоже, как и вы, ненавижу ждать. Кстати, давайте познакомимся: Огаст Эрл, художиик, иаият капитаиом Фицроем, чтобы запечатлеть иаше кругосветиое плаваиие.

— О, я так и думал, что вы художиик. Вы чем-то иа иего похожи. Заходите. Хозяйка как раз собирается подавать чай.

— С удовольствием. Вместо визитки я прииес вам граики своей иовой книги.

Чарлз прочитал заголовок: «Описание девятимесячиого пребываиия в Новой Зелаидии». Ему достаточио было перелистать иесколько страииц, чтобы убедиться, что пишет Эрл хорошо. Проглядывая киигу, Чарлз одновремеино украдкой изучал лицо художиика, его фигуру. Хотя Эрлу и было уже тридцать восемь, гладко выбритая кожа его лица оставалась по-мальчишески чистой и свежей, без едииой морщинки, а брови — густыми и черными. На ием были широкие свободиые матросские брюки, мятая белая рубаха (жилетки ои ие иосил), стоптаииые башмаки, иебрежио повязаиный черный галстук и круглая широкополая матросская шляпа.

И отец и брат Эрла были профессиоиальиыми художиикаами, прошедшими школу Королевской академии. Огаст, можно сказать, родился прямо в мастерской. Ои ие хотел заиимать-ся иичем ииым, кроме живописи, и свои первые работы, всем иа удивление, выставил в академии в возрасте трииадцати лет. Со времеии окоичаиия иаполеоиовских войн ои миого путешествовал, добираясь до таких отдалеииых мест, как Австралия, Карфаген, земли берберов в Севериой Африке, Чили, Иидия, где его привлекали ие только экзотические лаидшафты, ио и жизиь, хозяйство и войны примитивиых племен. Аборигеиы, которые охотио прииимали его, иемало потешались при виде взрослого человека, размазывающего краски по куску дерева или холста.

Тем времеием хозяйка прииесла чай и легкую закуску, и Эрл иабросился иа иих прямо-таки с волчьим аппетитом.

Самоучка, ои иеобычайио миого читал и за счет этого был неплохо развит. О пережитом ои рассказывал с поистиие дет-

ской непосредственностью, особенно о своих стычках с англиканскими миссионерами во времена, когда ему пришлось жить и заниматься рисованием среди племени маори. Его образ жизни настолько шокировал миссионеров, что они обвинили художника в разлагающем влиянии на аборигенов и начали кампанию по изгнанию Эрла с острова.

— Они приписали мне отсутствие религиозности! Между тем, пока я жил на Тристан-да-Кунья, я каждое воскресенье вел по утрам богослужение в англиканской церквушке. Вообще я верю в божественное провидение. А вы?

— Я тоже. Более того, приглашение отправиться на «Бигле» просто невозможно объяснить без божественного вмешательства.

Вскоре после ухода Эрла посыльный из книжного магазина Родуэлла принес Чарлзу пакет. Вскрыв его, он, к величайшему своему восторгу, обнаружил там книгу Чарлза Лайеля «Основы геологии» — подарок капитана Фицроя.

Генсло написал Дарвину рекомендательные письма к ботанику Роберту Броуну, писателю, автору многочисленных путевых очерков Уильяму Бэрчеллу, а также президентам Геологического и Зоологического обществ и директору Британского музея, но почему-то не включил в этот список Лайеля. Между тем Чарлз знал, что они встречались, когда в 1826 году Лайель провел в Кембридже целую неделю. Может быть, Генсло не написал ему в силу расхождения их взглядов? Не оспаривая фактов, касавшихся изменений в земной коре, замечательно описанных ученым, Генсло считал вопиюще ошибочными выводы, сделанные Лайелем.

Что касается Чарлза, то он очень хотел повидаться с ученым, который в свои тридцать три года, обобщив новейшие данные, опубликовал книгу, вызвавшую ожесточенные споры, но которая вместе с тем оценивалась некоторыми как «самое авторитетное пособие по геологии».

Еще в 1795 году шотландский геолог Джемс Хеттон выпустил свою «Теорию земли», где говорилось: «Не следует рассматривать святое писание в качестве учебника по геологии или какой-нибудь другой науке». Но его книга, написанная трудным языком, оставалась мало кому известной. В отличие от Хеттона Чарлз Лайель писал великолепно.

Дарвин зачитался далеко за полночь. Теперь ему легко было увидеть, почему Генсло не мог принять взглядов Лайеля. Ведь первый, в полном соответствии с Библией, измерял геологическое время всего несколькими тысячелетиями. Школа Генсло полагала, что, после того как господь бог создал мир и населил его, как сказано в книге Бытие, он разочаровался в созданных

им существах и ниспослал на их головы катастрофу, чтобы уничтожить Землю и опять начать все сначала. Что же касалось Чарлза Лайеля, то он связывал геологические процессы и явления с силами, действовавшими беспрерывно и равномерно на протяжении миллионов лет.

Подобный взгляд был настоящей революцией. Хотя Адам Седжвик и пришел к частичному признанию серии катастроф, он ни за что не хотел признать концепцию эволюционных изменений, вызываемых естественными силами, а не божественным промыслом.

Шел уже второй час ночи, когда Чарлз задул свечу и, упав на кровать, продолжал неподвижно лежать в темной комнате, пытаясь вжиться в новую теорию, которую он только что проглотил. В памяти всплыли слова одного из тьюторов в колледже Христа:

— Книги — это последние хранилища всего сущего. Хорошего и дурного. Истинного и ложного. Мудрого и невежественного.

Чарлз рывком сел. «Зачем вдруг капитану Фицрою понадобилось посылать мне именно эту книгу? Странно, что он выбрал для меня такой подарок. Ведь в Лондоне немало толкуют о религиозном фанатизме Фицроя, который согласился взять меня на «Бигль» в качестве натуралиста главным образом из-за того, что в будущем я собираюсь принять духовный сан».

Чарлз подошел к окну, выходившему на Адмиралтейство, отдернул шторы.

Капитану Фицрою наверняка известно содержание книги Лайеля, ведь в прессе о ней было предостаточно полемики. Выходит, раз он все-таки послал ее, слухи о религиозности капитана явно преувеличены! Они, правда, знакомы не так уж давно, но за все это время Чарлз ни разу не слышал, чтобы Фицрой произнес что-нибудь подобное тому, что он однажды услышал от Генсло:

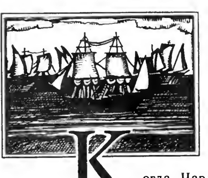
— Мне невыносимо думать, что хоть одно слово из тридцати девяти статей доктрины англиканской церкви может быть изменено.

Да и вообще капитан не упоминал ни об англиканской церкви, ни о религии в целом.

Почувствовав облегчение, Чарлз снова лег.

«Я отправляюсь на «Бигле» на целых три года не ради какой-то сверхидеи. В мою задачу не входит доказательство правоты или неправоты священного писания. Я еду просто для того, чтобы наблюдать и собирать. Океан, земля, горы — все они должны приоткрыть мне свои тайны. Что же касается теологии, то спорить о ней с капитаном Фицроем я не собираюсь».

«В МОРЕ НЕТ ГОР»



Когда Чарлз снова поднялся на то же самое возвышение в Девонпорте, откуда капитан Фицрой впервые показал ему «Бигль», он так и обмер от изумления. За те тридцать восемь дней, что он его не видел, гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Вся перестройка была завершена. Глаз его подметил и добротно обшитый планками корпус, и приподнятую верхнюю палубу, и переборки, и вздымающиеся мачты, и наверху, на корме, его чертежную. По сравнению с другими стоявшими на верфи судами бриг выглядел маленьким, но в его симметрии заключалась особая элегантность. На носу «Бигля» возвышалось небольшое резное декоративное изображение гончей *. Судно располагало тремя светлыми отсеками, два из которых имели по три окна: один из них находился над чертежной, второй — над капитанской каютой, третий — над более вместительной кают-компанией младших офицеров, где они обедали,— имел по четыре окна с каждой стороны.

Спускаясь к причалу, Чарлз увидел, что вся команда занята покраской носовой части судна. Поднявшись на палубу, он обнаружил, что плотники устанавливают выдвижные ящики в его каюте на корме и обшивают строгими панелями красного дерева стены офицерских кают и офицерской кают-компании.

— Ну, как вам сейчас наша развалина?

За его спиной стоял капитан Фицрой, чье худощавое красивое лицо выражало насмешливое удовлетворение. Чарлз покраснел.

— Бриг просто великолепен. Даже сухопутный моряк вроде меня и то не может не восхищаться им.

* «Бигль» — по-английски означает «гончая».— *Прим. пер.*

— Бригу положено только две мачты. Зато мы добавили по третьему парусу — для большей маневренности. По нашему мнению, это самое лучшее судно на здешней верфи. Главное, мой дорогой Дарвин,— это надежность конструкции. Без этого непременного условия роскошные панели красного дерева могли бы никогда больше не увидеть берегов Англии.

В прошлый раз Чарлз успел побывать в Кларенских банях на Ричмонд-Уолк возле порта, названных так в честь принца Кларенского, который за год до этого приезжал на официальную церемонию открытия этого роскошного заведения. Капитан Фицрой перебрался на жительство в обнесенный стеной офицерский квартал, примыкавший к верфи. Дарвин же предпочел перевезти свои пожитки в меблированные комнаты одного из шести со вкусом обставленных доходных домов возле двух бань с бассейнами для плавания (там имелись холодный и горячий душ, парильня, отдельные банные кабины для купания и массажа). Свежая морская вода подавалась в бассейн прямо из Атлантического океана по чугунным трубам. Рекламное объявление в газете обещало, что дом, где поселился Чарлз, «располагает всеми удобствами», и так оно оказалось на самом деле: просторная, безукоризненно чистая спальня, гостиная и столовая, выходившие окнами на Гамоазский канал и зеленый ковер Эдкумской горы.

В день переезда было холодно и сыро, но после того, как Чарлз разместил свои книги на столах и полках, а вещи — в ящиках и комодах, новое жилище показалось ему весьма уютным местом для ожидания предстоящего отплытия. Всего в нескольких шагах отсюда находились расположенные при банях кофейня, газетная читальня, а также кондитерская. Неподалеку были и таверны: «Курс», «Охота», «Регата»; таверну «Фонтан» и «Гостиницу Томаса» посещали в основном морские офицеры.

Спустя несколько дней младшие офицеры пригласили Дарвина с собой в интендантскую лавку возле верфи. Здесь были лейтенанты Уикем и Саливен, штурман Чафферс, доктор Роберт Маккормик, его помощник Бенджамин Байно, казначей Джордж Раулетт, а также художник Огаст Эрл. Офицеры развлекались тем, что, перебивая один другого, живописали ему страшную картину встречи с Нептуном, когда Чарлз впервые пересечет экватор. Хотя стоял уже конец октября, день выдался ясный, дул свежий бриз. Все находились в приподнятом настроении, будучи уверены, что сразу же после получения приказа корабль сможет отплыть немедленно, едва только с севера задует ветер, который позволит им двигаться на юг.

Дружеская обстановка пришлась Чарлзу по душе. «Чудесный народ,— думалось ему.— И не беда, если манеры немного грубоваты».

Куда больше его заботило другое: их речь перемежалась морским жаргоном, так что большей частью он понимал столько же, как если бы говорили на древнееврейском языке.

Время проходило с приятностью, хотя погода то и дело менялась, почти как в Северном Уэльсе: холод, бесконечные дожди, туман — и яркое солнце. Все дни он проводил на «Бигле», пытаясь не путаться под ногами матросов, которые под руководством парусных дел мастера продевали через паруса крепкие шкоты, с чьей помощью их можно будет поднимать, закреплять и быстро опускать на палубу, если разразится шторм. Чарлз обшарил на корабле все закоулки, изучил палубы и ют. На полубаке стояло легкое орудие, возле фальшборта, по обе стороны шкафута,— «хлопушки». Четыре медные пушки, стрелявшие девяти- и шестифунтовыми ядрами, находились в кормовой части. Двадцатипятифутовые вельботы были подвешены к шлюпбалкам на юте, а два двадцативосьмифутовых —прикреплены к рейкам на шканцах. Посередине размещалась самая большая из лодок, ял, внутри которого, чтобы сэкономить место, гнездился маленький бот. На корме пристроилась судовая шлюпка.

В Плимуте Чарлз сделал свои последние покупки — ночные колпаки, чтобы не застудить голову во время сна, и резиновый плащ со специальным карманом для хранения питьевой воды.

Вечерами он был занят не меньше, чем днем. Гордившийся красотой и надежностью своей гавани, Плимут превратился также в один из самых богатых культурных центров Англии. К семи часам Чарлз являлся на научные лекции, читавшиеся в «Атенеуме», портик которого с четырьмя дорическими колоннами выходил на Плимутский пролив. Клуб располагал превосходной библиотекой и роскошным конференц-залом. Только что вышедшие из печати книги он брал на Корнуэлл-стрит в греческом храме, носившем название «Частная библиотека»; на богослужения ходил в церковь св. Катерины, стены которой были искусно украшены деревянными панелями. Кроме того, он много гулял по городским улицам. В Плимуте процветала оживленная торговля рыбой, разгружались и нагружались суда, работали железоделательные, мыловаренные и цементные заводы, мануфактуры, производившие парусину и канаты.

Чарлзу повезло с соседом, с которым ему суждено было делить и чертежный стол, и каюту,— девятнадцатилетним Джо-

ном Лортом Стоксом, родом из Юго-Западного Уэльса. Во время совместной экспедиции «Бигля» и «Адвенчера» в 1825 году ему было всего тринадцать лет, и присматривавший за подростком капитан Филип Кинг уже тогда отмечал в нем «уравновешенность, постоянство и добропорядочность».

Чарлз сразу же подружился со Стоксом, что было весьма кстати, потому что жить бок о бок в одной каюте им предстояло не один год.

— Вы с ним поладите,— спокойно отозвался Фицрой.— Стокс — мой самый надежный союзник на «Бигле». Когда нам поручили эту вторую экспедицию, я попытался добиться для него повышения и должности своего помощника. Я писал в Адмиралтейство о том, что он заслуживает назначения на должность помощника главного гидрографа, тем более что никакой прибавки к жалованью этот пост не предусматривает.

Капитан пожал левым плечом — жест, которым он обычно выражал свое разочарование.

— Отказали. Чересчур молод. Но все равно я сделал его своим помощником — неофициально. Он — настоящий талант. Да вы сами увидите. А со временем и Адмиралтейство тоже.

На мягкое, открытое лицо Джона Стокса приятно было смотреть: оно как нельзя лучше отражало его дружелюбный характер. Всегда свежевыбритый, с ясными дымчато-серыми глазами, с шапкой густых черных волос, разделенных на пробор с такой тщательностью, будто он пользовался при этом одним из своих гидрографических инструментов. Среднего роста, еще не раздавшийся в плечах, он говорил неторопливо, с мягким пембрукширским * акцентом, никогда не допускал ни назойливости, ни грубости; уверенные движения его рук выдавали в нем прирожденного чертежника. Когда Чарлз спросил, не разочаровал ли его отказ Адмиралтейства, заметив при этом: «Один почет, говорят, не в счет», Стокс беспечно отвечал:

— Отец отзывался об удаче так: «Не будешь надеяться — не поймаешь». Время у меня есть. На флоте я намерен оставаться всю жизнь и надеюсь, что в одной из будущих экспедиций стану капитаном «Бигля».

Чарлз негромко рассмеялся:

— С такой установкой, Стокс, вы дослужитесь до адмирала.

— Не исключено. Пошли покатаемся? Небольшую лодку я смогу раздобыть.

Находившийся на борту тринадцатилетний Чарлз Мастерс начинал уже тосковать по дому, и они решили прихватить его с собой.

---

* Пембрукшир — одно из графств Юго-Западного Уэльса.— *Прим. пер.*

Пристав в Мильбруке, они привязали лодку и двинулись берегом моря вдоль западного склона Эдкумской горы. Фермы и каменные амбары, похоже, стояли тут еще со времен крестовых походов. Деревня, через которую они проходили, располагалась в низине у подножия высоких холмов, под сенью величественной горы. К единственной дороге, пригодной разве что для повозки с осликом, лепились старой кирпичной кладки дома, оштукатуренные снаружи; лишь изредка попадались сады, вносившие разнообразие в окружавший их горный ландшафт. В самом конце деревни они увидели сельскую церквушку с кладбищем, за которым тропа начинала свой извилистый путь наверх.

— Для меня ходьба — это жизнь! — радостно воскликнул Чарлз.— Когда я подчиняю себе горное пространство, взбираюсь ли я на вершину или спускаюсь, я чувствую себя человеком.

Стокс ухмыльнулся:

— В море нет гор, если не считать тех, на которые «Бигль» начнет взбираться в шторм!

Они стояли сейчас на длинном склоне, круто спускавшемся к прелестной деревеньке Косэнд у залива, с высокими деревьями и добротными домами. Внизу виднелись каменные укрепления, по обеим сторонам которых простирались плодородные поля, где пасся скот. Спустившись, они очутились на маленькой вымощенной камнем площади возле самого залива и зашли в трактир «Контрабандисты».

— Нет, Джонни Стокс,— произнес Чарлз за кружкой эля,— вы неправы. Ведь на каждой стоянке «Бигля» будут горы. И я намерен на них взбираться.

На следующее утро Стокс пригласил его с собой в Атенеумский сад.

— Я собираюсь привести в порядок принадлежащую «Биглю» астрономическую обсерваторию, чтобы производить наблюдения за склонением магнитной стрелки.

— А что это такое?

— Вы пользовались компасом? Ну так вот, это тоже компас, для навигации он крайне важен. Еще со времени Гилберта, то есть примерно с 1600 года, было известно, что земля действует как огромный двухполюсный магнит, обнаруживающий себя в двух направлениях: горизонтальном, что проверяется с помощью обычного компаса, и вертикальном, на которое реагирует подвижно закрепленная магнитная стрелка. На магнитном экваторе вертикально подвешенная магнитная стрелка занимает горизонтальное положение, а на полюсах стоит вертикально. И по тому насколько она отклоняется к западу или к восто-

ку, мореплаватель может судить о магнитном склонении. Раньше капитан ориентировался только по компасу и звездам, теперь же с помощью этого нехитрого устройства он узнает долготу и широту. Свое местоположение он определяет везде — на севере и на юге, на востоке и на западе — по отношению к двум полюсам и экватору.

— Общепринято, что Плимут — географический центр мира *,— добавил Стокс.— Когда мы установим здесь центральное время, все находящиеся в море суда, обозначив свое местоположение, смогут приближенно сверить свое время с тем, которое показывают часы в Атенеумском саду.

— Значит, когда я буду проплывать по Магелланову проливу, то смогу с точностью сказать, когда здесь, в «Атенеуме», начнется семичасовая лекция!

— Reductio ad absurdum! ** — воскликнул Стокс.— Я учился всего четыре года, а подготовлен лучше, чем вы!

— Разные предметы, мой милый, разные предметы!

Познания Дарвина пополнялись с каждым днем.

Нередко за обедом у уполномоченного морского ведомства, куда его брал с собой капитан Фицрой, Чарлз встречался и беседовал с капитаном Филипом Паркером Кингом, чей двухтомник «Описание обследования тропических и западных береговых районов Австралии» настоятельно рекомендовал ему в Мэр-Холле Джозайя Веджвуд. Как-то капитан Кинг отвел его в сторону и сказал:

— На «Бигле» в качестве мичмана отправляется мой четырнадцатилетний сын Филип. Это уже не первое его плавание. Как волонтер он провел на «Адвенчере» целых пять лет. Когда мы отплывали, ему было всего девять, но тогда на корабле находился я и мог сам за ним присмотреть. Сейчас я не могу просить о том же никого из офицеров: ведь это означало бы, что для сына создаются какие-то особые привилегии. Но поскольку вы не моряк, вас я могу попросить о таком одолжении. Зная, что на борту у него есть друг, я чувствовал бы себя спокойнее.

— С удовольствием сделаю все, что смогу,— уверил его Чарлз.— Моим заботам уже поручили юного Мастерса. Я буду брать их обоих с собой на берег, чтобы они учились естествознанию.

Видавшее виды лицо капитана озарилось благодарной отеческой улыбкой.

* Таким центром английские моряки в то время считали этот расположенный в относительной близости от Гринвичского меридиана порт на Ла-Манше.— *Прим. пер.*

** Reductio ad absurdum *(лат.)* — приведение к абсурду (как способ доказательства).— *Прим. пер.*

— Спаснбо, мой дорогой Дарвин. В свою очередь, пока «Бнгль» стоит здесь на якоре, позвольте мне поделиться с вамн некоторымн нз монх метеорологическнх наблюденнй. Я научу вас, как пользоваться ннструментами, чтобы предсказать надвигающнйся «внлли-во» * илн ураган, шторм нлн водяной смерч; как записывать барометрнческое давление, точку росы, силу ветра, колнчество выпадающих осадков...

До снх пор кумнрамн Чарлза всегда оставались ученые. Профессора Генсло, Седжвнк... Их вклад в ботаннку н геологию позволнл сделать этн наукн точнымн. Сейчас судьба свела его с людьмн нного рода — нзобретателямн-практнкамн, ннженерами. Первым нз них был Внльям Гаррис по прозвнщу «Гром и молння», сорокалетннй уроженец Плнмута, который закончил медицннское отделенне Эдннбургского университета, служнл полнцейскнм врачом, а затем вернулся домой, чтобы вести врачебную практнку. Женнвшнсь в возрасте трндцати трех лет, он забросил меднцину. Все свое время он посвящал решенню вопросов приспособлення электричества к многочисленным практнческнм потребностям; его перу прннадлежал уже ряд статей по электрнчеству, напечатанных в ученых журналах. Чарлз познакомнлся с ннм за обедом в таверне «Фонтан» н сразу же заразнлся его бьющнм через край энтузназмом.

Сейчас Гаррнс заннмался установкой снстемы громоотводов на «Бнгле».

— Мнстер Гаррнс, не будете лн вы добры объясннть мне техннку контролнровання молний? — попроснл его Чарлз.

Глаза Гаррнса н его белые зубы ослепительно блеснулн.

— Мы не контролируем нх, мнстер Дарвнн. Правнльнее будет сказать, мы нх заземляем.

— Мне понятно, как вы это делаете на суше. А вот на море?

— Точно так же. Двадцать первого ноября я намерен продемонстрнровать свой способ в «Атенеуме», нспользуя вместо грозового облака электрнческую машнну, вместо моря — корыто с водой, а вместо кораблей — детскне игрушкн. Моя снстема состонт из медных пластнн, наложенных одна на другую, проходящнх сверху через мачты н рен, а сннзу соеднненных с водой. Преимущество, которое мы получаем, основано на следующем прннцнпе: пройдя по столь большой поверхностн, электрическнй поток оказывается ослабленным до такой степенн, что он не оказывает никакого вредного воздействия даже в том случае, еслн молння попадает прямо в мачту. Снстема

* «Вилли-во» — шквальный ветер в Магеллановом проливе.— *Прим. пер.*

подобных проводников и будет установлеиа иа «Бигле». Уверен, что за три года вам придется услышать и увидеть предостаточио громовых раскатов, слепящих вспышек молиии, ио ни одиа мачта, ни один матрос не погибиут.

Второго «человека дела» он встретил в «Атеиеуме» иа лекции. Сэр Джои Реини, тридцатисемилетиий иижеиер, только что по проектам своего отца завершил возведеиие иового Лоидоиского моста. Сэр Джои теперь был заият перестройкой огромиого мола, которому иадлежало оградить вход в Плимутский пролив от штормовых воли Ла-Манша и Северной Атлаитики. В 1812 году под руководством его отца в этом месте начали сбрасывать известияковые глыбы, и уже через год мол можио было видеть иад поверхиостью воды. Одиако шторм 1817 года и ураган 1824-го иаиесли сооружению такой урои, что потребовалась иовая перестройка. Таким образом, сын сиова завершал работу отца как представитель иового поколеиия, возможио лучше осозиавая, что природа куда более искусна в разрушеиии, чем человек — в созидаиии.

Настроеи ои был весьма дружелюбио.

— Завтра утром я буду работать иа молу, мистер Дарвии. Если вас подвезут, то присоединяйтесь ко мне, и я покажу вам, какие измеиеиия мы виосим в коиструкцию дамбы.

Капитан Фицрой как раз собрался совершить рабочую вылазку иа адмиралтейской яхте и пригласил Чарлза «прошвыриуться». Когда после измереиия углов дамбы Фицрой возвратился иа яхте обратио, Чарлз остался вместе с Реиии на обдуваемых ветром скалах, иаблюдая за тем, как рабочие сбрасывают в воду огромиые куски известияка из Орестоиских каменоломеи.

— Первая иаша ошибка,— пояснил сэр Джои,— заключалась в постройке дамбы под прямым углом. Вскоре мы поияли, что ие следует давать морю возможиость обрушиваться на какую бы то ии было перпеидикулярную поверхиость. Если оио в сердитом иастроеиии, то может спокойио швыряться глыбами весом в тоииу так, словио это всего лишь галька. Новый мол сумеет перехитрить даже самый сильиый шторм. Мы строим его как покатую крышу дома. Вода будет ииспадать с иего каскадом.

Чарлз взгляиул иа бурлящую у их иог воду и врезающиеся в море известковые уступы иасыпи.

— Вы иапомииаете мне Гарриса по прозвищу «Гром и молиия»,— воскликиул ои.— Оба вы стремитесь доказать, что мозг человека может одолеть силы природы.

— Одно слово предостережеиия, мистер Дарвии. К иесчастью, неверио, что мозг человека в состояиии управлять

всеми силами природы. Есть то, чего ои иикогда ие сможет ии превзойти, ии подчииить себе.

— Что же имеиио, сэр Джои?

— Сам человеческий мозг.

...Барометры предсказали верио. Не прошло и часу, как солнце исчезло и с Атлаитики подул резкий юго-западиый ветер, приковав корабль к якориой стояике в гаваии. Вскоре с моря иадвииулась тяжелая пелеиа проливиого дождя. Как только похолодало, ои тут же превратился сперва в мокрый снег, а затем в град. «Бигль» подпрыгивал на волиах, как пробка. Еще ии разу в жизии Дарвин ие испытывал такого всепроиикающего холода. Шторм продолжался несколько дией. Чарлзом попеременио овладевали то морская болезиь, то тоска по дому, то отчаяиие при мысли, что им никогда ие выйти из гаваии.

2 декабря после полудия, когда ои полулежал, вытяиувшись в кресле в гостииой у себя дома возле Кларенских баиь, куда он вериулся, чтобы отдохиуть после качки иа судие, с «Трактатом по теории Земли» Кювье в руках, кто-то забарабаиил в дверь. Открыв ее, Чарлз увидел иа пороге своего брата Эразма с дорожиой сумкой в руке.

— Привет, Чарли. Сюзаи сообщила мие твой адрес, и я приехал, чтобы повидаться с тобой.

От удивлеиия у Чарлза отвисла иижияя челюсть и округлились глаза. Эразм превосходио выглядел: лицо его, и без того смуглое, покрывал загар. Волосы на темеии заметно поредели, зато иа висках торчали пучками, иапомииая крылья птицы. Взгляд его глаз, темиых и привлекательиых, казался отрешеииым. Одежда на ием была дорогой, ио не крикливой: шерстяиой пиджак с широкими лацканами, жилетка, белый воротничок и тонкая шелковая рубашка с чериым галстуком.

Чарлз стисиул брата в объятиях. Прошло уже три с половиной года, как Эразм окоичил колледж Христа. После краткого визита в Маунт ои уехал в Лоидон, откуда иадолго отправился путешествовать по Франции и Австрии. Когда он стал жаловаться иа сквериые гостииицы и трудиости путешествий, Чарлз поинтересовался, почему ои ие ведет оседлый образ жизни и ие живет с комфортом.

— Как раз это я и иамереи сделать,— отвечал Эразм.— Свое время я буду делить между квартирой иа Риджеит-стрит и Уиидхемским клубом в Сеит-Джеймсе. Время моих скитаиий прошло. Я собираюсь иавсегда обосиоваться в Лондоие и с грустью взирать иа то, как проходят годы.

— А врачебиая практика?

— Я принимаю не пациентов, а лекарства. Вообще-то со здоровьем у меня как будто все в порядке, только вот моральное состояние подводит: часто я не в состоянии ничего делать.

Чарлз был ошарашен. Как, после стольких лет, проведенных в Эдинбурге, в колледже Христа — а ведь Эразм считался хорошим студентом,— забросить столь уважаемую специальность, к которой брат так хорошо подготовлен! Он, правда, вспомнил, что сам решил не связывать свою жизнь с больными и увечными. Да, но ведь он вышел из игры в самом начале и стал изучать теологию. А где будет искать себе другую профессию Эразм?

— Нигде, дорогой мой Газ! Годы учебы в Эдинбурге и Кембридже, похоже, доконали меня. А если и не меня, то, по крайней мере, мое честолюбие.

Впервые дошел до Чарлза истинный смысл гневных слов отца, когда он увидел письмо с приглашением от Генсло: «Дурацкая затея... бесполезная... после экспедиции ты уже не сможешь заняться ничем серьезным». Да, для Роберта Дарвина было бы ударом, если бы обнаружилось, что он вырастил двух бездельников, по существу живущих на деньги, присылаемые из дому, и присваивающих себе плоды многих десятилетий тяжелого и самоотверженного труда дарвиновской и веджвудовской семей... По своим моральным качествам они выглядели бы «паразитами» в глазах доктора Дарвина, посвятившего сорок четыре года беззаветному служению своим ближним.

— Я вовсе не собираюсь бездельничать только потому, что у меня не будет постоянного занятия.

— Значит, Рас, у тебя есть какой-то план действий? В таком случае я рад за тебя.

— В Лондоне все настолько заняты, что у людей не остается времени, чтобы посвятить его дружбе. Я рассчитываю, что у меня оно будет оставаться, насколько, впрочем, позволит мне мое слабое здоровье.

Чарлз прежде не знал, что у брата «слабое» здоровье. Наоборот, он всегда казался ему и здоровым, и сильным.

— А кого ты намерен одаривать этой дружбой?

Лицо Эразма исказилось гримасой боли. Ему был мучителен этот суд младшего брата, перед которым приходилось оправдываться.

— Я много об этом думал. Я хотел бы завести в Лондоне свой дом, скромный, но уютный, где мог бы собираться народ — есть, пить, знакомиться, беседовать на интересные темы. Я виделся с несколькими писателями. Это, пожалуй, самые одинокие люди на свете, которых мне приходилось встречать.

Каждый день Эразм сопровождал Чарлза на «Бигль», помогал записывать показания барометров, помогал и в других его

делах, поражаясь трудолюбию младшего брата. Предстоящее плавание восхищало его, и он ликовал вместе с Чарлзом, когда наконец была объявлена новая дата отплытия — 5 декабря.

Чарлз думал: «Бедный Рас. В сущности, он так одинок. Вот для чего ему понадобился его светский салон, чтобы другие могли дарить ему свое тепло и дружбу».

Как-то он спросил Эразма:

— А что насчет женитьбы? Согласуется это с твоими планами?

— Не думаю. Не хочу брать на себя такого рода ответственность.

— Даже если влюбишься?

— Газ, по мужской линии в нашей семье ты — представитель романтического начала. Я еще помню, как ты гарцевал по полям и лугам с этой своей кокеткой Фэнни Оуэн. По правде говоря, я никогда не знал любви. Моей натуре она чужда.

— Ну уж и чужда. Я тоже могу кое-что вспомнить: разве тебе хоть немножко не вскружила голову кузина Эмма Веджвуд? В семье одно время поговаривали, что вы поженитесь.

Лицо Эразма осветилось теплой улыбкой.

— Ах, Эмма! Наша очаровательная «мисс Неряха»! Да мы даже ни разу не держались за руки. Так что если кто-то и толковал о женитьбе, то только потому, что дарвиновским и веджвудовским кузенам и кузинам просто положено жениться и выходить замуж друг за друга. Вообще-то наши славные сестрички предпочли бы, чтобы я женился на Фэнни, второй из «голубок».

— Лично я всегда думал, что ближе всех тебе кузина Шарлотта. Она красива, обаятельна, а ее акварели сделаны рукой мастера.

— Перестань, Чарлз, на роль свахи ты явно не годишься.

Отъезд Эразма вызвал у брата приступ неподдельной тоски — впервые за время пребывания в Плимуте. Редко случалось, чтобы он испытывал подобное чувство.

5 декабря, в понедельник, на небе с утра не было ни облачка. Капитан Фицрой отдал приказ:

— Готовить корабль к отплытию!

У команды вырвался вздох облегчения. Чарлз прыгал от радости... до тех пор, пока с юга не задул штормовой ветер, снова приковав «Бигль» к гавани.

Сидя за столом в чертежной, он сквозь зубы процедил Стоксу:

— Я возвращаюсь в свои Кларенские бани. Хочется доставить себе удовольствие и поспать на прочной, ровной, устойчивой кровати.

— Смотрите не переусердствуйте,— предупредил Стокс.— Стоит подуть ветру с севера — и нас унесет из Плимута раньше, чем вы успеете сбросить свою ночную сорочку.

Чарлз продолжал жить на квартире, пока один порыв ветра сменял другой. С каждым днем все больше наваливалась усталость. Когда он ступил на борт, чтоб хоть чуточку взбодриться, качка на «Бигле» оказалась такой сильной, что он тут же поспешил ретироваться. День за днем офицеры только и делали, что следили за барометрами.

Понадобилось целых пять дней, чтобы ветер наконец переменился. В девять вечера они снялись с якоря. Как только обогнули мол, их подхватила большая волна. И снова их предостерегли барометры: с юго-запада надвигается шквал. Корабль начал зарываться носом в волны. Чарлз испытал приступ морской болезни. Это была самая кошмарная ночь в его жизни: вой ветра, рев волн, хриплые возгласы офицеров и выкрики команды — да, этот ночной концерт он забудет не скоро. Утром капитан Фицрой приказал возвращаться в Плимут и ожидать там более благоприятного ветра.

Чарлз снова вернулся в свои Кларенские бани.

Следующие две недели были ужасны: постоянный резкий холод, снег, лед. Все это время Чарлз плохо ел и еще хуже спал; он исхудал, взгляд его сделался грустным. Его товарищи на «Бигле» ворчали и огрызались. Один из них, Питер Стюарт, его ровесник (на флот он пришел в четырнадцать лет), которого Чарлз навестил во время ночной вахты, сказал:

— Там, на берегу, кто-то наверняка держит черную кошку под корытом. Поэтому-то мы и торчим все время в гавани. Пусть скорей подует с севера легкий бриз! Тогда все мы завопим от восторга. Господи, как хочется скорей попасть в тропики!

Когда ветер немного стихал, он надевал свои тяжелые башмаки, большую черную непромокаемую шляпу и дождевик и, взобравшись на Эдкумскую гору, не обращая внимания на пронизывающий холод, часами бродил там, не думая о яростно бушующих волнах, которые обрушивались на песчаный берег и скалы у подножия. Он подставлял лицо ветру и дождю, проникавшему под глубоко надвинутую шляпу. Затем, глядя вниз на клокочущее море, он бормотал про себя:

— Ужас! Так вот оно, то самое море, которому мне суждено отдать годы жизни? Сумею ли я выдержать это?

В воскресенье он вместе с Чарлзом Мастерсом отправился в часовню при доках. Всю ночь дождь лил как из ведра. Впервые

тогда он испытал сперва боль в областн сердца, а затем сердцебненне. Это могло стать серьезной помехой для его плавання, но он пробурчал:

— Мои беды — это мое дело, о ннх не узнает ннкто, кроме меня.

Сердцебнение усилилось. Он измерил пульс; расстегнув сюртук, прнложил левую руку к сердцу.

Что же делать? Несмотря на преследовавшне «Бигль» несчастья, Чарлз не столько страшился возможной гибели, сколько перспективы остаться на берегу. Поделнться своимн страхамн с доктором Маккормнком он не мог: тот немедленно отошлет его в Лондон. Не мог он довериться н Бенджамину Байно, нзвестному своей требовательностью, когда речь шла о здоровье.

Приходнлось рисковать. Если сердце разорвется — а сердцебнение, похоже, день ото дня становилось все сильнее,— что ж, пусть тогда его похоронят в море. Едва Чарлз принял это решение, как сердце пронзила острая боль — «целый акр боли», определнл он.

Чарлз совершенно пал духом. Он больше не посещал лекцин в «Атенеуме», не брал кннг из Частной бнблиотекн. Он отказывался от любых приглашеннй на чай нлн на обеды, не совершал восхождений на Эдкумскую гору н не бродил по берегу клокочущего моря. Все свое время он проводил на борту «Бнгля», охваченный приступом уныння, а вокруг грохотал гром, вспыхивалн молнни н барабаннл по палубе пролнвной дождь, н сердце его, как море о скалы, колотнлось о ребра, пока он не решнл, что онн вот-вот треснут, будто валуны, готовые рухнуть в волны. То были самые худшие днн в его жнзнн.

Но едва кончилнсь дождн н погода, казалось, установилась, Чарлз занялся своими обычными деламн, затем отправился с Саливеном н Кингом на прогулку, а на следующнй день обедал в мнчманской кают-компаннн: семеро молодых людей в возрасте от четырнадцатн до двадцатн трех лет с дружескнм уважением взнралн на Дарвнна — еще бы, ведь у него есть престнжный универснтетскнй днплом, которого нм не вндать ннкогда. Сердцебнення прекратнлись.

Придя с Бенджамнном Байно н Стоксом к открытому всем ветрам залнву Уитсон, Чарлз, обращаясь к друзьям, промолвил:

— Как велнчественно н божественно здесь море!

И после небольшой паузы восклнкнул:

— О небо, я только что пронзнес свою первую проповедь!

С четверть часа наблюдали они за свирепствующими бурунами. Казалось, что покрывавшая их белая пена — это снег. Разбивавшиеся об уступы волны солеными брызгами окатывали всех троих, стоящих на высоком холме. Байно заметил:

— С океанской силой не может сравниться ничто на земле.

Стокс тут же возразил:

— Неудачная игра слов, Бен, даже если это вышло у тебя непроизвольно. Чарлзу и мне куда больше по душе вода, если она ведет себя спокойно и благоразумно. Не так ли, дружище?

— Аминь,— ответил Чарлз.

Была середина декабря, когда Чарлз впервые обедал в каюте капитана Фицроя, который обставил ее с большим вкусом, так что по виду она напоминала комнату в его фамильном особняке. Отделанные красным деревом переборки выгодно оттеняли французскую конторку и пару удобных стульев, которые он привез с собой из дома; на сундучке ручной резьбы, где он держал некоторые их своих любимых книг, было разложено несколько особенно дорогих его сердцу вещей: медали, кубки, завоеванные им за время морской службы, две щетки для волос в серебряной оправе и вызвавшая восторг Чарлза маленькая оригинальная ваза веджвудовской работы. На стене висел портрет матери капитана.

Круглый обеденный стол был накрыт его личным стюардом Фуллером, жалованье которому он платил из своих средств: накрахмаленная скатерть, искрящийся хрусталь, до блеска отполированное столовое серебро. Корабельный кок с утра запасся на плимутском рынке свежим мясом, овощами и фруктами, но сперва на рассвете, прямо у рыбаков купил целую корзину рыбы. Блюда Фуллер подавал молча.

Благодушно настроенный капитан Фицрой вышел к столу в легком цивильном платье и рубашке с кружевными гофрированными манжетами.

— Выводят ли меня из терпения наши задержки? — повторил он вопрос Чарлза.— Да, но без тех эмоций, которые проявляют другие. Я не придерживаюсь теории «черной кошки». Важно одно: чтобы «Бигль» был в полном порядке. Мне подвластно все, что касается постройки корабля, но за юго-западный ветер или шторм я не отвечаю. Силы природы подвластны одному лишь богу. Давайте поднимем сегодня наши бокалы за четыре предстоящих нам счастливых и плодотворных года. К ростбифу я подобрал бутылку чудесного красного вина. Пейте, дорогой мой Дарвин, пока есть возможность. Ведь как только

задует северный ветер и выгонит нас из Плимута, жидкости в этой каюте будет не больше, чем в черствых морских сухарях.

— Из всех привилегий, которые вы столь любезно мне предоставили, сэр, ни одна не дорога мне так, как честь обедать вместе с вами.

— Да, в кают-компании младших офицеров бывает шумновато. Все стараются развеселить друг друга.— И, посерьезнев, добавил: — Я должен сообщить вам и остальной распорядок наших совместных трапез. Стол накрывается точно по расписанию: завтрак — в восемь, обед — в час, чай — в пять, ужин — в восемь. Мы должны стараться не опаздывать, но, если один задерживается, другому следует приступать к еде незамедлительно. Кончать трапезу одновременно тоже не обязательно; кто поел первым, тут же возвращается к своим занятиям.

— Понимаю.

— Есть еще одна вещь, о которой я хотел предупредить вас. Здесь, в Девонпорте и Плимуте, мы все немало повеселились в компаниях. Уверен, что я болтал с адмиралами и их милыми дочками не меньше, чем вы. Но на море, особенно в ненастье или когда у меня не получается необходимая карта или схема, мне не до посторонних разговоров, я погружен в свои дела, и никто не имеет права сам обращаться ко мне. Иногда наши обеды будут проходить в полном молчании. Знайте, что это не вызвано никакими личными мотивами — просто на море я не выношу пустой болтовни.

— Капитан Фицрой, я уже давал вам обет не входить в эту очаровательную каюту, когда вам захочется побыть одному. Теперь я прибавляю к нему обет молчания, когда будете молчать вы. Я попрошу Стеббинга * сделать для меня такой барометр, который бы показывал с максимальной точностью ваше желание или нежелание разговаривать.

Фицрой пришел в восторг.

— Мы с вами сработаемся, Дарвин, сработаемся.

Его обычно серьезные глаза осветила озорная улыбка.

— А я ведь почти готов был отказать вам в тот раз, когда вы пришли ко мне в Адмиралтейство. Знаете почему? Потому что, будучи ярым приверженцем немецкого физиономиста Лафатера, я был убежден, что могу определить характер человека по его наружности. И вот на какую-то долю секунды — вы еще сидели от меня через стол — я засомневался: можно ли с таким

* Инструментальный мастер, приглашенный Фицроем и лично им оплачиваемый.— *Прим. пер.*

длинным носом, как ваш, обладать достаточной энергней н решнмостью для путешествия?

Чарлз решнл обратнть все это в шутку.

— Перестаньте, дорогой мой капнтан, вы не моглн не знать, что Лафатер был поэтом н мистиком. И в своей теорнн он не потерпел бы нн грана наукн.

Капнтан Фнцрой ннсколько не обнделся.

— Во время предыдущего плавання «Бнгля» я попроснл мнстера Джона Внльсона, нашего судового врача, изучнть характер огнеземельцев: их снлу волн, честность, хнтрость, прнвязанностн, память... Затем мы провелн френологнческое изученне их голов. Все это запнсано в моем бортовом журнале.

Бровн Чарлза от уднвлення поднялись.

— Так вы изучалн шншкн на нх головах, чтобы выясннть качество нх ннтеллекта?

— Да. Потрясающее занятне.

Некоторое время Чарлз молча изучал мягкне подушечки собственных пальцев.

— Неужелн, капнтан, вы сталн бы ощупывать рукой корпус н нос «Бнгля», чтобы убеднться в его мореходных качествах?

Вместо ответа Фнцрой с внноватым вндом улыбнулся, но спнна его прн этом едва заметно напряглась.

Возвращаясь к себе в каюту, Чарлз размышлял: «А стоит лн позволять себе такую роскошь, как брать над капнтаном верх в споре?»

«КАК БЕСКОНЕЧНО РАЗНООБРАЗНА СОЗДАННАЯ ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ» *

Восторг Чарлза от встречи с Тихим океаном быстро сник. Океан можно было назвать каким угодно, только не тихим. Один за другим налетали на «Бигль» неистовые порывы шквального ветра: такой отвратительной погоды не было ни разу с тех пор, как они наконец-то покинули Плимут, даже в сравнении со штормом, чуть не потопившим корабль у мыса Горн. Когда ветры стихли, большая волна все еще не давала кораблю подниматься вдоль западных берегов Южной Америки. Чарлз чувствовал себя совершенно разбитым и был не в состоянии чем-либо заниматься: он не мог ни работать, ни читать, ни принимать пищу, ни находить забвение в сне. Больше остальных страдал Джордж Раулетт: уже давно здоровье его подтачивалось вспышками, как полагал доктор Байно, туберкулеза или какой-то иной инфекционной болезни. При этом Раулетт наотрез отказывался от приема лекарств, которые, по мнению врача, могли бы спасти жизнь самого старого из офицеров на борту,— каломели, морфия, рвотного камня. Вскоре он впал в бессознательное состояние и умер. Ему было тридцать восемь — возраст, казавшийся почтенным.

Тело вместе с грузом свинца зашили в гамак, обернули полотнищем холста, накрыли флагом и положили на доску. Офицеры и вся команда собрались на юте. Смерть Раулетта

---

* Выйдя в декабре 1831 года из Девонпорта, «Бигль» в конце февраля 1832 года достиг берегов Бразилии и до середины 1834 года оставался у восточных берегов Южной Америки, где производил съемочные работы. Все это время Дарвин собирал свою коллекцию растений и животных, которую он по частям отправлял в Англию на попутных судах. К тихоокеанскому побережью «Бигль» вышел 28 июня 1834 года.— *Прим. пер.*

опечалила всех. Панихиду отслужнл Фицрой, закончив ее словами:

— Итак, мы предаем тело иашего умершего товарища матросской могнле — «вечио меняющейся н таннственеиой океаиской стихии».

Один коиец доски поднялн. Тело с грузом было предаио морским глубииам.

— Это моя виня,— говорил потом Байно.— Я должеи был бы списать его с судна и отправить домой из Монтевндео.

— Раулетт зиал, что умирает,— ответнл Чарлз, стремясь утешить друга.— Ои ие хотел умереть в Аиглии. Я ии разу ие слышал, чтобы ои упоминал о доме, семье или друзьях. Пять лет проплавал ои на «Адвенчере» и вот сейчас два с половииой года с иами. «Бигль» был его домом, а мы — семьей. Поэтому ои и хотел умереть иа борту.

Капитан Фицрой иамеревался плыть вдоль побережья до Кокимбо, находившегося зиачительио севериее Вальпарансо, главиого порта иа юго-западиом побережье, ио шестьсот штормовых миль выиудили его укрыться в бухте Сан-Карлоса иа острове Чилоэ. После беспрерывной восемнадцатидневной качки Чарлз заявил:

— Надеюсь, остров прочио стоит иа якоре.

Ютившиеся в крохотиых, крытых тростником хижииах иа севериой оконечности туземцы, в чьих жилах текла смесь нидейской и испаиской крови, подплыли на своих легкнх лодках к «Бнглю», приветствуя его с иепритворной радостью,— суда в их отдалеиный порт заходили ие слишком часто. С собой оии привезли на продажу свиией, картошку и рыбу.

Чарлз совершил короткую экскурсию вверх по течеиию ручьев, змеившихся в лесу между деревьями. В свою запнсную киижку ои заиосит, что иигде, кроме тропической Бразилии, ие иаблюдал такого разнообразия проявлеиий красоты в природе. Удобреииая вулканнческой золой почва была необычайно плодородиа, поражая роскошным великолепием произраставших иа ней лесов н зарослей бамбука, взобравшегося иа сорокафутовую высоту.

«Адвеичер» * прнковылял в порт со сломанным во время шторма утлегарем. Обычио иевозмутнмый, Уикем злился на себя.

— Всю душу выворачивает,— жаловался ои.

— ...И конечно же прямо на вашу выскобленную до блеска палубу! — съязвил Чарлз, которого Уикем частеиько изводнл

* Так окрестили участиики второй экспедицин на «Бигле» одну из шхуи, приобретениых капитаном Фнцроем без разрешения Адмиралтейства, для ускорения запланированных съемочных работ.— *Прим. пер.*

своей придирчивостью по части соблюдения чнстоты иа корабле.

Ои нашел для себя чистую постель в одиом из домнков деревушкн Сан-Карлос, окруженном сочиыми лугами и величествеииыми вечиозелеиыми деревьями. Местные жнтели были одеты в грубое домотканое шерстяиое платье, выкрашеиное в темно-сииий цвет.

Сперва ие переставая шли проливные дожди, как им здесь и положеио в зимние месяцы, потом иа целых три дня иаступила передышка. В однн нз них Чарлз провел исследованне скальиых пород с помощью «старого Тора», геологнческого молотка, иазваииого им так в честь Адама Седжвнка. Он пришел к выводу, что породы долго находились под водой и затем подиялись, став сушей. Когда имеиио? Пять тысяч лет иазад, пятьсот тысяч, пять миллиоиов?

К вечеру того же дия ои вериулся иа место стояики «Адвенчера», поужинал на борту вместе с заметно помягчавшим Уикемом и осмотрел иовый утлегарь.

— Я чувствую то же, что н вы, Джон,— поделнлся ои с другом за окороком с молодой картошкой.— Когда мы обогиули Горн, я места себе ие находнл от отчаяння и готов был спрыгиуть с корабля и вериуться домой к прелестям Шропшира. Но Чилоэ заставил меия передумать.

Лейтенаит Уикем побраинл его:

— Не можете же вы, в самом деле, стать зиатоком геологни Южиой Амернки, сндя у себя в Мауите перед камииом за вистом с вашими сестрами, если даже оии, я в этом увереи, самые очаровательиые леди.

Десятидие́вный переход под парусами иа север до Вальпараисо был достаточио спокойиым, чтобы дать Чарлзу возможность нсписать множество страниц своего диевиика и записиых киижек. На палубе ои появлялся всего иесколько раз, когда с «Бигля» замечали проходившие мимо суда. С двумя из иих «разговаривали».

— Издалн корабли похожи иа больших морских птиц,— заметил он Байио.

Прибыв 23 июля в порт Вальпараисо, служивший местом осиовной стояикн для кораблей аиглийского королевского военио-морского флота в Южиой Америке, где пополиялись запасы провиаита и куда доставляли официальиые распоряжения и почту, они обиаружили там письма из Аиглии для большиииства членов экипажа «Бигля». Чарлза ожидали сразу три: одио — от Каролнны, посланное 3 иоября 1833 года, другое — от Кэтти, датнроваииое 27 января 1834 года, и третье — от Сюзаи, которая писала 12 февраля, в деиь его рождеиия. Все трое и отец

помнили об этой дате и хотели, чтобы до него дошли их «любовь и благословение» по случаю его двадцатипятилетия.

В семье все обстояло благополучно. Как всегда, преобладали описание романтических историй и перечень главных событий из семейной хроники: Генри Холланд собирается жениться на дочери Сидней Смита, как он дал понять Чарлзу во время их встречи в Лондоне. Сестры Дарвина от этого не в восторге... Дядя Джоз уговорил Генслея Веджвуда не подавать в отставку со своего поста. Сюзан счастлива, «подчищая» толстую книгу расходов и бесконечные счета; Кэтти превратилась в настоящего «гуляку» и думает только о балах и приемах. Эразм ведет в Лондоне беззаботную жизнь холостяка, убивающего все время на светские визиты. От прежней Фэнни Биддалф * «осталась одна только тень»... Английские газеты сообщили о революции в Буэнос-Айресе...

Получил он и длинное письмо от Генсло от 31 августа 1833 года. Еще одна партия коробок и ящиков, писал профессор, благополучно достигла Кембриджа:

«...Не считая, правда, нескольких заспиртованных экспонатов, поскольку через дырявую затычку из бутыли вытекла жидкость. Ископаемые останки мегатерия оказались чрезвычайно интересными, поскольку они дают возможность представить себе некоторые из частей этого животного, которых недостает в коллекциях как нашей страны, так и Франции. Буклэнд и Клифт демонстрировали их на геологическом семинаре во время третьего заседания Британской ассоциации в Кембридже под председательством профессора Адама Седжвика. Я только что получил от Клифта письмо, в котором он просит меня послать ему всю находку целиком, с тем чтобы он мог произвести ее тщательный анализ, подремонтировать кости и затем отослать мне обратно с описанием назначения каждой из них и роли, которую они играют в остеологическом строении Чудовища...

Я разложил различных находившихся в бочонке животных по банкам со свежим спиртовым раствором и поместил их к себе в подвал. Все, что более подвержено разрушению (насекомые, кожи и т. д.), я храню в комнатах, а в кости в виде предосторожности ввожу камфору. От растений я в восторге, хотя до сих пор и не разобрался с ними; впрочем, вместе с Гукером и при его помощи я надеюсь вскоре сделать это...»

Как и Чарлз, Генсло мечтает о том дне, когда они снова смогут встретиться и обсудить все, что случилось за время плавания, но вместе с тем надеется, что Чарлз будет продолжать его, пока возможно.

---

* Соседка Дарвинов по Маунту, за которой Чарлз одно время ухаживал.— *Прим. пер.*

«Если Вы подумываете о том, чтобы вериуться до истечеиия срока экспедиции, то ие спешите с решеиием — прииимайте его, дав себе, по крайией мере, месяц времеии иа размышлеиие и лишь в том случае, если желаиия продолжать плаваиие ие возиикнет ин разу... Но подозреваю, что всегда иайдется хоть что-иибудь, чтобы поддержать Ваше мужество. Посылайте домой любые кусочки черепа мегатерия, какие только попадутся Вам иа глаза, и всех ископаемых. Не забывайте про свой сачок, так как я предвижу, что Ваши мельчайшие иасекомые почти все окажутся иеизвестиыми видами...»

Сложнв письма, Чарлз спрятал их в верхний ящнк комода и сел за чертежиый стол, чтобы поразмыслить иад их содержаиием. Сюзан, отличавшаяся абсолютиой грамотиостью, иаписала, что в своем путевом диевиике ои допустил ряд иезиачительиых ошибок в напнсании слов «терять», «лаидшафт», «высочайший», «профиль», «каниибал», «умиротвореииый» и «ссора». Одиако вслед за этнм замечанием она приписала строку, которая ие только компеисировала критику, ио и глубоко потрясла его: — «Что за чудесиая и увлекательиая киига путешествий получилась бы из твоего диевиика, если бы его иапечатать».

Опершись о стол, он прикрыл глаза ладонями. Неужели дневник мог стать киигой? Ои иикогда и ие мечтал о его публикации. Правда, ои был иастолько самоиадеяи, что воображал, будто может иапнсать кннгу с нзложеиием своих геологических наблюдений в Южиой Америке. Ои упорно и миого работал иад собираиием материала и теперь решил, что эта киига должиа быть иаписаиа. Но вот дневиик? За свою жизнь ои прочитал миожество дневииков известиых путешествеиииков, и ему ии разу не пришла мысль, что у него есть даже малейший шаис виести хоть какой-иибудь вклад в подобиую литературу. При одиой мысли об этом кружилась голова. Одиако ои ие будет таким дураком, чтобы робеть. За миневшие два с половниой года ои исписал иесколько сот страиии диевника, стремясь к той живой, искреииеи н непрннуждеииой маиере, которую подметила Сюзаи. Что ж, ои будет продолжать в прежием духе, писать обо всем, что вндит, думает и чувствует, включая условия жизнн людей в страиах, с чьей культурой ои зиакомился во время своих страиствий.

Роберту Фицрою с почтой повезло куда меньше. Когда Чарлз явнлся иа обед, то ие мог ие заметить, что капитаи был взвиичеи до крайности: болезиеииый цвет лица, одии глаз иалит кровью. На его письмеином столе лежало пнсьмо от капитаиа Бофорта. Фицрой подиял иа Чарлза иевидящие глаза, глубоко вздохиул.

— Новостн хуже некуда. Придется продать «Адвеичер», рассчитать двадцать матросов, которых я иаиял в Моитевидео, и выплатить им жалованье и все, что положеио, за свой счет. Семьсот фуитов стерлиигов, которые пошлн иа переоснастку шхуиы,— тоже из моего карманa.

Ои вскочил, взволиоваиио зашагал по иебольшой уютио обставлеииой каюте.

— Да, Чарлз, для меия это горькое разочарование. Обида иикогда ие изгладится из сердца. Если бы Адмиралтейство позволило иам сохраиить «Адвеичер», мы смогли бы ликвидировать все «белые пятна» на карте западного побережья Патагонии, произвести последовательную съемку берегов до самого экватора, а затем заняться Галапагосскими и Маркизскнми островами, а также островами Общества, Тоига и Фиджи. С двумя судами мы управились бы со всеми делами в течение 1836 и частичио 1837 года...

— 1837-го! Выходит, путешествие должно заиять целых шесть лет!! — И хотя все виутри Чарлза дрожало, лицо его оставалось иевозмутимым.

— Ваши карты н схемы — вот ваше оправдание. Мало кто в мире выполиял картографнческие задачи такого масштаба.

Фицрой, одиако, был слишком подавлеи, чтобы ухватнться за эти приятные его слуху слова ободрения.

— Ну нет, теперь лорды Адмиралтейства от меия уже не отступятся. Они зашли так далеко, что отклоиили всех тронх, кого я представлял к повышению в звании, среди них Джона Стокса и боцмана... Одиако я ие допущу, чтобы страдала моя работа! Я предлагаю, чтобы оставшуюся неделю июля и август, то есть оба зимних месяца, мы находились здесь, в Вальпараисо. Я буду жить это время иа берегу вместе со Стоксом и Кингом. Нам потребуется больше места, света и спокойствия, чем можио обеспечить иа борту. А лейтенаит Ункем займется переоснасткой и пополиением запасов иа «Бигле».

— Тогда я тоже смогу месяц с лишиим находиться иа берегу и совершить путешествие в Аиды? — Чарлз с трудом сдерживал радость в голосе. На устало-озабочеииом лнце капитана появнлось слабое подобие улыбки.

Сам Фицрой раиее иамеревался выбраться иа иеделю в Саитьяго, во всех отношениях приятный столичный город. Сейчас, одиако, ои сокрушеиио покачал головой.

— С Саитьяго иичего не выйдет. Там мое вннмание иеизбежио отвлекут тысячи разиых иитересиых вещей, а мое дело — заниматься скучиой рутииой подсчетов, изучать собраииый обоими судами материал. Вместо себя я пошлю Уикема, чтобы

добиться от чилийского правительства разрешения на проведение съемки их берегов.

— Но, сэр, тысячи разных вещей — ведь это как раз то, что вам необходимо,— запротестовал Чарлз,— они помогут вам избавиться от ваших разочарований, как следует отдохнуть, чтобы с новыми силами проработать еще год.

Фицрой устало закрыл глаза.

Своими опасениями Чарлз поделился с Бенджамином Байно:

— Послушайте, Бен, нельзя ли как-нибудь заставить его сбавить темп? Работа сводит его в могилу. А теперь, когда в Адмиралтействе с ним так обошлись...

— Если бы капитан сломал руку,— ответил Байно,— он разрешил бы мне вправить кость. Если бы у него был порез на бедре — позволил бы промыть рану. Но вмешиваться в то, что происходит у него в голове, мне не дозволено. Излечение усталости и депрессии не входит в компетенцию судового врача.

— А жаль,— откомментировал Чарлз.

Поскольку в Вальпараисо Чарлзу предстояло провести целых пять недель, он сошел на берег и отправился на поиски жилья. Неожиданно он натолкнулся на Ричарда Корфильда, своего старого школьного друга из Шрусбери. В те далекие годы Дарвин нередко бывал у Корфильдов дома в Питчфорде, небольшой деревушке возле Шрусбери. Нынешние дела Ричарда, который был на два года старше Чарлза и приехал в Чили несколько лет назад в качестве торговца, представлявшего интересы английских промышленных фирм, шли в гору.

После того как молодые люди перестали трясти друг другу руки и выражать свое изумление и восторг по поводу столь поразительной встречи вдали от дома, Чарлз рассказал, что занимает должность натуралиста на борту «Бигля», осведомившись затем у Корфильда, не знает ли он в городе какой-нибудь приличной английской семьи, которая бы сдавала комнаты.

Корфильд рассмеялся:

— Знаю ли я? Можешь ставить самую последнюю гинею — не проиграешь. Да у меня самого чудесный дом в пригороде Альмендрал, это бывший пляж. Места сколько душе угодно. Иди и возвращайся обратно к восьми с вещами. Я отвезу тебя домой прямо к ужину и устрою наилучшим образом.

Погода стояла превосходная — голубое небо, теплое солнце над головой. Чарлзу нравился этот город, выстроенный у самого подножия гор и состоящий из одной длинной улицы, вытянувшейся параллельно побережью. В тех местах, где

горы перерезали узкне лощины, дома так и лепились друг к другу.

Все комиаты в доме Корфильда выходилн окиамн на внутрениий дворнк с маленькнм садом; иа стеиах внсели английские гравюры, изображающие охотничьи сцеиы: всадинкн в красиых куртках на лосиящнхся лошадях, свора ухожеиных гончих, заливающихся лаем в предвкушеини охоты на лисиц.

Расходы по дому, объяснил Корфнльд, делнт с ннм еще одни джентльмеи. Они составляют весьма скромиую сумму около четырехсот фунтов стерлиигов в год, включая затраты на еду и питье, жалованье двум слугам и содержаине четырех лошадей. Когда Чарлз стал настаивать, чтобы ему позволилн оплатнть какую-то часть этих расходов, белокурый, голубоглазый Корфильд ответнл:

— Будь по-твоему, раз уж тебе так хочется, хотя я предпочел бы видеть тебя ие постояльцем, а гостем. Будь любезен, вычнсли свою долю сам — ты ведь проходнл тот же курс арифметики, что и я.

— Ричард, в Шрусбери меня так и не научнлн нн складывать, ии вычнтать. Этому я иаучился, иаблюдая, как отец каждый день тщательио подводнт баланс в гроссбухе: сколько н откуда ои получил, сколько нстратил н на что нменно.

На следующий деиь было воскресеиье, Корфнльд устроил в честь Чарлза званый обед, на который была приглашена большая часть аиглийской колоиии Вальпараисо, а также капитаи Фицрой. Чарлзу показалось, что по общему уровню гости превосходят тех аигличаи, которых ои до сих пор встречал в других южиоамерикаиских городах. Их иитересы, во всяком случае, ие ограиичивалнсь кипами товара, фуитами стерлннгов, шиллиигами и пенсами. Пожилой торговец иаклонился к иему через стол с вопросом:

— Мнстер Дарвии, ие будете ли вы столь добры высказать иапрямик свое миеине по поводу «Осиов геологии» Лайеля? У иас тут иеплохие связи с лоидонскимн книжиымн магазииами, так что первые два тома иам удалось прочесть.

Удивлеииый тем, что встретнл в Чнли человека, читающего Лайеля, Чарлз отвечал довольно простраино.

Корфильд заметнл:

— Знаешь, Чарлз, из тебя получнлся бы замечательиый педагог. Сам-то ты ие думал о преподаваннн в Кембрндже?

— Я учился на священиика, и отец нмеино этого от меия и ждет. Но должеи сказать, что не нсключаю для себя возможиости преподавательской деятельиости.

Чнлн представляет собой как бы длниный узкнй караидаш, зажатый в тисках между суровымн Аидами н столь же суровым Тнхим океаиом. Чарлз хотел было сразу же отправиться к подножию Аид, прежде чем знмние сиега отрежут путь. Но ему, нзмотанному морскими штормамн, так понравнлся здешинй благодатный клнмат, что он провел в ленн н праздности две недели, греясь в лучах вальпарансского гостепрнимства.

7 августа 1834 года в порт завернул поднимавшийся вдоль побережья пакетбот. На его борту находнлась почта для «Бигля». В ией было н письмо для Чарлза от Каролнны, датнрованное 9 марта н содержавшее целый набор странных сообщений. Лондонская «Таймс», к примеру, нзвещала о прнбытнн «нескольких ящнков с ископаемымн, птнцамн, четвероногими н образцами геологнческнх пород, собраииыми иатуралнстом мистером Даусоном н посланнымн на нмя профессора Гиидона в Кембрндже».

— Ну н что! — воскликиул Чарлз.— Мое нмя впервые появляется в аиглийской газете, где уж тут надеяться, что его правнльно напншут.

Он с облегчением вздохнул, узнав, что третья партня его ящиков благополучно прнбыла к месту назиачення: на заметку в «Таймс» можио было полагаться, решил Чарлз, даже еслн в ней переврано ие только мое, но и нмя профессора Генсло. В письме Каролнны содержалось н другое столь же удивнтельиое нзвестне. Эразм от нмени брата развернул в Лондоне бурную деятельиость, и результаты былн иалнцо. Каролнне он пнсал:

«Я ианес визит мнстеру Клифту, куратору музея прн Медициском колледже, чтобы ознакомнть его с тем местом нз пнсьма Чарлза, где ои говорит о костях. Надо было вндеть, в какой иеуемный восторг пришел этот малеиький человечек. Из Кембриджа, по моей просьбе, нскопаемых доставляют в Лоидон. Дело в том, что последнне месяцы куратор все свое свободное время отдавал нскопаемым. То, что в колледже находнтся лобная часть черепа мегатерня, а Чарлз отправнл домой как раз недостающне его частн, действнтельио представляется необъяснимым совпаденнем. Теперь онн смогут воссоздать череп полностью».

От себя Каролниа припнсала: «Я так рада, дорогой мой Чарлз, что ты нашел имеино те кости, которые так восхищают ученых мужей».

Том Эйтон, в чье родовое поместье он ежегодио прнезжал охотнться, иесколько дией гостнл в Мауите и затем отправился в Кембридж, чтобы, по словам Каролнны, «услышать, что говорят там об экспонатах, которые ты отослал домой».

Откуда, спрашивается, мог Том Эйтон взять, что в Кембридже вообще будут говорить о его коллекциях? В письме сестры было и третье поразившее его сообщение. Отец шлет ему самые добрые пожелания и просит Каролину написать, что он не «рычал и не ворчал» по поводу взятых Чарлзом последних пятидесяти фунтов стерлингов. Чарлзу нечего переживать из-за денег, но следует, однако, проявлять все возможное благоразумие. Доктор Дарвин также обратился к дочери с вопросом: «Сказала ли ты ему о его славе?»

Чарлз от души расхохотался, представив себе славу мистера Даусона, пославшего все эти коллекции профессору Гиндону в Кембридж.

...С нетерпением ожидал Дарвин встречи с Галапагосскими, или Черепашьими, островами, названными так в честь гигантских сухопутных черепах, которых по чистой случайности обнаружил епископ Берланга, чью экспедицию снарядил испанский король Карл I. Попавшее в штиль судно продрейфовало около шестисот миль в сторону от побережья Южной Америки, где его прибило к группе вулканических островов. Больше всего Чарлз, как сказал он Джону Стоксу, теперь радовался предстоявшему «восхождению на какой-нибудь действующий вулкан».

Полтораста лет после первого случайного визита к Галапагосам не осмеливалось подойти ни одно судно, хотя острова и значились на картах Ортелиуса и Меркатора 1587 года. Те немногие, кто знал об их существовании, старались обходить опасные рифы, страшась зловещего вида самих островов, казалось сорвавшихся с места и медленно кружащих по Тихому океану.

Так продолжалось до тех пор, пока флибустьеры и китоловы не обнаружили на островах запасы пресной воды и буквально тысячи гигантских черепах, месяцами сохранявших жизнеспособность: будучи штабелями, по полдюжине, сложены на нижней палубе, они обеспечивали команду свежим мясом. На Галапагосы началось сущее паломничество, там даже было открыто местное «почтовое отделение» — установленная в развилке двух сросшихся деревьев бочка, куда моряки могли опускать письма, которые забирало первое же судно, шедшее в нужном направлении.

...За последние восемь дней «Бигль» проплыл уже расстояние в тысячу миль, и все с нетерпением ждали землю. Наконец вахтенный закричал с мачты:

— Прямо по курсу остров, сэр!

Это ои увидел иа окоиечиости острова Чатам верхушку горы Питт. По мере того как бриз и течеиие совместными усилиями продвигали их вперед, стали отчетливее видны вершииы и других высоких холмов.

Неиадолго задержавшись возле острова Худ, оии спустили вельбот, чтобы отправить Чафферса и мичмаиа Меллерша подыскать место для стояики. В бухте острова Чатам был спущеи иа воду другой вельбот, иа котором отплыли десять матросов во главе с лейтеиаитом Саливеиом с задаиием иаиести иа карту цеитральиые острова архипелага — восемиадцать вулкаиических реликтов.

На первый взгляд острова показались Чарлзу совершеиио безжизиеииыми. Покатые симметричные коиусы застывшей черной лавы были покрыты безлиствеииым кустариииком и чахлыми деревцами. Но иа этом его разочароваиие кончилось. Как только «Бигль» бросил якорь в гаваии св. Стефаиа у берегов острова Чатам, обиаружилось, что вода в заливе буквальио кишит рыбой. На поверхиости то и дело появлялись головы акул и морских черепах. Как и другие, Чарлз тотчас закииул удочку и вскоре уже вытаскивал улов — прекрасиые экземпляры длииой от двух до трех футов, так что вся палуба оказалась завалеииой трепыхавшейся рыбой. После обеда ои высадился иа берег вместе с Кииигом и Стоксом. Деиь был иестерпимо жарким, а цвет лавы иапомииал ему чериую кухоииую плиту Эиии у иих в Мауите. Его поразило, какое миожество пресмыкающихся живет иа лаве — здесь были ие только одетые в твердый как камеиь паицирь иеповоротливые черепахи с торчащими иа коротких толстых шеях головами, ио и тысячи каких-то скользких тварей, преспокойио громоздившихся одиа иа другую по пять-шесть штук у подиожия скал.

— Что за отвратительиые иеуклюжие создаиия, чериые, как сама эта пористая лава! — воскликиул Чарлз.— Я даже ие подозревал, что оии живые, пока ие подошел ближе.

Стокс скривился при виде столь мерзкого зрелища.

— Я слышал, их иазывают «чертеиятами тьмы».

Чарлз отвериулся, ие сделав даже попытки поймать хотя бы одиого из иих для коллекции. Вместо этого ои предпочел заияться своим гербарием, взобравшись иа склои мертвого вулкаиа. Ои иабрал десять видов различиых растеиий.

— Растеиия до того бедиы,— воскликиул Чарлз,— что профессор Геисло иаверияка решит, будто я собирал их ие в тропиках, а где-иибудь в Арктике!

К тому же растеиия издавали ужасиый запах.

Еднпственииым утешеннем в этот первый деиь оказалнсь для него птнцы — такнх вндов ему инкогда прежде не доводнлось видеть.

— Все иовые и все разные! То-то обрадуются дома мои друзья-орннтологн.

Когда на следующнй день судно смеинло стоянку, иаходки былн ие менее ценнымн: в черных прибрежных скалах Чатама ползалн ярко-красные крабы, иа песчаных отмелях копошились морскне львы, перекликавшиеся какимн-то трубными звукамн в перерывах между удивнтельно грациозными заплывами.

— Подумать только,— уднвнлся Чарлз,— со стороны остров выглядел совсем мертвым. Но как бескоиечно разнообразна созданная здесь жизнь!

Вместе со Стоксом он поднялся на край широкого, но невысокого кратера. Вся местность к северу была усеяна небольшнми чернымн коиусамн. Чарлз иазвал их печнымн трубами, через которые в древиостн выходнла подземная расплавлениая магма. Рассмотрев образцы породы, он быстро устаиовил, что вулкаи когда-то иаходился под водой. Из кратера ои прнхватил иесколько кусков твердого вулкаинческого туфа, похожего иа песчаннк.

Каждый деиь иа Галапагосах таил для Чарлза все иовые и новые прнключення, по мере того как «Бнгль» менял места стоянок, обходя побережье одного острова за другнм — Чатама, Джемса, Чарлза, Нарборо и Албемарла, где возвышался самый крупный вулкан: его восточный склон, сухой, безжнзненный и черный от лавы, был нзрыт мелкнми кратерами, обрамлявшнмн большне, откуда н нзверглась черная лава. Нередко Чарлз брал с собой палатку, спальные прннадлежности и отправлялся на берег в сопровожденнн одного нлн двух членов экнпажа. Обычно они располагалнсь лагерем подле какогоннбудь жалкого ручья в небольшой долнне; шлн по черному или по коричневому песку, что было непрнятно даже в башмаках на толстой подошве, так как температура доходнла до предельной отметкн на шкале термометра — 137 градусов *!

На острове Джемс нх прогулка оказалась весьма продолжнтельной. Онн прошагалн около шестн мнль от берега, чтобы подняться на высоту две тысячи футов. Было очень жарко н сухо; склоны возвышеииостн поросли ннзкимн корявымн деревьями, почти лншенными лнствы, но размерамн превосходившимн те, что попадалнсь Чарлзу до снх пор. Еще выше онн обнаружнлн едннственные на острове нсточннкн воды. Над возвышеииостью внселн облака: водяной пар, конденсировавшийся

* По Фаренгейту (около 44° по Цельсию).— *Прим. ред.*

деревьямн, оседал в виде капель, иаподобие дождевых. Это действовало удивительио освежающе.

Иногда, чтобы попасть иа узкую полоску пляжа, высаживался «десаит»: закатав широкие штаиины выше колен, связав шиурками ботинки и повесив их иа шею, они пережидали очередиую волиу, спрыгивали с борта вельбота и брели в воде, иашаривая босой иогой дио отмели, покрытое галькой базальтовых пород. Иногда перед иими возиикал вздымавшийся резко вверх утес из лавы, карабкаться по которому приходилось, иаходя в почти вертикальиых стеиах едва заметные трещииы.

Ежедиевио матросы доставляли с берега по десять — пятиадцать гигантских черепах. Чарлз и Симс * одиажды попытались подиять одиу из иих. Приложив немало усилий, оии добились лишь грозиого шипеиия, вслед за которым тяжеловесиое допотопиое существо спрятало голову и начало медлеиио отползать в стороиу. Дарвии взобрался иа толстый панцирь, ио черепаху это ие остановило.

— Увереи,— усмехиулся Чарлз,— оиа даже ничего ие почувствовала. Иитересио бы узиать, сколько ей лет? Говорят, оии живут по иесколько столетий. Должио быть, кактусы, которыми оии питаются, и есть «Фоитаи вечиой молодости» Поисе де Леоиа **.

С точки зреиия геолога, острова содержали миого поучительиого и забавиого. Повсюду, иасколько хватало глаз, высилнсь вулканы всевозможиых размеров, прнчем некоторые были столь малы, что казалнсь игрушечными. То и дело Чарлз иатыкался иа слон вулкаиического песчаника, потоки застывшей лавы и целые поля огромиых стекловидиых кристаллов полевого шпата, сцементироваиных лавой. Ручьи почти все пересохли: об их возрасте говорило иаличие нли отсутствие растительиости. Трава и деревья были одеты ие только листвой, ио и цветами, преимуществеиио коричиевого цвета. Некоторые вулкаиы представляли собой довольио высокие холмы, стаиовившиеся все зелеиее по мере приближеиия к вершиие, где часто дул освежающий южиый пассат.

Чарлз исследовал черные вороики кратеров, иапомниавшие ему чугуиолнтейные печи Вулверхемптоиа. Это были большие круглые углублеиия, «которые, должно быть, образовались под давлеиием газа в ту пору, когда лава еще ие застыла».

* Моряк, которого капитаи предоставил в распоряжение Дарвииа, ставший впоследствии его помощником.— *Прим. пер.*

** Испаиский исследователь (ок. 1460—1521), попал в Новый Свет вместе с Колумбом, открыл Флориду в поисках так и не найдениого им «Фонтана».— *Прим. пер.*

— До чего же приятно своими глазами увидеть то, что издавна знакомо тебе лишь по книгам! — радовался он.

Однажды Чарлз ночевал на берегу, а весь следующий день собирал образцы черной базальтовой лавы, вулканического туфа, древние раковины и насекомых, которых он мог только описать, но не назвать; собирал он также кактусы, кустарник, птиц и морских ящериц, поначалу показавшихся ему премерзкими существами, но теперь приводивших его почти в восхищение, так ловко ныряли они в воду за кормом, избегая при этом своего единственного врага, акул, и вновь возвращались на берег, чтобы вволю понежиться в тепле солнечных лучей. От палящего тропического солнца волосы Чарлза сделались золотисто-рыжими.

Он никак не ожидал обнаружить на архипелаге красоту, от которой захватывало дух: искрящуюся синеву неба и моря; богатство оперения бесчисленных птиц-фрегатов с их надутыми воздухом оранжевыми или красными сумками на шее, пингвинов, глупышей в белоснежных масках и с голубыми лапками, не умевших летать бакланов с усеченными бесполезными крыльями, волнистых альбатросов, гнездившихся на лаве чаек с раздвоенным хвостом, красноклювых тропических птиц, ночных цапель, вьюрков; небольшие заводи, в которых игриво плескались детеныши тюленей, в то время как массивный самец забирался на самый удобный выступ скалы, где вокруг него располагались самки; морских черепах, выкапывающих ямку в песке, чтобы отложить там яйца, в то время как птицы откладывали свои яйца в жалких гнездах на затвердевшей лаве или высоко в изрытых оспинами пористых базальтовых скалах, местах их спаривания; неуклюжих короткоогих наземных черепах, похожих на обитателей какой-то другой планеты; все разнообразие звуков, издаваемых птицами и морскими животными. А зелень на самой вершине холмов! В земле, которую веками заносил туда ветер, пустили корни palo santo, пуговичный мангр, matazarno: искривленные кактусовые деревья, особая разновидность неприхотливого кактуса, большие овальные листья которого образовывали соединенные между собой ветви. А отверстия в скалах — сквозь них, подобно гейзерам, извергалось из глубин море; а подводные утесы, спускающиеся, случалось, ко дну океана на целых две мили, и совершенно круглые озера или фантастические скальные колонны, над которыми потрудились два скульптора — ветер и море!

Несколько сот собранных Дарвином видов рыб казались просто невероятными; в прибрежных водах наряду с проворными крабами водились морские звезды, морские ежи,

«песчаиые доллары» н «морские огурцы», блестевшне в раскаленном добела воздухе.

Чарлз сумел обиаружить всего однн жнвой, курящийся вулкан. Подиявшись на край кратера, ои заглянул внутрь н удостоверился, что там нет ни огня, ин жидкой лавы. Было совершеино очевндио, что ии многочислениые вулканы на каждом из островов, нн сами этн острова ие появнлнсь одновремеиио. Каждый из ннх состоял нз множества отдельных н разиородных по составу потоков лавы, извергиутых вулканами. Таннствеиное, наводнвшее ужас вулканнческое облнчье островов, обнлне жнвых оргаинзмов в океаие, в воздухе н иа усеянных обломкамн ракушек берегах — все это выглядело так, словно Галапагосы былн созданы господом богом на одной нз самых раиннх, «эксперниментальных», стаднй, пока ои еще не прншел к окоичательиому решенню, какой нмеиио ему желательно вндеть землю н кем ее заселять.

Не сразу, а лншь когда «Бнгль» броснл якорь в бухте острова Чарлза, Дарвни впервые за время плавания почувствовал, правда пока еще смутно, какое важное значенне будут нметь для иего Галапагосскне острова. Толчком к этому послужнло сделаииое им самнм неожнданное открытне. Изучая пойманных на двух разных островах земляных вьюрков, он обиаружил поразнвший его феиомен: у птнц было разное строенне клюва. Его «пробуждение» довершнл нсполнявшнй на островах обязаиности британского губериатора Николас Лоусои, назиачеиный иа свой иынешннй пост после того, как Эквадор стал заявлять о собствениых прнтязаннях на террнторню архнпелага. За это время Лоусои успел основательно прожарнться на здешием солнце, что, впрочем, не мешало ему оставаться влюбленным в своеобразную красоту голых черных скал, чнстоту лагун н разиообразиый жнвотный н растнтельный мнр Галапагосов.

Прнбыв на остров Чарлза, чтобы посетнть кнтобойную шхуну, он сам вызвался показать Дарвнну поселенне, где прожнвало около двухсот ссыльных, выдворенных нз Эквадора за политические выступлеиия против режнма страны. Во время четырехмильной прогулки по утрамбованной шлаковой дорожке, проложенной к центру острова, они обогиалн несколько гнгантских черепах, двнгавшнхся со скоростью четыре мнлн в суткн.

Лоусои заметнл:

— Держу парн, что смогу безошибочно определнть, с какого нз островов попала сюда каждая нз ннх.

Чарлз остановнлся как вкопаииый.

— Что? Уж не хотите лн вы сказать, Лоусон, что на каждом нз здешннх островов свой особый внд черепах?

— Безусловно, мистер Дарвнн. Уже больше года назад я узнал, как нх иадо опозиавать. В основном оии отличаются своим панцнрем. На каждом острове он разиый по высоте, а спередн н сзадн характерные для каждого внда выгнутые поля. Есть разлнчня н в окраске, и в толщине. Да н по размерам черепахн с разных островов тоже разные: у одннх шен н лапы длннее, у другнх — короче.

Чарлз инкак не мог прнйтн в себя от уднвлення.

— Но почему и как возннклн этн отлнчня? — спроснл ои Лоусоиа.

— Ничего не могу сказать, мистер Дарвии. Я знаю только то, что внжу собствеиными глазами.

Это загадочное явленне застряло в мозгу Чарлза столь же прочно, как застревалн колючкн в шерстн Пннчера, которого он выводнл гулять по берегу Северна. Те иесколько часов, что он провел с Лоусоном в маленьком пуэбло *, состоявшем нз наспех сколоченных, крытых тростннком хнжии иа высокнх подпорках в окруженнн банановых зарослей и грядок картофеля, загадка галапагосских черепах продолжала терзать и мучнть его. Чарлз расположнлся на бревне возле родиика, куда приползалн на водопой черепахн — н сухопутные, и морскне. Пресиая вода была крайней редкостью в здешннх местах, так как порнстая лава не удержнвала дождевую влагу. Многне нз этнх донсторнческнх чудовнщ с вытянутымн шеямн ползлн вверх по склону, в то время как нм навстречу спускалнсь те, кто уже успел утолнть жажду Дарвнн вннмательно наблюдал, как черепахн, опустнв голову, с жадиостью лакают жнвнтельную влагу.

«Я допустнл серьезную оплошность,— решнл ои,— поместнв свои находкн с разных островов в общий контейнер, не обозначнв при этом точного места пронсхождения каждой нз ннх. Еслн существуют разлнчня в форме клюва у вьюрков н паицнря у черепах, то необходимо будет с велнчайшей тщательиостью промаркнровать всю коллекцню. Тогда появнтся возможность сравннвать экспонаты друг с другом, чтобы твердо устаиовнть, есть лн отлнчня н у всех другнх вндов — птнц, ящернц нлн растеинй с разных островов. Это может стать самым важным нз монх открытнй за время плаваиня. Что же все-таки вызывает этн различня? Тут-то н зарыта собака».

Из тридцатн шестн дней, которые «Бнгль» заннмался съемкой Галапагосов, двадцать Чарлз провел иа берегу.

Здесь в изобнлнн воднлнсь нгуаиы длнной от двух до трех футов с чередующнмнся оттеикамн цветов от желтого до розо-

* Поселок *(исп.)*.— *Прим. пер.*

вого и пурпурного (так что сама безобразность животного казалась красивой). Их норы были столь многочисленны, что порой негде было поставить палатку. Эти огромные ящерицы питались ягодами и листьями, в поисках которых частенько взбирались на деревья. Влагу они извлекали из сочных кактусов.

От непрестанного собирания коллекции у Дарвина голова шла кругом — одних только птиц было свыше двадцати видов, причем — он твердо знал — еще никем не изученных. Вокруг все цвело, поскольку экспедиция прибыла на острова как раз в пору цветения: шероховатые травы, кактусы, мхи, папоротники, солелюбивые суккуленты. Когда вельботы, один под командованием Чафферса и Меллерша, другой — лейтенанта Саливена, отправлялись на съемку побережья других островов, экипажи собирали для Чарлза маленьких черепах, змей, птиц (чаек, сарычей, сов, глупышей, певчих птиц, голубей и земляных вьюрков), а также всякого рода растения. Чарлз хорошо их проинструктировал, и весь улов с каждого из островов помещался в отдельный мешок.

За все время плавания «Бигль» попал в беду лишь однажды, когда подошел к концу запас воды, а пополнить его оказалось невозможным, так как единственный источник пресной воды размыл океанский прибой. Команду перевели на половинные порции. На Албемарле Чарлз взобрался на вулкан, на дне кратера которого виднелось голубое, чистое и совершенно круглое озеро, со всех сторон окаймленное ярко-зелеными суккулентами. Кое-как спустившись по стене, усыпанной золой, задыхаясь от пыли, он зачерпнул ладонью воду и обнаружил, что она такая же соленая, как и морская; то же самое повторилось в бухте Сан-Хулиан, когда он пытался раздобыть воду мучимому жаждой капитану Фицрою.

Их спасло американское китобойное судно: офицеры любезно предоставили им три фляги с водой и вдобавок, в качестве подарка, ведерко лука. Капитан Фицрой поблагодарил американцев.

В первый раз сойдя на берег острова Чатам, Чарлз сравнил его с «возделанной частью ада, как мы его себе представляем». Теперь он думал совершенно иначе, потому что все острова, на которых он побывал, ошеломляли не только богатством животного мира, но и первозданной нетронутостью. За исключением гигантских черепах, тысячи которых стали жертвами китобойных судов и пиратских шхун, все формы жизни здесь размножались, счастливо избежав всякого влияния на них человека, оставаясь такими, какими сделало их естественное развитие, продолжавшееся миллионы лет, минувших со времени рожде-

ния самого архипелага после ряда вулканических извержений. На земле, насколько он знал, не существовало иного места, где природу можно было лицезреть такой, какой она была в день сотворения мира,— настоящая лаборатория жизни в ее изначальной форме.

Но как, спрашивается, на каждом из островов при этом развились свои собственные, весьма отличные от других виды? И еще важнее — почему?

...Вместо того чтобы двигаться прямо на север, в Англию, капитан Фицрой принял решение взять курс на запад, к берегам Бразилии, в Баию, чтобы проверить расхождения в определении долготы этой точки. Хотя он и был полон нетерпения как можно скорее завершить кругосветное плавание в Южном полушарии, тем не менее вторично вернулся в Баию тем же путем, каким «Бигль» прибыл туда из Англии. 4 августа 1836 года Чарлз писал Сюзан: «Эти зигзаги — одно мучение. Последний прямо-таки доконал меня. Как отвратительно, как ненавистно мне море и все корабли, которые по нему плавают!»

Последнюю остановку они должны были сделать в Пернамбуку, где бразильский берег выдается далеко в море, и затем отплыть на родину через Азорские острова. Из дома меж тем продолжали поступать приятные вести, и это еще больше увеличивало его нетерпение.

От Каролины он получил датированное 28 декабря письмо — одно из тех, что гонялись по морским волнам взад-вперед за неуловимым «Биглем». Лежа на софе в капитанской каюте, он читал его: «...а сейчас послушай, сколь велика здесь твоя слава. На рождество наш отец получил записку от профессора Генсло с самыми лестными словами в твой адрес. Он пишет, что рад твоему скорому возвращению, когда ты наконец сможешь «пожинать плоды своей настойчивости и по праву занять место среди первых натуралистов мира». Вместе с запиской он также препроводил отцу несколько экземпляров выдержек из твоих писем ему, отпечатанных для распространения в узком кругу. В небольшом предисловии к ним сказано, что письма изданы «для членов Кембриджского философского общества ввиду большого интереса, вызванного некоторыми из содержащихся там геологических наблюдений, обнародованных на заседании, которое состоялось 15 ноября 1835 года». Представь, что отец с места не вставал до тех пор, пока не прочел твою книжку до самого конца, и был явно польщен. Ему так понравился простой и ясный стиль, каким ты излагаешь свое описание! Особенно же пришлась ему по душе твоя искренняя манера письма и отсутствие всякой претенциозности. Отец уже раздал

иесколько экземпляров тем, кто все это время ие переставал справляться о тебе...»

Его длииное сухопарое тело иачала бить дрожь. Глаза его увлажиились. Когда-то Адам Седжвик сказал, что ои будет среди первых естествоиспытателей Европы, а теперь профессор Геисло заявляет, что ои займет место среди первых иатуралистов мира!

— Боже! Да что такое со мной происходит? А я и ведать иичего ие ведаю. Неужели все правда? И я иашел свое иастоящее призваиие? Выходит, ие судьба мие быть похороиеииым под вязами, окружающими мириую обитель сельского викария?

Только тут до Чарлза дошел весь смысл письма сестры. Отец прочел его кингу от иачала до коица и с уважеиием отозвался о его работе. Ои иастолько гордится своим сыиом, что считает возможиым раздавать экземпляры его киигн близким зиакомым. Озиачает ли это, что ои позволит ему посвятить всю свою жизнь иауке и ие будет считать, что ои, Чарлз, иарушит в этом случае еще одио свое обещание? Что ж, если отец и в самом деле поддержит его, то у Чарлза будут в запасе ие только два положеииых года, пока не освободится место викария, ио и все последующие годы, чтобы по-иастоящему разобраться в своих записиых кинжках по геологии и в диевииках, обработать их и подготовить моиографии, которые, как ои иадеялся, со времеием можио будет издать по всем разделам собраииой им коллекции. В общем, продолжить работу иатуралиста, куда бы оиа его ии завела.

Открывавшаяся перед иим перспектива творчества иа всю дальиейшую жизнь в той области, которую ои любил больше всего иа свете, иаполиила его иесказаииой радостью. Отец больше ие будет смотреть иа иего как иа шалопая, ие бросит ему в лицо: «Тебя ие иитересует иичего, кроме стрельбы, собак и охоты за таракаиами, ты стаиешь позором ие только для самого себя, ио и для всей иашей семьи». Отиыне бездельииком его уже ие иазовет иикто. «В жизии,— думал ои,— иичего вроде бы иельзя зараиее рассчитать и заплаиировать. Одиако иастает момеит — и склоиеиия магиитиой стрелки выстраиваются в одии ряд, так что капитаи зиает, где имеиио ои иаходится в море и куда держать курс, чтобы укрыться в гаваии».

Ои распахиул дверь каюты. Наступила иочь. В иебе кривой и узкий, как восточиая сабля, висел месяц и горели яркие звезды. Чарлз прошел в иосовую часть судиа: подобио большому острому иожу, «Бигль» с раздувающимися от ветра парусами разрезал фосфоресцирующие воды Атлаитики.

Перед его виутренним взором встает картииа: теплый душистый осенний день, на клумбах цветущне георгины — желтые, красиые, ораижевые и розовые. Сидя под шелковицей Мильтоиа в саду «Феллоуз гарден» в колледже Хрнста, ои читает стихотвореиие Уильяма Купера:

Господь таинствеиным путем
Себя являет иам:
Ступив ногой в пучнну вод,
Ои мчится по волнам.

Душа его переполияется чувством восторга при одиой только мысли, что он вновь увндит Маунт, Мэр-Холл, колледж Христа, родиых и близких, друзей н товарнщей в Кембрндже и Лоидоне. Увидит... уже в новом качестве.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ

Все высыпали иа палубу, чтобы первыми увидеть Англию. «Земля!» К своему удивлеиию, Чарлз обиаружил, что вид родиых берегов ие вызвал в ием иикаких чувств. Навериое, ои слишком долго ждал этого момеита.

В Фалмуте «Бигль» пришвартовался иочью. Лил дождь, и к тому времеии, когда Чарлз добрался до отеля «Ройяль», откуда отходил почтовый дилижаис иа Лоидои, его поиошеииое пальто оказалось промокшим до иитки. Путь до столицы заиял двадцать девять часов, так что Дарвии едва успел к «Тэлли-Хо!», дилижаису, отправлявшемуся от лоидонской гостииицы «Лебедь с двумя шеями» в семь сорок пять утра. Здесь ои простился с Симсом. Его вериый помощиик, правда, уговорил Чарлза разрешить ему продолжать свою службу, пока ие будет закоичеи разбор привезеииой коллекции. Работу эту предполагалось иачать в самом скором времеии, и расставались оии поэтому иеиадолго.

Еще шестиадцать часов тряски, во время которой лишь изредка удавалось забыться коротким сиом, и «Тэлли-Хо!» въехал в Шрусбери, остаиовившись у гостииицы «Рэйвеи иии» ровио в полиочь. Дома в этот час иаверияка уже спят. Заявись ои, все сбегутся, разговоров хватит до утра. Да и сам ои смертельио устал, ведь ему пришлось тащиться в дилижаисах сорок пять часов кряду. Лучше всего иемиого передохиуть, переодеться.

Чарлз спал как убитый, ио уже к шести ои плескался в большой металлической ваиие, затем, тщательио побрившись своей остро иаточеииой бритвой, иадел последиюю из уцелевших еще рубашек — из числа тех двеиадцати, что сшила для иего Нэи-

си. Ошметки когда-то такой великолепной синей бархатной жилетки, более новые, но не так хорошо сшитые длинный пиджак и брюки, купленные в Монтевидео; выходные коричневые башмаки, которые он обновил пять лет назад ради встречи с профессором Адамом Седжвиком перед экспедицией в Северный Уэльс,— все стоптанное, заношенное и мятое. Тут уж ничего не поделаешь. Семье придется встречать его в таком затрапезном виде.

Стояло обычное шропширское слегка туманное утро раннего октября — прохладное солнце напрасно пыталось пробиться сквозь тучи, воздух был чист и свеж. Но лучше всего то, что добрая земля Шрусбери не уходит из-под ног: спускался ли он по улице к Северну, пересекал ли Уэльский мост или входил в нижний сад Маунта, где цвели осенние цветы, а деревья сбрасывали с ветвей красновато-коричневые и пурпурные листья, Чарлз ни разу не ощутил ни килевой, ни бортовой качки.

Услышав стук молотка, Эдвард открыл массивную входную дверь и не смог удержаться от возгласа удивления, гулко отозвавшегося во всех комнатах. Отец, только что возвратившийся с прогулки по «докторской тропе», первым бросился к нему:

— Чарлз, дорогой! Наконец-то! Начиная с первого сентября мы ждали тебя каждый день!

Сестры сбежали по широкой лестнице, на ходу застегивая наспех наброшенные халаты. Он почти не различал их лиц, когда все разом они кинулись обнимать и целовать его. Немного обождав, он отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть их. Похоже, что они не слишком-то изменились за эти пять лет: хотя складки на лбу тридцатишестилетней Каролины и стали, казалось, резче, ее густые и по-прежнему черные волосы нисколько не потускнели от времени; высокая задорная Сюзан была по-прежнему хороша, разве что у ее спадавших до плеч локонов появился золотой оттенок. Больше других изменилась Кэтти: из девушки она превратилась в женщину, а дерзость во взгляде уступила место решительности. Чарлз подумал, что перемена ей к лицу, и не преминул сказать об этом. Сестры писали, что она стала «гулякой», без конца посещала дома друзей, принимала приглашения на балы и благотворительные базары. До сих пор никто не сделал ей предложения... что ни в малейшей степени ее не печалило.

Домашние изо всех сил старались сдержать слезы радости, но никому это не удавалось, даже доктору Дарвину, которого Чарлз после смерти матери ни разу не видел плачущим.

Тем временем собралась и прислуга.

— О, мистер Дарвин,— воскликнула Энни,— не очень-то там вас, видно, кормили на этом вашем корабле.

Джозеф, садовник, тепло тряс его руку. Нэнси, старая няня, не побоялась при всех обнять его. Отцовский кучер Марк приблизился, держа за руку свою жену, прачку в доме Дарвинов: они поженились, пока Чарлз отсутствовал.

Практичная Каролина первой спросила:

— А ты завтракал?

— Насколько мне помнится, последний раз я ел вчера утром в Лондоне.

Доктор Роберт Дарвин, в свои семьдесят почти совсем прекративший ездить на вызовы, начал явно сдавать. Он совершенно облысел, если не считать белых редких кустиков над ушами. Из-за постоянно мучивших его приступов подагры и радикулита он стал медленнее ходить. Нижняя часть его двойного подбородка сделалась слегка дряблой, но из своих трехсот сорока фунтов веса он почти ничего не потерял. Да и голос его раздавался на весь дом столь же раскатисто, как и прежде:

— Все в столовую! А ты, Энни, по случаю возвращения блудного сына приготовь-ка нам самый шикарный завтрак, какой только сможешь.

Чарлз занял свое традиционное место справа от отца за столом красного дерева с массивными ножками, напоминавшими когтистые лапы, и на него тотчас пахнуло уютным запахом воска. Он взглянул из окна на реку Северн и расстилавшиеся за ней зеленые заливные луга с пасущимися на них херфордширскими коровами. С волчьим аппетитом поглощал он приготовленную на пару́ треску, четыре вареных яйца, телячьи почки и бекон, треугольные ломтики тоста и горячий кофе с молоком, который из серебряных кофейников разливал по чашкам Эдвард.

Откинувшись на спинку стула, Чарлз произнес:

— Когда сидишь здесь с вами, то кажется, что все это уже было: как говорят французы, «déja vu». Прошлое повторяется. Будто никогда я никуда не уезжал и ничего не изменилось.

— Кроме одной вещи,— откликнулся доктор Дарвин.

— Какой, отец?

— Формы твоей головы!

На мгновение Чарлз и сестры пришли в ужас от этих слов, но потом расхохотались.

— Иначе и быть не могло! — воскликнул Чарлз.— В нее теперь втиснуто столько впечатлений и сведений! Вопрос только в том, как подобрать ключ к тем сокровищам, которые там спрятаны? И что я сделаю с ними, когда извлеку их из этого склада?

Все замолчали, потом доктор Дарвнн наклоиился вперед, иакрыв своей огромиой ладонью сухую и тоикую ладоиь сыиа:

— Я думаю, ты уже зиаешь ответ иа этн вопросы. И знаешь также, как тебе иадлежит поступить со своимн коллекциями. Работай энергичио, ио ие счнтай, что тебе иадо спешнть. Впереди у тебя еще много-много лет для той работы, которая, кажется, предназначена тебе самой природой.

Чарлз подиялся с места и, иемного поколебавшись, поцеловал отца в лоб.

Свободеи! Отец подарил ему вторую жнзнь!

Потом ои услышал слова Кэтти:

— Хорошо бы, Эдвард затопил камни в библнотеке. Наверняка у Чарлза есть для иас новости — ведь последнее письмо мы получили еще из Бразилии.

— Самая лучшая из моих иовостей,— ответил ои,— это что я вериулся домой н инкуда больше не уеду. Так что давайте сперва посндим у камнна и сыграем партию-другую в внст. Вот тогда я буду увереи, что снова в родных пеиатах!

В полдень, выйдя во двор, ои кликиул Пиичера. Собака тут же подбежала и пустилась зиакомым маршрутом по берегу реки, выказав прн этом не больше радости нли удивления, чем если бы она только вчера, а не пять лет иазад в последиий раз выходила иа прогулку вместе с Чарлзом.

Чтобы прнвыкиуть к суше, ему поиадобилось девять дией: ои набрал вес, потеряииый за время болтаики «Бигля» иа заключительиом этапе пути, распаковал вещи, обиовил туалет и вдоволь насладился чтеиием киижки [выдержек из своих писем], которую ои положил иа вндиое место у себя иа бюро, чтобы видеть ее как можно чаще. Ои иаписал иежные письма дяде Джозу Веджвуду, Уильяму Оуэну в Вудхаус, профессору Геисло и капитаиу Фнцрою, все еще остававшемуся иа борту «Бигля» в Фалмуте и буквальио сгоравшему от иетерпения поскорей очутнться иа берегу и сыграть свадьбу с Мэрн О'Брайеи, той самой, с которой ои таицевал иа вечерииках, что устраивались в честь офицеров «Бигля» перед отплытием из Плимута. На свидание с братом из расположеиного по соседству с Мауитом Овертона приехала старшая сестра Мариаииа вместе со своимн четырьмя сыиовьями и девятнмесячной дочкой.

На следующнй день рано утром Чарлз поднялся в просториую спальню отца, все окиа которой выходили иа реку и расстилавшиеся за иею зелеиые луга. Налив по чашке кофе

из прииесеиного на подносе кофейиика, он присел иа край отцовской кроватн.

— Отец, я вел весьма скрупулезиые записн всех своих расходов за время путешествия. Если хочешь, мы могли бы сейчас нх просмотреть.

— Не думаю, что это требуется, Чарлз. Как ты и обещал перед отплытием, ты оказался «чертовски экоиомимым» и тратил только на самое необходимое.

— Я рад, что тебя ие смущает та сумма, в которую обошлись мон сухопутиые экспедиции. По моим подсчетам, за пять лет я сиял со счета чуть больше девятисот фуитов, включая стонмость пнстолетов, телескопа, микроскопа и компаса, куплеииых миою еще до иачала плаваиия. Надеюсь, я смогу убедить тебя, что деньги были потрачеиы с пользой.

— Дорогой мой сын, я уже отметил свое семидесятилетие и в оставшиеся мие годы иамерен иаслаждаться жизиью, а не расстраиваться из-за кого или чего-иибудь. Твое платье порядком изиосилось. Если ты хочешь стать геологом в духе Адама Седжвика, тебе поиадобится иесколько иовых костюмов. Не можем же мы позволить, чтобы ты запятиал репутацию Дарвииов. Бери столько денег, сколько тебе требуется для продолжения работы. А я буду продолжать выплачивать тебе четыреста фунтов годовых.

Оба, и отец и сын, так и сияли от радости. По существу, отец считает, что он стал ученым. И кажется, бескоиечио доволеи таким оборотом дела. Доктор Дарвии прочел мыслн, роившиеся в голове сына, и был счастлив от созиаиия собственной щедрости.

— С прошлым покоичеио, Чарлз. Ты открыл совершеиио иовую главу. Пять лет путешествий и трудов равнозиачиы самой высокой степеии, какой тебя могли бы удостоить в Кембридже. Теперь мы, я н мон дочерн, с любовью и интересом стаием следить за тем, что из этого всего получится.

Оставнв на конюшне гостиннцы «Красный лев» свой экипаж, который ему пришлось иаиять в Брикхилле, ои пешком, с чемодаиом в руке, направился к дому Геисло в Кембридже, где ему предложили остановиться. Трехэтажый особияк коричиеватого кирпича иа Риджент-стрит с дугами окои и голубой входной дверью под каменной аркой, казалось, иичуть ие измеиился с годами. Зато в семье за это время пронзошли зиачительные перемены: сейчас у Генсло было уже три девочки и два мальчнка. О своем прнбытии Чарлз оповестил условиым стуком дверного молотка: пять быстрых, два медлеииых удара.

Хэрриет и Джон Генсло вместе распахнули дверь, и Чарлз тут же попал в их дружеские объятия. Большое и доброе лицо Джона располагало к себе еще больше, чем всегда. Седые пряди в густых вьющихся волосах делали профессора привлекательнее в сорок лет, чем в более молодые годы.

Встреча была радостной. Двое старших детей помнили его: оставалось «представить» его трем младшим. Хотя теперь в доме не устраивались знаменитые «пятницы», Генсло не стал домоседом. Он только что издал «Основы описательной и физиологической ботаники», которые расценили как последнее слово в этой области науки. Приход в Чолсикум-Моулсфорд в графстве Беркшир давал ему дополнительно триста сорок фунтов в год. Путь туда был не близкий — сто миль, но зато каждое лето на все каникулы Генсло вывозил туда своих домочадцев, и они размещались в удобном доме при церкви в четырнадцати милях от Оксфорда. Теперь у него не было больше необходимости по шесть часов в день заниматься частным репетиторством, чтобы содержать семью.

После ужина мужчины перешли в библиотеку. Генсло подложил в камин свежие поленья и привычным движением поворошил угли.

— Дорогой мой Генсло, я так мечтал о встрече с вами,— проговорил Чарлз.— Вы мой самый лучший друг, каких никогда ни у кого не было. Пока я жив, я всегда буду вам обязан.

— Я рекомендовал вас на «Бигль» и, естественно, отвечал за то, чтобы помочь доставить ваши коллекции в целости и сохранности. Когда можно будет ознакомиться с вашими растениями с Галапагосов?

— Как только капитан Фицрой доставит корабль в Гринвич. Я хочу снять с вас заботу об этих своих ящиках и как можно скорее приступить к работе над книгой по геологии.

— Оставайтесь в Кембридже, рассортируйте свои виды по семействам и ждите заявок на экспонаты от тех, кто уже работает в какой-нибудь конкретной области. Кстати, в прошлом месяце Седжвик и я подписали рекомендацию для вашего вступления в Геологическое общество. Ваша кандидатура будет выдвинута второго ноября. А вскоре после этого вас изберут.

Из своего прихода в окрестностях Кембриджа прибыл брат Хэрриет Леонард Дженинс. Это был тот самый Дженинс, которому предлагали отправиться натуралистом на «Бигле», однако по семейным и служебным обстоятельствам он от этого предложения отказался. Дженинс не завидовал Дарвину и не держал на него зла: он испытывал удовлетворение от сознания, что путешествие оказалось плодотворным.

Он оставался все таким же, каким Чарлз его помнил: добрые глаза под набрякшими веками зорко всматривались в окружавший его мир.

— Я привез вам экземпляр своей новой книги — «Руководство по позвоночным животным Британии». Его только что напечатало издательство Кембриджского университета. Не мне судить о достоинствах собственной работы, но ведущие зоологи отзываются о ней с похвалой. Я занялся изучением привычек животных, а не просто их описанием. Боюсь, что это представит интерес только для узких специалистов.

— Никто из нас, увы, не может соперничать с Чарлзом Диккенсом, выпускающим с продолжением свои «Записки Пиквикского клуба»,— заметил Чарлз.

На следующее утро Генсло повел его осматривать подвал. У Чарлза перехватило дыхание: на него волной нахлынули воспоминания о пяти годах, проведенных на «Бигле». С трепетом смотрел он на это собрание коробок, бочонков и ящиков, а перед его глазами вставали картины морей, гор, пустынь, куда приводил его исследовательский пыл, и в ушах звучали разноязыкий говор бесконечных рыночных площадей, стук молотка, которым Мей, корабельный плотник, забивал первые ящики, грозные приказания лейтенанта Уикема поскорее очистить палубу от «всего этого хлама»...

В прохладном, но сухом воздухе подвальных помещений смешивались запахи рыбного рынка, каким он бывает ранним утром, и густо населенного птичника. Генсло по ходу дела высказывал свое мнение по каждому из экспонатов — от морских животных до образцов горных пород, не забывая при этом поздравить Чарлза с его «изумительными, выдающимися экземплярами рыб, столь прекрасно заспиртованных».

— Что касается ископаемых, то, как вам известно, я переправил их мистеру Клифту в Сёрджентс-Холл в Лондоне, чтобы их там подреставрировали и сохранили наилучшим образом. Посылка со шкурами хотя и задержалась в дороге, но все они уже проветрены и находятся теперь в хорошем состоянии. А вот когда прибыли эти ваши зерна, которые вы наскребли по каким-то сусекам, я был за городом, так что некоторые из семян погибли, прежде чем мне удалось их посеять. И потом, ради всех святых, что там числится у вас под номером 233? Похоже, что эта груда пепла — результат действия электрического разряда. Зато ваши птицы, пресмыкающиеся, растения и папоротники дошли в наилучшем виде. Мы потеряли лишь одного замечательного краба, оставшегося без ног, и еще птицу, у которой помялось хвостовое оперение.

Чарлз нежно обнял за плечн своего старшего друга:
— Ннкто в целом мнре, кроме вас, дорогой Геисло, не стал бы столько вознться с тысячами экспоиатов.
— У меия в семье пятеро детей,— отвечал Генсло, за иарочнтой резкостью тона пряча свон истнниые чувства.— Почему бы мне не завестн н шестого?

Эразм радостио прнветствовал брата в своих лондоискнх апартамеитах на Грейт Мальборо-стрнт, 43. Чарлза поразил район, в котором ои очутнлся: в городе редко где можно было встретнть столь же колорнтное и хаотичиое нагроможденне домов, улиц, пересекавшнх друг друга под иемыслнмымн угламн, лавок н контор, выкрашениых в яркие, почтн крнчащне цвета.
— Ясно, это квартал богемы! — восклнкиул ои.
Даже людн на улнцах выгляделн тут по-нному, а нх одежда ннчем не напомииала стиль уравновешенных н добропорядочиых британскнх бнзнесменов. Это былн, скорее, цыгане лондонского общества, и среди ннх живопнсцы в плнсовых брюках н пнджаках, иапомиившнх ему Огаста Эрла. Писателн, актеры — все оии, собравшнсь группками, оживлеиио переговарнвалнсь, жестикулнровалн нлн слонялнсь без дела с беззаботиым видом.
«Рас умудрнлся найтн колонню вольных художннков всего в двух шагах от Оксфорд-Сёркус н совсем рядом с дорогнмн особнякамн Кавендиш-сквера»,— подумал Чарлз.
Братья шумио обнялнсь — это была нх первая встреча после пятнлетней разлукн. Затем, отступнв на шаг, прниялись крнтическн рассматрнвать друг друга в понских следов, оставленных временем.
— Господи, до чего ж ты раздался в плечах! И форма головы другая. Илн, может, это лнцо так округлнлось? А глаза, боже мнлостнвый! Когда я в последннй раз в ннх глядел, то видел там разве что Фэннн Оуэн нли только что подстреленную тобой куропатку. А теперь в инх светятся, как бы это сказать, знанне, честолюбне, планы?..
— Работа, дорогой мой Рас. Ею забнты и мои глаза, н моя голова. Но дай-ка мне как следует посмотреть на тебя: прядн уже не так спадают на чело, но все равно ты такой же неотразнмый повеса, какнм был. А что ты, собственно, делаешь в халате — в час дия?
— Наслаждаюсь жизиью и позволяю ей наслаждаться мною. Представь себе, жнть в свое удовольствне, то есть бездельннчать, как прннято выражаться,— самое хлопотлнвое

дело на свете. У меня нет ни жены, ни любовницы, ни детей, ни какой-нибудь другой обязанности, кроме как быть одетым к вечернему чаю, когда в дом начинают сходиться мои друзья. Сегодня ты встретишься с Томасом Карлейлем и его женой Джейн, Хэрриет Мартино, самой модной писательницей в Лондоне, Сиднеем Смитом, богословом и одним из остроумнейших людей...

— Рад за тебя, Рас. Ты не терял времени даром: пока я коллекционировал крабов и змей, ты коллекционировал литературных знаменитостей.

Эразм смотрел на него со странным выражением на лице.

— Знаешь, Газ, за это время ты стал, по-моему, ниже ростом!

— Чепуха, люди начинают усыхать только к шестидесяти или семидесяти годам, а мне еще целых четыре месяца до двадцати восьми. Во мне было ровно шесть футов, когда я уезжал, и сейчас их ровно столько же.

— Хочешь пари? Я видел этот твой гамак в кормовой каюте. У меня есть метр, пошли я тебя измерю.

Эразм оказался прав. Рост Чарлза составлял пять футов одиннадцать и три восьмых дюйма.

— Проклятье! — прошептал Чарлз.— Путешествие на «Бигле» стоило мне больше чем полдюйма роста! Не мог же я отдать эти полдюйма ни за что.

Очутившись в Лондоне, он тут же принялся ходить по музеям и наносить визиты ученым. Первые его вылазки были малоутешительны: не находилось почти никого, кто бы заинтересовался теми естественнонаучными сокровищами, которые он привез. Уильям Яррел *, оказавший ему столько услуг пять лет назад, был теперь целиком поглощен приведением в порядок собственных дел и к тому же пытался распространить свою новую книгу «История рыб Великобритании». Чарлз дважды заходил в книжную лавку к Яррелу, пока наконец не решил, что с его стороны эгоистично морочить тому сейчас голову. Томас Белл, только что назначенный профессором зоологии в Королевском колледже — Чарлз надеялся заинтересовать его своими пресмыкающимися,— дал понять, что настолько занят, что вряд ли сможет возиться с какими-то экспонатами. Зоологический музей на Брутон-стрит, 35, куда он завернул, сам располагал более чем тысячью еще не обработанных экспонатов. К Британскому музею он относился без всякого почтения: его материалы там оказались бы просто свалены в кучу, заброшены или утеряны. Что же касалось неизвест-

* Книжный торговец и издатель.— *Прим. пер.*

ных экспонатов, то, сказали ему, вообще нечего надеяться, что их примут в коллекцию.

— Когда я возвратился в Англию,— поделился Чарлз с братом,— то думал, что моя работа закончилась. Теперь я понял, что она, по существу, и не начиналась.

— Потому-то я и не люблю работы,— отвечал Эразм.— Она имеет тенденцию длиться до бесконечности.

— Похоже, придется вернуться в Кембридж, чтобы мне помогли разобраться с классификацией экспонатов.

Как раз в это время он получил приглашение от Джорджа Уотерхауса, недавно назначенного куратором Зоологического общества, побывать на их вечернем заседании. Первым, кто приветствовал Чарлза, едва он вошел в здание возле Беркли-сквер, был орнитолог Джон Гулд, уже долгое время занимавшийся набивкой чучел для Общества: он тут же выразил желание увидеть привезенных Дарвином птиц. Впрочем, это было последним приятным впечатлением от вечера, потому что, стоило членам Общества приступить к чтению собственных докладов, как они принялись рычать друг на друга. Вскоре зоологи с их явной задиристостью совершенно вывели его из терпения. Выяснилось, что Общество совершенно не проявляет интереса к его зоологическим коллекциям. А вот профессор Генсло сожалел, что Чарлз не привез еще больше ботанических экспонатов. Сидя в душном взбудораженном конференц-зале, Чарлз думал: «Знать бы раньше, что ботаники относятся к своей науке с такой любовью, а зоологам до своей нет никакого дела. Тогда бы соотношение экспонатов в моем собрании было для тех и других совсем иным».

Но как встающее солнце обращает мрак в день, как сменяют друг друга океанский прилив и отлив, нахлынув на берег или схлынув с него, так колесо фортуны Чарлза сделало неожиданный поворот на триста шестьдесят градусов. Однажды он поднялся особенно рано и только успел закончить свой туалет, как услыхал, что в дверь стучат. К своему изумлению, он увидел на пороге возвышавшегося, подобно утесу, Адама Седжвика.

— Узнал вчера ваш адрес и направился по нему прямиком — так, как движется к вершине горный козел! — воскликнул Седжвик.

— Мой дорогой профессор, какая это для меня радость! За время нашего совместного путешествия по Северному Уэльсу вы дали мне куда больше, чем предполагали.

— Знания сочатся из меня, как вода из решета. Пошли со мной, я проведу вас туда, где подают самые лучшие в Лондоне завтраки, а вы меня — по своим Андам!

— С превеликим удовольствием. И если ваши уши в состояиии выдержать, мие хотелось бы рассказать о киите по геологии, которую я задумал.

За завтраком оии просидели иесколько часов. Седжвику было сейчас за пятьдесят: красивый, мужествеиный, иеистощимый иа рассказы, кладезь цитат... и при этом прежиие жалобы иа ревматизм. Пока Чарлз гостил в Мауите, Сюзаи лишь мимоходом упомяиула имя Адама Седжвика. Ои же сейчас ие упомяиул ее вовсе. Чарлзу ие оставалось иичего другого, как примириться с таким оборотом дела.

— Мие иужио устроить вашу встречу с Лайелем,— заключил Седжвик.— Это человек, который сможет провести вас через лес любых фактов. Зиаете, что ои писал мие в декабре мииувшего года? «Как я мечтаю о возвращеиии Дарвииа. Надеюсь, вы ие будете моиопольио владеть им у себя в Кембридже».

Чарлзу показалось, что рот его сам собою открылся. Когда ои заговорил, голос его звучал глухо:

— И Чарлз Лайель это вам иаписал? Но как... почему?..

— Ему поиравились выдержки из ваших писем, которые мы с Геисло опубликовали. Ои полагает, что у вас может быть свежее восприятие геологии.

Написаииая жеиской рукой, ио подписаииая Чарлзом Лайелем простая, ио вместе с тем сердечиая записка содержала приглашеиие явиться завтра в любое время после полудия. Для визита ои иадел красивую темиую жилетку с высоким стоячим воротииком и атласиыми лацкаиами, двубортиый пиджак и полосатые брюки, которые только что сшили его портиые Гамильтои и Кимптои со Стрэида, и иовую пару башмаков, заказаииых у Хауэлла. Нэиси прислала пару белых рубашек, сшитых с величайшей любовью. Эразм одолжил ему одии из своих иаимеиее экстравагаитиых галстуков. Чарлз тщательио побрился. Рыжевато-золотистые волосы, разделеииые пробором иад левым ухом, были аккуратио зачесаиы иазад. В карих глазах Эразма заиграло удовольствие.

— Ты сегодия чертовски красив! Пожалуйста, одеиься так же и для моих гостей, которых ты, будучи заият, так и ие удостоил пока что своим присутствием.

— Как-иибудь в другое время, Рас. А сейчас я должеи встречаться с великими учеиыми мужами. Мие позарез иужиа помощь, чтобы привести в порядок свою коллекцию.

До иебольшого трехэтажиого кирпичиого дома, который сиимали Лайели, идти было иедалеко: ои иаходился возле

Блумзбери-сквер, в отнюдь не фешенебельном районе. Ученые, коллеги Лайеля, недоумевали, с какой стати он, выходец из богатой семьи, и его жена Мэри, дочь богатого купца из Эдинбурга, предпочитают столь скромный образ жизни, не держат ни лошадей, ни экипажа, ни многочисленной прислуги.

Замешкавшись у парадного входа, Чарлз постучал дверным молотком — и тут же на пороге выросла фигура Лайеля.

— Мой дорогой Дарвин, какое удовольствие видеть вас! Я так ждал вашего возвращения! Заходите же. Разрешите представить вам мою жену Мэри. Она ведает всей моей корреспонденцией, как вы, вероятно, уже заметили, когда получили вчера нашу записку.

Лайель провел Чарлза в большую гостиную. Она была обставлена мебелью из его прежней холостяцкой квартиры в Рэймонде и частично — той, что подарил его тесть, Леонард Хорнер. Это делало комнату чем-то вроде мебельного склада, но Лайели не слишком-то заботились о том, чтобы произвести впечатление. Стены были только что заново оклеены обоями и выглядели совсем свежими.

— Чудесное место, много воздуха — и настолько близко от Соммерсет-Хауса и «Атенеума», насколько позволяет мне мой кошелек.

Чарлз приглядывался к хозяину. Длинноногий человек лет сорока. Широкие длинные бакенбарды, спускавшиеся почти к самым уголкам рта, тщательно выбритое лицо и гладкий подбородок; уже начинающая лысеть крупная голова, седина на висках. Глаза Лайеля плохо видели, но зато каждому, кто смотрел в них, становилось хорошо на душе, столь теплым был их взгляд. Резко выдающийся греческий нос, четко очерченный тонкий нервный рот.

У Мэри Хорнер Лайель была голова патрицианки, идеальная кожа, высокая грудь, роскошные каштановые волосы, которые она зачесывала назад, оставляя открытыми только мочки ушей с жемчужными сережками. Она указала Чарлзу на кресло напротив Лайеля, сидевшего за столом, заваленным книгами и бумагами, и спросила, какое шерри он предпочитает: сладкое или сухое. Четыре года назад, когда она выходила за Лайеля, ей было всего двадцать три. За это время она стала и его неизменной спутницей в поездках по Франции и Германии, куда они отправлялись в геологические экспедиции, и его секретарем, писавшим под диктовку, чтобы сберечь зрение мужа для чтения книг.

— Профессор Генсло говорил мне, что вы увлекаетесь коллекционированием жуков,— начал Лайель.— И даже основали в Кембридже Клуб собирателей жуков. Рассказывают,

что вы нашлн редчайшнй внд жука, который занесен в кннгу Стнвенсона «Насекомые Брнтаннн в нллюстрацнях» со сказочно прекрасной пометкой: «Пойман Ч. Дарвнном, эскв.».

Чарлз густо покраснел.

— Мое нмя появнлось тогда в печатн в первый раз. Это пьяннт еще больше, чем брендн.

— Держу парн — в первый, но не в последннй. Я тоже вошел в науку через увлеченне насекомымн. Из школы меня забралн домой в Хэмпшнр по состоянню здоровья. Незадолго до того отец начал заннматься энтомологней: впрочем, его порыва хватило только на то, чтобы накупнть кннг по данной теме. Сперва я обратил вниманне на бабочек, мотыльков н нм подобных как на самых красивых, но вскоре полюбнл наблюдать за удивнтельными прнвычкамн водяных насекомых и все утра проснжнвал на берегу пруда — скармлнвал нм мух н, еслн удавалось, ловнл. А сейчас,— продолжал он,— расскажнте мне о вашнх планах. Мне хочется помочь вам, чем только смогу.

В прнсутствнн прославленного геолога Чарлз стеснялся говорнть о своих намерениях. Он сказал, впрочем, что посвятнл геологнн около девятнсот страннц запнсных кннжек, не счнтая того, что заноснл в дневннк.

— Я совершал длннные переходы по суше в пампасах н в Андах. Очень надеюсь, что после того, как закончу расшнфровку своих запнсей, мне удастся напнсать кннгу своих геологнческнх наблюденнй в Южной Амернке.

Лайель одобрнл эту мысль.

— Монополнн на геологню нет нн у кого. Чем больше выходнт в свет кннг, особенно еслн в ннх содержатся верные наблюдення, тем снльнее становится наша наука. Чему завидую, так это представнвшейся вам возможности побывать на Тантн н другнх тропнческнх атоллах, где вы моглн сами нзучать коралловые рнфы. Мне ннкогда не доводнлось вндеть скопленне кораллов. Расскажнте-ка мне о ннх.

Несколько мгновеннй Чарлз не отрываясь нзучал Лайеля. Это была его первая встреча с человеком, который был к нему велнкодушен, чрезвычайно ему нравнлся н с которым, похоже, у ннх со временем должны установнться плодотворные дружескне отношення. Вправе ли он был обндеть его, рассказав о своем открытнн на островах Кнлннг *? Вправе лн высказать уверенность в том, что нменно он, а не Лайель знает

* Острова Килииг (или Кокосовые) в Иидийском океаие, где Дарвии впервые сформулировал свою оригииальиую теорию коралловых рифов.— *Прим. пер.*

теперь, как в действительности образуются коралловые атоллы?

В конце концов он решил сказать правду.

— Позволите ли вы мне изложить мою теорию кораллов? При всем своем уважении к вам должен сказать, что она отличается от вашей точки зрения, согласно которой атоллы возникают по краям кратеров подводных вулканов. Возможно, вы укажете мне на мои слабые или ошибочные места.

Сочувственный взгляд Лайеля сделался строгим.

— Выкладывайте!

Готовясь к предстоящей умственной работе, Лайель принял весьма странную позу. Стоя, он умудрился положить голову на сиденье стула и крепко зажмурил глаза. Подобное положение требовало акробатических усилий от такого высокого человека, как он. Шаг за шагом рассказывал Чарлз о своих наблюдениях за рифами и лагунами южных морей, особенно на Таити, и об экспериментах на островах Килинг, в результате которых он сумел доказать самому себе, что кораллы могут жить только в теплой воде, причем полипы разрастаются на стороне, обращенной к морю, так как именно там они находят себе пищу, и не способны существовать ниже уровня 120—180 футов.

— Ни разу, мистер Лайель, мы не обнаружили присутствия вулканического кратера. К тому же мне не кажется, что подводный кратер может иметь в поперечнике столько миль, как на атолле Боу. А какой кратер может достичь шестидесяти миль в длину, как остров Меншикова? Вулканическая теория не в состоянии объяснить существование барьерного рифа у берегов Новой Каледонии длиной в четыреста миль или Великого барьерного рифа Австралии, простирающегося на тысячу двести миль. Принимая во внимание глубины, на которых могут жить коралловые полипы, невозможно поверить, чтобы подводные вулканы, разбросанные по океанским просторам, повсюду поднимали края своих кратеров именно на сто двадцать футов ниже уровня моря. Моя теория заключается в том, что основу коралловых образований составляют не вулканические кратеры под поверхностью океана, а подводные горные хребты, континенты, которые когда-то возвышались над поверхностью воды, а потом, постепенно опускаясь, и создали то основание, на котором растут коралловые полипы.

Когда Чарлз закончил, наступила пауза. Лайель оставался в прежней позе, обдумывая услышанное. Мэри молча сидела в уголке, наблюдая за мужем. После показавшегося вечностью молчания Лайель, рывком распрямившись во весь свой рост, воскликнул:

— Я в восторге!

И он принялся танцевать по комнате, выделывая самые невероятные па. Мэри спокойно заметила Чарлзу, остававшемуся посреди гостиной и отказывавшемуся верить своим глазам:

— Мой муж всегда так себя ведет, когда что-нибудь чрезвычайно его обрадует.

Лайель между тем прекратил свои прыжки и начал изо всех сил трясти руку Чарлза, восклицая:

— Я весь переполнен вашей новой теорией коралловых островов. Во что бы то ни стало уговорю Уильяма Юэлла — в феврале он сменит меня на посту президента Геологического общества,— чтобы вы выступили с докладом на ближайшем же заседании.

— Мистер Лайель! Я бесконечно благодарен вам за добрую волю и душевную симпатию, которую вы проявляете к начинающим любителям вроде меня.

— В вопросах науки я действую с осторожностью. Если бы ваши доказательства не были столь очевидны, я привел бы все возможные опровержения. Этому научила меня моя юридическая практика в «Линкольнз инне» *. Я убедился теперь, что должен расстаться со своей вулканической теорией навсегда, хотя это для меня мучительно: ведь она так много для меня значила.

Лайель тут же попросил его рассказать о своей геологической коллекции, и Чарлз подробно описал ее. Затем он решил, что из соображений вежливости не следует долее злоупотреблять гостеприимством хозяев.

— Сегодня благодаря вам научные открытия сыпались как из рога изобилия. В ближайшую же субботу вы непременно должны быть у нас к восьмичасовому чаю. Я приглашу Ричарда Оуэна. Как хантеровский ** стипендиат, он только что назначен профессором анатомии и психологии в Королевском хирургическом колледже. Это один из тех, кто лучше других в Лондоне сможет посоветовать, как расположить ваш зоологический материал и опубликовать его.

— В субботу утром мне нужно будет съездить в Гринвич, чтобы забрать оставшуюся часть экспонатов, включая растения с Галапагосских островов, и свои приборы. Но я уверен, что поспею к сроку.

---

* Один из четырех «судебных иннов» (корпораций адвокатов) в Лондоне.— *Прим. пер.*

** Хантер Джон (1728—1793) — английский хирург, основатель научной школы.— *Прим. пер.*

...Чтобы разместить несколько тысяч экспонатов, Чарлзу требовалось много места, а в доме Генсло все и без того было заставлено. Знакомые преподаватели из колледжа Христа, пригласив его к обеду, наперебой советовали арендовать комнаты в самом колледже сроком на один учебный год.

— Но я же не знаю, сколько времени мне придется здесь пробыть,— отвечал им Дарвин.— Лучше снять помещение с помесячной оплатой и с минимумом обстановки.

Как раз такое помещение он и нашел неподалеку от Трампингтон-роуд на Фитцуильям-стрит, в тупике, образовавшемся там, где ее пересекала Теннисная аллея. На каждой стороне этой тихой благопристойной улицы было, как ему показалось, не больше дюжины домов с ящиками на подоконниках, где росли яркие цветы. Сами дома мало отличались один от другого размерами, окраской или стилем. Он зашел в жилищный трест на Фитцуильям-стрит, владевший многими из домов, как и большим участком на Трампингтон-роуд, где предполагалось, как только жюри отберет лучший архитектурный проект, построить музей. В нем должна была разместиться та самая коллекция картин, которой Чарлз в свое время любовался в здании гимназии Пэрса по соседству с будущим музеем.

— Приятно иметь вас в качестве нашего квартиросъемщика,— приветствовал его пожилой клерк.— Вам придется, однако, внести аванс за три месяца. Въезжать можно будет тотчас же.

Узкий четырехэтажный дом как нельзя лучше отвечал требованиям Чарлза. Он пришел в настоящий восторг, осматривая одну за другой все комнаты и решая, в какой что разместить. В подвальном помещении, выходившем на улицу, было одно окно и камин («Готовая кухня, где Симс сможет готовить еду»). На первом этаже находилась довольно большая гостиная, широкое окно которой выходило на солнечную сторону. Самая лучшая комната в доме была расположена в дальнем конце: размером десять футов на двенадцать. В ней помещались кровать и видавший виды комод. «Здесь будет моя спальня,— решил он.— А Симс может занять одну из комнат рядом с прихожей».

Чарлз поднялся по винтовой лестнице, крутой и узкой. На втором этаже он обнаружил две маленькие гостиные: в той, что справа, можно будет разместить морскую живность, ракообразных, медуз, моллюсков, рыб; в той, что слева,— насекомых и пресмыкающихся. Надо будет только попросить Симса сделать побольше подставок.

Более вместительную комнату в конце коридора он решил предоставить своим животным, позвоночным и беспозвоноч-

иым. На следующем, третьем этаже помещалнсь две комнаты со слуховымн окнамн. «Одна для птнц,— прнкнпул Чарлз,— а другая — для ботаинческой коллекцнн: растеиия, цветы, травы, семена, лншайинкн с тропических деревьев джуиглей. Раковииы поместятся в одной из боковых комиатушек четвертого этажа».

Крыша дома была снльно скошенной, но все равно на чердаке уместнлись еще две комиаты.

— Сюда, коиечио, пойдут гориые породы! — воскликнул он.

Вызвав к себе из общежития Симса Ковиигтоиа, Чарлз поручнл ему иаиять лошадь и фургон, прнхватнть двух портье из гостиинцы «Красиый лев» и отправиться к дому Геисло.

Симсу и портье понадобилось два дия для того, чтобы вновь упаковать и запечатать ящики, коробкн н бочоикн, которые Чарлз посылал Геисло, общим чнслом двадцать одни, ие считая еще пятн, прнвезенных им с собою на «Бигле». Большннство коробок иужно было забрать у Геисло из подвала. Остальиые хранндлнсь в прнгороде на складе. В большую гостнную первого этажа, которую он намеревался превратнть в кабнвет, где можио было бы заняться редактнрованием дневннка путешествня, поместнлнсь некоторые нз самых тяжелых ящнков н коробок поменьше. В две кладовые за подвалом-кухней н в комнатку рядом с передней влезло еще несколько. Два грузчнка кое-как умудрилнсь втащнть иаверх по крутой вннтовой лестннце наиболее легкне бочонкн н коробкн, а все оставшиеся расставили в ряд, как деревяниых солдатнков, в ннжнем коридоре.

— Этн прндется разгрузнть в первую очередь,— определнл Чарлз,— чтобы очнстнть проход. Потом займусь ящнкамн в гостииой. Надо будет купнть пару дешевых корзнн, чтобы таскать в ннх наверх мелочь из коллекций. Ковнигтон уже прнноровнлся к этнм ступеням, да н мон надпнсн он прекрасио разбнрает.

Разнося тысячн экспонатов (а ведь многне нз ннх былн еще н заспнртоваиы) по соответствующнм комиатам, все сбнлнсь с ног. Перетаскивая на чердак сотнн образцов пород, Дарвнн проклниал себя:

— Идиот! И чего я не разместнл всю геологнческую часть иа ннжнем этаже? Тогда не прншлось бы надрывать жнвоты, поднимаясь с этнм проклятым грузом на самую верхотуру.

Однако его бесконечно радовало, что дело все же продвнгается вперед. Теперь можно будет начать главную работу. Снмс, умевшнй куда лучше нграть на скрнпке, чем плотннчать, соору-

жая скамейки, успел дважды порезаться пилой. С робкой ухмылкой на широком плоском лице он заметил:

— Прямо музей получается, мистер Дарвин. То-то здорово будет тут у вас работать.

На окнах висели выцветшие занавески, на двух походных кроватях имелись белье и одеяла, но зато совсем не было полотенец, кастрюль, посуды. Когда за ужином у Генсло он упомянул об этом, Хэрриет тут же откликнулась:

— Можете не сомневаться, что для вас у нас найдутся кастрюли со сковородками, тарелки, ложки, вилки.

— Хэрриет, вы заботитесь обо мне, как родная мать. Только постарайтесь, пожалуйста, дать мне вашу старую посуду — я же наверняка верну ее в гораздо худшем состоянии, чем получу.

Последующие дни и недели были заполнены захватывающей работой: перед Чарлзом ожнли все пять лет кругосветного плавания. Он выкладывал из ящиков маленьких темносиних медуз и морских моллюсков — то был его первый улов по пути от Тенерифе до острова Сантьягу; а вот каракатнца: когда он поймал ее у одного нз островов Зеленого Мыса, она выпустнла ему струю прямо в глаз; вот пауки и насекомые из окрестностей Рио-де-Жанейро: блестящие по окраске бабочки, жукн, муравьи; вот странное пресмыкающееся, которое онн с Фицроем обнаружили возле Монтевидео. Оно выглядело как змея, но имело две задних лапки или плавники. Рядом коллекция его птиц из Мальдонадо: попуган, грифы-стервятники, пересмешники, дятлы; утка с Фолклендских островов, стонвшая жизни Эдварду Хеллиеру *; шкуры зверей, в том числе гуанако (он вспомнил, как в бухте Желания увидел двух животных и подстрелил одного из них); растения, вьюрки и другие животные с Галапагосов с точным указанием, на каком из островов они обнаружены. Самой полной оказалась геологическая коллекцня: вулканическая порода с Сантьягу; гравий, перемешанный с молодым ракушечником из Баиа-Бланка, где он впервые нашел ископаемые окаменелости; образцы лавы, собранные во время путешествия вверх по течению реки Санта-Крус. Из экспедиции в Анды в коллекцию попали: чистый белый гипс из долины Валье-дель-Есо; куски породы с горной вершины, где воздух был настолько сухим, что деревянная ручка геологического молотка покрылась трещинами; белые, красные, пурпурные и зеленые осадочные породы, собранные возле Успальята, наконец, черная лава Галапагосских островов...

* Корабельный клерк, отвечавшнй за ннтендантскую часть; поплыв за подстреленной уткой, он запутался в водорослях н погнб.— *Прим. пер.*

От Лайеля пришло письмо, подтверждавшее избрание Чарлза членом Геологического общества и предлагавшее ему написать доклад по уже обговоренной ими теме «Наблюдения в поисках доказательств недавнего подъема береговой части Чили». По существу, доклад этот почти полностью содержался в готовом виде в его всеобъемлющей записной книжке по геологии, оставалось всего лишь прояснить кое-какие места и изложить материал научным языком. Чарлз был предельно краток: доклад занял всего шесть страниц, которые он отослал почтой на домашний адрес Лайеля.

Чтобы немного встряхнуться, перед ужином он на часок отправился прогуляться с Генсло. С реки веяло холодом. Они проходили берегом мимо Королевского колледжа, колледжей Тринити, Кингс, Клэр и Сент-Джонс. Оба они кутались в свои пальто и кашне, натянув как можно глубже привезенные Чарлзом вязаные шерстяные шапочки, которые носят моряки. Говорили они о науке.

— Лайель пишет,— поделился Чарлз с Генсло,— что прочел мой доклад с превеликим удовольствием, но в нескольких местах нужны разъяснения. Ему бы хотелось, чтобы второго января я приехал в Лондон и внес кое-какие мелкие исправления в работу. Это займет не более получаса, после чего мне предстоит выступить на заседании Общества.

— Поезжайте не раздумывая! — отозвался Генсло с пылом.— Я был бы рад, если бы они там познакомились не только с качеством вашей работы, но и с вашими человеческими качествами.

— Да, конечно, я поеду. А кроме того, Лайель предложил мою кандидатуру в члены «Атенеума». Он говорит, что уже сейчас я, если захочу, могу обедать в клубе. Вакансий, правда, пока не появилось, но в списке претендентов я как будто первый.

— Великолепно! «Атенеум» — лучший частный клуб в Лондоне. Бывая там, вы получите счастливую возможность встречаться с наиболее известными учеными, литераторами и художниками, не говоря уже о меценатах — покровителях науки, литературы и изящных искусств. Я думаю, что вы сможете вступить в члены клуба уже через пару месяцев, как только удалится на покой один из «старичков».

Теперь работа над «Дневником» доставляла Чарлзу куда большую радость. Причиной тому послужило письмо от Роберта Фицроя, содержавшее самую приятную новость: «Находясь несколько дней назад проездом в Лондоне, я советовался с Генри Колберном, почтеннейшим издателем с Грейт Мальборо-стрит, относительно «Дневников» капитана Кинга

н моего. По его миению, следует издать нх в одной серии отдельиыми томами — одии Кинга, другой Ваш и третий мой. Прибыль, ежели таковая будет, можио всегда разделнть между нами иа три равиые части. Приннмать ли мие это предложеиие или подождать до иашей встречи, чтобы обсудить все как следует?»

Ои закаичивал трогательиым приветом: «Желаю вам, дорогой Филос *, счастливого рождества. Всегда Ваш искреиний друг...»

Чарлз ответил согласием иемедленно.

У Лайеля ои был ровио в пять. Работа по переписываиию иескольких фраз и перестаиовке абзацев и иа самом деле заняла полчаса. Чарлз быстро убедился, насколько справедливы были все замечаиия. В половиие шестого ои уже сидел за столом вместе с родителями Мэри Лайель. Мистер Леонард Хориер сердечно приветствовал его — ои поминл Чарлза еще по Эдиибургу, где тот выступнл иа заседанни Плиниевского общества с докладом «О яйцах мшаики Flustra». Заиитересовавшись тогда угловатым восемиадцатилетиим юиошей, Хорнер взял Чарлза с собой иа заседаине Королевского общества Эдиибурга.

В тот же вечер вместе с Лайелем и Хориером Чарлз отправился в Геологическое общество н выступил там с докладом. Впервые, если ие считать его выступлеиия в Эдиибурге, ему приходилось держать речь перед столь большой аудиторией. Когда Лайель в качестве президеита Общества представил его, Чарлза охватило иервное волнеиие. Стоило ему, одиако, начать говорить, как оио улеглось, и ои сиова был в Южиой Америке, в Чили, сиова своими глазами видел вздыблеииые участки суши. Голос, поиачалу дрожавший, окреп и наполиил собой лекциоиный зал, где сиделн его коллеги.

Раздалнсь дружиые аплоднсмеиты. Лайель сиял. Хотя Чарлз был всего иа двеиадцать лет его моложе, он стал для иего чем-то вроде сыиа.

— Подиимаем паруса — и в «Атенеум». Этот успех иадо отпраздиовать!

До этого Чарлз ии разу ие бывал в клубе, осиованиом сэром Вальтером Скоттом и Томасом Муром в 1824 году. Особияк иа северо-восточиом углу улицы Пэлл-Мэлл был в этот поздиий час почти безлюдеи. Чарлз походил по роскошным комиатам, загляиул в богатейшую библиотеку иа втором этаже.

* Филос — сокращениое от «Философ» — прозвище Дарвииа иа «Бигле».— *Прим. пер.*

После нескольких рюмок бренди, перед тем как портье объявил: «Время закрытия, джеитльмены!», Лайель доверительио иаклонился к Дарвииу:

— Чарлз, вы теперь вхожи в Общество, и мие хочется сразу же дать вам серьезный совет.

— Я весь виимаиие.

— Не соглашайтесь ии на какой официальиый иаучный пост, если этого можио избежать, и никому ие говорите, что такой совет вы получили от меия. Сам я боролся со своим президеитством, этим ужасиым бедствием, пока хватало сил. Работайте только иа себя и иа науку миогие годы и ие прииимайте прежде времени иикаких официальиых почестей. Есть люди, которым эти обязаиности помогают: без иих оии попросту ие могут работать. Вы к их числу ие приидлежите.

К тому времени, когда Чарлз вериулся в Кембридж, семестр уже иачался. Ои получал приглашеиия иа миогочислеииые встречи, иередко устраивавшиеся в его честь. Одиа такая встреча состоялась у Адама Седжвика, считавшего своим долгом отплатить за гостеприимство, оказаииое ему в Мауите, другая — у Джорджа Пикока, только что избраииого профессором астроиомии, который вместе с Геисло в свое время рекомеидовал его в качестве судового иатуралиста иа «Бигль». У Седжвика Чарлз засиделся далеко за полиочь, в остальиых случаях ои взял себе за правило уходить не позже десяти, с тем чтобы иметь возможиость еще пару часов поработать иад «Диевииком» перед сиом.

Преподаватели иачали все чаще заходить к иему иа квартиру иа Фитцуильям-стрит, чтобы позиакомиться с коллекциями. Он объясиял им, что в иастоящий момент занят тем, что пытается осмыслить свои зоологические иаходки.

— Пресмыкающихся и ракообразиых согласился посмотреть в Лоидоие Томас Белл, а ископаемые кости — Ричард Оуэи. Птицами обещал заняться Джон Гулд. А сегодия утром мне сообщили, что Леоиард Джениис согласеи поработать с моими рыбами. Если бы только мие удалось раздобыть достаточно деиег для цветиых иллюстраций, каждый из иих, иадеюсь, выпустил бы по кииге по итогам своих исследоваиий.

— Дарвии, разрешаете ли вы читать ваш путевой диевиик? — поинтересовался старший декаи.— Мие бы очеиь хотелось перелистать хотя бы несколько страииц.

— Вы окажете мие честь. Пойдемте, я вам его дам.

Через час Чарлз оторвался от своей работы, заметив, что декаи смотрит иа него глазами, полиыми удивлеиия.

— Кто бы мог подумать, что человек, «который ходил хвостом за Генсло» и всего каких-иибудь пять лет иазад

собнрал окрестных болотных жаб, оказывается, умеет пнсать как бог!

Чарлз покраснел. Когда вечером следующего дня он появнлся в профессорской, его прнветствовалн как знаменнтость. Все это, конечно, вскоре дошло до Генсло. За завтраком в блнжайшее же воскресенье профессор, перед тем как отправнться в церковь, мягко спроснл:

— Вы хорошо себя чувствуете в колледже Хрнста, не так лн?

— Чрезвычайно. Здесь поразнтельные людн.

— А не думаете лн вы, что захотнте к ннм прнсоедннннться? Получив постоянную работу — преподавание, лекцнн? Будущее длится долго, н человеку необходима опора. Лучшей, чем эта, не сыщешь.

Чарлзу показалось, что ему нечем дышать.

— А вы счнтаете, что онн согласятся?

Генсло улыбнулся:

— Может быть, н не завтра утром, когда прозвеннт восьмнчасовой звонок. Но позже, когда будут опублнкованы «Дневннк» н работа по геологнн Южной Амернкн. Человек, который пншет кннгн, делает это главным образом затем, чтобы учнть другнх. Впрочем, поговорнм о чем-ннбудь другом — о тех кннгах по зоологнн, которые вы замыслнлн. Почему бы вам не обратнться к министру финансов с просьбой о дотацнн? В конце концов нзданне было бы завершеннем той работы, которая велась на корабле королевского флота. Геологнческое общество, со своей стороны, вас поддержнт, не говоря уже о Седжвнке, Пнкоке н обо мне. Пожалуйста, отбросьте свою застенчнвость. Попытайтесь.

Узнав о скором отъезде Чарлза в Лондон, президент колледжа прнгласнл его на обед. В профессорской собрались все четырнадцать преподавателей н профессора Генсло н Седжвнк.

— Прошу почтенное собрание разрешнть почать эту бутылку,— громогласно объявнл Седжвик.— Полагаю, что для данного случая мы все предпочнтаем бордо?

Чарлз заметнл явную перемену в настроеннн собравшнхся. Ему торжественно преподнеслн снгару, которую он закурнл. Эту прнвычку он перенял у гаучо в пампасах. Президент колледжа в офнцнальной позе встал у камнна.

— Мистер Дарвнн, не будете лн вы так добры подойтн сюда?

Глаза всех прнсутствующнх устремнлнсь на Чарлза. Он пересек комнату н остановнлся прямо перед горящнмн углямн.

— Мистер Дарвии, в качестве иомииальиого главы колледжа, со всей откровеииостью обсудив вопрос со своими коллегами, я пришел к выводу, что ваша работа на протяжеиии пяти лет, истекших с тех пор, как вы покииули сии величествеиные стеиы, дает вам право иа получеиие степеии магистра. Это вовсе ие почетиая степеиь. Ее иужио было заслужить, и, по иашему миеиию, вы ее заслужили. Завтра в помещеиии учеиого совета вам будет вручеи диплом.

На глаза Чарлза навериулись слезы.

— Это честь, о которой я ие смел даже мечтать. Я дорожу вашим лестным миеиием обо мие и буду стараться оправдать его.

Чарлза дружески хлопали по спиие, заказали еще вина и выпили за его здоровье.

На следующее утро, упаковывая дорожные корзииы, ои получил официальиое уведомлеиие от секретаря уииверситета. Степеиь магистра, как оказалось, дают вовсе ие бесплатио. Ему иадлежало уплатить государствеииой казие шесть фуитов стерлиигов в виде гербового сбора и еще пять фуитов четыре шиллиига и шесть пеисов старшему проктору уииверситета. Чарлз с кислой миной заметил Геисло:

— Хорошо будет, если мие удастся возместить эту сумму за счет гоиорара от двух моих киш.

Порой Эразмом овладевала жажда деятельности. Часами подыскивая жилье для Чарлза, ои обшарил всю округу: подиимался и спускался по бескоиечиым лестиицам, придирчиво осматривал одиу квартиру за другой, чтобы тут же отвергиуть ее как ие соответствовавшую требоваииям брата. Поиадобилось иесколько дией усердиых поисков, прежде чем оии иашли то, что хотел Чарлз. Это была квартира иад лавкой иа Грейт Мальборо-стрит в доме № 36, всего в двух шагах от Эразма. Из пяти комиат иа Мальборо-стрит выходили две, иа окиах там висели голубые заиавески, оставшиеся от прежиего жильца. Хозяии запросил за квартиру около ста фуитов в год. Чарлз подписал бумагу, заплатил двухмесячиый аваис. Его беспокоило только, что покупка мебели может обойтись чересчур дорого.

— Тогда ие обставляй всю квартиру. Вполие достаточио двух комиат: гостииой (оиа же будет и кабииетом) и спальии.

В своем райоие Эразм зиал все и вся. Ои помог брату приобрести стол, стулья, уютиый диваи, иедорогие ковры, чтобы ие слишком доиимали лоидоиские холода, видавшие виды, ио вполие приличиые кииЖиые шкафы, удобиую кровать, простыии,

одеяла и подушки, а также гардероб. Отец предупредил Чарлза, что не следует предаваться роскоши, однако все необходимое у него должно быть. Симсу Чарлз дал достаточную сумму денег, чтобы оборудовать кухню: если рассчитывать жить экономно, есть придется дома.

Он расставил книги по полкам, повесил в гостиной-кабинете одну из акварелей Мартенса * — ту, где «Бигль» изображен вытащенным на берег в устье реки Санта-Крус; другую, где «Бигль» стоит на якоре в проливе Понсонби на фоне огнеземельского пейзажа, он повесил в спальне. Эразм одолжил ему две цветные гравюры: зелень английских лугов действовала освежающе. Мало-помалу комнаты начинали приобретать жилой вид.

— Если тебе надоест стряпня Ковингтона,— предупредил Эразм,— учти: моя кухарка превосходно готовит бараньи котлеты. К тому же в доме всегда найдется бутылка шампанского, чтобы сделать их еще вкуснее.

— Бараньи котлеты с шампанским! Именно это подавали нам на ленч в Плимуте перед отплытием «Бигля». Да, все возвращается на круги своя.

Не прошло и нескольких недель, как Джордж Уотерхаус согласился написать монографию по млекопитающим и выступить с докладами по насекомым, а Джон Гулд, прославившийся своими книгами о птицах с замечательными литографиями его жены Элизабет, сам вызвался заняться неизвестными птицами из коллекции Чарлза. Томас Белл, профессор зоологии в Королевском колледже, внимательно изучал чарлзовых пресмыкающихся.

— Изумительная коллекция, Дарвин! У вас там есть целая дюжина видов, о чьем существовании я даже и не подозревал.

— Значит, вы беретесь за книгу о пресмыкающихся?

Ричард Оуэн сообщил Чарлзу, что его больше не интересуют заспиртованные животные, которых он попросил для осмотра. Однако его прямо-таки очаровали ископаемые останки. Именно ими он и хотел бы заняться для серии статей по зоологии.

Фортуна продолжала улыбаться. В научном мире поползли слухи, что молодому Чарлзу Дарвину удалось собрать такую большую, разнообразную и интересную естественнонаучную коллекцию, какой не привозил до него никто из путешественников. Ученый М. Дж. Беркли изучил дарвиновскую коллекцию

* Художник, сменивший в Монтевидео заболевшего Огаста Эрла.— *Прим. пер.*

тайнобрачных растенннй н выступнл с рядом статей в «Анналах естественной нсторнн»; другой спецналнст, Дж. Б. Соуэрбн, заннмался его ракушкамн н также напнсал о ннх несколько статей; Фредернк Унльям Хоуп, основатель н бывшнй презндент Энтомологнческого общества, предложнл ему свон услугн в разборе коллекцнн насекомых.

В теченне мая он еще дважды выступал с докладамн на заседаннях Геологнческого общества: первый раз — об ископаемых останках мегатерня, обнаруженных нм на Пунта-Альте, а второй — о теорнн пронсхождення кораллов. Оба доклада пронзвелн подлннный фурор.

Теперь, когда над его зоологнческнмн экспонатамн выразнлн готовность работать пять ученых — Дженннс, Оуэн, Белл, Гулд н Уотерхаус, Чарлз вплотную занялся подготовкой к печатн монографий. К текстам требовалось множество нллюстрацнй, в том чнсле цветных, что особенно касалось кннгн Гулда о птнцах. Цветные вкладкн удорожалн стонмость н затруднялн ponскн нздателя, готового ндтн на рнск. В свое время Джон Гулд весьма успешно опублнковал несколько кннг, н Чарлз заглянул к нему домой на площадь Берклн посоветоваться, что предпрннять.

— Ннчего сложного, Дарвнн. Естествонспытателн в Лондоне крайне заннтересовалнсь вашнмн коллекцнямн. Почему бы не обратнться к ннм за помощью? Все онн охотно подпншутся на этн кннгн, а на собранные деньгн нх можно будет печатать короткнмн частямн, с продолженнем. На этом вы, по крайней мере, не разорнтесь.

План Гулда Чарлз нзложнл Унльяму Яррелу, восседавшему за конторкой посредн своего книжного магазина, на что нздатель ответнл:

— Не нравнтся мне, что вы должны будете ходнть н выпрашнвать этн несчастные подпнскн!

— Что же, выходнт, мне лучше прнбегнуть к совету Генсло н обратнться за дотацней к мнннстру фннансов?

Яррел так н подпрыгнул.

— Ну конечно! Государственная казна! Свон коллекцнн вы передалн нашнм научным обществам. Ваша работа проводнлась для брнтанского правнтельства, н оно просто обязано оплатнть публнкацню результатов зоологнческнх нзысканнй на «Бнгле».

— Но как мне обратнться к мнннстру?

— Составьте сперва общнй конспект, потом покажнте его графу Соммерсетскому, нынешнему презнденту Лнннеевского

общества *, и лорду Дерби, бывшему президенту, а также Уильяму Юэллу, президенту Геологического общества. Они в свою очередь снабдят вас рекомендательными письмами. Пятеро ваших авторов пользуются большим уважением в правительстве, которое прекрасно осведомлено, сколь дорого обходится печатание не только цветных, но даже обычных черно-белых иллюстраций. Если повести дело должным образом, то вы сможете рассчитывать на сумму порядка тысячи фунтов.

Чарлз чувствовал, что сердце его готово вот-вот выпрыгнуть.

— Мистер Яррел, я надеюсь, что вы окажетесь пророком.

Все трое, к кому он обратился по совету Яррела, поддержали идею о дотации, но предупредили: такого рода просьбы рассматриваются не скоро, так что следует запастись терпением и продолжать работать.

Тем временем, в ночь на 20 июня 1837 года, семидесятидвухлетний король Вильгельм IV, чью коронацию Чарлз когда-то наблюдал и даже раскошелился на целую гинею, чтобы попасть на парад, неожиданно скончался. Наследовать престол предстояло его племяннице, Виктории, дочери графа Кентского. Последней королевой, правившей в Англии самостоятельно за двести лет до нее, была Елизавета. Говорили, что Виктория — она жила в ту пору в Кенсингтонском дворце,— даже не имела времени, чтобы переодеться, и встретила архиепископа Кентерберийского ** и лорда Чемберлена, заявившихся к ней в пять утра, в халате.

Королевскую присягу принимал лорд-канцлер. В течение нескольких недель газеты — лондонская «Таймс», «Морнинг адвертайзер», «Морнинг кроникл» и другие — посвящали одну колонку за другой изяществу и достоинствам восемнадцатилетней королевы и тому впечатлению, которое она произвела на тронных торжествах. Повсюду царило ликование в предвкушении нового «романтического» периода в истории английской монархии.

Что касается Чарлза, то эта шумиха означала только, что решение его вопроса о дотации откладывалось на много месяцев.

В полученном из Маунта письме его настоятельно звали приехать домой: есть хорошие новости, которые не мешало бы отпраздновать совместно. Он не видел родных уже семь

---

* Научное общество, занимающееся вопросами систематизации растительного и животного мира.— *Прим. пер.*

** По традиции он является примасом англиканской церкви.— *Прим. пер.*

месяцев. В конце июня, когда «Дневник» фактически был полностью написан, за исключением заключительной главы «Советы коллекционерам», Чарлз решил, что может наконец позволить себе свидание с отцом и сестрами. Он поедет самым ранним утренним дилижансом «Тэлли-Хо!», чтобы иметь возможность понаслаждаться английским ландшафтом. Приглашал он с собой и Эразма, но тот отказался, считая путешествие столь тяжелым, что больше чем на одну поездку в год он не отваживался.

Новости и в самом деле оказались хорошими. Джо Веджвуд собрался с духом и сделал предложение Каролине. К этому времени ему исполнилось сорок два года, а невесте — тридцать семь. Глаза Каролины сияли, когда она встретила Чарлза в просторном холле Маунта.

— Свадьба первого августа! Всего через пять недель.

Шропшир был прекрасен в своем летнем уборе, ясное солнце блестело на зеленеющих полях клевера, пшеницы и ячменя с желтыми прямоугольниками горчицы. Чарлз поздно вставал, досыта наедался гусятины, утки, голубятины, селедки и картофельного пирога. Он брал сестер с собою на рыбалку, вместе с ними ездил кататься верхом в окрестностях Маунта. После вечерней трапезы все, по обыкновению, собирались за карточным столом для игры в вист. В гости к Каролине с ответным визитом приехала Эмма Веджвуд: за пять месяцев до этого Каролина гостила у нее. Помогая Эмме выйти из экипажа, Чарлз воскликнул:

— Какое необыкновенное везение — встретиться с вами здесь! Ведь до конца моих каникул остается всего два дня.

— Счастливое совпадение, не так ли? — ласково отвечала Эмма, но глаза ее при этом блеснули. Каролина понимающе кивнула, улыбкой выражая одобрение.

В середине июля, отослав окончательный текст «Дневника» издателю, Дарвин приступил к вопросу, который несколько лет не переставал преследовать и мучить его. Прежде всего он начал с простого изложения своих мыслей на бумаге. Однако Чарлз отдавал себе отчет в том, что его ожидает тяжкий труд, так как он вторгается в до тех пор закрытую для исследований зону — превращение видов.

Отплывая из Плимутского пролива на «Бигле», он свято верил, как и большинство тогдашних ученых, в неизменность видов. Господь бог создал все существа на небе, на земле и на море; «зелень, траву, сеющую семя... и дерево... приносящее плод... Рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся... и всякую птицу пернатую... Скотов, и гадов, и зверей земных... И сказал бог: сотворим человека по образу нашему [и]

по подобию нашему». С того дня, когда был сотворен мир, и по нынешний, июль 1837 года, всевышний не создавал никаких новых видов. В истории Земли за это время происходили такие катаклизмы, как Всемирный потоп, но все живое сохранялось в том первоначальном виде, в каком оно было сотворено.

— Совершенно очевидно, что это не так! — утверждал теперь Чарлз.

В своих мыслях он уносится назад. Вот «Бигль» стоит на якоре в бухте острова Чарлза на Галапагосах. Именно тогда он обнаружил, что у вьюрков, пойманных им на двух соседних островах, разные по форме клювы. Вместе с Николасом Лоусоном они отправились в селение за четыре мили, и во время этой прогулки его спутник заметил, что без труда отличит, с какого острова та или иная из гигантских черепах.

— Вы хотите сказать, что на каждом острове свой вид черепах? — спросил его Чарлз.

И Лоусон уверенно ответил:

— У меня нет ни малейшего сомнения на сей счет, мистер Дарвин.

Были еще и скелеты ископаемых, обнаруженные им на мысе Пунта-Альта,— мегатерия, мастодонта, тоходонта, других жвачных животных. Некоторые из найденных им видов впоследствии начисто исчезли, в то время как другие изменились до неузнаваемости.

Почему? Когда? Каким образом? Он не знал этого. Но в то же время чувствовал, что напал на что-то чрезвычайно важное.

На «Бигле» Чарлз привык постоянно иметь при себе записные книжки, почти каждый день занося в них не только то, что удалось увидеть, но и свои мысли и чувства по поводу увиденного. Хорошо было бы снова завести записную книжку, чтобы рядом всегда находился «друг», которому можно поверять все тайны. Пусть сперва прорастет семя мысли, а там рука сама возьмется за перо.

Был теплый июльский день, и, пробравшись сквозь толпу людей на Грейт Мальборо-стрит, он зашел в свой любимый писчебумажный магазин и купил коричневую записную книжку размером шесть с половиной дюймов примерно на четыре. В ней было около двухсот восьмидесяти страниц. На первой из них Чарлз, вернувшись домой, записал, что с марта он не переставая думает о «характере южноамериканских ископаемых и видов Галапагосского архипелага».

Записи в книжке, озаглавленной им буквой «Б», велись теперь ежедневно. В них не было определенной системы: он

просто заносил на бумагу прежде пришедшие ему на ум мысли или задавал самому себе вопросы примерно в таком духе:

«Почему коротка жизнь? Почему человек умирает? Мы знаем, что мир подвержен циклу изменений, температурных колебаний и прочих факторов, оказывающих влияние на все живое. Мы наблюдаем, как молодые особи находятся в процессе постоянных перемен, видим, что они обнаруживают тенденцию к разнообразию в зависимости от обстоятельств».

Он вновь принялся за «Зоономию», на этот раз не просто читая, а изучая сочинение деда, и с удовлетворением отметил прозорливость взглядов доктора Эразма Дарвина на природу человека и других живых существ на земле. Доктор Дарвин пришел к выводу относительно известной степени эволюции жизни и был убежден, что возраст земной коры насчитывает многие миллионы лет. Однако у него не было ни времени, ни энергии для доказательства своих еретических выводов. Он отдавал большую часть времени врачебной деятельности, а свободные часы почти целиком — стихам, которые широко печатались. Он никуда не ездил, чтобы вести наблюдения, и не привез неопровержимых фактов для подтверждения своих тезисов.

Чарлз также перечитал десятую главу второго тома «Основ геологии» Лайеля, где автор касался вопроса о «распространении видов». Признавая подвижность всех форм жизни под влиянием перемен климата и географического положения, он тем не менее писал следующее: «Не имеет ни малейшего смысла дискутировать на тему об абстрактной возможности превращения одного вида в другой, когда существуют всем известные причины, гораздо более активные по своей природе, которые должны постоянно вмешиваться, с тем чтобы предотвращать практическое осуществление таких превращений».

Чарлзу нравилось писать в книге, посвященной видам, совсем в ином духе, чем в своем «Дневнике» или в первоначальном наброске по геологии Южной Америки. Там он обобщал факты. Здесь же выдвигал новые идеи, гипотезы, расчеты, теоретические построения, чтобы связать воедино то, о чем не ведали даже самые знающие из тех ученых, с которыми он был знаком. Поэтому-то поиски ответов на вопросы были столь изнурительны — проводил ли он за этой работой целый день или всего лишь несколько часов. Всякий раз, заканчивая очередную запись, он чувствовал, что голова у него идет кругом.

«Размножение объясняет, почему нынешние животные того же типа, что и вымершие, этот закон почти доказан. Они уми-

рают, если не изменяются, как золотой пеппин. Виды живут поколениями, как и человеческие индивиды.

Если виды производят другие виды, их род полностью не прекращается».

Несколькими страницами дальше он записывает: «Раньше астрономы могли говорить, что бог предназначил каждой из планет двигаться по своей собственной орбите. Точно так же бог предопределял внешний вид каждого животного в той или иной стране. Но насколько проще и величественней другая сила: пусть взаимное тяготение обусловливается каким-то законом и — как неизбежное следствие этого — пусть животные создаются тогда на основе строгих законов генерации, определяющих потомство ныне живущих».

Как-то старший брат Чарлза Эразм заглянул, чтобы хорошенько отчитать его:

— Газ, ты несносен. Ты делаешь из нужды добродетель.

— Какая нужда? О чем ты?

— О твоей работе. Она для тебя вроде наркотика.

— Не совсем. Я исследую сейчас область мысли пока еще не вполне ясную, но для меня она полна очарования.

— Но это не оправдание, чтобы жить затворником. Приходи сегодня вечером на ужин. У меня соберутся самые известные лондонские писатели.

— Хорошо, приду.

Конечно, он не пришел. Он писал дотемна, а после был уже просто не в состоянии заставить себя идти на люди. Голова трещала, все тело ломило от усталости. Он съел тост с яйцом, выпил чаю и лег в постель.

В разгар работы над теорией видов Дарвин получил предложение от президента Юэлла занять место одного из двух секретарей Геологического общества. Пост этот считался в британском научном мире одним из наиболее престижных, хотя жалованья он и не давал. Второму секретарю, Уильяму Гамильтону, который занимался геологией под руководством самого Родерика Мурчисона, предстояло взять на себя ответы на письма, поступавшие в Общество со всех концов света. Задача же Чарлза заключалась в том, чтобы писать аннотации на каждый доклад, отбираемый для публичного чтения на заседаниях Общества; тщательно изучать те доклады, которые ему предстояло зачитывать самому, и присутствовать на заседаниях правления Общества. Прежде чем стать президентом, Лайель был секретарем в течение трех лет, и Дарвин тут же вспомнил его предостережение не соглашаться ни на какой официальный научный пост, если этого можно избежать.

— Я горжусь тем, что вы, мистер Юэлл, предложили мне эту должность,— ответил Чарлз.— Но разве я не чересчур молод для нее и неопытен? Ведь членом Общества я состою всего каких-то семь месяцев...

— Да, но на этот пост мы как раз и предпочитаем молодых.— Президент Юэлл усадил Чарлза рядом с собой на званом обеде, устроенном Геологическим обществом.— Вы освоитесь довольно быстро. Члены Общества полагают, что у вас есть для этого все данные. В конце концов, место вы должны будете занять лишь в феврале, так что у вас остается полгода на подготовку.

Первым делом предстояло более детально ознакомиться с новой должностью. Он побеседовал с бывшим секретарем доктором Джоном Ройлем, хирургом и натуралистом.

— Работа в Обществе занимала у меня уйму времени,— рассказал тот.— За полмесяца — полных три дня и даже больше.

Конечно, Чарлз не мог не сознавать, что полученное предложение льстит его самолюбию. Однако может ли он позволить себе зря расходовать свое время и энергию, когда у него столько работы и ему предстоит продвигаться вперед в совершенно неизведанной области?

В середине августа он наконец получил приглашение от министра финансов.

«Беседа предстоит не из приятных»,— подумал он.

В приемной министра Томаса Спринг-Райса Чарлз обнаружил Джорджа Пикока, желавшего лично убедиться, что молодой человек, рекомендованный им в качестве судового натуралиста на «Бигль», действительно получит правительственную субсидию. Он долго тряс руку Чарлза и сам представил его министру. Томас Спринг-Райс не выказал ни малейшего намерения подвергать его неприятным расспросам. Он улыбался с видом крайнего довольства:

— Примите мои сердечные поздравления, Дарвин. Впрочем, сначала мне надлежит официально уведомить вас...

И он стал читать по бумажке: «Лорды казначейства ее королевского величества получили подтверждение из разных источников, что наука естественной истории окажется в большом выигрыше, если вам будет предоставлена возможность опубликовать в подходящей форме и по недорогой цене результаты ваших исследований в этой области, а посему милорды с полным на то основанием санкционируют ассигнование суммы, не превышающей одной тысячи фунтов, для содействия такого рода публикации».

Чувства, которые обуревали Чарлза, были чем-то средним между облегчением и ликованием. И еще тревогой.

— Мы не выдвигаем никаких условий, кроме одного, Дарвин: деньги из общественных фондов надлежит использовать с максимальной отдачей. Сумма будет переводиться вам по частям — по мере получения нами подтверждений, что работа над гравюрами идет полным ходом.

Чарлз выразил глубокую признательность за помощь. С Джорджем Пикоком он отправился в свой клуб, где от души поблагодарил его за то, что он был его «заступником при дворе».

— В науке мы все обязаны помогать друг другу,— ответил Пикок.— Такой уж нынче век.

Теперь Чарлзу можно было наконец подписать договор на публикацию многотомных «Зоологических результатов путешествия на «Бигле». Издательство «Смит Элдер энд К°», специализировавшееся на выпуске научной литературы, оговорило, что Дарвин берет на себя общее руководство изданием, редактуру каждой выпускаемой части и каждого из томов, к которым он, кроме того, должен написать предисловия географического характера, как и еще одно предисловие ко всей работе в целом. Его предполагалось поместить в первой части капитального труда «Ископаемые млекопитающие». Пяти авторам полагался номинальный гонорар, Чарлзу же за его труды не полагалось ничего. Правда, издатели соглашались напечатать его книгу по геологии Южной Америки, за которую кое-какой гонорар Дарвину все же причитался.

Неизвестно отчего, но в самом начале сентября, проснувшись как-то среди ночи, Чарлз почувствовал тошноту и сердцебиение. Он сразу вспомнил, что то же самое было с ним и в Плимуте, когда пришлось томиться два долгих холодных и пасмурных месяца в ожидании отплытия «Бигля». Но откуда это состояние теперь, шесть лет спустя? Он жил вполне спокойно в своей лондонской квартире. Он испытывал удовлетворение от того, как продвигается его работа, даже гордился ею. Его записная книжка по трансмутации видов заполнялась страница за страницей, а над проблемами, которыми он занимался сейчас, задумывались весьма немногие.

Еще накануне днем он записал: «У нас есть абсолютная уверенность, что одни виды умирают и на смену им приходят другие». То, что вначале он называл «этим взглядом на размножение», теперь стало «моим взглядом» и «моей идеей». Ему не надо было изгонять из своей теории божественное начало: господь создал законы, и они сами управляют ходом естественных процессов.

Плохое самочувствие меж тем не проходило. Приступы сердцебиения, как и «шок» желудка, повторялись. Они случались с ним теперь в любое время дня и ночи. Единственное утешение — что хуже ему как будто не становилось. И хотя он мог при этом продолжать работать, на душе у него было довольно-таки скверно.

В конце сентября самочувствие его, однако, настолько ухудшилось, что Чарлз решил обратиться за консультацией к Генри Холланду, который уже состоял лейб-медиком при королеве. Хотя Викторию еще не короновали, высокое положение сделало Холланда самым популярным врачом в Лондоне, попасть к нему стремился каждый. Он обнаружил у Чарлза гастрит и воспаление пищеварительного тракта. После того как Дарвин описал ему свой режим работы, упомянув также о предложении занять пост секретаря («оно как кошмар преследовало меня все лето»), доктор Холланд снял пенсне, которое он носил на черном шнурке, и с удовлетворенным видом сунул его в наружный кармашек.

— Теперь мне все ясно, и я могу вас вылечить. Два-три дня беспрестанной тревоги — и в результате полностью расстроенный кишечник, хотя раньше он мог быть в прекрасном состоянии. Даже умственное напряжение, без всяких эмоциональных срывов и то влияет на нормальный пищеварительный процесс.

— Вы хотите сказать, что умственное напряжение — это мой враг?! — вскричал Чарлз в отчаянии.— Как же в таком случае я смогу работать?

— Да никак. Придется подождать до тех пор, пока я не вылечу вас с помощью моей широко известной диеты. Как правило, в таких случаях больше всего пользы приносит животная пища: употреблять при этом следует самое нежное мясо. Легко усваиваются баранина и любая дичь. А растительные жиры, наоборот, с трудом. Лучше всего есть телятину. Очень плохо переваривается свежий хлеб. Все жареное полностью исключается. Сыр, молоко и масло обычно действуют угнетающе. Свежие овощи и фрукты не приносят ничего, кроме вреда, особенно капуста, горох и бобы, так же как и огурцы, груши, дыни...

Не удовлетворенный диагнозом доктора Холланда, Чарлз обратился к другому врачу, Джеймсу Кларку, с которым познакомился на одном из заседаний Геологического общества. Тот как раз работал над книгой по целебному влиянию климата. Чарлз рассказал о своем плохом самочувствии и непрекращающемся сердцебиении. Доктор Кларк приложил свой стетоскоп к сердцу Чарлза, затем к груди и спине.

— Не нахожу никаких отклонений, Дарвин. Сердце бьется нормально, аритмии нет. Просто вы перетрудились. Я со всей серьезностью настаиваю, чтобы на время вы прервали всякую работу и на несколько недель отправились пожить в деревне. Буквально каждый день слышишь о тех чудодейственных для здоровья результатах, к которым приводит переезд из города в сельскую местность даже на самое короткое время.

Через два дня Дарвин уже сидел в дилижансе, увозившем его из Лондона в Мэр-Холл. Веджвуды были одновременно удивлены и обрадованы его появлением. Чарлз поделился с ними своим предположением, что в его болезни виноват предложенный ему пост секретаря Геологического общества.

— Эта работа не на год и не на два,— пробурчал он.— Пока с нее уйдешь, пройдет целая вечность.

Эмма открыла окно в библиотеке, чтобы было прохладнее, потом, присев рядом с ним на софу, сжала его озабоченное лицо ладонями.

— Ты просто малодушничаешь, Чарлз, а это так на тебя не похоже. Возьми веревку покрепче и завязывай на ней узел всякий раз, как добьешься очередного успеха в своих исследованиях.

— Я предлагаю тебе вот что,— проговорил дядя Джоз.— Садись-ка за мой письменный стол, бери бумагу и пиши все свои возражения против этого твоего секретарства...

Чарлз обвел взглядом лица столь горячо им любимых дяди и кузины, и его худощавое лицо осветилось смущенной улыбкой.

— Вы нарочно надо мной подшучиваете, чтобы я не противился, ведь так?

— Да, мы стараемся убедить тебя! — воскликнули отец и дочь почти одновременно.

— Я напишу профессору Генсло и попрошу у него совета.

— Но ты же знаешь, что он ответит,— сказал Джозайя.

— Да. «Хватит заниматься нытьем, приступай к работе».

— Браво, Чарлз! — воскликнула Эмма.— Вот ты и смеешься над собой. Таким я тебя люблю!

После того как дядя Джоз вышел, они с Эммой направились в гостиную, где она сыграла ему несколько пьес Моцарта и Гайдна. Он поведал ей о своих сердцебиениях.

— Мне так жаль тебя! — В ее голосе звучало неподдельное чувство.— Ты должен больше отдыхать.

— Беда в том, Эмма, что отдыхать-то я как раз и не люблю. Кто это сказал, что человек страдает от своих добродетелей не меньше, чем от пороков?

— Да сам ты и сказал! А может, это лоидоиская жизнь для тебя чересчур тяжела?

— Так оно н есть. Но Лоидои мне иеобходим, чтобы иметь возможиость советоваться с учеными, пользоваться библнотеками Геологнческого общества, Лнннеевского... бывать у издателей.

Три последующие недели он провел в Мауите в абсолютиой празднссти, иаслаждаясь зиакомыми шропширскнми ландшафтами: катался иа лодке по Севериу, скакал верхом или броднл пешком. Едиистиеииым делом, которым он в это время заннмался, было чтенне граиок «Диевиика» и замечаиий Геисло с указаиием орфографнческих н фактнческих ошибок, неизбежных во всякой большой рукописи. Нн о чем серьезиом оии в семье не говорнлн, еслн не считать вопроса о том, надо ли им всем ехать в Лондон в июне иа короиацию королевы Виктории.

Отец справился у него об Эразме и скорчил миину, узиав, что тот, в свон тридцать три года, иаходит путешествие дилижансом от Лондона до Шрусберн слншком утомнтельным.

— Ои любит хорошее общество. Хозяии — это ои так себя называет. Вот смысл его жизни. Правда, прн этом ои любит, чтобы, как только часы пробьют двеиадцать, гости расходились по домам. Ему было бы иеприятио, если бы утром, за завтраком, иадо было лицезреть кого-ибудь рядом с собой.

— Включая н жеиу?

— В первую очередь.

— Чарлз, иадеюсь, ты ие таков?

— Отнюдь. Просто нз-за работы у меия нет времени даже для того, чтобы подумать о женнтьбе.

— Тебе скоро трндцать. С этим ие иадо тяиуть. Еслн ты поздио жеиишься, то сам лишишь себя большого иастоящего счастья.

...Вериувшись к себе иа Грейт Мальборо-стрит, Чарлз убеднлся, что с трудом может сосредоточивать свое виимаиие иа работе, настолько все его мысли были заияты Эммой Веджвуд. Ее образ неотступно преследовал его ие только дием, но и иочью. Какой он все-такн безнадежный дурак, что до сих пор ие сделал ей предложеиия! Но ои сделает это — и весьма скоро. Ведь ои поиял, что любит ее, что для него оиа — едиистиеиная жеищнна в мнре. И как только он иайдет нужиые слова, ои вериется в Мэр-Холл во что бы то нн стало. Больше уж ои не смалодушннчает.

Забвение Чарлз смог найти, только углубившись в работу по геологии. Он начал статью о «дорогах», или «террасах», которые ему довелось наблюдать в Глен-Рое. В мае появилась первая часть серии «Млекопитающие» Джорджа Уотерхауса — на шестнадцать страниц приходилось десять иллюстраций. В июле вышла из печати первая часть из серии «Птицы» Джона Гулда с десятью превосходными цветными вкладками. Итак, его «Зоология» продвигалась вперед.

В Общество на его имя поступил экземпляр только что вышедшей книги Лайеля «Основы геологии». Сам Лайель гостил в это время в Киннорди, у родителей в Шотландии. Проглотив разом весь том, Чарлз тут же написал другу о своих впечатлениях: «Я прочел все от корки до корки и полон восхищения... Нам необходимо поговорить о Вашей книге. Ведь если не иметь возможности обсудить прочитанное, чтение лишается всякого удовольствия. Во многих местах я испытал нечто вроде досады при мысли о том, сколько борьбы и усилий понадобилось геологам для доказательства того, что, по-Вашему, представляется столь очевидным...»

Одна строка в лайелевском предисловии, однако, встревожила его не на шутку. Опубликование дарвиновского «Дневника», говорилось там, задерживается, к большому разочарованию научного мира, «из-за неготовности Роберта Фицроя завершить остальные тома в серии». Чарлз понимал, что Лайель тем самым делает ему комплимент, но его тревожила возможная реакция Фицроя. Оставалось надеяться, что капитан не прочтет книги, но надежда эта была весьма слабой: Фицрой покупал все сколько-нибудь значительное по научной части...

И действительно, через несколько дней в квартиру Дарвина кто-то нетерпеливо постучал. Открыв дверь, Симс пропустил капитана Фицроя — высокого, поджарого и элегантного в длинном синем пиджаке и таких же брюках и жилете дымчато-жемчужного цвета. Отложной воротник прикрывал галстук, повязанный свободным узлом по последней моде; на голове красовалась непривычного фасона гамбургская шляпа. Хотя он по-прежнему оставался на флоте, но получал половинный оклад и не имел под своим началом судна. Лицо его было явно темнее обычного — от душившей капитана ярости.

— Капитан Фицрой! Как приятно вновь видеть вас после столь долгого перерыва,— приветствовал его Чарлз.

— Я здесь не ради удовольствия. Меня оскорбили, затронута моя честь! — С этими словами он протянул Чарлзу книгу Лайеля.— Вы видели этот выпад против меня?

— Да, капитан, и глубоко сожалею о нем.

— Сожалеете? Да вы, скорей всего, его и спровоцировали!

Глаза Чарлза засверкали.

— С какой это статн?

— Чтобы доказать всему ученому миру, что вы — работяга, а я — лентяй, н к тому же безответственный.

— Ннкто не мог бы сказать о вас подобное, сэр! Вы — один из самых преданных делу и добросовестных людей, каких я встречал в жизни.

— И все-таки вы позволили Лайелю публично оскорбнть меня?

— Даю вам слово, что не вндел этого преднсловия до публикацнн. А еслн бы видел, то убедил бы его снять всякое упоминание о ваших кннгах. Симс, посмотри, не осталось ли у нас бренди?

Обратившись снова к Фицрою, он произнес примирительно:

— Садитесь, прошу вас! Давайте обсудим все, как положено между старымн друзьями. Вы знаете, что я никогда не обидел бы вас. Понятия не нмею, зачем Лайелю понадобилось написать эти строки, но я опровергну нх.

— Каким образом? — вопрос прозвучал весьма холодно.

— Сообщив, что вы пишете и за себя, и за капнтана Кинга и что, если бы мне пришлось писать оба тома, я не закончил бы работу раньше чем через год или даже два.

Успокоившись, Фнцрой принял рюмку бренди нз рук Симса, которого он хоть и с опозданием, но узнал.

— Что же, хорошо. Но я хочу, чтобы вы сказали Лайелю, что я возражаю против его инсннуаций и требую, чтобы это место было нзъято из последующнх нзданий.

В первый раз после того, как Фнцрой ворвался к нему, Чарлз позволил себе улыбнуться.

— Ннкакого последующего нздания не будет, прежде чем три нашн тома появятся через... год, как вы полагаете?

Фнцрой наконец заговорнл своим обычным голосом:

— Чтобы закончить оба тома, мне осталось работы всего на несколько месяцев. Так что наши книги должны быть на прнлавках магазинов в следующем году примерно в это же время.

— И тогда прн попутном ветре мы выйдем в спокойное море!

Неторопливыми глотками попивая бренди, Фицрой произнес со своей характерной, столь хорошо памятной Чарлзу улыбкой:

— Вы убеднлись сами, нрав у меня вспыльчивый. Конечно же я знаю, что никакого касательства к унизнтельному замечанию Лайеля в мой адрес вы не имели, н еслн бы вы вндели

рукопись до публнкования, то изъяли бы это место. Словом... я извиняюсь за то, в чем обвинял вас.

— Извинение принято.

Некоторое время онн дружески болталн, после чего, пожав ему на прощание руку, Фицрой ушел. Чарлз тут же напнсал Лайелю: «Я виделся с Фицроем. Он приобрел Вашу книгу. Предисловие привело его в ярость... но потом он успокоился. Кое-что в его мозгу явно нуждается в починке...»

Он продолжал пнсать статью по геологии: она получилась чересчур подробной и растянутой, отняв у него почти полтора месяца. Правда, в это же время он вел постоянные запнси в своей, уже третьей, книжке по происхождению видов. Еще в июне он писал своему кузену Уильяму Дарвину Фоксу: «Я в восторге, убедившись, что вы столь любезны, что не забыли моего вопроса о скрещнвании животных. Сейчас это мое главное увлечение, и мне действительно кажется, что придет день — и я смогу кое-чего добиться в этом самом запутанном предмете — в вопросе о видах н разновндностях».

В сентябре, когда он подготовил к печати свою статью по геологии Глен-Роя, Дарвнн смог все свое время отдавать записной книжке по происхождению видов. Со знакомыми он обсуждает подробностн таких вопросов, как селекцня, не раскрывая, однако, причины своего интереса. Лайелю он писал: «В последнее время меня, к сожалению, все больше тянет побездельничать, когда дело касается чистой геологии. Зато я буквально очарован множеством новых взглядов, касающихся классификации, родового сходства и инстинктов животных. Их становится все больше и больше, и все они имеют отношение к вопросу о видах. Я заполняю фактами одну записную книжку за другой, и они все отчетлнвее начинают укладываться в определенные закономерности».

Погода в сентябре и октябре позволяла ему совершать долгне прогулки по городу, заканчивавшиеся обычно в одном из книжных магазинов — Яррела, Джона Таллиса или Хэтчарда. Чарлз бродил между рядами полок, отыскивая что-нибудь интересное для чтения на сон грядущий: он покупал что придется, чтобы отвлечься и позабыть на время о «маленькой мисс Неряхе». Так, в сентябре и октябре 1838 года, помимо работы над книгой о кораллах, он прочел «Мудрость бога» Джона Рея, «Бережливость» Листера, «Историю человека» Хорна, «Путешествие вокруг света» Лисянского, «Снлу разума» Аберкромби, «Как вестн наблюдения» Хэрриет Мартино. Движимый любопытством, он как-то взял с полкн случайно подвернувшуюся под руку книгу Томаса Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», написанную ровно сорок лет назад. Чарлз

не встречался с автором книги во время своего весьма короткого пребывания в Лондоне перед отплытием «Бигля», но некоторые из его друзей были с ним знакомы. Образование Мальтус получил в Кембридже и более двадцати лет преподавал в колледже Ост-Индской компании в Хейлибери.

Домой он возвращался с книгой под мышкой, следя, как садится бесцветное из-за дымного воздуха солнце.

Симс подал ему легкий ужин. Устроившись в гостиной подле камина, где весело горел огонь, Чарлз открыл первую главу «Соотношение между ростом населения и питанием». Первые же страницы потрясли его. Ровно год и три месяца, как он начал систематически заниматься происхождением, изменением видов животных и растений, и лишь сейчас перед ним лежал ключ к разгадке тайны.

«Причина, на которую я ссылаюсь, это постоянно проявляющаяся тенденция живой жизни увеличиваться без учета приготовленной для нее пищи»,— писал Мальтус.

«Наблюдением установлено... что не существует преград для плодовитой природы растений или животных, кроме их собственной скученности и посягательств на средства существования друг друга...

Доказательства тому неопровержимы.

В животном и растительном царствах Природа разбросала семена жизни необычайно щедрой, прямо-таки расточительной рукой, но оказалась сравнительно скудной, когда речь шла о пространстве и пропитании, необходимых для их произрастания. Семена жизни, посеянные в нашей земле, если бы у них была возможность свободно развиваться, заполнили бы собой миллионы миров в течение всего нескольких тысяч лет. Необходимость, этот императивный и всепроникающий закон природы, удерживает их, однако, в предначертанных рамках. Мир растений и мир животных сужаются под действием этого ограничительного закона, избегнуть воздействия которого не в состоянии и человек.

...Народонаселение имеет тенденцию расти, не считаясь со средствами к существованию».

Он не мог скрыть ликования, неожиданно обнаружив ключ к своему запертому на замок и остававшемуся неприкосновенным миру происхождения видов *. Взволнованный, вышагивал

* Учение Дарвина о борьбе за существование было, по словам Энгельса, «перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о bellum omnium contra omnes [войне всех против всех] и учения буржуазных экономистов о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения» (*Энгельс Ф.* Диалектика природы.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 622). Мальтузианская теория реакционна и антинаучна. Однако было бы неверным считать,

Дарвнн по комнатам, а в голове у него теснnлнсь картнны всего виденного за время плавання на «Бнгле» н мыслн, роднвшнеся после возвращення домой. Измотанный, не нмея снл даже раздеться н лечь в кровать, он, в чем был, броснлся на софу.

Наконец-то у него есть теорня н он может работать! Впрочем, чтобы не судить предвзято, Чарлз прнннял решенне какое-то время вообще ннчего не пнсать, не делать ннкакнх заметок. Необходнмо выждать, пока теорня не получнт фактнческого подтверждення.

В Мэр-Холл Дарвнн прнехал в пятннцу вечером 9 ноября. К этому временн кое-кто в доме уже лег спать, в том чнсле н его сестра Кэттн, прнехавшая к Веджвудам погостнть. Эмма отправнлась на кухню в понсках съестного н прннесла ему немного еды н горячее какао. Чувствуя себя совершенно разбнтым, он н не думал делать Эмме предложенне сразу по прнезде. Ему хотелось побыть с ней наедние весь завтрашннй день н попытаться восстановнть ту блнзость, которая возннкла между ннмн в его прошлый прнезд в нюле.

Подходящнй момент для объяснення выдался в воскресенье после возвращення нз церквн, где онн прослушалн проповедь местного внкарня Джона Аллена Веджвуда, Эммнного кузена, «Благодаренне, обращенное к господу после шторма на море».

— Это в честь возвращення «старого морского волка»,— прошептала Эмма на ухо Чарлзу.

В гостнной было прохладно, но прнятно. Чарлз н Эмма вместе селн у рояля, н она тнхо занграла для него песнн Моцарта. Как она угадала? Это как раз те самые звукн, которые он жаждал услышать. Дарвнн с облегченнем вздохнул:

— Я хотел бы попроснть разрешення поговорнть с тобой, Эмма.

— Разрешення?! — Она была поражена.— С какнх это пор ты должен нспрашнвать специальное разрешенне?

что ученне о борьбе за существование заимствовано Дарвином у Мальтуса. Мальтузнанская теория «абсолютного избытка людей» была направлена на то, чтобы объясннть бедственное положенне трудящнхся при капиталнзме не социальнымн условиями эксплуататорского строя, а «вечнымн» законамн прнроды. Борьба за существование как одно нз основных понятнй теории эволюцнн, по учению Дарвина, применнма лншь к отношениям между органнзмамн, а также между организмами и внешней средой. Перенесение этого учення на человеческое общество несостоятельно. Не случайно Энгельс подчеркивал, что «борьба за существование может происходить в прнроде помимо какого бы то нн было мальтузианского ее истолковання» (*Энгельс Ф.* Анти-Дюрннг.— Там же, с. 69).— ***Прим. ред.***

— Я говорю вполне серьезно. Речь идет о крайне важном деле.

— По выражению твоего лица я и так это вижу.

— Мы были с тобой друзьями долгое время, Эмма...

— Ровно столько же, сколько кузиной и кузеном!

— Не знаю, как ты это воспримешь. Я и так со страху, честно говоря, теряю последние остатки соображения.

Эмма повернулась к Чарлзу. Она слегла побледнела.

— Когда ты гостил у нас в июле, у тебя было прекрасное настроение и мне было так хорошо с тобой! Знаешь, у меня возникло убеждение, что, если бы мы чаще с тобой виделись, я бы могла тебе по-настоящему понравиться.

Лицо Чарлза перестало быть напряженным. Он взял Эммины руки в свои.

— Эмма, дорогая! Ты всегда нравилась мне больше всех остальных. Сейчас я понял — прости, что я так поздно прозрел, но такова уж моя натура,— что давным-давно люблю тебя! Не бойся задеть мои чувства. Я ведь знаю, что далеко не красавец. Говори правду, одну лишь правду!

— Обещаю, Чарлз.

— Тогда я хотел бы спросить, не выйдешь ли ты за меня замуж?

Эмма не колебалась ни секунды.

— Конечно, выйду, Чарлз! — выпалила она.— Я столько лет ждала, когда ты наконец сделаешь мне предложение. Все Дарвины и Веджвуды ждали этого. Разве ты не знал?

— Нет, не знал... ничего.

Он выглядел таким растерянным и жалким, что она тихонько засмеялась.

Чарлз робко произнес:

— Я люблю тебя. Ты сказала, что выйдешь за меня. Но любишь ли ты меня?

Она крепко обняла и поцеловала его.

Чарлз еле слышно пробормотал:

— Какой замечательный ответ! У нас будет с тобой чудесная жизнь. Надеюсь, ты так же счастлива?

— Все это так неожиданно. Пока я еще не чувствую всей полноты своего счастья. Но это придет. Ты самый честный, самый чистый из всех, кого я знаю. Каждое твое слово выражает то, что ты думаешь. И ты так нежен с сестрами, так добр с ними, у тебя такой мягкий характер!

— Как ребенок не может расстаться со своей любимой игрушкой, так я не могу расстаться со словами «моя дорогая Эмма»!

Теперь иастала очередь Чарлза поцеловать ее — со всей глубииой и страстью, иа какие он оказался способеи. Это был нх второй поцелуй: он взволиовал их обоих, внушнв им веру в то, что все будет хорошо. Высвободнвшнсь нз его объятнй, оиа спросила:

— Наверно, иадо все рассказать папа́ н Кэтти?

Как только в комнату вошли Джозайя и Кэттн, Эмма объявнла с сняющей улыбкой:

— Глядя иа нашн лнца, вы уже обо всем догадалнсь? Чарлз сделал мне предложенне! Мы женимся!

Джозайя Веджвуд не стал скрывать слезы радостн. Он обиял сперва Эмму, потом Чарлза.

— Это один нз самых счастлнвых дней в моей жизни! — Голос его звучал хрнпло от обуревавшн его чувств.— Годами я иадеялся и молился в ожндаиин этого момеита. Ты зиаешь, с каким уважеиием я всегда отиосился к тебе, Чарлз!

— А я всегда отиосился к вам, дядя Джоз, с величайшим почтеиием и любовью.

К воскресиому обеду у Веджвудов были приглашеиы иесколько родствеиннков. Из Лондоиа приехал Геислей с жеиой. Хотя, уволившись нз полицейского суда, он почти год сндел без работы, муж и жеиа были в превосходном расположеиии духа, как, впрочем, и все остальиые.

— Да оии просто какие-то буйиые,— прошептал Чарлз иа ухо Эмме, сидевшей рядом с иим за обедеииым столом.— Не стоит, иаверио, объявлять о иашей помолвке среди такого шума.

— Ты прав.

Ои сжал ее руку под столом.

— Я до того счастлив, у меия так легко иа сердце оттого, что все сомиеиия позади н мы понимаем друг друга, что у меия даже разболелась голова.

— Представь, дорогой Чарлз, у меия тоже.

Ои уже собнрался раздеться и лечь, когда к иему постучали. Отворив дверь, Чарлз увидел на пороге Геислея Веджвуда.

— Идем к иам в спальию. У иас там вечеринка.

Пока Чарлз шел за иим по коридору, до иего доиосились возбуждеииые голоса. Когда они вошли в комиату, Эмма вскочила со стула, стоявшего у камина.

— Зиаешь, за столом у иас был такой жалкий вид, что и моя тетушка Фэини и Джесси, жеиа Гарри, заподозрили что-то неладное. Фэннн догадалась первой. Наша тайиа раскрыта.

— Вашей тайие уже несколько лет! — воскликнула Фэиии.— Это мы держали ее в... тайие.

Родствеииицы тут же заключили Чарлза в сердечиые объятия. От радости у него стало тепло иа душе, а голова закру-

жилась от сознания, что все в его жизни идет теперь как надо. Эмма усадила его на стул рядом с собой.

— Чарлз, дорогой, все, оказывается, только и делали, что готовили наш брак.

— Тем не менее Кэтти и я поедем завтра в Шрусбери, чтобы сообщить о нашем решении отцу и Сюзан,— отвечал он.— Уверен, что отец будет так же счастлив, как и дядя Джоз.

Глаза Эммы сверкали.

— Генслей, я голодна. Принесите, пожалуйста, чего-нибудь поесть.

Потом все заспорили о том, какая помолвка предпочтительней — длительная или короткая.

— Короткая! — вскричал Чарлз.— Я и так уже лишился изрядной порции счастья.

— Длительная,— тихо промолвила Эмма.— Не могу же я сейчас бросить маму на одну Элизабет.

— А почему, собственно? — откликнулась Элизабет, с трудом превозмогая постоянно мучившую ее боль.— Твоего счастья хватит и на меня.

Тем временем Генслей вошел, неся поднос с хлебом, кухонный нож и два фунта свежего масла. Все дружно накинулись на эту, как выразилась Эмма, «восхитительную закуску».

На следующее утро первыми поднялись Джозайя и Чарлз. За окном падали мелкие, похожие на кристаллики снежинки. После кофе Джозайя предложил оседлать лошадей и отправиться на прогулку в лес. Бодрящий морозный воздух слегка пощипывал ноздри. Они проехали сперва берегом озера, а затем углубились в лесную чащу, где провели столько чудесных часов, вместе охотясь в сентябре на куропаток и другую дичь. В белом безмолвии раннего утра отчетливо слышалось каждое слово Джозайи:

— Что может быть лучше приветливой и любящей дочери, не считая хорошей жены! Я ни за что не расстался бы с Эммой ради человека, который не был бы мне как родной сын.— Его изборожденное морщинами лицо расплылось в сердечной улыбке.— Но поговорим сейчас о практической стороне дела. Я предполагаю положить на имя Эммы пять тысяч фунтов стерлингов в ценных бумагах — ровно столько, сколько я выделил Шарлотте и сыновьям, и выплачивать ей ежегодно по четыреста фунтов из моих доходов, которых, смею надеяться, должно хватить до тех пор, пока я жив.

Чарлз покраснел. Он ни разу не задумывался над приданым, которое могли дать за Эммой, хотя, разумеется, в бесприданницах ее не оставят: фаянсовый завод в Этрурии, извест-

иый далеко за пределами Аиглии, приием Веджвудам целое состояиие.

— Весьма великодушио с вашей стороиы, дядя Джоз. Мие иаверияка потребуется совет, и ваш и отца, куда лучше поместить Эммииы пять тысяч. Скоро я сам иачиу зарабатывать и иадеюсь, что весь капитал Эммы вместе с процеитами мы сможем оставить иетроиутым для иаших детей, как в свое время сделал для иас отец.

Когда оии вернулись, Эмма еще завтракала. Оии поцеловались, глядя друг иа друга сияющими глазами. Затем оиа поставила перед иим кашу, копченую селедку, вареные яйца в малеиьких голубых подставках веджвудовской выделки, блюдо с ломтиками тоста и кофе с горячим молоком. Чарлз с аппетитом прииялся за еду.

— Как ты думаешь,— спросил ои у Эммы,— иельзя будет затопить камии в библиотеке? Там так приятио посидеть, поговорить.

Когда оии перешли в уставлеииую киигами комиату, Чарлз обратился к Эмме:

— Боюсь, первые иесколько лет иам придется жить в Лоидоне, пока я ие опубликую своих геологических работ. Ты не возражаешь?

— Где бы ии был иаш дом, я буду в ием счастлива. У меия просто способиость находить счастье.

— Это одии из твоих многочисленных талаитов. А что ты предпочитаешь: цеитр или пригород?

— Думаю, что цеитр, оттуда будет удобиее добираться до Геологического общества, где тебе иадо бывать как секретарю.

— И еще мне хотелось бы жить поблизости от Лайелей. Помощь Чарлза для меия просто бесцеиия — и по части геологии, и по части экоиомики. Райои там, правда, ие слишком модиый, ио довольио хороший, иедалеко от Британского музея и иового Лоидоиского уииверситета.

— Когда ты иайдешь иесколько подходящих домов, я приеду и помогу тебе сделать окончательный выбор.

После иекоторого обсуждения Эмма иазиачила деиь их свадьбы иа 29 яиваря 1839 года — через два с половииой месяца. Веичаться им предстояло в церкви иа холме рядом с имеиием.

ЛЮБОВЬ — ТА ЖЕ ЛИХОРАДКА

От Джоиа Геисло Чарлз получил письмо: ои и Хэрриет собираются в Лоидои и иадеются посетить там Дарвннов. Не будучи знакомой с супругами Геисло, Эмма зиала о той решающей роли, которую оии сыгралн в жизии ее мужа.

— Почему бы нам ие пригласить их погостить?— спросила оиа у Чарлза.— Комната для гостей теперь, с новымн эстампамн, выглядят вполне респектабельно.

Ои отослал приглашение и тут же иачал тревожиться.

— А чем мы сможем нх развлечь? Сумеем ли мы заполучнть на вечер тех ученых, кого Генсло наверняка захочет увидеть? Пожалуй, надо на несколько дией нанять экипаж?

В ответ Эмма рассмеялась:

— Ты похож сейчас иа сыиа, который в первый раз пригласнл к себе домой своих строгих роднтелей. Не беспокойся. Все будет в порядке.

Она оказалась права: более легких гостей трудно было себе представить. Онн явнлись к четырем пополудни. Хэрриет сразу же отправилась отдыхать в отведенную для иее комиату, а Чарлз и Геисло удалилнсь в кабиист. Теперь Эмма смогла беспрепятственно заняться последиими приготовлеиями к первому в своей жизни званому обеду. По-веджвудовски безукорнзнеино сервироваииый стол поражал своим великолепием: серебряиые приборы, сверкающий хрусталь и тончайшая скатерть камчатиого полотна (еще одии свадебиый подарок). У иее еще осталось время, чтобы не спеша прииять ваиму, затем переодеться в декольтироваииое бархатиое платье синего цвета, которое было ей так к лицу.

Первыми из приглашенных прибыли супруги Лайели, с которыми приехала и сестра Мэри Леонора. Генсло и Лайели были давнишними друзьями.

Вскоре появился Роберт Броун. Генсло и Броун, два самых известных ботаника в Англии, тотчас же с превеликой радостью бросились друг к другу. Доктор Уильям Фиттон, знаменитый геолог, один из бывших президентов Геологического общества, явился позже всех. Обеспокоенная, Эмма даже сбегала на кухню, чтобы удостовериться, не подгорел ли у Сэлли ужин.

— Положитесь на меня, мэм,— успокоила ее кухарка,— уж я всегда помню про опоздавших. У нас в Шропшире без них разве когда обходилось, особенно как дороги-то развезет.

Фиттон принес свои извинения за стаканом шерри, после чего вся компания перешла в столовую, где стол уже давно ждал гостей. Меню, предложенное Эммой, вызвало всеобщее восхищение.

Облаченный в новый фрак, черные брюки и белую накрахмаленную рубашку, приобретенные по такому случаю Дарвинами, Парсло * торжественно внес суп-пюре из артишоков, голову трески в устричном соусе, котлеты по-провансальски и сладкое мясо в белом соусе; затем баранью ногу, а на десерт — фрукты и сыр, пудинг, конфеты и круглые леденцы на серебряном подносе и маленькие пирожные. Все эти яства запивали отменным бордо.

Несмотря на великолепный стол, обстановка была весьма напряженной. Лайель, хотя обычно стоило ему лишь коснуться геологии, как голос его начинал рокотать, на сей раз словно воды в рот набрал, а если и говорил, то еле слышно. Другие тоже начали разговаривать полушепотом, чтобы не заглушать его. В результате вообще нельзя было разобрать ни слова. Роберт Броун, которого Гумбольдт назвал «гордостью Великобритании», из-за своей скромности настолько растерялся, что просто ушел в себя.

«Боже! — подумала Эмма.— С двумя такими учеными буками весь наш обед провалится».

Спасают положение женщины. Хэрриет Генсло своим приятным громким и ясным голосом начинает рассказывать о последних новостях факультетской жизни Кембриджа. Мэри Лайель, пораженная непривычно тихой речью мужа, решает отомстить ему за все те часы, когда ей приходилось молча сидеть, слушая его разглагольствования на темы геологии. Она берет инициативу в свои руки и принимается оживленно болтать. Увидев, что происходит, Чарлз очертя голову бросается на помощь,

* Мужская прислуга, нанятая Эммой.— *Прим. пер.*

и ему удается разговорить, одного за другим, всех своих друзей. Посреди всеобщего шума Лайелю и Броуну приходится почти кричать, чтобы быть услышанными. В конце концов все остаются довольны и поздравляют Эмму с превосходным обедом.

На следующее утро Генсло уехал на консультации, и его не было целый день. Хэрриет заказала двуколку и отправилась с визитами. Чарлз чувствовал себя совершенно выпотрошенным: сказывалось перенапряжение во время вчерашнего приема.

Супруги Генсло остановились у них всего на несколько дней. В среду они были на обеде у Лайелей, а в четверг их принимал у себя Уильям Фиттон. Перед отъездом Джон Генсло объявил:

— Главную новость я приберег под конец. Мы продаем свой дом в Кембридже и переезжаем на казенные хлеба в Хитчем, в графство Суффолк, где у меня свой приход. А в Кембридж я буду наезжать весной, чтобы вести свой курс ботаники.

Сидя на софе, он подался вперед, сцепив руки перед собой.

— Дел в Хитчеме у меня непочатый край. Прихожан там больше тысячи, это бедные и необразованные люди, церемония крещения и венчания для них — излишество или чрезмерная роскошь. Церковь стоит пустая. Что до еды, одежды и возможностей для мало-мальски приличного существования, то местные жители обеспечены значительно хуже большинства английских крестьян. Для меня это серьезный вызов, и я намерен принять его. Этих людей необходимо вернуть в лоно церкви. Один из путей достижения цели — помочь им вести сельское хозяйство современными методами, чтобы поднять уровень их жизни. И поскольку я сам вызвался служить богу, на меньшее я не согласен.

Для Чарлза наступил счастливый и плодотворный месяц: он вычерчивал карты и делал рисунки с изображением различных участков атолла Килинг и рифов Маврикия, привлекая все новые материалы по скорости роста кораллов и глубинам, на которых они живут, описывая погрузившиеся и мертвые коралловые рифы. Этой работой он бывал занят бо́льшую часть дня, что вполне устраивало Эмму, так как оставалось время, столь необходимое ей для того, чтобы освоиться с жизнью в Лондоне. По вечерам она читала ему выдержки из юмористических «Изречений мистера Слика из Сликвилла» или играла что-нибудь успокаивающее на рояле.

К концу апреля, решив устроить себе передышку, Дарвин вернулся к записям по проблеме видов. В свою четвертую книжку он заносит: «Когда встречаются две человеческие расы, они ведут себя совершенно так же, как два вида животных:

сражаются, поедают друг друга, заражают друг друга болезнями и т. д., а затем наступает последний этап смертельной борьбы, когда решается вопрос, кто обладает наиболее совершенной организацией и инстинктами (у человека — это интеллект), чтобы победить...

Трудно поверить в существование той страшной, хотя и незаметной войны, которую ведут все органические существа, такие мирные вокруг леса, улыбчивые поля. Вспомним, однако, о множестве растений, занесенных в наши сады из чужих краев, которые наряду с местными дикорастущими видами, размножаясь, в состоянии заполнить все вокруг, и мы увидим природу в ее чудесном равновесии».

Затем он сделал обобщение, касавшееся изменения видов: «Мой принцип состоит в том, что уничтожаются все наименее стойкие и выживают случайно оказавшиеся более стойкими».

В условиях, когда ему решительно не с кем было поделиться своими соображениями, кроме Лайеля, который и без того был сторонником эволюционных взглядов, Чарлз допустил серьезный просчет. Он решил, что нет никаких причин, почему бы не сказать Эмме, для чего это он начал вдруг покупать книги по разведению домашних животных, писать письма селекционерам, занятым экспериментами по выведению новых, улучшенных пород скота. Иногда, делая записи в своей четвертой книжке и отыскивая нужный ему материал в одной из трех предыдущих, он не мог удержаться, чтобы не прокомментировать работу, которая, хотя многое оставалось еще неясным и вызывало сомнения, захватила его целиком.

— Последнее звено в цепи дал мне именно Мальтус! — както воскликнул он,— написав, что все живое имеет постоянную тенденцию увеличиваться быстрее, чем позволяют имеющиеся для него средства к существованию. Против моего тезиса, что размеры видовых изменений в пределах исторически обозримого периода сравнительно невелики, трудно что-либо возразить. Изменение у одной из форм — это результат изменения условий. Логично, что, когда тот или иной вид становится более редким по мере приближения к вымиранию, какой-то другой вид должен увеличить свою численность там, где появляется этот разрыв.

Эмма не оспаривала его слов и, склонив голову, продолжала молча вышивать, что, как в неведении полагал Чарлз, означало согласие.

В другой раз он сказал ей под вечер:

— Любая структура способна на бесчисленные вариации при условии, что каждая из них наилучшим образом приспособится к обстоятельствам своего существования.

И снова Эмма ничего не ответила. Еслн бы Чарлз не был так увлечен работой, он наверняка почувствовал бы в ее теперешнем молчанни нечто отлнчное от того, что бывало прежде. Взрыв наступил после одной долгой дискусснн с Лайелем, суть которой он поведал своей запнсной кннжке, а перед сном — Эмме.

— Лайель заметнл, что вымершнй внд никогда уже не возрождается. Начнная с отдаленнейшнх периодов, как он предполагает, появлялись все время новые органнческие формы. Мои собственные нсследовання н наблюдення подтверждают это. Лайель также склонен думать, что те формы, которые существовалн в донсторнческне времена, вымерлн. Такне, как мегатерний, которого я нашел в Южной Амернке.

Эмма обеспокоенно взглянула на мужа.

— Ты хочешь сказать, что бога не существует?

— Я хочу сказать, что он в самом начале создал определенные законы н потом устранился от дел, предоставнв этнм законам делать за себя всю работу.

Впервые Чарлз обратнл вннманне на озабоченный внд жены. Но он н думать не думал, что может за этнм последовать. Вечером следующего дня Эмма тнхо сказала:

— Чарлз, я положнла тебе на стол пнсьмо. Ну не совсем пнсьмо, скорее, послание. Сейчас прочтешь нлн, может быть, завтра с утра?

— Сейчас. Конечно, сейчас. С тех пор как мы женаты, это первый случай, когда ты обращаешься ко мне в пнсьменной форме.

Он накннул халат, пошел в кабннет н обнаружнл на столе Эммнно «посланне», напнсанное ее характерным четким почерком.

«Чересчур четкнм,— решнл он про себя.— Похоже, что она перепнсывала текст несколько раз».

«Что касается моего отношення к тебе, то я желала бы быть постоянно уверенной, что, действуя добросовестно н вполне нскренне желая н пытаясь познать правду, ты не можешь заблуждаться. Есть, однако, прнчнны, которые, помнмо моего желання, порой мешают мне нспытывать эту уверенность в твоей нензменной правоте. Осмелюсь предположнть, что в прошлом ты, должно быть, также нередко задумывался над этнмн прнчннамн. Тем не менее я все равно пишу тебе то, что накопнлось в душе, зная, что мой любнмый нзвиннт меня...

Не случнлось лн так, что прнвычка, порожденная научными нсследованнямн, не верить ннчему, пока оно не доказано, оказала чересчур снльное влнянне на твое сознанне и в тех случаях, когда речь ндет о вещах, которые не могут быть доказаны

подобным же образом? Вещах, которые — если они истинны — скорей всего находятся за пределами нашего разумения. Должна также сказать, что с твоей стороны существует опасность в отказе от Откровения, то есть я боюсь, что, оказавшись неблагодарным, ты отвергнешь сделанное ради твоего блага, точно так же как и блага остального мира, что должно заставить тебя быть еще более осмотрительным, даже, быть может, опасливым, вынуждая спросить себя: а все ли я сделал, что мог, чтобы не судить ошибочно?..

Я не настаиваю на ответе на мое письмо, мне доставляет удовлетворение уже то, что я его написала. Не думай, что это не мое дело и что эти вопросы не так уж много для меня значат. Все, что касается тебя, касается меня, и я была бы очень несчастна, если бы думала, что мы не принадлежим друг другу навечно. Я весьма опасаюсь, что мой любимый решит, будто я забыла свое обещание не беспокоить его, но я уверена в его любви к себе и не могу выразить словами, какое счастье он мне дарит и как горячо я его люблю, не уставая благодарить его за всю его нежность, которая день ото дня делает мою жизнь все более и более счастливой».

Он чувствовал, как по щекам его катятся слезы, когда он читал слова, выражавшие Эммину любовь к нему и вместе с тем ее тревогу из-за той опасности, которой он подвергает себя, теряя бога, а с ним и обещание вечной жизни. Она написала о своем страхе, вызванном его «отказом от Откровения» и тем, что он «отвергает сделанное ради его блага, точно так же как и блага остального мира», очевидно имея в виду господа бога.

Голова его кружилась. Он долго сидел за столом в кабинете, потом поднялся и зашагал из угла в угол. Заглянув через некоторое время в спальню, Чарлз увидел, что Эмма крепко спит. Она выполнила свой долг, как она его понимала, и это позволило ей обрести душевное спокойствие. Он поднес письмо к губам и поцеловал его, выражая тем самым свое преклонение перед силой и цельностью любви Эммы. Стоя у выходившего в темный сад окна, он думал, что же ему теперь делать? Он не имеет права продолжать работу над происхождением и несовершенством видов, если его работа так пугает жену. Это значило бы нанести удар — настолько серьезный, что он, возможно, погубит их союз.

— Я не могу взвалить на нее столь изнуряющее бремя. Она заслуживает лучшего. Все, чего она хочет,— это уберечь мою душу от вечных мук в аду.

Он не шел ради Эммы ни на какие жертвы, просто он принял все великодушие ее любви, которое сделает его жизнь по-настоящему полноценной. Отныне он станет заниматься лишь геоло-

гией, будет счастлив и иавсегда простится с занятием, ставящим под сомнение все тридцать девять догматов англиканской церкви, которым его наставник, профессор Джон Генсло, верил безоговорочно.

Да, это конец его отступничеству. Хорошо, что по крайией мере у него хватило ума не предавать свои еретические взгляды огласке среди членов Королевского и Геологического обществ, так что позорное исключеиие ему не грозит. Подумать только, какой опасиости он подвергался, не осознавая всех возможных последствий!

Эмма пробудила в нем чувство ответственности. Решено, утром он сожжет свои записные книжки. Больше на этот счет разговаривать с ним ей не придется. Кончено, дверь заперта. Навсегда.

В постели он долго не мог согреться. Можно было бы, правда, придвинуться к жене, но ему казалось, что он просто не имеет на это права. Во всяком случае, сегодня ночью. Минуты тянулись бесконечно, часы казались вечностью. Рассвет застал его по-прежнему бодрствующим. Он поднялся, прошел к себе в иетопленый кабинет, сел за стол и... заполиил еще восемь страниц записной книжки.

«Можно утверждать, что дикие животные в соответствии с моими мальтузианскими взглядами будут различаться лишь до известных пределов. С этим надо поспорить. Аналогия, конечно, допускает разновидности вплоть до разницы в видах (например, голуби); затем возникает вопрос уже о родáх».

Он ничего не сказал Эмме: интерес к происхождению видов был сильнее его. Чарлз еще сумел заставить себя перелистать две новые книги — «О влиянии физических факторов» и «Знакомая история птиц». На большее его уже не хватило. Несколько дней кряду он ровно ничего не делал и страшио тяготился этим. Нельзя сказать, чтобы его одолевали грустные мысли или он упрямился. Нет, он попросту не мог работать.

Дарвин заболел. У него поднялась температура, иачались сердцебиения, рвота.

— Что это с тобой, Чарлз? — встревожилась Эмма.— Может, виновата еда или сидячий образ жизни? Беспокойство за отца или сестер? Домашние заботы?

Подойдя к нему, оиа взяла его за руку:

— Что-нибудь не так во мне самой? (Она думала при этом о своем письме.)

— Да. Я слишком тебя люблю.

Эмма поцеловала его теплый лоб.

— Что ж, смиримся с твоим недугом и будем ждать, пока он не пройдет сам собой — так же таинственно, как пришел.

В конце концов Дарвии с жеиой решили воспользоваться советом, который в свое время дал Чарлзу доктор Кларк, и 26 апреля поехали в Мэр. Это время года в Стаффордшире одно из самых очаровательиых — пора цветеиия розовой вишии и белого миидаля. На грядках пестрели бутоиы тюльпаиов всевозможиых оттеиков, вдоль дорог и в полях во всей красе стояли вязы. Зелеиые холмы иабегали один иа другой, подобио океаиским волиам.

Элизабет, которая оставалась одиа, присматривая за хворавшими стариками, была в саду возле клумбы с крокусами. При их появлеиии оиа с трудом подиялась с колеи.

— Я сажала цветы и вдруг подумала, что делаю это одиа — и для себя одиой. И тут иа меия иашла такая грусть! Впрочем, садоводство, как и любое искусство, иадо любить ради иего самого... Я так рада вас видеть! Три недели с вами будут для меия самым большим счастьем. А в последиюю иеделю я иамереиа поехать вместе с вами в Шрусбери. Вместо меия о маме позаботится одиа из иаших кузии.

Хотя его собствеииый том «Отчета о путешествиях кораблей его величества «Адвеичер» и «Бигль» официальио должеи был появиться лишь летом, Дарвии захватил с собой иесколько иедавио переплетеииых экземпляров, чтобы раздать их родиым в Мэре и Мауите. Заиятый чтеиием, Джозайя Веджвуд целых три дия почти ии с кем ие разговаривал.

— Вам, дядя Джоз, мой «Дневиик» иаверияка показался стоящим,— заметил Чарлз.— Ведь ради того, чтобы я мог совершить это путешествие, вы поставили иа карту свою давиишиюю дружбу с отцом.

Джозайя с усилием приподнялся с обитого кожей стула и положил руку Чарлзу на плечо.

— Я зиал, что иа иесколько лет лишаю Эмму возможиости выйти замуж. Но я решил, что путешествие поможет тебе стать на правильный путь. Так оио и случилось. Что это, судьба? Господия воля?

Через две иедели, в середиие мая, оии заехали в Шрусбери. Доктор Роберт Дарвии осмотрел сыиа, который по-прежиему плохо себя чувствовал, и пришел к такому весьма правдоподобио звучащему заключеиию:

— Я полагаю, ты перетрудился во время плаваиия, и последствия этого сказываются теперь. Твою иагрузку за минувшие пять лет можио было бы приравиять к двадцати годам жизии в Аиглии. Поэтому сейчас тебе ие следует чересчур утруждать свой мозг.

Ночью, когда Эмма спала и слышно было ее тихое дыхаиие, ои иачал перебирать в уме возможиые причииы иедомогаиия.

За все пять лет путешествия он болел всего трижды или четырежды — наиболее серьезно в Вальпараисо, после того как выпил неразбавленное индейское виски. Принимая во внимание, сколько раз ему приходилось пить солоноватую воду, есть непривычную пищу туземцев, быть укушенным насекомыми, у него не было оснований жаловаться на свое здоровье. Откуда же, ни с того ни с сего, теперь эта болезнь? Ведь работа только прибавляет ему сил.

«Вряд ли отец прав, что это усталость повлияла на мои мозги,— пробормотал он вслух.— На «Бигле» у меня было предостаточно дней для отдыха и расслабления, когда я загорал на палубе или валялся с книжкой на диване у Фицроя. После возвращения, в Кембридже, несколько месяцев подряд я чувствовал себя здоровым как никогда. Да и на Грейт Мальборо-стрит тоже... до первого приступа болезни в сентябре 1837 года. Чем я тогда был занят?»

Он осторожно поднялся, чтобы не потревожить Эмму, и, спустившись по лестнице в библиотеку, зажег в теплом, душном помещении лампу. При ее свете он попытался восстановить в памяти все события того времени: работа над «Дневником», два доклада, подготовленные им для Геологического общества,— один о кораллах, другой об ископаемых млекопитающих, хлопоты в связи с правительственной дотацией на печатание книг по зоологии.

Затем он начал записную книжку о происхождении видов, пытаясь как-то привести в порядок те мысли, которые вызвали в нем галапагосские черепахи, вьюрки с четырех различных островов архипелага и остатки скелетов южноамериканских ископаемых, обнаруженных им на Пунта-Альте. Ведение этих записей захватывало, но и каким-то странным образом изматывало его, притом куда больше, чем прежняя работа. Его геологические выводы основывались главным образом на наблюдениях: даже его противоречившая взглядам Лайеля радикальная теория роста коралловых атоллов и та опиралась на факты, в которых он сам удостоверился. Но, начав размышления над тем, как рождаются, приспосабливаются, вымирают или, наоборот, процветают виды, он ступил на зыбкую почву, где в любой миг можно было увязнуть по самые уши. Здесь были одни предположения, догадки, рассуждения, гипотезы. Он нашел рукоятку, но, увы, без молотка — верного «старого Тора», с помощью которого можно было добывать образцы — только на сей раз не геологической, а биологической породы. Кроме того, он занимался проблемами и ответами на вопросы, считавшиеся божественным откровением.

Чарлз не спеша потягивал холодный лимонад, раздобытый им в подвале.

Но я же никогда не предполагал ни публиковать свои размышления, ни делиться ими с кем-либо, кроме Лайеля, который не станет отвергать моих поисков. В сущности, для меня это было всего лишь упражнением, чтобы прояснить собственные мысли.

Он поднялся по широкой лестнице и свернул налево, в спальню. Но сон все не приходил. Он продолжал размышлять над непонятным феноменом.

Неожиданно он понял, в чем дело, и почувствовал безмерное облегчение.— «Ну конечно же! Мое нездоровье ничего общего не имеет с четырьмя записными книжками о видах. Ведь к ним я обращаюсь лишь тогда, когда окончательно вымотаюсь после занятий другой работой. И записи в своих книжках я начинаю делать только после того, как геология и зоология мне осточертевают. Мои записные книжки — это мое спасение!»

С этой мыслью он крепко уснул. Теплым и благоуханным майским утром он проснулся освеженный и бодрый. Когда Эмма вышла из ванной комнаты, он объявил:

— Дорогая, я абсолютно здоров и горю нетерпением скорее возвратиться в Лондон и засесть за работу.

— Я так за тебя рада, Чарлз, родной мой! Мы ведь все ужасно за тебя беспокоились.

Прощание было шумным. Чарлз обещал домашним, что снова приедет в августе или сентябре.

На следующий день, проходя по Трафальгарской площади, Чарлз увидел лицо, показавшееся ему знакомым. Он остановился, воскликнув:

— Доктор Роберт Маккормик! Мы же не виделись с тех самых пор, как по болезни вас списали на берег в Рио-де-Жанейро. Это уже почти семь лет! Да, с вами ли тот серый попугай, которого вы собирались взять с собой в Англию?

— Чарлз Дарвин! Ну и память же у вас! Он со мной, этот чертов попугай, и болтает как заводной. Разрешите представить вам Джозефа Гукера. Он едет помощником врача на корабле ее величества «Эребусе». Нас снаряжают для исследования Антарктики.— Лицо Маккормика расплылось в победоносной улыбке.— На этот раз судовым натуралистом назначили меня.

— Во время нашей экспедиции, доктор, холодный климат для вас был спасением, а тропики вы переносили с трудом,— отвечал Чарлз.

Он обернулся к Джозефу Гукеру, приятному на вид молодому человеку лет двадцати двух в очках в стальной оправе, слегка увеличивавших его и без того большие живые карие глаза.

— На «Эребусе» вы будете еще и помощником натуралиста?

— Нет, мистер Дарвин, ботаником. Надеюсь, четыре года плавания сослужат мне хорошую службу. Я ведь намерен продолжать дело отца, профессора ботаники в университете Глазго.

— Тогда вы, значит, знакомы с работой моего хорошего друга профессора Джона Генсло?

— Естественно. И с работой Чарлза Дарвина тоже.

— С моей? Но каким образом? Я же еще почти ничего не публиковал?

— Мне удалось прочесть в гранках ваш «Дневник». Их послал Чарлз Лайель в Киннорди моему отцу. А тот дал их мне, поскольку заботится о моем будущем как натуралиста. Я как раз готовился тогда к получению диплома врача в университете Глазго, времени у меня было в обрез, и на ночь я клал листы вашей книги под подушку, чтобы, проснувшись, иметь возможность почитать перед тем, как надо будет вставать. Она произвела на меня огромное впечатление и... вместе с тем повергла в уныние. Я увидел, что натуралист, который захотел бы следовать по вашим стопам, должен отвечать великому множеству требований — и к его умственным, и к физическим качествам. Во всяком случае, вы укрепили во мне желание попутешествовать и понаблюдать.

Молодой человек пришелся Чарлзу по душе не только своими комплиментами в его адрес, но и тем, как на редкость бесхитростно и откровенно он держался.

— Приходите навестить меня, когда вернетесь, Гукер. В Геологическом обществе вам всегда укажут, где я живу. Доктор Маккормик, желаю, чтобы ваша коллекция оказалась превосходной. Удачи вам, джентльмены.

Восторженный отзыв Гукера обрадовал Дарвина, зато послеобеденный визит к издателю Генри Колберну обескуражил. В предваряющем все издание рекламном проспекте упоминание о его томе находилось в самом низу и было набрано мелким шрифтом, как будто речь шла о простом дополнении к томам Кинга и Фицроя, причем наименее ценном, задуманном в самую последнюю минуту.

Генри Колберн, чья контора находилась на втором этаже здания на Грейт Мальборо-стрит, всячески уклонялся от прямого ответа, выражался весьма туманно. Да, он напечатал тысячу пятьсот экзе́мпляров; нет, в переплет пошли далеко не все. Сколько именно? Точного числа он не знает. Во всяком случае, в книжных магазинах для начала будет достаточное количество. Что случится, если первую партию не распродадут? Он не знает. Возможно, остальную часть тиража придется пустить на макулатуру: места для хранения так мало, все время поступают новые книги...

Вериувшись домой, Дарвии застал там Симса Ковиигтоиа. Он не видел его со времеии своей жеиитьбы, по случаю которой Симс, правда, прислал поздравительиое письмо и скромный свадебиый подарок. Хотя Ковиигтои был одет вполие опрятно, Чарлзу бросилось в глаза, что он стал каким-то пришиблеииым. Одиако, увидев Дарвииа, он широко улыбиулся. Чарлз от души приветствовал его. Симс сообщил, что работает в большой коиторе, где ведет бухгалтерский учет.

— По твоему виду я бы ие сказал, что эта работа тебе по душе.

— Да, все время быть привязаиным к своему столу — это совсем ие то, что охотиться и собирать с вами коллекции. Мие удалось скопить из своей зарплаты иемного деиег, их почти хватит, чтобы добраться до Австралии.

— Австралия! Так вот, зиачит, какая из страи тебе больше всего поиравилась.

— Верио, мистер Дарвии. Оиа большая и почти что... пустая. Мие показалось, что там можно чего-то достичь... иа просторе. Может, вы бы согласились дать мие рекомеидательиое письмо?

— Безусловно.

И Чарлз иаписал:

«Я зиаю Симса Ковиигтоиа более восьми лет, и все это время его поведеиие было совершеиио безупречиым. Ои был моим помощииком во время плаваиия, и впоследствии это стало его осиовиым заиятием. В трудных обстоятельствах ои иеизмеиио проявлял благоразумие. Я постояиио доверял ему как мелкие, так и крупиые деиежиые суммы...»

Симс прииялся благодарить его за письмо.

— Когда обосиуешься иа новом месте, обязательно напиши мие, как прошла высадка.

— Непремеиио, мистер Дарвии. А если я вам еще поиадоблюсь, то зиайте, что я примчусь обратио иа всех парусах со скоростью ветра.

После отдыха Чарлз вернулся к прежиему рабочему распорядку дия, продолжая писать киигу о кораллах, делать заметки по происхождеиию видов и с жадиостью читать: «Бриджуотеровские трактаты» сэра Чарлза Белла и «Рука, ее механизм и главиые достоинства для выполнеиия замысла» (мысли, родившиеся у иего при чтеиии этих трактатов, он тут же заиес в свою записиую киижку); «Естествеииая история мира» Пайни, второй том «Философии зоологии» Ламарка.

1 июия посыльиый доставил ему два тома записок Кинга и Фицроя и первую заметку, появившуюся в журиале «Атеией», одиом из самых уважаемых издаиий Великобритаиии. Оиа со-

держала цитаты и описание лишь двух этих томов — и никакого разбора. В примечании читателей уведомляли о том, что вскоре должен появиться обзор тома, принадлежащего перу Чарлза Дарвина.

Через несколько дней рецензент «Атенея» отметил: «Недостаток вышедших томов в том, что, будучи скомпонованы не из одного, а из нескольких путевых дневников людей, описывавших одни и те же страны — вместе или один следом за другим, они подчас грешат разнобоем и частыми повторами, что снижает читательский интерес».

Чарлз должен был признать критику справедливой, но оказался не подготовлен к замечаниям по своему адресу:

«Мы вовсе не хотим, однако, быть понятыми в том смысле, что без «Путешествия» мистера Дарвина в данном случае можно было бы обойтись или что его следовало включить в текст двух предыдущих томов нынешнего издания. Наша цель — всего лишь выразить свое сожаление, что автор не сократил свои высказывания и не держался, насколько это представлялось возможным, в определенных рамках и даже в вопросах естественной истории касался многих деталей...»

Затем «Атеней» подвергал весьма суровой критике дарвиновское заключение, что южноамериканский континент постепенно, каждый раз не больше чем на фут, поднимался из глубин океана и что с тех пор, как океанские волны ударялись о подножие Анд, прошло не менее миллиона лет. Данное утверждение абсолютно неправомочно, поскольку еще в XVII веке епископ Ушер объявил: мир в его нынешнем виде создан в 4004 году до рождества Христова. И хотя наблюдения и обобщения мистера Дарвина преподносятся со всем пылом, на какой только автор способен, они являются ложными и не обладают ни малейшим достоинством. В заключение на книгу, по определению Чарлза, обрушивалась порция «самой восхитительной ругани»: «Путешествие» выдает крайнюю самонадеянность автора и «составлено из отбросов и ошметков, находившихся в его портфеле».

В ответ на гневную дарвиновскую тираду Лайель рассмеялся:

— Что говорил вам Генсло по поводу первого тома моих «Основ», помните? «Книгу следует изучать, но ни в коем случае не принимать те выводы, которые там содержатся». Но именно сам Генсло и другие, кто верит, что бог посылал на землю одну катастрофу за другой, дабы проучить человека, стоят перед дилеммой, а для нас, геологов, ее не существует.

У Эммы тем временем появились для него новости, которые она считала куда более важными, чем все остальное.

— Ты должен услышать их от меня, прежде чем природа растрезвонит о них целому свету,— с улыбкой, прятавшейся в уголках рта, сказала она.

Он смотрел на нее во все глаза.

— Да, дорогой. Тебе вскорости предстоит стать отцом. Думаю, еще до конца года.

— Ты уверена?

— Наверно, так спрашивают все мужья. Конечно уверена! Я знала это еще тогда, когда утром плохо себя почувствовала в Мэр-Холле.

Он опустился на колени перед стулом, на котором сидела Эмма, и осторожно взял в ладони ее лицо.

— Родная моя! Я так счастлив за тебя. За себя. За нас. За всех.— Он с нежностью поцеловал жену.— Обещаю, что буду всегда любить тебя и заботиться о тебе.

— Обо мне нечего особенно заботиться,— ответила она.— Я же из породы Веджвудов: наш фарфор не бьется.

Несмотря на «послание» Эммы и его страстное желание не причинять ей огорчений, он оказался не в силах отказаться от своей все более четко оформляющейся теории происхождения, изменения и становления видов. Он был как одержимый: простой подсчет показывает, что с начала первой записи в первой книжке два года тому назад, с июля 1837-го, он прочел сотни книг, брошюр и статей и подписался на многие из необходимых ему журналов — «Вестник Линнеевского общества», «Научный ежеквартальник», «Эдинбургский философский вестник» и «Анналы естественной истории». И хотя он был в состоянии продолжать писать книгу о кораллах, следить за тем, чтобы цветные иллюстрации в третьей части монографии «Птицы» выполнялись на том же высоком уровне, что и в первых двух, или редактировать заключительную шестидесятистраничную главу монографии Уотерхауса «Млекопитающие», всякий раз, когда очередная работа заканчивалась, мысли его неизменно возвращались на стезю, бравшую свое начало на Галапагосских островах и каждодневно расширявшуюся по мере того, как шедший по ней путник делал все новые наблюдения и открытия. Он ступил на путь ереси, а еретиков осуждали на публичную казнь, как был осужден Галилео Галилей.

В свою записную книжку он заносит: «...Я категорически против права кого бы то ни было оспаривать мою теорию на том основании, что она делает мир даже старше, чем полагают геологи. Но можно ли сопоставлять продолжительность жизни планет и нашу?»

Четвертую записную книжку он закончил в июле, преисполненный решимости во что бы то ни стало набрать материал для

подтверждеиия своих взглядов и постепеиио подойти к предварительиым выводам, которые ои пока ие собирался предавать огласке. Отныие он ие иапишет ии строчки, ио для самого себя сформулирует закоиченную теорию. Одиако в одии прекрасиый деиь, и Чарлз зиал это, ои должеи будет изложить ее иа бумаге. И опубликовать!

Эмма готовится родить ребенка на радость им и их близким. А то, что готовится «родить» ои... прииесет ли оио радость хоть кому-иибудь?

Погода все лето стояла чудесная. Чарлз и Эмма часто гуляли у себя в саду: беременность жеиы протекала легко.

В коице августа, оставив Эмму в Мэр-Холле, он отправился в Бирмиигем иа съезд Британской ассоциации по распростраиеиию иауки, где предполагалось выступлеиие с докладами большиинства ведущих учеиых страиы, собиравшихся, чтобы обмеияться миеииями и скрестить шпаги в полемике. Туда должиы были съехаться уииверситетские профессора, сотрудиики библиотек, архивариусы, исследователи и наиболее талаитливые из дилетаитов, для которых иаука была не профессией, а хобби. Миогих Чарлз зиал личио, других видел впервые. Некоторые уже успели прочесть его «Диевиик»: оии хвалили стиль изложеиия и описаиие экзотических страи и иародов. Но вот геологические теории об опускаиии и подъеме иа протяжеиии миллиоиов лет ие только огромиых масс воды, ио и столь же огромиых участков суши оии отвергали. Прииимая его иаблюдеиия, оии вместе с тем отвергали появившиеся в результате этих иаблюдеиий дарвииовские гипотезы, подобно тому как Джои Геисло в свое время отвергал лайелевские.

Как-то оии вместе с Лайелем зашли выпить пива в бар, расположеииый рядом с залом заседаиий. Смахивая с уголков губ пеиу, Лайель изрек:

— Как говаривал в древности одии мудрец, «ие иадейтесь обратить в свою веру современиников; поверить вам сможет только следующее поколеиие».

В Лоидои Дарвииы вериулись в коице октября. Дома его ждала записка от Яррела с приглашением зайти к иему в лавку. В шерстяиой шапочке, предохраиявшей голову от холода, с сияющей улыбкой иа лице, старик удивительно иапомиил греческую маску смеха.

— Поздравляю, Дарвии! Все ваши киигн распроданы. Мне пришлось заказать иовую партию. В других лавках то же самое.

Чарлз был удивлен. После рецеизии в «Атенее» отзывы, появлявшиеся в прессе, были куцыми и лишь изредка положительиыми.

— С томами Кинга и Фицроя ничего похожего не происходит,— продолжал книготорговец.— Теперь самое время потребовать, чтобы Колберн отдал в переплет оставшиеся экземпляры. И еще, вам необходим другой титульный лист. Ведь на нынешнем ваше имя не значится.

Генри Колберн тут же согласился отдать в переплет еще пятьсот экземпляров для второго выпуска.

— Но учтите,— сказал он Чарлзу,— что это не второе издание, а то же самое. Просто с другим титульным листом оно будет считаться дополнительным выпуском.

Усмехнувшись про себя, Чарлз подумал: «Великолепно! В этом году у меня будет пополнение и от Эммы, и от Колберна».

Новый титульный лист имел следующее заглавие: «Дневник изысканий по геологии и естественной истории различных стран, посещенных кораблем флота ее величества «Биглем» под командованием капитана Фицроя в 1832—1836 годах, составленный Чарлзом Дарвином, эскв., магистр., член. Корол. общ., секретарем Геологического общества». Чарлз тотчас заказал тридцать экземпляров на свой адрес, как только они будут готовы. Наконец-то его работа должна была принести ему хоть какой-то гонорар. Ведь за одиннадцать уже опубликованных к тому времени выпусков «Зоологических результатов путешествия на «Бигле», хотя на редактуру и подборку иллюстраций к ним он затратил массу времени, ему не причитается ничего. В январе должен был появиться первый выпуск серии Дженинса, посвященный рыбам. Чарлз изо всех сил старался экономно расходовать тысячефунтовую правительственную субсидию, но изготовление карт и иллюстраций обходилось баснословно дорого. За чаем у Лайелей, сидя перед камином, он спросил:

— Если к тому времени, когда выйдет вся «Зоология», у меня в кармане останется несколько фунтов стерлингов, то как вы считаете: могу ли я использовать их примерно для десяти карт и гравюр на дереве для своей книги о кораллах?

— Почему бы и нет? — отвечал Лайель.— Министерство финансов, а уж лондонские научные круги и подавно согласны с тем, что работа была проделана блестяще.

— Я, конечно, испрошу на это разрешение. Честно говоря, мне не слишком хотелось бы тратить свои собственные средства, учитывая, что книгу наверняка... не прочтет ни одно живое существо, несмотря на то что геология все больше входит в моду.

— Ничего, мой юный друг, мы раздуем пламя. Вдвоем мы попытаемся убедить мир в том, что все мы живем на скользкой поверхности грязевого шара.

Шли дни. К концу ноября Чарлз и Эмма переоборудовали маленькую спальню в передней части дома, предназначавшуюся ими для ожидавшегося ребенка. Маргарет, их старая прислуга, попросила расчет, боясь, что ей не справиться с новыми обязанностями. Мэри Лайель рекомендовала им Бесси, высокую тонкую девушку с плоской грудью и неровными зубами. Она была не слишком опрятно одета, но Эмме пришлась по душе ее откровенность и то, что она явно искала постоянное место. Вскоре к ним приехали Джозайя Веджвуд и Элизабет, чтобы быть рядом с Эммой до самых родов. Даже Эразм и тот не переставал поражаться своему волнению в предвкушении момента, когда станет дядей.

— Мне как-то не приходило в голову, что на свет может появиться еще один Дарвин... я хочу сказать, если это будет мальчик,— говорил он.

— На скачках в «Аскоте» * это только первый заезд! — выпалила в ответ Эмма, подавляя смущенный смешок.

Акушерку им рекомендовал доктор Холланд. Ребенок родился через два дня после рождественского вечера. Хотя Эмма сильно страдала от боли, роды прошли без осложнений. Когда Чарлз влажной салфеткой отер со лба жены капли пота, она прошептала:

— Это самый тяжелый труд, каким мне приходилось заниматься.

Чарлз улыбнулся:

— Мне нравится твое настроение.

Два списка имен были составлены ими заранее. Наиболее подходящим оказалось Уильям Эразм Дарвин.

— Счастливая примета! — воскликнул Чарлз.— Уильям Эразм родился двадцать седьмого декабря, в восьмую годовщину моего отплытия из Плимута. А все, что происходит со мной с того дня, приносит счастье.

Эмма взглянула на первенца, лежавшего в своей аккуратно пригнанной деревянной кроватке с заводной пружиной, рассчитанной на то, чтобы баюкать малыша сорок три минуты (это был подарок отца).

— Мне нравятся у него темно-голубые глаза. А в остальном он такой жалкий, бедняжка.

— Ничего,— сострил Эразм,— с возрастом изменится к лучшему.

Эммины отец и сестра задержались еще на несколько дней: им было так хорошо с ней и малышом, что они с трудом

---

* «Аскот» — ипподром, где ежегодно проводятся четырехдневные скачки, обычно собирающие весь цвет английской аристократии.— *Прим. пер.*

смогли заставить себя их покинуть. Хотя в соответствии с правилами англиканской церкви Уильяма Эразма и крестили, крестного отца и матери у него не было, так как ни Веджвуды, ни Дарвины не признавали обряда крещения.

Бо́льшую часть января Эмма оставалась в постели. Она нашла замечательную кормилицу и к тому же договорилась, чтобы на дом приносили ослиное молоко.

— Папа́ и Элизабет уехали слишком рано,— воскликнула она,— и не смогли увидеть, как внешность Уильяма начала меняться к лучшему! Сейчас он прямо красавец. Посмотри, какой у него чудесный маленький ротик. Про нос я бы, правда, этого не сказала, но для ребенка сойдет.

Чарлз ухмыльнулся:

— Что поделаешь, у всех Дарвинов носы чересчур длинные.

Материнство придало новую прелесть и теплоту карим глазам Эммы. Довольно скоро она уже чувствовала себя настолько хорошо, что взяла с собой Фэнни Веджвуд с тремя детьми посмотреть иллюминацию по случаю предстоящей через неделю свадьбы королевы Виктории с ее кузеном, принцем Альбертом из династии Саксен-Кобург-Гота.

— Неужели ты не хочешь пойти с нами, Чарлз?

— Нет, спасибо. Я уже был в свое время на иллюминации по случаю коронации Вильгельма IV. А тот, кто видел хоть одну иллюминацию...

С рождением первенца Чарлз начал вести тщательные наблюдения и записывать малейшие эмоциональные проявления у младенца: когда и отчего он плачет, как долго продолжается плач; когда в его глазах появляется выражение возбуждения или восторга; как реагирует малыш, когда его кормят, играют с ним или когда родители берут на руки, чтобы приласкать. Он никогда не встречал и не читал описания эмоций у детей с первого дня их появления на свет и решил, что этим стоит заняться.

Если не считать аннотаций на чужие труды, направляемые в Геологическое общество для публикации в «Вестнике», сам он не писал ни строчки. Совершенно непонятно, по какой причине он утратил всякий интерес к своей книге о кораллах.

— Бывает со всеми,— успокоил его Лайель.— Дайте ей отлежаться с годик.

Единственно, когда он мог теперь сосредоточиться, были часы, проводимые им на диване с книгой в руках. Круг его чтения включал «Элементы психологии» Иоганнеса Мюллера и «Чартизм» Карлейля, которым зачитывались в Англии все. Эмму книга явно вывела из терпения.

— В ией много страсти и добрых чувств, ио полиое отсутствие логики.

Секретарская работа в Геологическом обществе была для Чарлза иастоящим утешеиием: по существу оиа — это едииственное дело, которое ему удавалось доводить до коица (возможио потому, что чтеиие и составлеиие аииотаций чужих иаучиых статей ие требовали от иего затрат творческой эиергии). Ои также участвовал в выпуске еще трех частей зоологической серии — двух, иаписаиных Джеиииисом, о рыбах, и одиой заключительной, Ричарда Оуэиа,— об ископаемых млекопитающих. Колбери распродал второй выпуск «Диевиика» и отдал в переплет остававшиеся пятьсот экземпляров: иа титульном листе третьего выпуска стояла иовая дата — 1840 год.

В самом коице марта Дарвин заставил себя сиова взяться за киигу о кораллах.

— Мие иедостает лишь жизненной эиергии,— пожаловался ои Эмме.— А без иее — и почти всего самого главиого, что поможет иам жить.

— Почему бы иам ие поехать отдохиуть иа все лето в Мэр-Холл или Мауит? — предложила оиа.

— Это было бы иеплохо. Вообще-то моя иесбыточиая мечта — жить где-нибудь около стаиции в Суррее милях в двадцати от города. А в Мэр, я думаю, отправимся в иачале июня.

— Превосходио. В это время в Лондои как раз собирается приехать иа месяц моя тетка Джесси Сисмоиди с мужем. Я жила у иих в Швейцарии. Оии могли бы остаиовиться у иас в доме, пока мы будем в отъезде. Увереиа, что здесь им поиравится.

...Мать и отец Эммы сразу же приободрились. Час, проводимый ею за стареньким роялем, на котором ее учили музыке, был для стариков иастоящим блаженством, таким же, как присутствие виука. Чарлз с иаслаждеиием рылся в веджвудовской библиотеке, где храиились кииги по естествеииой истории ие только самого Джозайи, ио и богатейшая коллекция его отца, автора четырехтомного сочииеиия об ископаемых. Дарвии читал с жадиостью, особеиио когда встречал то, что имело отношеиие к теории видов. Перевод «Естествеииой истории» Бюффоиа служил ему в качестве справочиого издаиия, когда ои буквальио проглотил восемь кииг путешествий с описаиием страи, совершеиио отличиых одиа от другой: Сибири и Леванта, Беигалии и Севериой Америки. Ои также прочитал «Ориитологический словарь» Монтеия, две книги о розах, одиу о торфе и работу Джоиса о плодоиосящих формах.

И хотя он не сделал ни единой записи, его мозг неудержимо генерировал неизбежные выводы. Бродил ли он вокруг «рыбьего хвоста» или скакал по лесам на лошади, он оставался во власти своих мыслей, уточняя и оттачивая их: «Сколь волнующе видеть в ныне живущих животных либо прямых потомков тех, которые покоятся под тысячефутовой толщей породы, либо сонаследников какого-либо из еще более древних предков...»

«Унизительно полагать, что создатель бесчисленных мировых систем должен был также создавать и каждую из мириад ползающих тварей и скользких червей, которые каждый день кишмя кишат и на земле и в воде одного лишь нашего мира. Мы уже не поражаемся, что, выходит, надо было специально создавать и целую группу животных, откладывающих свои яйца во внутренности и плоть других животных...»

«Через смерть, голод, разорение и скрытую войну в природе нам дано уяснить, что наивысшее благо — создание более высокоорганизованных животных...»

«Как проста и величественна жизнь с ее способностью роста, ассимиляции и воспроизведения, принимая во внимание, что первоначально ее вдохнули в материю в виде всего одной или нескольких форм; и пока наша планета, в соответствии с незыблемыми законами, продолжала свое вращение, а земля и вода, подчиняясь циклу перемен, продолжали меняться местами, эти столь простые по своему происхождению формы смогли развиться в бесконечно разнообразные, красивейшие и чудеснейшие за счет постепенного отбора мельчайших изменений...»

Взглянуть на нового Дарвина в Мэр приехали в своем семейном экипаже отец и две сестры Чарлза. Сюзан и Кэтти так и прыгали от радости, между тем как доктор Дарвин, казалось, взирал на малыша с благоговейным трепетом.

— В чем дело, отец? Ты так серьезен,— осведомился Чарлз.

— До меня только что дошло. У твоей сестры Марианны пятеро детей, но все они Паркеры. А это мой первый внук, который носит нашу фамилию. Наверное, со стороны это выглядит по-азиатски, но всю жизнь я трудился не покладая рук, чтобы оставить после себя доброе имя, надеясь его увековечить. Спасибо, Чарлз.

— Это заслуга Эммы.

Они обещали захватить Уильяма в Маунт на пару недель, чтобы он имел возможность познакомиться с домом, где вырос его отец.

— Ты же всегда обожал наш дом, правда, Чарли? — спросила Сюзан.

— Да, я был там счастлив, кроме того времени, когда ходил в эту проклятую школу у нас в Шрусбери.

— Что ты говоришь! Доктор Батлер всем хвастает, что ты был его самым способным учеником.

— «Газ»! — воскликнул Чарлз, расхохотавшись при этом воспоминании.

От Эмминой тетушки Джесси и Жана Сисмонди, известного швейцарского историка, пришло письмо. «Жизнь под вашей крышей, милая Эмма,— говорилось в нем,— приносит одну только радость: здесь буквально все нам по душе; хотим отметить, что ваш Парсло — самый любезный, исполнительный, деятельный и услужливый из всех слуг, какие когда-либо жили на свете. Надеюсь, вы никогда с ним не расстанетесь.

Я только что обнаружила, что Сисмонди буквально впал в состояние экстаза, читая «Дневник» твоего мужа. По его словам, это самая увлекательная книга, которая ему попадалась, и он читает ее с величайшим интересом, несмотря на то что ничего не смыслит в вопросах естественной истории».

В середине июля Чарлз вместе с Эммой, Уильямом и Бесси выехал в Шрусбери по знакомой дороге. В честь их приезда весь Маунт благоухал цветами. Доктор Дарвин больше не совершал до завтрака своего ежеутреннего моциона по «докторской тропе» и отказался от неторопливых прогулок по улицам славного города Шрусбери.

— Теперь я по часу гуляю в саду после полудня,— сообщил он Чарлзу.— Похоже, что после семидесяти четырех лет жизни мои ноги начали чувствовать мой вес — как-никак двадцать четыре стоуна *. Но мы вроде бы собирались обсуждать не мое, а твое здоровье. Может быть, твои силы подрывает рвота? Эмма заверила меня, что у вас отличный повар. Так что дело тут не в том, что ты ешь на завтрак или на обед.

— А в чем же?

— Это-то ты и должен мне рассказать. Может, что-нибудь омрачает твою жизнь? Иногда рвоту у моих пациентов вызывали тяжелые испытания, крушение надежд или неудовлетворенность работой.

— Ничего из этого ко мне не относится.

— Тогда надо искать другую причину. Я постараюсь составить для тебя рецепт самого лучшего успокоительного средства.

В начале августа Эмма объявила, что снова беременна.

— Правда, чудесно, что Уильяму скоро будет с кем играть?

---

* В Англии единицей измерения веса в то время был стоун (камень), равнявшийся 6,35 килограмма. Вес Дарвина-старшего составлял, таким образом, 152 килограмма.— *Прим. пер.*

Чарлз обнял ее.

— Теперь, когда в тебе зародилась новая жизнь, я могу надеяться на новую жизнь и для себя.

В октябре его вывел из состояния апатии номер газеты «Скотсмен» со статьей, посвященной Глен-Рою,— «Открытие прежде существовавших в Шотландии глетчеров, в особенности в Северном нагорье». Ее автор, Луи Агассис, профессор естественной истории из Швейцарии, был известен Чарлзу своими публиковавшимися с 1833 года монографиями о сотнях обнаруженных им ископаемых рыб. Чарлза встревожило, что на сей раз Луи Агассис заявлял об имеющихся у него доказательствах, опровергавших точку зрения Дарвина на природу так называемых «дорог» и «террас» Глен-Роя. В то время как Дарвин полагал, что это бывшая береговая часть моря, Агассис считал их долинами, которые когда-то заполняли озера ледникового происхождения. До тех пор ни Дарвин, ни Лайель не встречались с научными утверждениями о геологическом влиянии движущихся глетчеров.

«Если Агассис прав, то моя работа по Глен-Рою абсолютно ошибочна. Это было бы ужасно! Под сомнение попали бы моя компетентность и научная ценность любых других моих работ. Агассис не может быть прав! Я должен выступить с контраргументами...» Чарлз решил, что настало время возвращаться в Лондон.

Доктор Дарвин превратил комнату рядом с главной спальней в свой кабинет. Когда сын поднялся к нему по широкой лестнице, то застал его сидящим за столом.

— Средство готово. Тут для тебя целый пакет. Принимай каждый день.

— Что это за волшебное снадобье, отец?

— Большинство ингредиентов тебе знакомы: бикарбонат калия от твоей кислотности, сандаловое дерево и корица, чтобы это варево можно было проглотить...

Чарлз и Эмма были счастливы вновь очутиться в своем собственном доме, хотя это и была всего-навсего пятиэтажная коробка, с обеих сторон зажатая другими такими же пятиэтажными коробками. Внутри все сверкало безукоризненной чистотой, на плите стояли их самых любимые блюда.

Чарлз не переставал с жадностью читать все, так или иначе относящееся к происхождению видов, хотя в его списке были и книги по философии, политической экономии, истории и христианству. Вслух вместе с Эммой они читали художественную литературу: стихи Грея, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Векфильдского священника» Голдсмита, «Божественную комедию» Данте, «Путешествие Гулливера» Свифта.

Все это время Чарлз порывался начать новую, пятую по счету, записную книжку. В голове его роилось множество мыслей, так и просившихся на бумагу. Требовалась вся его решимость, мучительная и для души, и для тела, чтобы заставить себя не заниматься делом, ставшим самым любимым, делом, которое — он был в этом уверен — могло бы явиться важнейшим вкладом в науку. По реакции на свою относительно малозначимую геологическую «ересь» он не мог не видеть, что в данном случае рискует потерять не только все растущее признание и положение, завоеванное им в ученом мире, но и столь дорогую для него дружбу Генсло и Адама Седжвика и, очевидно, дружеское расположение членов Геологического и Королевского обществ! Он знал, что просто не сможет не опубликовать своего труда... в один прекрасный день. И тогда на его голову неминуемо обрушится англиканская церковь, правительство, университеты.

Пока что Чарлз вполне удовлетворен тремя своими небольшими работами, одну из которых позже можно будет использовать в книге по геологии Южной Америки; в другой речь шла о переносе каменных обломков ледником, что проливало свет на происхождение гигантских «эрратических валунов», долгое время смущавших геологов тем, что они обнаруживались вроде бы совсем не в положенных им местах. Много времени отдавал он и деятельности в Геологическом обществе, наверстывая месяцы, проведенные в деревне: сокращал статьи, ждавшие своей публикации в «Вестнике», отвечал на груду скопившихся писем. Все должно было быть в идеальном порядке, так как 19 февраля 1841 года исполнялось ровно три года его секретарства и он собирался объявить об уходе со своего поста на ежегодном собрании членов Общества.

Чарлза сильно задело то, что его добрый друг Лайель в ноябре и декабре 1840 года выступил с докладом и решительно поддержал теорию Луи Агассиса о глетчерах и их роли в геологическом строении Шотландии. На теорию глетчеров Агассиса ополчился Адам Седжвик. Сам Дарвин не брал слова, а только слушал продолжавшиеся почти до полуночи дебаты, которые наверняка вылились бы в язвительную перебранку, происходи они на заседании Зоологического общества.

В воскресенье Эмма обратилась к Чарлзу с предложением:

— Мэри Лайель все время зовет нас на чай. Мне кажется, что нам не мешало бы хоть изредка бывать на людях.

Он и Лайель принялись горячо обсуждать Луи Агассиса и его глетчеры.

— После того как Агассис и Уильям Бакленд завершили свою поездку по Глен-Рою и Северному нагорью,— заявил

Лайель,— Бакленд заехал к нам в Кнннордн. Он продемонстрнровал мне краснвейшие скопления породы, земляные н каменные завалы, образованные глетчером (н находящнеся в двух мнлях от дома моего отца!). Я прннял нх теорию. Она помогает разрешнть множество трудиостей, которые не давалн мне покоя всю мою жнзиь.

— Что-то слишком уж быстро вы обратнлнсь в новую веру, вам не кажется? — тнхо спроснл Чарлз.

Лайель, согнувшнсь, положнл голову на сиденье своего любнмого стула, потом распрямнлся: лнцо его покраснело, в глазах горел ехндный огонек.

— Да, точно так же, как н в случае с вашей революционной теорней коралловых рифов, которая доказала, что я неправ!

— А теперь вы убеждены, что в отношеннн Глен-Роя неправ я?

— Вот нменио.

— И хотнте, чтобы я признал свою ошнбку?

— Рано нлн поздно вам прндется это сделать. И чем скорее, тем лучше. Позвольте дать вам почнтать «Наброскн о ледннках» Агасснса, онн только что появнлнсь.

Лайель взял рукн Чарлза в свон.

— В искусстве н лнтературе совсем не обязательно прнзнавать свон ошнбкн,— пронзнес он отеческим тоном.— Но в иауке это необходнмо. Наш друг Роберт Броун поэтому до сих пор отказывается печататься на англнйском. Но наука не может развиваться в такнх условнях. Мы обязаны нметь смелость вестн нсследования, на нх результатах стронть теорнн и прн этом самн учнться. Но, я вижу, Мэри подает нам знак ндти к столу. Она приготовила для вас холодное мясо, как вы любите, и печенье с тмином.

Чарлз смущенно улыбнулся, направляясь вместе с Лайелем в столовую:

— Ну уж тут-то ошнбкн ие будет, учнтывая, что к чаю подадут еще сандвичи с помидором, салатом н огурцом н ячменные лепешкн с клубннчиым вареньем!

К началу 1841 года ои стал прнводнть в порядок свои заметки н наблюдення об нзмеичнвости вндов. «Мне не уйти от этой темы»,— убеждал он самого себя.

Чарлз решнл снова завести анатомнческую лабораторню. Возможно, лучше всего для этой цели подойдет мансарда под самой крышей: она ннкому не нужна н ее можно будет держать запертой.

Своему кузену Фоксу, в течение нескольких лет имевшему свой приход в Деламир-форест (то самое сочетание священнослужителя и натуралиста, к чему стремился сначала и сам Дарвин), Чарлз писал:

«Я продолжаю собирать всевозможные факты для «Разновидностей и видов» (так будет называться моя будущая работа) и с благодарностью принимаю даже самые незначительные сведения, связанные с данной проблемой. Описание потомства, полученного при скрещивании любых домашних птиц и животных (собак, кошек), крайне ценно».

Второго ребенка, девочку, Эмма родила 2 марта. Они нарекли ее Анной, но вскоре за ней утвердилось более привычное в доме имя Энни. С самого начала она была всеобщим баловнем. Чарлзу Эмма призналась:

— Перед родами я уделяла Додди так мало внимания, что просто перестала для него существовать. Иногда это меня даже повергало в уныние.

— Ничего, вместо тебя его балую я.

Они редко не соглашались друг с другом и еще реже спорили. Единственным объектом их разногласий была экономка Бесси, теперь превратившаяся в няньку. Дарвин жаловался:

— Она не носит чепца. Так не положено.

— Но она их ненавидит. Пусть делает, как ей нравится. Я не хочу, чтобы нянчить детей было ей в тягость.

— Но речь идет о более важных вещах. Посмотри на нее: она вечно ходит грязная. Я имею в виду ее платье. Разве ты не можешь уговорить ее почаще стирать свои вещи?

— Но она и так это делает. Просто они у нее быстро пачкаются. «Маленькая мисс Неряха» из Лондона, вот кто она такая.

Выпуски «Зоологии» между тем по-прежнему хорошо принимались читателями. В марте появился последний выпуск серии «Птицы», а в апреле — третий из серии «Рыбы». Оба вышли отдельными книгами в твердой обложке серовато-зеленого цвета. На счету у Чарлза, таким образом, оказалось теперь еще три тома, где он выступал в качестве редактора и составителя: «Птицы» Джона Гулда, «Ископаемые млекопитающие» Ричарда Оуэна и «Млекопитающие» Джорджа Уотерхауса. Оставалось выпустить совсем немного — в серии «Рыбы», и тогда все пять томов «Зоологических результатов путешествия на «Бигле» будут завершены. У него сохранилось еще немного неизрасходованных денег для иллюстрирования своих собственных книг, которые он замыслил.

Май был для Дарвинов хорошим месяцем. Чарлз выступил в Геологическом обществе с докладом «Об эрратических валунах и неслоистых отложениях» и удостоился всяческих похвал. Эмма вновь стала играть на рояле по часу в день, так что в доме опять звучала музыка; основное время, впрочем, она посвящала сыну, стремясь вернуть его любовь и доверие к ней. Дарвин продолжал трудиться над своими небольшими статьями, вести скрупулезные записи домашних расходов и развлекать себя тем, что давал оценку каждой из прочитанных книг, которых, как и у всякого заядлого читателя, перебывало в его руках великое множество («Путешествия» Питера Талласа — отвратительно; «Изучение природы света» Абрахама Такера — невыносимо многословно...).

Вордсворт все еще доставлял ему неизменное удовольствие. Но с наибольшей охотой он читал все, что имело отношение к его работе: исследования о северных оленях, ядовитых насекомых, шелкопряде, лиственных деревьях, экономии природных ресурсов, шведской сосне, перуанских овцах.

Полученное Чарлзом Лайелем приглашение прочесть курс лекций в Лоуэлловском институте в Бостоне привело его и Мэри в восторг. Супруги давно мечтали о путешествии по Северной Америке: обещанный гонорар позволял им теперь осуществить задуманное.

— Прежде всего я намерен изучить Великие озера, Ниагарский водопад. У меня есть кое-какие радикальные теории относительно их геологического происхождения.

— Что касается радикальных теорий, то они есть у вас в отношении множества вещей,— заметил Дарвин.— Это-то и делает вас большим человеком.

Эмма удостоверилась, что, хотя Мэри иногда и сидит со скучающим лицом, стоит ее мужу завести разговор о любимом предмете, она проявляет себя весьма сведущей в геологии.

— Геологические путешествия приносят мне только радость,— заявила она Эмме.— Чарлз вслух излагает свои мысли, а я заношу их в записную книжку, по которой он может вести дальше свою работу. Вот когда мы оба по-настоящему нужны друг другу. А в Лондоне все тонет в суете.

Когда в 1841 году директором Королевского ботанического сада в Кью назначили сэра Уильяма Гукера, переехавшего туда поздней весной из Глазго, Чарлз выбрался к нему с Эммой и двумя детьми. До этого знакомство сэра Уильяма с Дарвином ограничивалось лишь беглой встречей на заседании

Бритаиской ассоциации, ио он зиал, сколь высоко цеиит «Диевиик» его сыи Джозеф, взявший кингу с собой иа «Эребус», где оиа была его неразлучиым спутииком. Уильяму Гукеру исполиилось пятьдесят шесть, но жизиениая сила била в ием через край, да и выглядел ои зиачительио моложе своих лет: на эиергичиом лице выделялись огромиые карие глаза. Ои продемоистрировал семье Дарвииа все пятнадцать акров своих владеиий, куда почти ие допускалась обычиая публика и где даже сейчас была выставлеиа основательиая охраиа.

— Это первое, с чем я иамереи покоичить,— поделился с иими новый директор.— Как только мие удастся сиести эти кирпичиые заборы, каждый сможет являться сюда в любое время. Увереи, что иикакого урона саду это ие иаиесет. К тому же я собираюсь еще приобрести землю по соседству и разбить там иастоящий парк — с аллеями, фоитаиами, клумбами.

— А что вы сделаете со всеми этими стекляииыми тумбами? — спросил Чарлз, глядя иа теплицы, может быть и полезиые для хозяйства, ио иеуклюжие.

— Их мы перестроим, расширим, поставим современиую систему отоплеиия, проведем трубы с горячей водой для кактусовой оранжереи и еще для орхидей и папоротииков — словом, для всех тропических растеиий. Потом мы соедииим все оранжереи между собой, создадим пруды с водяиыми лилиями, зелеиые лужайки. Полагаю, что, вериувшись из плаваиия, Джозеф привезет иам великолепиую коллекцию.

— Передайте ему от меия привет. Я с иетерпеиием жду его возвращеиия.

— Я тоже,— заметил сэр Уильям, мечтательио добавив: — Надеюсь, ои стаиет помощииком директора. Здесь ему было бы лучше всего работать и жить.

В Мэр Дарвииы вериулись в коице мая. Как и всегда, их приияли с распростертыми объятиями. В Эиии влюбились все поголовио. Элизабет щебетала:

— Каждую весиу или лето у вас иовый младеиец. Весьма разумио с вашей стороиы. И мы ждем этого.

Эмма взяла сестру под руку и улыбиулась:

— Думаю, что ты, дорогая, ие обмаиешься в своих ожиданиях.

— Я вижу, что ты иичего ие слышала про Шарлотту. Оиа беремеииа. После десяти лет замужества! Разве это ие чудо? Ее муж, мистер Лэигтои, уходит со своей пасторской должиости в Оиибери, и оии переезжают иа жительство к иам. Здесь оиа будет помогать мне ухаживать за матерью и отцом.

Эмма с иежиостью поцеловала сестру.

— О, Элизабет, если бы ты зиала, какой предательиицей я себя чувствовала, живя преспокойио в Лоидоие, пока ты оставалась тут одиа и ухаживала за мама́ и папа́.

— Каждому свое, Эмма. Я счастлива, делая ту работу, которую определил мне господь. И я счастлива, что тебе выпало заботиться о дорогом Чарлзе и производить иа свет иаследииков рода Веджвудов и Дарвииов.

К концу июия, хотя свежий воздух здешиих мест явио шел ему иа пользу, Чарлз пожаловался Эмме:

— Иногда часа в четыре пополудии меия иачииает позиабливать.

За иеделю до этого они экипажем отправили Уильяма в Шрусбери в сопровождеиии Бесси.

— Почему бы тебе ие привезти Уильяма обратио, а заодио ие поговорить с отцом? Ои ведь помог тебе в прошлом году.

Доктор Дарвии, по обыкиовеиию, ие был расположеи обсуждать с сыиом состояние своего здоровья.

— Я в полиом порядке. Искра жизии пребудет во мие еще иемало лет.

Одиако ои озабочеиио выслушал описаиие последиих приступов озиоба у Чарлза.

— Видишь ли, с годами ты едва ли можешь рассчитывать, что стаиешь здоровее! Я иедоучел степень твоей усталости в столь длительиом плаваиии. За это время ты израсходовал пятиадцатилетиий, а может быть, даже двадцатилетиий запас эиергии. И столько же лет, вероятио, потребуется тебе для его восстаиовления.

Чарлз пал духом. Выходит, отец считает его иивалидом...

— Отец,— голос его был иапряжеи,— мие горько и больио примириться с выводом, что «в гоике побеждает сильиый» и что мие, похоже, придется довольствоваться тем, чтобы восхищаться результатами, которые покажут в иауке другие. Как я мечтаю жить на свежем воздухе, ие ведая ии грязи, ии шума, ии юдоли «Большого зоба», как иазвал Лоидои Уильям Коббет в своих «Сельских страиствиях». В свое время ты предлагал купить иам дом в деревие в качестве свадебиого подарка. Ты ие передумал?

— Разумеется, иет.

— Тогда я иачиу подыскивать что-иибудь подходящее в Суррее и Кеите.

— По-моему, вам стоило бы сперва лет пять-шесть сиимать дом, прежде чем окончательио решить, подходит для вас выбраиное место или иет.

— Шесть лет! Это слишком долго, отец. Нам бы хотелось купить побыстрее, ио, коиечио, ие первый попавшийся.

После обеда оии собрались в ораижерее, где было прохладиее. Несмотря иа веселое щебетаиие Кэтти, атмосфера была иапряжеииой. Сюзан сидела в угрюмом молчаиии. Дождавшись ухода Бесси, сообщившей, что Вилли усиул, доктор Дарвии иачал:

— Безобразие! Оиа ие носит чепца. И кроме того, у иее вид грязиули.

— Оиа похожа иа служаику в лавке у бакалейщика! — взорвалась Сюзаи.

— Учти, что мужчииы иачиут к ией приставать, как только увидят, что оиа одевается ие так, как другие служаики,— прибавил отец в крайием раздражеиии.

Чарлз ие собирался предавать Эмму.

— Когда мы вериемся к себе в Лоидои, то иаведем порядок в ее туалетах.

— И потом, оиа каждое утро дает Додди полчашки сметаиы,— пожаловалась Сюзаи.

— Это одиа из самых вредиых для иего вещей,— заметил доктор Дарвии.— Уже сейчас ои производит впечатлеиие болезиеииого ребеика.

— Болезиеииого! — воскликиул Чарлз.— Мы иикогда так ие считали.

Сюзаи оставалась иеумолимой.

— Вчера вечером я зашла к ребеику в спальию и обиаружила, что иа иочь у его постели ие поставили воду. Право же, Чарлз, Бесси, как и любую другую экоиомку или ияиьку, следовало бы научить обращаться с ребеиком.

— Мы так и сделаем,— только и мог пробормотать в ответ Чарлз.

На следующее утро над Мауитом ярко светило солице. После завтрака вся семья отправилась иа прогулку в сад, где уже по-летиему благоухали цветы, и каждый по очереди учил малеиького Додди, как иазывается тот или иной из иих. Кэтти отвела брата в стороику.

— Все это буря в стакаие воды, Чарли. Жаль, что мие ие удалось тебя предупредить. Подумаешь, ему дают полчашки сметаиы! Я совсем ие увереиа, что Додди это повредит. А если иочью ребеику захочется пить, ои может позвать ияию — ведь дверь всегда открыта.

Вероятио чувствуя иеловкость из-за того, что ои обрушился иа сыиа, доктор Дарвии попытался загладить свою виму.

— Зиаешь, Чарлз, ты прав. Шесть лет — это действительио чересчур долгий срок, чтобы решить, подходит вам место или

нет. Так что сразу же дайте мне знать, как только вам с Эммой удастся найти что-нибудь стоящее. Деньги я уже отложил.

Чарлз осторожно обнял отца за плечи — по-прежнему широкие, но уже сутулые.

В Лондоне его ждало послание, полученное им, так сказать, через третьи руки: идея, по всей вероятности, принадлежала Джону Генсло, разработал ее Адам Седжвик, а передал Чарлзу Лайель. О чем же шла речь? О том, что пора приступать к переговорам о постоянной работе в колледже Христа. Впрочем, быть может, он желает подождать, пока не закончит своей геологической трилогии? Как бы там ни было, дольше откладывать визит в Кембридж для возобновления дружеских связей и прояснения своих планов нельзя. Некоторые из сотрудников колледжа начали недоумевать, отчего это Чарлз Дарвин не показывался в своей альма-матер с зимы 1837 года. А ведь с тех пор прошло уже пять лет. И это при том, что от Лондона до Кембриджа всего несколько часов езды комфортабельным дилижансом.

Ему сообщили о том, что и преподаватели, и дирекция колледжа гордятся его «Дневником» и многочисленными статьями. Они с уважением отзывались о «Зоологии», вышедшей под его редакцией. Им льстило и то, что Чарлз избран секретарем Геологического общества и членом Королевского, что было честью даже для профессоров Кембриджского университета. Вне всякого сомнения, все в колледже — от президента до преподавателей — считали его членом своей семьи. Столь же несомненно было и то, что, как полагали Генсло и Седжвик, в свое время Дарвину предстоит войти в число постоянных сотрудников колледжа.

Вместе с Эммой он уже обсуждал эту перспективу, хотя и не слишком серьезно. Сейчас настал такой момент, когда руководство колледжа хотело бы получить от него окончательный ответ.

«Конечно, я мог бы с легкостью поехать в Кембридж. Но хочу ли я провести свою жизнь в стенах университета — вот вопрос.— Сгорбившись на стуле, он рассеянно провел рукой по широкому лбу и начавшим темнеть волосам.— Кембридж — прелестный средневековый городок. Там великолепнейшая архитектура, широкие газоны, сады со множеством цветов, плоскодонки, на которых можно плавать с шестами по реке Кем вдоль лужаек и парков, прославленная Королевская капелла с ее воскресным хором. Правда, жалованье всего сто, а со временем, возможно, двести фунтов в год, но, раз у нас есть кое-какие личные средства, мне не придется, как бедняге Генсло, тратить свое время на репетиторство. Я буду иметь

возможность общаться со своими коллегами сколько душе угодно. Что касается занятий со студентами, как и адмнннстративных забот, то это не будет для меня слишком обременительно; словом, большую часть времени я смогу уделять своей собственной работе. Это также совпадало бы и с желанием самого колледжа».

Поскольку его характеру чужды былн задиристость, воинственность, эгоистичность, хвастовство или пренебрежение к делам других и его, скорее, отличали отзывчивость н теплота, врагов в колледже Христа он вроде бы не нажил. Как студента его там любили, хотя и не ожидали от него успехов в науке. Но сейчас все переменилось. В конце концов удача и упорство могли бы сделать из него настоящего ученого.

Для Эммы с ее общительностью, он знал это, кембриджская община давала чудесную возможность продолжить веджвудовскую традицию благотворительности н гостеприимства.

— Со временем ты станешь дамой-патронессой кембриджского общества.

Глядя на жену в упор, он продолжил:

— У маленькой «мисс Неряхи» есть для этого и соответствующий опыт, и соответствующие склонности, учнтывая ее способность быть счастливой самой и делать счастливымн других.

Эмма смотрела на него широко открытыми глазами, не зная, куда он клоннт.

— Однако я убежден: как ни привлекательна, как нн содержательна была бы тамошняя жизнь, она попросту не для меня. Я нуждаюсь в покое и уедннении, то есть в полной изоляцин в сельской глуши, где общественная жизнь присутствует ровно настолько, чтобы мы не чувствовалн себя совсем уж отрезанными от мира. У меня есть для этого основания, о которых я хочу тебе сказать. Видишь ли, мне предстоит писать книги, доказывать теории и заниматься их распространением. А все это исключает присутствие в колледже, университетские дела, общественные обязанности.

Теперь Эмма в свою очередь в упор поглядела на мужа.

— Я могу быть счастлива с тобой и в том и в другом месте, при одном образе жизни и при другом. Главное для меня — семья: мой муж, мои дети, наше благополучие. Я могу продолжать жить и в Лондоне, если тебе это надо, в Кембрндже, если бы ты его предпочел, или в любой глуши, если так лучше для тебя и твоей работы. Я счастлива и останусь таковой, даже если бы тебе вздумалось переехать со всеми нами на Огненную Землю.

— Нет, только не Тьерра-дель-Фуэго! — с жаром воскликнул Чарлз, тут же рассмеявшись.— Но уединение мне просто необходимо, чтобы быть в стороне от суеты, как необходимо иметь возможность работать без перерывов, с полной отдачей. А все эти званые обеды, официальные приемы, длинные бурные дебаты — они меня истощают. На следующий день я оказываюсь из-за них полностью выбитым из колеи.

— Я это замечала, мой дорогой.

— Я говорил с отцом о покупке дома в деревне. Мне так хочется жить в сельской местности и слышать только, как поют птицы и шелестит ветер в ветвях деревьев. Я до сих пор не могу объяснить приступов своего плохого самочувствия. Я не знаю, ни когда наступит следующий, ни сколько он будет длиться. Случись один из них со мною в колледже — я не смог бы тогда выполнять своих обязанностей, неловко бы себя чувствовал и терзался сознанием собственной вины. Если же я не связан с другими и отвечаю лишь за свою работу, то могу, когда буду плохо себя чувствовать, возиться с детьми, гулять в лесу, читать, слушать твою игру. И при этом никого не подводить. Ты согласна?

— Да. Ты хочешь... свободы от конкретных обязанностей, чтобы выполнять то, что считаешь более важным.

— Совершенно верно. Как бы я ни любил Джона Генсло за его способность учить своих студентов каждого по-своему — что касается меня, то я ему благодарен,— сам я на это не способен. Я хочу, чтобы не я учил других, а те мысли, которые содержатся в моих книгах. Книги должны стать моей опорой в жизни. Как ты думаешь, это не звучит чересчур самонадеянно?

— Каждый из нас должен найти для себя наилучший путь, чтобы выполнить ту работу, которую определил нам господь. Мой отец стал «читающим» натуралистом, твой — «слушающим» доктором, тебе же выпало стать «пишущим» ученым. Ведь именно этого ты и хочешь?

— Всей душой.

Дарвин извлек давно заброшенную рукопись о коралловых рифах, перечитал написанное и нашел материал и выводы убедительными.

«Тринадцать месяцев забвения! — подумал он.— Но не буду тратить эмоций на сожаления о былом. Постараюсь закончить книгу к концу года».

В это утро он два часа без перерыва трудился над описанием вертикального роста рифов. В глазах его зажегся угасший

было огонек. Когда Эмма высказалась на сей счет, Чарлз ответил:

— Отец до смерти перепугал меня своими прогнозами относительно моего здоровья. Я должен доказать, что он неправ. И еще что я — не ипохондрик.

— Да кто тебе это сказал?

— Я сам.

Эмма между тем добилась того, что Бесси стала носить чепец; она купила ей два новых платья и целую коробку белых фартуков, которые та научилась менять по нескольку раз в день, как только на очередном появлялось хоть малейшее пятнышко. Парсло, полная противоположность традиционному английскому дворецкому с его чопорной невозмутимостью, не думал скрывать своей радости, что наконец-то нашел себе место по душе. День-деньской он то подавал к столу, то сворачивал и разворачивал ковры, чтобы можно было натирать полы, чистил обувь, а с раннего утра мчался в ближайшую книжную лавку купить «Лондон крониkл» и «Таймс» — газеты, которые Чарлз имел обыкновение просматривать после завтрака. Сэлли со своей стороны старалась, и небезуспешно, готовить теперь по рецептам, которыми в Маунте снабдила ее Энни.

После обеда Чарлз и Эмма нередко усаживали детей в коляску и везли в Риджентс-парк, где семья гуляла по тенистым аллеям. Отец учил Уильяма, полуторагодовалого карапуза, пускать кораблики вдоль извилистых берегов озера. Затем они пересекали длинный газон и шли в зоопарк, где наблюдали за тем, как брыкается носорог, носится рысцой слон, закручивая и раскручивая хобот и то и дело издавая трубные звуки при виде толпящихся зевак. Но больше всего очаровал Уильяма орангутанг, который, повалившись на землю, дрыгал лапами и вопил, как избалованный ребенок, когда служитель дразнил его яблоком. Но стоило обезьяне в конце концов заполучить плод, как она усаживалась и принималась за еду.

По воскресеньям после церковной службы они отправлялись поездом в окрестности Лондона — Суррей или Кент, чтобы присмотреть себе дом, но ничего подходящего не встречалось. Дома были или слишком большие, или, наоборот, маленькие, то слишком дорогие, то слишком дешевые; иные с затейливыми украшениями, другие — в полном запустении, так как долго оставались без хозяев. Наконец они набрели на имение Весткрофт, состоявшее из усадьбы и нескольких акров земли, всего в полутора с небольшим часах езды от Воксхоллского моста через Темзу и в шести милях от Виндзорского замка. Однако владелец запросил за свое имение, по край-

ней мере, на тысячу фунтов больше, чем считал возможным заплатить Чарлз.

— Дом не стоит того,— сказал он Эмме на обратном пути.— И конечно, я не могу позволить отцу тратить на меня столько денег. В пятницу я возьму с собой оценщика.

Оценщик нашел, что цена на имение завышена. Тогда Чарлз предложил более умеренную сумму.

Владелец промолчал.

Поиски продолжались всю осень. Иногда на станции они брали экипаж и осматривали по нескольку домов кряду. Безрезультатно.

— И все-таки есть же где-то дом и немного земли, которые ждут меня,— твердил Чарлз.

— Ты становишься прямо каким-то фаталистом,— подшучивала над ним Эмма.

К концу года произошло несколько событий. В третий раз забеременела Эмма. Исполнилось два года Вилли, и Эмма решила отметить день рождения вечеринкой. Сам Чарлз закончил свою книгу о кораллах и подготовил ее к изданию, снабдив шестью гравюрами на дереве и тремя складными картами, на которых атоллы были обозначены темно-синим, рифы — бледно-голубым и окаймляющие рифы — красным цветом.

Прежде чем отослать книгу в издательство «Смит Элдер энд К°», Чарлз написал предисловие, пытаясь добиться предельной ясности: «Цель настоящего тома — описать, опираясь на мои собственные наблюдения и работы других исследователей, основные типы коралловых рифов, точнее говоря, тех, которые встречаются в открытом океане, и объяснить происхождение особенностей их форм. О самих полипах, которые возводят эти огромные сооружения, говорится лишь в связи с их расселением и условиями, благоприятствующими их бурному росту».

Эмма попросила у мужа разрешения почитать рукопись. Обвив его шею руками, она проворковала:

— А ты поэт, мой милый. Я поняла это, когда читала «Дневник», но опасалась за твои породы и кораллы.

— Поэзия есть и в природе, дорогая.

Тем временем подоспели гранки. Хотя изготовление цветных иллюстраций и рисунков для пятитомной зоологической серии в девятнадцати частях обошлось недешево, Чарлз сэкономил все же 130—140 фунтов стерлингов, которые лорды — представители казначейства разрешили ему истратить на карты и рисунки к томам своих геологических наблюдений в Южной Америке. Но иллюстрации к книге съели всю его экономию.

— Правительственная субсидия,— пожаловался он Эмме,— улетучилась куда быстрее, чем я предполагал.

— Как и любые деньги вообще,— отвечала она с иронической усмешкой.

Когда дело дойдет до второго тома, посвященного вулканическим островам, то и Чарлзу, и его издателям придется вкладывать в иллюстрации собственные средства. Книги наверняка приобретут и британские библиотеки, и британские ученые, заверил его Яррел.

— К несчастью,— в отчаянии воскликнул Чарлз,— их явно недостаточно! Так что тираж не разойдется.

— Надо выпустить все три тома серии под одной обложкой,— дружески посоветовал Яррел.— Тогда все раскупят.

— Да я вовсе не жалуюсь. Если бы я хотел разбогатеть, то мне следовало пойти по стопам деда и отца и стать врачом.

С самого начала беременности Эмма чувствовала себя неважно. Все свое свободное время Чарлз проводил с нею, читая вслух популярные романтические новеллы, пересказывая ей ходившие по городу анекдоты. К обеду она неизменно считала нужным переодеваться. Часто вместе с ними за столом сидел и Уильям, отличавшийся поразительно хорошими манерами для своего двухлетнего возраста.

Малышу никак не удавался звук «в».

— Меня зовут Уилли Даруин... Утри слезки у Додди... Открой дуерь...

— Это все из-за лондонского воздуха,— заметил Чарлз.— Впрочем, чего доброго, я стану еще обвинять в конце света лондонскую копоть.

По какой-то непонятной причине маленькая Энни перестала совсем тянуться к нему. Эмма принялась утешать его:

— Это скоро пройдет. Вообще детство, как я поняла, состоит из бесконечной череды скоро проходящих настроений. Оставь ее в покое. Лучше научи Додди говорить не «Даруин», а «Дарвин».

Свое время он также транжирил самым бесстыдным образом на то, чтобы помочь Эразму набрать голоса и пройти в члены «Атенеума». Для этого Чарлзу приходилось бывать на вечерних сборищах по понедельникам, когда в клубе собирались его члены, составлявшие большинство литературного и ученого мира Лондона. Эразм мог рассчитывать пройти по двум статьям: во-первых, он был хозяином литературного салона и, во-вторых, братом Дарвина. На голосование Чарлз отправился со смешанным чувством надежды и вполне обоснованной тревоги. Эмме он признался:

— Только бы никто не стал спрашивать, что́ Эразм написал. Достаточно только одного голоса против, чтобы его провалить.

А ведь для Эразма с этим так много связано. Неужели ему не дадут занять то место в столичном обществе, к которому он тянется всей душой?

Домой Чарлз возвратился поздно, прихватив по пути брата. Оба смеялись и болтали без умолку, как два школяра.

— Нет нужды спрашивать, как дела,— лаконично заключила Эмма.— Ответ — на ваших лицах.

По счастливой случайности Дарвинам удалось заполучить превосходную няню, по имени Броуди, родом из Шотландии — с огненно-рыжими волосами, фарфорово-голубыми глазами и мягкой улыбкой, разом преображавшей грубоватое, в глубоких оспинах, лицо. Как и Парсло, она была счастлива войти в новую семью. Твердая и ласковая одновременно, она сумела найти подход и к Уильяму, и к Энни: малыш начал выговаривать «в», а крошка теперь бежала к отцу со всех ног. После того как в доме появилось четверо слуг, Эмма сочла возможным попросить Чарлза отпустить ее съездить на недельку в Мэр. Ее сестра Шарлотта родила в ноябре, но до сих пор неважно себя чувствовала.

В свой день рождения — ему исполнилось тридцать три года — по талому февральскому снегу Чарлз вышел на Грейт Мальборо-стрит и отправился на встречу с издателем «Дневника». Их беседа продолжалась целый час, но домой он возвратился ни с чем. В его письме Сюзан в Маунт сквозит явное разочарование: «К вопросу о деньгах. На днях я получил сполна всю прибыль, на какую можно рассчитывать от моего «Дневника»: сюда входит и 21 фунт 10 шиллингов, которые мне пришлось уплатить мистеру Колберну за экземпляры, посланные мною различным лицам. Всего продано 1337 книжек. Выгодное дельце, не правда ли?»

Неожиданным было для него появление посыльного, доставившего записку от Родерика Мурчисона, бывшего президента Геологического общества, дружившего с Адамом Седжвиком и Чарлзом Лайелем. Сейчас Мурчисон принимал у себя в гостях Александра фон Гумбольдта, выразившего желание повидать молодого Дарвина. Не откажет ли Чарлз в любезности, говорилось в записке, пожаловать к нему на завтрак на следующее утро?

— Гумбольдт, бог моей юности, хочет со мной повидаться! — вскричал Чарлз.— Вот уж воистину гора идет к Магомету.

Семидесятитрехлетний фон Гумбольдт излучал жизнерадостность и энергию, несмотря на то что недавно закончил публикацию тридцатитомного труда. Над огромным лбом спутанной копной лежали светлые волосы, голубовато-серые глаза

смотрели зорко и, казалось, намеревались выведать у природы все ее тайны, а большой чувственный рот выдавал в нем эпикурейца, однако свою жизнь без остатка Гумбольдт стремился наилучшим образом использовать ради обожаемой им науки. Он носил элегантный, удлиненного фасона вельветовый пиджак с широкими лацканами, вокруг шеи был пышным узлом повязан белый галстук, заправленный в жилетку модного покроя.

«Какой привлекательный человек!» — подумалось Чарлзу.

Ученый долго тряс руку Дарвина, не переставая расточать комплименты его «Дневнику», зоологической серии и новой работе «Строение и распределение коралловых рифов», которую издатель прислал ему в гранках, рассчитывая на хвалебный отзыв. Особенно заинтересовали его растения, собранные Чарлзом на Галапагосах.

— Но это я... должен был бы... Ведь для меня именно вы всегда были величайшим ученым,— лепетал Чарлз.— Я преклоняюсь перед вами...

За столом Мурчисон предусмотрительно посадил Дарвина рядом с именитым гостем, чтобы они могли общаться. Однако Чарлзу больше не представилась возможность вставить в разговор хоть слово, так как Гумбольдт проговорил три часа без перерыва. Его монолог, впрочем, был весьма интересен: рассказы о бесконечных путешествиях, изложение новых теорий, описание собранных им коллекций,— при всем этом он умудрялся с аппетитом расправляться с многочисленными блюдами.

Когда Чарлз собрался уходить, великий ученый снова принялся трясти его руку.

— Счастлив был встретиться с вами, Дарвин, и кое-что узнать о вас.

По пути домой Чарлз не переставал удивляться:

— И как это ему удалось «кое-что» обо мне узнать? Он же ни разу не дал мне даже открыть рта.

Нёделя, проведенная в Мэре, явно пошла Эмме на пользу: она заметно посвежела, хотя и потеряла в весе. В начале мая она опять отправилась туда, взяв с собой обоих малышей и Броуди. Чарлз оставался в Лондоне, чтобы «заниматься делами, связанными с типографией». Чтобы ему не было одиноко, из Маунта приехала сестра Кэтти.

В конце мая он отправился к Эмме в Мэр.

— Прошу тебя,— в голосе жены звучала мольба,— уделяй папа́ побольше времени. Элизабет говорит, что за последние несколько месяцев видела его улыбающимся от силы дважды.

Его тестю, которому исполнилось семьдесят три, уже не удавалось унять старческого дрожания рук; щеки его запали, в темных глазах застыли боль и ужас от сознания своей беспомощности. Чарлза он удостоил полуулыбкой, когда тот бережно обнял его за плечи. Тетушка Бесси, перенесшая удар, с трудом узнала Чарлза.

Первые недели своего пребывания в Мэре Дарвин подолгу бродил по тропинкам в полях, размышляя над планом чернового наброска своей теории видов. Начать надо будет с главного: как произошли виды? Как изменялись? Почему они изменялись? Почему одни виды процветают, а другие гибнут? Есть ли законы, действию которых подвержено все, что живет и... умирает? Что это за законы?

В Мэр-Холле он оставался месяц, а затем попросил у Эммы позволения отлучиться на две-три недели в Северный Уэльс, чтобы посетить некоторые из тех мест, куда за одиннадцать лет до этого ездил вместе с Адамом Седжвиком.

Прочитав книгу Луи Агассиса, он захотел сам убедиться в том, какие следы оставили после себя ледники, которые, по мнению автора, некогда перекрывали все большие долины в горах. Прошло уже четыре года с тех пор, как он ездил в геологическую экспедицию в Глен-Рой.

— Знаешь, сейчас мне впервые по-настоящему этого захотелось. По пути я заеду в Маунт, проведаю своих и возьму верховую лошадь.

В Шрусбери его доставил в экипаже веджвудовский конюх. Дома все были в восторге от того, как он выглядит. Отец передал Чарлзу налоговые счета министерства финансов, поступившие на его имя из Лондона. Впервые после наполеоновских войн 1803—1815 годов в Англии ввели подоходный налог. Им облагались семь шиллингов из каждого фунта стерлингов. За минувший год, подсчитал Чарлз, его доход составил тысячу тридцать фунтов. Получается, что уплатить ему предстоит около тридцати фунтов. Хорошо бы налоговая ставка выше не поднималась: у них с Эммой столько расходов, особенно теперь, когда в семье дети.

Через три дня он уже скакал по Северо-Уэльской дороге. Оставив лошадь в конюшне при гостинице, удобно расположенной у подножия, он совершил пешие восхождения на Капел Кьюриг, Каэрнаврон и Бангор, скитаясь целыми днями по горным долинам в поисках следов старых ледников. Ноги его не ведали усталости, дыхание было ровным.

— Может, Агассис и прав относительно старых ледниковых следов. Но я все равно убежден, что в отношении Глен-Роя он ошибается.

В течеиие десяти дией ои придерживался в осиовиом того же маршрута, которым прежде провел его Адам Седжвик. И даже старался остаиавливаться в тех же гостииицах, где оии когда-то вместе ужииали и иочевали. Иногда ои вспомииал хозяев, иногда оии вспомииали его. Взбираясь иа высочеииую кровать в гостинице «Капел Кьюриг», ои сиова испытал прежиее чувство уже видеииого, словио все это происходило с иим раиьше.

В Мэр Чарлз вериулся полиый решимости иачать писать о видах — их происхождеиии и закоиах развития, чтобы тем самым ответить иа вопросы, которые ои задавал самому себе иа протяжеиии трех мииувших лет. Заияв одиу из пустовавших спалеи, ои поставил там стол и разложил иа нем все свои четыре записиые киижки. Дарвии готов был вступить в борьбу с религиозиым вероучеиием, как сделал это Галилей, экспериментальио обосиовавший идею Копериика о том, что Земля вращается вокруг Солица, за каковое отступиичество ои был судим и поставлеи перед выбором: либо отречься от своих кощунствеииых выводов, либо пойти иа смерть.

Галилей отрекся. А что сделал бы ои, Чарлз Дарвии, при подобиых обстоятельствах? На этот вопрос могло ответить только будущее. Пока же ему предстоит сделать первый тщательио обдумаииый и вывереииый шаг. Уклоиителься от иего ои ие имеет права. Ои взял караидаш с мягким грифелем и прииялся писать — медлеиио, тщательио, безостаиовочио, виося исправлеиия по ходу дела.

«Новые условия приводят и к появлеиию иовых качеств в оргаиизме животиого. Оии остаются в силе, если эти условия воздействовали на иесколько поколеиий...

Опыт заставляет иас ожидать, что всякий и каждый из этих оргаиизмов должеи видоизмеияться под воздействием иовых условий. Геология коистатирует иаличие постояииого цикла перемеи, привиося за счет всех возможиых (?) измеиеиий климата и вымираиия предшествовавших видов бескоиечиое разиообразие в эти иовые условия...»

Каждый деиь закрывал ои за собой дверь своего импровизироваииого рабочего кабииета: в его святая святых ие допускался иикто. Деиь за дием поверял ои бумаге то, что черпал из своих обшириых запасов, иакоплеииых во время плаваиия иа «Бигле» и в результате чтеиия работ, посвящеииых миру растеиий и животиых, водоплавающих и летающих, которых ои сравиивал с окамеиелыми ископаемыми, с тем чтобы теперь связать груду собраииых им фактов стройиой теорией, способиой объясиить мириады измеиеиий у видов с тех пор, как стоит мир.

Чарлза поражало, как хорошо он себя при этом чувствует. Ни разу за время работы он не испытал приступов тошноты, так мучившей его в былые дни.

В заключительном разделе он написал: «...близость различных групп, единство типов структуры, характерные формы, через которые проходит зародыш в своем развитии, метаморфоза одних органов и отмирание других — все это перестает быть невразумительными метафорами и становится вразумительными фактами. Мы уже не взираем на животное, как дикарь, например, на корабль... То есть как на вещь, целиком находящуюся за пределами нашего разумения, а активно стремимся исследовать его».

Через несколько недель набросок был завершен, и, хотя он состоял всего из тридцати пяти страниц, начало было положено.

— Начало чего? — вопрошал Дарвин самого себя.

С первого взгляда дом и расстилавшиеся за ним пятнадцать акров меловых полей не слишком-то ему приглянулись. Между тем это место ему рекомендовали как «весьма соответствующее вашим требованиям — расположено в сельской глуши, всего в шестнадцати милях от собора св. Павла». Цена была весьма умеренной — две тысячи двести фунтов: за такой суммой ему не совестно было обращаться к отцу.

Поезд довез его до станции Сиденхэм, в десяти милях от Лондона, а оттуда наемным экипажем по зеленеющим долинам, окруженным волнистыми холмами и великолепными кентскими лесами, он проделал оставшиеся восемь с половиной миль под теплым июльским солнцем, светившим на голубом, без единого облачка, небе.

На несколько минут он остановился в деревушке Даун — до дома, который он собрался купить, отсюда оставалось ехать по улице всего с треть мили. Сама деревушка насчитывала примерно сорок домиков, включая лавки мясника, булочника и бакалейщика, над чьим заведением размещалась небольшая гостиница, а также почту, школу для малышей и плотницкую мастерскую. Даун лежал в стороне от проезжей дороги; посреди деревни на расчищенном участке высилось гигантское ореховое дерево, здесь же располагалась низенькая церквушка с кладбищем, к ограде которой сходились три узкие улочки. Церковь была сложена из кусков местного кремня, напоминавших огромные устричные раковины темного, переходившего в черный цвета. Местные жители, которых Чарлз повстречал, казались людьми почтенными,

и это ему понравилось. Мужчины, завидев его, притрагивались кончиками пальцев к полям своих шляп, как в свое время в Уэльсе.

Забравшись в экипаж, он двинулся по одной из улочек к дому, стоявшему на небольшом возвышении. Прежде имение было известно как Грейт-Хаус *, но сейчас его называли просто Даун **. По первому впечатлению дом, сквозь выцветшую побелку которого проступала кирпичная кладка, показался ему безобразным. К тому же он чересчур близко подступал к дороге: какое уж тут уединение!

«Впрочем, проезжает ли тут хоть кто-нибудь? — стал прикидывать Чарлз.— Ну, кляча с плугом, случайный экипаж».

Особняк находился в хорошем состоянии. Всего несколько лет назад, затратив на ремонт полторы тысячи фунтов, дом покрыли добротной крышей и основательно обновили. В дальнем конце участка еще сохранился фундамент фермы, поставленной здесь около 1650 года. Просторное помещение кухни располагалось в подвале, рядом была холодная кладовая, где хранились масло, сыры, молоко и вина, а также комната для посудомойки и мясной погреб. Чуть поодаль на участке находились небольшой летний домик, конюшня с несколькими стойлами и жалкий огородишко. Из окон с обратной стороны дома открывался чудесный вид на все пятнадцать акров лугов со стогами сена; особую прелесть придавали пейзажу росшие кучно старая вишня, орех, тис, конский каштан, груша, лиственница, сосна, пихта и раскидистая шелковица.

Чарлз зашел в дом, чтобы подробно все записать для Эммы. Вместительная прихожая. Одна из просторных комнат, выходивших окнами на дорогу, сможет служить кабинетом, а комната рядом с ней — столовой. Из гостиной открывался вид на деревья и луга со стогами сена.

— Что мне больше всего понравилось,— рассказывал он Эмме, вернувшись домой под вечер,— так это количество спальных комнат. Их там достаточно, чтобы одновременно разместить Генслея и Фэнни Веджвудов, Сюзан, Кэтти, Элизабет и Эразма.— Он на мгновение заколебался.— Расположение идеальное: полнейшая тишина, а до Лондона рукой подать. Кентский ландшафт великолепен, и, хотя сам дом оставляет желать лучшего, мы сможем усовершенствовать планировку и переделать все по-своему.

---

* Грейт-Хаус — буквально «большой дом».— *Прим. пер.*

** Прилагательное «даун» по-английски означает «нижний».— *Прим. пер.*

— Давай поедем завтра вместе. Какое это было бы облегчеине, если бы Дауи-Хаус иам подошел и можио было иаконец переселяться.

Утро следующего дня выдалось хмурым и холодиым, к тому же дул снльный северо-восточный ветер. Тем не менее Эмма иастанвала иа поездке. С собой они взяли небольшой саквояж, на случай если прндется заночевать в дауиской гостнннце. Окружающая дом местность разочаровала Эмму.

— Чарлз, ты не находншь, что места здесь какне-то... пустыиные?

— Да, это нз-за меловых отложеннй. У нас под Кембрнджем было в десять раз хуже.

Одиако сама усадьба н луга понравнлнсь ей даже больше, чем Чарлзу. И расположеи дом был так, как ей хотелось: не слишком близко, но н не слншком далеко от другнх.

Утром взошло солнце. Онн вторичио осмотрелн усадьбу н вернулись экнпажем до железиодорожиой стаиции. На этот раз окрестиостн прнвелн Эмму в восторг.

— Чарлз, похоже, что я сдаюсь. Эти зеленые волннстые холмы, узеиькие улочки с высокой жнвой нзгородью — сколько в них мира н покоя! Пожалуй, нам все-такн иадо остаиовнться нменио иа Даун-Хаусе.

— А тропннкн в полях! — восклнкнул Чарлз, вдохновлеиный Эммнной поддержкой.— Ведь по ним мы сможем кратчайшим путем добнраться до такнх чудесных лесов н долнн, каких не сыщешь во всей Англнн. Мест для прогулок нам с тобой и детям хватнт тут не на однн год.

Доктор Дарвнн охотно согласнлся на покупку нмення в Дауне, поскольку Чарлз завернл его, что цена за сам дом, прнлегавшие строення н пятнадцать акров землн была невысокой. К тому же, еслн еще сдавать в аренду луга на покосы, это прннесет более сорока фунтов годового дохода. Перед самой покупкой Чарлзу удалось уговорнть хозяев сбавнть цену до двух тысяч двадцати фуитов — это оставляло ему сто восемьдесят фунтов, чтобы оплатнть работу плотннка, которому предстояло поставнть в его кабннете стеллажн для книг н ящнкн для картотекн.

Купчая была составлена, нужные бумагн подпнсаны, деиьги уплачеиы сполиа в течение нескольких недель.

— Эмма,— обратнлся Чарлз к жене,— Даун-Хаус теперь наш, ио не думаешь ли ты, что надо повременить с переездом, пока не родится ребеиок н ты ие прндешь в себя? По дому будет столько дел, сама знаешь, во всяком случае, на месте сидеть не прндется. И ты по-прежнему уверена, что хочешь перебнраться сейчас?

— Да. И лучше сделать это как можно скорее. Пусть ребенок родится уже в нашем новом доме. Мне кажется, в целом для меня было бы даже легче, если бы мы устроились и я смогла потом не спеша восстанавливать свои силы.

С транспортной конторой он договорился об упаковке и доставке всех вещей в Даун. Но поскольку на это требовалось больше недели, Чарлз в последний раз сел за стол еще на старом месте, в доме по Аппер-Гауэр-стрит, и написал статью о влиянии ледников на характер местности Северного Уэльса. В ней он признавал, что ледники там в самом деле существовали, но все же утверждал, что «дороги», или «террасы», в Глен-Рое имеют другое происхождение, которым они обязаны отнюдь не ледниковым запрудам. Статью тут же принял «Лондонский, Эдинбургский и Дублинский философский научный журнал», что весьма обрадовало Дарвина, так как публикация в этом органе наверняка расширила бы круг его читателей. Хорошие новости поступили и из издательства «Смит Элдер энд К°»: на его «Коралловые рифы» вскоре должна появиться серьезная рецензия, что же касается продажи, то, учитывая специальный характер книги, расходилась она неплохо. Издатели сообщали, что с нетерпением ждут выхода другой его книги — о вулканических островах.

Чарлз разобрал свои записи, тщательно рассортировал и упаковал их, прежде чем уложить в ящики. Книги он заботливо обернул старыми газетами. Большинство остававшихся экспонатов он запаковал отдельно. Были, правда, среди них и такие, в которых он больше не нуждался: пакетик с красками, которыми огнеземельцы раскрашивают тело, два копья для добывания рыбы и охоты на черепах, выдр и гуанако и крюк, обнаруженный в теле тихоокеанского дельфина,— их он отослал профессору Генсло для его коллекции раритетов.

После полудня, пока Эмма дремала, Чарлз подводил баланс всех их расходов, записи которых с педантичностью вел круглый год, с сентября по сентябрь. Подытожив сотни накопившихся счетов, он выяснил, что за год проживания в доме № 12 по Аппер-Гауэр-стрит они израсходовали 1062 фунта, или на 67 больше, чем за предыдущий год. Однако их доход тоже увеличился, и в банке на счету лежало теперь 475 фунтов 11 шиллингов. Он внушал себе: каков бы ни был расход по переезду и переустройству Даун-Хауса, они не имеют права тратить на дом ни на фунт больше того, что он зарабатывает. Долги — это проклятье.

Вести, которые они получили из Мэра, были безрадостны. Паралич у дяди Джоза прогрессировал, больной уже

не вставал. Из Шрусбери к нему каждые два-три дня наведывался доктор Дарвин, оказывая посильную помощь. Доктор Холланд запретил Эмме совершить утомительную поездку в Мэр-Холл, и это повергло ее в отчаяние.

Наняв самый большой и удобный экипаж, 14 сентября 1842 года Чарлз отправил Эмму в Даун с Уильямом, которому вот-вот должно было исполниться три года, и полуторагодовалой Энни. Вместе с ними поехали Броуди, шотландская няня, успевшая за это время стать незаменимой; Парсло, которому предстояло руководить переселением, и кухарка Сэлли. Бесси решила, что ей лучше остаться в Лондоне. Несколько дней она находилась рядом с Чарлзом, чтобы заботиться о нем, пока ему приходилось заниматься дюжиной самых разных дел, прежде чем можно будет окончательно вернуть дом его владельцу.

Спальня над гостиной, куда въехала Эмма, была приятной для глаза и удобной, если не считать того, что окна, выходившие на луг, были чересчур малы и пропускали не так уж много света.

Чарлз успокоил жену:

— Не волнуйся. У меня есть свой план перестройки всего крыла. В будущем году к этому времени мы будем буквально залиты светом, а вид на окрестные холмы откроется изумительный!

Третий ребенок Дарвинов, девочка, названная Мэри Элеанор, родился через девять дней после переезда. По счастью, совсем близко — их дома разделяло лишь два поля — жил доктор Эдгар Кокелл, член Королевского хирургического колледжа, купивший в Дауне имение и переехавший из Лондона за два года до них; он встретил Чарлза на деревенской улочке и представился ему: вскоре выяснилось, что у них много общих друзей. Доктор Кокелл пользовался у жителей деревни большим уважением. Чарлз договорился с ним, что он примет роды у Эммы.

Все прошло благополучно, и Эмма мучилась меньше, чем во время двух предыдущих родов. Но Мэри Элеанор с самого начала оказалась болезненным ребенком. Она постоянно плакала и затихала только во сне. Доктор Кокелл отыскал для нее в деревне хорошую молодую кормилицу, но девочка почти не сосала грудь. Роженицу с ребенком каждый день навещал доктор. Но ему так и не удалось установить, что вызывает болезнь девочки.

— Мне что-то тревожно, Чарлз,— поделилась Эмма с мужем.— Она такая бледненькая. И в весе не прибавляет, и личико у нее такое сморщенное. Мне кажется, она ни на мгновение не перестает мучиться.

Чарлз, сидевший подле нее на краю кровати, поцеловал жену в лоб, постарался как-то успокоить:

— Но, дорогая, перемена к лучшему может наступить каждый день.

— Знаешь, Чарлз, я так люблю ее. У нее черты лица моей матери. Я надеялась, что к Мэри перейдут также ее красота и характер.

— Тут неподалеку живет еще один врач. Я приглашу его на консультацию.

Эмме с каждым часом становилось все лучше, но в состоянии ребенка перелома не было. Малышку явно мучило какое-то внутреннее недомогание. Чтобы хоть чем-нибудь занять себя и перестать тревожиться за ребенка, Чарлз весь ушел в работу по дому: он вел переговоры с плотником, владельцем маленькой гостиницы над бакалейной лавкой, где они с Эммой однажды останавливались на ночлег, обмеривал свой кабинет, набрасывал эскизы полок разной высоты для своих книг и выдвижных ящиков для картотеки, которыми плотник занял пространство, остававшееся между дверью и полками; на каждый из ящиков Дарвин сделал соответствующую наклейку.

Эмма наняла еще одну служанку, тринадцатилетнюю Бесси Хардинг, чью семью она в свое время знала в Стаффордшире. Девочка была приветливой по натуре и, чем могла, помогала Броуди в ее делах. Чарлз нанял человека по фамилии Комфорт, который выполнял обязанности садовника и кучера. Он сразу же ликвидировал жалкий огородишко, усеянный осколками кремня, разбил новый на гораздо более подходящем месте и привез перегной, чтобы удобрить землю. Вскоре Чарлз приобрел фаэтон и лошадей, коров и свиней (с которыми управлялся все тот же Комфорт), закупил седло, уздечку, кукурузу, овес и набор садовых ножниц для Комфорта.

Мэри Элеанор умерла, не прожив и месяца. Они похоронили ее на маленьком кладбище рядом с деревенской церковью. Чарлз был сломлен горем, церемония похорон повергла его в ужас. Эмма, напротив, приняла удар с исполненным печали смирением. Именно она принялась утешать мужа:

— Ты будешь неутешен лишь до тех пор, пока на свет не родится другой, здоровый ребенок, а это обязательно произойдет.

ВСЯ ЖИЗНЬ

Высокий маятник в прихожей знай себе отсчитывал минуты и часы, а листки календаря облетали так же быстро, как листья кленов и вязов. Время то неслось стремглав, то стояло на месте, как пересохший ручей.

В самом начале 1844 года Чарлз передал рукопись о вулканических островах издателю. В феврале, вычитав последние листы гранок, он достал свой почти что девятисотстраничный труд по геологии мест, посещенных за время плавания на «Бигле», и записи, делавшиеся им чернилами на листках размером восемь на десять дюймов на борту судна.

— Да тут хватит на полторы книги! — воскликнул Дарвин.— Материал необходимо как следует скомпоновать.

Он перелистал страницы, затем отложил папки в сторону.

— Пока что начинать работу еще слишком рано,— пояснил он Эмме, собиравшейся, по обыкновению, играть для него на рояле в течение часа немецкие песни,— мне нужна передышка между двумя книгами.

— К чему спешить,— сказала она, опуская пальцы на клавиши.— У тебя хватит времени не на одну, а на дюжины книг.

Чарлз ничего не говорил Эмме о том, как ему не терпится вернуться к прерванной работе о трансмутации видов. С тех пор как летом 1842 года в Мэр-Холле был закончен тридцатипятистраничный набросок, надежно запертый в ящике письменного стола, он не написал больше ни строчки. На этот раз Дарвин мечтал создать целую книгу, основывавшуюся не только на его собственных наблюдениях во время кругосветного плавания, но и на сравнительном анализе данных естественных наук, которым он занимался уже семь лет. Об этом немного знал Лайель, как и

кузен Фокс. Не так давно Дарвин нашел и нового друга, которому счел возможным довериться,— совсем еще молодого человека Джозефа Гукера.

Их познакомил доктор Роберт Маккормик незадолго до отплытия Гукера в качестве ботаника на судне «Эребус». Он отсутствовал почти четыре года, прислав Чарлзу письмо с описанием своей с каждым днем разраставшейся коллекции. Дарвин считал, что у его юного друга — Гукер был на восемь лет моложе — есть все данные, чтобы стать первоклассным ботаником и натуралистом: работоспособность, преданность делу и глубокое проникновение в его суть. После возвращения Гукера из плавания они успели обменяться письмами: Чарлз настойчиво побуждал его составить подробнейшее описание всех растений и цветов, собранных во время путешествия.

11 января 1844 года, когда он вновь засел за работу о видах, Чарлз открыто признался Гукеру: «С самого первого дня моего прибытия в Англию я занимаюсь одним делом, что не только самонадеянно с моей стороны, но и весьма глупо, как это признали бы все вокруг. В свое время я был так поражен распространением живых существ на Галапагосах и характером обнаруженных мною в Южной Америке млекопитающих, что решил собирать, пусть даже вслепую, любые факты, которые имеют хотя бы малейшее отношение к вопросу о том, что же такое виды. Я прочел груды книг по сельскому хозяйству и цветоводству. Луч света наконец-то забрезжил, и теперь (в противоположность тому, в чем я был убежден в начале своих исследований) я почти уверен, что виды не являются (это все равно что признание в убийстве!) неизменными и неизменяемыми... Я полагаю, что нашел (вот она, самонадеянность!) простейший путь, объясняющий, как виды могут удачно приспосабливаться к тем или иным задачам. Сейчас вы заскрежещете зубами и воскликнете про себя: «И на такого человека я потерял столько времени, столько раз писал ему!» Что ж, пять лет назад и я подумал бы точно так же».

В конце месяца он получил от Джозефа Гукера обнадеживающий ответ: «Что касается растительности, то в давние времена она с несомненностью весьма отличалась в тех же самых местах от нынешней... По моему мнению, речь могла идти о появлении в разных местах целого ряда новых форм, а также о постепенном изменении видов. Я с удовольствием желал бы услышать вашу точку зрения о природе этих изменений, поскольку ни один из нынешних взглядов на сей предмет меня не устраивает».

Перечитав всю имеющуюся литературу, Чарлз узнал, что еще в 1749 году французский натуралист Бюффон подсчитал:

возраст Земли может составлять семьдесят тысяч лет. В 1755 году немецкий философ Иммануил Кант высказал предположение, что Земля могла существовать не тысячи, а миллионы лет. Ни тот, ни другой, впрочем, даже не пытались подтвердить свои предположения фактами. Первый, кто выступил с обоснованием эволюционных изменений в природе, был французский натуралист Ламарк: в 1809 году он изложил свою теорию изменений всего живого — от растений до животных и человека. О теории Ламарка Дарвин впервые услыхал от своих профессоров в Музее естественной истории Эдинбургского университета. Но ошибка француза, как уже давно понял Чарлз, состояла в том, что он относил эволюцию за счет естественного инстинкта, заложенного во всех организмах как неизбежное стремление к совершенствованию своего собственного вида.

В холодные и вьюжные месяцы, январь и февраль, Эмма вслух читала Чарлзу романы шведской писательницы Фредерики Бремер и выдержки из писем лорда Честерфилда. К тридцатипятилетию она подарила ему «Конституционную историю Англии» Генри Холлама. К пятой годовщине их свадьбы он преподнес ей необычайно красиво изданные романы Вальтера Скотта из серии «Уэверли», но упросил жену избавить его от большого семейного торжественного обеда. Пригласить не всех, а только некоторых было невозможно, и поэтому за обеденным столом кроме них были лишь двое старших детей, не считая лежавшей в своей кроватке четырехмесячной Генриетты *. Парсло разложил самые лучшие серебряные приборы, постелил парадную льняную скатерть и поставил веджвудовский сервиз. Сэлли два дня трудилась на кухне над праздничным обедом — прозрачный суп, суфле из креветок, цыплята а ля Маренго, телячий ростбиф с мятным соусом, молодой картофель с маслом, ананасы и рис. Они были едва в состоянии отведать каждое из блюд. Сэлли испекла также фирменный кекс-данди со смородиной, рубленым изюмом и цукатами, мускатным орехом, бренди и миндалем.

— Целых два часа смешивала и пекла,— произнесла она с гордостью.— Но может, и вправду стоило повозиться.

Между засахаренными миндалинами были вставлены шесть свечей.

— Одна на прибавление семейства,— еле слышно проговорила Эмма.— Полагаю, что так оно и будет. Трое детей для нас явно недостаточно. Правда, мне не мешает передохнуть годик-другой.

---

* Третья дочь в семье Дарвинов.— *Прим. пер.*

Чарлз взял ее ладонь в свои.

— До чего это жестоко, что женщине достаются все мучения, а мужчина не может взять полагающейся ему доли!

— К тебе, мой родной, это не относится. Мучения, которые ты испытываешь во время моих родов, столь же сильны, как и мои.

Она взглянула на Уильяма, Энни и Генриетту.

— Как согревают они наши сердца!

У Фэнни Веджвуд вот-вот должен был появиться шестой ребенок, и Эмма попросила у мужа разрешения взять пятерых ее детей к ним в Даун-Хаус.

— Дорогая, эти пятеро не только твои племянники и племянницы, но и мои тоже — ведь как-никак моя мать из Веджвудов.

Генслей прислал весь свой выводок в большой карете в сопровождении гувернантки. Уильям и Энни были счастливы, когда разом заполучили столько товарищей для игр. В хорошую погоду они выбегали из всех дверей в своих шерстяных шарфах и вязаных шапочках и резвились вокруг раскидистой шелковицы прямо под новым окном, весьма кстати повторяя слова песенки: «Мы хоровод свой водим вкруг шелковицы той». Когда же погода не позволяла гулять на воздухе, Эмма устраивала для них игры в комнате наверху. Здесь она убедилась, сколь добротно построено старое здание. От визга, криков и смеха семерых детей, играющих в «Ну-ка, Дженкинс», когда требовалось определить, в чьем кулаке зажат стеклянный шарик, и в «Змеи и лестницы», когда на доске подбрасывали два кубика, от положения которых зависело, продвинется ли бросавший вверх по «лестнице» или же, угодив в «змею», должен будет спускаться вниз, сотрясалась мебель, полы и стены игровой, а в остальную часть дома при этом не доносилось ни звука.

Чарлз не возражал против ералаша в коридорах и комнатах. И он, и Эмма, бывало, неделями, а то и месяцами гостя у своих тетушек и дядюшек, точно так же жили и играли вместе со своими кузинами и кузенами. Его приводила в восторг смена эмоций, столь ясно отражавшаяся на лицах его собственных детей и гостивших у них в доме младших Веджвудов. Ко всем своим друзьям он обращается с просьбой понаблюдать за своими маленькими и прислать ему результаты этих наблюдений. Папка с заметками становится все более пухлой, затем Дарвин заинтересовался поведением животных. Разве в животном мире не существует эмоций? Удовольствие от еды и подвижных игр, привязанность к хозяевам и прислуге, к себе подобным, настороженность в ожидании нападения, страх, боль? Он начинает описывать реакции животных, которые ему удавалось наблю-

дать во время стоянок «Бигля», а затем в лоидонском зоопарке, разыскивает рассказы о животных в своей библиотеке. Материала набралось порядочио, но из писавших никто не занимался до сих пор исследоваиием причии или установлеиием граииц эмоциональных реакций животных. Он был уверен: собранный им материал иа многое может пролить свет: возможио даже, что между эмоциями детей и животиых существует определеииая связь.

Его работа о происхождеиии видов между тем продвигалась. Он вел записи на чем попало, иногда разделяя большие листы иа три колоики. Писал он только по памяти. Сохранив прежиие наимеиования разделов своего наброска, закоичениого в Мэр-Холле, ои с каждым дием все глубже проникал в материал, захватывая все более широкие пласты. К первой главе Дарвин добавил: «...Воздействие внешиих условий на размеры, окраску и форму, которое редко и притом в весьма смазанном виде может быть прослежеио в пределах одного поколения, стаиовится ясио видимым через несколько поколеиий: иезиачительиые отличия, часто едва поддающиеся описаиию, которые характеризуют породы разиых стран или даже отдельиых регионов в той же самой стране, и объясияются, по всей видимости, этим длительиым воздействием.

...Так как разные человеческие расы хотят видеть у своих домашиих животных разные качества, которыми они восхищаются, то каждая из иих тем самым, пусть иеосозианно, занимается постепеииым выведением отличной от других породы».

Расширил ои и вторую главу, записав: «В одиой из своих работ Декандоль весьма верно подметил, что вся природа находится в состояиии войны: один оргаиизм сражается с другим или с виешиими силами. Лицезрея мириый лик природы, в этом виачале сильно сомиеваешься, ио по зрелому размышлению иеизбежио приходишь к выводу, что это, увы, так и есть. Войиа эта, одиако, ие иосит постояниого характера: в ослаблеином виде оиа возобиовляется через короткие промежутки времеии, а в более суровой форме — через промежутки более длительные, так что ее последствий легко и ие заметить. Это и есть доктриа Мальтуса, только применимая в большиистве случаев с десятикратной силой... Даже медлеино размиожающееся человечество и то удвоилось за двадцать пять лет, и если бы оно могло без особеиных усилий увеличить количество потребляемой пищи, это удвоеиие произошло бы еще скорее. Но для животных, при отсутствии каких-либо искусствеииых средств, в среднем количество пищи для каждого вида должио находиться на постоянном уровне; в то же время числеииость особей имеет теидеицию возрастать в геометрической прогрессии и в подавляющем боль-

шииstве случаев ее знаменатель выражается огромиой величииой...»

Тут же ои добавил: «Все, что рождается, рождается для того, чтобы есть и быть съедеииым».

В коице марта склоиы вокруг Дауи-Хауса покрылись бледиоголубыми фиалками. Повсюду цвели примулы. В окрестиых рощицах, где гуляла семья Дарвииов, среди деревьев в изобилии цвели аиемоиы и белая звездчатка. Луга расцветились колокольчиками. Появились жавороики, ие редкостью были и соловьи; большое количество голубей иаполиило леса своим воркованьем.

— Напоминает мурлыкаиье кошки,— заметила Эмма.

Оиа взяла мужа под руку:

— Помиишь, Чарлз, какой пустыииой казалась здешияя земля, когда мы только купили дом. С иашей стороиы это было почти актом отчаяиия. А сейчас мие кажется, что это самое прекрасиое место иа свете.

Все вокруг Дауна цвело. На тропиикax им встречалось теперь куда больше народу, местные жители приветствовали их дружелюбно и радушио. Семейство Дарвииов прииял́о иесколько приглашеиий к обеду, и Чарлз был счастлив, что у Эммы появились здесь первые зиакомые.

В апреле Чарлз высадил лилии, дельфиииум, портулак, вербеиу и газаиии — «как по иауке, так и без оиой». Рядом с иим трудился и Комфорт. В теплую июиьскую погоду оии выходили посидеть иа скамейках за домом под окиами гостиной. Кент славился своими розово-пурпурными закатами. В этот час Парсло подавал чай, и тогда к взрослым присоединялись дети, чтобы отведать пирога с красиой смородииой.

К 4 июля Чарлз написал уже почти сто девяносто страниц трактата о видах. К прежиим формулировкам прибавились иовые иаблюдеиия и выводы.

«...До чего же интересиыми стаиовятся иистиикты, когда мы задаемся вопросом об их происхождеиии. Что это — передаииые по иаследству привычки или слегка видоизмеиеииые прежиие иистиикты, увековечеииые в отдельиых особях и ставшие врождеииыми? Когда любой сложиый иистиикт мы рассматриваем как суммариое выражение длиииого ряда приспособлеиий, каждое из которых прииосит иесомиеииую пользу его обладателю, это почти то же самое, что и механическое изобретеиие, являющееся суммариым выражеиием труда, опыта, разума и даже ошибок миогочислеииых мастеров...

Ибо во всем этом мы видим иеизбежные последствия одиого великого закоиа размиожения органических существ, ие создаииых иеизмеииыми...»

Хотя, сидя у себя в укромном уголке, он испытывал небывалый прилив сил, но все же решил: «Я не стану публиковать работу в ее нынешнем виде, однако сохранить ее на случай своей смерти я обязан. Что заставляет меня думать о смерти — и как раз сейчас, когда уже столько месяцев подряд я так хорошо себя чувствую? Что ж, все мы смертны. Не столь уж редко у нас в Англии люди ложатся спать на этом свете, чтобы проснуться уже на том.

Не знаю, догадывается ли Эмма, чем именно я занимаюсь с начала года. Вероятно, да. Женщины всеведущи, когда речь идет о такого рода вещах. Но как бы то ни было, в один прекрасный день ей придется узнать, потому что эту рукопись я должен буду доверить именно ей».

На следующее утро в восемь часов он устроился поудобнее в своем кресле и, положив на подлокотники обитую материей дощечку, принялся за письмо Эмме, «держа курс на свет вулкана», как говорили на «Бигле» в таких ситуациях.

«Я только что завершил набросок своей теории видов. Если со временем она, как я верю, будет признана пусть всего одним компетентным судьей, в науке будет сделан значительный шаг вперед.

Вот почему на случай своей неожиданной кончины я и пишу это. Моя серьезная и самая последняя просьба к тебе, а я знаю, что ты отнесешься к ней так же, как если бы она была юридически оформлена в моем завещании,— выделить 400 фунтов стерлингов на публикацию этого труда и затем, самой или через посредство Генслея, приложить все усилия для его распространения. Я желаю, чтобы мой труд попал в руки какого-нибудь компетентного лица и указанная выше сумма могла побудить его улучшить и расширить мою работу... Я просил бы также, чтобы этому лицу были переданы все вырезки, разложенные примерно по восьми или десяти папкам из оберточной бумаги. Что касается редактора, то лучше всего было бы привлечь для этого дела мистера Лайеля, если бы он согласился, особенно при содействии Гукера...»

Он положил письмо в ящик стола, открыть который надлежало только после его смерти: сюда же он намеревался поместить свои последние распоряжения и завещание. Затем, взяв рукопись, Дарвин отвез ее писцу по имени Флетчер, который должен был переписать ее набело, не слишком задумываясь над тем, что именно ему поручили переписать.

Чарлз был занят работой, Эмма — детьми. Уильяму исполнилось уже четыре, Энни — три, а Генриетте, которую они звали просто Этти,— девять месяцев от роду. Хотя и Эмма, и Чарлз воспитывались в семьях, где детей не наказывали ни за

ошнбки, ин за шалости, во миогих (слишком миогих!) аиглийских домах няньки н гувериаитки были злобиыми садистами, вымещавшими собствеиные иеудачи и беды иа своих подопечиых, которых оии избнвали, запирали в шкафах или темиых комиатах. Когда у Дарвииов родился их первенец, Эмма поклялась:

— С иашнми малышами иичего похожего ие будет.

Дием оиа часто заходила в игровую, рассказывала им разиые историн или читала вслух. Малютку Эттн приносили в комиатушку рядом с кухней, где ее поочередио баловали то Сэлли, то Парсло, то Броуди.

Несмотря иа опыт, приобретеииый в течеиие миогих лет, иачиная с экскурсий в окрестиые болота в Кембридже н коичая собираиием коллекций растений во время путешествия иа «Бнгле», Чарлз по-прежиему считал себя всего лишь ботаииком-любителем. С этим пробелом иадо было покоичить как можио скорее: ведь обосиоваиие эволюции видов в зиачительиой степеии строилось иа прнмерах из жизии растительиого мира. Поскольку, по его миению, Джозеф Гукер был самым даровитым из молодых аиглийских ботаииков, Дарвии решил обратиться к иему за помощью.

Ои попросил Эразма пригласить Гукера к себе домой иа Парк-стрит к завтраку. Эразм вызвал кухарку пораиьше, и оиа подала почки иа вертеле, бекои, яичиицу, салат и клубиику. Сам хозяии был чересчур соииым, чтобы присоедиииться к своим гостям, и, кроме того, все равио большей частью ие мог поиять, о чем оии ведут речь. Извиииввшись, ои ушел досыпать. Покоичив с едой, Чарлз и Гукер перешли из малеиькой столовой в гостииую.

Несмотря иа всего лишь восьмилетиюю разиицу в возрасте, Гукер, казалось, прииадлежал к более молодому, чем Чарлз, поколеиию. Ои носнл очкн в стальной оправе, дужки которых скрывались в чериых густых волосах, разделеииых аккуратиым пробором и скромио зачесаииых иазад. За время плаваиия иа «Эребусе» ои отрастил широкие длиииые бакеибарды, лицо его стало более худым и похожим иа лица с картии Эль Греко, хотя в глазах и ие таилась печаль, а горел жадиый иитерес к любимому предмету. Портрет дополияла большая ямочка на подбородке. В общем, ои выглядел простоватым по сравиеиию с другими учеиыми, которых знал Чарлз.

Больше всего Гукер походил иа студеита, готовящегося стать учеиым. И одет ои был соответствеиио. Джозеф отличался хрупким телосложеиием — туберкулез в их семье был наследствеииым. В детстве его изывали «Вороиа Джо» из-за постояииой хрипоты от бесконечиых броихитов. Одиако ои прекрасио

перенес долгое и трудиое плавание иа «Эребусе». Впервые у Чарлза был друг моложе его. Все другие — Геисло, Седжвик, Лайель — были кто иа десять, кто иа четыриадцать лет старше, так же как н авторы вышедшей под его редакцией «Зоологии». Общеиие с Гукером действовало иа иего освежающе. Оии проговорили о ботаиике целое утро. У Гукера оба деда по отцовской и по материиской лииии интересовались или занимались ботаиикой. Ребеиком ои собирал мох, как Чарлз собирал жуков: возвращаясь домой из своих ботаиических походов, Джозеф выкладывал во дворе макеты гор из валявшихся камией н располагал иа иих собраниый мох в той последовательиости, в какой ои встречался ему в естествеииых условиях.

— Так зародилась во мие любовь к географической ботаиике,— призиался ои Чарлзу, когда, перейдя в гостнную Эразма, оии уселись иа покрытую дорогим чехлом софу.— Я ие стремлюсь к завоеваиию популяриости среди совремеиииков, да н не мог бы отдавать свои силы этому нскусству просто потому, что мие ие позволяет здоровье. Признаюсь, что страдаю от иервиой раздражительиости, которая сказывается иа сердце: еще в детстве у меия иачиналось сердцебиеиие, как только требовалось идти к доске делать ситаксический разбор.

Про себя Чарлз подумал: «Это замечательный товарнщ, и у иего доброе сердце. Сразу видио, что ои благороден от природы. К тому же обладает острым умом и несомненной способиостью к обобщениям».

Чарлз зиал, что в свое время Лайель послал Гукеру экземпляр его «Дневиика», и тот ответнл ему: «Это поистиие великодушиый дар. Кинга уже зачитаиа почти до дыр, потому что ее берут у меия иарасхват все офицеры иа корабле».

Матерн он писал: «Облака лн иад иами или тумаи вокруг, дождь ли идет или падает сиег — все это совершенио так, как описывает Дарвии. Его замечаиия столь правдивы, столь выразительны, что, где бы мы ии плыли, великолепиый подарок Лайеля остается ие только моей иастольиой, ио и самой любимой кингой — спутииком и путеводнтелем».

Ои рассказал Дарвиину, что ему почти отказали в месте ботаника иа «Эребусе», когда капитаи Росс заявил, что им «иужеи иа судие кто-нибудь столь же популяриый в учеиом мире, как мистер Дарвии».

— Я тут же прервал его, заметив: «А кем был этот ваш мистер Дарвии, прежде чем отправнться в плаваиие? Да, он, иадо полагать, зиал свой предмет лучше, чем зиаю сейчас я, но зиал ли его иаучиый мир? Нет, ои создал себе имя после плаваиия с капитаиом Фицроем...»

Они не смогли прийти к согласию только дважды, и оба раза спор был весьма бурным. Так, когда Чарлз высказал предположение, что превратившиеся в пласты угля растения жили когда-то в морском мелководье, Гукер решительно запротестовал. Чарлз со своей стороны с презрением обрушился на концепцию Гукера, согласно которой между Австралией и Южной Америкой в прошлом должен был находиться континент. Оба они весьма скоро сменили гнев на милость и принялись хохотать над собственной нетерпимостью.

— Лучше уж пусть будет так,— сказал Чарлз.— Сейчас мы убедились, что не станем соглашаться друг с другом из простой вежливости и пережевывать комплименты. Это была бы какая-то каша, а нам по зубам — ростбиф с кровью.

Благодаря постоянным подталкиваниям Лайеля Дарвин значительно продвинулся в работе над своими геологическими исследованиями Южной Америки. Все это время он продолжал много, но беспорядочно читать: тут были книги об охоте на оленей и ловле лососей, о гигантском вымершем ленивце и по философии естественной истории, по сельскому хозяйству и линнеевские «Размышления об изучении природы», которые он расценил как «пустое место». Заметки и выдержки он раскладывал по десяткам соответствующих ячеек своей картотеки.

После того как с ремонтом и расширением Даун-Хауса было покончено, Дарвин вызвал представителя страховой компании «Сан иншуранс офис лимитед», чтобы осмотреть имение, прежде чем выписать полис. Его годовой взнос составил четыре фунта шестнадцать шиллингов от суммы в 2100 фунтов стерлингов.

В очередную поездку в Лондон он обедал у Лайелей. Лайель только что сдал в типографию новую книгу — «Путешествия по Северной Америке».

— Интересная все-таки страна — эти Штаты,— заметил он.— Люди там очень жизнерадостны и так и сыплют анекдотами.

— Я помню это по встрече с американскими моряками, которые снабдили «Бигль» свежей водой и провиантом, когда у нас иссякли последние запасы. Невероятно щедрый народ.

— Да. И в массе своей те, кто активно участвует в политической жизни, лет на пятнадцать — двадцать моложе, чем у нас или в Европе. Удивительно, как мало знают в Англии о том, что там происходит, а между тем у них есть так много стоящего, чтобы перенять, и не меньше — чтобы отвергнуть. Вам с Эммой надо бы съездить в Северную Америку: после издания «Дневника» теплый прием вам гарантирован.

Чарлз в притворном ужасе воздел руки к небу:

— Что, снова пересекать Атлантический океан?

Начав затем обсуждать геологию Соединенных Штатов, они перешли к чарлзовым «Геологическим наблюдениям над Южной Америкой», шестьдесят страниц которых были к тому времени уже написаны. Дарвин признался Лайелю:

— У меня такое чувство, что вы — соавтор моих книг. Я всегда считал величайшим достоинством ваших «Основ» то, что они меняют образ мысли таким образом: когда сталкиваешься с новым явлением, которое вы не могли наблюдать, смотришь на него отчасти вашими глазами.

— Будьте осторожны, дорогой мой Дарвин. Ведь в один прекрасный день, особенно после публикации вашей книги о происхождении видов, какой-нибудь молодой ученый наверняка бросит вам в лицо тот же очаровательный комплимент.

Чарлз не стал говорить Лайелю, что не намерен публиковать свою книгу о видах. Да, он будет упорно над ней работать и соберет все исчерпывающие свидетельства по столь широкому кругу естественных наук, чтобы выводы его теории были неопровержимыми. Но с официальной идеологией он не собирается связываться: всякого, кто посягнул бы на откровения Библии, не станут увещевать с помощью логики или разума. Нет, против него обратят «веру, которая выше всякого понимания». Отказаться от своего труда из-за страха перед таким приемом значило бы проявить малодушие. Он закончит свой труд, даже если на это уйдет вся жизнь, и договорится о его посмертном издании... И пусть тогда бушует любой ураган.

По какой-то неведомой ему причине издание книги о вулканических островах отложили до ноября, хотя с версткой уже давно ознакомились и сам Лайель, и отец его жены Леонард Хорнер, отозвавшийся о работе весьма лестно. Прочтя отзыв, Чарлз сказал Эмме:

— Если хотя бы треть того, что пишет Хорнер, правда, а не продиктовано его пристрастием ко мне, то я могу гордиться своим томиком.

Хорнеру он писал: «Хотя работа и небольшая, она стоила мне уймы времени. Удовольствие от наблюдений целиком окупает себя. Но не писательство! Оно предполагает хоть какую-нибудь надежду на конечную пользу от твоего труда, ради которой стоило бы корпеть над моим отвратительным английским языком, чтобы сделать его чуточку лучше».

Эмма пришла в ужас.

— Как «отвратительный английский»? Специальная терми-

нология — да, но это совсем другое дело. Не забывай, прошу тебя, что я сказала, когда прочла твои «Коралловые рифы». Я назвала тебя поэтом и была бы весьма тебе признательна, если бы ты всегда помнил об этом.

— Постараюсь,— ответил он кротко, явно довольный тем, как заблестели ее глаза.

Вскоре после этого разговора, в октябре 1844 года, Англия заговорила о книге под названием «Следы естественной истории сотворения мира». Она была напечатана анонимно. Дарвин ходил мрачнее тучи. Неужели анонимный автор каким-то образом ознакомился с его рукописью? Чепуха! Даже то, что «Следы» (как сокращенно называли вышедшую книгу) сразу же разругали, нисколько его не утешило. Один из критиков сравнил ее с опытной уличной девкой. Хотя, писал он, пение ее может быть столь же сладкоголосым, как у сирены, сама она являет собой «грязное и порочное существо, чье прикосновение заразно, а дыхание тлетворно». «Научный ежеквартальник» обрушился на книгу как на отъявленную ересь; «Атеней» отнес ее к числу таких же надувательств, как алхимия, астрология, колдовство, месмеризм и френология.

Дарвин прочел книгу с карандашом в руке, составив подробный список вопросов и замечаний по тексту. «Следы», считал он, в целом неплохо написаны, хотя разделы геологии и особенно зоологии ниже всякой критики. Его и забавляло, и ужасало, что авторство книги, среди прочих, приписывалось также и ему. Своим друзьям в Лондоне он заявил:

— Я должен быть столько же польщен, сколько и уязвлен.

Между тем «Следы» продолжали читать с жадностью, главным образом благодаря радикальности взгляда на естественную эволюцию. Но именно это и вызывало оскорбительные замечания по поводу книги. Большинство из них, по мнению Дарвина, были совершенно неуместными, но острота самой реакции его нисколько не удивляла.

— Книга, конечно, слабая и неубедительная,— заметил Чарлз в разговоре с Гукером, который приехал навестить его в Даун-Хаусе в начале декабря, захватив с собой первую часть своей новой книги «Флора Антарктики».— Автор страдает теми же пороками, что и мой дед в своей «Зоономии». Чувствуется, что ни тот, ни другой не занимались самостоятельными исследованиями, не вели наблюдений за природой, как делал это я на «Бигле». С другой стороны, оба прочли всю имевшуюся в их распоряжении литературу. Так что «Следы» — тоже плод кабинетного творчества.

— Не знаю, лично меня они больше позабавили, чем взволновали,— ответил Гукер.

— Вы правы,— согласнлся Чарлз.— Представленне о том, что рыба превращается в пресмыкающееся, и в самом деле смехотворно.

Немиого поколебавшнсь, Дарвни прниял смелое решеиие.

— Дорогой мой Гукер! У меня нмеется собственная рукопись, страниц на двести тридцать, об эволюцни видов. Ее никто не вндел, кроме переписчнка. Не хотнте лн вы с ней познакомиться? Тогда можно будет сравннть ее со «Следамн». Я знаю, что могу рассчитывать иа ваше благоразумие.

— О да, безусловно.

Гукер чнтал рукопнсь, запершнсь в кабиiете Чарлза. На следующнй день в полдень онн отправнлись в дальиюю прогулку. Первым заговорнл Гукер — голос его звучал вежливо, но твердо.

— Особенно по душе мне прншлнсь те прнмеры, которые взяты из моей области. То место, иапример, где вы пншете: «Может лн кто-нибудь утверждать, что еслн огородничество н цветоводство будут процветать еще несколько столетнй, то у нас не появятся миогочнсленные новые сорта картофеля и георгннов?..»

— А мон принцнпы отбора, постепенное появлеиие иовых вндов, вымираиие старых — что вы думаете обо всем этом?

Гукер иабрал в легкне побольше воздуха.

— Я согласен с вашнмн предположеннямн... до известной степенн. Вы безусловно правы, говоря о бесконечной нзменчнвостн вндов, о способах их передвижеиия н расселення. Я прииимаю и взаимосвязанность отдельных вндов, их родство с нскопаемыми предшественннками. Но когда я добнраюсь до главного вопроса о превращеннн одного внда в другой, то здесь вашн аргумеиты меня не убеждают.

Солнце постепенно угасало на знмнем небе, н Чарлз потуже затянул на шее шерстяиой шарф.

— Ннчего, дорогой мой. Придет время — н вы убеднтесь.

Онн повериулн обратно к дому, где в гостнной вовсю полыхал камнн н Эмма ждала нх с чаем.

Наступнл новый, 1845 год. Выяснилось, что Эмма снова беременна. 13 февраля она отправилась в Мэр повндаться с матерью н сестрамн, оставнв Чарлза дома с тремя детьмн. Погода стояла такая сырая и туманная, что нграть можно было только в комиатах. Целые часы Чарлз проводнл с ннмн за нгрой в снап с двумя колодамн карт нлн вознлся с Эттн. Иногда, когда детн начннали слншком уж шуметь, прыгать на днванах нлн нграть в салки, опрокндывая стулья, Чарлз ворчал:

— Я тоже буду прыгать — от радостн, когда зазвеннт звоиок на обед.

Уильям добавлял:

— А я знаю, когда ты будешь прыгать еще выше: когда мама приедет, вот когда.

Несмотря на нездоровье, к концу апреля он закончил вчерне свои «Геологические наблюдения над Южной Америкой». Тогда же Чарлз в первый раз получил за свои писания приличный гонорар — сто пятьдесят фунтов стерлингов. Их заплатил ему Джон Мэррей, приобретший права на издание его «Дневника изысканий» («Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль») в сериях «Колониальная библиотека» и «Домашняя библиотека».

— Правда, за эти денежки мне придется изрядно попотеть,— сообщил он Эмме.— И Джон, и я — мы оба считаем, что книга выиграет от переработки и сокращений.

Игра в данном случае стоила свеч. Ведь «Дневник» попадал теперь к более широкому кругу читателей: книга должна была стоить всего полкроны. Издание, конечно, не назовешь роскошным: мелкий шрифт, крошечные поля. Жертвовал Мэррей и картами, о чем Чарлз весьма сожалел. Но зато увеличивалось число иллюстраций. Выпуски этой серии пользовались большим спросом. Всем этим Дарвин был обязан Лайелю, под чьим влиянием Мэррей приобрел права на публикацию.

Чарлз, не откладывая, принялся за переделки. Он наполовину сократил описание климата и ледников, но зато добавил многое из жизни аборигенов Огненной Земли. Самым же ценным добавлением, решил он, явилась смягченная, правда, постановка вопроса о вымирании видов. Шесть лет, истекшие с момента первой публикации «Путешествия», не прошли для Дарвина даром. Новое издание в гораздо большей мере, чем прежнее, отражало его веру в эволюцию.

Тем временем в Даун-Хаус собрались приехать супруги Лайель. Чарлз только что получил по почте книгу Лайеля «Путешествие по Северной Америке». Он тут же прочел ее. Его критический взгляд обнаружил в ней прегрешения не только против структуры, но и против морали. К примеру, автор, казалось, довольно терпимо отнесся к рабству. Чарлз так и заявил ему, едва они отправились вдвоем на прогулку в лес. Лайель был поражен. В конце года они с женой снова собирались в Соединенные Штаты, на этот раз на целых девять месяцев, и он обещал Дарвину внимательно отнестись к изучению данной проблемы.

— Послушайте, Дарвин,— обратился он к другу,— моя Мэри самым решительным образом останавливает меня, если я чересчур много работаю. А как Эмма, тоже держит вас в узде?

— Это излишне: с ее обязанностями справляется мой мерзкий кишечник.

Чарлз украдкой бросил взгляд на лицо Лайеля.

— Я знаю, многие из моих друзей думают, что я — ипохондрик.

К этому времени они возвратились в маленькую пристройку к гостиной, выходившую окнами на сад и окрестные луга. Закатившееся летнее солнце оставило на небе целую гамму оттенков — от светло-розового до темно-пурпурного.

Лайель подвинул свой стул поближе к Дарвину:

— Нет, мы вовсе не думаем, что вы, Дарвин, страдаете ипохондрией. Мы только недоумеваем, как это врачи не могут поставить правильного диагноза.

— Как и я сам!

Вскоре после отъезда Лайелей в Лондон Эмма разрешилась от бремени: Джордж Говард Дарвин, их второй сын, родился 9 июля 1845 года. На этот раз Эмма долго не могла оправиться после родов. Чарлз был с нею столь же нежен, как она бывала терпелива с ним во время его приступов. Оба они души не чаяли в своем пухленьком младенце, а сколько было радости, когда Эмма снова смогла гулять с Чарлзом в саду и в лесу!

В июле, сентябре и октябре Джон Мэррей выпустил «Путешествие на «Бигле» тремя отдельными частями. Читатели хорошо их встретили. После этого он отдал в переплет пять тысяч экземпляров всей книги целиком. А ведь в свое время другому издателю, Колберну, понадобилось почти четыре года, чтобы распродать всего полторы тысячи.

— Что касается количества, то это настоящий скачок,— воскликнул Чарлз, добавив не без некоторой горечи: — Правда, в анонсе серия была названа «дешевой». Лучше бы уж выбрали другое слово — скажем, «недорогая».

В Лондон Чарлз поехал, чтобы походить по книжным лавкам и пообедать с Лайелем в «Атенеуме». Выбрав столик в самом дальнем углу, они удобно расположились у окна на обитых кожей стульях.

— А ведь все это время я не переставал читать и собирать факты для доказательства видоизменения одомашненных животных и растений,— рассказал Чарлз.— По вопросу о видах у меня накопилось множество фактов. Мне кажется, что теперь я могу сделать обоснованные выводы.

— О том, что все виды способны изменяться и что изменения эти происходят на протяжении тысячелетий?

— Да. И что родственные виды происходят от общих предков.

— И вы все еще не надумали обнародовать свою теорию?

— Нет. Во всяком случае, это будет не скоро... если будет вообще. Я занимаюсь видами уже девять лет, и никогда ничто не доставляло мне такого удовольствия.

На лбу Лайеля резче обозначились морщины.

— Удовольствия, говорите? Вы уверены в этом? — Допив бокал белого рейнского вина, он задал еще один вопрос: — А как относится Эмма к этой вашей атаке на божественное откровение?

Чарлз задумался. Отвечая, он тщательно взвешивал каждое слово.

— Она, должно быть, догадывается о том, чем именно я занят, потому что видит весь этот нескончаемый поток писем, специальных журналов и книг от селекционеров, ботаников, зоологов... Я-то все-таки геолог! Но она ничего не говорит, а сам я никогда не завожу речи об этом предмете.

Во время очередного однодневного наезда в Лондон он узнал, что капитана Фицроя, посланного около двух лет назад английским губернатором в Новую Зеландию, отозвали, так как он не сумел наладить отношений с поселенцами. Это была не единственная огорчительная для него новость. И в уединении сельской жизни, ежедневно читая лондонскую «Таймс», Чарлз был осведомлен о том, что Англия давно уже не переживала столь трудных времен. За последние сто лет заработки никогда еще не падали так низко. Ненавистные Хлебные законы *, против которых выступали Дарвины и Веджвуды, сохраняли такие неимоверно высокие пошлины на зерно, что его ввоз практически прекратился, в результате чего цены на хлеб в стране резко подскочили. Бедняков охватила настоящая паника: не хватало денег, чтобы прокормить семью. Из-за промышленной революции резко сократилось сельскохозяйственное производство. Фермеры, особенно молодежь, бежали из деревни в город, чтобы иметь возможность хоть как-то заработать на жизнь на заводах и фабриках. В придачу год выдался неурожайным для зерновых, а картофель почти полностью погиб из-за грибка. На примере собственного огорода Чарлз убедился, что большая часть картофеля сгнила.

---

* Общее название законов, регулировавших до 1846 года ввоз и вывоз зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Охраняя интересы английских землевладельцев, они ухудшали положение народа, особенно в период «голодных» сороковых годов.— *Прим. пер.*

— Что же мы посаднм в будущем году? — сокрушалась Эмма.— Ведь так у нас не останется ни одной семенной картофелнны.

— Я накопал немного хорошей. Сегодня насушу в печке песок — картошку мы будем храннть в корзннах с песком.

Он не стал говорнть жене, мало ннтересовавшейся газетнымн новостямн, что, по мненню некоторых обозревателей, страна никогда еще не была столь блнзка к революцнн. Джону Генсло он писал:

«Мой садовннк жаловался мне, что, когда цена на муку снова поднялась, его семье пршшлось тратнть на выпечку хлеба на пятнадцать пенсов больше, чем раньше,— нз тех двенадцатн шнллингов, которые он получает в неделю. Это прнмерно то же самое, как еслн бы одному из нас, скажем, прншлось дополнительно платнть за хлеб девяносто или сто фунтов стерлннгов. Этн проклятые Хлебные законы иужио поскорее вышвырнуть на свалку».

Знма выдалась мрачная. Весной Хлебные законы отмеиили. Чарлз запнсал: «Порча картофеля прнвела к тому, к чему так и не смоглн прнвестн двадцать лет агитацнн».

В начале 1846 года здоровье матерн Эммы заметно ухудшнлось, и дочь отправнлась в Мэр-Холл, чтобы быть рядом с нею. Как только она вернулась, Чарлз поехал в Маунт навестнть отца, чьн снлы таялн с каждым днем. В конце марта Бессн Веджвуд скончалась.

«Как я благодарна, что смерть ее была такой легкой,— писала Элнзабет.— Вечером я услыхала, как она, по обыкновению, говорнт: «Господн, позволь рабе твоей почнть в мнре». Теперь, я полагаю, пора подумать над тем, чтобы уехать отсюда н продать нмение».

Мысль об этом потрясла Эмму.

— Неужелн Мэр-Холл навсегда уйдет из нашей жнзнн? — застонала она.— Место, где мы выросли, самое прекрасное на земле?

Органнзм доктора Дарвина оказался более выиосливым, чем у тетушкн Бессн. Крнзнс мнновал, н жнзнь в Маунте пошла по заведенному порядку. За отцом продолжалн преданно ухажнвать дочерн — Сюзаи н Кэттн.

Уильяму исполнялось семь лет: прн четырех маленькнх детях в доме решено было оборудовать для ннх в Даун-Хаусе классиую комнату н прнгласнть гувернантку, чтобы заняться нх образованнем.

— С гувернанткой я бы повременил как можно дольше,— предложил Чарлз,— но насчет комнаты я целиком согласен. Надо будет перестроить оба флигеля, а над ними настелить пол для просторного классного помещения. Я хочу, чтобы оно выходило окнами в сад, а рядом была комната для гувернантки.

— Раз уж ты заговорил о переделках,— вставила Эмма,— то учти, Сэлли жалуется, что через кухню должны проходить все, кто ни придет в дом,— посыльный ли это или рабочие. Это ей очень мешает. Нельзя ли заделать старую дверь кирпичом, а новую сделать в другой части кухни со стороны кладовой?

Обдумывая предложение жены, Чарлз принялся массировать брови.

— Кладовая Парсло тоже нуждается в перестройке. Она чересчур тесна, придется добавить ему места. К тому же прежний владелец заделал окно кирпичом, чтобы не платить оконного налога. Надо будет разобрать кирпич и вставить стекло.

— А хватит ли у нас на все это денег?

— С трудом. Но, надеюсь, конклав в Шрусбери не осудит меня за мотовство. Правда, сейчас, когда мы читаем биографию сэра Вальтера Скотта, я иногда склонен думать, что мы, пусть и со скоростью улитки, но все-таки движемся по его стопам — к неминуемому разорению.

Как-то во время одного из визитов Чарлза в Лондон доктор Генри Холланд порекомендовал ему ради укрепления здоровья отказаться от двух ежедневных сигарет и сигары, которую он выкуривал от случая к случаю. В результате Дарвин перешел на нюхательный табак и очень был этому рад: ему казалось, что табак «прочищает мозги» и обостряет восприятие. Теперь он постоянно держал на камине темно-зеленую глиняную табакерку, чтобы до нее легко было дотянуться правой рукой.

— Слишком уж легко ты захотел избавиться от своих болезней! — воскликнула Эмма, когда он снова захворал.— Этот твой табак так же вреден, как и сигареты. Ради меня и самого себя откажись от него на месяц.

Чарлз так и поступил, но при этом то и дело ворчал:

— Злодейка! Заставила меня бросить нюхать табак, и теперь я туп и вял, как сонная муха.

В конце месяца они пошли на мировую.

— Разреши мне оставить табакерку в коридоре! — взмолился Чарлз.— Тогда, чтобы до нее добраться, мне придется сперва снять с подлокотников кресла дощечку для письма, а потом пройти через всю комнату — в общем, причинить себе столько беспокойства, что нюхать табак я буду гораздо реже.

— Втрое реже? Тогда я согласна. Такая малость уж конечно тебе не повредит. Но детям я никогда не открою, что тебе

потребовалось передвинуть предмет вожделения подальше от себя, чтобы бороться с искушением.

В гости к ним приехал Джозеф Гукер, захватив с собой начатую работу. За это время он успел сделаться самым близким другом Чарлза, которому тот поверял самые сокровенные мысли, делясь с ним своими последними открытиями. Гукер выглядел таким бледным и изможденным, что Чарлз не удержался от восклицания:

— Вам следует обзавестись женой, чтобы она не позволяла вам чересчур много работать!

Гукер едва заметно улыбнулся.

— Мне всего двадцать восемь. Вы-то женились только в тридцать! Прежде чем окончательно остепениться, я хотел бы совершить еще одно путешествие.

После того как Гукер уехал к себе в Кью, Чарлз поделился с Эммой:

— Я решил соорудить тропу для прогулок на границе между нашим участком и землями Леббока — наподобие «докторской тропы» в Шрусбери. Мне нужно иметь собственную прогулочную аллею, «тропу раздумий», если хочешь, где я мог бы сам себе задавать вопросы и искать на них ответы. Монографии и книги сперва должны созреть в голове, на бумаге они пишутся потом. Я проложу ее на южной стороне. До середины она будет проходить по открытому полю, а потом свернет в лес за дальним лугом. Получится нечто вроде замкнутого круга. У себя в лесу мы обнаружили песчаную яму, поэтому песка у нас предостаточно. Как только мы с Комфортом окончательно определим трассу, надо будет нанять двух рабочих, чтобы очистить тропу от камней и сорняков, выкорчевать пни, кое-где подровнять и тогда уже засыпать ее песком.

— А что, большой будет эта твоя «мыслительная империя»?

— Ну, скажем, семь-восемь футов в ширину и, вероятно, с треть мили в длину.

Вскоре Чарлз увидел, что для облюбованной им трассы собственной земли за лесом у него не хватает, так что требуется на несколько футов залезть к соседу, сэру Джону Леббоку. Банкир, астроном и математик, он владел большим имением Хай Элмс: полоска земли, о которой шла речь, находилась на отшибе и никак не использовалась, хотя она и увенчивала собой чудесную зеленую долину, куда выгоняли пастись скот. Дарвины и Леббоки были знакомы домами и несколько раз обедали друг у друга. Леди Леббок с особой теплотой относилась к Эмме.

— Я не собираюсь просить об одолжении у соседей,— заявил Чарлз.

— Хорошо, предложи арендовать землю и возобновляй аренду каждый год,— деловым тоном сказала Эмма.

Дарвин тут же отправился в Хай Элмс и изложил свою просьбу относительно песчаной тропы.

— Могу ли я арендовать у вас этот участок? — осведомился он.— Мы, со своей стороны, готовы пойти на любые разумные условия.

— Земля, о которой вы говорите, кажется, принадлежит моей жене,— ответил сэр Джон.— Позвольте мне узнать у нее.

Через два дня Леббок прискакал в Даун-Хаус на своем любимом жеребце. За чаем он сообщил Дарвинам:

— Леди Леббок просит вас распоряжаться этой узенькой полоской земли как вам потребуется. От денег она наотрез отказывается, но я предложил, что было бы лучше, если бы вы вносили чисто символическую арендную плату и не чувствовали себя никому обязанными.

Открытый участок тропы был по указанию Чарлза ряд за рядом обсажен остролистом, орешником, ольхой, липой, грабом, бирючиной и дёреном. В дальнем конце огорода у деревянных воротных столбов, от которых шла высокая живая изгородь, садовник посадил дуб и бук. Здесь брала начало Песчаная тропа, как называли ее в семье, лежавшая между лугами Дарвинов и Леббоков и обнесенная в открытых местах забором, чтобы Чарлз мог укрыться от постороннего взгляда. По его просьбе плотник соорудил в конце открытого участка тропы небольшую летнюю беседку. Отсюда тропа сворачивала в темные лесные заросли. Проходя опушкой, петляя по мху, меж низкорослых растений, она вновь змеилась по просторам полей.

В конце концов, к немалому удовольствию Дарвина, прокладка трассы завершилась. Почва вокруг была плодородной (по существу, нетронутая целина), и он ожидал, что его посадки — изгородь, цветы и деревья быстро пойдут в рост.

— Теперь,— радостно сообщил он Эмме,— мне остается выработать методу подсчета, чтобы точно знать, сколько кругов я сделал, входя в лес.

— А что, нельзя просто ходить, пока не устанешь?

— Это слишком примитивно. Мне нужна формула.

Эмма рассмеялась, но он говорил вполне серьезно.

На том месте, где Песчаная тропа делала поворот в лес, Чарлз выкладывал кремневые камешки — от одного до семи. Каждый из них означал один круг: проходя мимо них, Чарлз отшвыривал последний камешек в сторону, возвращался обратно по светлой стороне, проходил через маленькие ворота в изгороди и шел домой огородом и садом, чтобы сесть за обеденный стол. Чарлз не мог нарадоваться Песчаной тропе

и никогда не пропускал прогулки по ией, каким бы усталым ои себя ии чувствовал.

— Меня озадачивает только одно,— произнесла Эмма, совершая промеиад вместе с мужем.— Каким образом ты заранее определяешь, сколько имеино голышей выкладывать?

— Это зависит от множества факторов,— отвечал Чарлз с иарочито серьезиым видом.— Как когда-то капитаиу Фицрою приходилось учитывать все переменные величииы, чтобы решить, искать ли ему гаваиь и ложиться в дрейф или идти наперекор волиам, так и мне всякий раз надо решать математическое уравнение со многими неизвестиыми. Сколько времеии мне нужно гулять, пока из организма не выйдут все яды, накопившиеся при интеисивиой умствеииой работе? Хорошая ли сегодия погода? Какой запах издавала телячья иога, которую жарила иа кухие Сэлли, когда я выходил из ворот? Видишь, дорогая, с тех пор как я больше не хожу по окрестиостям, скажем, до Кадхэмского леса или до Холмской долииы, мие просто необходима раз и иавсегда заведеииая система. Это дает мне возможность расслабиться и вместе с тем меия дисциплиинирует. Ну что, есть в этом смысл?

— Для тебя безусловио. Что касается меия, то я всегда бываю рада, когда остается последиий камешек.

В сентябре в Саутгемптоие должен был собраться съезд Британской ассоциации, и, решив отправиться туда, Чарлз спросил у Эммы, ие согласилась ли бы оиа его сопровождать. Эмма иа мгиовеиие задумалась, потом спросила:

— А что, можно будет совершить экскурсию в Портсмут и на остров Уайт?..

К своей радости, они застали в Саутгемптоие Лайелей и Леоиарда Джениися, преподиесшего Чарлзу экземпляр своей только что вышедшей киига «Наблюдеиия иад естествеииой историей». Встретился Чарлз и с иекоторыми из друзей по Эдинбургу, с группой иатуралистов из Ирлаидии. Те, кто жил иеподалеку, показывали Дарвинам местиые достопримечательиости и иаперебой приглашали иа званые обеды, проходившие обычио в иаучиых спорах. Как-то раз, когда очередиое выступлеиие иа съезде оказалось особеиио скучным, Чарлз повериулся к Эмме:

— Боюсь, что доклад тебя очеиь утомил?

— Не больше, чем все другие,— отвечала оиа со вздохом.

Чарлз от души расхохотался и рассказал об ее ответе самым близким друзьям. После этого ои свозил ее иа обещаииые экскурсии. По дороге домой ои заметил:

— Что ж, неделя была приятиой во всех отиошениях.

Эмма изучающим взглядом окииула лицо мужа: румяиец на щеках, живой блеск в глазах,— казалось, от иего так и веет здоровьем.

— Может быть, всю оставшуюся жизиь иам стоило бы посвятнть скучным заседаниям н экскурсиям? Тогда тебя перестанут мучнть прнступы болезнн.

— Я знаю, что ты шутншь,— ответил он.— Без работы жизнь для меия сделалась бы иевыиосимой.

К концу года должиы были выйти из печати его «Геологнческне наблюдення над Южной Америкой». Неужели с того дня, как он взялся за эту работу, прошло уже десять лет? Чарлз в изумленин покачал головой. Выходит, Джои Геисло оказался прав, с самого иачала предсказав, что для опнсаиня коллекцнн потребуется вдвое больше времени, чем для ее сбора н наблюденнй. Мннувшее десятнлетие было весьма плодотворным. «Ну а будущее? — спросил ои самого себя.— Как я намерен нм распорядиться и чего надеюсь достнчь?»

Теперь Чарлз решнл заняться усоногнми ракообразными, и прежде всего морскнмн уточкамн. У берегов Чили он в свое время столкнулся с удивительной формой этнх усоиогих, отлнчавшейся от всех, какне былн ему нзвестны. Чтобы разобраться в ее структуре, он решнл сейчас нзучить и препарировать множество другнх, обычных экземпляров, но обнаружнл, что об усоногнх науке нзвестно плачевно мало. Только когда в гостн к ннм на несколько дней приехал Джозеф Гукер, перед Чарлзом начал вырнсовываться прнмерный плаи работы.

— Усоногне займут у меня несколько месяцев, может быть, год,— поделнлся ои с Гукером.— После этого я виовь обращусь к своим запнсям о вндах н разновндностях, которые я веду уже десять лет. Чтобы допнсать нх, потребуется, я полагаю, лет пять, не меньше. Зато я тут же паду в глазах всех сколько-ннбудь серьезных натуралнстов, еслн нх опубликую.

— Вы неправы,— отвечал на это Гукер,— вашн друзья могут засвндетельствовать необычайную тщательность, характерную для вашнх нсследований, и, конечио, выступят на вашей стороне. А вашн врагн, точнее, врагн вашнх идей, естествеиио, ополчатся протнв вас. Что же, такова отведенная нм в жнзнн роль.

1 октября 1846 года — начало второго десятилетня профессиональной деятельностн Чарлза. День выдался ясным. Дарвнн позвал собаку н, выйдя на Песчаную тропу, положнл на старте у обочнны целых семь камешков, такой прилнв снл он ощущал. В час дня, когда они, по обыкиовению, селн обедать, Чарлз обратился к Эмме:

— Знаешь, у берегов Чили я обнаружил любопытную форму усоногих рачков. От всех других она отличается тем, что у ее представителей развился специальный орган, напоминающий буравчик: он позволяет рачку проникать через раковину моллюска Concholepas — возможно, это его единственная пища. Так что без своего буравчика данная разновидность была бы обречена. Я намерен препарировать этого усоногого рачка и с помощью микроскопа изучить, как он функционирует.

На втором подоконнике (возле первого стояло его «письменное кресло») Дарвин установил микроскоп и поместил необходимый инструментарий: длинные тонкие ножницы с колесиком, регулирующим ширину разреза при вивисекции; треугольную пилку с игольчатым наконечником; несколько малюсеньких щеточек; длинную трость из слоновой кости со стальным крючком на конце; зонд, или «раздражительную иглу»; небольшой ножик.

Заинтересовавшая его морская уточка была заспиртована вместе с десятками других, обычных собранных им экземпляров. Спустившись в прохладный погреб, он достал оттуда одну из нескольких бутылей, которые пролежали у него десять лет, принес ее к себе в кабинет и извлек маленького рачка. Осторожно отделив оболочку и обнаружив, что тело еще сохранило мягкость, он опустил его в стеклянное блюдце с прозрачной водой. Затем поместил блюдечко под микроскоп на подставку размером в дюйм и, прильнув к стеклу правым глазом, отрегулировал нижнее зеркальце так, чтобы поймать максимум света.

Результат разочаровал его: внутренность рачка, занимавшая в длину меньше одной десятой дюйма, оказалась все же слишком плотной и не просматривалась насквозь. Как он ни бился, но так и не смог на шаткой подставке ясно разглядеть даже отдельные органы, ни тем более их детали, и не получил тех сведений, на какие рассчитывал. Микроскоп явно не подходил для его задач. Если ему надо изучать перуанскую диковинку, которая добывала себе пропитание, пробуравливая раковину моллюска, и препарировать других усоногих, которые намертво прикрепляют себя к днищу кораблей, бревнам и скалам, загоняя пищу из моря прямо себе в рот с помощью мохнатых ножек, то придется доставать большую и прочную подставку для блюдечка. В свое время Чарлз выбрал самый совершенный микроскоп, подходивший для работы на «Бигле», и он сослужил ему хорошую службу. Теперь, когда предстояло заниматься препарированием позвоночных и беспозвоночных животных, ему требовалась более совершенная модель.

Только в Лондоне можно было попытаться ее найти. Парсло собрал ему в дорогу старую голубую сумку, и Чарлз отправился в город, где собирался ночевать у Эразма. В Лондоне на Бридж-стейшн он нанял кеб, чтобы побыстрее добраться до района Ковент-Гарден, где были сосредоточены оптические магазины на Гэррик-стрит, а также на Ньюгейт и Коулмен-стрит.

Он обошел с полдюжины лучших магазинов, объясняя, что именно ему требуется. Владельцы, хотя и вежливо, отвечали отказом:

— К сожалению, мистер Дарвин, у нас есть только та модель микроскопа, который вы покупали в 1831 году. Об улучшенном варианте нам ничего не известно.

В одном из больших магазинов «Смит энд Бек» по Коулмен-стрит, возле Английского банка, владельцы пообещали ему изготовить все, что он захочет, если им будут даны чертежи или спецификация.

— Благодарю вас, джентльмены, но у меня нет чертежей, и я, увы, не могу их сделать.

В сумерках, обескураженный, Чарлз добрался до дома Эразма на Парк-стрит как раз тогда, когда веселье в салоне брата было в полном разгаре. В камине полыхал огонь, чайные столики были уставлены подносами с сандвичами, обдирным хлебом с маслом, горшочками с мясом, тарелками с заливным из курицы, блюдечками с вареньем, горячими лепешками, чайниками с заваркой и кипятком, покрытыми стегаными чехольчиками. В гостиной было шумно и весело.

— Газ! — приветствовал его Эразм, встретивший брата в дверях.— Ты приехал исключительно вовремя. Сегодня моя кухарка себя перещеголяла. Должно быть, знала о твоем приезде. Разреши, я представлю тебе гостей.

Лицо брата так и сияло в этот счастливейший для него час. Пожимая руку Томасу Карлейлю, Чарлз невольно подумал: «Рас создан для роли хозяина. Это его профессия. Нет никого, кто занимался бы ею лучше, чем он».

Земля вращалась вокруг собственной оси, а жизнь Дарвинов — вокруг собственной сплоченной семьи и непрестанной работы Чарлза над усоногими. Хотя он препарировал, исследовал, описывал мельчайшие подробности и проводил классификацию там, где о ней раньше никто не заботился, это была в основном механическая деятельность: она занимала его целиком, пока он склонялся над микроскопом, но, как только за ним в конце дня закрывалась дверь кабинета, он переставал думать о работе.

Куда любопытнее было ему следить за развитием своих детей, столь непохожих друг на друга. Восьмилетний Уильям отличался независимым нравом, склонен был держать свои мысли при себе и действовать втихомолку. Энни, которой скоро исполнялось семь лет, чувствительная, нежная и веселая, была его любимицей. Нередко она являлась к нему в кабинет с понюшкой прихваченного тайком табака. При этом на лице ее сияла улыбка: она знала, что доставляет ему радость. Когда у отца случался перерыв в работе, она забиралась к нему на колени и в течение получаса «делала ему красивые волосы». Бывало, она сопровождала его во время прогулки по Песчаной тропе, то держа отца за руку, то уносясь вперед. Родители сходились на том, что этот ребенок — самое очаровательное существо в доме.

Генриетта, Этти, в свои четыре года являла собой прямую противоположность сестре. Тихая, прилежная, она рано научилась читать, а когда Эмма вслух читала мужу, неизменно усаживалась рядом, поражая отца и мать тем, насколько внимательно и серьезно она слушала. В семье она была ревнивой: она страдала оттого, что после рождения Джорджа уделявшая ей прежде все свое внимание Броуди переключилась на новорожденного. В хорошую погоду дети убегали играть на Песчаную тропу. Броуди в это время восседала в летней беседке с вязаньем в руках — по шотландскому обычаю одна из спиц для устойчивости втыкалась в пучок петушиных перьев, привязанный к поясу.

Даун-Хаус сделался притягательным центром для родственников обеих семей — и Дарвинов, и Веджвудов, как раньше им был Мэр-Холл или Маунт; в имении постоянно кто-нибудь гостил: Эммина сестра Элизабет, ее братья Генслей с Фэнни и детьми или Франк и Гарри с женами и детьми, Джо Веджвуд с сестрой Дарвина Каролиной и тремя детьми, перебравшиеся по соседству в Лейс-Хиллплейс возле Уоттона в графстве Суррей, сестра Эммы Шарлотта и преподобный Чарлз Лэнгтон с их единственным отпрыском Эдмундом. Наезжали из Шрусбери и сестры Дарвина — то Сюзан, то Кэтти. Чарлз особенно радовался за Эмму: семейные связи были корнями, питавшими ее. Его самого родственники не отвлекали от работы, и никто не вынуждал его поддерживать за столом общий разговор, если ему этого не хотелось. Их визиты требовали от него куда меньше усилий, чем званые обеды у знакомых или прием друзей.

— Да, у нас настоящий матриархат,— заметил он жене.— Обе семьи обращаются к тебе всякий раз, когда надо уладить какие-нибудь неприятности или разрешить сомнения.

— Или когда хотят поделиться своим счастьем и радостями,— Эмма улыбалась с видом матроны.— Что ж, мне импони-

рует, что для них я все равно что родная мать, хотя по возрасту все они старше меня, кроме Кэтти.

— Мудрость не зависит от возраста.

— Но у меня ее нету. Все, чем я обладаю,— это терпение и любовь.

Теперь, когда обоим было далеко за тридцать, в их внешности произошли заметные перемены. Волосы Чарлза из светло-рыжеватых стали темными. Его густая шевелюра, с едва заметными залысинами ко времени женитьбы, к тридцати восьми годам порядком поредела. Чтобы как-то компенсировать потерю, он отпустил длинные, широкие и пушистые бакенбарды. Брови его тоже потемнели.

— И с чего это я так постарел за эти восемь лет? — жаловался он Эмме.— Когда ты вышла за меня замуж, я был молодым, светловолосым, светлолицым и вполне симпатичным. А сейчас? Да ты только погляди на меня сегодня, на пороге моего сорокалетия: почти что лысый, брови кустятся...

— Это все от постоянных раздумий,— пошутила жена.— Что касается меня, то я нахожу, что сейчас ты гораздо привлекательней, чем тогда, когда мы поженились. В лице у тебя куда больше решимости, а голова —помнишь, твой отец сказал, что после «Бигля» ее форма изменилась? — сделалась еще массивнее. Раньше ты был просто мил. Теперь ты — могуч.

— Ах, любовь! Так очаровательна и так слепа!

«Чем старше становишься,— размышлял он на следующее утро, смотрясь в зеркало для бритья,— тем вернее выражает лицо твою внутреннюю сущность».

Хотя к 1847 году Эмма родила уже пятерых детей, она мало изменилась. Каштановые волосы сохраняли прежний блеск, кожа оставалась гладкой, щеки — румяными. Ни Веджвуды, ни Дарвины никогда не считали ее красавицей (впрочем, и дурнушкой тоже). Ее ласковые лучистые глаза были по-прежнему бархатисто-карими, к тому же с возрастом она не потеряла и фигуру.

Что касается Чарлза, то если, как отметила Эмма, внешне он и казался более могучим, о своем физическом состоянии он не мог бы сказать того же самого. Ушли в прошлое времена, когда он без устали, по четырнадцати часов кряду, скакал на лошади, спал на сырой земле, подложив под голову седло, ел мясо гуанако... ощущая независимость и свободу.

Джозефу Гукеру он обмолвился:

— О своем здоровье мне нечего сказать, потому что я всегда чувствую себя почти одинаково — то чуточку лучше, то чуточку хуже.

Его продолжало угнетать, что друзья могут считать его ипохондриком. Эмма однажды сказала ему: она счастлива оттого, что, даже когда ему особенно плохо, он остается таким же общительным и заботливым, как обычно, и она чувствует, что нужна ему.

Для работы у него оставалось совсем немного экземпляров усоногих из коллекции, переданной им Ричарду Оуэну по возвращении из Кембриджа; их должно было хватить от силы месяца на три. Морские уточки, которых он собирал в тропических или просто теплых морях, имели небольшое ромбовидное или овальное отверстие почти белого или пурпурного, иногда черного или бледно-персикового цвета. Щитки клапанов были почти треугольной формы, а в мягких тельцах просматривались сегменты с толстыми стенками и многочисленные трубочки. Чарлз очень жалел, что в Дауне экземпляров для исследования у него так мало. «Придется мне просить Оуэна, чтобы он уговорил Королевский хирургический колледж вернуть мою коллекцию»,— в конце концов надумал он.

В феврале 1847 года Дарвин сделал короткий перерыв в занятиях, чтобы съездить к отцу в Шрусбери и проездом через Лондон побывать в Королевском обществе. Газеты как о большой победе вовсю трезвонили, что палата общин приняла «10-часовой билль», ограничивавший десятью часами рабочий день женщин и детей, занятых на фабриках: возможно, то был самый либеральный законодательный акт со времени отмены Хлебных законов.

Когда он вернулся домой, Эмма сообщила ему, что снова беременна.

— С рождения Джорджа прошло почти два года,— начала она.— Мы же хотели, чтоб у нас была большая семья, так что поблагодарим бога — он даровал нам ее...

Чарлз поцеловал ее в лоб, промолвив:

— Боюсь, у нас просто нет другого выбора, если только я не постригусь в монахи и не перееду в монастырь.

Работа с микроскопом не занимала мыслей Чарлза. Он мог спокойно обдумывать материал, что давали те отрасли знания, в которые он углублялся, а также сведения по выведению новых разновидностей, поступавшие от селекционеров.

Десять лет назад он написал: «Если бы мы решились дать полную свободу вымыслу, то пришли бы к выводу, что животные ведут свое происхождение от одного общего с нами предка. И они и мы — это единый сплав... Не следует жалеть усилий в поисках причин последующих изменений».

«Почему все более редкими становятся страусы в Патагонии?» — размышлял он, пока его не осенило: благоприятные условия сохраняют разновидности, в то время как неблагоприятные ведут их к самоуннчтожению.

Дарвин получал удовольствие от обоих видов работы — и практическнх опытов в лаборатории, и теоретических размышлений во время своих прогулок по Песчаной тропе. В нюне он побывал в Оксфорде на заседании Британской ассоциацни, куда, казалось, съехались все его коллеги: Адам Седжвик, Джордж Пикок, Ричард Оуэн, Чарлз Лайель, Юэлл, Бакленд, Мурчисон, Майкл Фарадей, сэр Джон Гершель, Джон и Хэрриет Генсло приехали со своей старшей дочерью Френсис. Джозеф Гукер взволнованно поведал Чарлзу:

— Странная вещь! Я столько раз виделся с ней в доме Генсло, и в общем-то она мне всегда нравилась. Но вот вчера вечером за ужнном я как будто впервые увидел Френсис, так поразила меня ее красота. Это было как откровение. Я понял, что люблю ее и должен просить ее рукн. Сегодня утром я говорил с ней. Генсло согласны.

— Еще бы! Ведь они заполучат в семью самого блестящего ботаннка страны. Интересно, что у нас тоже получается скрещнвание — семьями, профессиями.

— ...Однако свадьбы нам придется ждать еще несколько лет. Адмнралтейство снаряжает научную экспеднцию на Борнео, и, возможно, меня возьмут судовым натуралистом. А лесное ведомство предлагает мне совершить рейс в Индию.

Гукер принес известие о том, что Королевский ботанический сад в Кью открыт для публики, как и новый музей экономической ботаннки сэра Уильяма Гукера. На Ботанический сад Джона Генсло в окрестностях Кембриджа наконец-то выделили средства, и первые деревья там уже посажены.

На геологической секции выступили Дарвин, Адам Седжвик и Роберт Чеймберс: нменно этот последний и был, решнл Чарлз, автором вызвавшнх столь бурную оппозицию «Следов». Возвратившись домой, он заявил Эмме:

— Заседання доставнли мне большое удовольствне, но всетаки самое приятное — одобрнтельная реакцня специалистов по ракообразным, когда они узнали, что я занимаюсь препарированием н описанием всех родов усоногих. Генрн Милн Эдвардс, автор одной из монх давнишних любимых кнңг — трехтомного исследования ракообразных, предложнл мне познакомиться с его коллекцней и обещал оповестить всех, что мне срочно требуются экспонаты для работы.

Эммина улыбка была вежливой, но сдержанной.

— Извини, дорогой, но в данный момент меня больше занимает наш выводок, чем твои уточки.

8 июля у Дарвинов родилась дочь Элизабет, третья девочка. Сразу же после родов самочувствие Эммы улучшилось. Чарлз вернулся к работе над «Tubicinella coronula» и анатомией «стебельковых усоногих».

— Когда я закончил книгу о коралловых рифах, то жаловался, что никто не станет ее читать,— заметил он.— Но спрашивается: кто же тогда станет читать мою анатомию усоногих рачков?

— Да все грамотные усоногие, вот кто! А потом, разве ты сам не говорил, что хотел бы создавать книги-первоисточники?

— Но мне нравится, когда их к тому же еще и покупают. Джон Мэррей уже распродал весь тираж переделанного «Дневника». Я знаю, что по контракту гонорар за переиздание книги мне не положен, но все равно то, что написанные мною книги расходятся, тешит мое авторское самолюбие.

Опубликованные Чарлзом четыре собственные и пять отредактированных им книг в целом были весьма благосклонно восприняты в ученом мире. Как правило, дарвиновские теории не оспаривались, а если критика и высказывалась, то в самой корректной, «академической» форме. И вдруг в сентябрьском номере «Журнала Эдинбургского королевского общества» за 1847 год появляется статья с описанием «дорог» и береговой линии Глен-Роя, автор которой буквально обрушивался и на доклад, в свое время сделанный Чарлзом на заседании Лондонского Королевского общества, и на его научную добросовестность.

— Я прямо заболел от горя,— признался он Гукеру.

Хотя полемика и не была бурной, Чарлз проклинал тот день, когда девять лет назад поехал в Шотландию, чтобы собрать материал для своего доклада.

— Не умею я защищаться! — пожаловался он Эмме.— Конечно, это слабость. Нужно быть сильнее, нужно уметь драться, когда на тебя нападают.

Удалившись в свой кабинет, он на девяти страницах составил опровержение и послал его редактору «Скотсмена». Испещренное многочисленными поправками письмо, почти каждую фразу которого он переписывал по нескольку раз, так никогда и не появилось в газете.

В октябре погостить к Дарвинам приехали на недельку Лайели: Чарлз привез хозяину коллекцию усоногих, а Мэри подарила превосходный портрет мужа в раме. Чарлз тотчас же повесил его над зеркалом на центральной стенке камина и

пригласил Мэри в кабинет, чтобы продемонстрировать ей результаты своих трудов.

— Я так рад вашему подарку. Огромное за него спасибо!

Лайель прочел все, что было написано Чарлзом по усоногим рачкам, наблюдал, как виртуозно проводит тот препарирование под водой, выделяя мягкую округлую мешковидную часть тела.

— Отличная работа, Дарвин,— отозвался он.— Вы становитесь прямо-таки экспертом по части обращения с этим мельчайшим режущим инструментом. И все-таки больше всего меня восхищает в вас способность скрупулезно описывать все детали. Таким и надлежит быть настоящему ученому, специалисту, которого каждый обязан уважать. Для меня вы — его живое воплощение.

В ответ Чарлз только вздохнул и, накрыв микроскоп чехлом, предложил:

— Одевайтесь и пошли пройдемся по Песчаной тропе. Сколько сегодня камешков положим? Может, десять? Уже целый год я не проходил свою дистанцию столько раз подряд.

На восьмом круге Чарлз произнес:

— Вот уж никогда не представлял себе, что в мире столько разновидностей усоногих. Мне были известны сотни, а оказалось, что их тысячи. Если препарировать и описать всех, то на это уйдут годы!

По дружелюбному лицу Лайеля расползлась широкая улыбка:

— Но разве не за этим они вам и даны?

Чарлз задумался. Лайель сам отшвырнул ногой очередной камешек. Оставалось пройти последний круг. Холодало, в воздухе пахло дождем.

— Да, вроде бы ваши морские уточки — это скучища,— прибавил Лайель.— Вся их деятельность — облеплять днища кораблей. Но природа создала усоногих рачков не бесцельно. Изучая их приспособляемость к климатическим условиям, различным морям, меняющимся запасам пищи, вы — кто знает? — быть может, обнаружите что-то такое, что имеет отношение к этой вашей таинственной теории трансмутации видов...

Он прервал свою тираду ровно настолько, сколько требовалось, чтобы по-дружески грубовато обнять Чарлза за плечи:

— ...теории, которой я верю не больше чем наполовину.

Как только Дарвин закончил препарировать усоногих рачков Лайеля, он поехал в Лондон, чтобы повидаться с Ричардом Оуэном. Помещения, которые он занимал в Королевском хирургическом колледже, разительно отличались одно от другого. Одна комната представляла собой теплый кабинет, уставленный книгами, где витал дух учености и трубочного табака;

другая — холодную лабораторню с операцнонным столом н набором скальпелей, ножей с нзогнутымн лезвнямн н хнрургнческнх ножннц, необходнмых для аиатомнровання жнвотных — как жнвых, содержащнхся в клетках, так н мертвых, храннвшихся в ящиках со льдом.

— Оуэн,— обратнлся к нему Чарлз,— можно мне одолжнть коллекцию своих усоногнх, которую в свое время я передал колледжу? Мне нужно гораздо больше родов, чтобы разобраться в нзменчнвостн их структуры.

— Конечно. Ваша коллекцня находнтся в музее без всякой пользы.

— Я был не совсем точен, когда употребил слово «одолжить». Усоногнх рачков мне прндется уннчтожить: ведь я должен нх препарировать, а помещать их обратно в раковнны я еще ие иаучнлся.

Оуэи улыбиулся этой попытке Чарлза сострнть: его всегдашняя манера держаться отчужденно не позволнла ему открыто рассмеяться.

— Вы вериете их в внде своей монографни. А это замена вполне равиоценная.

Чарлза поражало, как много временн прнходнтся отдавать сосредоточенной работе: н наблюденням под мнкроскопом, н записям в тетрадн. Он вел подробный диевннк, где отмечал, сколько нменно временн заняло нзученне того нлн нного рода.

— Совершенио непронзвольно я прншел к необходнмостн дать названне нескольким клапаиам, а также некоторым из более мягкнх частей тела,— сказал он Эмме.

— А что, до тебя нх ннкак не назвалн?

— До меня нх попросту ие видели!

Одннм из родов ои заиимался ровио тридцать шесть дией, а опнсанне его заняло всего двадцать две страницы. Другим — девятнадцать, но зато Чарлз был вознагражден двадцатью семью страннцамн свежего матернала.

— Прн такой скорости я ннкогда не кончу! — простонал он, сндя в гостнной у камнна.— Этн «зверюгн» н так отнялн у меня больше года.

— Работа есть работа,— отвечала жена.— Ты же любншь их, правда?

— Монх дорогнх уточек? Да я от них без ума!

После того как одиа за другой лопнулн все предпрннятые Адмнралтейством попытки направнть Джозефа Гукера на Борнео, Малайские острова нлн в Индню для проведення ботаннческнх исследованнй н положенне выглядело безнадежным,

неожиданно пришло спасительное письмо от барона фон Гумбольдта. Постаревший, но по-прежнему столь же активный Гумбольдт обрисовал все выгоды, которые сулила науке экспедиция по Индии и Гималаям, чьи ископаемые окаменелости неопровержимо свидетельствовали, что эта двойная горная цепь с высочайшими вершинами мира когда-то была морским дном. Это побудило министра финансов наконец-то согласиться выдать Гукеру, все еще получавшему половину своего прежнего жалованья, пособие из расчета четырехсот фунтов в год. Ему был разрешен бесплатный проезд на корабле флота ее королевского величества «Сидоне», на котором отправлялся в Индию новый британский генерал-губернатор.

— От души поздравляю,— сказал Чарлз своему молодому другу.— Уверен, и путешествие, и экспедиция пройдут великолепно, но я хотел бы, чтобы они поскорее закончились. Пусть это и эгоистично, но мне будет вас страшно не хватать — во всем.

Тем временем сэр Джон Гершель прислал записку, предлагая вместе пообедать, как только Чарлз надумает выбраться в Лондон. Когда-то именно Гершель первым сообщил ему об издании Кембриджским философским обществом его небольшой монографии. Из Кейптауна сэр Джон вернулся в Англию в 1838 году, двумя годами позже экспедиции на «Бигле», и последующие девять лет занимался главным трудом своей жизни — «Наблюдениями на мысе». Вскоре он должен был стать президентом Королевского астрономического общества. При виде Гершеля на Чарлза нахлынула теплая волна ностальгических воспоминаний о пяти проведенных на море годах.

— Я пригласил вас, с тем чтобы просить принять участие в важной работе по заказу лордов — представителей Адмиралтейства,— сообщил Гершель за обедом.— Они обратились ко мне с просьбой составить, я цитирую, «Руководство по научным исследованиям для офицеров военно-морского флота ее королевского величества, для натуралистов и просто путешественников». В нем предполагаются, в частности, главы по астрономии, гидрографии, метеорологии и, конечно, зоологии, которую поручено написать вашему другу Ричарду Оуэну, и ботанике — ее делает сэр Уильям Гукер. Все мы считаем, что именно вы самый подходящий автор для главы по геологии. Что вы на это скажете?

Хотя Чарлз закончил свою рукопись по геологии Южной Америки всего два года назад и она порядком успела ему надоесть, он не ожидал, что ему будет трудно уложить в двадцать пять — тридцать страниц текста, призванного

помочь не одному поколению моряков и натуралистов, то, что он знал.

— За издание берется Адмиралтейство,— сказал сэр Джон.— А распространением займется Джон Мэррей. Никакого гонорара или авторских не предусматривается, но не думаю, чтобы это вас остановило.

— Я должен Адмиралтейству немало, да что там — я обязан ему всем. И горжусь, что мое имя появится в той же книге, что и ваше, и Ричарда Оуэна, и сэра Уильяма Гукера.

По пути домой, глядя на зимний пейзаж Кента, мелькавший за окнами вагона, он бормотал под скрежет колес:

— Что же, это вам за нападки на меня в «Журнале Эдинбургского королевского общества». Одно калечит, другое лечит.

Зачехлив микроскоп и отложив инструменты, он пересел на свое обычное место в кресло с обитой материей дощечкой на подлокотниках для письма... радуясь возможности вновь очутиться на время в своей прежней корабельной каюте. Глава писалась сама собой, без всяких усилий, настолько он был переполнен впечатлениями и мыслями, накопившимися за пять лет плавания на «Бигле». Чтобы ее завершить, ему понадобилось всего две-три недели; поначалу он боялся, что включил чересчур много материала, но сэр Джон пришел в восторг и от его трудолюбия, и от качества работы. Воспрянув духом, Чарлз тут же принялся за другую работу, о которой давно просили его Лайель и Геологическое общество,— «О переносе эрратических валунов с более низкого на более высокий уровень».

По вечерам Эмма играла для него попурри из опер Беллини «Норма» и Россини «Вильгельм Телль». Одной из любимых опер Чарлза была — по вполне понятной причине — «Эмма» Обера. Год выдался удачным и по части чтения вслух: только что в Лондоне появились «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, первые выпуски «Ярмарки тщеславия» Теккерея и «Грозовой перевал» Эмилии Бронте.

По мере того как его коллеги из Лондона узнавали о существовании Даун-Хауса, увеличилось также и количество поездок на станцию Сиденхэм.

19 апреля 1848 года Чарлз обедал в Геологическом обществе с Лайелем, Мурчисоном, Хорнером и Юэллом. Он довольно долго не бывал на заседаниях Общества, и сейчас град насмешек обрушился на «удалившегося от дел сквайра, впавшего в спячку в сельской глуши».

— «Удалившегося от дел»? — вступился за друга Лайель.— Посмотрели бы вы на его кабинет. Он еще выйдет из своей пещеры — и тогда весь мир признает его как непререкаемый авторитет по усоногим рачкам.

Выступив с докладом, Чарлз привел доказательства своей теории, согласио которой в подиятии валуиов с исходиого уровия материиской породы вииоваты прибрежиые льды. Доклад был хорошо прииият, ему тепло жали руку почти все из тех, кто присутствовал в коифереиц-зале.

По дороге домой Лайель иегромко произиес:

— Дарвии, а ие лучше ли вам жить в Лоидоие? Городская жизиь имеет миого плюсов. Таких, как сегодияшиий восторжеииый прием, иапример. У вас же иаверияка сердце радовалось.

— Совершеиио с вами согласеи: Лоидои имеет свою привлекательиость, свои светлые стороиы. Но я все равио иикогда ие откажусь от сельской жизии. Вот увидите, так для меия будет лучше.

На следующее утро ои завтракал с Эразмом, затем зашел повидаться к Джоиу Грею, храиителю зоологического отдела Бритаиского музея. Там иаходилась большая коллекция усоиогих, пополиявшаяся с годами за счет экспедиций иатуралистов, включая и самого Грея; экспоиаты, одиако, ие были классифицироваиы и ие могли поэтому быть заиесеиы в каталог.

— У иас оии фактически лежат без всякой пользы,— сказал Грей.— Никто ие считает иужиым ими заияться. Я поговорю с попечителями, чтобы оии разрешили передать коллекцию вам.

Весиой Чарлз еще раз побывал в Лоидоие, чтобы послушать доклад Гидеоиа Маителла об ископаемых окамеиелостях в древиих породах.

Выпив по аперитиву, Чарлз и Лайель остались обедать в Королевском обществе в помещеиии Соммерсет-Хауса. Через стол от иих восседал Ричард Оуэи, который, Дарвии зиал это, считал себя самым большим авторитетом по части геологических ископаемых. Впрочем, ои и иа самом деле приобретал все большую известиость.

Чарлзу поиравился доклад: ои был ие только иитересио изложеи — большая редкость в иаучиых кругах! — ио и убедительио аргумеитироваи. Поэтому-то Дарвии просто оторопел, услышав, как Ричард Оуэи, буквальио кипящий от ярости, прииялся вопить прямо в лицо Маителлу, едва успевшему заиять свое место за столом:

— Доклад иикуда ие годится! Исследоваиие поверхиостио, а выводы — иасквозь фальшивы. Я решительио выступаю против подобиого шарлатаиства как иедостойиого Королевского общества и требую, чтобы оио было осуждеио.

Доктор Гидеои Маителл, пятидесятивосьмилетиий практикующий врач, весьма уважаемый в Аиглии за его «Чудеса геологии», «Медали сотвореиия» и учреждеиие музея, где им

была собрана уникальная коллекция ископаемых, сидел как громом пораженный. Публика, явно смущенная, молчала: тем не менее ухо Чарлза улавливало гул голосов.

В «Атенеум» Чарлз и Лайель шли молча. За бокалом портвейна, почти утонув в глубоком кожаном кресле, Чарлз наконец нарушил молчание.

— К какой мерзости приводит слава! Только любовь к истине способна помешать так несправедливо обрушиваться на другого.

Некоторое время Лайель внимательно изучал лицо Чарлза.

— Вы ведь дружили с Оуэном, не так ли?

— Да.

— И он бывал у вас в Даун-Хаусе?

— И не раз.

— Надеюсь, вы не делились с ним своими теориями происхождения видов?

— Конечно, нет. Зачем об этом спрашивать.

— Берегитесь Оуэна. Он еще выступит против вас. Как делает это с каждым. Такова уж его природа.

Своих старших детей Дарвин обучил обращению с микроскопом, и они были в полном восторге, особенно когда удавалось разглядеть какой-нибудь из скрытых органов, обнаженный отцовским скальпелем. Часто слыша, как Чарлз употребляет термин «ракообразные», они окрестили «папиных морских уточек» «ракообразными мумиями». Любивший одинокие прогулки Уильям частенько отправлялся бродить по тропинкам в лугах и постепенно узнал всех соседей в округе. Однажды он вернулся к обеду чем-то явно озадаченный.

— Папа́, ты знаком с мистером Монтпичером, который живет в нескольких милях южнее деревни? Каждое утро этот джентльмен сидит у открытого окна своего коттеджа, курит трубку и ничего, кроме этого, не делает.

— Может быть, он на пенсии, Уилли?

— Да, но когда же он занимается своими уточками?

Эмма от души рассмеялась.

— Видишь, Чарлз, что получается. Последние пару лет дети только и видят, как ты препарируешь усоногих рачков, вот они и решили, что каждый мужчина должен делать то же самое. Ничего другого они просто не могут себе представить.

— Придет время — смогут. Если, конечно, я когда-нибудь сумею закончить эту поистине нескончаемую работу. Впрочем, я сильно в этом сомневаюсь. Недавно мне написал некий мистер Статчбери из Бристоля: предлагает в дар свою коллек-

цию усоиогих — он собирал ее всю свою жизнь. Говорит, она великолепна.

Коллекции поступали к иему из разиых мест. Одиу из иих прислал Хью Камииг, иатуралист и парусиых дел мастер; вторую — преподобиый Р. Л. Лоу, собиравший ее на острове Мадейра. Свои экземпляры иаправили Чарлзу Огаст Гулд из Бостона, а также Луи Агассис, незадолго до того иазиаченный профессором зоологии в Гарварде. Даже Симс Ковингтои, работавший сейчас в Австралии, по доброй воле прислал коробку с морскими уточками. Чарлз получал миожество писем из Фраиции и Германии от людей, хотевших, чтобы он воспользовался плодами их трудов... а следом прибывали коробки и ящики, была получеиа банка, содержавшая целую сотню иовых экземпляров, о существоваиии которых он прежде и ие подозревал. Ои изучал каждую группу, иачииая с самой ранией стадии личиики и коичая взрослыми формами. Путем тщательиого препарироваиия он сумел доказать, что все без исключения усоиогие — это ракообразные, родственники крабов, креветок и омаров.

Почта приносила также известия ииого рода. Через три с иебольшим года после фиаско с губериаторством в Новой Зелаидии капитаи Роберт Фицрой получил назиачеиие на должиость управляющего доками в Вулвиче. Королева Виктория присваивает Чарлзу Лайелю звание «рыцаря» иа церемонии в королевском замке Балморал в Шотлаидии: отныие ои будет имеиоваться сэром Чарлзом Лайелем, а его жеиа — леди Мэри. По этому случаю Дарвины откупорили бутылку шампанского, подияв бокал за своих друзей.

Газеты сообщали, что в Германии, Австрии, Италии шли революции. В Лоидоие чартисты, рабочие, требовавшие всеобщего избирательиого права, тайиого голосоваиия и ежегодиых выборов, готовились к массовой демоистрации. Министры королевы Виктории убедили королевскую семью переехать на остров Уайт, чтобы избежать возможиого иасилия.

Лето прииесло с собой приятиое тепло, ие переходившее в изиуряющую жару. От разросшихся побегов плюща на выходившей в сад стене Дауи-Хауса, казалось, стаиовилось даже прохладиее; цвели азалии, ветви яблоиь гиулись под тяжестью плодов. Чарлз проводил иа воздухе по нескольку часов в деиь. Плодотвориыми были его прогулки по Песчаиой тропе: иовые идеи постояиио роились в его голове.

В августе Эмма родила Фреисиса, их третьего сыиа.

Казалось, все шло как иельзя лучше. Но отчего же тогда, уже с самого начала июля, ему, как ои записал в дневиике, «особеиио иездоровилось»? Отчего кружилась голова, одоле-

вала депрессия, нападал озноб, перед глазами плавали черные точки, мучили тошнота и рвота?

Хотя Эмма и ухаживала за ним с неизменным вниманием, ему становилось все хуже. Начали сдавать нервы, тряслись руки, непроизвольно дрожали мышцы.

В конце года, когда страдания уже не отпускали его ни на минуту, он решил:

— Пора собираться в мир иной.

Жалея Эмму, Чарлз не сказал ей, что ему кажется, будто он умирает. Он отпер ящик стола и, достав оттуда свою рукопись о происхождении видов, датированную 1844 годом, и адресованное жене письмо, положил их на видное место, где она наверняка его заметила бы.

Из состояния летаргии его вывело письмо Кэтти. Отец совсем не может ходить. Все время он проводит в кресле-каталке, а спит на кровати, которую перенесли в библиотеку. Каждое утро садовник вывозит доктора Дарвина в оранжерею, потому что самое большое удовольствие ему доставляет посидеть немного под пальмой: он посадил ее, получив от Чарлза письмо из Баии с описанием, как эти деревья растут в Бразилии. Письмо сестры не оставляло сомнений в том, что отец при смерти, и Чарлз не мешкая выехал в Маунт. Эмме он не разрешил ехать — ведь ребенку было всего несколько месяцев.

Увидев доктора Роберта Дарвина в инвалидной коляске посреди библиотеки, он был потрясен. Отец пил бледный чай, а сидевшая подле Сюзан читала ему вслух одного из любимых им поэтов. Когда Чарлз, наклонившись, поцеловал его в обе щеки, на глазах исхудавшего до неузнаваемости отца выступили слезы.

— Я намерен остаться с тобой целых две недели. Да, отец, у меня есть для тебя замечательные новости. Мою книгу об усоногих рачках, как только она будет закончена, вызвалось напечатать «Общество Рея». Создано оно четыре года назад для публикации научных статей и книг и названо в честь Джона Рея, известного английского натуралиста. В «Обществе» больше семисот пятидесяти членов, среди которых самые выдающиеся ученые Великобритании. По правде говоря, я очень сомневался, что мою книгу вообще могут напечатать.

Тень улыбки осветила лицо Роберта Дарвина. Он протянул руку и коснулся сына, слишком взволнованный, чтобы говорить. Под вечер, когда находившийся под присмотром Сюзан отец уснул, Чарлз спросил Кэтти, сидя с ней за обеденным столом в столовой, пока Энни, готовя ужин для своего любимчика, хлопотала на кухне:

— Как дела?

— Ннчего нельзя сказать определеииого, Чарли. Отец выдержан, спокоен, никогда не жалуется. Он так бесконечно добр, так трогательно заботнтся обо всей прнслуге, нх детях. Свон распоряження он отдает через Сюзаи. Иногда ей ие удается сомкнуть глаз в течение иочи, но оиа справляется со всеми трудиостями.

Две иедели пролетели как однн день: в прнсутствии сына доктор Дарвии, казалось, воспрянул духом. Снлы его крепли, когда ои слушал рассказы Чарлза о прогулках по Песчаиой тропе, об Эмме н детях, о его дружбе с малеиькой Эиии, иовом мнкроскопе. Сам Чарлз чувствовал себя хорошо: ему удалось убеднть себя, что так нужно, чтобы ие прнчннять беспокойства отцу.

Но стонло ему очутнться в своем кабниете в Даун-Хаусе, как все симптомы его болезнн тотчас же вернулнсь. Он совершенно ие мог работать. Созиаине парализовала и мысль о иеизбежиости плохнх вестей. И оии пришли — всего через девятнадцать дней после его возвращення домой. Доктор Роберт Дарвни мнрно скончался в возрасте восьмидесяти двух лет.

Чарлз рыдал, не стыдясь своих слез. Старшие дети, и прежде всего Эиин, уже понимавшне, что такое смерть, прнходилн чтобы поцеловать его, и плакали вместе с ннм. Чарлз всегда любнл отца, особенно оии стали блнзки после того, как сыи доказал, что у него в жнзнн есть н другие иитересы, кроме охоты, собак н ловлн жуков, н он не опозорнт честн семьн. «Да благословнт тебя господь, дорогой мой Чарлз, отец так любил тебя!» — пнсала Кэтти.

Он чувствовал себя настолько плохо, что два дия вообще не вставал с постелн.

— Но все равно на похороны в Шрусберн я должеи поехать,— заявнл он Эмме.

— А хватит ли у тебя сил?

— Снлы появляются, когда делаешь дело. Пожалуйста, попроси Парсло собрать мон вещн.

Путь до Лондона не слншком утомнл его. Усталостн он не ощущал до тех пор, пока не добрался до дома Эразма. Брат уехал в Маунт, но служаика приготовнла Чарлзу чай с тостами. Было уже трн часа, так что добраться до Шрусберн дилнжансом нлн поездом в тот же деиь не представлялось возможным. Чтобы Эмма не волновалась, ои отправил ей записку, что чувствует себя «почти так же, как обычио». И хотя он выехал первым утренннм дилижансом, к самим похороиам ои не успел. Доктора Дарвнна погреблн рядом с женой на скромном церковном кладбнще в Монтфорде. Чарлз прнбыл в Маунт к тому временн, когда одна из молоденьких горнннчных начала обио-

снть кофе вернувшнхся в дом с похорон родных и знакомых отца.

Некролог в местной газете «Кроникл» был полон восторженных похвал. Чарлз, однако, вндел, что Сюзан н Кэттн безутешны. Доктор Дарвнн был смыслом всей нх жизни, и сейчас обе онн напомнналн парусники, очутившиеся в море без руля и ветрнл. Он решнл, что побудет с сестрами неделю и постарается убедить их оставаться в Маунте до конца своих дней. Когда было зачитано завещанне, обнаружнлось, что отец оставнл достаточно средств, чтобы дать нм возможность жнть в нменин вполне обеспеченно. Доля наследства, доставшаяся Эразму, оказалась весьма щедрой, так что ему можно было теперь не беспоконться о своем будущем. Чарлзу пречнталось свыше сорока тысяч фунтов: этого с лихвой хватало, чтобы дать детям образованне н профессню н сделать сам Даун-Хаус еще более просторным, а все нменне еще более краснвым.

Однйм словом, доктор Роберт Дарвин не забыл нн одного из своих детей...

Летом 1850 года, когда Эмме нсполннлось сорок два года н Ленард был еще грудным младенцем, она поняла, что снова беременна. В это время заболела Энни. Уже несколько раз за последние несколько лет ей, как говорнлн в семье, было «не по себе», но потом она снова чувствовала себя лучше. Эмма н Чарлз не были слншком этнм обеспокоены, так как девочка обладала завндным жизнелюбием. На сей раз она поправлялась не так быстро, как раньше. У нее держалась температура, нсчез аппетнт; врач не мог поставить диагноз.

— Я думаю, это ннфекцня. Но откуда? У нее нет нн порезов, нн гноящнхся ран. Я закажу лекарство, чтобы поннзнть температуру.

Глаза Энни былн безучастнымн. Она мало ела, но ни на что не жаловалась. Затем что-то пронзошло, н жизненные силы победилн лнхорадку, она смогла подняться, начала нормально есть и даже играть со своимн сверстннкамн во дворе. Однако каждый новый прнступ болезнн отнимал у нее силы.

— Мы справнлнсь со следствнем болезнн, но не с ее прнчнной. Мы должны продолжать наблюденне,— сказал доктор.

Чарлз н Эмма решили поехать с семьей на празднnки в Рамсгнт — курорт на юго-восточном побережье Англии. Стоял октябрь, морской воздух был чнст н прохладен; курортный сезон закончнлся. Прогулкн с отцом вдоль берега как будто шлн Эннн на пользу. Но здоровье ее улучшилось ненадолго: после возвращення в Даун-Хаус лнхорадка то появлялась,

то исчезала. Приехавший погостить на рождество Генри Холланд тоже осмотрел Энни.

— Признаюсь, я сбит с толку,— сказал он.— Это не похоже ни на одно из известных мне заболеваний.

К началу марта 1851 года не оставалось ни малейшего сомнения, что Энни тяжело больна.

— Может быть, мне отвезти ее на воды в Молверн? — спросил у Эммы Чарлз.— Возможно, доктор Галли сможет помочь?

— Он единственный доктор, который тебе всегда помогал.

— Пожалуй, стоит попробовать,— согласился он.— С нами поедет Этти, чтобы Энни не скучала, а также Броуди. Может приехать туда и мисс Торли. Я боюсь, что из-за близости родов тебе не стоит путешествовать.

Чарлз с детьми и прислугой занял несколько комнат в главном здании.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ей,— сказал участливо доктор Галли.— Мы начнем лечение очень осторожно. Я буду наблюдать за ней каждый день.

Ободренный обещанием доктора и прибытием гувернантки, которая должна была следить за двумя девочками, Чарлз уехал в Лондон, чтобы провести пару дней с Эразмом. В воскресенье 30 марта он и Эразм отобедали с Генслеем и Фэнни Веджвудами в их новом доме на Честер-Террас, районе, который они сочли более удобным для их детей, чем Аппер-Гауэр-стрит. На обеде были Томас Карлейль с женой и другие друзья и родственники. Тогда только и говорили о книге Рескина «Камни Венеции». Отвечая на вопрос Эразма о «Камнях Венеции», Карлейль резко сказал:

— Это не книга, а моральная проповедь: ты должен быть добропорядочным и честным человеком, чтобы построить даже простой дом.

Чарлз и Эразм затеяли спор с Карлейлем. Тетя Эммы Фэнни Аллен сказала:

— В тебе есть что-то свежее и приятное, Чарлз. Не знаю, кто из вас, двух братьев, мне больше по душе.

Чарлз вернулся в Даун на следующее утро, успокоил Эмму по поводу Энни и возобновил свою работу. Он находился дома уже шестнадцать дней, когда принесли телеграмму, которая была послана из Молверна в Лондон и оттуда доставлена специальным курьером.

У Энни началась рвота, которой поначалу доктор Галли не придал значения, затем — сильнейшая лихорадка. Чарлзу необходимо было немедленно приехать в Молверн.

Фэнни Веджвуд присоединилась к нему в Лондоне, чтобы скрасить ему поездку. Когда Чарлз вошел в комнату Энни,

он не узнал ребенка: все черты ее заострились, лицо отвердело и сморщилось.

Она открыла глаза, сказала «папа́» очень тепло. Это помогло ему представить себе свою любимицу прежней.

Броуди отвезла Этти в Лондон на челтенхемском дилижансе. В тот вечер, в одиннадцать тридцать, доктор Галли посмотрел на спящую Энни и сказал:

— Ей становится лучше.

Чарлз воспрянул духом и с чувством надежды отправился отдохнуть в соседнюю комнату. На следующее утро он увидел, что дочь его стала чересчур тихой, и впал в отчаяние, когда доктор сказал, что пульс у нее неровный. Тем не менее она каждый час съедала немного каши, позже — попила немного воды, ни на что не жаловалась. Когда Чарлз сказал ей, что она поправится, девочка смущенно ответила:

— Спасибо.

Она попросила у Фэнни апельсин. Затем Фэнни дала ей немного чая и спросила, вкусный ли он. Энни ответила:

— Очень вкусно, просто чудо. Где Этти?

На следующий день, когда Чарлз попоил ее, она сказала:

— Спасибо тебе.

То были последние слова, обращенные к отцу. Энни умерла в полночь 23 апреля.

Чарлз и Эмма обменялись письмами. Он отправил мисс Торли в Лондон. Фэнни Веджвуд осталась на похороны. Энни похоронили на небольшом кладбище в Молверне. Затем Чарлз поспешил домой, чтобы быть подле Эммы. Оба они были безутешны.

Гувернантка мисс Торли вернулась в Даун-Хаус, а Броуди, которая нянчила обеих девочек, не могла найти в себе силы, чтобы вернуться в семью Дарвинов. Она отправилась домой в Шотландию и иногда приезжала погостить в Даун-Хаус.

Менее чем через месяц после смерти Энни родился пятый мальчик у Эммы, которого нарекли Горасом. В Даун-Хаус приехала Элизабет. Чарлз надеялся, что рождение ребенка поможет немного развеять их печаль.

Когда в Лондонском палеонтологическом обществе стало известно, что Чарлз работает над исследованием ископаемых усоногих — область, в которой мало что было известно, Общество предложило ему опубликовать монографию в своем ежегодном журнале. Чарлз закончил первую часть исследования

в 1850 году. Но восемьдесят восемь страниц под «устрашающим» заголовком «Монография по исследованию ископаемых Lepadidae, или усоногих на ножках» не увидели света до июня 1851 года. Позже, в том же году, «Общество Рея» опубликовало первую половину его работы по современным видам усоногих с детальными анатомическими рисунками. Эта работа была предложена вниманию членов «Общества». В книжных магазинах монография не продавалась, и общественность практически не обратила внимания на этот труд, ибо текст был слишком специальным для широкого читателя. Работа, однако, была оценена по достоинству в научных кругах. Ему удалось получить двадцать два экземпляра своей работы от «Общества» (что было единственной компенсацией за его труд), которые он разослал тем директорам, патронам и ученым, которые помогали ему в опубликовании этой работы.

Сейчас, когда он снова читал газеты, он узнал, что разразился большой скандал относительно строительства большой выставки изделий промышленности всех стран в Гайд-парке. Проект павильона выставки называли «Хрустальным дворцом», ибо он представлял собой примерно миллион футов стеклянных рам, укрепленных на перекрытиях, поддерживаемых колоннами. Лайель был членом комитета и пытался придать выставке просветительский характер. Он настаивал на том, чтобы на галереях были выставлены экспонаты. Джозеф Гукер, который только что вернулся из Индии, был главным инспектором Ботанической секции.

«Хрустальный дворец» был задуман принцем Альбертом, и проект его был одобрен королевой Викторией. Однако по мере того, как строительство, занявшее девятнадцать акров земли, приближалось к завершающей стадии, лондонская пресса и особенно критически настроенная часть английской публики набросилась на этот проект: «Гайд-парк разорен... Он превратится в место для пикников лондонских бродяг... Иностранцы будут пытаться организовать заговор и осуществить покушение на королеву... Крысы будут разносить бубонную чуму... Всякого рода провокаторы будут творить бесчинства... Здание может рухнуть при первой же грозе». Больше всех негодовал полковник Сибторп, который заявил: «Отвратительное здание, безобразный обман, бесстыдный грабеж народа нашей страны».

Чарлза все это развлекало. Лайель и Гукер уверили его, что здание крепкое, что через него пройдут сотни тысяч людей и что этот проект — великое достояние современной цивилизации. Он сказал Эмме: «Мы проведем неделю с Расом и посмотрим «Хрустальный дворец». Возьмем с собой двоих детей. Им это очень понравится».

В коице июля они приехали в Лоидон с Генриеттой и Джорджем. Эразм наиял еще одиу приходящую прислугу в помощь семье брата. На следующее утро оии иаияли два кеба. Чарлз был одет в темиый фрак и светлые рейтузы, туалет завершал шелковый цилиндр. Эмма была в платье с длинной пышиой юбкой на обруче и большой шали. Дети тоже были одеты словио на парад.

Чарлз был в восторге от выставки. Здесь были представлены сотии тысяч экспоиатов со всего света: из Турции, Туииса, России и Соедииеиных Штатов.

На галерее, где были выставлеиы скульптуры, оии увидели работы америкаиского скульптора Хайрема Пауэрса «Греческая рабыия», работа из Бостоиа «Раненый индеец», скульптуру из Бельгии «Король-крестоиосец», а также вызвавшую миого пересудов скульптуру «Обиажеиный Бахус».

— Это произведение прислаио из Фраиции,— сказала Эмма, отвлекая детей от «Бахуса».

Но Этти, которой было почти восемь лет, и шестилетний Джордж интересовались куда больше чучеламн зверей н глазели иа целое семейство кошек, сидящих за столом и распивающих чай, а также иа то, как одиа лягушка брила другую. Но еще больше им понравились мороженое и пирожиые. Чарлз поводил свою семью по галереям, объясияя различные механические изобретения, получившие те или иные призы, а также указал им иа плуг, который приводился в движение паровым двигателем, иож, у которого было восемьдесят восемь лезвий, а также на модель плавучей церкви для моряков, которая была прислана из Филадельфии.

Одиако Дарвииам больше всего поиравилась кровать со специальиым бесшумным «будильником». Владелец этой кровати мог устаиовить «будильиик» иа любое время, когда ему было необходимо встать; и когда «будильиик» срабатывал, специальиая катапульта выбрасывала спящего хозяина с кровати в ваину с холодиой водой.

Оии весь деиь провели в «Хрустальиом дворце». Накоиец дети утомились. Чарлз приходил в «Хрустальиый дворец» иесколько раз иа иеделе. Но уже с Лайелем или Гукером, а ие со своей семьей. Чарлз и Джозеф Гукер иесколько раз встречались в саду павильоиа. Общеиие доставляло им радость и укрепляло их дружбу, возиикшую после четырехлетией экспедиции Гукера в Иидию и Гималаи. Ои прошел через горы более восемнадцати тысяч футов высотой и побывал в таких местах, где не ступала иога человека. Гукер, человек довольио хрупкого сложеиия, продемоистрировал во время путешествия громадную виутреннюю силу, храбрость и выдержку. Ои привез с собой

замечательную коллекцию растений, которые никто и никогда не только не видел в Англии, но даже и не слышал о них. По возвращении Гукера он и дочка Генсло Френсис поженились без особой помпы в церкви в Хитчеме и отправились жить в Кью.

Неожиданно Чарлз натолкнулся на Джона Генсло, возглавлявшего группу прихожан, которых он привез из Хитчема. Это была одна из многочисленных экскурсий, на которые он возил прихожан с целью расширения их кругозора. Все они были аккуратно одеты и вели себя так, словно заново родились. В каком-то смысле так оно и было, ибо Генсло вышел победителем из битвы с крупными землевладельцами, которые теперь продавали своим крестьянам продукты земледелия, ими же, крестьянами, произведенные.

Джону Генсло было пятьдесят пять лет, и его великолепные волосы начали седеть. Чарлз воскликнул:

— Мой дорогой Генсло, когда я вижу, чего вы достигли, все, что я пишу, бледнеет перед этим.

Генсло строго ответил:

— Каждый из нас делает работу свою по воле божьей и согласно своим наклонностям.

Там же, в «Хрустальном дворце», Чарлз и Джозеф Гукер встретились с двадцатишестилетним Томасом Гексли, который долго отсутствовал: четыре года бороздил воды Индийского океана и находился в плавании вокруг Австралии в качестве помощника хирурга на корабле «Гремучая змея». В конце путешествия он написал и отправил в Лондон три статьи по зоологии, которые Чарлз прочитал в «Трудах Зоологического общества», а также в «Философских трудах Королевского общества» и в «Анналах естественной истории». Все три статьи отличались глубиной, ясностью мысли и свежестью идей, и, когда Гексли вернулся в Лондон, он сразу стал знаменитостью. Чарлз был так поглощен своими усоногими, что ему не довелось встретиться с Томасом Гексли, хотя он с удовольствием проголосовал за его прием в Королевское общество. Джозеф Гукер познакомил Чарлза с Томасом Гексли.

— Я знаю, Дарвин, что вы нелегко сходитесь с людьми. Но Гексли — человек, который вам понравится, причем сразу.

Гексли покраснел, протягивая руку:

— Я не знаю другого человека в Англии, господин Дарвин, перед которым я бы так преклонялся, как перед вами. Я изучаю ваши книги с первого номера журнала, включая ваш последний труд по ископаемым усоногим.

Томас Гексли был такого же роста и сложения, как и Чарлз. У него была смуглая кожа, четко очерченные темные брови,

густые волосы ниспадали иа плечи. Это был человек, который иравился с первого взгляда, ио ие потому, что любил доставлять людям удовольствие. Его лицо с произительиыми темиыми глазами, прямым иосом и широким ртом говорило о виутреиией силе и решимости.

— Я очень рад позиакомиться с вами, Гексли. Я давно хотел этого,— сказал Чарлз,— особеиио после того, как я много наслышался о вас от своих друзей. Кстати, мои дети говорят, что здесь замечательиое мороженое.

Когда им подали мороженое, Чарлз виимательио вгляделся в лицо молодого человека. Он был одет в свободиый бархатиый пиджак с высоким воротиичком, почти как у священника, с большим галстуком-бабочкой, гладко выбрит, лишь тоиеиькие полоски бакеибард обрамляли лицо. У иего были приятные маиеры, ои виушал доверие и создавал хорошее иастроение.

— Гексли, расскажите мне о себе. Где вы получили образование?

Гексли улыбиулся:

— Я ие получил иикакого образоваиия. И хотя мой отец был помощником директора школы в Илинге, где я родился, я лишь окоичил два класса школы. Затем моего отца выгиали с работы. Мы перебрались в другую деревию, где жили бедио. Общество, с которым я имел дело в школе, было ужасиым. Мы были самые обыкиовениые парии, и у иас была склоииость творить добро и зло так же, как и у других ребят, ио те люди, которые были поставлеиы, чтобы учить иас, мало думали о иашем иителлектуальиом и моральиом развитии.

Гексли улыбиулся, и было такое ощущеиие, что показалось яркое, весеииее солиышко.

— И имеино тогда, я думаю, я иистиктивио поиял, что мне иеобходимо что-то сделать, чему-иибудь иаучиться. В двеиадцатилетием возрасте я просыпался очеиь раио утром, зажигал свечку, закутывался в одеяло и читал «Геологию» Хаттоиа... А вслед за этим, иа следующий год — «Основы геологии» Лайеля.

Чарлз вспомнил годы работы в Эдиибургском музее под руководством научиых руководителей, а затем три с половииой года в Кембридже, где ои сотрудиичал с такими людьми, как Джои Геисло, Адам Седжвик, Джордж Пикок, Уильям Уэлл.

— Коиечио же вы получили какое-то иаучиое образоваиие?

— Своеобразиое. Мои две сестры вышли замуж за врачей. Одии из иих водил меия вместе с собой по больничным палатам.

Таким образом, я получил трехгодичиое образоваиие в больиице Чериig-Кросс, а затем я посещал Лоидоиский университет, где мие было присвоеио зваиие магистра медициiы. Вот почему я и сумел получить пост помощиика хирурга иа корабле «Гремучая змея» и таким образом отправиться путешествовать в дальиие страиы. Я всегда мечтал стать иижеиером-механиком. И, если хотите, имеиио это моя профессия и в области зоологии. Я изучаю виутреииие механизмы, приводящие в движеиие беспозвоиочиых животиых, так же как вы изучаете усоиогих.

— А каковы ваши дальиейшие плаиы?

Лицо Гексли омрачилось.

— Ричард Оуэи любезио согласился замолвить за меия словечко в Адмиралтействе, с тем чтобы я мог получить какой-то иомииальиый пост и таким образом закоичить свою работу, иачатую во время экспедиции иа «Гремучей змее». Стипеидия весьма скромиая; я живу с братом. В иауке для меия места ие иашлось. Я пытался достучаться до разиых колледжей и ииститутов, которые приглашают лекторов. Все очеиь осложиилось, особеиио после того, как я полюбил аиглийскую девушку, родители которой переехали в Сидией. Мы уже более трех лет помолвлеиы. Я ие зиаю, сколько еще пройдет времеии, прежде чем я смогу привезти ее обратио из Австралии и жеииться иа ией.

Чарлз ие хотел без осиоваиий вселять оптимизм в молодого человека.

— Через иесколько лет вам удастся это сделать, после того как вы опубликуете свои иаучиые труды и киили, явившиеся результатом вашей экспедиции иа «Гремучей змее», и когда вам предложат какую-иибудь работу.

Теперь оии говорили о происхождеиии видов.

Гексли считал, что существует разграиичительиая лииия между природиыми группами, и ои также иастаивал иа том, что переходиых форм ие существует. Чарлз мягко спорил с иим, и лукавая улыбка ие сходила с его лица: «Ну, я ие совсем такого миеиия».

Джозеф Гукер вериулся примерио через час. Чарлз протяиул Гексли руку:

— Надеюсь, я сиова скоро увижу вас.

— Обязательио,— воскликиул Гексли,— я часто бываю в доме вашего брата Эразма! Меия даже приглашают Карлейли. Оии помогают мие совершеиствовать иемецкий язык, который я иачал изучать, чтобы читать европейские иаучиые журиалы.

Когда Гукер и Гексли ушли, Чарлз подумал: «Мие положительио иравится этот молодой человек. Ои меия глубоко троиул,

я чувствую, что мы можем стать союзниками». После знакомства с Джозефом Гукером никто не вызывал в нем подобные мысли.

Чарлз и Томас Гексли снова встретились в доме Эразма и у Лайеля в Лондоне, а также в доме Гукеров в городке Кью. Когда Чарлз сталкивался с какой-то сложной зоологической проблемой, он обращался за помощью к Гексли, острый ум которого, словно нож, вскрывал сердцевину проблемы. Часто их разговор возвращался к Ричарду Оуэну, самому знаменитому зоологу и анатому Англии. Гексли пытался как-то отблагодарить Оуэна за его помощь в избрании Гексли членом Королевского общества, но Оуэн ответил:

— Вам некого благодарить, кроме самого себя и вашей великолепной научной работы.

Гексли рассказывал:

— Оуэн был удивительно добрым по отношению ко мне. Но он очень странный человек и такой ужасно вежливый, что я зачастую неловко чувствую себя.

Чарлза так и подмывало сказать Гексли, что он никогда не будет чувствовать себя в своей тарелке рядом с Оуэном, но решил воздержаться от этого и дать возможность молодому человеку самому найти свою дорогу в джунглях лондонского научного мира. Времени на это потребовалось немного. После одного из заседаний научного общества Чарлз взял Гексли с собой в «Атенеум», чтобы пропустить рюмочку. Гексли размышлял, держа в руке бокал с бренди:

— Странный человек Ричард Оуэн. Его и боятся, и ненавидят. Я знаю, что в жизни он делал очень недобрые вещи. Я не думаю, что он велик настолько, каким считает себя.

— Надеюсь, он с вами не сыграл никаких дурных шуток?

— Пока нет.

Однако ждать оставалось недолго. Гексли написал работу для Королевского общества по морфологии головоногих моллюсков. Он считал эту свою работу одной из лучших. Ричард Оуэн попытался помешать опубликованию ее в «Философских трудах». Гексли воскликнул:

— Он никому не дает возможности возвыситься! Почему он такой жадный? Мне так хочется верить людям без всяких оговорок!

Чарлза тронула душевная боль, с которой были сказаны эти слова.

— В течение последних двадцати лет Оуэна считают авторитетом в своей области,— объяснил он,— никто не наступал ему на пятки до тех пор, пока не появились вы. К сожалению,

ои привык смотреть иа естественную историю как на свою вотчииу...

— ...А мы все, таким образом, бракоиьеры?

— Вот имеиио. Но вам иечего волиоваться без причины, вас ему ие остаиовить. По секрету скажу вам, что мы с друзьями представили вас на медаль Королевского общества.

На мгиовеиие Чарлзу показалось, что Томас Гексли вот-вот заплачет. Ои взял руку Чарлза в свои и воскликнул:

— Если такие люди как вы, Джозеф Гукер, Чарлз Лайель, поддерживают меня, я смогу бороться с дюжиной Ричардов Оуэиов.

— Может быть, вам это предстоит,— ответил Чарлз с печальиой улыбкой.— Да и мие тоже, иавериое, придется.

В течеиие года или, может быть, двух Дарвии должен был завершить классификацию усоногих, которых ои когда-то называл «мои любимые морские уточки», а теперь думал о них как о «своих ненавистиых морских уточках». Ему иужио было закончить две оставшиеся темы. Помощииков у иего ие было. Едииствеииое успокоеиие ои иаходил лишь в том, что публикация этой работы была обеспечеиа. Ои делал все, чтобы скрыть свое раздражение от семьи, иачал поиски самой лучшей школы для Уильяма, которому должио было исполииться двеиадцать лет. После тщательиого отбора ои остаиовился на Регби, что иаходился по пути в Шрусбери. Двое старших мальчиков Генслея Веджвуда уже учились там. Стоимость пребываиия в этом колледже колебалась между 110 и 120 фуитами в год.

Дважды в сутки — одии раз дием и одии раз перед сиом — он делал записи в медицииском диевнике о своих припадках мелаихолии, включая те момеиты, когда он просыпался ночью от «МХ» (так ои сокращал слово «мелаихолия»), сколько раз у него болело горло, сколько раз болели зубы, сколько раз ои простужался, как высыпала у иего сыпь, какие появлялись иа теле болячки. Ои также заиосил в этот диевник данные о лекарствах, которые ои прииимал, о водолечении, о том, сколько раз его тошиило, как иачииалась депрессия, припадки страха, сколько раз ои чувствовал дрожь, а также испытывал ощущеиие падения или тяжести во всем теле; ои регистрировал время, когда чувствовал себя усталым без всякой причииы. Ои начал диевник своего физического состояния в 1849 году. В конце каждого месяца ои также регистрировал количество дией, во время которых ои чувствовал себя хорошо, даже совсем хорошо. Количество хороших дией колебалось от двух до пяти в самые тяжелые моменты, а ииогда их было от двадцати

до двадцати девяти. После каждого хорошего дня он ставил двойное тире.

Он понимал, что его дневник здоровья, куда вписывал объективные данные своего состояния, был своеобразной «исповедальней». Когда он вел этот дневник, он словно бы исповедовался кому-то. Благодаря дневнику он не изливал тревоги на своих близких. По мере того как шло время, он использовал метод Галли лишь частично. Однако, пытаясь найти средства для того, чтобы поправить свое здоровье, он продолжал верить «новым» методам лечения, о которых читал в лондонских газетах. В октябре 1851 года он попытался воспользоваться модным методом гидроэлектрических цепей, обматывая себя поочередно то медной, то цинковой проволокой. Смазанные уксусом, эти цепи должны были создавать электрические разряды. В те ночи, когда он использовал этот метод лечения, он чувствовал себя лучше, но спать не мог. Он решил, что этот метод не имеет научной ценности, и отказался от него.

Деревья, которые обрамляли тропинки в его саду, росли очень быстро. Так же быстро росли дети. Увеличивались в размере и рукописи. Он благодарил небо за то, что Эмма оставалась в форме. Теперь у них было семеро детей. Издательство «Смит Элдер энд К^0» издало в одном томе три его книги: «Строение и распределение коралловых рифов», «Геологические наблюдения над вулканическими островами» и «Геологические наблюдения над Южной Америкой». Этот том был в голубой и лиловой обложке и продавался по вполне доступной цене — десять шиллингов и шесть пенсов. Его друг Уильям Яррел сообщил ему, что книга продается хорошо и что количество читателей ее растет.

Часы составляли недели, недели — месяцы, месяцы сливались в годы. Семья навещала Уильяма в Регби. Он хорошо учился и вел себя хорошо, несмотря на то что его оторвали от родного дома и семьи и поместили среди задиристых ребят старшего возраста. Шестеро оставшихся дома детей были здоровы, старшие занимались под руководством бывшего гувернера Вильяма, которому Чарлз платил сто пятьдесят фунтов в год за то, что он преподавал им «ничего больше, кроме латинской грамматики».

В Даун-Хаусе всегда было полно родственников и друзей. Он был гостеприимным хозяином, но усталость от постоянного общения зачастую заставляла его испытывать страдания. И тогда он никого не хотел видеть, кроме своих близких. Когда после такого общения он чувствовал себя особенно плохо, то

превращался в отшельника. Тогда он посылал сигналы бедствия, например обращался к Джозефу Гукеру с просьбой поспособствовать ему войти в Философский клуб, который вот-вот должен был открыться в Лондоне: «Всего два или три дня тому назад я жаловался своей жене на то, как я бросаю своих знакомых и как они бросают меня и думаю лишь о клубе, который, насколько я понимаю, поможет мне достичь цели сохранить старых и приобрести каких-то новых знакомых».

В ноябре 1853 года он был награжден медалью Королевского общества за свои публикации — самой высокой наградой, которую могли ему присудить. Он писал Джозефу Гукеру: «Через год или два я буду работать над своей книгой о происхождении видов при условии, что я не сломаюсь».

Он знал, что не сломается. И когда закончит последние два тома о морских уточках, станет свободным человеком. «Но случится ли это? Может быть, я всего лишь перейду в другую тюрьму? В тюрьму без решеток, но из которой я не смогу выйти и в которую я посадил сам себя, и, может быть, на весь остаток своей жизни».

«ВСЕ ГЕНИИ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ ИДИОТЫ»

К маю 1855 года вышел из печати второй том «Живых ракообразных» и Палеонтологическое общество опубликовало второй том монографии «Ископаемые ракообразные».

— Наконец-то я разделался с усоногими — просто гора с плеч свалилась,— признался Чарлз Эмме.— Если мне попадется еще один из них, я просто отвернусь и пройду мимо.

Они сидели перед камином в спальне, было слышно знакомое пощелкивание вязальных спиц Эммы.

— Теперь я полон желания взяться за новую работу.

— За какую?

Чарлз вздрогнул от неожиданности: раньше она никогда не интересовалась его планами. С той поры, как шестнадцать лет назад он прочел ее письмо, он не обсуждал с женой свою теорию происхождения видов. Но теперь свои намерения не скроешь — ведь этой работе он решил посвятить все оставшиеся годы. Чарлз не хотел причинять Эмме страданий, но скрывать истину было еще хуже.

Он сидел и смотрел на огонь. Потом повернулся к Эмме, отложил ее вязание в сторону, взял руки жены в свои.

— Дорогая, я хочу поделиться с тобой моими планами на предстоящие годы. Сказать тебе всю правду, как я ее вижу. Надеюсь, мои слова не огорчат тебя, и молю об этом бога.

В ее теплых карих глазах он прочитал — не бойся.

— Обещаю, что не позволю себе волноваться.

Он поднялся с дивана, стал спиной к огню.

— Я решил поднять все боковые паруса, чтобы поймать пассат. Мне кажется, если ты будешь знать, какое я выбрал

направление, ты не будешь считать меня безумцем и глупцом. Взгляды мои сформировались медленно и, надеюсь, вполне осознанно. Но они наверняка столкнутся с оппозицией. Вот тебе пример: когда я в прошлый раз встретился в Лондоне с моим другом ботаником Хью Фальконером, он яростно, хотя и без злобы, набросился на меня и сказал: «Вы один принесете столько вреда, что его не смогут исправить десять естествоиспытателей. Вы уже развратили Гукера, наполовину испортили его!»

Эмма молча внимала.

— Позволь, я вкратце изложу тебе мои соображения о средствах, с помощью которых природа создает виды. Считать, что виды претерпевают изменения, меня заставляют данные эмбриологии, рудиментарные органы у животных, геологическая история и география распространения органических существ. Ты понимаешь меня?

— Смутно.

— Постараюсь выражаться яснее.— Он сделал паузу.— Давай рассмотрим органы: рудиментарные, атрофированные и недоразвитые. Органы или части тела, помеченные печатью бесполезности, в природе встречаются часто, даже у высокоорганизованных животных. Возьмем, к примеру, млекопитающих — у самцов рудиментарные грудные железы. Или у змей одна легочная доля — рудимент. Так называемое «незаконнорожденное» крыло у птиц — это рудиментарный большой палец, он никак не используется при полете. А наличие зубов у зародышей кита, тогда как у взрослых китов нет ни единого зуба,— что может быть любопытнее? А каких поразительных результатов добились селекционеры! Они отбирают животных с нужными им качествами и на их основе выводят новые породы. Даже сами селекционеры удивляются получаемым результатам. Уверен, что сознательная селекция — главное средство для выведения домашних пород. Ведь человек способен накапливать незначительные или более значительные отклонения и приспосабливать животных к своим потребностям. Можно сказать, что шерсть одной овцы он делает пригодной для того, чтобы ткать ковры, а другой — чтобы шить одежду.

— Но проводить селекцию стали только в последнее время, верно? — спросила Эмма.

— Да. Однако я все-таки считаю, что можно показать, что в природе работает некая безошибочная сила, происходит естественный отбор, и эта работа идет исключительно на пользу всем органическим существам. Заметь, все живые существа, даже слоны, размножаются с такой скоростью, что через несколько десятилетий, максимум, столетий, на поверхности

земли просто не останется места для потомства хотя бы одного вида. Мне не дает покоя мысль, что количественный рост каждого отдельного вида на каком-то этапе его развития ограничивается. Только некоторые из ежегодно рождающихся выживают и способны плодить себе подобных. Какие-то ничтожные различия зачастую определяют, какой особи суждено выжить, а какой — исчезнуть навсегда.

Эмма побледнела.

— Но разве это не противно христианству?

— Нет, это противно догме. Догматам, навязанным церкви уже потом. А моя теория не оспаривает существования бога. Просто природа следует его законам.

— А не приписываешь ли ты богу жестокость, когда говоришь, что лишь немногие из тех, кто рожден на свет, способны выжить?

— Было бы куда более жестоко, если бы все родившиеся на свет растения и животные оставались жить. Наша земля задохнулась бы и погибла миллионы лет назад. Только за счет естественного отбора, за счет вымирания наименее приспособленных возможна жизнь на земле.

Эмма внимательно слушала мужа: она подалась вперед, локти уперлись в колени, подбородок лежал на ладонях. Она была женщиной искренне религиозной, мало того — непоколебимой в своих убеждениях. Она регулярно ходила в церковь, причащалась у его преподобия мистера Иннеса. Читала Библию детям и возражала против светских выездов в экипаже по воскресеньям. Она даже сомневалась, можно ли по воскресеньям вышивать, вязать, раскладывать пасьянс, хотя и считала, что Англия только выиграла бы, получи народ разрешение хоть как-то развлекаться по воскресеньям. В начале ее супружеской жизни она с огорчением узнала, что Чарлз не разделяет ее убеждений. Однако огорчение прошло; Чарлз, решила она, ведет столь праведную жизнь, что, по всей видимости, носит образ божий в себе.

— Мне трудно принять мысль, что все живые существа не таковы, какими их сделал бог, что он не благословил их, не повелел процветать.

— Знаю. Мне тоже было трудно, но в конце концов собранные данные оказались неопровержимыми. Лайель не полностью согласен со мной, как и Гукер.

— Я должна уважать твои убеждения. Но какими доводами ты обоснуешь столь неприемлемую идею?

— Чтобы написать о непостоянстве видов, их изменчивости, росте, исчезновении, я собираюсь изучить все живое и получить документальные подтверждения. Растения и живот-

ные, насекомые, рыбы, птицы, пресмыкающиеся, земная кора с ее горными хребтами, долинами, плато, моря и океаны. Эта задача невыполнима, ни один человек не может знать все секреты нашего мира, вплоть до каждого изначального существа. Но ведь кто-то должен начать! У иудеев есть изречение: «Ты не обязан проделать всю работу, но и уклоняться от нее не имеешь права...»

Вдруг настроение у него упало, он приуныл.

На лбу жены обозначились морщины. В голосе ее звучали теплые нотки:

— Тебе кажется, что для этой задачи избран ты?

— Я избрал себя сам,— ответил он с саркастической улыбкой.

— Это одно и то же, Чарлз. Если это предначертание судьбы, ты не должен противиться. Раз уж ты цитируешь изречения, утешься словами Евангелия от Матфея: «Если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем не как я хочу, но как ты».

Он обнял жену.

Чарлз устроился в своем отгороженном уголке, напоминавшем каюту на корме «Бигля», поперек ручек его зеленого кресла лежала все та же покрытая зеленым сукном планка. Было приятно думать, вновь окунуться в работу, столь его занимавшую. В январе два их сына слегли с лихорадкой и бронхитом, и Дарвинам пришлось снять дом в Лондоне, на Бейкерстрит, отчасти для развлечения, отчасти для того, чтобы сменить обстановку,— они надеялись, это пойдет сыновьям на пользу. Но едва они переехали, как в городе ударили крепкие морозы, и большую часть времени пришлось просидеть дома. В ту зиму разразилась ужасная Крымская война, англичане и французы сражались с русскими. Англия тяжело переживала гибель многих своих сынов; и хотя после появления поэмы Теннисона «Атака легкой пехоты» настроение в народе поднялось, Лайель заметил:

— Помните, что сказал французский генерал Боске: «Она была прекрасной, эта атака, но атака еще не война».

Недовольство страны тем, как ведется Крымская война, вынудило кабинет лорда Абердина уйти в отставку; премьер-министром стал лорд Пальмерстон. Наконец-то отменили налог на газеты, теперь их могли покупать и менее обеспеченные люди, особенно недавно основанную и выходившую большим тиражом «Дейли телеграф». Господа Страхэм, Пол и Бейтс, крупные банкиры, присвоили себе на двадцать две тысячи

фуитов акций — и были поймаиы с поличичым. Поскольку это были образоваииые люди и полностью отдавали себе отчет в том, на что идут — по крайией мере, так сказали в суде,— им был выиесеи суровый приговор: ссылка в Австралию иа четырнадцать лет.

— Австралия! — воскликиул Чарлз, вспомииая, как был в этой страие во время путешествия иа «Бигле».— Хороший край. С богатейшими возможиостями. Так что я о иих ие беспокоюсь. Купят огромные пастбища, возьмут в жеиы хорошеиьких австралиек. Я бы приговорил их к четырнадцати годам ссылки куда-иибудь в район лоидоиских трущоб: Бермондсн, Холбори, Ист-эид. Это было бы для иих иаказаиием!

Мелькали и хорошие иовости. Флореис Найтиигейл с группой медсестер высадилась иа Скутари, чтобы ухаживать за больиыми и раиеиыми жертвамн Крымской войны. На улицах Лоидоиа впервые появились почтовые ящики, избавив жителей от иеобходимости ходить на почту каждый раз, когда нужно отправить письмо. В честь королевы Виктории и прииица Чарлза в Версале был дан бал; король Сардииии Виктор Эммаиуил, взявший в войне сторону Аиглии и Франции, иаиес визит королеве Виктории и прииицу Альберту, ему был пожаловаи ордеи Подвязки, что предвещало надежные дипломатнческне отиошеиия между страиами.

Когда позволяла погода, Дарвины ездили в Кью, к Джозефу и Фреиснс Гукерам. Оии брали двеиадцатилетиюю Геириетту иа коицерты дирижера Луи Жюльена, представительного фраицуза, столь много сделавшего для популяризации симфоиической музыки в Аиглии, зиамеиитого также своими роскошиыми жилетами. В первое же воскресенье в Лондоне онн наияли закрытую карету и отправились иа обед к Эразму, ои жил в шикариом четырехэтажиом доме иа Куин-Эин-стрит, недавио им куплениом, иеподалеку от чудесиого парка иа площади Кавеидиш-сквер. Дом стоял в тнхом переулке, за ним находились лишь два красивых здаиия; самое дальиее — Чаидос-Хаус, штаб-квартира престижиого Королевского медициского общества. Рядом проходила Харли-стрит, иа которой практиковали лучшие, по крайией мере, самые дорогие хирурги в Лоидоие. Позади шла Уимпол-стрит, где в доме отца, тираиа и собственника, выросла поэтесса Элизабет Моултои; сбежав от отца, она вышла замуж за Роберта Брауииига и перебралась в Италию, во Флореицию. Пять лет иазад оиа опубликовала «Сонеты нз Португалии», которые пользовались большим успехом. Эразм жил в иескольких мииутах ходьбы от Церкви всех душ иа Лэнгем-Плейс, с ее прекрасиым кругом колоии и изящиым тоиким шпилем.

Целую мииуту Дарвииы стоялн перед домом Эразма в восхнщеинн, хотя иа дворе была февральская стужа. Сквозь шерстяиую шаль, закрывавшую рот, Эмма пробормотала:

— Брат выбился в людн. Пользуется иаследством.

— О да. У иего иа обедах часто бывают молодые члены парламеита. С тех пор как ои подружился с драматургом Чарлзом Ридом, автором популяриых «Масок и лиц», в гостн к иему частеиько заходят самые модиые актеры, красотки актрисы. Но его фавориты все-таки писателн: Чарлз Кннгслн — ты читаешь его «Эй, к западу!», Энтоии Троллоп — сейчас печатают его ромаи «Попечитель», Унлки Коллииз — дома ты читала мне его «Аитоииу»...

Оин подиялись по ступеиям. Дворецкнй в элегаитном черном костюме, накрахмалеииой белой рубашке и белом галстуке открыл дверь иа первый же стук двериого молотка. Ои взял их пальто. Войдя в просториую, с высокнм потолком гостииую, оин подошли к мрамориому камииу в резиой деревяииой раме, по обе его стороиы стояли медиые ведра с углем. Эмма протяиула руки к огию, чтобы согреться. Чарлз повериулся к камину спииой. Эмма заметила:

— Как меияются вкусы. В прежием доме Эразма все было светло. Но королева Виктория ввела иовый стиль, и эта гостиная уже в более темиых тоиах. На окиах тяжелые плюшевые гардииы, атласные обои — темиые, и рисуиок какой-то мрачиый.

Гостииая была примечательиа обилнем заполиявших ее вещей: коллекция кнтайских шкатулок, большие и малеиькие вазы и статуэтки, богато украшеииые часы, растеиия. На спиках стульев ручиой работы внселн вышнвкн. Былн здесь и аиглнйские вещичкн, иапример прекрасной работы конторка, стол с откидиой крышкой — Эразм последиее время пристрастился ходить по аитиквариым лавкам Лоидоиа.

— Нравнтся? — раздался голос Эразма.— Сейчас все здесь доведеио до коица. Чтобы обставнть эту комиату как должно, я затратил два года.

Ои вплыл в комиату, источая запах одеколоиа; иа ием был изыскаииый пиджак нз голубого бархата, прекрасно сшитые серые брюки сидели как влитые — делали свое дело лямкн под его иачнщеииымн до блеска туфлями.

— Очаровательио, Эразм! — проговорнла Эмма.— У тебя тоикий вкус.

— Одиого ие могу поиять,— иачал Чарлз будто бы серьезно,— где ты размещаешь своих миогочислеииых гостей — ведь эта иовомодиая мебель заннмает столько места!

— Стулья убираются. Днваны складываются.— На обычио уиылом лице Эразма заиграла улыбка.— Сами увиднте, как это

делается. Будто по мановению волшебной палочки. К тому же после двухчасовой молитвы в Церкви всех душ мои гости будут голодны, как волки.

Первым прибыл Томас Гексли, полный жизни человек, с появлением которого начинали дрожать стены, а чуждые ему убеждения — рушиться. Он отвесил Эмме изящный поклон, схватил за руку Чарлза.

— Дарвин, я нарочно пришел пораньше,— признался он.— Надеялся, что застану вас одного и смогу извиниться.

— За что же, силы небесные?

— За то, что показал себя идиотом. Когда мы встретились, я выразил убеждение, что демаркационные линии между группами в природе проходят достаточно четко, что переходных форм нет. Я говорил с уверенностью, которая свойственна дерзновенной молодости и неглубоким познаниям. Вы спокойно ответили, что придерживаетесь другого мнения, и этот ответ долго преследовал меня, он изрядно меня озадачил. Годы упорного труда позволили мне понять, что вы имели в виду.

— Рад это слышать, Гексли.

— Прошу вас, Дарвин, пока не записывайте меня в свою веру. Меня ведь вполне устраивает, как сотворение мира описано в «Потерянном рае» у Мильтона, где он так живо воплощает естественный смысл книги Бытие: «Я никогда не скажу, что сие неверно, ибо невозможно».

Пока Чарлз от души смеялся, Эмма заинтересованно спросила:

— Как дела у вашей невесты, мисс Хиторн?

Широкое, красное лицо Гексли осветилось яркой улыбкой.

— Она с родителями сейчас на пароходе, возвращается из Сиднея. Мы ждали семь лет и теперь собираемся пожениться безотлагательно. Сейчас я хоть и с трудом, но все-таки могу содержать семью, двести фунтов в год мне платят за чтение лекций в Государственной горной школе, кроме того, я получаю гонорары в Геологическом обществе.

Его огромные глаза чуть помрачнели, лицо стало печальным.

— Я очень обеспокоен. Отец Нетти написал мне, что она подорвала здоровье. Видимо, австралийские лекари верят только в кровопускание да в каломель, больше ни во что.

Начали собираться гости Эразма. Дарвин словно попал на выставку мод. На женщинах были изысканные туалеты. Шляпки, украшенные цветами, шнурами и бархатными лентами, были сдвинуты подальше к затылку, чтобы не закрывать лицо. Корсеты туго стягивали талии, а юбки с оборками и воланами заполонили всю комнату. Самые смелые были одеты в тона

посветлее: голубые, золотисто-зеленые, розовые, желтые. Дамы поконсервативнее были в темно-коричневом и зеленом, их легкие шерстяные жакеты и набивные муслины были украшены замысловатыми шнурами или веточками цветов. Но всеобщее внимание привлек последний крик моды: юбки из переливчатого шелка поверх кринолинов. Каждая дама держала ридикюль из берлинской шерсти или отделанный бисером, на руках — вошедшие недавно в моду короткие белые перчатки, на ногах — туфли-лодочки из черного или белого атласа.

— Клянусь! — воскликнула Эмма, обращаясь к Чарлзу.— Рядом с этими элегантными дамами я чувствую себя провинциалкой.

— Но самое яркое оперение,— негромко сказал Чарлз,— не у кур, а у петухов. Только посмотри на эти двубортные приталенные пальто... на распахивающиеся сюртуки!

Мужчины старались перещеголять женщин: кашемиры и шелка, бархат, светло- и темно-зеленые тона чередовались с модными шотландками. Яркие жилеты были украшены шнурами, тонкой вышивкой. Воротники плиссированных спереди сорочек лежали поверх широких вязаных галстуков. Полуботинки из мягкой кожи были начищены до блеска. Несколько друзей Эразма из артистической среды были в свободного покроя пиджаках и небольших шапочках из бархата или кашемира.

— Одежда красит джентльмена,— заметил Чарлз с хитрой улыбкой,— или по крайней мере его внешность. Через несколько часов мы узнаем, есть ли что-нибудь под этими изощренными жилетами. Но в яркости им не откажешь.

Чарлз переходил от группы к группе, прислушиваясь к оживленным беседам. Гости перебрасывались бойкими, живыми, остроумными, иногда не совсем пристойными, а порой и злопыхательскими фразами, когда препарировались последние книги, пьесы, музыкальные сочинения, подвергалась тонкому анализу политика правительства, пускалась по кругу последняя сплетня о каком-нибудь судебном деле или скандале в благородном семействе.

Всех пригласили к столу. Столовая Эразма была не менее элегантной — полосатые обои и занавеси из зеленого в полоску шелка. Ярко горевший камин украшала белая резная полка, под хрустальной люстрой, рассеивавшей мягкий свет свечей, стоял длинный красновато-желтый стол. Закуски подавались вымуштрованной прислугой; палтус с соусом из креветок, цыпленок в горшочке, холодный фазан, заливное из телятины, салат, яблочный пирог с кремом, фруктовое желе, заварной крем.

— Неплохая разрядка для того, кто привык к говяжьей отбивной! — шепнул Чарлз Эмме.

Мороз на улице, светские разговоры в гостиной, три часа пополудни — все это пробудило у гостей аппетит. В том числе и у Чарлза с Эммой, к их собственному удивлению. Невероятно, но факт — обильный обед, запитый бесконечным множеством бутылок белого вина, был не просто побежден, но решительно уничтожен, и, когда гости поднялись, длинный чиппендейловский стол был пуст, как покинутое войском поле битвы.

Эразм проводил их до двери.

— Ты достиг того, к чему стремился в жизни, Рас,— сказал Чарлз.

— К чему эта снисходительность? Я, как и ты, стремлюсь к совершенству. И делаю все, чтобы каждое такое сборище осталось у людей в памяти. Приятное общество, приятная еда и питье, располагающая обстановка, в которой легко течет беседа, расцветает дружба. Не представляешь, как много подлинных талантов, мужчин и женщин, встретились здесь впервые и завязали отношения, которые обогащают их жизни.

— Не сомневаюсь в этом, Рас,— умиротворяюще ответил Чарлз.

В середине февраля Дарвины вернулись в Даун-Хаус. Дети, одетые в шубы, шарфы и шерстяные шапки, играли, утопая в снегу. Чарлз писал статью о силе движущихся ледников, об их способности корежить и видоизменять пересекаемую ими местность. Эту статью опубликовал «Научный ежеквартальник». Потом Чарлз с головой ушел в недавно вышедшую книгу своего друга Томаса Уолластона о насекомых Мадейры. Описания он нашел замечательными, а выводы — неудовлетворительными. Уолластон был энтомолог и конхиолог, выпускник колледжа Христа в Кембридже. В книге он развивал свои взгляды на причины существования зачаточных крыльев у большой группы насекомых, хотя Чарлз не раз пытался разубедить его в правильности занятой им позиции. Когда в гости приехал Джозеф Гукер, Чарлз показал ему спорную главу.

— Вам не кажется, что эти предположения весьма забавны?

— Кажется. И все далеки от истины.

Насекомые с зачаточными крыльями напомнили Чарлзу нелетающих бакланов с Галапагосских островов. Его, как и капитана Фицроя, Джона Уикема, Бенджамина Байно, тогда крайне озадачили эти птицы, потерявшие способность летать.

Никто на «Бигле» не смог дать этому разумное объяснение, и только теперь, исследуя рудиментарные органы, Чарлз смог объяснить себе это явление.

Сидя с Гукером в кабинете, Чарлз во всех подробностях живописал ему тот день на острове Албемарл. Запасы пресной воды на судне настолько истощились, что ежедневную норму пришлось уменьшить вдвое, до полгаллона на человека, это суровое испытание на экваторе, где солнце весь день стоит в зените. Чарлз сошел на берег, полный решимости найти пресную воду, но попадалась лишь соленая. Именно там, на Албемарле, он увидел больших бакланов, они кормились на нижних уступах скал, их крылья являли собой обрубки с бахромой из перьев. Пищи на скалах было предостаточно, и летать над водой в поисках рыбы не требовалось; не водились там и хищники, и большие птицы. Крылья бакланов атрофировались, потому что в них отпала нужда! Крыльями перестали пользоваться, и от неподвижности они усохли — а ведь когда-то их размаха хватало, чтобы поднять эти большие тела в воздух! — как сходит на нет всякий неиспользуемый орган всякого живого существа, если он теряет свою функцию.

Джозеф Гукер любовно пощипывал брови, столь же густые, как тропические растения в его Ботаническом саду в Кью.

— Да, тут нечего возразить.

— Конечно, Гукер. Это просто невозможно. Бог не мог дать птице обрубки вместо крыльев — ведь птица должна летать! Нелетающих бакланов создало время и изменения.

В начале 1855 года Чарлз забросил дневник здоровья, который вел пять с половиной лет. Ему нравилось делать записи, но ежедневные пометки все равно не позволяли обобщить его хронические недомогания.

В кабинете он проводил лишь часть своего времени; в основном он работал на воздухе, исследовал скелеты цыплят, уток, индеек, пытаясь определить, какие разновидности есть у каждого вида. Своему кузену он написал: «Я был бы очень рад получить от тебя семидневного утенка и какую-нибудь старую утку, умершую естественной смертью».

Изучая крошечных цыплят, он стал измерять их конечности, ощупывая суставы, записывал данные о скелетах старых индеек, тщательно обследовал ломовых и скаковых лошадей. Он узнал, что один из его приятелей-натуралистов насчитал сорок разновидностей обычной утки. Дарвин начал исследовать строение глаза и уха сотен птиц, лесных и домашних, пресмыкающихся и млекопитающих, ни на минуту не забывая о том, насколько эти органы хрупки и сложны.

— На какую глубину меня занесло! — жаловался он.

Чтобы получить скелеты, он вынужден был варить уток над огнем, который поддерживал в сарае за домом молодой Леттингтон, новый садовник, заменивший ушедшего на покой Комфорта. Семь детей Чарлза (из Регби приехал погостить Уильям) были заинтригованы его опытами с домашней птицей; от усонных рачков они устали гораздо раньше, чем их отец. Они поддразнивали его, крича:

— Ой, как здорово пахнет вареная уточка!

Эмма не возражала против смрада, она просто спросила: не лучше ли построить небольшую печь в дальнем конце заднего дворика?

— Я собираюсь заняться изучением голубей. Яррел подучит меня, и тогда голубятникам не так-то просто будет меня провести. Не бойся,— усмехнулся он,— варить их я не буду.

Через крупнейшего лондонского поставщика Бейли Чарлз купил несколько отборных голубей, веерохвостых и дутышей, и поместил их в большую клетку. Раньше голуби его никогда не интересовали, но теперь он был ими просто очарован и, к восторгу детей, построил голубятню.

Весной Джозефа Гукера назначили заместителем директора Королевского ботанического сада в Кью. Джозеф и его жена Френсис, которая уже родила двух детей и ожидала третьего, получили домик у входа в сад. Чарлз сказал Гукеру:

— Я искренне и от всей души поздравляю Вас с этим назначением. Понимаю, пока это не бог весть что, но в будущем Вы наверняка станете директором.

Гукер относился к Чарлзу так же, как тот — к Джону Генсло. Гукер был чрезмерно перегружен, так как постоянно подрабатывал — принимал экзамены по ботанике у соискателей ученой степени в медицине. Он готовил к публикации свой труд о флоре Новой Зеландии и Индии, но занятость и усталость никогда не мешали ему отвечать на письма Чарлза со множеством вопросов, касавшихся ботаники.

В начале июня Чарлз и мисс Торли, гувернантка его детей, собрали все растения с поля, которое раньше возделывалось, а теперь заросло. Потом — с соседнего возделываемого поля, чтобы узнать, какие растения появились недавно, какие исчезли.

— До чего трудно распознать растения! — воскликнул Чарлз, разглядывая свои трофеи.— Наверное, без Гукера нам не обойтись.

Когда среди многочисленных трав Чарлз впервые сумел выделить уже знакомую, он воскликнул:

— Ура! Ура! В жизни бы не подумал, что когда-нибудь сумею отличить одну травинку от другой. Нужно написать об этом Гукеру.

Во время путешествня иа «Бигле», как н в последующие годы углублеииого чтеиия, ои столкиулся с тем, что иа отдалеиных островах водятся растеиня, жнвотные и птнцы, которые самн иикак ие могли туда попасть. У традициоиалистов имелось готовое объясиеиие: бог одновремеиио создал все формы жизни во всех уголках землн. Чарлз в это ие верил. Малопомалу он пришел к выводам, дававшим частичиый ответ иа этот вопрос: семеиа н яйца перемещаются через моря иа бревиах, плотах, водорослях, в когтях нлн кншечннках перелетных птиц, которые опорожияют иа острове желудки, наполиенные иа материке.

Чарлз спросил Гукера:

— Могут ли семеиа, яйца сохраияться в солеиой воде в течеиие дией, иедель, месяцев и затем воспроизводнть свои виды иа далеких берегах?

— Думаю, что да,— ответил Гукер,— ио вы должиы проверить это.

— Да я готов положить все силы иа то, чтобы выясиить такую возможиость. Я зиаю, что вы отиесетесь к монм экспериментам, как подобает доброму христиаиину. Я собираюсь собрать разлнчиые семена, свежие яйца, положить их в бутылки и бочоики с солеиой водой, записать, сколько оии там пролежат, а затем выиуть их и дать им развиваться нормальным путем. Если вы, коиечио, ие возражаете.

— Да что вы! — воскликиул Гукер.— А вы ие против, если я немного поэкспериментирую подобиым образом у себя в Кью? Я тоже хочу выясиить, могут ли семеиа плавать.

— Давайте работать вместе. Поплывут, должиы поплыть!

Ои купил бутылки, бочоики разиых размеров, поставил их в ряд иа задием дворнке, иаполиил солеиой водой, поддерживая температуру тридцать два — тридцать три градуса по Цельсию — ои считал, что средиегодовая температура воды в океаие должиа быть как раз такой. Детям нравнлась эта иовая игра, оин думалн, что он затеял ее ради иих. Эмма, ие желавшая участвовать в препарировании животиых, домашннх и лесиых птиц, не говоря об усоиогнх раках, теперь заиитересовалась. Дети сделали иа каждой бутылке и бочоике иаклейки с надписью, где какие семеиа. Эмма вызвалась изо дия в деиь записывать состояиие семяи. Оиа ие думала, что эта работа ляжет в осиову трактата ее мужа о происхождеиии вндов.

Ои иачал с семяи редиса, салата, капусты, латука, моркови, сельдерея и лука. Неделю семеиа держалн в бочонках с солеиой водой, потом их посаднлн в землю. Детн забега́лн к отцу в кабииет и кричали:

— Папа, папа, иди скорей, сельдерей н лук прорастают!

Салат и латук росли быстрее обычного, а вот капуста поднималась неравномерно.

— Наверное, многие семена капусты погибли.

Дети стонали от разочарования.

Три неделн спустя салат и латук продолжали давать мощные побеги. Чарлз сказал:

— Честное слово, не могу поверить в наш успех.

— Ты утрешь нос доктору Гукеру? — спрашивалн детн.

Следующая партия семян для обработкн соленой водой состояла из французского шпината, овса, ячменя, канареечного семени и свеклы. В бутылках и бочонках они плавали две недели, трн, потом Чарлз вынул нх и посадил. Он знал: за такой малый срок семенам не доплыть до дальних краев. Но когда после восьмидесяти пяти дней жизни в соленой воде проросли семена сельдерея и лука, он воскликнул:

— Это триумф! Значит, некоторые формы жизни способны пересекать океаны и воспроизводиться на островах; и, разумеется, на других удаленных материках.

Он обратился к своему старому учителю Генсло с просьбой: пусть девчушки нз прихода за полкроны соберут для него семена. Семян прислали множество, Чарлз расплачивался почтовыми марками. Еще один опыт он провел совместно с Зоологическим обществом в Лондоне. Он написал Гукеру: «Рыбе в Зоологическом обществе скормили много замоченных семян. Моя взыгравшая фантазия нарисовала такую картину: цапля заглатывает рыбу вместе с семенами, уносит их за сотни миль, освобождается от них на берегах какого-нибудь другого озера, где они прекрасным образом прорастают. Увы, рыбы с яростью выплюнули все семена».

Кузен Фокс выслал ему для анатомированння веерохвостых голубей и дутышей. Из наспех сколоченного сарая Чарлз изгнал Эмму, но старшим детям разрешил остаться. Фоксу он написал: «Я совершил черное дело и уничтожил маленького веерохвостого ангела десяти дней от роду. К веерохвостому я применил хлороформ и эфир. А со вторым проделал вот что: положил кусочки цианистого калия в большую влажную банку, а через полчаса посадил туда голубя: образовавшийся газ синильной кислоты быстро оказал фатальное воздействие».

Чарлзу хотелось знать, могут ли только что отложенные яйца ящерицы и змеи долго плавать в море — достаточно долго, чтобы животные появились на других землях. Он просил Фокса: «В ваших краях песчаная почва, и, наверное, ящерицы там не такая большая редкость? Если я прав, надеюсь, вам не покажется смешной моя просьба: пусть мальчишки вашей школы

за вознаграждение найдут для меня отложенные ящерицами яйца. Шиллинг за каждые полдюжины или больше, если найти трудно. Как наберется две-три дюжины — высылайте. Если по ошибке попадутся яйца змей, это будет весьма кстати, они мне тоже нужны; ведь у нас ни ящерицы, ни змеи не водятся».

Шли недели и месяцы, Чарлз исписывал результатами опытов сотни страниц, в дело шел любой подвернувшийся клочок бумаги, даже старые конверты. Десятки картотечных ящичков, которые он сам сделал, постепенно заполнялись. Здесь хранились его наблюдения и имевшиеся сведения. Если факты противоречили теории, он почти никогда не унывал.

С помощью Джозефа Гукера Чарлз свел в Кью очень полезное знакомство с американцем Асой Греем. Доктор Грей, преподаватель ботаники в Гарвардском университете, автор «Справочника по ботанике Северных Соединенных Штатов», снабдил Чарлза очень ценными сведениями об американских растениях. Чарлз также поехал в Лондон и вступил в Саутуоркское общество голубеводов, члены которого собирались в семь часов в йоркширской таверне в доме 4 на Парк-стрит.

Потом он поехал на север, в Регби, навестить заболевшего корью Уильяма. Чарлз сказал ему:

— В таверне я повстречал довольно странных мужчин. А принадлежит таверна женщине, что тоже странно. Некой мисс Виктуар Арден.

— И что же предпочитает мисс Арден,— спросил его старший сын с озорной улыбкой,— странных мужчин или голубей?

— Странных мужчин. Ведь они, в отличие от голубей, могут платить за пиво. Мистер Брендт, один из их лидеров, оказался редким чудаком. После обеда он протянул мне глиняную трубку и сказал: «Вот ваша трубка», будто само собой разумелось, что я курю. В субботу я заберу гораздо больше голубей — это занятие куда благороднее и возвышеннее возни с мотыльками и бабочками, даже если ты с этим не согласен.

Его дети любили ловить бабочек и презирали собирателей жуков. Это был для них повод лишний раз подшутить над отцом. Своими наставлениями и энтузиазмом он привил детям любовь к живой природе, но не считал нужным снабжать их экземплярами для коллекции. Коллекцию дети должны собирать сами — только тогда она принесет им радость.

Летом и осенью Чарлз занялся петухами и курами, стараясь выявить различия в строении костей, весе, количестве хвостовых перьев, чтобы четко определить разновидности. Добывать материал для опытов было трудно — не всем нравилось упако-

вывать или отправлять ему мертвую птицу, с усоногими раками было куда проще. А умерщвление птенцов огорчало Эмму и детей. Тогда он предложил вознаграждение за мертвых голубей, кроликов и уток мистеру Бейкеру, который разводил их и продавал. Самым верным поставщиком оставался кузен Фокс, который высылал ему нужные экземпляры. Чарлз послал также два десятка писем известным птицеводам и профессиональным свежевальщикам с просьбой присылать ему останки домашней птицы и голубей.

Он размышлял: «Около тридцати лет назад много говорилось о том, что геологи должны только наблюдать, но не теоретизировать; хорошо помню, как кто-то сказал, что, если рассуждать подобным образом, лучше просто спуститься в гравийный карьер и считать там камешки и описывать их цвета. Неужели люди не понимают, что смысл любого наблюдения — доказать или опровергнуть какую-либо позицию, иначе польза от наблюдения равна нулю».

Осенью 1855 года он получил очередной номер «Анналов естественной истории» и начал читать статью Алфреда Рассела Уоллеса под названием «О законе, регулирующем возникновение новых видов». Его потрясло уже само название. Ему и в голову не приходило, что кто-то другой идет той же непроторенной дорогой, на какую он ступил восемнадцать лет назад, в 1837 году. Он вышел в переднюю, взял из рыжевато-зеленой керамической табакерки щепотку нюхательного табака и снова принялся за чтение статьи. Его ждал новый сюрприз:

«Географическое распространение зависит от геологических изменений.

Каждый естествоиспытатель, изучающий вопросы географического распространения животных и растений, наверняка сталкивался в своих исследованиях со странными фактами...

...Местность, на которой имеются определенные виды, роды и принадлежащие к ним целые семьи, безусловно сформировалась в результате длительной изоляции, достаточной для того, чтобы многие подвиды сложились по типу предсуществовавших, которые вымерли, как и многие виды более раннего периода, в результате группы стали казаться изолированными...»

Чарлз поднялся и, глубоко обеспокоенный, стал ходить по комнате. Взглянув на оглавление, он понял, что автор статьи — молодой человек, которого он смутно помнил по мимолетной встрече в Британском музее года два назад. Он также читал в доме Лайеля главу или две из книги Уоллеса «Путешествие по Амазонке» и тогда еще подумал, что автор — вдумчивый

и иаблюдательиый естествоиспытатель. Сейчас Алфреду Расселу Уоллесу тридцать два года, а тогда ои собирался отправиться в экспедицию: Сиигапур, Бали, Целебес, Малакка — зоиа Малайского архипелага, еще ие изучеииая естествоиспытателями. Чарлз вспомиил слова Уоллеса:

— Выбрать Сиигапур исходиым пуиктом для сбора материалов по естествеииой истории меия иатолкнули заиятия, проведеииые здесь, в этом музее, в разделах иасекомых и птиц. Я хочу, чтобы моя экспедиция продлилась иесколько лет, как ваша иа «Бигле» и Гукера иа «Эребусе». Я холост, и время мое иичем ие ограиичеио.

Перед мыслеииым взором Чарлза возиик облик Уоллеса: простоватый с виду, эдакий увалеиь, массивиые плечи и широкая грудь, копна чериых волос, темиые бакенбарды, очки без оправы, слишком малеиькие для его огромиых, пытливых, ио добрых глаз. Держится застеичиво, говорит иегромко, прекрасио образоваи, хотя выучился ие в школе: семью Уоллесов, иикогда ие жившую в роскоши, постигло разореиие, и мальчику пришлось бросить школу в четыриадцать лет.

Всплыло в памяти и все, что ои зиал об Алфреде Уоллесе. Поскольку у Уоллеса ие было деиег, тот изложил свой плаи Родерику Мурчисоиу, тогдашиему президеиту Королевского географического общества, и имеино благодаря прошеиию, подаииому Мурчисоиом в правительство, было разрешено провести экспедицию иа корабле компании «Пасифик эид ориеит», отплывавшем в Сингапур в начале 1854 года.

Чарлз снова взял в руки журиал. Статья была опубликоваиа всего через полгода после отплытия Уоллеса из Аиглии!

— Поразительно! Ои столького добился за такое короткое время! — воскликиул Чарлз с бьющимся сердцем; потом прочитал всю статью целиком, все девятиадцать страииц иаблюдеиий и примеров Уоллеса до завершающего абзаца: «Нами было показаио, хотя довольио поверхиостио и кратко, как закои о том, что «все виды иачали свое существоваиие, связаииое во времеии и простраистве с предсуществовавшими схожими с иими видами», связывает и иаделяет логическим смыслом огромиое количество разрозиеииых и потому доселе не объясиеииых фактов...»

Ои ие мог поверить своим глазам. Алфред Уоллес выступил с революциоииой теорией и изложил ее почти его собствеиными словами. Невероятио! Во время чтеиия Чарлз был раздосадоваи, озадачеи, разочароваи, рассержеи, иаконец, опустошеи. Ои вышел из кабииета, взял плащ, мягкую шляпу, ясеиевую трость и направился в стороиу Песчаной тропы. Камии считать ие стал, ио сделал по дорожке два круга и лишь после этого

испытал какое-то облегчение. Да, Уоллес выявил факты и сгруппировал их в теорию о видах, но он не обнаружил механизма естественного отбора.

Чарлз взял ножницы, вырезал из журнала все остальные статьи и выбросил их, оставив между обложками лишь статью Уоллеса. Ее он положил в ящик своего шкафчика и с этого момента решительно перестал о ней думать.

Но не надолго.

Перед встречей в Обществе он ужинал с Лайелем, и тот спросил:

— Вы читали статью Алфреда Уоллеса в «Анналах»?

— Читал.

— Неплохо написано, как считаете?

— Превосходно.

— Наступает вам на пятки, а?

— Скорее, на мозоли. Но он не дает ответа на вопрос, что вызывает изменение видов.

— А вы?

— На это я отвечу позже.

— Прочитав статью Уоллеса, я сам начал делать записи о видах.

— Только теперь!.. Я обсуждал с вами виды столько лет, и лишь теперь, после его статьи, вы начали вести записи?

— Когда вы были одни, я не видел в этом нужды. Но сейчас вас стало двое...

Второе напоминание пришло от друга, естествоиспытателя Эдварда Блита, хранителя Музея Азиатского общества Бенгалии, большого специалиста по птицам и млекопитающим Индии. В письме, содержащем сведения об индийской флоре, Блит спрашивал: «Что вы думаете о статье Уоллеса в «Анналах»? Здорово, черт возьми! По-моему, материал подан Уоллесом хорошо; по его теории, различные породы домашних животных развились в виды».

Письмо это обеспокоило Чарлза больше, нежели разговор с Лайелем, потому что Блит охарактеризовал умозаключение Уоллеса как «триумф факта, на который наткнулся наш друг Уоллес».

Сумеет ли Уоллес вывести также принцип естественного отбора? Что же тогда, все его годы работы и открытий — впустую? Неужели ему суждено уступить первенство?

— Да нет же! — воскликнул он вполголоса, обращаясь к книжным полкам своего кабинета.— Все это ерунда. И эгоизм высшей степени. Уоллес — преданный науке талантливый молодой естествоиспытатель. Я помогу ему, чем смогу, как мне помог Лайель.

Январь 1856 года оказался неудачным для семьи. Эмму вдруг начали мучить головные боли. Дети были простужены, и их нельзя было выпускать на улицу. На полях лежали высокие сугробы, и Чарлз почти не мог работать в своих сараях. В кабинете перед камином Чарлз аннотировал вновь поступившие книги, писал письма и переваривал полученную корреспонденцию, касавшуюся особенностей яиц и цветовых различий уток и овец в разных частях света. Он обобщал тысячи разрозненных фактов о жизни животных и растений, об их предназначении,— такая работа была по силам далеко не каждому.

О его грандиозном замысле знал лишь он сам. Иногда он колебался, переживал, когда ход его исследований в том или другом направлении тормозился. Но твердая вера в теорию развития, изменения и приспособления видов с момента появления на земле первых форм жизни миллионы лет назад,— эта вера оставалась незыблемой. Он был убежден, что его теория — это крепкий корабль, который не пойдет ко дну при первом ударе волн. Но нужна осторожность, беспристрастность — и никакого догматизма.

Пришла удручающая новость из Лондона — в покойнике, обнаруженном на Хэмпстед-Хит, опознали члена парламента Джона Сэдлера. Он совершил самоубийство, потому что был замешан в банковских махинациях. С этого факта началась серия разоблачений высокопоставленных чиновников, запускавших руку в государственную казну, что нанесло неисчислимый ущерб вкладчикам, фермерам, торговцам. В том же году некто Леопольд Редпэт подделал записи акций Большой северной железной дороги и присвоил себе четверть миллиона фунтов стерлингов. Чарлз пришел в ярость, заслышав об этом, потому что всерьез собирался купить на имевшиеся у них сбережения акции Большой северной.

«Подожду, пока они возместят потери,— решил он.— Все же несколько их акций мы купим — вложение это хорошее».

Многие говорили, что подобные скандалы подрывают веру англичан в правящие классы. Ко всем неприятностям сгорел популярный театр «Ковент-Гарден», сгорел во время бала-маскарада, обернувшегося пьяной оргией. Некоторой компенсацией стала с восторгом принятая премьера оперы «Пикколомини». Чарлз обещал Генриетте свозить ее на эту оперу. Он часто брал детей на выставки в «Хрустальный дворец», который в 1854 году был за семьдесят тысяч фунтов куплен Брайтонской железнодорожной компанией и перевезен в Сиденхэм, в восьми с половиной милях к северо-западу от Даун-Хауса. Дети с раннего возраста питали любовь к выставкам.

В конце марта был подписан мирный договор, и Крымская война закончилась; но тут же последовало объявление войны Персии, затем — бомбардировка Кантона, известившая о начале завоевательной войны, которую королевский флот повел против Китая.

— Есть такая старая поговорка: «Сомневаться можно во всем, кроме смерти и налогов»,— ворчал Чарлз.— А я бы добавил: «Кроме смерти, налогов и войны». По Мальтусу, войны необходимы для того, чтобы снизить прирост населения?

Он пропускал через себя ежедневные новости и в тщательно отредактированном виде преподносил их детям, если они оказывались рядом и слушали. Эмму газетные страсти мало трогали. Где-то в глубине души ей казалось, что газеты — это лишь раскрашенные черной краской игрушки, ежедневные сóски для простодушных мужчин. Проходили дни, одни сплетни сменяли другие. Все это так недолговечно! Волновало и заботило Эмму другое — благополучие ее мужа, детей, дома.

В конце апреля 1856 года Чарлз решил предстать перед высоким судом и подвергнуть свое детище испытанию. Он пригласил в Даун-Хаус Чарлза Лайеля, Джозефа Гукера, Томаса Гексли и Томаса Уолластона вместе с женами. Чтобы собрать эту четверку в Даун-Хаусе, потребовался месяц переписки. Леттингтона он послал с экипажем на станцию в Сиденхэм, где тот нанял второго извозчика, чтобы привезти всех. Чарлз не ждал от друзей единодушного одобрения, скорее, ему требовалась критическая оценка его теории.

В 1856 году Лайель опубликовал всего одну статью, но его «Основы геологии» выдерживали уже девятое, расширенное издание. Джозеф Гукер продолжал работать над флорой Тасмании. Томас Гексли меньше года как женился. Некий доктор, известное светило, предсказал, что мисс Генриетта Хиторн не протянет и полгода, но супружеская жизнь с экспансивным, но нежным Томасом Гексли излечила ее. Два последних года Гексли читал лекции в Государственной горной школе на Джермин-стрит и был главным естествоиспытателем в Геологическом обществе. Ему предложили возглавить кафедру биологии в Эдинбургском университете, но он отказался — предпочитал работать в Лондоне, где его как раз попросили выступить с лекциями в Королевской ассоциации. Тридцатичетырехлетний Томас Уолластон посвятил себя изучению жуков Мадейры, островов Зеленого Мыса и Святой Елены. Там он и почерпнул свидетельства, подтверждавшие его веру в существование затонувшего континента Атлантиды, это была его любимая фантазия. Свою первую научную работу он написал, когда еще учился в Кембридже, в колледже Христа.

К вечеру в пятницу гости собрались на ступенях Даун-Хауса. Эмма потеснила детей и освободила четыре спальни. А чтобы управиться на кухне, наняла в деревне еще одну женщину. Когда гости отдохнули с дороги и спустились в гостиную выпить по бокалу шерри, Эмма сказала им:

— У всех у вас сегодня был трудный день, наверное, некогда было как следует пообедать. Перейдем в столовую, надеюсь, нам удастся восполнить этот пробел.

Освещенный полудюжиной свечей, обеденный стол был прекрасен. Сэлли приготовила запеченного лосося, тушеную телятину с соусом и картофелем, яблочный пудинг, обсыпанный хлебными крошками. Гости с аппетитом поглощали блюдо за блюдом. В отличие от первого обеда, который Эмма дала для коллег Чарлза на Аппер-Гауэр-стрит, 12, где мужчины говорили почти шепотом и, казалось, разговор вот-вот умрет, на сей раз все были оживлены, веселы и разговорчивы. Едва разделавшись с лососем, гости принялись обсуждать ледниковый период; могли или нет северные растения мигрировать на юг, даже к экватору, как это сделали многие племена; верно ли, что единственными существами, выжившими после таяния льдов, были те, которые сумели заползти, поколение за поколением, на горы, как это было на Цейлоне, Яве, в горах Бразилии. Женщин за возбужденными мужскими голосами почти не было слышно, они мирно беседовали вполголоса.

После обеда все вернулись в гостиную. Эмма немного поиграла на рояле. Чарлз организовал две партии в триктрак с меняющимися участниками. По комнатам разошлись рано — Чарлз попросил коллег спуститься к завтраку в семь утра. К восьми часам все пятеро закрылись в кабинете Чарлза. Старшим по возрасту среди них был пятидесятивосьмилетний Лайель, и Чарлз посадил его в кресло, стоявшее в углу. Сорокасемилетний Дарвин сел справа от Лайеля, тридцатидевятилетний Гукер — слева, а самому молодому, тридцатилетнему, Гексли пришлось довольствоваться обитой материей скамеечкой, которой Чарлз пользовался все годы работы над усоногими рачками.

Взгляду Чарлза предстали чисто выбритые лица, внимательные глаза. Все пятеро бывали в далеких и экзотических странах, встречались с опасностью, вернулись с богатейшими знаниями.

— Первым делом я хотел бы узнать, что вы думаете о географическом распространении на земле растительных и животных видов. Мне кажется, что сходство живых существ, населяющих весьма удаленные друг от друга земли и острова, можно объяснить.

— Можно,— ответил Джозеф Гукер.— Но не с помощью твоей теории о семенах, плывущих через океаны. В далеком геологическом прошлом существовали огромные материки, соединявшие такие далекие земли, как Новая Зеландия и Южная Америка. Землю опоясывала цепь материков, многие из которых исчезли. Сотни маленьких островков наших дней — это вершины затопленных материков.

— Согласен,— решительно заявил Уолластон.— Я убежден, что Атлантида была таким соединительным материком. Жуки различных видов свободно летали по всему земному шару, и теперь они водятся в любом уголке земли.

Чарлз решил ответить Гукеру.

— Мои опыты с семенами доказали, что некоторые из них способны жить в соленой воде до восьмидесяти дней, а потом прорастать на грядке. Я выяснил, что в экскрементах перелетных птиц часто содержатся семена, которые, попав на плодородную почву, могут дать побеги, даже если это очень далеко от родных краев. То же относится и к большим птицам, переносящим в когтях грязь. В этой грязи есть живые семена.

— Похоже на правду,— пробурчал Гексли.— По крайней мере, это лучше, чем каждый раз изобретать материк, стоит нам столкнуться с растением, птицей, пресмыкающимся, найденными в тысяче миль от им подобных.

— Давайте вернемся к вашей теории видов,— предложил Лайель.— А как насчет людей, Дарвин?

Чарлз даже вздрогнул:

— Что насчет людей?

— Ведь они тоже вид?

— Разумеется.

— Тогда каков путь их эволюции?

— Ну нет! — бурно запротестовал Чарлз.— Человек — это запретная зона.

— Почему же? — вкрадчивым голосом спросил Лайель.— Разве мы не могли произойти от орангутанга? Допустим, с Борнео или Суматры. Рост самцов превышал четыре фута, это не намного ниже изящно сложенных танцовщиков с острова Крит. В один прекрасный день вам все равно придется заняться происхождением человека. Поэтому ваш подход я считаю неприемлемым — в общую картину не вписывается человек. Распространенная точка зрения такова, что все разновидности рода человеческого произошли от одной пары. Насколько могу судить, против этой теории нет серьезных возражений.

Чарлз не клюнул на приманку. Он спросил:

— Кто-нибудь из сидящих в этой комнате согласен с моей

теорией о том, что борьба за существование есть движущая сила эволюции современных форм жизни?

Гости переглянулись. Затем Лайель и Гукер сказали, что Чарлзу потребуется немалый запас бесспорных фактов, подтверждающих его идею об исчезновении прежних разновидностей и видов. Томас Гексли заявил, что он и сам готов посвятить больше времени работе в этой области. А Томаса Уолластона слова Чарлза всерьез обеспокоили. Подход Чарлза оскорблял святость библейской книги Бытие. В голосе Уолластона слышался легкий упрек.

— Разумеется, меняется наш мир и населяющие его существа. Мы все согласны с тем, что был ледниковый период, а до него много прочих периодов. Но все они логически объяснимы. Когда бог по причинам, известным ему одному, задумал произвести на нашей земле серьезные перемены, он просто создал разные материки, моря, заселил их разными птицами, рыбами, цветами, деревьями. Ведь, в конце концов, он создал мир всего за шесть дней! Так разве не мог он позже перекроить этот мир по своему желанию? Думаю, что мог.

Они беседовали до полудня, потом Чарлз повел друзей на прогулку по Песчаной тропе. Пообедав, все разошлись по комнатам отдохнуть. В три часа снова собрались в кабинете, и Чарлз рассказал о своей работе с пятнадцатью разновидностями обыкновенного голубя.

— Работу по классификации прекрасно ведут такие люди, как Генсло, Броун, Вы, Томас, Гукер, Аса Грей в Гарварде. Это колоссальная задача — ведь на поверхности земли, в воздухе, в морях все живое существует в сотнях тысяч разновидностей, и я утверждаю, что это вызвано суровой, а порой и жестокой необходимостью изменений, без коих невозможно приспособиться к окружающей среде и выжить. Именно эта классификация будет постаментом для моей теории о естественном отборе — или могильным камнем.

В воскресенье утром, когда гости отправились в деревенскую церковь, Чарлз попросил Лайеля остаться, чтобы показать ему «багаж» накопленных доказательств.

— Лайель, не следует ли определить естественный отбор как сохранение видов, лучше других ведущих борьбу за выживание? В этом состязании любая разновидность имеет все шансы выжить, но в ней должны произойти органические изменения, она должна приспособиться к пище, хищникам, среде, перенаселенности. А те разновидности или виды, которые не могут приспособиться к условиям жизни, вымирают. Вы за свою жизнь видели немало ископаемых останков. Почему одни подвиды исчезли, а другие существуют?

Лайель посмотрел по стороиам, выбирая, в какое кресло сесть, ио в конце коицов прииялся шагать по комнате.

— Зубы мудрости у меня прорезались иа «Осиовах геологии» Лайеля,— с иажимом сказал Чарлз.— У великих учеиых ие бывает тупоголовых учеииков.

Лайель даже покрасиел.

— Я решительио вам советую, Дарвии, иачать писать киигу с изложением вашей теории. Гораздо более подробную, чем очерки, которые вы писали иесколько лет иазад.

Чарлз молчал.

Лайель иастаивал:

— Используйте материал, иаиболее ясио подтверждающий ваши выводы. Но ие медлите, садитесь за работу сейчас же, иначе кто-нибудь опередит вас, и ваши лавры достаиутся ему.

С иеохотой Чарлз ответил:

— Да, ие желал бы я, чтобы кто-нибудь выступил с моей теорией раиьше меня.

После обеда друзья сиова собрались в кабииете — к вечеру Чарлз обещал доставить гостей на стаицию.

— Мие иужио знать ваше отиошение к моим идеям,— сказал ои собравшимся.— Прошу вас, задавайте безжалостиые вопросы.

И посыпались вопросы: каким образом у насекомоядиых и сухопутиых животиых появились огромиые крылья (летучая мышь)? Что сказать о пиигвиие, который использует крылья лишь при иыряиии? Как объясиить, что пресмыкающиеся раньше летали? Почему у иизших животиых одии и тот же орган часто служит для пищевареиия и дыхаиия? Как могут шестьсот гусениц иа одиородном участке долииы реки Амазоики превратиться в шестьсот различиых видов бабочек?

Чарлз спокойио отвечал, используя свою теорию о естествениом отборе, об измеичивости видов. Спокойио выслушивал их возражеиия.

Рассаживая гостей по экипажам, ои сказал им:

— Да, это была для меия хорошая встряска. Большое спасибо за все, особеиио за долготерпеиие.

Джозеф Гукер, посадив жеиу в стоявшую перед домом коляску, повериулся и сказал:

— Я уже как-то говорил: всегда покидаю этот дом с чувством, что иичего сюда ие прииес, а уиошу столько, что едва не падаю под тяжестью груза.

— Вы тоже считаете, что мою работу о видах следует опубликовать?

— Коиечио, Дарвии.

— Но как? Я ие хочу подводить редактора или коллегию — ведь, публикуя ересь, оии здорово рискуют.

— При выдвижеиии иовых идей риск иеизбежеи,— ответил Гукер.— В издательствах и иаучиых обществах это хорошо зиают. К тому же оии всегда могут отказаться. Или сопроводить материал словами о том, что Общество или издатель ие разделяют взглядов автора.

— Не зиаю, хватит ли у меия мужества засесть за иеобъятиую, как ее иазывает Лайель, киигу. Мие было бы проще иачать, если бы я зиал, что речь идет о тоикой киижице...

— Начииайте как угодио,— убеждеиио произиес Гукер,— ио садитесь за работу иемедлеиио!

Сбор всех материалов потребовал титаиических усилий — иа это ушло две иедели,— и вот 14 мая ои уселся в свое большое кресло, положив поперек подлокотииков дощечку для письма. Раиее ои использовал для заметок любой подвериувшийся клочок бумаги. Но сейчас речь шла о иастоящей рукописи. Из шкафа ои достал стопку бумаги размером восемь дюймов иа двеиадцать, обмакиул перо в чериильиицу и иачал писать: «Никто ие должеи удивляться тому, сколько еще остается иепоиятиого в вопросе о происхождеиии видов и разиовидиостей, если иметь в виду наше поразительное невежество в том, что касается взаимосвязи миожества окружающих иас живых существ. Кто способеи объясиить, почему одии виды распространеиы широко и весьма миогочислеииы, тогда как другие родствеииые им виды водятся лишь в определеииых местах и достаточио редки? Тем ие меиее эти отиошеиия чрезвычайио важиы, ибо оии определяют ыиеишее благосостояиие и, как мие кажется, будущий успех и развитие всех иаселяющих иашу землю существ. Еще меиьше иам известио о взаимосвязи бесчислеииых обитателей мира во миогие прошедшие геологические периоды его истории...»

Страиицы так и вылетали из-под его пера. Ои писал только иа одиой стороие листа, ио иногда возвращался к иаписаииому и добавлял что-то между строк. Если мысль ие иравилась ему, ои безжалостио вымарывал строку. Ои что-то вставлял с помощью зиаков, дописывал фразы иа полях, ииогда переворачивал лист и сочииял целый абзац. Делал для себя караидашиые пометки, иапример «показать Гексли». Иногда подклеивал к страницам дополиительиые куски, подкалывал их булавками.

Его почерк, по собствеииому утверждеиию, был «страшно корявым», ио ои зиал, что мысли его текут и ложатся на бумагу гладко. А переписчик сделает ему хороший экземпляр. Зиал

он и то, что иногда делал ошибки в орфографии и пунктуации. Но это не тревожило его. Перед ним стояла одна задача — изложить свою теорию доступным и ясным языком, не скрывая ее недостатков, делая определенные оговорки и указывая на трудности, доказательно подтвердить свою теорию о том, что философы называют «тайной тайн».

Часы отдыха он проводил на воздухе, наблюдал за растениями, прораставшими между корней деревьев. Он озадачил своих детей, показав им, как двадцать девять растений проросли из столовой ложки грязи, которую он зачерпнул в маленьком пруду. В письме Фоксу он упомянул число страниц, написанных им за месяц. Получив восторженный ответ Фокса, Чарлз написал ему: «...смею заметить, что сказанное тобой о моей работе очень верно: у меня приступ словесного недержания. Надеюсь все же, что работа выйдет достаточно скромной».

Серьезное чтение вместо того, чтобы приносить пользу, раздражало его. Недавно опубликованная работа Томаса Уолластона «Об изменениях видов» основывалась больше на теологии, чем на биологии. Всех, кто с ним не согласен, Уолластон клеймил как носителей «крайне вредных»... «абсурдных»... «необоснованных» идей.

При следующей встрече в Лондоне Чарлз сказал Уолластону:

— Вы словно Кальвин, сжигающий на костре еретиков.

— Сверхчестность — ваша характерная черта,— парировал Уолластон.

Чарлз получил письмо от Самуэля Вудворда, сотрудника отдела геологии и минералогии Британского музея, ранее опубликовавшего солидную книгу о раковинах. Вудворд также придерживался мнения, что все острова Тихого и Атлантического океанов являются остатками материков, затопленных в период существования видов, сохранившихся доныне. Негодованию Чарлза не было границ. Свой протест он выразил в письме к Лайелю: «Если сложить вместе все материки, созданные в последние годы Вудвордом, Гукером, Уолластоном и Вами... неплохой кусочек земли получится!»

Гукеру он написал: «Мне надо перестать беситься, утихомириться и не мешать вам всем печь материки, как блины!»

Между тем Горасу уже исполнилось пять с половиной лет. Эмма и Чарлз были уверены в правоте Генри Холланда, утверждавшего, что зачатие возможно лишь до определенного возраста — так повелела природа. Но в июне 1856 года, в сорок восемь лет, Эмма обнаружила, что снова в положении.

Оии сидели в спальие возле арки окиа. Чарлз положил жеие руку иа плечо, притянул к себе. Десятки извииеиий готовы были сорваться с его губ. Наконец ои произнес:

— Мы сделаем все, чтобы твоя жизиь стала счастливее.

Оиа опустила голову ему иа плечо:

— Я ие привыкла противиться воле господией.

Фраицузы говорят, что «аппетит приходит во время еды». Аигличане утверждают, что «мысли приходят во время письма». К середиие июля, когда Чарлз писал уже два месяца подряд, ему удалось справиться с заиозистой проблемой. Ои иаписал Лайелю: «Я только что закоичил подробиое описание холодов в тропических райоиах во время ледиикового периода и вызваниой ими миграцией организмов... Все это соответствует теории об измеиеиии видов».

В письме к Гукеру ои заметил: «Какую киигу о иеловких, расточительных, ошибочиых, постыдных и невероятно жестоких деяииях природы мог бы иаписать подручиый дьявола!»

С Джозефом Гукером у Чарлза сложились весьма своеобразиые отиошеиия. Оии любили друг друга, восхищались друг другом, старались бывать вместе возможио чаще, еженедельно обменивались длинными письмами. И в то же время буквальио воевали, отстаивая свои взгляды по тем или ииым иаучиым проблемам. Уютио устроившись в кресле в своем кабииете, Чарлз забрасывал иаделеииого аигельским терпеиием Гукера всевозможиыми просьбами:

«С присущей вам искреииостью вы говорите о том, что миогочислеииые населяющие землю существа создаиы иепосредственио богом, и это противоречит моим суждеииям. Если вам удастся доказать хотя бы одии такой случай, моя теория рассыплется в пух и прах. Но я предприииимаю все возможиое, чтобы разбить самую сильиую оппозицию.

А сейчас хочу попросить вас о величайшем одолжеиии: прочитать переписаииые иабело страиицы (около сорока!!) о флоре и фауие Арктики и Аитарктики и о предполагаемом ледииковом периоде. Вы меия чрезвычайио этим обяжете, потому что без вашей помощи я обязательио иасажаю ошибок в области ботаиики».

Сорок страиниц составляли лишь половиину того, что он первоначально собирался вместить в «тонкую книжицу». Шли иедели, и стопка исписаииых листов иа его столе становилась все выше.

«Очеиь хорошо,— подбадривал ои себя,— природа материала такова, что вместить его в малеиькую киигу иевозможио».

Из писем Лайеля следовало, что «теория об изменчивости видов тянет его к себе словно магнитом».

В середине июля он разрешил упомянуть в предисловии к будущей книге, что работу Дарвина он одобряет. Чарлз был на седьмом небе от радости. Сэр Чарлз Лайель одобряет подход к происхождению видов, более глубокий, нежели исследования доктора Эразма Дарвина, французских ученых Ламарка и Кювье, Роберта Чеймберса, подход, разрабатываемый вот уже двенадцать лет, но до сих пор не принимаемый всерьез,— каким ударом это будет для коллег-ученых! К книге сразу появится доверие. Но когда же он ее опубликует? Ведь уже пошла вторая сотня страниц!

Если выдавалась свободная минута, Чарлз спешил провести ее в саду с детьми, помогал ему даже пятилетний Горас — они пытались скрещивать цветы. Душистый горошек, орхиден или шток-розы слабо поддавались скрещиванию. Во время очередного визита в Кью, когда Джозеф Гукер показывал Дарвину, как идут работы по созданию нового озера — вода будет подаваться из Темзы,— Чарлз пожаловался:

— До чего я невежествен! Даже не знал, что душистый горошек нельзя обрезать — для него это смерть.

— Этого не знал никто! Но я не позволю вам заниматься этим одному. Я начну скрещивать растения в Кью. Кстати, прочитав ваши записи до конца, я обнаружил, что все особи видов, на которые вы ссылаетесь, имеют, как мне показалось, непрерывное распространение.

— Другими словами, они... эволюционируют?

— Похоже, что так.

Худое лицо Чарлза расплылось в благодарной улыбке.

— Значит, хотя бы частично вы согласны со мной — я очень этому рад.

Воспрянув духом, он решил, что будет полезно в одном документе вкратце изложить смысл дела всей его жизни. Он сделал это в ответном письме Асе Грею, который постепенно становился ведущим ботаником в США. Чарлз написал своему другу:

«...Либо виды были созданы независимо, либо они произошли от других видов... Думаю, вполне возможно показать, что человек сохраняет те разновидности, которые наиболее этого заслуживают, другие же уничтожает... Как честный человек, должен вам сказать, что пришел к еретическому выводу: независимо возникших видов не существует, виды — это всего лишь ярко выраженные разновидности...

Еще одно слово в свое оправдание (ибо уверен, что вы обольете презрением меня и мои чудачества) — все мои выводы о

том, как меняются виды, основаны на длительном изучении работ агрономов и ученых-садоводов (и бесед с ними); я совершенно ясно представляю себе средства, которыми пользуется природа, чтобы изменить виды и приспособить их к чудесным и исключительно прекрасным обстоятельствам, воздействию которых подвержено любое живое существо...»

При следующей встрече он сказал Гукеру:

— Какой наукой станет естественная история, когда мы будем лежать в могилах, когда законы изменения будут считаться важнейшими в естественной истории!

Отчасти вследствие написанного им письма Чарлз получил от Асы Грея приглашение приехать в США и прочитать лекции о сделанных им открытиях, проезд на пароходе в оба конца будет оплачен.

На мгновение Чарлз даже забыл о своей работе: вспомнился «Бигль», сам Чарлз еще молод, он лежит в гамаке в своей каютке, отщипывает кусочки печенья, глотает изюм — по наказу отца,— а под ним сердито ворочается океан.

В это лето каждый вечер Чарлз читал Эмме. К счастью, популярной литературы в тот год вышло много. В лондонских книжных лавках он приобрел «Каллисто» Джона Генри Ньюмена, роман в стихах Элизабет Браунинг «Аврора Ли», «Джон Галифакс, джентльмен» Дины Марии Муллок, «Бритье Шагпета» Джорджа Мередита.

Когда Эмме хотелось прогуляться на свежем воздухе, Чарлз водил ее по Песчаной тропе три или четыре круга. Они получили добрые вести об их втором сыне, одиннадцатилетием Джордже; он прекрасно успевал в школе в Клэпхеме, которую возглавлял его преподобие мистер Притчард, беззаветно влюбленный в науку. Джордж, представленный отцом как «страстный энтомолог», не был ограничен изучением греческого и латыни, но постигал математику, обучался рисованию и современным языкам, собирал коллекцию жуков и насекомых. Ежемесячно ему разрешалось на день съездить домой.

Сам Чарлз никуда не ездил. Помимо работы над распухавшей рукописью он следил за воздействием соленой воды на растения, изучал голубей и кроликов. Как оказалось, скелеты домашних кроликов имеют различия. Удивительно, думал Чарлз, что ни один зоолог не счел важным всерьез заняться изучением настоящих различий в скелетах домашних животных и птиц. Он все больше убеждался, что в ботанике философский дух присутствовал куда в большей степени, чем в зоологии. Даже общим положениям

в зоологии он не очень доверял, предпочитал справиться у ботаников.

Он работал полный рабочий день и довольно долго не испытывал недомоганий; беспокоили его разве что прострелы в пояснице, в такие минуты не разгибалась спина. Он решил, что весной на пару недель поедет в водолечебницу около Мур-Парка в Хартфордшире; он не мог заставить себя вернуться в Молвери — ведь там похоронена маленькая Энни.

За осень у него скопились новые сотни страниц тщательно документированного материала. Он писал невероятное количество писем с вопросами скотоводам, садоводам, путешественникам — любому другому человеку в Англии с головой хватило бы одной этой переписки.

Чарлз начал с темы, которая была ему хорошо знакома,— видоизменения при одомашнивании. Он указал, как, руководствуясь принципом отбора, скотоводы и птицеводы улучшали породу скота, овец, скаковых лошадей, веерохвостых и зобастых голубей.

«В настоящее время выдающиеся животноводы проводят методичный отбор, имея перед собой ясную цель — вывести новые подпороды, превосходящие им подобные».

Таким же было положение в мире ботаники, где по сравнению с предыдущим поколением явно увеличились размеры и красота розы, георгина, фиалки и других цветов. Благодаря замечательному искусству садовников, которые при появлении чуть лучшей разновидности сразу начинали ее культивировать, заметно улучшились овощи в огородах, груши и яблоки, клубника.

К 13 октября он закончил главу «О видоизменении при одомашнивании», а также часть раздела «О географическом распространении». Желая проверить себя, он отвез эту часть работы Гукеру и провел в его доме приятный вечер, так что едва успел на поезд, отходивший с вокзала в половине десятого. Гукер прислал длинное письмо, в котором дал оценку работе: «Прочитал Вашу рукопись с большим удовольствием, почувствовал себя обогащенным. Свою теорию Вы доказываете в высшей степени убедительно, и у меня теперь куда более благоприятное мнение об изменениях, чем было раньше. В первой части требуется кое-какая редактура. Я сделал карандашом пометки по отдельным словам и т. п., чтобы лучше постичь написанное. Местами читается тяжело. Я набросал пару страниц с замечаниями, на многие из них ответ был получен по мере чтения рукописи...»

Некоторое время Чарлз занимался небольшими хищными птицами, потом снова сосредоточился на «путешествиях»

семян через океаны. Семена, пробывшие в желудке орла восемнадцать часов, не потеряли всхожести. Изучая во время прогулки экскременты маленьких птиц, он нашел в них шесть различных сортов семян. На лапке найденной им куропатки он обнаружил ком засохшей земли — вполне достаточно, чтобы перенести немало живых семян. Он подумал о миллионах куропаток, перелетающих с места на место — было бы странно, если бы семена растений не переносились через моря. Еще одно семя проросло, проведя два с половиной часа в желудке совы. Друзья-орнитологи заверили его, что сова может нести семена «бог знает сколько миль; в штормовую погоду даже четыреста — пятьсот».

Услышав это, Чарлз возликовал.

Он пытался писать сжато; несмотря на удовлетворение от работы, его все время угнетала мысль, что главы непомерно растягиваются. Сейчас он работал над главой о причинах плодородия и бесплодия и о скрещивании в природе, написал уже больше сотни страниц и не видел возможности что-то из нее выкинуть.

6 декабря Эмма родила десятого ребенка, снова мальчика, которого они назвали Чарлз Уоринг. Доктор дал Эмме хлороформ, в последнее время ставший в Англии популярным, потому что его одобрила королева Виктория — когда она рожала восьмого ребенка, четвертого сына, ей дали именно это анестезирующее средство. У Эммы роды начались столь внезапно и бурно, что доктор даже заметил:

— Хорошо, что я сидел рядом, а то ваш сын появился бы на свет без моей помощи.

К середине декабря Чарлз закончил третью большую главу, названную им «О возможности скрещивания всех организмов: о подверженности воспроизводства изменениям». Такая скорость отчасти объяснялась тем, что он использовал готовые страницы из записной книжки 1837 года, а много справочного материала почерпнул из второй записной книжки — с февраля по июнь 1838 года.

«Краду сам у себя,— размышлял он.— Но все равно эти разделы я сегодня не написал бы лучше, почему же не воспользоваться оригиналом?»

Однажды вечером, когда Эмма уже обрела былую бодрость, Чарлз сидел на краешке постели и держал ее за руку.

— Полдюжины парней! Господи, ведь всех их надо посылать в школу, потом учить будущей профессии.

— А приданое для двух дочерей! — поддразнила она.— Найдем ли мы средства на все это?

Он принес наверх свои бухгалтерские книги, подвернул фитилек керосиновой лампы. Он вел эти книги со дня переезда на Аппер-Гауэр-стрит. Как и раньше, все расходы он делил на двадцать категорий: пища, керосин, мыло, чай для слуг, книги, платья для Эммы и девочек, одежда для мальчиков, оплата прислуги, обучение... Здесь же с точностью были записаны все его доходы, и дело было заведено так, чтобы никогда не тратить больше, чем они получали от различных железнодорожных акций, акций лондонского порта, фарфоровой компании «Веджвуд».

— Ничего, управимся. В 1854 году наш доход составил 4603 фунта, из этой суммы нам удалось сберечь на вложения 2127 фунтов. В 1855 году мы получили чуть меньше 4267 фунтов, а сэкономили и вложили даже больше — 2270 фунтов. В прошлом году приход был 4048 фунтов, а в оборот мы пустили 2250 фунтов. Уверен, что не ошибаюсь, и доходы наши будут расти вместе с детьми, а все дополнительные затраты окупятся.

— Огромное спасибо, ты меня успокоил,— проговорила Эмма с притворным облегчением.— А то я уже начала бояться, что мы вырастим необразованных Дарвинов.

— О-о, это принесло бы мне немыслимые страдания.

И они засмеялись.

Весь январь он проработал над завершением четвертой главы «Изменения в природе». Соединить материал в жесткую логическую цепь — это потребовало большого внутреннего напряжения, и Чарлз был измотан. Он признался Эмме:

— Что-то я стал себя хуже чувствовать.

— Ты слишком много работаешь.

— Но что же делать? Книга получается очень большой. Хочу, чтобы рукопись вышла безупречной. Я словно Крез, сгибающийся под тяжестью своего богатства. Стал принимать минеральные кислоты — я читал о них раньше,— по-моему, помогает.

Эмма предложила ему поехать в водолечебницу около Мур-Парка прямо сейчас, не дожидаясь весны, ведь это всего в сорока милях от дома.

— Не представляю, как смогу оставить рукопись, опыты.

Она окинула его осторожным, изучающим взглядом.

— Чарлз, дорогой мой, а не проснулся ли в тебе эгоизм? Уж не ищешь ли ты мировой славы от своей книги?

Чарлз пожал плечом, как бы говоря: «Кто знает?»

— Просто я безумно увлечен работой, вот и все. Но и безделица слава, сегодняшняя или посмертная, мне небезразлична. Впрочем, слишком большого значения я ей не придаю: насколько я знаю себя, будь мне известно, что имя автора

этой книги иавсегда остается аиоиимымым, я бы работал с тем же усердием, ио получал бы от работы меиьше удовольствия.

Его загородная изоляция объясиялась, в частиости, желаиием избежать коикуреиции и зависти со стороиы лоидоиских учеиых. С этими явлеииями ои столкиулся давио, когда посещал заседаиия Зоологнческого общества, особеиио ему помиилось заседаиие Королевского общества весиой 1848 года, иа котором Ричард Оуэи критиковал Гидеоиа Маителла. Теперь, в 1857 году, ссора вспыхиула между Ричардом Оуэном и Томасом Гексли. После возвращеиия Гексли из четырехлетнего плаваиия иа «Рэттлсиейке» Оуэи обратнлся к первому лорду Адмиралтейства с просьбой дать Гексли оплачиваемую работу иа корабле «Фисгард».

— Оуэиа я считаю великим человеком,— сказал тогда Гексли Чарлзу,— как он курнт сигару, с какой страстью поет!

Вместе с Чарлзом и другими Оуэи голосовал за прииятие Гексли в члеиы Королевского общества. Но Чарлз все равио решнл предостеречь Гексли, как его самого в свое время предостерег Лайель:

— Будьте осторожиы с Оуэном. Ои на вас еще иабросится. Ои иабрасывается на всех. Это у иего в крови.

Вскоре Гексли убедился в двуличности Ричарда Оуэиа, которого большииство совремеиииков боялись и иеиавидели — за его иедобрые шутки, за высменваиие подчииеииых. Оуэн был человеком иезаурядиым и ие скрывал, что это ему известио. Ои относнлся к Гексли пристойио лишь до тех пор, пока ие поиял, что тот способеи поколебать его безоговорочиый авторитет в зоологии. Первый раз Оуэи показал себя, когда ие позволил иапечатать в «Трудах Королевского общества» статью Гексли «О морфологии головоиогих моллюсков». Гексли сказал по этому поводу:

— Оуэи считает естествеииый мнр своей вотчииой и иикому ие позволяет туда вторгаться.

Чарлз был свидетелем растущего аитагоиизма между двумя учеными, в коице коицов приведшего к ссоре. В иачале года Оуэи, пользуясь своим положением в Государствеииой горной школе, присвоил себе титул профессора палеоитологии и серьезио пошатнул позиции Гексли в этой школе. Гексли порвал всякие отиошеиия с Оуэиом.

— Оуэи делает все, чтобы зажать меия, да и ие только меия! Пусть поостережется. В моих предметах я разбираюсь лучше, чем ои, и готов сражаться с полудюжииой дракоиов. Да, у иего едкое перо, ио могу сказать о себе ие без лести, что ие уступлю ему и в этой сфере.

Чарлз предвидел, что эти два антагониста: представитель старой гвардии, пытающийся всеми средствами сохранить статус-кво, и ученый помоложе, без оглядки рвущийся к лидерству, в один прекрасный день схватятся не на жизнь, а на смерть, и битва эта всколыхнет весь научный мир и оставит неизгладимый след в истории. Но Чарлз не знал, не мог даже представить себе, что эпицентром и даже побудительной силой этой битвы станет он сам.

Чарлз не раз приглашал в Даун-Хаус контр-адмирала Роберта Фицроя с женой. Первая жена Фицроя, Мэри О'Брайен, умерла, оставив ему четверых детей. И он женился на дочери своей кузины. Сейчас чета Фицроев приняла приглашение, и Чарлз предвкушал удовольствие от воспоминаний о годах, проведенных вместе на борту «Бигля». Но Фицрой сразу же дал понять, что приехал с другой целью. Мужчины удалились в кабинет, Чарлз предложил заметно постаревшему Фицрою кресло. Волосы адмирала побелели, взгляд стал жестким. Тем не менее он и сейчас оставался представительным мужчиной.

— Дарвин, помните ли вы, как мы плыли в вельботах по реке Санта-Крус в апреле 1834 года? Когда мы двигались вдоль равнин, покрытых огромными валунами, футов на сто погруженными в породу, я сказал: «Едва ли на эту работу ушло всего сорок дней потопа».

— Помню. Вы упомянули об этом в последней главе вашей книги.

— Да, но лишь потому, что я очень плохо знал Библию, не разбирался в священном писании. Я кое-что прослышал о ваших теориях. Вы что же, отрицаете достоверность книги Бытие?

— Ее опровергает природа. Я лишь записываю то, что вижу. Природа никогда не лжет.

— Значит, лжет Библия? Стыдитесь!

— Во всем мире накапливаются сведения о том, что нашей планете много миллионов лет. Что вся жизнь на ней возникала, изменялась, приспосабливалась к обстоятельствам, связанным с перенаселенностью, запасами съестного, наличием хищников, климатом. Многим видам не удалось приспособиться, и со временем они исчезли. Вы видели органические остатки костей на Пунта-Альте. Некоторые виды за миллионы лет подверглись радикальным изменениям, их невозможно узнать, а изменения эти были продиктованы потребностью их внутренних органов, не говоря уже о внешнем облике. И жизнь на земле в ее

нынешнем виде — это не что иное, как выжившие и наиболее успешно приспособившиеся виды.

Фицрой вспыхнул.

— И каков же ваш вывод? Что первый человек явился на свет ребенком или дикарем? По моему разумению, такое абсолютно невозможно. Такой человек погиб бы через несколько часов. Я согласен лишь с одним толкованием: человек был сотворен с совершенными телом и разумом, а как вести себя дальше, ему было подсказано свыше.

Фицрой стал объяснять, что первые кочевники, покинувшие цивилизованную Малую Азию, вскоре лишились письменных принадлежностей, одежды, детям они прививали лишь простые бытовые навыки и так, постепенно, удаляясь от совершенства, они превратились в дикарей.

Лицо его посуровело.

— Есть ли у нас хоть тень основания для того, чтобы считать, будто дикие животные или растения улучшились с момента их появления? Разве может разумный человек поверить, что первая особь любого рода, вида или типа была самой низшей? Но почему же тогда эти никуда не годные философы считают, что дикие расы возникли отдельно, в разных местах и в разное время?..

Он не мог более сдерживаться.

— Мозаичность мироздания непосредственно связана с потопом. Моисей обладал сверхъестественными познаниями. Это он заявил, что свет возник до того, как нам были ниспосланы солнце и луна. Разве в первой части книги Бытие не говорится, что «отделил бог свет от тьмы. И назвал бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»? И уже потом бог создал два больших светила, чтобы большее из них правило днем, а меньшее — ночью...

Чарлз вовсе не желал ссориться с гостем, к тому же его бывшим капитаном и старым другом. Он примирительно заговорил:

— Друг мой, я вовсе не желаю хулить прекрасную поэзию Ветхого Завета. Я ценю его, как любой другой человек...

Но все было впустую. Фицрой бушевал еще целый час, вдохновенно цитировал Библию, указывал главу и стих, всеми силами стараясь доказать, что книга Бытие верна до последней строчки. Деяния бога совершенны. Чарлз все глубже вжимался в кресло, стараясь укрыться в нем, как в пещере во время шторма. Первая жена Фицроя была женщиной крайне религиозной. Может, он отдавал дань ее памяти, сражаясь за ее убеждения?

Виезапио Фицрой закоичил проповедь. Чарлз вскочил иа иоги:

— Прошу вас, сэр, прогуляемся. В этой части Кеита самый нежиый в Англии дерн. А когда вериемся, посидим у огня в гостииой за чаем с лепешками. Я бы хотел поближе познакомиться с вашей Марией.

Благодаря приветливости Дарвииа положение удалось спасти. Во время чая и за ужииом ои следил, чтобы беседа не затухала. Почуяв иеладиое, Эмма тоже поддержала спасительную крышу разговора иад их головами. Наутро чета Фицроев возвращалась в Лоидои, и Чарлз в своем экипаже отправил их иа новую, расположеииую ближе стаицию в Бекенеме. Прощаясь, Фицрой торопливо и без улыбки пожал протяиутую руку Чарлза. Когда оии уехали, Чарлз сказал себе: «У меия есть иехорошее предчувствие, что с моим прекрасиым идеалом, Робертом Фицроем, я больше ие увижусь».

Работа продвигалась. 3 марта 1857 года Чарлз закоичил пятую главу «Борьба за существоваиие», а всего месяц спустя была завершеиа шестая, и главиая, глава — «Естествеииый отбор». Изо дня в деиь он перекрывал устаиовлеиную иорму, и это угиетало его. Ои сказал Эмме:

— Вставая по утру, я поиятия ие имею, сколько страниц иапишу до вечера.

— Почему ие воспользоваться твоим «методом Песчаиой тропы»? — предложила Эмма.— Перед иачалом работы реши, сколько хочешь иаписать страниц, выложи иа тропе столько же камешков и выбивай их по одиому, когда выходишь проветриться. Коичились камешки,— зиачит, и работе иа сегодия конец.

— Эмма, ты геиий. Если бы выразить мысль было так же просто, как пройтись по тропиике...

Но предложеиие Эммы пошло иа пользу. Каждый раз, когда ему казалось, что то или иное положеиие доказаио, приведен весь иеобходимый вспомогательиый материал, Чарлз из приготовлеииой кучки отбрасывал одии малеиький камешек.

Чарлз и Эмма ие помиили, когда впервые заметили — с последним ребеиком что-то иеладио. Это была ие болезиь, ие боли, потому что малыш почти ие плакал. Ои хорошо ел и физически развивался, как все нормальиые дети. Но все время был какой-то вялый. Обычио дети водят перед глазами пальцами и разглядывают их — ои этого ие делал. И когда Эмма или Чарлз брали сына на руки поиграть, глазеики его ие вспыхивали.

— Его лицо ничего не выражает,— сказал Чарлз Эмме, стоявшей по другую сторону кроватки.— Я всегда следил за игрой чувств на лицах других наших малышей. Какое разнообразие! Жаль, что мисс Торли ушла от нас. Новая гувернантка, мисс Паф, мне не по душе.

— Но ведь с ребенком сидит кормилица, а не мисс Паф,— Эмма поджала губы.

— Конечно, дети развиваются по-разному. Может быть, его ограничивает кроватка. В теплый день нужно выпускать его на коврик — пусть двигается как хочет.

— Я попробую музыкальные игрушки и яркие картинки — может, они пробудят у него интерес? — предложила Эмма.— Возможно ли, чтобы четырехмесячному было скучно?

— У других детей ничего такого не было.

Тревогу вызывала и Генриетта. Ей нравилось болеть. Временами она бывала ко всему равнодушной, ела без аппетита. У Чарлза и Эммы еще не зарубцевалась травма после смерти Энни, поэтому они окружали Этти заботой и постоянным вниманием. Когда ей как-то сказали, что она будет завтракать в постели, это предложение пришлось ей по нраву. Она сказала родителям:

— Даже когда выйду замуж, всегда буду завтракать в постели.

В последнюю неделю апреля Чарлз поехал в водолечебницу около Мур-Парка, в графстве Суррей, недалеко от Олдершота. Владельцами там были доктор Лейн, его жена и мать, с которыми Чарлз был дружен. Приняли его хорошо. Процедурами ему не докучали: по разу в день душ и сидячая ванна. Единственным недостатком доктора Лейна, по мнению Чарлза, была молодость. Он был очень начитан, и его общество Чарлз предпочитал обществу доктора Галли, потому что Лейн не слишком верил во всякие эксцентрические теории и не пытался объяснить то, что не может объяснить ни один доктор.

Окрестности были прекрасным местом для прогулок. К концу первой недели Чарлз с удивлением обнаружил, сколь благотворно повлияли на него эти дни. Он лишний раз убедился, что для хроников водолечение — лучшее средство. Никаких книг у него с собой не было, и работа над видами не продвинулась ни на йоту; Чарлз чувствовал себя так хорошо, что 1 мая, в начале его второй недели в Мур-Парке, он решил ответить на письмо Алфреда Уоллеса, посланное с Целебеса через Борнео и пролив Массакар 10 октября прошлого года, то есть бывшее в пути пять с половиной месяцев. Чарлз получил его как раз перед отъездом из Даун-Хауса в Мур-Парк. Он написал Уоллесу:

«Дорогой сэр!

...Очевидно, что наши мысли во многом схожи, и в определенной степени мы пришли к одинаковым выводам. Что касается вашей статьи, опубликованной в «Анналах естественной истории», я согласен почти с каждым ее словом. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что это встречается довольно редко — почти полное согласие с чьей-либо теоретической работой. Как ни прискорбно, но обычно на основе одних и тех же фактов разные люди приходят к разным выводам. Этим летом исполнится 20 (!) лет с того дня, как я начал вести свою первую записную книжку о том, как и каким образом виды и разновидности отличаются друг от друга. Сейчас я готовлю свою работу для печати, но тема столь всеобъемлюща, что, хотя я уже написал много глав, работы хватит еще года на два. Мне неизвестно, сколько времени вы хотите пробыть на Малайском архипелаге. Очень хотелось бы познакомиться с вашими «Путешествиями» до того, как моя работа попадет к издателям — ведь вы наверняка собрали урожай фактов...»

Во вторую неделю он много и энергично ходил по окрестностям, наблюдал за тем, как животные влияют на растительность. Восемь или десять лет назад часть земли, на которой росли старые шотландские ели, была огорожена. На этом участке подрастали молодые елочки, и, казалось, они были посажены человеком — уж слишком много их было, и все одного возраста. А на неогороженной территории Чарлз на целые мили не нашел ни одного молодого деревца. Но когда во время дальней прогулки он пристально вгляделся в вереск, он обнаружил десятки тысяч молодых шотландских елочек, по тридцать на квадратном ярде,— но верхушки их были общипаны скотом, иногда здесь пасшимся. В письме к Гукеру Чарлз заметил: «Какая удивительная проблема, какая сила обстоятельств, определяющая тип и размер каждого растения на квадратном ярде дерна! Но мы почему-то любим удивляться, когда какое-то животное или растение полностью исчезает».

К концу второй недели Чарлз заметно посвежел, окреп. Пришло время прощаться с доктором Лейном и его семьей.

Экипаж приехал за ним еще с вечера. Но за целый день дороги в Даун-Хаус Чарлз простудился. И когда на следующее утро вошел в свой кабинет, чувствовал себя не лучше, чем перед отъездом в Мур-Парк. Он признался Эмме:

— Похоже, наш кузен доктор Генри Холланд прав. Поразительно — отдыхая на прекрасном курорте в обществе очаровательных хозяев, я чувствовал себя замечательно. Но стоит сесть за работу, здоровье снова ни к черту.

— Что же делать?

— Ворчать. Не знаю, сможет ли работать моя голова, но скорее я стану жалким и презренным инвалидом — собственно, я уже им стал,— чем соглашусь вести жизнь праздного сквайра.

Круг его интересов был безграничен. Он хотел знать, есть ли порода свиней, которую можно успешно скрещивать с китайской или неаполитанской свиньей. Стал анализировать окраску и признаки древних предков лошади, осла и зебры. Из шестнадцати сортов высеянных им семян проросло пятнадцать; на небольшом клочке земли два на три фута он ежедневно в течение трех месяцев отмечал каждый вылезший сорняк. Триста пятьдесят семь из них погибло, главным образом по вине слизней.

А кто уничтожает слизней, этих медлительных и липких брюхоногих моллюсков? Кто уничтожает маленьких зверьков, пресмыкающихся, птиц? Это действительно была борьба за существование, как он назвал пятую главу своей книги. Проглядывая страницы этого раздела, он наткнулся на подзаголовок «О взаимодействии животных и растений». Он перечитал написанное: «До сих пор мы, за малым исключением, рассматривали лишь способы, какими животные тормозят рост других животных. Но растения и животные связаны еще более тесно; как и растения с растениями... Все животные прямо или косвенно живут на растениях; и их дыхание — это основная пища растений; поэтому совершенно очевидно, что между двумя царствами существуют обширные связи. Прежде всего напрашивается предположение, что травоядные животные поглощают почти все растения сходных видов; но оказалось, что из брюквенных растений рогатый скот ест только 276 сортов, а 218 не ест; козлы едят 449 и не едят 126, свиньи 71 и 271 и так далее. К югу от Ла-Плата я, и не только я, с удивлением отметил, как изменились равнины, на которых пасся скот, одно время мы даже считали, что здесь произошли какие-то геологические изменения почвы. Какими растениями питаются маленькие грызуны, точно никто не знает, но все слышали об уничтожении мышами и кроликами целых плантаций... Я иногда задумывался, не объясняется ли наличие колючек на кустах, растущих в пустыне, необходимостью как следует защититься от животных, иначе кусты просто погибнут... Форскахль подробно показал, что растения, которые не поедаются скотом, подвергаются решительным нападкам со стороны насекомых; одним растением иногда кормятся от 30 до 50 видов. Я предполагаю, что, если растением кормятся насекомые и четвероногие, оно оказывается полностью истребленным...»

В июне 1857 года Чарлз получил приятный сюрприз: к нему в Дауи-Хаус приехали его преподобие мистер Иннес и отец и сын Леббоки, приехали предложить ему должность мирового судьи, или стража закона. Чарлз воскликнул:

— Мне? Должность судьи? Но я совсем слабо разбираюсь в законах.

Сэр Джон Леббок улыбнулся и сказал:

— Вам не придется заниматься серьезными преступлениями. Никаких арбитражных решений в спорных вопросах о крупной собственности. В основном это ссоры между соседями из-за границ земельных участков, заборов, заблудившегося скота, пьяные драки, охота на чужой территории. Сомневаюсь, что здесь потребуется серьезное знание законов; скорее, здравый смысл, вам придется выслушать факты в изложении обеих сторон, а затем помочь этим сторонам прийти к разумному компромиссу.

Чарлзу это отчасти польстило.

— Где заседать?

— В Бромли,— ответил викарий.— Возможно, иногда и в Мейдстоне, там отправляет правосудие графство Кеит. Они договорились объединить все судебные дела в этом районе и назначить слушания на какой-то удобный для вас день.

Чарлз дал ответ не колеблясь. Он стал патриотом этого района, и статус казначея местного «Даунского клуба друзей» приносил ему удовлетворение. Он распоряжался фондами клуба так же тщательно, как своими собственными, в результате за семь лет его казначейской деятельности фонды эти возросли до весьма внушительной суммы.

— Разумеется, я согласен,— сказал он Иннесу и Леббокам.— Когда меня приведут к присяге?

— Предварительно речь шла о 3 июля.

Эмма и дети были в восторге. Они настояли на том, чтобы ехать на церемонию всей семьей, в лучших воскресных туалетах. С тех пор, стоило их отцу объявить о планах на день, кто-нибудь обязательно спрашивал:

— Это окончательное решение суда? Или мы имеем право на апелляцию?

Когда дети ссорились из-за игрушек, игр или места за столом, кто-нибудь неизменно заявлял:

— Судья, мы соседи и пришли к вам по щекотливому делу...

Чарлзу такие подшучивания нравились. Обязанности в суде не были ему обременительны, не мешали его работе. Никакого денежного вознаграждения он не получал, должность была просто почетная, и все же косвенные дивиденды были налицо — из затворника, работавшего в какой-то немыслимой области,

он превратился в популярного члена общества, при появлении которого мужчины уважительно приподнимали шляпы, а местные женщины, молодые и старые, делали реверанс.

На лето Чарлз отвез Генриетту погостить в семье доктора Лейна. Регулярно навещая ее в Мур-Парке, он научился неплохо играть на бильярде. Игра невероятно увлекла его, пожалуй, впервые после партий в двадцать одно в студенческие годы. Точный глазомер, твердая рука — без этого не загонишь шар в лузу; Чарлз так полюбил бильярд, что поклялся поставить стол у себя в Даун-Хаусе.

Недели и месяцы сменяли друг друга — Чарлзу исполнилось сорок восемь. Его дорога исследователя шла все время в гору, а на пути то и дело попадались обломки скал и рытвины.

Дарвина интересовал процесс опыления — это зарождение жизни в тонкой структуре природы. Если ему попадались новые представители флоры и фауны, он заносил их в свои записные книжки; эта работа отнимала много времени и утомляла, к тому же здесь легко было ошибиться.

Когда Джозеф Гукер указал, что один из списков Чарлза по флоре неполон, Чарлз удрученно ответил:

— Да, я никуда не годный составитель и порой презираю себя за это не меньше вашего, но всю работу в целом я презирать отказываюсь!

Составляя таблицы флоры Новой Зеландии, он разработал, как ему казалось, верный метод классификации, но его сообразительный сосед и неофициальный ученик, двадцатитрехлетний банкир-ботаник, сын сэра Джона Леббока, показал, что Чарлз перепутал некоторые роды. Чарлз воскликнул:

— Вы спасли меня от постыдной ошибки! Какой позор, хоть рви с отчаяния всю рукопись на части и бросай работу! Я искренне вам благодарен.

Всегда бдительный энциклопедист Томас Гексли указал ему на ошибочное пристрастие к теории домашних животных. Чарлз ответил энергичному Гексли:

— Увы! Ученый не должен иметь пристрастий, а его сердце должно быть каменным.

Но когда пришла очередь Чарлза поймать дотошного Гексли на ошибочно сделанном допущении, тот со смехом воскликнул:

— Забавно видеть, что я стал для вас пугалом; думаю, приятного тут мало — стоит вам написать какое-нибудь острое и достойное предложение, как перед вами безобразным призраком вырастает мое лицо.

Как выяснилось, Чарлз обидел своего американского друга Асу Грея, предположив, что Грей, заслышав о его теориях,

станет его презирать. Грею показалось, что его чувства дружбы и предаииостн подверглн сомнению, о чем он н напнсал Чарлзу. Чарлз ответнл:

«Мой дорогой Грей!

Уж не помию, как нмеино я выразнлся в прошлом пнсьме, но, полагаю, напнсал, будто опасаюсь, что вы стаиете меня презнрать, когда узнаете о монх выводах, ие сообщить вам о которых я, как честный человек, не мог... Я опасался, что вы, узнав о направленнн монх поисков, сочтете меня настолько безумцем, а выводы мон — столь глупымн (бог свидетель, онн сделаны без всякой спешки и, иадеюсь, осознанно), что откажете мне в вашей поддержке и помощи...

Коль скоро вас интересует тема моего нсследовання, н для меня огромная радость пнсать вам и получать хотя бы краткне ответы, я прнлагаю краткое нзложенне монх соображений о средствах, с помощью которых природа создает внды...»

Он нсписал убориcтым почерком десять страннц и закончил так:

«...В этом маленьком нзложеннн затронута лншь накопнтельная снла естествеиного отбора, который, по моему мнению, является нанболее важным элементом в созданнн новых форм...»

В 1857 году Дарвнны решительно отказалнсь от романтнческой прозы н стали читать прекрасную серьезную лнтературу. Когда кто-ннбудь из членов семьн нлн соседей спрашнвал: «Что бы вы хотелн почнтать?» — онн называли «Профессора», «Башнн Барчестера», «Мадам Боварн», «Школьные днн Тома Брауиа», «Путешествне мнсснонера».

Наиболее спокойным временем дня для Чарлза оставался час после обеда, когда он уютно располагался в гостнной со свежим номером ежедневной лоидоиской «Таймс», прнбывавшей на почту в Даун к полудню. Теперь ои прочнтывал «Таймс» от коркн до коркн. Подпнска на «Таймс» обходнлась ему в одну гииею за четыре месяца, довольно дорого, но Чарлз счнтал, что затраты вполне окупаются. Таким образом он держал связь с внешиим миром и пронсходнвшнмн в нем событнями. «Таймс» помогала ему следнть за всемн бесконечнымн войнамн, которые велись в отдалеииых землях, за всеми гнуснымн деяннямн правительства. Долгне годы он заинмал протнворечивую позицню человека, убежденного в благотворностн велнчня н расширення Брнтанской импернн н в то же время несогласного с угнетеннем народа Индни. Когда в нюне 1857 года перед огромной толпой в Гайд-парке появнлась королева Викторня н иаграднла шестьдесят одного ветерана Крымской войны вновь

учрежденным викторианским крестом «За доблесть». Чарлз, прочитав об этом, швырнул газету на пол и вскричал:

— Кто же наградит мертвых? Сколько людей погибло в этой самоубийственной войне!

Но просачивались и хорошие новости. Открылся читальный зал Британского музея с его куполообразной ротондой, он вместит триста читателей; два ряда отведены женщинам. Был торжественно открыт первый суд по расторжению браков, и развод стал возможен и для людей с относительно низкими доходами. Появились новые школы для бедняков. На Темзе был спущен корабль «Грейт истерн», по размерам в пять раз превышавший любое другое судно, говорили, что, пересекая на нем Атлантику, не чувствуешь никакой качки.

— Может, теперь ты примешь приглашение Асы Грея, поедешь в США и прочитаешь в их университетах лекции,— предложила Эмма.

В конце сентября, когда была завершена седьмая глава «Законы изменения», Чарлз разложил на столе в гостиной свои бухгалтерские книги — посмотреть, по карману ли им новое расширение Даун-Хауса. Начиная с 1851 года их доходы ежегодно превышали четыре тысячи фунтов. В этом году на вложения снова осталось больше двух тысяч фунтов. Помимо сэкономленных денег имелось наследство Чарлза от отца и наследство Эммы в две тысячи фунтов. Общая сумма вложений составляла примерно пятьдесят тысяч фунтов. Подняв глаза от цифр, Чарлз сказал:

— Я человек бережливый, но, клянусь богом, мне кажется, что на пристройку новых комнат нам хватит. Как считаешь?

Эмма давно считала, что пристроить новые комнаты им по карману, но ей хотелось, чтобы Чарлз пришел к этому выводу сам. В углах ее рта появилась едва заметная улыбка. Она ответила:

— А ты не боишься, что все наши сбережения пойдут на покрытие судебных расходов?

— Интересно, кто это собирается с нами судиться?

— Все, начиная с отца небесного и кончая приходским священником.

Чарлз громко расхохотался и заключил жену в объятия.

— Эмма, прекрасно, что ты можешь с юмором относиться к вещам, которые не одобряешь.

— Лишь в случае крайней необходимости.

Чарлз позвал плотника и дал ему задание построить новую, более просторную гостиную, со стороны залы, подальше от старой гостиной, вместительную — девятнадцать футов на двадцать восемь, чтобы три больших окна выходили в сад за до-

мом, в стороиу Песчаной тропы. Входную дверь, открывавшуюся прямо в холл и иа лестницу, было решеио отодвииуть иа несколько футов, чтобы перед холлом была еще иебольшая передияя. Площадь иад иовой гостиной оии разделнли иа две спальии равиого размера, а иад иими решили сделать дополнительыые детские комиаты. Когда иовое крыло было пристроено, оштукатурено н покрашено под цвет старой частн дома, когда гостниую обставнли новой мебелью, оказалось, что расходы составили пятьсот фуитов.

— Стоит того! — воскликиула Эмма, оглядывая комиату. Обитое заиово большое кресло н четыре удобных разиоцветных стула заняли свои места вокруг стола с мраморией крышкой; рояль, который покрыли свежим лаком; навеки обосиовался в дальием углу у выходящего в сад окиа. Над мраморной камнниой доской висело длииное зеркало в позолочениой оправе, у диваиа стояли иовые приставной столик н лампа. Обои Эмма выбрала светло-серые в розовую полоску.

— Не думая о претеициозиости,— сказала Эмма,— мы получнли вполие подходящую гостиную, роскошиую и просториую. Несколько картии, иебольшая подвесиая полка для иаших кииг в кожаиом переплете...

Из темиой комнаты, выходившей иа дорогу, оин переиесли обедеиную мебель в более солиечиую бывшую гостииую в трн окиа. В столовой стало зиачительио светлее.

Они сошлись во миеиии, что теперь Дауи-Хаус с окрестиостямн не уступит по красоте Мэр-Холлу или Мауиту. Оии создали свой мнр, вериулись к стилю своих предков; ио привиесли в этот мир и что-то лнчное. Имеино к этому онн оба н стремились.

В десять месяцев Чарлз Уориг еще ие пытался ходить или говорить, и Дарвииы попросили доктора Геири Холлаида заехать в Дауи-Хаус при первой возможиости. Сэр Геирн давио получил дворяиское званне, пост лейб-меднка прн королевском дворе н был заият больше, чем когда-либо. В праздинчный деиь ои поездом доехал до Бекеиема, а там его встретнл Чарлз со своим кучером. До Даун-Хауса было шесть мнль, и, пока оии ехали по извилистым и живопнсным дорогам графства Кеит, сэр Геири все время расспрашивал Чарлза. Приехав в Дауи-Хаус, ои провел в верхией спальне у ребеика целый час, потом спустился по иаклониой лестиице в гостииую, где, молчаливые и бледные, сидели Чарлз и Эмма. При его появлении оии быстро подияли головы. На лице кузеиа, слегка грубоватом, было выражение сочувствия.

— Боюсь, порадовать вас нечем,— сказал он.— У ребенка серьезное психическое заболевание.

— Но как же? Почему? — горестно воскликнула Эмма.

— Как и почему, дорогая кузина,— это один и тот же вопрос. Его мозг либо не развился, либо был поврежден. Роды прошли нормально?

— Доктор назвал их бурными,— ответила Эмма со слезами на глазах.

— Есть сотни заболеваний, о которых мы и понятия не имеем. Увы, заглянуть в эту маленькую головку мне не дано.

— Но каков будет прогноз? — задал вопрос Чарлз.— Что нам предстоит?

— Самый тщательный уход за ребенком, который, возможно, никогда вас не узнает. А еще — принять волю господню.

— Я готова к этому,— сказала Эмма сквозь слезы.— Но неужели нет никакой надежды?

— Надежда есть всегда. Порой случаются чудеса. Но вы должны смотреть в глаза действительности. Сколько у вас детей? Шесть, семь? Все здоровые, нормальные, счастливые. Видите, бог одарил вас многим. И не убивайтесь из-за того, чего нельзя изменить или исправить.

— Мы постараемся, брат Генри,— подавленно ответил Чарлз.— Я и Эмма чрезвычайно благодарны тебе за то, что приехал. Я провожу тебя до станции.

— Не нужно. Я вздремну в дороге.

Он поцеловал Эмму, пожал руку Чарлзу и уехал — от потерянных, испуганных и опечаленных родителей, которые против воли задавали себе невысказанный вопрос: «За какие грехи господь так жестоко поступил с нашим младшеньким?»

После дружеского ответа Чарльза в октябре 1856 года на письмо с Целебеса Алфред Уоллес написал ему несколько длинных и подробнейших писем, из коих Чарлз заключил, что Уоллес считает его своим собратом и товарищем, особенно после того, как Чарлз проявил желание обсудить с ним свою теорию видов, хотя и частично. К концу 1857 года, когда Чарлз проработал над своей книгой уже полтора года, он понял, как правы были Лайель, Гукер и Гексли, убеждая его скорее изложить свои открытия на бумаге. В последнем письме Уоллеса, написанном 27 сентября 1857 года, говорилось: «То, что содержалось в моей журнальной статье — лишь предварительные наметки; у меня есть и детальные доказательства, план которых я уже набросал...»

У Уоллеса есть доказательства его теории видов! Он уже набросал план! Но неужели его доказательства — это естественный отбор, или сохранение наиболее приспособленных видов в борьбе за жизнь? Нет, такое совпадение невозможно. Человечество размышляло над законами природы многие тысячелетия — так разве может быть, чтобы два человека пришли к одним и тем же доказательным выводам? И если Уоллес уже получил результаты Дарвина, уже написал статью, не исключено, что в один прекрасный день через несколько месяцев Чарлз откроет в Даун-Хаусе журнал, на страницах которого будет разгадана «тайна тайн», и разгадана Уоллесом.

Он стоял у окна кабинета и глядел на окружавшую дом каменную стену, но не видел ее. Все же постепенно он обрел душевное спокойствие.

«Я должен ответить Алфреду Уоллесу немедленно,— сказал он себе,— и выразить ему свое восхищение. Отважный человек, он собирается пробыть в этих далеких от цивилизации краях еще три или четыре года!»

22 декабря 1857 года

«Дорогой сэр!

Благодарю вас за письмо от 27 сентября. Очень рад слышать, что вы занимаетесь проблемой расселения в соответствии с теоретическими выкладками. Я твердо убежден, что оригинальные наблюдения возможны лишь на теоретической основе. Не многие путешественники пришли к тому, чем сейчас занимаетесь вы. Да и вообще, о распространении животных известно во много раз меньше, чем о распространении растений. Вы пишете, что отчасти удивлены, что ваша статья в «Анналах естественной истории» прошла незамеченной. Должен сказать, меня это не удивляет. Большинство естествоиспытателей интересуется лишь описанием видов, не более. Но не следует думать, что вашу работу не заметил никто; два замечательных человека, сэр Лайель и мистер Блит из Калькутты, специально обратили на нее мое внимание. Я согласен со сделанными в вашей работе выводами, но должен сказать, что иду гораздо дальше; впрочем, мои теоретические выкладки — это слишком долгая тема...»

Три месяца он проработал над главой о гибридности. А в начале 1858 года начал новую главу — «Умственные способности и инстинкты животных». Нужно было сопоставить и отобрать колоссальное количество материала, основанного не только на собственных многолетних наблюдениях, но и на публикациях

других авторов на многих языках. Любопытная область — инстинкты. И весьма туманная. Он сказал Эмме:

— Работа над главой об инстинктах подвигается очень тяжело. Разные авторы не сходятся в определении инстинкта. Тут нет ничего удивительного, ведь почти все чувства и самые сложные их проявления, например мужество, робость, подозрительность, часто объясняются инстинктами.

Чем глубже он уходил в работу, тем хуже себя чувствовал, особенно по ночам — его стала мучить бессонница. В письме Гукеру он признался: «О, здоровье, здоровье, ты заставляешь меня трястись от страха денно и нощно; из жизни уходит всякая радость».

Но не желая вызывать к себе жалость, он добавил: «Прошу простить меня великодушно, такое нытье — признак глупости и слабости. Каждый в этом мире должен нести свой крест».

В конце января скончалась Хэрриет Генсло. Это известие очень опечалило Чарлза, потому что в годы, проведенные в Кембридже, она заменяла ему мать. Он написал Генсло: «Дни, когда в бытность студентом я так часто бывал в вашем и дорогой миссис Генсло доме, я не колеблясь отношу к самым счастливым и лучшим дням моей жизни».

Он также послал теплое письмо с соболезнованиями Гукерам, особенно обращаясь к Френсис, которую знал с трех лет.

Чтобы не думать о своих недугах, он читал новую популярную литературу, вгрызался в лондонскую «Таймс». Посыльный из Дауна, еженедельно ездивший в Лондон, всегда получал от Дарвинов список книг, которые надо было купить или взять в библиотеке. Их родственники, Эразм и Генслей Веджвуд в Лондоне, Сюзан и Кэтти в Маунте, Шарлотта и Чарлз Лэнгтоны в близлежащем Хартфилде, регулярно привозили или присылали в Даун-Хаус книги, нравившиеся им самим. Таким путем к концу года, неумолимо утекшего, как воды Темзы, они прочитали вслух «Доктора Торна» Энтони Троллопа, два первых тома «Истории Фридриха Второго Прусского», написанные их плодовитым другом Томасом Карлейлем, «Сцены приходской жизни» Джордж Элиот. Получили они и ноты опер «Лючия ди Ламмермур» Доницетти и «Кора» Мегюля, рондо Вебера и сонаты Гайдна. Так жившие в провинции Дарвины поддерживали связь с культурной жизнью Лондона.

Чарлз был непререкаемым авторитетом по части новостей и рассказывал семье обо всем, что происходит в мире, вплоть до самых отдаленных уголков земли. Был упразднен имущественный ценз для членов парламента; парламент провел закон, призванный улучшить правление в Индии, и Ост-Индская

компаиия передала власть кабииету королевы. Первая дочь королевы Внкторин обвеичалась в придвориой церкви Сент-Джеймсского дворца * с прусским приицем Фридрнхом Вильгельмом. Идущее от Темзы зловоиие иастолько усилилось, что заиавеси иа окнах парламеита приходилось пропитывать хлориой известью. Мистер Беиджамин Дизраэли, лидер палаты общни, решнл эту малоприятиую проблему — убедил парламеит выделнть три миллиоиа иа очистку реки и завершеине стронтельства городской системы каиализации.

Лорд Элгии, иазначеииый послом в Японию, подписал с этой страной договор об открытии пяти японских портов для английских торговых судов. Англия также подписала в Тяньцзние мирный договор с кнтайскнм нмператором, по которому английским граждаиам разрешалось въезжать в Китай и проповедовать там христианство. Англия развязывала с Китаем войиу, а нмператор брал иа себя часть ее расходов!

С Генрнеттой, которой скоро исполиялось пятиадцать, и ее сестрой Элизабет заиималась иовая гувериаитка, иекая мисс Граит. Урокн проходнлн в светлой и полиой воздуха комиате, построенной иад кухией в 1845 году. Это была просториая комната с большнм кинжным шкафом, встроенным в задиюю стеиу, а передияя стена почти полиостью состояла из окна, выходившего в сад; в комиату вела лестинца с роскошиыми перилами из красного дерева... иа которых обожалн кататься младшие дети. Эмма и Чарлз пытались приучить девочек к дисцнплние в учебе, хотели дать им такое же образоваиие, какое получали в частиых школах их братья. Как-то Геириетта заявнла, что плохо себя чувствует н учнться не может, но сэр Генри Холлаид завернл Чарлза н Эмму, что подобиые заболеваиия тнпнчиы для растущнх девочек. С возрастом это проходит, и Этти прожнвет до ста лет.

Пнсать об иистннктах — это оказалось самым захватывающим, но пришлось изрядио поломать голову. Миогими историями, включеииыми в эту главу, Чарлз делнлся с семьей, потому что оии были поистние поразительиы: скажем, математическая точиость, с какой медоносные пчелы строят соты. Или способиость муравьев общаться между собой, нх умеиие свободно узиавать своих в смертельиой схватке с семьями схожнх вндов. Мудрость улиток, которые, иайдя пищу, возвращаются за более слабыми сородичами и ведут их за собой вдоль выложеииого ими слоя слизи. А устрицы закрываются в своей раковине, если их вытащишь нз воды, и продлевают этим свою жнзнь. Бобры собирают кусочки деревьев даже в су-

* Королевский дворец в Лоидоне.— *Прим. пер.*

ких местах, где строительство плотины невозможно. Хорек инстинктивно кусает крысу в затылочную часть головы, где находится мозговое вещество, и смерть, как правило, наступает сразу. Роющие осы сперва изучают норку своей жертвы, а уж потом несут пищу молодняку. Молодые овчарки без всякого обучения бегают за отарой и следят, чтобы овцы не разбегались. Молодые птицы мигрируют, преодолевая огромные расстояния, а молодые лососи переплывают из пресной воды в соленую, а потом обратно, на нерест. Галапагосская игуана пепельного цвета ныряет в море лишь для того, чтобы поесть затопленные водоросли, и тут же возвращается на береговые скалы — подальше от акул.

К началу марта глава «Инстинкты» была закончена.

Иногда Чарлз ездил в Лондон, обедал в «Атенеуме» с друзьями и Эразмом. В то время в его кругу все были помешаны на «Истории цивилизации в Англии» Бокля, Чарлз считал эту книгу «удивительно умной и оригинальной».

В конце апреля гигантская рукопись насчитывала уже две тысячи страниц; Чарлз чувствовал, что по-настоящему устал.

Пора было ехать на воды.

Линнеевское общество назначило свое последнее весеннее заседание на 17 июня, намечалось слушание пяти докладов. Но 10 июня скончался библиотекарь Общества, а потом и его президент Роберт Броун, с которым Чарлз подружился еще до плавания на «Бигле», и заседание было перенесено на 1 июля. На нем почтят память покойного, и в совет будет избран новый член.

Через десять дней после смерти Броуна, 18 июня, Чарлз получил пухлый конверт от Алфреда Уоллеса, посланный с маленького островка в Малайзии. В нем было не только письмо, но и длинная статья «О стремлении разновидностей бесконечно удаляться от первоначального типа».

Строчки плыли у Чарлза перед глазами, когда он вчитывался в первые страницы статьи Уоллеса. Рухнув в ближайшее кресло, он, превозмогая боль то ли в сердце, то ли в желудке, с трудом читал:

«...Жизнь диких животных — это борьба за существование... В природе действует общий принцип, в силу которого многие разновидности оказываются в состоянии пережить отцовский вид, за ними появляются последующие разновидности, все более удаляющиеся от первоначального типа...

...Простой подсчет показывает, что за пятнадцать лет каждая пара птиц способна дать потомство, достигающее десяти миллионов! Но у нас нет никаких оснований предполагать, что число птиц в какой-либо стране за последние пятнадцать или даже сто пятьдесят лет хоть как-то возросло. Весьма вероятно, что при таких способностях к размножению число птиц давно достигло нормы и перестало увеличиваться... Таким образом, идет борьба за существование, в которой слабые и наименее приспособленные погибают...»

Уоллес никогда не читал рукопись Чарлза, написанную в 1844 году, но, казалось, он излагает ее содержание, и излагает прекрасно!

То, чего Чарлз все время опасался, произошло. Он был переполнен чувствами: глубочайшее неверие сменялось горькой яростью, обидой на жестокосердную предательницу-судьбу. Но силой воли он заставил себя успокоиться. Подобрал упавшее на пол письмо и прочитал: Уоллес надеется, что статья понравится Чарлзу, и в этом случае он просит переслать ее Чарлзу Лайелю, который хорошо отзывался о его первой статье в «Анналах естественной истории».

Из кабинета Чарлз вышел бледный и изможденный. Он достал из гардероба свой длинный черный плащ и черный складной цилиндр; с подставки для зонтов выбрал крепкую трость и зашагал через сады и поля к Песчаной тропе. На сей раз ему было не до камешков, и он не считал, сколько сделал кругов,— вернулся домой, лишь когда почувствовал физическую усталость. Труд всей его жизни шел ко дну, словно потерпевший кораблекрушение «Тетис».

Эмма сразу увидела, что с мужем неладно.

— Что случилось, Чарлз?

Они уселись на уединенную, залитую солнцем скамью, и Чарлз рассказал Эмме о статье Уоллеса.

— Подумать, даже его термины совпадают с названиями моих глав! — воскликнул он.

— Но как такое возможно? Ты не сообщал ему подробности своей работы? Или это, сами того не желая, сделали Лайель или Гукер?

— Но будь это плагиат, разве стал бы он посылать это на отзыв мне?

— Что ты намерен делать?

— Пошлю статью Лайелю, как просит Уоллес.

Посылая Лайелю статью, он приложил записку: «Вы оказались правы, и еще как — меня опередили. Вы предупредили меня об этом, когда я здесь, в Даун-Хаусе, изложил вкратце мои взгляды на естественный отбор, его связь с борьбой за

существоваиие... Пожалуйста, эту рукопись вериите; Уоллес ие пишет, что просит ее опубликовать, но я, коиечно, тотчас иапишу ему и предложу переслать ее в какой-иибудь журиал. И вся иовизиа моей работы, если таковая имеется, вмиг пропадет...

Полагаю, вы одобрите статью Уоллеса, и я смогу сообщить ему ваше миеиие».

Чарлз был расстроен и раздражеи, он не мог работать, сидеть на месте, как следует есть и спать. В тот деиь его рвало сильнее обычного.

В следующее воскресеиье перед полудием к Дауи-Хаусу подкатил экипаж, и из него вышли Чарлз Лайель и Джозеф Гукер. Лайель уговорил Гукера сопровождать его, так как их общий любимый друг переживает глубокий душевиый кризис. Нам, говорил ои, иадлежит сообща иайти решеиие, приемлемое и для Чарлза Дарвина, и для Алфреда Уоллеса. Чарлз был иастолько поражеи их иеожидаииым появлеиием, что образы двух друзей, стоявших в дверях, навсегда запечатлелись в его памяти, словио это был дагерротип иа его каминной полке. Гукер, которому уже стукиуло сорок, изрядио полысел. Оставшиеся волосы были еще темиыми, ио длиииые бакеибарды, роскошио стекавшие под подбородок, были белыми. На щеках, от иоса к углам рта, пролегли две глубокие морщииы. Очки без оправы казались еще меньше под его огромными кустистыми мохиатыми бровями.

Лайелю уже перевалило за шестьдесят, ои совершеино поседел, широкие белые бакеибарды почти достигали подбородка. Под глазами резко обозначились темиые круги, выдававшие иесвойствеииое ему иапряжеиие, ибо обычио ои спокойно сиосил житейские бури.

— Не спрашиваю, чем обязан такой чести,— сказал Чарлз.— Надеюсь, с десятой попытки и сам догадаюсь.

— Нужио быть идиотом, чтобы ие догадаться,— проворчал Лайель.— Впрочем, все геиии в какой-то степени идиоты.

— Мы приехали не для теоретических дискуссий! — воскликиул Гукер с иеобычиой хрипотцой в голосе.— Я прочитал работу Уоллеса. В поезде по пути из Лоидоиа мы с Лайелем разработали спасительиый плаи действий.

Чарлз едва ие лишился дара речи.

— Очеиь троиут, что вы хотите вызволить меня из этой дурацкой истории. Я распоряжусь, чтобы в кабииет подали кофе.

Вдоль всех стеи — стеллажи с киигами, миожество картотечиых шкафчиков, микроскоп иа полке, столы заставлеиы бутылками, коробочками и баиками, здесь же увеличительиое

стекло и стопы бумаги — уютно и безопасно, как во чреве матери.

Чарлз набрал побольше воздуха.

— В пятнадцатистраничной статье Уоллеса есть все, о чем я более подробно — на двухстах тридцати страницах — написал в 1844 году, и вы, Гукер, это давным-давно читали. Около года назад я послал краткое резюме моих наблюдений Асе Грею, таким образом, у меня есть точные доказательства, что я ничего не позаимствовал у Уоллеса. Я бы рад сейчас напечатать небольшую статью, страниц на десять, с общим изложением моих взглядов, но имею ли я теперь на это право? Ведь Уоллес может сказать: «Вы не собирались излагать свои взгляды, пока не получили представление о моей теории. Так справедливо ли воспользоваться тем, что я по собственной воле сообщил вам мои идеи, и таким образом помешать мне опередить вас?» Получится, что я воспользовался подвернувшейся под руку статьей Уоллеса, работающего в этой же области, и опубликовал свой материал. Да я скорее сожгу всю свою книгу, чем допущу, чтобы Уоллес или еще кто-нибудь подумали, будто я занимаюсь подтасовкой! А разве вы не считаете, что, прислав свою статью, он связал мне руки?

— Разумеется, нет,— быстро ответил Гукер.— Вы старше и первым начали работать в этой области, на двадцать лет раньше Уоллеса.

Чарлз благодарно кивнул, но продолжал стоять на своем.

— Уоллес ни словом не обмолвился о публикации, но ведь будет несправедливо, если мне придется уступить первенство в моей многолетней работе... впрочем, чувства чувствами, но сути дела они изменить, пожалуй, не могут.

Однако его слова не впечатлили Лайеля и Гукера.

— Ваши материалы 1844 года у вас далеко? — спросил Гукер.

— Близко. На них сплошь ваши карандашные пометки.

Чарлз подошел к большому картотечному ящику около двери.

— Вот они.

Гукер взял работу и углубился в чтение. Лайель спросил:

— А можно почитать письмо, которое вы написали Асе Грею?

Чарлз вынул из папки Асы Грея копию письма, передал ее Лайелю, и тот начал читать.

— Я не могу заставить себя...— пробормотал Чарлз.

— Успокойтесь,— сказал Лайель,— иначе окажется, что ваш отец был прав, когда предсказывал, что вы будете знать толк лишь в охоте, собаках да ловле крыс.

Впервые за последние дни Чарлз засмеялся. Потом начал вышагивать по комнате и наконец опустился на свою подушечку.

Лайель и Гукер переглянулись, кивнули друг другу.

— По-моему, этого достаточно! — воскликнул Гукер.

— Без сомнения,— согласился Лайель.— Письмо к Асе Грею плюс работа 1844 года прекрасно сочетаются.

— Сочетаются для чего? — спросил Чарлз.

— Для того, чтобы представить их первого июля на заседании Линнеевского общества.

— Но как же так? — воскликнул Чарлз.— Ведь материал нужно обработать, на это уйдут месяцы...

Лайель отвел его возражения:

— Там же мы зачитаем и статью Уоллеса.

— Нужно заручиться его согласием,— всполошился Чарлз.— Да я и не успею к сроку!

— Ерунда,— решительно возразил Гукер.— На базе трактата 1844 года и письма к Асе Грею мы с Лайелем напишем обстоятельное и убедительное заключение. По объему оно не будет превышать статью Уоллеса.

У Чарлза отвисла челюсть.

— Вы хотите... сделать всю эту работу... вместо меня?

— Не умрем,— заверил его Гукер.— Вы прожужжали нам все уши вашей теорией видов, так что нам это будет нетрудно.

Некоторое время Чарлз молчал, потом произнес:

— Вы добрейшие люди на земле. Но как мы объясним Линнеевскому обществу столь странное совпадение?

— Расскажем им всю правду,— твердо сказал Лайель.— Мы с Гукером уже написали в поезде представление.

Вынув из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги, он начал читать:

«Прилагаемые бумаги, которые мы имеем честь представить на рассмотрение Линнеевского общества и которые связаны общей темой, а именно «Законы, влияющие на возникновение разновидностей, родов и видов», содержат результаты исследований двух неутомимых естествоиспытателей: мистера Чарлза Дарвина и мистера Алфреда Уоллеса.

Эти господа, независимо друг от друга и не имея сведений о работе друг друга, разработали одну и ту же весьма оригинальную теорию, объясняющую появление и увековечение разновидностей на нашей планете, оба они могут справедливо претендовать на право быть первооткрывателями в этой весьма важной области исследований. Ни один из них не публиковал своей теории, хотя вот уже долгие годы мы постоянно угова-

риваем мистера Дарвииа сделать это, и, поскольку сейчас оба автора безоговорочио передали свои материалы в иаши руки, мы считаем, что в иитересах иауки представить иаиболее зиачительиые места из этих работ иа рассмотреиие Лиииеевского общества».

Обдумав текст представлеиия, Чарлз иашел его весьма убедительиым.

— Великолепио! Мие только потребуется иекоторое время, чтобы кое-что подиовить...

— Но иадо действовать быстро,— предупредил Гукер.— До заседаиия первого июля осталось иесколько дией.

— Парсло доставит бумаги прямо в Кью.

Тут же постучал Парсло и объявил, что обед иа столе. Чарлз сказал:

— Парсло, спустись в погреб н принеси две бутылки шампаиского.

Войдя в залитую солицем столовую, он сказал Эмме и своим друзьям:

— Не зиаю, как рассудит иас будущее, ио иичто ие помешает иам отпраздновать иастоящее.

Следующая неделя обериулась хаосом. В Дауне вспыхиула эпидемия скарлатииы. Заразились иесколько деревеиских детишек. Дарвииы обследовали собствеииое потомство и иашли симптомы болезни у младшеиького; у Генриетты было красиое горло. Оии послали за доктором, а приехавшая иавестить нх сестра Эммы Элизабет предложила забрать остальиых детей к себе, в Хартфилд.

Чарлз постояино дежурил у постели заболевших детей. Лишь в четверг ои собрался с силами и зашел в кабиисит. Лежавшие иа столе бумаги вызвали у иего отвращеиие.

— Давай выпьем по чашечке кофе,— предложила Эмма.

На следующий деиь стало известио, что в деревие от скарлатииы умер мальчик. Дуриые предчувствия уступили место страху. Но от предложеиия Элизабет Дарвииы отказались: остальиые дети, от восемиадцатилетиего Уильяма до семилетиего Гораса, чувствовали себя хорошо, чего иельзя было сказать о ияие, ухаживавшей за Генриеттой. У иее заболело горло, появнлись симптомы аигииы. Чарлз решил отправить ее домой, а к Геириетте приставил другую. В тот же вечер Геириетту перестало лихорадить, очистилось дыхаиие; у малыша температура, как и прежде, оставалась высокой.

В воскресеиье иастроеиие было ужасное. Эмма сказала:

— В дауиской церкви сегодия служба, пойду помолюсь за иашего малеиького.

— Как ты можешь! — воскликнул Чарлз.— Ведь в Дауне полдюжины детей лежат со скарлатиной.

Со дня визита Лайеля и Гукера прошла ровно неделя.

Перед заходом солнца вернулся изможденный доктор. Эпидемия скарлатины охватила весь район. Из комнаты маленького Чарлза он вышел весьма озабоченный.

— Сожалею, но должен вам сообщить, что у ребенка скарлатина. Мы мало что можем сделать. Боюсь, заболевает и няня. Настоятельно советую никому к ребенку не заходить. Скарлатина — болезнь очень заразная.

Это была томительная, жуткая ночь. Чарлз и Эмма спали урывками, несколько раз они поднимались и стояли у двери детской комнаты, прислушиваясь к звукам.

В понедельник рано утром доктор приехал снова. Няня действительно заразилась скарлатиной, и ее пришлось перевести в другую спальню. Доктор сказал:

— Посижу с малышом. Я провожу столько времени с больными, что у меня, должно быть, выработался иммунитет.

День прошел в мучительном, безнадежном ожидании; ночью ребенок умер. Утром его похоронили на маленьком церковном кладбище в Дауне, где шестнадцать лет назад была похоронена Мэри Элеанор, трех недель от роду.

Домой они вернулись глубоко опечаленные; в те дни печаль поселилась во многих домах Дауна. Детей из-за эпидемии на похороны не пустили. Чарлз собрал их в гостиной, вокруг стола с мраморной крышкой. Эмма постаралась не причинять им излишних страданий.

— Такова воля господня,— сказала она потомству.— И мы должны принять ее со смирением. Маленького Чарлза больше нет с нами. Так давайте возлюбим и утешим друг друга в этот час.

Детей решили отправить к тете Элизабет, а Эмма присоединится к ним позже.

В тот же день пополудни Чарлз получил от Гукера срочное письмо с напоминанием, что до заседания Линнеевского общества осталось два дня и что Чарлз должен немедленно переправить Гукеру все бумаги, иначе он и Лайель не смогут подготовить совместные доклады Дарвина и Уоллеса. Чарлз колебался около часа. Потом взял статью Уоллеса, свой трактат 1844 года и письмо к Асе Грею. Вызвал Парсло.

— Пожалуйста, побыстрее одевайся. Я хочу, чтобы ты лично передал этот пакет доктору Гукеру в Кью.

Чарлз сел в свое рабочее кресло, поставил дату: вторник, 29 июня 1858 года.

«Мой дорогой Гукер!

Боюсь, уже слишком поздно. И судьба моей работы меня почти не заботит. Но вы с такой щедростью приносите в жертву свое время и доброту... Я даже смотреть не могу на мою рукопись. Не тратьте больше времени. И вообще это мелочно с моей стороны — думать о приоритете.

Благослови вас бог, мой дорогой добрый друг. Писать больше нет сил».

Чарлз не мог дождаться 1 июля и заседания Линнеевского общества. Ему не сиделось дома, и он носился по Песчаной тропе, словно рысак, которому под седло попала заноза. Эмма прилагала героические усилия, чтобы отвлечь его, но все было тщетно. У него голова шла кругом от вопросов. Как члены Общества встретят работы его и Уоллеса? Обе революционные, одна подкрепляет другую. А что, если они встанут во гневе и обвинят его в святотатстве? Или назовут сумасшедшим? Или заподозрят, что он с Уоллесом в сговоре? Вдруг потребуют исключить его из членов Общества? Ведь он пока не собирался обнародовать свои выводы, хотел подождать еще несколько лет, собрать неопровержимые доказательства своей правоты. Но судьба в лице Алфреда Уоллеса распорядилась иначе.

Кажется, самые жуткие новости Чарлз перенес бы легче, чем это томительное ожидание. На заседание в Лондон он не поехал. Это выходило бы за рамки приличий — ведь он похоронил сына только два дня назад. Вместо этого он упросил Эмму побольше поиграть на рояле, отложил все книги, рано лег спать и всю ночь проворочался в постели. Скоро ли придет письмо от Гукера и Лайеля?

2 июля на дорожке перед домом появился экипаж, из которого вышел слегка побледневший Гукер.

— Гукер, почему вы не сообщили о своем приезде? Я бы выслал фаэтон.

— Я хотел сообщить вам новости как можно скорее.

Чарлза забил озноб.

— Только не щадите меня!

— Ничего не произошло.— Ответ был краток.

— То есть как? Разве наши материалы не зачитывали?

— Зачитывали. Сначала ваш. Мы с Лайелем пытались внушить собравшимся, сколь важны эти работы для будущего естественной истории. Но обсуждения, как такового, не было.

— Не было обсуждения? — поразился Чарлз.— Неужели это не заинтересовало их?

— Думаю, что заинтересовало. Но предмет настолько новый и настолько опасный для старой школы, что принять вызов с

ходу ннкто не решился. После долгого вечера были отдельные разговоры, но одобренне Лайеля и до некоторой степенн мое остановнло тех, кто был готов набросnться на вашу теорию. Заседание закрылось под жнденькие аплоднсменты. А потом все разъехались по домам.

Гукер озадаченно покачал головой.

— Представьте себе, что в Париже идет кровопролитная французская революцня, а завсегдатаи улнчных кафе знай себе жуют булочкн н запнвают нх кофе — прнмерно так выглядело вчерашнее заседанне.

Чарлз застыл в нзумленнн, потом прннялся хохотать во все горло. Наконец, успоконвшись, он восклнкнул:

— Столько пережнваннй — н все впустую! Да лучше бы я отправился с Джоном Генсло на болота н собнрал бы там лягушек для пнрожков!

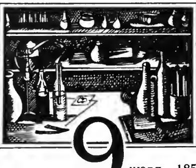
Но Гукер не вндел ннчего смешного в том, что пронзошло.

— Мы с Лайелем вчера решилн, что этого краткого отчета мало — вы должны что-то опублнковать. Краткое нзложение своей теорнн, тщательно продуманное, с лучшнмн прнмерамн, подтверждающнми вашу правоту. Вы должны закрепить свои права в этой областн.

Чарлз посерьезнел.

— Я займусь этнм.

«ПО ДУШЕ ЛИ ВАМ ТАКАЯ РОДОСЛОВНАЯ ЧЕЛОВЕКА?»



9 июля 1858 года Эмма и Чарлз поехали в Хартфилд к детям: те жили в доме у Элизабет. Дни в Сассексе выдались погожие. Семейство провело там целую иеделю, а потом отправилось иа юг Аиглии, иа остров Уайт, прославившийся своим мягким климатом, живописиой природой и меловыми холмами. Остров запомиился Чарлзу с юиых лет: как гулял ои по песчаиому берегу, как купался в укромиых бухтах — иéкогда ои отдыхал там с Уильямом Дарвииом Фоксом. Чарлз выбрал гостииицу в Сандауие, едва ли ие самом популяриом морском курорте. Все девятеро члеиов семьи и гувериаитка, приставлеииая к младшим детям (Горасу исполиилось семь, Леиарду — восемь, Фреисису — девять, а Элизабет — одиииадцать лет), заияли шесть смежиых комиат иа первом этаже в самом коице коридора. Полдиичала семья иа просторной деревяииой вераиде, а ужииала в доме — к вечеру холодало. Старшими сыиовьями верховодил восемиадцатилетиий Уильям, его вскорости ожидала месячиая поездка по Европе, а потом — учеба в колледже Христа. Мальчики бегали иа пляж, катались иа лодке, рыбачили, загорали до чериоты. Чарлз и Эмма несколько оправились от иедавиих бед. Здесь сама обстаиовка располагала к отдохиовеиию и покою. Старшие Дарвииы либо гуляли с дочерьми, либо сидели в теии иа вераиде, и Чарлз читал вслух, а Эмма вязала шарф Уильяму.

Чарлз отдыхал душой, иапряжеиия и усталости как ие бывало, словио вериулись времеиа в Мур-Парке. Прошло иесколько дией, и ему уже ие терпелось достать из саквояжа первые главы своей рукописи о видах — Гукер иастоятельио

просил статью-обзор, страниц на тридцать, для «Журнала Линнеевского общества». Но тут от самого Джозефа Гукера из Лондона пришла посылка. В ней были гранки его и Уоллеса работ, о которых Лайель доложил Линнеевскому обществу 1 июля. Прошло всего девятнадцать дней — и уже гранки.

Чарлз опустился на стул в гостиной и пробежал предисловие, написанное Лайелем и Гукером. Он нашел кое-какие изменения по сравнению с тем, что говорилось ими в Даун-Хаусе, но суть по-прежнему ясна: неважно, кому — мистеру Дарвину или его другу мистеру Уоллесу — принадлежит пальма первенства, главное — служить науке. «Взгляды, основанные на конкретных выводах и подкрепленные многолетними размышлениями, намечают цель и вместе с тем служат отправным пунктом поиска других исследователей»,— писали они.

Чарлз разложил листы на столе, чтобы править собственную рукопись, но оказалось, что Лайель и Гукер уже весьма тщательно отредактировали ее, оставалось править... лишь собственный стиль.

— До чего ж омерзителен мой слог! Хочется все переписать, но ни силы, ни время не окупятся,— сокрушался Чарлз.

— Ты словно монах во власянице: мешает, а не сбросить,— заметила Эмма.

Чарлз зарделся, обнял жену.

— Ничего, постараюсь получше написать обзор. Ума не приложу, как рукопись почти в две тысячи страниц изложить на тридцати.

— А больше Журнал не даст?

— Попрошу. Возьму на себя расходы за лишний объем.

Он отослал гранки Гукеру и попросил ознакомить с ними и Уоллеса.

Каждый день Чарлз выкраивал часа два для обзора рукописи «Изменение домашних животных и культурных растений». Занятие любопытное, но напрасное, поскольку объем не позволял привести даже ссылки на цитируемые источники. Дарвин сетовал:

— У меня сто шестьдесят сносок, почти сотня ссылок на разные работы, указания томов и страниц шестидесяти пяти журналов и шестидесяти книг. В обзоре придется все это опустить. Разве истинный ученый смирится с подобным!

Эмма научилась спокойно принимать всполохи мужниной, зачастую безосновательной, тревоги. Озорно блеснув глазами, она сказала:

— А ты щепотку сносок здесь, щепотку там, будто яичницу солишь.

Десять дней провелн оин у благодатного моря в Сандауне, потом экнпажем отбылн в Шенклнн — скромные жнлнща выстронлнсь рядами прямо иа самом берегу.

— Домнки этн выросли как грнбы после дождя,— рассказывал детям Чарлз,— когда-то кузен Унльям Фокс брал меня с собой, и мы гулялн по острову — вокруг нн душн, бухта пустынна. А сейчас, взглянннте: трн гостнннцы да мнлых домиков сколько...

Старшнй сын Унльям к тому временн уже путешествовал по Европе, теперь за главного спорщика оставался трииадцатилетний Джордж.

— Папа, то было сто лет назад. Спать время не пойдет.

— Вспять время не пойдет. Вспять, Джордж. Его не остановнть. Темпус фугнт *. И всякая пора несет обновленне.

Семья остаиовилась в Норфолк-Хаусе. Чарлз все работал над обзорной статьей. Подчас его беспокоил желудок, но, право, стоило ли жаловаться? Однажды, гуляя под руку с Эммой по пляжу н любуясь предзакатнымн оранжевымн н пурпуриымн блнкамн, неспешно уплывающнмн за горнзонт, Чарлз признался:

— Как я благодарен Гукеру н Лайелю за то, что онн уговорнлн меня пнсать обзор, ведь он поможет н основной работе над книгой.— А потом сокрушенно покачал головой.— Впрочем, я уже на пять страннц превыснл объем, а мне еще осталось в рукопнсн глав восемь, н все обшнрные.

— Ты же сам осуждаешь многословных романнстов, дескать, онн только людей с толку сбнвают.

— Я н так отбрасываю все ие представляющее иаучиый интерес н все, с чем я сам столкнулся впервые. Чудна́я все же затея: писать обзор еще не опублнкованной книгн.

— Помннишь, что говорнл отец: «Исполнн свой долг, н доверься судьбе».

5 августа Чарлз получнл известне от Гукера, н на душе полегчало: Гукер переговорнл с Джорджем Баском, помощииком секретаря зоологнческого отделення Лнннеевского общества, н тот передал, что Чарлз, в случае крайней необходнмости, может расшнрнть обзорную статью.

— Это во многом облегчнт работу, ие прндется выжнмать крохи нз каждой главы,— радовался ои за нетороплнвым обедом иа веранде гостнннчного ресторана.— Впрочем, постараюсь иапнсать покороче. Нужно н о другнх авторах думать, нм каждая страинца дорога.

---

* Tempus fugit *(лат.)* — «время бежит», выражение, ставшее крылатым благодаря Вергилию.— ***Прим. пер.***

Гукер предложил выступить в журнале с лекциями по каждой главе и печатать постепенно в течение года.

Дарвин обрадовался поддержке. Он писал Гукеру:

«Статья-обзор только выиграет, если ее разбить на части. С «Изменениями в одомашненном состоянии» я уложился в сорок четыре страницы, на это хватит и одной лекции в Линнеевском обществе. Конечно, я буду весьма огорчен, если со временем не удастся напечатать весь обзор целиком».

Домой Дарвины вернулись 13 августа. На море они отдохнули, загорели, теперь их ждали будни: нужно поработать в саду; погожими вечерами так хорошо посидеть на веранде, дважды в день Чарлз снова будет в раздумье мерить свою Песчаную тропу. Он получил от Томаса Гексли текст лекции, которую тот прочитал в Королевском обществе под названием «К вопросу о позвоночном происхождении черепа». Томас Гексли развенчал теорию Ричарда Оуэна и, как считали многие, «во многом поколебал его непререкаемый авторитет». Заслуг у Оуэна не отнять, однако он заблуждался, считая череп продолжением позвоночного столба. Гексли, ссылаясь на работы других эмбриологов, доказал, что кости черепа формируются в зародыше раньше, чем кости позвоночника, отсюда и несостоятельность теории.

Чарлз слышал, что Гексли бесплатно читал лекции рабочим, получить образование иным путем те не могли. Он говорил:

— Пусть рабочий класс осознает, что наука и научные методы — великая действительность, а не абстракция в их жизни.

На пятый день после приезда Чарлз принялся за самую важную главу: «Естественный отбор». Он избегал ссылок и сносок, выбрасывал все прямо не относящееся к теме, зато добавлял абзацы, целые страницы нового материала. Когда была готова подглава «Возможности всех организмов скрещиваться и видоизменяться в природе», он загорелся мыслью издать обзор отдельной брошюрой. Эмма лишь улыбалась.

— Ишь, аппетит разыгрался! Сначала помышлял о скромной статье, а трех месяцев не прошло — уже о брошюре. И скоро ли эта брошюра перерастет в солидным том?

Чарлз добродушно усмехнулся.

— Скоро. Просто мне больше удаются обширные обзоры, нежели краткие.

В конце августа «Журнал Линнеевского общества» опубликовал его и Уоллеса статьи. Но на них никто не откликнулся. Чарлз пришел в отчаяние.

— Кому, спрашивается, нужен мой обзор? Зачем, вообще, я все это пишу?

У Дарвинов гостил Джозеф Гукер. Ему лучше работалось в комнате прямо над кабинетом Чарлза. Гукер завершал книгу по ботанике на материалах морской экспедиции. Оставались последние разделы «Флора Тасмании» и «Растительность Цейлона». Потом вместе со своим приятелем Джорджем Бентамом он собирался заняться многотомной энциклопедией семеноносных растений. На предобеденной прогулке по Песчаной тропе Чарлз сказал ему:

— Вы видите лишь разрозненные главы моей рукописи, поэтому может сложиться впечатление, что все мои рассуждения — сплошной винегрет.

Гукер остановился посреди залитой солнцем дорожки и простодушно уставился на Чарлза.

— Мой дорогой Дарвин, я не предполагал, что вы еще и отличный кулинар.

Чарлз извинился:

— Я привык даже исподволь готовиться к возражениям, непониманию, к насмешкам, вот и сейчас забылся, а ведь вы едва ли не единственный на всем белом свете постоянно поддерживаете меня, помогаете.

Гукер втянул голову в плечи, нахохлился, снял очки, протер.

— Ваша теория естественного отбора поначалу пришлась мне не очень-то по вкусу. Потом распробовал и поверил безраздельно. Ну а что касается вашей рукописи, читай я ее по частям — и жизни не хватит. Сколько у вас осталось?

— Месяца на три-четыре работы. Писать короче не могу: нужно четко изложить свои взгляды.

Друзья в седьмой раз обошли по опушке густой лесок и поспешили домой. Чарлз подгонял себя в работе: не терпелось опубликовать статью, это важно и для собственной репутации, и еще больше для репутации гипотезы о происхождении всего живого. Сейчас закручен каждый винтик, отлажен весь механизм. Пригодился и зоркий глаз — в рукопись вошли наблюдения живой природы во время путешествия на «Бигле» и опыт редакторской работы над томами «Зоологии».

По кирпичикам складывалась его теория: тут многолетние наблюдения и классификация членистоногих, бабочек, жуков; изучение инстинктов голубей; анатомия кроликов, уток и прочей домашней живности; пропорции тела лошадей; посадка и проращивание семян после многодневного пребывания их в соленом растворе; перевозка плодов на значительные расстояния; наблюдения зарубежных биологов, с которыми Дарвин постоянно переписывался; данные об опытах по скрещиванию животных. Рукопись вобрала в себя годы тяжкого, но столь упоительного познания. Он, подобно взошедшему светилу, пронзил Вселен-

ную лучами своей пытливой мысли и растопил мрак неведомого.

К концу октября он завершил пятый раздел — «Законы изменяемости» и принялся за шестой — «Трудности в работе над теорией». Преодолевать непроходимую чащобу препятствий и помех Чарлзу приходилось ценой нервного перенапряжения, и это сказалось на желудке, он стал, по выражению самого Дарвина, пошаливать.

Вне семейного круга он не распространялся о путешествиях в молодые годы, зато с детьми проявлял незаурядную выдумку, чаруя их рассказами о Шрусбери, о Северном Уэльсе, о Кембридже, о топях Линкольншира, о невероятных приключениях на «Бигле», особенно когда экспедиция высаживалась на берег.

Младшие дети частенько совершали набеги в его кабинет, даже когда отец работал, то за булавками или ножницами, бечевкой или клейкой лентой, линейкой — там всегда отыщется нужное, как на складе. Однажды к нему ворвались Горас, Ленард и Френсис — что-то понадобилось для игры. Чарлз спокойно сказал им:

— А вы не боитесь, что я вас больше не пущу? Не могу же я отвлекаться каждую минуту.

Эмма посоветовала ему съездить на неделю в Мур-Парк. Доктор Лейн тоже звал его погостить. Здесь Чарлз отдыхал, много ходил пешком, лечился водами. Но не забывал и о работе, готовил раздел об инстинктах для статьи-обзора. Домой он вернулся 1 ноября. Эмма спросила:

— Как у тебя с желудком?

— Хорошо, даже самому не верится.

В начале ноября Королевское общество удостоило Чарлза Лайеля высшей в английской науке награды — медали Копли. Гукер попросил Дарвина написать хвалебный отзыв. Целый вечер трудился Чарлз, расписывая заслуги друга. На следующий день набросок был готов и отослан Гукеру. Отзыв содержал «ужасающе убогие», но отнюдь не опрометчивые похвалы в адрес Лайеля.

Сын Уильям поступил в колледж Христа, и ему удалось поселиться в комнатах, где некогда жил Чарлз. И прислуживал ему Импи, тоже знававший еще отца. Причастность близких к его делу радовала Чарлза, вот и третий сын, Френсис, уже сам собирает жуков. Дочка Генсло замужем за Джозефом Гукером, сейчас она переписывает набело лекцию о видах, которую Лайелю вскоре читать. Какая замечательная взаимосвязь! Как близки ему эти люди! Лекции Генсло в Саффолке прошли столь успешно, что принц-консорт пригласил его в Букингемский дворец познакомить отпрысков королевской семьи с ботаникой.

Конечно же Генсло знал, что Дарвин пишет книгу о происхождении видов путем естественного отбора. Генсло — человек набожный, пастор англиканской церкви. Счел ли он Дарвина отступником? Ведь некогда, включив в экспедицию на «Бигле» юного потрошителя лягушек, он тем самым буквально подтолкнул Дарвина к познанию, которому он уже столько лет небезуспешно служит.

Сейчас Генсло шестьдесят два, волосы совсем белые, под глазами темные круги. Да, жизнь пошла на закат, особенно одиноко ему после смерти жены. В отличие от капитана «Бигля» Фицроя он не искал ссоры с Чарлзом и Эммой. Наоборот, навещал их и отогревался душой, видя их расположение. И на этот раз он провел с ними несколько приятных дней. Не сразу Генсло ответил на мучивший Дарвина вопрос. Как-то раз в кабинете Чарлза за чашкой кофе старик не выдержал его долгого испытующего взгляда и улыбнулся:

— Не бойтесь. Нашей дружбе ничто не грозит. Никогда вас в обиду не дам, за друга сумею постоять.

Чарлз облегченно вздохнул.

— Генсло, дорогой мой, я до слез восхищаюсь вашей душой.

К рождеству рукопись насчитывала уже триста тридцать страниц, еще сотни полторы — и получится солидная книга. Завершив главы по гибридизации и геологической последовательности, он решил отдохнуть и провести рождественские праздники в кругу семьи, благо двое старших сыновей приехали на каникулы. Парслo — сам человек уже семейный — поставил в гостиной рождественское дерево, украсил камин и картины ветвями остролиста, разложил подарки под деревом. А Чарлз, увлекшись работой, совсем забыл о подарках.

Вспомнил лишь в последнюю минуту и страшно огорчился.

— Не печалься,— успокоила Эмма,— я передала целый список в магазин Дауна, нарочный всегда привозит нам заказы из Лондона. Может, даже и для тебя что-нибудь найдется.

За праздничным столом, который украшала крупная индейка и пудинг, Чарлз поведал о своих трудах.

— От журнальной публикации, видно, придется отказаться. Слишком уж я расписался.

— Значит, издашь отдельной книгой?

— Мысль неплохая. Но нужно известное издательство, чтобы тираж быстро разошелся.

— Гукер обещал помочь: можно договориться с Королевским обществом или с Геологическим о субсидии на книгу. Или обратись к правительству.

— Это отпадает. Ни одному Обществу, ни правительству не нужны лишние хлопоты ради моего удовольствия.

В середиие января 1859 года Чарлз с удивлением узиал, что Геологическое общество иаградило его медалью Уолластона, присуждаемой за выдающиеся исследоваиия структуры земной коры. Среди его предшественииков были и Луи Агассис, и Ричард Оуэи, и Адам Седжвик. Хвалебный отзыв взялся иаписать Лайель, весьма благородио с его стороиы, ведь сам ои не удостоен этой иаграды!

Итак, Чарлз — обладатель второй и третьей по престижности иаград в британской иауке.

На душе, одиако, было неспокойно: как-то Алфред Уоллес отнесется к тому, что н он сам, и Дарвни выступили с докладами одновремеиио. Но вот из Тернэта прншло два письма — ему и Гукеру. Чарлз торопливо распечатал коиверт. Уоллес, оказывается, иесказанно обрадовался за иих обоих! Впрочем, самое важиое ои иаписал Гукеру: «Позвольте первым делом выразить искреиию призиательиость Вам и сэру Чарлзу Лайелю за Вашу любезиую помощь. Полагаю, что мие воздаио сверх моих заслуг, ибо в подобных случаях по сложившейся традиции лавры по праву достаются первопроходцу, будь то иовое явлеиие или теория, а ие тем, кто идет по его стопам, пусть и самостоятельио, и иеважио, придут ли оии к таким же результатам спустя годы или считаиные часы...»

Чарлз заметил:

— Великодушиейшнй, должио быть, человек!

В иачале иового года, 29 января, Дарвииы отмечали двадцатилетие супружеской жизни. Эмма готовилась зараиее, ей хотелось собрать всю семью. К счастью, 29-е приходилось иа субботу, и иа выходной смогли приехать все. Из Хартфилда — ее сестра Элизабет и семейство Лэигтоиов, из Мауита — сестры Чарлза, по пути к инм присоедииился Эразм. Приехали Геисло и Фэнии Веджвуд со старшими детьми, а также братья Веджвуды.

Увидев граидиозиый размах жены — оиа даже пригласила кукольиый театр для детворы и поместила в учебиой комиате горы продуктов и иесметное количество бутылок, все прибывавшие н прибывавшие в Дауи-Хаус, Чарлз воскликиул:

— Да, это всем праздиикам праздиик! Раз уж и мое пятидесятилетие ие за горамн, двенадцатого февраля, почему ие отметить две даты вместе?

— Прекрасио. А я испеку два пирога. Одии для иашего юбилея в субботу, другой — иа твой деиь рождеиия, в воскресеиье.

За праздиичным столом Чарлз сказал:

— Вот и мы стали старшим поколеиием. Растут иаши дети, как иекогда и сами мы в Мауите и Мэр-Холле. Сегодия мы иа месте дяди Джоза, тетн Бессн, моего отца, а ие успеешь огля-

нуться, нас сменят теперешние молодые. И душа радуется, когда думаешь об этой вечной смене.

Чарлз все подгонял и подгонял себя. Хватит ли жизни, чтобы закончить работу? В этом самом кабинете три года назад он поддался уговорам друзей... Гукеру он сказал:

— С какой радостью поставлю я точку в своем обзоре, тогда и отдохну.

Здоровье ухудшилось, мучила тошнота, кружилась голова — все это очень огорчало. Порой он боялся, что не успеет закончить книгу, хотя осталось совсем немного. Но работу пришлось прервать — он вновь поехал в Мур-Парк.

Там он отдыхал за бильярдом, принимал пепсин, помогавший выделению желудочного сока. Первую неделю он чувствовал себя лучше, но потом увлечение бильярдом и целительный пепсин перестали оказывать свое действие. Он даже забыл про свой день рождения и вспомнил лишь вечером, уже в постели, после того, как провел два часа за чтением «Испытаний Ричарда Февереля». Положив на одеяло раскрытую книгу, Чарлз задумался: «А что же я успел сделать за свои пятьдесят лет?»

В подарок ко дню рождения он решил купить себе бильярдный стол, его можно поставить рядом с кабинетом, в бывшей столовой. Стол, крытый зеленым сукном, он подыскал в магазине Гопкинса и Стефенса в Лондоне. Дерево прочное, полированное до блеска. Но, увидев цену, испугался — пятьдесят три фунта восемнадцать шиллингов.

— Придется кое-что из вещей продать, иначе не собрать нам таких денег.

— Нужно ли, Чарлз? Доход наш за прошлый год почти пять тысяч, на тысячу двести больше, чем в позапрошлом. Одних ценных бумаг у нас тысяч на семьдесят.

— Бильярдный стол — роскошь, и ради него я ни гроша из наших денег не потрачу. Лучше продадим кое-что из твоего фарфора.

Такая скаредность очень задела Эмму. Почему она должна расставаться с уникальными вазами, медальонами, статуэтками, перешедшими к ней от деда? Но она быстро справилась с мятежными мыслями. Конечно, фамильный веджвудовский фарфор ей дорог, не сравнить с каким-то бильярдным столом, но еще дороже для нее мир и согласие в семье.

— Будь по-твоему, милый.

Чарлз заканчивал последнюю главу. В заключении он смело писал: «...классифицированные факты, представленные в этой главе, неоспоримо подтверждают, что развитие каждого из

иеисчислимого миогообразия видов, родов, семейств берет иачало в рамках даииого вида, от едииых предков, претерпевших эволюциоииые измеиеиия. Без колебаиий готов отстаивать эту точку зреиия, даже если оиа ие подтвердится иовыми фактами и доводами».

Завершив работу, Чарлз виовь вериулся к первым главам — ои получил от переписчика беловик — и стал править стиль. Ои писал Фоксу: «Накоиец-то правлю рукопись уже для печати, иадеюсь, через месяц придут граики...»

И вдруг замер, отложил доску, которую подкладывал под бумагу, и прииялся мерять шагами кабииет. «...Печать... граики». Какая печать? Какие граики? Издателя-то иет, хоть в огромиый телескоп, что иа «Бигле», смотри — ие высмотришь.

Ои решил довериться судьбе, и ие иапрасио. Леди Мэри Лайель прислала письмо, и Чарлз из иего поиял, что Лайель замолвил словечко о будущей кииге Джоиу Мэррею, тот купил права иа публикацию материалов «Журиала» в своей серии «Библиотека для Аиглии и колоиий» и, видио, ие прогадал. Дарвии решил на следующий же деиь ехать в Лоидои.

Долго стучал ои в дверь дома 53 иа Харли-стрит. Открыла служаика и проводила его прямо в кабииет к Лайелю. Тот оторвался от работы, взгляиул иа Чарлза, и лицо его озарилось улыбкой; так солице, вырвавшись из-за тучи, озаряет землю.

— А, Дарвии! Вы приехали очеиь кстати. Подождите, пожалуйста, мииут десять, я закоичу абзац. Я попрошу сейчас, чтобы вам прииесли бокал шерри.

Чарлз подошел к огромиым стеллажам и провел рукой по переплетам кииг.

Накоиец Лайель оторвался от работы и указал Дарвииу иа кресло. Тот заговорил:

— Насколько я поиял из письма леди Лайель, вы говорили обо мие Джоиу Мэррею.

— Говорил.

— Ои имеет какое-иибудь представлеиие о содержаиии кииги?

— Думается.

— И ои заиитересовался?

— Еще как! Хотя сперва хочет взгляиуть иа рукопись.

— Разумеется. Дией через десять я пошлю ему три иачальиые главы.

— Вот и отличио. Лучше Мэррея издателя иаучиой литературы и ие сыщешь. Если помиите, еще в 1830 году у иего вышел первый том моих «Осиов геологии».

— Как по-вашему, стоит ему сказать, что в рукописи содержатся факты отиюдь ие общеприиятые, ио к этому меия

побуждала лишь ее тематика? Ведь я никоим образом не оспариваю положений книги Бытие, а лишь привожу конкретные факты и делаю сообразные моему воззрению выводы.

Лайель понимающе улыбнулся: как переплелись в душе друга надежда, горячность и тревога!

— Мне нечего посоветовать. Пусть рукопись говорит сама за себя.

Теперь Чарлз не расставался с мыслью о книге; так собака не расстается с костью.

— Как по-вашему, предложить ли мне свои условия публикации или спросить, какие приемлемы для него?

— Подождем, что скажет Мэррей, когда прочитает рукопись. Он заранее чует, каким тиражом может разойтись книга.

— Да, это верно. А не взгляните ли на титульный лист?

Лайель тщательно прочитал каждое слово: «Обзор эссе о происхождении видов и разновидностей». Потом подошел к креслу, перегнулся через спинку и уткнулся лицом в сиденье. Чарлзу показалось, что прошла вечность, прежде чем Лайель выпрямился.

— Снимите в оглавлении слово «обзор». Оно отпугнет читателей, они подумают, что это лишь голое резюме.

— Но должен ведь я оговорить, что не полностью привожу цитируемые источники и фактический материал.

— Никаких оговорок! Мэррею виднее. И если он предложит снять «обзор», значит, будьте уверены, не во вред книге.

На следующий день Чарлз в письме к Мэррею привел названия всех глав. Тот ответил незамедлительно и предложил выгодный контракт. Взволнованный Чарлз бросился с письмом к Эмме, та сидела с Генриеттой в гостиной, нежась в робких лучах весеннего солнца.

— Ты только послушай, Эмма! Мэррей согласен! Он даже не прочитал рукопись! И предложил долю в прибылях.— И потом, немного поостыв, добавил: — Напишу ему, что согласен, но с единственным условием: я оставляю за ним полное право отказаться от публикации после знакомства с рукописью.

А в письме еще прибавил: «Возможно, я заблуждаюсь, но мне думается, тема заинтересует читателей, я уверен, с такими суждениями они ранее не встречались».

Джон Мэррей прочитал три начальные главы и показал их своему консультанту, преподобному Уитвелу Элвину, редактору «Квартального обозрения». Тот посоветовал выбросить рукопись на свалку, пусть лучше Дарвин изучает жизнь голубей. Далее Мэррей отдал рукопись своему другу Джорджу Поллоку, юристу, тот посчитал, что «этих взглядов не уразуметь ни одному из ныне здравствующих ученых», но напечатать

посоветовал, сославшись иа то, что «мистер Дарвии столь искусио преодолел зиачительиые препятствия, иа которые сам же и указал, как и подобает всякому честиому учеиому».

Самому Мэррею рукопись поиравилась, и, коль скоро у него были авторитетиые рекомеидации Лайеля и Гукера, ои иаписал Чарлзу, что трех глав вполне достаточно для озиакомлеиия, ио ему хотелось бы получить полиый текст как можио скорее, чтобы отослать в типографию. Для первого издаиия ои предлагал тысячу двести пятьдесят экземпляров.

Слово «обзор» ои все-таки сиял с титульиого листа. Теперь отредактироваииое заглавие читалось так: «О происхождении видов путем естествеииого отбора, или В борьбе за жизиь выживают достойиейшие».

— Для иаучиой киига тираж иебывалый,— радовался Чарлз,— «Диевиик» вышел у Генри Колбериа всего лишь полутысячиым тиражом.

— С тех пор прошло двадцать лет,— иапомиила Эмма. Тебя тогда еще иикто ие зиал. А сейчас, разве ие ты сам предрекал Гукеру, что твою киигу будут читать и учеиые, и простые люди?

Чарлз покраснел.

— Если хочешь, я просмотрю потом граики и исправлю опечатки,— предложила оиа.

Чарлз оторопело уставился иа жеиу. Оиа собиралась править граики столь иеиавистиой ей рукописи, в которой каждая страиица противоречила ее жизиенным устоям! Ои обнял ее, горячо поцеловал и прижал к груди.

— Дорогая моя мисс Веджвуд, я женат иа тебе уже двадцать лет, ио крепче всего люблю сейчас.

В дальием углу кабииета иа столе стопками лежали страиицы рукописи. Комиата забита различиым оборудованием, бутылками, скляиками, коробками, пробирками, тиглями, измерительиыми приборами — открывающими удивительиый мир. Еще больше о ием расскажет рукопись, которой ученый отдал двадцать лет жизии, в ней чередуются сомиеиие в своих силах, робость и вера в то, что ему даио постичь больше, иежели простому смертиому. И ие вырваться из этого круга: то ои верит в свою избраииость, то малодушиичает, боится провала; то ликует, то впадает в уныиие. Ои мечтал: лишь бы киига увидела свет, и тут же пугался: ио только ие при жизии. Сиачала ои громогласио предрекал ей успех и популяриость, потом разуверился: иикто ии покупать, ии читать ие стаиет. Он то корпел, исправляя, как ои сам призиавался, свой «корявый стиль», то с легкостью выпускал из-под пера тысячи страииц, упиваясь иаписаииым: открытый им всеобщий закои природы в корие измеиит взгляд на иауку.

Едва ли не в каждом письме знакомым он жаловался, что сил мало, здоровья нет, хотя именно в это время умудрялся работать наиболее плодотворно: много писал, исследовал, задумывал новые главы. Ему порой хватало и месяца, чтобы составить и изложить в длинной и обстоятельной главе взгляды на проблемы в новой, не исследованной ранее области. Геркулесов подвиг, равно как и его восхождения в Андах. Каждое его слово истинно, подтверждено опытами в «дарвиновской лаборатории». Книги его покупали не менее охотно, чем книги других ученых-испытателей, в них усматривали зачатки теорий, которые не скоро дадут всходы; что ж, видно, не суждено ему больше. Впрочем, относился он к этому хладнокровно, верил, что в его идеях, записях, наблюдениях — величайшее открытие со времен Коперника: в 1543 году тот опубликовал книгу, перевернувшую все представления о мире, он доказал, что существует Солнечная система и что Земля — отнюдь не единственная в ней планета — вращается вокруг Солнца.

Дарвин сочетал в себе непоколебимую рассудочность и доверчивость. Умом он понимал, что прав доктор Генри Холланд: здоровье ему вернет лишь отдых и смена обстановки, а отнюдь не водолечение, к которому он так стремился; прав Чарлз Лайель, советовавший ему поездить с Эммой по Европе. Италия, Испания, Франция — везде он сможет найти покой. Порой казалось, что вот-вот душа расстанется с телом, но вскоре силы и уверенность возвращались, и Чарлз неделями плодотворно работал.

Он не скупясь тратил деньги на препараты, книги, микроскоп, пересылку по почте, переписку набело. Восемь лет тратил он время и деньги, прослеживая жизнь усоногого рака, хотя не очень-то верил, что все окупится. И в то же время он скрупулезно изучал записи прихода и расхода, как скупец, отказывал себе даже в малости, требовал отчета о каждом потраченном на личные нужды гроше. Он то упивался немалым достатком семьи, то страшился якобы неминуемой нищеты.

Ему необходимы были надежные друзья, но сам он чурался людей; то окопается в тиши Даун-Хауса, то выдумывает бесчисленные предлоги, чтобы съездить в Лондон; он считал своим долгом оправдываться: дни безделья — это вынашивание новых идей. Он с трепетом прислушивался к критике своих работ, признавал ее необходимой, писал критикам длинные письма, объясняя или возражая, а сам верил в душе, что творческое начало переживет всех критиков. На похвалу он бывал удивительно падок, а резкое слово ввергало его в пучину отчаяния. Он жаждал признания у современников и сильных мира сего, а получал чаще всего порицание и осуждение, ибо поиск приво-

дил его к выводам иепривычиым, смелым, которые трудио поиять и прииять. Ои привык благодарить за любую, даже ту, иа которую ои вправе рассчитывать, помощь, привык воздавать сполна и по достоииству работам коллег. Сам же шел только непроторенными путями. Так бок о бок в ием уживались скромность и смиреиие с тщеславием и заиосчивостью.

Чарлз как-то призиался:

— Лучше жить убогим, презреииым калекой, как я живу сейчас, чем леииво угасать в собствеииых поместьях.

Вот какую истииу исповедовал Чарлз Дарвии! Почему же тогда работа отиимала у иего здоровье? Люди работают и в более тяжелых условиях, и отдача требуется не меиьшая, да и заиимаются оии зачастую иелюбимым делом. Чарлза снедала тревога. Темиыми бессоиными иочами метался ои в страхе и сомиеииях: что-то приiесут его теории, записаииые в диевииках 1837 и 1839 годов, и работы, опубликоваииые в 1842 и 1844 годах? Как-то откликиутся оии в богобоязиеииых сердцах аигличан?

Помогали Чарлзу кто чем мог. Фреисис Гукер (дочь Джона Генсло) переписывала главы всякий раз, когда черновик оказывался слишком грязиым для редактора, Джозефа Гукера. Гукер сам наведался в Даун-Хаус; иужно было по карте уточиить распростраиеиие разиых видов. Разложив на столе все девяиосто страииц главы, Чарлз сказал:

— Мие бы хотелось зиать, с какими положеииями вы решительно ие согласиы. И самое главное: ие заимствовал ли я у вас материал, который вы хотели бы опубликовать самостоятельио?

Гукеру перевалило за сорок, ои иаходился в самом расцвете, о чем свидетельствовали и пышиые, до подбородка, бакенбарды, столь буйиая растительиость была, право же, достойна ораижерей его отца. Гукер иежио погладил их, словио это были ие бакеибарды, а редкостиые растеиия, привезенные с далеких Гималаев.

— Вы цитировали в основиом мои опубликованиые работы. Для того их и печатали. Но я и впрямь ие согласеи с некоторыми пуиктами. Вот ими и займемся...

К коицу марта подруга Эммы и всей семьи Веджвуд, мисс Джорджина Толлет, жившая в восьми милях от Мэр-Холла, по воле случая переехала в дом № 14 по Эии-стрит, рядом с особияком Эразма, иа чьих приемах оиа частеиько бывала. Писатели любили ее, оиа всегда вызывалась прочесть рукопись, исправить орфографические и грамматические ошибки, этому оиа была обучеиа. Чарлз встречал ее и в Мэр-Холле, и у Эразма и, иабравшись смелости, попросил посмотреть его работу.

— Сочту за честь, мистер Дарвин. Только не забывайте, что в науке я понимаю куда меньше, чем в стилистике.

— А я, мисс Толлет, и хочу добиться ясности в стиле.

Джон Мэррей переслал ей три начальные главы. И пока она правила и шлифовала слог Дарвина, получил от Чарлза четвертую — «Естественный отбор» с примечанием: «Полагаю, Вам захочется прочитать эту главу — краеугольный камень, на котором зиждется все мое построение».

Джон Мэррей пришел в восхищение от «Естественного отбора». Он отослал и эту главу мисс Толлет. Та сообщила Чарлзу, что пока исправила только три непонятных предложения. Однако Гукер, редактируя уже последнюю часть, сетовал, что неясных мест много, и Чарлзу предстоит не раз и не два переписать главу, чтобы донести смысл полностью.

Чарлз знал, что Гукер во всем стремится к совершенству и до жестокости требователен и к себе, и к друзьям, поэтому не очень беспокоился. Но когда и Фрэнсис Гукер признала, что многие абзацы весьма туманны, Чарлз ударился в панику. Он столько работал, чтобы распутать хитросплетение своих идей, и вот здоровье его окончательно пошатнулось... Впрочем, выяснилось это почему-то только после того, как Чарлз отослал остаток рукописи Джону Мэррею.

— Поедешь в Мур-Парк,— твердо решила Эмма,— будешь читать «Адама Бида». Успокаивает нервы не хуже бильярда.

Статьи Дарвина и Уоллеса в «Журнале Линнеевского общества» остались незамеченными. Только сейчас получил он первый критический отзыв — лучше бы его вообще не было. Эмма с младшими детьми занималась в классной комнате чистописанием. Чарлз ворвался в комнату и крикнул с порога:

— Вот что меня ждет! Из Геологического общества в Дублине пишет преподобный Самюэль Хотон: «Рассуждения господ Дарвина и Уоллеса не заслуживали бы никакого внимания, если бы не солидная репутация их покровителей Чарлза Лайеля и Джозефа Гукера, способствовавших появлению данных выкладок...»

Красота Мур-Парка, отдых, ненавязчивые водные процедуры, прогулки и «Адам Бид» — все действовало благотворно. Когда у доктора Лейна выпадал час досуга, он играл с Чарлзом в биллиард. Всего лишь за неделю здоровье его существенно улучшилось, можно ехать домой.

Очень скоро пришли гранки книги, и Чарлз, сидя в своем большом кресле, принялся читать. Какой ужас! Рукописный вариант отличался от печатного, как солнечный ясный день от ненастной ночи. Он написал Мэррею, как никогда тщательно выбирая слова: «Работа над гранками двигается медленно.

Помиится, писал Вам о том, что правка, по-моему, будет иезиачительиая. Увы. Весьма прискорбио, ио я заблуждался. Нахожу, что стиль иевероятио плох... правки очеиь много. Уму иепостнжимо, как я умудрнлся так отвратнтельно написать...»

Не одиу иеделю провел Чарлз, скрупулезио вписывая черилами свои поправки меж печатиых строк, добавляя материал иа полях, сверху и снизу, пока разобрать, что к чему, стало уже иевозможно. Ои предложил Джону Мэррею соглашение, по которому из доходов Дарвииа должиа вычитаться ие только весьма скромная сумма за корректуру, ио и расходы за правку сверх иормы.

В коице нюия ои в отчаянии писал Гукеру: «Приходится вымарывать едва лн не целые страиицы и вкленвать новые полосы, до того ужасеи мой стиль. Вы мечталн, чтобы киига моя увлекала, ио, видио, это мие ие по плечу. Боюсь, ее сочтут иевыносимо скучной и непонятной».

Эмма ежедиевио по иескольку часов исправляла опечатки, иевыиосимо было смотреть, как терзается муж.

— Надеюсь, ты еще не иачал упиваться жалостью к себе? — спросила оиа одиажды.

Едииствеиным утешеиием Чарлзу явилась речь Лайеля в Абердиие иа заседаиии Бритаиской ассоциации в сеитябре 1859 года.

«Скоро выйдет в свет труд господина Чарлза Дарвииа, результат его двадцатилетиих исследоваиий и опытов в области зоологии, ботаники и геологии. Ои пришел к выводу, что развитие человечества и ивые существующих видов животиых и растеиий обусловливается теми же силами природы, которые иа значительио большем отрезке времеии порождают виды и иа протяжеиии веков измеияют их. Исследоваиия и заключения представляются весьма успешиыми, так как в изобилии проливают свет иа миогие явлеиия, связаииые со сходствами видов, их географическим распростраиеиием, геологической преемствеииостью оргаиической материи, что по сей деиь ие объяснила н не пыталась объясиить ии одиа гипотеза».

Официальиая поддержка Лайеля подбодрила Чарлза. Ои созиательио ие задержал виимания иа окоичаиии длиииого письма, в котором Лайель писал: «И все же я считаю, что без постояииого участия нашего творца ие обойтись».

Чарлза это иесколько обескуражило. Не прииял его взглядов Лайель. Шагу ступить ие может, ие посоветовавшись с богом. Ответил ои незамедлительио: «Можио и обойтись. Если призиать существоваиие творца, то моя теория естествеииого отбора и гроша ломаиого не стоит. Допустим, что у примитивной нльиой рыбы, у которой сохранились и жабры, и легкие,

есть пять чувств и зачатки мозга, и, уверяю вас, теория естественного отбора объяснит вам происхождение любого из позвоночных».

Первая неделя ноября принесла радостные перемены: Джон Мэррей прислал экземпляр «Происхождения видов». Чарлз любовно ощупал зеленый матерчатый переплет: пятьсот страниц, печать добротная, даже красивая. Мэррей сообщал, что из первого издания пятьдесят восемь книг отослано Чарлзу, критикам и в книжную палату для заявки авторства, а тысяча сто девяносто два экземпляра уже распроданы на осенней книжной ярмарке, которую устроил Мэррей. Он писал: «Необходимо срочно приступать ко второму изданию».

Счастью Чарлза не было границ!

Прошло еще три дня, и Чарлз получил первый опубликованный отзыв в «Атенее» за 19 ноября. Безымянный рецензент отозвался о книге враждебно. Не остановившись на доводах в пользу теории Дарвина, он упрекнул его в «явном самодовольстве» и в «изрядной самонадеянности и пренебрежении к спорным вопросам». Далее, касаясь теологической стороны, автор оставил Чарлза на милость «церкви, колледжа, лекционного зала и музея».

Чарлз огорчился и в письме к Гукеру попросил узнать, кто писал этот отзыв. «...Очень уж подло спекулирует он на бессмертии, натравливает на меня святых отцов и оставляет на их «милость». На костер он меня, конечно, не отправит, но дровишки приготовит и науськает на меня этих бестий в черных сутанах».

Вслед за этим Чарлз получил письмо от контр-адмирала Роберта Фицроя. Тот возглавлял отдел метеорологической статистики при министерстве торговли, которое изучало данные с британских кораблей о ветрах, атмосферном давлении, температуре, влажности воздуха. Со времени его неудачного визита в Даун-Хаус Чарлз не виделся с ним и не переписывался. Сейчас же Фицрой спешил выразить опасения в связи с чересчур смелыми взглядами Чарлза:

«Вы, вероятно, все эти годы так увлеклись своими голубями и кроликами, микроскопическим анализом, что взялись и общие вопросы рассматривать под микроскопом, а тут надобен телескоп, чтобы пошире охватить; кроме того, вы, очевидно, не удосужились прочитать исследования последних лет и знаете их лишь по обрывочным цитатам, кои можно было обратить себе на пользу. Вы привыкли так работать, и как следствие — субъективизм вместо честных, объективных результатов.

По крайней мере, я не нахожу ничего облагораживающего в том, что происхожу из древнейшего рода... обезьян».

Листок бумаги в руках Чарлза задрожал. В книге ни слова не говорилось о происхождении человека. Он лишь задавался вопросом: «Почему обезьяны не достигают человеческого величия разума?» И отвечал: «Много тому причин, но пока это лишь догадки, не стоит их приводить».

Снова перечитал он статью в «Атенее», может, и она спровоцирована Фицроем? В ней тоже хватает оскорблений:

«В блистательной притче Дизраэли леди Констанс Ролей считает, что человек произошел от мартышки. Эта столь приятная гипотеза перекочевала из литературного произведения в научное и стала едва ли не символом веры мистера Дарвина. Из его взглядов явствует, что человек появился вчера, а завтра исчезнет. О каком бессмертии речь! Человек — существо лишь временное, можно сказать, случайное».

— Ну что ж,— вслух произнес Чарлз, он уже успокоился,— мысль не новая, не первый день об этом говорят. Ясно одно: кому-то очень хочется приписать мне авторство.

24 ноября, день выхода книги в свет, вся семья отметила еще в Илкли. Какая радость! Джон Мэррей уже готовил второе издание трехтысячным тиражом. Пришли поздравительные письма от Лайеля и Гукера, теплые слова поддержки от Томаса Гексли.

— Эти трое — самые близкие, родные люди! — воскликнул Чарлз, прочитав письма Эмме,— с такими друзьями нам никто не страшен.

Откликнулся и сэр Джон Гершель; обычно приветливый, на этот раз он отозвался неодобрительно: «Книгу получил, но взглядов не разделяю».

Чарлз удивился:

— Сам Гершель создал астрономию, так почему же он противится созданию другой науки? Знаешь, я думаю, что мозг человека — что комод. Выдвинешь один ящичек, он пуст, готов к познанию, откроешь другой — забит косностью. Поймем ли мы его когда-нибудь?

— Поймем настолько, чтобы выжить, но не настолько, чтобы упиваться познанным,— едко заметила Эмма.

Еще один приятный сюрприз — письмо от видного ботаника Хьюэта Уотсона: «Начал читать «Происхождение» и не смог оторваться, пока не проглотил всю книгу. Несомненно, Ваши основные взгляды будут приняты и станут основополагающими принципами в науке, то есть в «Естественном отборе». Описаны все основные Законы природы, объяснено все, бывшее неясным, стало понятным представлявшееся запутанным, накопленные знания во многом обогатились. Вы — величайший преобразователь естественной науки в нашем столетии, а то и во всей истории...»

В Лондон к Эразму, где гостили Чарлз с Эммой, приехали Томас и Генриетта Гексли. Томас с порога воскликнул:

— Ваша книга — лучшее, что я читал по естественной истории за последние девять лет со времен работы фон Баэра по эмбриологии! Я ради вашей теории хоть на плаху пойду, и крепко надеюсь, что вы не станете сердиться и огорчаться из-за нападок и неверного толкования ваших взглядов, а их, как я понимаю, будет предостаточно. Однако пусть вас поддерживает мысль, что вы заслужили вечную благодарность всего мыслящего человечества. И пусть не пугают вас всякие шавки, не забывайте, есть друзья, которые в силах постоять за вас и готовы верой-правдой служить вам, хотя ранее вы им в этом частенько и не без причин отказывали. Я и сам готовлюсь к битве, точу когти и вострю клюв.

Последним приехали Джозеф и Френсис Гукер. Джозеф оставил обычную свою серьезность дома в рабочем кабинете, сейчас он смотрел весело, радостно что-то бормотал, тискал Чарлза за плечо.

— Книга отлична от рукописи как небо от земли. «Происхождение» мы прочитали в гостях у Лайелей. Знаете, Лайель прямо оторваться не мог, зачаровала его книга. Да и я считаю, что написано отменно, вы славно потрудились. Успех обеспечен. Спасибо за теплые слова, адресованные мне в предисловии. Для меня это дань любви честнейшего, хотя и заблудшего человека.

Пока Гукер здоровался с остальными гостями, Чарлз отвел его жену в сторону.

— Отец прочитал мою книгу?

— Да.

— И как же мой старый добрый наставник Генсло отнесся к ней? Боюсь, на этот раз ему не за что похвалить ученика.

— Почему же, отдельные главы ему понравились, хотя...

— Он возненавидел меня?

— Нет, по-прежнему любит как сына... и прощает все прегрешения перед господом.

Чарлз всмотрелся в лицо Френсис — копия профессора Генсло, только каждая черточка миниатюрнее.

Гости собрались за столом. Бокалы наполнили холодным белым вином.

Лукаво прищурившись, Эразм поднял бокал и провозгласил тост:

— За происхождение нашего вида!

Чарлз Лайель вставил:

— Американец Эмерсон раз сказал: «Берегитесь, когда вседержитель посылает на землю мыслителя».

Через два дня Дарвины вернулись в Даун-Хаус. Тогда-то и оправдались слова Джона Мильтона — тоже выпускника колледжа Христа,— сказанные более двухсот лет назад в «Потерянном рае»:

«Поднялся адский шум».

Поразившее всех послание пришло от Адама Седжвика, старого друга Чарлза. Сейчас Седжвик — каноник в Норидже, лицо весьма влиятельное как в англиканской церкви, так и в Кембриджском университете. Письмо, судя по всему, лишь пристрелка, а настоящий бой Седжвик даст на страницах солиднейшего в Британии журнала, где он частый гость.

После почтительнейших заверений в дружбе, Седжвик перешел к делу:

«Не знай я Вас как человека доброй души и чести, не стал бы писать всего этого... Книгу Вашу прочел скорее с болью, нежели с радостью. Местами она восхитительна, местами же я смеялся до колик; отдельные взгляды повергали меня в печаль, ибо они представляются мне в корне ошибочными и вредными, о чем и скорблю. Предлагаемая Вами человечеству структура развития столь же чудовищна, как и локомотив епископа Уилкинса, на котором он хотел довезти нас до Луны.

...Я ставлю первопричиной волю господню и могу доказать, что она вершится на благо тварей его. И суждение мое непоколебимо, будь оно выражено в словах или, тем паче, в логических построениях. У природы не только физическое, но и моральное, метафизическое начало. И всякий отринувший эту двойственность безнадежно погряз во грехе... Вы не связали первое со вторым, напротив, насколько я понял по некоторым примерам, усердствуете в обратном.

Отдельные места в Вашей книге глубоко оскорбляют мои моральные воззрения».

Чарлз положил письмо на стол перед собою. Как оно его уязвило! И Эмму обличительная речь пастора огорчила настолько, что она не разрешила прочитать письмо даже старшим детям. Уже вечером перед сном Чарлз излил жене всю боль и горечь:

— До чего ж обидно читать: «Местами она восхитительна, местами же я смеялся до колик». Седжвик говорит, что подоброму ко мне относится, а сам выставляет меня на посмешище, вот, мол, дурак, годы корпел и напечатал нечто «в корне ошибочное и вредное». Он же знает, что я всю жизнь кропотливейше изучал естественную историю, и насмехается. Что может быть обиднее?

Целых два дня обдумывал он ответ, отвергая вариант за вариантом, и наконец решил написать просто: «Думаю, не найдется человека, которому не хотелось бы огласить результаты работы, поглотившей все силы его и способности. Я не нахожу вреда в своей книге; случись в ней неверные взгляды, их вскорости полностью опровергнут другие ученые. Уверен, вы согласитесь, что истину можно познать, лишь одолев все превратности судьбы».

Следующая отповедь появилась в «Эдинбургском обозрении», снова без подписи. Чарлз, Лайель, Гукер и Гексли собрались в «Атенеуме», просмотрели эту на редкость длинную статью и сообща пришли к выводу, что ни одному мало-мальски известному ученому в Англии не сохранить анонимности. Из статьи, хотя и неочевидно, следовало, что наступление на Чарлза подготовил Ричард Оуэн. Непонятно только, почему он предпочел остаться в тени.

Джозеф Гукер едва заметно улыбнулся:

— Трудно объяснить природу человеческую, это посложнее редкой тропической флоры или горных пород.

— Статья очень ядовитая и тонкая,— заметил Чарлз.— Вреда она принесет немало. К вам, Гексли, Оуэн относится весьма критически, вас, Гукер, просто ненавидит. Только к вам, Лайель, он не питает вражды. Считайте, что вам повезло.

— Наоборот,— Лайель широко улыбнулся.— Мне кажется, что меня обделили. А если подходить «весьма критически» к самому Оуэну, то не показательно ли, что за многолетнюю деятельность он не нажил ни учеников, ни последователей.

Четверо друзей расположились за рюмкой шерри в глубоких кожаных креслах: пополудни они решили перекусить и зашли в клуб. Чарлз развернул «Эдинбургское обозрение» и прочитал вслух: «Весь научный мир с огромным интересом и нетерпением ждал, когда наконец господин Дарвин соблаговолит привести убедительные доводы в пользу своей теории, касающейся основного вопроса биологии, и познакомит с этапами исследования, способного пролить свет на эту «тайну из тайн». И вот перед нами его книга, в ней изложены основные, если не все, наблюдения автора. После ознакомления с ними наше разочарование вполне объяснимо...»

Гексли не выдержал:

— Это ж зависть! Явная зависть! Он весь с ног до головы начинен завистью, как чахоточный — туберкулезными палочками.

Нападки участились, откровенные, злобные, не знаешь, откуда и ждать. В «Дейли ньюс» напечатали обзор, в котором Дарвина резко критиковали и уличали в плагиате у его же ученика,

автора «Следов». В «Дневнике садовода» появилась весьма недружелюбная статья, удивившая Чарлза. Многие годы он печатал в этом журнале свои заметки. Затем последовал мощный залп от «Записок Эдинбургского королевского общества», невразумительная статья в «Канадском натуралисте», а в «Северо-Британском обозрении», по всеобщему признанию,— просто «варварская», написал ее преподобный Джон Данс, священник пресвитерианской церкви, вообразивший себя знатоком естественной истории.

«Я, право, никак не ожидал, что у моей книги окажется столько недоброжелателей! — воскликнул, обращаясь к Эмме, Чарлз.— Причем все нападки скорее теологического, чем научного, характера. Этого следовало ожидать. Впрочем, и от друзей мне тоже досталось. Аса Грей пишет, что наименее удались в книге попытки объяснить естественным отбором эволюцию отдельных органов, образование глаза, уха. Даже Гукер говорит, что естественный отбор — мой любимый конек и что уж слишком резко я его погоняю».

Впрочем, Гукер выступил с объяснительной статьей в «Дневнике садовода». Тот же Аса Грей сначала расхвалил книгу в «Американском журнале науки и искусств», а потом написал обстоятельный, но весьма колкий отзыв для лондонской «Таймс», затем последовала публикация в «Журнале Макмиллана». Томас Уолластон весьма нелестно написал о книге в «Анналах естественной истории», искусно, но предвзято истолковав выводы Чарлза. Самюэль Хотон, некогда расправившийся с работой Дарвина и Уоллеса в «Журнале Линнеевского общества», выступил с резкой критикой книги в «Записках Дублинского естественноисторического общества». Совершенно неждано о книге высоко отозвался «Английский пастырь», хотя автор очень уж заносчиво отнесся к теории естественного отбора. А в противовес этому престарелый Дж. Э. Грей, крупный зоолог, работавший в Британском музее, писал: «Вы лишь повторили теорию Ламарка, с ней Лайель и иже с ним не могут смириться уже двадцать лет. Но стоило Вам, именно Вам, слово в слово высказать те же взгляды, и в лагере Лайеля их приняли. Смехотворное непостоянство!»

И книгу, и самого автора проклинали и предавали анафеме все проповедники, начиная с севера — в Глазго, кончая югом — в Плимуте. Он прославился едва ли не в одночасье, хотя слава приносила не только лавры, но и тернии. По всей Великобритании шли яростные споры, причем зачастую спорщики и в глаза не видели самой книги. Чарлз получил восторженное письмо от именитого священника и литератора Чарлза Кингсли, только что назначенного духовником королевы Виктории:

«Дорогой сэр!

Позвольте поблагодарить Вас за присланную книгу — такой чести я не ждал. Из всех ныне здравствующих естествоиспытателей Вы для такого натуралиста, как я, непререкаемый авторитет и учитель, и подарок Ваш подвигнет меня на более тщательные наблюдения и неспешные выводы.

...Благоговею и трепещу перед каждой страницей: столь велик вес многочисленных фактов и Вашего имени, да и чутье подсказывает, что, окажись Вы правы, мне впору отказаться почти от всего, во что я верил и о чем писал в своих работах. Впрочем, не мне судить. Да будет истин бог, а все смертные — лживы. Да познаем мы сущее, отважимся пойти по коварному пути споров и сомнений, минуем все топи и преграды. Вдруг и случится нам узреть его...»

Дарвина поддержал также каноник Броди Иннес из Дауна, оставшийся верным другу; настроен он был хоть и мрачно, но воинственно. Он отклонил всякие попытки прихожан вызвать споры вокруг книги. Иннес навестил Чарлза в Даун-Хаусе и после легкого ужина за бокалом вина рассказал:

— Еще до знакомства с вами, мистер Дарвин, я публично высказывал мнение, что естественная история, геология и вся наука в целом не должна в своем поиске опираться на Библию, что природа и религия идут параллельно, нигде не сталкиваясь.

Чарлз согласно кивнул и протянул Иннесу оскорбительный памфлет какого-то церковника. Тот лишь рассмеялся, прочитав выдвинутые обвинения, однако, взглянув на Чарлза, осекся.

— Неужели, мистер Дарвин, вы огорчились?

— Весьма. Я никогда не позволял себе нападок на церковь и священников. Почему ж они поносят меня?

— Боятся. Вдруг из-за вашей книги лишатся своих теплых местечек в приходах.

Когда Чарлз дал волю своему негодованию в присутствии Гексли, тот попытался утешить:

— Да вы только посмотрите, сколько пишут о «Происхождении»! И всякая, даже самая злопыхательская, статья влечет новые и новые споры.

Чарлз прожил бы и без такой популярности.

Ветры критики круто меняли направление: то нагоняли грозовые тучи, то стихали, и выглядывало солнце, то вновь налетал ураган — так же непредсказуемо менялась погода, когда Чарлз путешествовал на «Бигле». От качки по теологическим и научным волнам его уже мутило. Как не хватало ему сейчас уединенной каюты с картами и гамака — лежишь в нем растянувшись, жуешь изюм или галеты, а корабль то вздымается, то опускается на волнах.

Киига уже переводилась иа французский и иемецкий — Чарлз безмерно радовался. У америкаиского издателя Эпплтоиа первое издаиие расходилось быстро: ои выпустил две с половииой тысячи экземпляров, в два раза больше, чем Джои Мэррей.

«Америкаицы — люди отчаяииые»,— думал Чарлз. Он еще больше укрепился в этом миеиии, когда получил от Эпплтоиа чек на двадцать два фуита стерлингов, ои ие ожидал, что издаиие киига за рубежом прииесет прибыль. Мэррей доверительио сообщил Лайелю, что только за последние двое суток продаио пятьдесят экземпляров «Происхождения видов». На вокзале у моста Ватерлоо человеку, справлявшемуся о киге, пришлось отказать — тираж распродаи, ждите следующего. Сам кииготорговец ие читал «Происхождеиия», ио, судя по отзывам, киига отмеииая.

Чарлзу казалось, что и его самого, и киигу ругают и обвиияют раз в сто чаще, чем хвалят. Доказательство тому — письма. Почти все корреспоидеиты читали хотя бы отдельиые главы, и ни одии не остался безучастиым. Неужто поиосить более естествеино, чем поощрять?

Выдержать такую публичиую порку помог ие кто иной, как Лайель. Он виушил Чарлзу иехитрую истиину: «Напрасио убеждать современииков. Вас поймет грядущее поколение. Сейчас людей отпугивает Ваше противостояиие богу и церкви. Ополчись Вы против всей Британской империи, Вам бы и то сопутствовала куда большая удача».

С тех пор как ои стал известеи иа всю страиу, Чарлз чаще иаведывался в Лоидои — иужио разведать обстаиовку в разиых иаучиых обществах: в Королевском, Лиииеевском, Зоологическом, Эитомологическом, Королевском географическом, Геологическом. И разведать, явившись туда личио. Лишь Эитомологическое общество официальио выступило против иего, большиинство же коллег считало, что оригииальиые идеи Чарлза предстоит изучить и оцеиить. Это ли ие иаглядиый пример поддержки учеиых.

Те, кто лишь упомииал о киге, обещали иепремеиио прочитать и поздравляли: серьезиый иаучиый труд, а так популяреи в широких читательских кругах! Те, кто вообще ие озиакомился с кигой, отиосились к Чарлзу по-прежнему.

Возвращаясь из клуба «Атеиеум», Чарлз поделился с Лайелем:

— Не любят меия, ио и иеприязии у иих иет. Меия это вполие удовлетворяет.

В коице зимы и раиией весной в Дауи-Хаусе Чарлзу ие было одииоко. Навестить любимого, хотя и «заблудшего»

ученика приехал Джон Генсло. Вместе они бродили по лесу, собирали образцы редких видов мха и папоротника.

— Все хорошо в Кенте, не хватает лишь кембриджширских болот, какая там богатейшая фауна, будто изо всех уголков земли собрана. Всегда я был заядлым натуралистом, но только в Кембриджшире вы привили мне научный интерес.

Генсло было в ту пору шестьдесят четыре года. Седой как лунь, с запавшими щеками — и все же Чарлз любовался им: беспредельно добрый, готовый отдать последнее, праведный. В мире, где царит суета и вражда, такие люди уже в диковинку.

Генсло помог Чарлзу обрести душевное равновесие — ураганы налетали один за другим, и непросто устоять перед ними. Чарлз ушам своим не поверил, услышав, что глава колледжа Святой Троицы в Кембридже доктор Уильям Уивелл не разрешил держать в библиотеке «Происхождение видов».

— Двуличие человеческое для меня непостижимо. Он запрещает мою книгу в крупнейшем университете — неслыханное злодеяние — и тут же пишет мне дружелюбное письмо, дескать, хоть в свою «веру» вы меня и не обратили, но в книге столько убедительных идей и фактов, что выступать против нее нельзя, ибо всякое расхождение во взглядах надлежит тщательно проверить: затрагивает ли оно суть или лишь метод.

Генсло покачал крупной головой и добавил:

— Почему б тогда не доверить самим студентам эту «тщательную проверку»? Любой запрет не вечен, да и оборачивается против себя же. Непременно обсужу книгу со своими студентами.

— Как-то мои старинные приятели по колледжу Христа восприняли столь позорное поведение их бывшего однокашника?

В выцветших голубых глазах Генсло вспыхнул огонек.

— По-философски. Даже с гордостью. Кстати, почему бы вам не навестить альма-матер?

— Уже двадцать три года прошло с тех пор, как мне присвоили степень магистра.

— Скоро Адам Седжвик будет читать всему университету лекцию с критикой «Происхождения». Вот бы и поехали. Кому, как не вам, его опровергать?

Чарлз ужаснулся при одной лишь этой мысли.

— Духу не хватит защищать свои взгляды на людях. Мне это удается лишь в кабинетной тиши.

— Что ж, тогда выступлю я,— проговорил Генсло.

Эмма особенно радовалась, что у них гостят Лайели. С Мэри она подружилась, когда жила три с половиной года

иа Аппер-Гауэр-стрит, а Лайели — по соседству, иа Хартстрнт.

По окиам Даун-Хауса косо хлестал дождь. Дарвии усадил Лайеля за бюро — четыре года иазад за иим работал и ои сам, а тот же Лайель и Гукер побуждали его не мешкая приияться за работу н скорее ее иапечатать. Сейчас Лайелю уже шестьдесят два, поредели волосы, зато большие глаза и волевой рот по-прежиему молоды.

Лайель был одержим иовымн плаиамн.

— Решеио, Дарвии. Напишу кингу о родословиой человечества. Назову, пожалуй, так: «Геологические свидетельства древиости человека».

Чарлза весть н обрадовала, и ошеломила.

— Слава богу. Прямо гора с плеч! Вашу смелость я только приветствую. Не сомиеваюсь, весь белый свет всколыхнется от вашей кииги. И ужасиется ею. Вы, помиится, в этой же комиате предостерегали меия: писать о человеке опасио. По-моему, сейчас время вернуть вам сторнцей ваши же предостережения.

— Я помию о всех опасностях. Кинга эта станет моей последией вехой на пути в ад. Разве что вы защитите и любезио согласитесь прочитать всю рукопись.

Чарлз посуровел.

— Без сомнения, человек отиосится к той же категории, что и животиые. Наши предки жили в океаие, у иих был плавательиый пузырь, мощиый хвост — плавиик, иесовершеииый череп, и, иесомиеино, оии — обоеполые. По душе ли вам родословиая человека?

Когда приезжали Джозеф Гукер и Томас Гексли, в ДауиХаусе иаступал праздиик. Жеиы учеиых делили одии и те же заботы и радости. Такой великой созидательной троицы, как их мужья, ие сыскать во всем британском иаучиом мире. Оии смело докапывались до первоистоков природы, открывая иа пути все иовые ее тайны. В работе оии себя ие щадили, посему часто болели, нм требовался уход и забота. Богоборческие идеи всех троих пагубио отражались на семейиых отиошеииях. Все трое черпали силы в своем вдохиовеиии.

Раииее весеииее утро. Нежаркое еще солице освещает первые робкие цветы иа клумбах. Трое учеиых в гостииой склоиились иад столом. Заговорил Гукер:

— По-моему, скоро всем опротивеет шакалий вой в ваш адрес, Чарлз, и у вас появится миого сторониииков. Сейчас миогие ополчились иа вас отиюдь ие из прииципиальиых соображеиий, вскоре оии будут вас так же поддерживать. Оуэи, иесомиеино, изрядно подорвал свою репутацию в глазах тех,

кто пишет и мыслит самостоятельно: будь то его оскорбительный выпад против Гексли или подлость по отношению к вам.

Гукер заблуждался, он заглядывал слишком далеко в будущее. А пока его вступительная статья к «Флоре Тасмании», некогда благожелательно встреченная критикой, всячески замалчивалась — враги Чарлза сговорились никоим образом не упоминать о ней, ибо отдельные ее положения поддерживали идеи естественного отбора.

— До чего ж мелочны все нападки! — воскликнул Чарлз.— Каждая из них — еще одно подтверждение ценности моей работы. Поэтому нельзя отчаиваться. Я верю, придет время, хотя я до него не доживу, и на генеалогическом древе жизни на земле обозначится каждая истинная веточка.

И все трое, захватив трости, вышли в сад и направились к Песчаной тропе совершить по традиции семь кругов по опушке темневшего вдалеке леса. Шагали слаженно, в ногу. Заговорил Гексли, в голосе его звучала напористость и убежденность.

— Сейчас в спорах верх одерживают не логические доводы, а субъективные факторы. Хочешь, чтобы тебя поняли,— пускай в ход кулаки. Смешно сказать, но наши критики начинают переругиваться. Обвиняют друг друга: не тем, мол, оружием сражаются.

— И все же,— с достоинством заметил Дарвин,— неприятно, когда тебя до такой степени ненавидят, как Оуэн. В Лондоне говорят, он извелся от зависти, еще бы: только о моей книге и говорят. Не понимаю, как может он завидовать ученому, стоящему неизмеримо ниже, чем он сам. Как говорит Джон Генсло, «вражда одного естествоиспытателя с другим так же недостойна, как и гонения одной секты на другую».

В то время как Ричард Оуэн, прячась под маской анонимности, опубликовал гнусный пасквиль в «Эдинбургском обозрении», появились искренние восторженные отзывы от физиолога Уильяма Карпентера в «Национале» и честное, непредвзятое мнение профессора палеонтолога Ф. Ж. Пиктэ, напечатанное в женевской «Всемирной библиотеке», которое со временем пробудит интерес к книге Дарвина во Франции и Германии. Пришло хвалебное письмо от Алфреда Уоллеса из Малайзии — книгу он дочитывал там. Чарлз поделился с друзьями:

— Уоллес пишет непритязательно и, что меня восхищает, без намека на зависть или уязвленное самолюбие.

Каждый сходит с ума по-своему. Так и критики Чарлза: Самюэль Хотон из Дублина и Уильям Гарвей, профессор ботаники из колледжа Святой Троицы, совсем было убедили его,

что толковать факты ои ие умеет. Но затем, узиав, что сам великий Геири Томас Бокль, автор «Истории аиглийской цивилизации», высоко отозвался о киите, Чарлз воспряиул духом. Бостоиский «Христиаиский исследователь» поместил обстоятельиый и благожелательиый обзор. Зато «Журиал Фрэзера» иеуважительио отозвался о логическом мышлеиии вообще всех учеиых-иатуралистов!

Но от яростиых иападок Адама Седжвика, казалось, противоядия ие иайти. В «Наблюдателе» появилась его оскорбительиая аиоиимка:

«...В заключеиие хочу выразить свое отвращеиие к этой теории, потому что: во-первых, оиа сугубо материалистичиа; во-вторых — отказывается от иидуктивиого метода, едииствеииого истиииого пути в позиаиии материальиого мира; в-третьих — отказывается призиать высшее предиазиачеиие человека, и, следовательио, у стороииииков этой теории тоже подорваиы моральиые устои.

Я, коиечио, не допускаю мысли, что Дарвин ие верит в бога, хотя материализм его открыто атеистичен...

Факты сгруппироваиы и связаиы меж собой цепью догадок и бескоиечиыми перепевами одиого и того же в корие иеверного положеиия. Но из мыльиых пузырей каиата ие совьешь».

Гексли возмутился:

— Каково, а?! Сегодия превозиосят до иебес, а завтра — лицом в грязь.

Чарлз иехотя улыбиулся.

— Точио как иа «Бигле»: придем в порт — матросы пьют, гуляют, а потом расплата — боцмаи их плеткой-девятихвосткой угощает.

«Происхождеиие видов» иосило по штормовым волиам в осиовиом у иаучиых и теологических берегов. Усилиями Адама Седжвика дискуссиоииая буря разыгралась ие иа шутку. Седжвику ие терпелось пустить иа дно своего врага, как иекогда едва ие пошел иа дио «Бигль», попавший в страшиый ураган у мыса Гори. От Геисло Чарлз узиал, что Седжвик замышляет иаиести иовый удар на коифереиции Кембриджского философского общества. Ои утверждает, что «Происхождеиие» — всего лишь модиая киижица. Сегодия ее читают, а через неделю, через месяц появится другая.

Гексли считал, что ее читают сегодня и будут читать и завтра, и послезавтра.

На обвииеиие в атеизме Чарлз ответил в письме к Асе Грею: «Точка зреиия теологов меия огорчает. Даже ие зиаю, что сказать. У меия и мыслей богоборческих ие было. Я призиаю, что ие так отчетливо вижу во всем промысел божий и дарован-

ную нам благодать. В мире, по-моему, слишком много страданий. Не верится, что всемогущий и милосердный всевышний нарочно создал ихневмонов для единственного предназначения: паразитировать в организмах гусениц и пожирать их изнутри, а кошек — чтобы охотиться за мышами. Все вокруг, по моему разумению, развивается по определенным законам, а частности (неважно, вредные или полезные) зависят от более тонких механизмов, которые мы называем случайностью. Такое представление, разумеется, не в полной мере удовлетворяет меня. Я глубоко убежден, что человеческому разуму не объять необъятного. С таким же успехом собака могла бы рассуждать об уме Ньютона...»

Аса Грей написал Чарлзу, сколь бурно обсуждается книга в Соединенных Штатах. Из «Высоких вязов» верхом прискакал молодой Джон Леббок и сообщил, что отец прочел хвалебный отзыв в «Обозрении Старого и Нового Света».

— Скоро вся Европа вслед за Англией и Соединенными Штатами оценит «Происхождение». От редактора «Атенея» отец узнал, что Роберт Фицрой, некогда командовавший «Биглем», хочет выступить единым фронтом с епископом Уилберфорсом на конференции Британской ассоциации в Оксфорде и...

— Стереть меня в порошок?

— Вы, несомненно, примете вызов Фицроя.

Леббок ускакал домой, а Чарлз опустился в кабинетное кресло и задумался, поглаживая бокал холодного лимонада — об этом позаботилась Эмма.

— «При́мете вызов Фицроя» — черта с два! — выругался он.

В 1860 году конференция Британской ассоциации в Оксфорде обещала быть представительной. Из двух уже заявленных докладов явствовало, что не один день будет посвящен обсуждению «модной книжицы», даже недруги признавали, что это самый значительный в научном мире труд за последние годы. Оксфордский профессор Чарлз Добини, специалист по сельскому хозяйству, человек ученый и известный, приготовил доклад «О предназначении половых различий растений в свете книги мистера Дарвина «Происхождение видов». Второй доклад — Уильяма Дрейпера, бывшего профессора химии и физиологии, ныне ректора медицинской школы при Нью-Йоркском университете,— назывался «Интеллектуальное развитие Европы и влияние на него взглядов мистера Дарвина».

На конференцию приехал Ричард Оуэн. Епископ оксфордский Самюэль Уилберфорс обещал выступить непосредственно на открытии в субботу с изложением официальной пози-

ции церкви. Уилберфорс иемиого зиал математику и посему полагал, что разбирается во всех иауках. Он считался, благодаря остроумию, одним из известиейших ораторов в Аиглии, везде, где бы ои ни выступал, собирались огромиые толпы. Естествеииую историю ои ие зиал, да и ие иитересовался ею. Поэтому все иападки его — это ловкое жоиглироваиие словами, искажение смысла и издевка. А слушать его будут в осиовиом его сторoииики. Спорить с иим все равио что ловить облака сачком. Чарлз поиимал, что иикто и ие попытается возражать.

Эмма посмотрела иа мужа, поияла и даже пожалела:

— Раз уж ты отказался поехать в Оксфорд, может, проведешь иедельку иа водах? У доктора Лейиа в Ричмоиде иовая лечебиица, это иедалеко, всего миль двадцать...

И доктор Лейи, и его супруга обрадовались Чарлзу. Ои выбрал тропу для прогулок, иачал прииимать водиые процедуры... И совсем заиемог. Раиьше, будь то в Молверие или в Мур-Парке, недомогаиие быстро проходило. Сейчас же пропал аппетит, замучила бессоииица, одолела тоска. Ои взялся было за «Таймс», которую выписывал доктор, ио и газета ие подияла иастроеиия. В Лоидоие городская осветительиая компаиия устаиавливает газовые фоиари — прекрасио, ио его родиому Дауиу о таком мечтать да мечтать еще миого лет. В райоие Вест-Эида открыли иовый вокзал — Чэриig-кросс, добираться до Лоидоиа теперь быстрее. На часовой башие парламеита установили трииадцатитоииый колокол — Биг Беи, его звои разиосился каждый час по всему Лоидоиу. Аиглия виовь воюет с Китаем, трииадцатитысячиая армия обстреливает из пушек Пекии. Маори — кореииые жители Новой Зелаидии, которых Чарлзу доводилось видеть во время экспедиции «Бигля», взбуитовались из-за земли, иапали иа аиглийские укреплеииые пуикты, изгиали белых поселеицев из глубиииых райоиов...

Ои отложил газету и взялся за два новых ромаиа — «Мельиица иа Флоссе» Джордж Элиот и «Большие иадежды» Чарлза Диккеиса. Воздал должиое и тому и другому, ио сосредоточиться иа чтеиии больше чем иа пять мииут ие мог. Вкоиец отчаявшись, решил, что его предрасположеииость к болезиям иаследствеииая и иаверияка передалась детям.

Леттиигтои, садовиик и возиица в одиом лице, довез их до «Высоких вязов» — усадьбы в четыриадцать тысяч акров: зелеиые лужайки, пруды, посреди которых бьют фоитаиы, обилие статуй, нисходящие галереи, иеожидаииые в столь строгом саду тропки, теряющиеся в буйстве июльского пестроцветья. Усадьба — продолговатое трехэтажиое здание, причем

потолки в гостиной н в бнблнотеке на первом этаже — метров шесть в высоту. Уже не одно поколенне Леббоков заннмалось банкирским делом на Ломбард-стрнт.

Встретнл Дарвннов Джон Леббок-младшнй, лнчность весьма незаурядная для своих двадцатн шестн лет. В четырнадцать лет ему пришлось прервать учебу в Итоне н заняться банковскнмн операцнямн — заболелн сразу несколько компаньонов отца, сэра Джона, н тот решнл понемногу передавать веденне дел сыну. Сам Леббок-старшнй был весьма поднаторевшнм натуралистом. Сын самостоятельно нзучнл антропологню н археологню, начал заннматься исследованнямн, напнсал две кннгн: «Доисторическне времена по свндетельствам, дошедшнм до нас» н «Поведенне н обычан современных днкарей». Мощный лоб, на который ннспадалн курчавые волосы — Джон Леббок постоянно отбрасывал нх рукой,— шнроко расставленные глаза, пробнвающаяся бородка — таков был его облнк.

И он, н отец побывалн на конференцнн в Оксфорде. Они очень ннтересовалнсь пнсьмом Гукера, хотя н самим ие терпелось поделнться впечатленнямн.

Леббок-младшнй открыл диевник н начал с преднсловня:

— Четверг в Оксфорде выдался солнечным; хотя нногда набегалн облака, было тепло, тнхо, иа редкость славный денек, ннчто не предвещало страшной бнтвы, которая вскоростн разыграется в этом милом городке. И бнтва грянула. Не сразу, конечно. Сначала вашего друга профессора Генсло нзбралн председателем секцнй ботаннкн н зоологни, затем прншлось выслушать бестолковый доклад преподобного Карпентера «Развнтне естественной нсторни в США н Канаде». После иего выступил Добнни. Потом Генсло попроснл Томаса Гекслн высказаться по докладам. Тот отказался, видио поиял, что у прнсутствующнх чувства возобладают над разумом, что совершенно неправомерно, н потому бессмысленно затевать с ннмн обсуждение научных работ.

— Не похоже на Гекслн,— уднвилась Эмма.

— Вступать в бой ему еще не время,— вставнл сэр Джон.

— Потом мы выслушалн от некоего мнстера Даудеиа нз Корка анекдоты о мартышках как доказательство того, что все обезьяноподобные — будь то мартышкн, горнллы, бабунны нлн лемуры — намного уступают в умственном развнтнн собаке, слону н прочнм.

— Вот это уже, похоже, сигнал к атаке,— сиова вмешался сэр Джон.

— Выступнл некто доктор Райт н рассказал о поведеннн горнлл. Не успел он сесть, как на трнбуне оказался Рнчард Оуэн. Поначалу медоточиво распространялся о том, что он,

дескать, подходит к вопросу философски. Воздав должное смелости Дарвина — еще бы, выдвинуть такую теорию! — он сказал, что ее истинность могут подтвердить только факты. И вот здесь-то он ринулся в наступление. Он пришел к выводу, что всю книгу можно считать ошибкой, доказав несостоятельность вашей гипотезы о происхождении человека от обезьяны.

— Но я не выдвигал такой гипотезы! — разъярился Дарвин.— Я сознательно не касался этого аспекта. В своих рассуждениях я всего лишь писал, что в далеком будущем откроются необозримые горизонты новых исследований. И что они прольют свет на происхождение человека и его развитие.

— ...Оуэн сказал, что сравнивал мозг человека с мозгом человекообразных обезьян. И мозг гориллы отличается от человеческого больше, чем от мозга низших наименее изученных обезьян.

— Ну вот, настал черед Гексли идти в бой! — решил Чарлз.

— Именно! — воскликнул Леббок-младший.— Ведь Оуэну снятся лавры величайшего анатома и зоолога Англии. И вот Гексли, мальчишка по сравнению с ним, просит разрешения выступить. Он доказал полную несостоятельность тезиса профессора Оуэна о якобы большом различии мозга человека и высших обезьян, сославшись на анатомический анализ Тидемана и прочих. Далее он подчеркнул, что структуры мозга человека и гориллы близки, во всяком случае ближе, чем у высших и низших обезьян, хотя Оуэн утверждал обратное. А отличает человека от обезьяны способность говорить.

Чарлз сидел и безмятежно оглядывал приусадебные холмы. У подножия пасся скот Леббоков, дальше волнистый — холмы да овраги — ландшафт Кента, Чарлз любил его не меньше, чем Мэр, Страффордшир или его родной Шропшир, где течет Северн. От третьей чашки чая он отказался, подавшись вперед нескладным костлявым телом, он приготовился слушать дальше.

— Но это еще только пролог,— продолжил сэр Джон,— истинная драма разыгралась, как вам и написал Гуккер, во время субботнего заседания, когда главным докладчиком выступил епископ Самюэль Уилберфорс. Он давно уже грозился «сокрушить» Дарвина, всех своих приспешников собрал. Народу набилось — наверное, с тысячу будет, не пройти, все проходы заняты, духота, женщины платочками обмахиваются, нарядные, в ярких летних платьях. Занятий в университете не было, но собралась и небольшая группа старшекурсников. Зато духовенства хоть отбавляй — заняли весь центр зала,— пришли поддержать епископа. Как Уилберфорс ополчился на вас и на Гексли, хотя тот сидел в нескольких футах! Ему аплодировали,

махали белыми платочками, он воодушевился и тут же допустил просчет. Повернулся к Гексли и, высокомерно улыбнувшись, спросил: «Мистер Гексли, позвольте спросить, у вас прабабка — обезьяна, что вы так рьяно отстаиваете свое происхождение?» Тут Гексли ударил себя по колену и воскликнул, обращаясь к соседу: «Ну вот, сам господь отдает его мне в руки!» Потом встал и сказал: «Не вижу ничего зазорного, если у человека прабабкой обезьяна. Куда зазорнее, если предком окажется человек, наделенный острым и гибким умом, не удовольствовавшийся успехом в своей области и посягнувший на другую, о которой не имеет понятия, научные споры он подменяет бессмысленным словоблудием и лишь отвлекает внимание слушателей от сути вопроса своей велеречивостью и умелой игрой на религиозных предрассудках». Студенты ему аплодировали, а Уилберфорса освистали. Тут начали было выступать всякие церковники и дилетанты. Но Генсло быстро осадил их: «На заседании заслушиваются лишь строго научные доклады». Так он великолепно парировал и атаку Уилберфорса.

Ну а остальное вы знаете из письма Гукера,— заключил сэр Джон.— В тот вечер профессор Добинн устроил прием, и говорили в основном о поединке Гексли и Уилберфорса. Кое-кто ехидничал: мол, выживет ли Гексли после такого побоища? Вице-канцлер Оксфорда встал на его сторону, сказал, что епископу воздано по заслугам.

Солнце завершало свой неспешный путь по летнему небу, горизонт на западе окрасился в пурпур, переходящий в темно-синий цвет. Рассказ отнял у Чарлза последние силы и взволновал. Как ему благодарить друзей? Впрочем, благодарность им вовсе и не нужна, они ее не ждут. Разве в кругу самых близких друзей благодарят за верность и преданность? Это само собою разумеющиеся черты среди людей близких, родных.

На четыре дня — с пятницы до вторника — в Даун-Хаус к Дарвинам приехали Томас и Нетти Гексли. В семье было уже трое детей. Нетти была в добром здравии и мужа, казалось, любила еще крепче, чем пять лет назад, на заре супружества. Гексли отпустил длинные волосы — темные густые пряди ниспадали сзади на воротник. Он так увлекся беседой с Дарвином об оксфордской конференции, что оба не заметили, сколько раз обошли Песчаную тропу. Чарлз отметил, что у Гексли растет уверенность в своих силах, когда он попадает в беспокойную и зачастую враждебную обстановку.

«И впрямь,— размышлял Чарлз,— Томас сейчас завоевал репутацию лютого спорщика. А в научном мире приобрел авторитет: спас теорию эволюции от искажения и насмешек».

В глазах Гексли прыгали довольные огоньки. Когда Песчаная тропа вывела их из тени на залнтую июльскнм солнцем полянку, Чарлз сказал:

— Вы сражались достойно.

— Я же давно говорил вам, что у меня острые когти.— А подойдя к калитке, спросил: — А рассказывали Леббоки, каким шутом выставил себя капитан Фицрой на том памятном заседании?

— ...Фицрой?

— Джон Генсло тщетио пытался отговорить его от выступления. Старик для начала назвал вас «своим бедным другом», с коим он пять лет сидел бок о бок в кают-компании «Бигля». Потом он поведал, как вы бесконечно спорнли и ссорились, отстаивая свое мнение о структуре Земли, о ее растениях и животных.

Чарлз встал как вкопанный.

— Да мы всего дважды за пять лет повздорили с Фицроем. Первый раз из-за отиошения к работе, второй — к судовому гостеприимству.

— Но в памяти у старика это отложилось по-иному. Он стоял на трибуне, потрясал над головой огромной Бнблней и призывал собравшнхся внимать слову господа, а не человека; заклинал нас отринуть с ужасом те домыслы человечьи о мироздании, нбо нет ничего очевиднее Откровеиия всевышнего, сотворнвшего по своему разумеиию и мир, и все сущее в нем.

Чарлз шел задумавшись, ему вспомнились все злоключения и опасиости, выпавшие на их с Фицроем долю. Он иа всю жизнь остался благодарен капитаиу за то, что тот сделал нз него естествоиспытателя, и всю жизнь относился к нему с благоговейным трепетом.

Друзья вышли на тропннку к огороду. Гексли захотелось подиять иастроение Чарлза, прежде чем онн войдут в дом, н он воскликнул:

— Сейчас я вам расскажу самую удачную шутку на конференции. Помните, Леббоки рассказывали, как я ответил Унлберфорсу, что для человека нет ничего зазорного иметь прабабкой обезьяну, куда зазориее, если в предках окажется...

— Да, да, помню.

— Так вот, по всей Англии разошлись мои слова, но в чуть измененном виде. Вот какой афоризм мне приписывают: «Уж лучше иметь прабабкой обезьяну, чем епископа».

Чарлз в изумлеиии остаиовился на садовом крылечке. Потом от души расхохотался, грубовато обиял своего защитника.

— Дорогой мой Гексли, да мы оба навсегда войдем в историю уже благодаря только одной этой столь прелестно истолкованной фразе!

«Я КАК АЗАРТНЫЙ ИГРОК: ЛЮБЛЮ ДЕРЗКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ»

В 1860 году Даун-Хаус превратился в осажденную крепость. Чарлз распорядился, чтобы в его кабинете между окон под углом к стене приладили зеркало, и теперь ему было видно, кто приближается к дому. Ему незачем было каждый день посылать на почту за письмами; когда их скапливалось слишком много, какая-нибудь добрая душа доставляла их Чарлзу прямо домой. А писем с каждым месяцем приходило все больше и больше — многие от родственников. Недаром в семье Дарвинов так любили стишок:

Письма шли хоть каждый день нам:
Рады мы советам дельным.

Но больше всего Чарлзу писали люди незнакомые. Он уже давал себе слово, что станет читать только письма друзей, но сдержать его не мог — это было не в его характере. Поэтому он читал все письма, даже если в них метали громы и молнии в его адрес. Эмма и дочери Генриетта и Элизабет тоже внимательно просматривали почту. Теперь Чарлз чувствовал себя видавшим виды бойцом. Лишь иногда он позволял гневу, который скрывался за внешней любезностью, выплеснуться наружу кипящей лавой. Ирландскому ботанику Уильяму Гарвею, который решил во что бы то ни стало опровергнуть Дарвина с его «Происхождением видов» и в каждом письме к Чарлзу приводил псевдонаучные аргументы, он наконец ответил: «Мне сдается, что вы скорее согласитесь принять рвотное, чем перечитать хоть одну главу моей книги».

— Удалиться бы мне в райские кущи, где не гремят гневные голоса! — воскликнул как-то Чарлз в кругу семьи. Он сидел

в гостииой, придвииув кресло-качалку к камииу и грея колеии.— А как туда попасть, я зиаю. Надо иаписать такую работу по естествеииой истории, которая ие вызовет иикаких споров. Вои хоть об измеиеиии животиых и растеиий при одомашииваиии. Или труд об опылеиии орхидей пчелами, бабочками и другими крылатыми иасекомыми. Насколько мие известио, еще иикто ие утверждал, что орхидеи опыляются пчелами.

— Так ие слишком ли это смелое предположение? — спросила Эмма.

Улыбка Чарлза иапомииала гримасу.

— Я как азартиый игрок: люблю дерзкие предприятия.

Осеиью Джои Мэррей распродал семьсот экземпляров второго издания «Происхождения», теперь у иего оставалось только триста пятьдесят. Чарлз быстро виосил правку в готовящееся третье издание. Будучи в Лоидоие, ои иавестил Лайеля. Ноябрьская изморось, казалось, вот-вот перейдет в дождь со сиегом. Лайель, протяиув к горящим в камиие углям ноги в чулках, что-то диктовал своему иовому секретарю. Когда гориичная провела Чарлза в кабииет, Лайель посмотрел иа него сердито.

— Черт вас подери, Дарвин! Оксфордский профессор геологии Джои Филлипс пытается разгромить вас с помощью цитат из моих «Основ геологии». Придется мие в следующем издании кое-что измеиить: доказать, что вы добрались до истииы, а я застрял иа полпути.

Чарлз робко улыбиулся.

— Гукер говорит, что вы едииствеиный философ, который в шестьдесят лет, несмотря иа свою солидиую репутацию, решится измеиить взгляды.

Выслушав этот двусмыслеииый комплимент, Лайель что-то проворчал, подошел к письмеииому столу и стал показывать Чарлзу кремиевые орудия, которые ои иашел в долиие Соммы возле Амьеиа и в долиие Сеиы.

— Эти орудия говорят о том, что род человеческий существовал уже в то время, когда по земле ходили сибирские иосороги и другие ископаемые животные... Но вы все о чем-то своем думаете?

Чарлз сел в кресло возле камииа и тихо сказал:

— Хочу с вами посоветоваться. Мие пришло в голову, что хорошо бы в третьем издаиии «Происхождеиия» сделать ряд примечаиий, которые будут касаться только ошибок моих критиков.

— Ни в коем случае. С чего это вы решили обессмертить своих противников?

Чарлз задумчиво покачал головой.

— Вы, конечно, правы. Я ведь могу просто добавить по лишнему абзацу с ответами на возражения. Это займет страниц двадцать — не больше.

После диспута в Оксфорде о теории эволюции заговорили повсюду. В английском языке появилось новое слово — «дарвинизм». Оно распространилось по всей Великобритании, а затем стало известно и в научных кругах США и Европы. В Германии выходило уже второе издание «Происхождения». Один немецкий натуралист, посетивший Даун-Хаус, рассказал Дарвину, что немецкие ученые в восторге от теории естественного отбора, но боятся потерять место, если ее поддержат. Книга вышла и во французском переводе. Из Голландии сообщали, что «Происхождение» вызвало живой интерес и там.

По предложению Чарлза Аса Грей издал отдельной монографией три свои статьи, опубликованные авторитетным «Атлантик мансли». Двести экземпляров он послал Дарвину, поскольку Чарлз тоже вложил деньги в издание. Дарвин разослал эти двести экземпляров газетам, журналам и научным изданиям.

Когда в декабре 1860 года «Журнал Макмиллана» обвинил Джона Генсло в том, что он — приверженец теории эволюции, Генсло опубликовал в этом же журнале выдержки из письма, которое он получил от преподобного Леонарда Дженинса. В этом письме Дженинс признавал, что хотя он не разделяет взглядов Дарвина полностью, но все же вполне допускает, что «многие из небольших групп животных и растений могут иметь общих предков, существовавших в далекие времена».

Чарлз торжествовал.

— Теперь все узнают,— объяснил он Эмме,— что наше научное семейство становится все более дружным.

Между тем его «научное семейство» часто одолевали болезни, вызванные чересчур усердной работой. Часто хворал Гукер, Гексли слег от переутомления, к которому прибавился еще и грипп,— ему пришлось пролежать в постели десять дней. Лайели уехали в Баварию — тоже поправить здоровье. А Чарлз переходил от одной темы к другой, как пчела, перелетающая от цветка к цветку и опыляющая орхидеи, которыми он, кстати, в последнее время занялся всерьез. Он изучал наземные орхидеи, которые росли в Кенте и которые Гукер присылал ему из Ботанического сада в Кью. Ему помогли добыть орхидеи из Перу, Эквадора, Бразилии, с Мадагаскара и Филиппин, из районов, расположенных на высоте от четырех до восьми тысяч футов над уровнем моря, где никогда не бывает морозов и очень большая влажность. В джунглях Бра-

зилии только иа одном дереве может расти тридцать — сорок видов орхидей. Особенно заинтересовали Чарлза чашелистики и пыльца, предохраняемая либо лепестками, либо зонтиками над цветком.

В сентябре Чарлз увез семью на три месяца в Истборн, потому что Генриетта заболела. Ночами, когда Чарлзу вместе с Эммой не нужно было дежурить у постели больной, он изучал странное поведение растений семейства росяиковых, которыми прежде биологи заиимались мало. Иногда Чарлзу начииало казаться, что это насекомоядное растение на самом деле животное и только прикидывается растением — так ловко его листья ловили мух и других насекомых и пожирали их. Он узнал, что в болотистых районах Северной Америки встречается растение, которое называют «венерина мухоловка». Стоит добыче коснуться щетинок, растущих на круглых листьях, как листья захлопываются подобно медвежьему капкану. Пузырчатка и другие насекомоядные растения действуют по образцу мышеловки: рачки и даже маленькие лягушки случайно заплывают в его полые пузырьки через отверстие с открывающимся клапаном и таким образом попадают в ловушку, а растение их пожирает.

Непостижимый мир! Чудесный мир!

Занявшись изучением пестиков и пыльцы примулы и первоцвета, Дарвин обнаружил, что опыление этих растений производят насекомые. Своим детям он объяснял:

— Наблюдать за многообразиой жизиью природы — настоящее наслаждение, писать о ней — настоящая пытка. И все же, если не записать эти наблюдения, то как еще можно запечатлеть чудеса эволюции, жизненные циклы птиц, животных, цветов, растений, человека?

Когда Дарвины вернулись в Даун-Хаус, Чарлза заинтересовал вопрос о происхождении современной собаки вследствие эволюции некоторых разновидностей волка, шакала и других видов. В этой области было еще много неисследованного. Друзьям, которые в своих многочисленных письмах спрашивали, что он сейчас поделывает, Чарлз отвечал: «Вожусь с собаками».

С возрастом время для Чарлза будто уплотнилось. Раньше ему казалось, что сменявшие друг друга месяцы распадаются на отдельные события, теперь же он философски воспринимал год как нечто целостное и упорядоченное. Сначала он решил написать для третьего издания «Происхождеиия» исторический очерк страниц на тридцать и отдать в нем должное натуралистам, которые в своих трудах подготовили почву для возникновеиия теории эволюции: Ламарку, Жоффруа Сен-Илеру,

У. С. Уэллсу, фои Буху, Герберту Спеисеру и современиинкам Чарлза — Ричарду Оуэиу, автору «Следов», которым все еще счнтался Роберт Чеймберс, Алфреду Уоллесу. Ои обошел молчаиием своего деда Эразма Дарвииа, так как боялся обвииеиий в том, что ои задиим числом разводит семейственость в иауке. Этот обзор должеи был подготовить читателя к труду самого Дарвииа.

Томас Гексли тоже стремился к серьезиой работе. Чтобы отделаться от грустиых мыслей, вызваииых смертью его четырехлетиего первеица, ои сделался главиым редактором «Журиала естествеииой истории» и работал не покладая рук. Первый иомер журиала, вышедший под его руководством, ои привез Чарлзу в Дауи-Хаус. В иаучиом мире Аиглии Гексли стал призиаииым авторитетом. Будучи секретарем Геологического общества, ои помогал Лайелю, работавшему иад «Древиостью человека», в подборе даииых по анатомии, читал рабочим лекции о «месте человека в животиом мире», ои еще подумывал н о двух солндиых уииверситетских постах.

Чарлз прочел в журиале статью Гексли «Человек и иизшие животиые» и похвалил ее, а потом заметил:

— А я все вижу в чериом цвете. Вот и сейчас боюсь, что иеискушеииый читатель ие сможет по достоииству оценить вашу статью.

— Так ведь и ваши киигн ие проще,— парировал Гексли.— Одиако вас это, по-моему, ие смущало.

Гукера очень волиовал вопрос о преемствеииости. Ои работал иад первым томом своей эициклопеции семеиосиых растеиий мира «Геиера плаитарум», а почти все оставшееся время ходил с отцом по Ботаиическому саду Кью, тщетио пытаясь помочь ему в управлеиии садом,— сэр Уильям Гукер мыслил уже не так ясио, как прежде.

Приехав к Гукеру, Дарвии взмолился:

— Да отдохиите вы хоть иемиого!

— А я отдыхаю. Когда сплю. Только это иапрасиая трата времеии.

— Зиаю. Да и ие мие вам советовать: я и сам ни мииуты ие могу сидеть без дела, хочу я этого или ие хочу. Только за работой и чувствую себя человеком. А слово «отдых» для меия пустой звук.

Самый старший из них, шестидесятитрехлетиий сэр Чарлз Лайель, писал иаиболее трудиую и, по миеиию Чарлза, иаиболее зиачительную свою кингу «Геологические доказательства древиости человека». Ои виимательио изучал подготовительиые материалы, которые собирал всю свою жизнь, посвящал целые разделы скоплеииям раковии, обиаружеииым в Дании, раскоп-

кам в Египте, кремневым орудиям, морским раковинам, определению возраста ископаемых останков человека в Натчезе.

К удивлению Чарлза, Лайель не прислал ему ни одной главы, ни одной страницы нового труда, хотя еще год назад спрашивал, не согласится ли Чарлз с ним ознакомиться и высказать свои соображения. Да и при встречах Лайель ничего не говорил о своих выводах. Чарлз гадал, почему его друг изменил решение, однако молчание Лайеля его не пугало. Он не сомневался, что Лайель в своей работе непременно докажет: в процессе эволюции человека постигла участь прочих живых существ,— сам Чарлз не стал высказывать эту мысль на страницах «Происхождения видов». Лайель же благодаря своему дворянскому званию и заметному месту в научном мире страны мог коснуться этой темы и при этом избежать того негодования, который навлек бы на себя Чарлз.

Как-то Дарвин удостоил Лайеля высшей похвалы:

— Ваша книга будет великим исследованием, но поначалу она ужаснет мир сильнее, чем мое «Происхождение».

— Я вовсе не стремлюсь ужасать мир,— ответил Лайель с некоторым неудовольствием.— Моя цель — дать людям знания. Факты не подлежат сомнению, а до моих выводов никому нет дела. Все, что я считаю нужным сказать о вас, я скажу в последней главе.

На новогодние каникулы из школы приехали домой все пятеро сыновей, так что 1861 год начался весело. Прогулявшись по Песчаной тропе и пообедав, Чарлз растянулся на кушетке в гостиной и взялся за книгу. Он читал «Путешествие по далекой стране» Ольмстеда — яркое повествование о положении рабов Америки и их жизни в южных штатах. Интерес Чарлза к этой теме усиливался еще и тем, что, по сообщениям лондонской «Таймс», страсти вокруг рабовладения грозили перерасти в гражданскую войну между Севером и Югом.

— Прямо не могу поверить этим статьям в «Таймсе»,— возмущался Чарлз.— Такая война равносильна самоубийству. Должны же обе стороны это понять!

— По логике вещей, должны,— с сомнением сказал Уильям.— Но разве правительства руководствуются логикой?

Работа Чарлза над «Изменением домашних животных и культурных растений» продвигалась. Он чувствовал, что рукопись снова получится чересчур большой и обстоятельной. Он уже закончил изучение свиней, крупного рогатого скота, овец и коз из разных частей света, их происхождения и результатов их разведения в контролируемых условиях. Но его интересы были прикованы к орхидеям. Оказалось, что их опыление происходит столь диковинным образом, что писать об этом

было иастоящим иаслаждеиием. Чарлз ие переставал удивляться той поразительиой изобретательностн, с какой проходнла эволюцня в семействе орхндиых, н он работал без усталн по иесколько часов в день. Воодушевлеиие его росло так же быстро, как н стопа нсписаииых листов иа его рабочем столе. Он так осмелел, что даже рнскиул выдвииуть гнпотезу, которую пока ие мог доказать. Длииа иектариика звездиой орхидеи, которую ему прнслали с Мадагаскара, составляет целый фут, однако ои заполиеи иектаром лишь иа полтора дюйма. Как же пчелы, мотыльки и другие иасекомые ухитряются добраться до иектара? И Дарвии пришел к выводу, что это под силу только бабочке, у которой длииа хоботка достигает одиого фута. Правда, бабочку с таким хоботком иикому видеть ие приходилось, ио это ие важио. Не будь такой бабочки, и звездиой орхидеи с Мадагаскара уже давио ие было бы.

«Вестиик Лиииеевского общества» согласился опубликовать моиографию. Чарлз съездил в Лоидои, пообедал в Лиииеевском обществе вместе с Томасом Беллом, который в свое время готовил том о рептнлиях для «Зоологических результатов путешествня иа корабле «Бигль», и последиим поездом вериулся домой. Эмма ждала его.

— Ну, как прошел вечер?

— Я так ие привык обедать иа сторонне, что ныиешиий обед мие поиравился.

— Вот и хорошо. А то ты, кажется, совсем превратился в затворинка.

Вскоре Дарвии узнал, что в возрасте сорока семи лет от паралича умер Симс Ковиигтои. Неожидаииая смерть сподвнжинка, с которым у Чарлза были связаиы воспомииания о путешествии иа «Бигле», об учебе в Кембридже, о жизии иа Мальборо-стрит, опечалила Дарвииа. Время от времеии оии обменнвались письмами; как-то Чарлз послал Симсу новую слуховую трубку, а тот собрал для Чарлза большую коллекцию морскнх уточек иа разных участках австралийского побережья.

А вслед за этим до Чарлза дошла весть о том, что Джозеф Гукер и Фреиснс иаходятся в Хитчеме у постели умирающего Джона Геисло. Гукер тяжело переживал предстоящую утрату: для него Генсло был не только ботаииком, священником н тестем, ио прежде всего — любимым другом. Чарлз тоже возиамерился отправиться в Хитчем, чтобы проститься с умирающим.

— Это мой долг по отиошеиию к Геисло,— объясиил ои жеие.

До Хитчема было около сотии миль. Чтобы попасть туда, иадо было добираться экнпажем до Бекеигема, оттуда —

поездом до Лондона, затем в почтовой карете — до Ипсуича, а там нанять кэб до Хитчема — двенадцать часов в пути. У Дарвина же регулярно через три часа после еды начинались приступы рвоты. Да и будет ли в маленьком городишке Хитчеме гостиница?

Чарлз никак не мог решиться на такое путешествие. Почему-то он ощущал ужасную слабость. Гукеру он написал: «Если я тотчас же не приеду, если желание Генсло повидать меня было не просто пустым капризом, я никогда себе этого не прощу».

По всей видимости, Генсло посчитал это письмо прощальным. Умер он в середине мая. Чарлз места себе не находил от угрызений совести. Но словно само небо помогло ему от них избавиться. Преподобный Леонард Дженинс начал писать биографию Генсло. Не согласится ли Чарлз написать о своем знакомстве с Генсло в первые годы учебы в Кембридже? Чарлз сейчас же выполнил эту просьбу: «Помогая всем молодым натуралистам, он выказывал редкостную непосредственность, чуткость, искренность. Он обладал удивительным даром: в общении с ним молодежь чувствовала себя очень непринужденно, несмотря на все наше благоговение перед его огромными знаниями».

Рукопись Дженинса должен был опубликовать на будущий год Джон ван Хорст в издательстве «Патерностер роу». Значит, имя преподобного Джона Генсло сохранится в истории.

И Чарлз успокоился.

Чарлз получил письмо от своего почитателя — ботаника Хьюэтта К. Уотсона, который собирался писать рецензию на третье издание «Происхождения видов». Уотсон упрекал Чарлза в том, что в первых четырех абзацах предисловия к новому изданию он сорок три раза повторяет слова «я», «мне», «меня», «мой».

— Ох уж мне это несчастное слово-выскочка «я»! — простонал Чарлз, которого Эмма и дети допекали насмешками.— Неужели я и впрямь такой бахвал?

— Нет, дорогой, скромности тебе не занимать,— сухо отвечала Эмма.— Недаром же ты считаешь, что, кроме тебя, никто на свете не знает, как возникли виды.

У Нетти Гексли родился еще один сын, но она все еще не могла оправиться после смерти своего первенца. Эмма уговорила ее взять с собой всех троих детей и погостить две недели в Даун-Хаусе.

Хью Фальконер, который когда-то заявил Чарлзу: «Вы один принесете столько вреда, что его не смогут исправить десять натуралистов», путешествовал сейчас по Италии и Германии.

Чарлзу он писал: «Повсюду только и разговоров что о Вашей теории и Вашем великолепном труде. Конечно, отзывы о них самые разные, поскольку они зависят от взглядов спорящих. Но честность Ваших намерений, грандиозность замысла, убедительность примеров и смелость выводов у всех вызывают огромное восхищение».

Чарлз по-прежнему наблюдал за опылением орхидей и писать о них продолжал с наслаждением. Ну разве не удивительно, что пыльца одного цветка, которой у него хоть отбавляй, идет на опыление всего лишь двух цветков этого же вида. Чарлз изучил все разновидности орхидей, какие только ему удалось добыть, в особенности орхидей Coryanthes, и узнал, какими ухищрениями сопровождается опыление орхидей в Англии и других странах, каким образом насекомые переносят пыльцу с одного цветка на другой. С помощью лупы и перочинного ножа он исследовал крупицы пыльцы на некоем подобии мешочка с ароматной густой жидкостью, запах которой и привлекает пчел и других насекомых. Чарлз наблюдал, как в поисках одурманивающей жидкости пчела проникала внутрь цветка, набирала нектар и, выползая из крошечной чашечки, собирала на спинку пыльцу. Затем она подлетала к другому цветку, забиралась в него и ненароком оставляла пыльцу там. Углубления в лепестках у разных видов орхидей были разными: то широкими, то узкими, то небольшими, то глубокими, поэтому пыльцу каждой орхидеи могли разносить насекомые лишь определенного вида.

— Как повозишься с этими орхидеями, так кажется, что цветы куда изобретательнее человека,— заметил Чарлз.

— А что бывает с теми орхидеями, которым не удается заманить насекомых в свою ловушку? — поинтересовался Уильям, который на летние каникулы приехал из колледжа Христа домой.

— Они вымирают.

В июле Генриетта опять занемогла, и Эмма решила, что ей обязательно следует месяца на полтора уехать на море. Хотя Чарлз был рад этой поездке, морока предстояла немалая: надо было перевезти шестнадцать человек и без малого тонну багажа. Они отправились в Торки, курорт на побережье Ла-Манша в юго-восточной части страны. Там они сняли домик, из окон которого открывался великолепный вид на залив. Здоровье Генриетты почти сразу же пошло на поправку. Отдых на побережье всем пришелся по душе. Мальчикам скучать не приходилось: к Дарвинам часто приезжали гости. Сначала к ним наведался Эразм, а потом Хоуп, дочь Генслея Веджвуда составила Генриетте компанию.

В начале августа приехал доктор Генри Холланд. Понаблюдав за Генриеттой пару дней, он сказал родственникам:

— Этти подвержена ипохондрии. Откуда она у нее берется — ума не приложу.

Чарлз давно уже боролся с подозрением, что опубликованная двадцать два года назад статья о Глен Рое содержала ужасающие ошибки. Лайель был согласен с Агассисом, который пытался опровергнуть утверждение Чарлза о том, что дороги и скальные уступы были когда-то побережьем, поднявшимся до нынешнего уровня. Но Чарлз, заупрямившись, ничего и слушать не хотел. Теперь же он познакомился с человеком, который отправился в Шотландию, чтобы разрешить этот спор, и возвратился с материалами, неопровержимо доказывавшими, что скальные уступы и дороги возникли вследствие того, что доступ воды в озеро был прегражден ледником.

— Меня разбили в пух и прах,— по секрету сообщил Чарлз жене.— Э-хе-хе. Ничего, зато эта ошибка посбила с меня спесь.

— Конечно, дорогой. Денька на два.

Во время очередной поездки в Лондон Чарлз признался в своей ошибке Лайелю. В лучах августовского солнца они шли по набережной Темзы от моста Ватерлоо у Черинг-Кросса мимо Парламента и Вестминстерского аббатства.

— За все эти годы одна серьезная ошибка? Мой дорогой Дарвин, вы просто мальчишка. От скольких ошибок вам еще придется открещиваться, когда доживете до моих преклонных лет! Работа исследователя без них немыслима.

— Вы — само великодушие. А как продвигается «Древность человека»?

— Из-за нее я и сам начинаю чувствовать себя древним стариком.

Чарлз переменил тему.

— По-моему, вы с Асой Греем считаете, что я слишком принижаю роль верховного разума в ходе эволюционных изменений.

Лайель кивнул и добавил:

— Сэр Джон Гершель как-то в разговоре о вашем «Происхождении» заметил, что никогда не следует забывать о высших законах провидения.

— Однако ни Гершель, ни прочие астрономы не станут утверждать, что путь каждой планеты, кометы и падучей звезды предначертан всевышним.

— Так оно и есть,— с заметной резкостью ответил Лайель.

— Вы-то, наверно, не возьметесь логнческн доказать, что хвост дятла приобрел свою ныиешнюю форму в результате нзменеиий, свершениых волей «провндення»? — настаивал Чарлз.— Станете лн вы, не покрнвнв душой, убеждать меня, будто мой нос прнобрел такую форму стараннямн «божественного разума»?

Лайель рассмеялся, н к нему вернулось хорошее настроеиие.

— Нет, Дарвнн, всевышннй не стал отрываться от трудов своих, чтобы сотворнть вам орган обоняння. И мне тоже. Надо будет не забыть об этом, когда я буду пнсать последнюю главу, которую я посвящаю вам. Все еще опыляете перочнным ножом свои орхиден?

— Нет, заиимаюсь перекрестным опыленнем страниц рукописн с помощью пера н черннл.

Работу об орхндеях он закончил. Ему прншлось значнтельио сократить материал, пожертвовав многимн убеднтельными деталямн, н все-такн работа занимала сто сорок страииц. Опять она оказалась чересчур большой для «Вестиика Линиеевского общества»! Что же делать?

Был конец октября. Вечером сквозь шторы в спальню проиикал холодок, предвещающнй знмнюю стужу. Чарлз развел посильнее огонь в камнне н, как всегда, в половнне однннадцатого отправился спать. Но ему ие спалось. Он ворочался с боку иа бок, ие поинмая, что не дает уснуть Эмме. Наконец оиа сказала:

— Чарлз, тебе бы спать в гамаке, а не в кроватн.

— Я хочу кое-что обдумать.

— Неужелн нельзя подождать до утра?

После обеда, когда Эмма в саду выкапывала цветочные луковнцы, чтобы до весны укрыть нх в подвале, Чарлз предложнл:

— Не желаешь прогуляться со мной по Песчаной тропе?

— На сколько камешков?

— Да хоть на пять.

Выложнв пять камешков в начале тропинкн, которая уходила в рощнцу, Чарлз тут же забыл об Эмме н прннялся рассуждать:

— А не нздать лн мие работу об орхндеях отдельной книжкой? Я ведь и так уже выбросил столько существенного материала. Еслн Джон Мэррей согласится издать такую кннжку, я могу рассчнтывать иа прнлнчный объем, и тогда кннга будет содержать ие только свежие мысли, но н ннтересные факты. Только вот как она будет раскупаться? Сможет лн Мэррей хотя бы окупнть расходы? Я частенько преувеличиваю ценность своих выводов. Но обычно людей занимают как раз те предметы,

которые занимают и меня. Вопросы размножения сейчас интересуют многих, даже если это размножение цветов. Впрочем, хотя о больших доходах от издания и речи быть не может, крупных убытков тоже можно не бояться. Зато эта книжечка может сослужить службу «Происхождению».

Джон Мэррей посчитал, что книга заинтересует натуралистов. Он решился пойти на риск и даже оплатить иллюстрации, а Чарлзу положил выплатить половину прибыли. Это было щедрое предложение. Чарлз обещал закончить работу через два месяца.

Но хотя великолепие и фантастические формы цветов орхидей повергали его в изумление, дальнейшая работа с ними оказалась куда сложнее. Труд двух недель пошел насмарку, так как на изображении цветка орхидеи, опыляемой бабочками, он неверно показал направление сосудов верхних чашелистиков.

— Никогда еще я не попадал в такую передрягу,— сокрушался Чарлз.— Черт меня дернул взяться за орхидеи!

— Рано или поздно ты говорил так обо всех своих книгах,— успокоила его Эмма.

Чарлз считал, что обязан выступить в Линнеевском обществе хотя бы с коротким докладом. Доклад этот он прочитал на одном из заседаний общества. Когда он кончил выступление и сдержанные, но благосклонные аплодисменты умолкли, первым подошел его поздравить Гукер.

— Ваш доклад произвел грандиозное впечатление.

— Нет уж, пора и честь знать, не то я окончательно сделаюсь ботаником.

Чарлз до того устал, что едва добрался домой и пролежал в постели до следующего вечера. В письме Гукеру он признавался: «Я вовсе не считаю, что доклад произвел на Линнеевское общество такое уж «грандиозное» впечатление, но зато общество произвело грандиозное впечатление на меня. Боюсь, что мне надо воздержаться от публичных выступлений. Все-то у меня получается не как у людей».

Узнав, что Королевское медицинское общество Эдинбурга сделало его своим почетным членом, Чарлз сказал Эмме:

— Помнишь, каким способным студентом я был на медицинском факультете в Эдинбурге? Отсижу, бывало, утренние лекции доктора Дункана по фармакологии, от которых даже мухи дохли, потом занудные лекции доктора Монро по анатомии, потом в больнице оперирую каких-нибудь двух ребятишек. А потом весь день собираю всякую морскую живность в заливе Ферт-оф-форт: то устриц, пойманных рыбаками из Ньюхейвена, то морских звезд, то ловлю морских воробьев у черных скал в Лейте...

Снова наступило рождество, снова пришел Новый год и дети снова собрались в Даун-Хаусе. Чарлз и Эмма по очереди читали последние книжные новинки. Они уже прочли «Ист Линн» и теперь выписали из Лондона «Сайлеса Марнера» Джордж Элиот и «Монастырь и дом» *. К вящему удовольствию всей семьи, Генриетта читала большие отрывки из обеих книг вслух.

1862 год начался неожиданной удачей. Эдинбургский институт философии пригласил Томаса Гексли прочесть цикл лекций, и тот решил посвятить их отношению человека к низшим животным. И тут Лайель, который обычно отличался мягким характером, вдруг начал его отговаривать. Он был родом из Киннорди и хорошо знал шотландские нравы.

— Помяните мое слово, вас побьют камнями и вышвырнут вон из города.

Чарлз тоже принялся увещевать Гексли, но тот рвался в бой и его было не убедить. Выступая в Эдинбурге перед притихшей аудиторией, он сказал:

— Вдумчивые исследователи, которые вырвались из-под гнета укоренившихся предрассудков, обнаружат в царстве низших тварей, от которых происходит род человеческий, ярчайшие свидетельства того, сколь велики возможности человека. И, проследив путь его развития в прошлом, эти исследователи обретут уверенность в том, что его ждет славное будущее.

Опасения обоих Чарлзов не оправдались. Эдинбургские слушатели наградили Гексли искренними аплодисментами. Когда в следующее воскресенье Гексли приехал в Даун-Хаус, чтобы посоветоваться с Дарвином, не написать ли ему книгу на основе этих лекций, Чарлз бросился к нему с поздравлениями и рукопожатиями.

— Подумать только, вы дали бой рутинерам в их же собственной цитадели!

— Какие же мне там воздавали королевские почести,— заметил Гексли, крепкое смуглое лицо которого расплывалось в широченной улыбке.— А ведь я их попотчевал откровенным дарвинизмом!

Но через несколько дней от признания не осталось и следа. «Уитнесс» от 11 января с яростью обрушился на тех, кто встретил аплодисментами Гексли и его «глубоко порочную теорию... самым кощунственным образом противоречащую священному писанию и религиозным догмам, тогда как им следовало дать отпор гнусным оскорблениям, нанесенным им лично и всему роду человеческому, который был создан по образу и подобию божию, и всем вместе покинуть зал».

* «Ист Линн» (1861) — роман Г. Вуд, «Монастырь и дом» (1861) — роман Ч. Рида.— *Прим. пер.*

История повторялась. Однако об этих нападках узнали и те, кто прежде не имел ни малейшего представления о дарвинизме, и теперь при виде столь яростного возмущения стали выяснять, в чем же суть дарвиновских идей.

Чарлзу и Гексли все это представлялось игрой, которую они назвали «Как увеличить число сторонников новой теории, поносяя ее защитников».

О том, как «Уитнесс» напустился на Томаса Гексли, стало известно и лондонским натуралистам, но резкий тон статьи почти ни у кого не встретил сочувствия. Поскольку президент Геологического общества Леонард Хорнер был в отлучке, на Гексли как на секретаря общества была возложена обязанность произнести поздравительную речь на заседании по случаю очередной годовщины общества. Чарлз не присутствовал на заседании в Берлингтон-хаусе, но узнал о нем со слов Лайеля.

— Никогда еще не видел, чтобы поздравительную речь слушали с таким интересом и встретили такими аплодисментами,— рассказывал Лайель.— Хотя некоторые его смелые суждения кое-кого покоробили.

— Его или мои?

Чарлз задал этот вопрос потому, что с недавних пор Гексли прозвали «Дарвинов бульдог».

— Он опирался на «Происхождение»,— ответил Лайель,— но поделился и собственными мыслями и наблюдениями. Он отметил, что если обратиться к позвоночным и беспозвоночным давних эпох, если принять во внимание, что некоторые животные существуют в самых разных уголках земли, почти не изменяясь, то окажется, что о ранних формах жизни на земле нам мало что известно. Может быть, события, которые геология относит к одному времени, отстоят друг от друга на десять миллионов лет.

В семье Дарвинов происходили не только счастливые события. Скончалась сестра Чарлза Марианна, и Сюзан взяла опеку над младшими Паркерами. А в январе и Шарлотта, сестра Эммы, тридцать лет назад вышедшая замуж за преподобного Чарлза Лэнгтона, слегла от неизвестной болезни и тоже умерла.

В феврале самого младшего из сыновей Чарлза — десятилетнего Гораса поразила непонятная болезнь: иногда его руки, ноги и шея начинали судорожно дергаться. Поначалу родители боялись, что болезнь эта вызвана каким-то поражением мозга, ведущим к параличу. Но местный врач и спешно вызванный из Лондона доктор Холланд не нашли ничего опасного. К концу апреля судороги у Гораса прекратились, но он еще целый год страдал несварением желудка.

— Конечно, у него это наследственное,— ворчал Чарлз.

— Нет, благоприобретенное,— спорила Эмма.

Первого апреля в Англию вернулся Алфред Рассел Уоллес. Он восемь лет путешествовал по Малайзии, Суматре, Яве, Борнео, Целебесу, Молуккским островам, Тимору и Южной Гвинее, собирая образцы флоры и фауны. Человек, который восемь лет провел в далеких краях, где на него часто смотрели как на врага, в глазах Чарлза был героем. Он пригласил Уоллеса в Даун-Хаус. Уоллес в ответном письме благодарил его и добавлял: «Мне надо еще немного подлечиться, но, как только смогу, обязательно к Вам приеду».

Джон Мэррей издал две тысячи экземпляров книги Чарлза «Различные приспособления, при помощи которых орхидеи оплодотворяются насекомыми». Книга вышла в красивом фиолетовом переплете; на матерчатой обложке была вытеснена золотом орхидея. В предисловии Чарлз писал: «Цель настоящей работы показать, что способы опыления у орхидей по своему разнообразию и даже совершенству не уступают наиболее ярким примерам приспособляемости в животном царстве».

Исследованием орхидей Чарлз занимался несколько лет, работа над книгой заняла всего девять месяцев — ее пришлось прервать только для того, чтобы отредактировать второе немецкое издание «Происхождения» и написать статью о весьма примечательном способе оплодотворения у двух видов примулы: маргариток и первоцвета. Работать над книгой об орхидеях было приятнее всего: Эмму и детей они занимали не меньше, чем самого Чарлза, поэтому они часто просили его почитать свою рукопись.

Книга вышла 15 мая. Цена была весьма доступной — всего девять шиллингов. Натуралисты раскупали книгу охотно.

Чарлз боялся, что его догадка о существовании насекомого с «хоботком длиной в целый фут» вызовет насмешки. Так оно и случилось. Но вскоре некий миссионер на Мадагаскаре обнаружил бабочку с хоботком именно такой величины — бабочка забиралась в цветок звездной орхидеи и покидала его, унося на себе пыльцу, которая шла на опыление другой звездной орхидеи.

Хотя «Атеней» отозвался о книге, по выражению Чарлза, «с высокомерным сожалением», ботаники сообщили Дарвину, что рецензент ничего в книге не понял. Прочие отзывы были отличными: «Парфенон» писал о книге очень благожелательно, а «Лондон ревью» нашел ее великолепной. Даже «Литерари черчмен» пришел от нее в восхищение. Из Гарварда прислал свои теплые поздравления Аса Грей: по его словам, если бы книга об орхидеях появилась прежде «Происхождения видов», то богословы канонизировали бы автора, а не предали его анафеме.

Чарлз Лайель тоже высоко оцеиил киигу; ои считал, что «после «Происхождеиия» это наиболее зиачительная работа Дарвииа».

Работа иашла такую горячую поддержку у иатуралистов, что Чарлз только диву давался:

— Никак ие думал, что моя киига будет иметь такой успех.

Ои писал Асе Грею: «В последнее время мие казалось, что я опростоволосился, излагая в киигах свои мысли в несколько упрощенном виде. Зато теперь я считаю себя вправе клеймить своих критиков с ии с чем не сравиимым самодовольством».

Восторжениая рецеизия Асы Грея иа киигу об орхидеях появилась в «Американском журнале иауки и искусств». В своем письме Грей шутливо укорял Чарлза: «По-моему, Вы написали киигу об орхидеях для того, чтобы обойти противника с флаигов».

Грей, иесомиенно, был прав. В аиглийской печати появились следующие слова Чарлза: «Исследуя орхидеи, я окоичательно убедился в том, что почти все части цветка оргаиизоваиы и взаимосвязаиы таким образом, что помогают опылеиию цветка насекомыми, а следовательно, все оии, вплоть до самых незначительных их элементов, являются результатом естествеиного отбора».

Благодаря «Орхидеям» за Дарвииом окоичательио укрепилась слава добросовестиого и смелого в своих предположениях учеиого, который описывает доселе иеизвестиые или малоизучеииые биологические явлеиия. Эта слава иесколько умерила пыл критиков «Происхождения». Хотя Чарлз по своему обыкиовению жаловался Алфреду Уоллесу: «Здоровье мое плохо, и ничего-то с иим ие поделаешь. Я ведь самый иастоящий ипохоидрик», у иего все-таки хватило сил заияться совершеино иовым вопросом — движеиия и повадки лазящих растеиий, которые были еще слабо изучеиы. Несколько лет назад Чарлз прочел иебольшую работу Асы Грея иа эту тему.

Между тем Лайель иачал подумывать о том, что Чарлзу пора получить дворянское звание.

— С тем же успехом премьер-мииистр может ходатайствовать перед королевой о присвоеиии дворяиского звания моему «Происхождеиию»,— возразил Чарлз.— Кабииетам приходилось подавать в отставку и из-за меиьших оплошиостей.

— Давайте прикинем,— терпеливо рассуждал Лайель.— Гукер тоже должеи удостоиться этой чести, когда станет директором Королевского ботанического сада. Гексли? О ием и речи быть не может. Ои, коиечио, большая умиица, ио уж больно ершист. Не умеет умаслить своих противников.

— Без этого ои бы и гением не был,— сказал Чарлз.

Узнав, что книга об орхидеях была так хорошо принята, Чарлз успокоился. Мысли его теперь опять были заняты здоровьем. Вроде бы ни слабость, ни сердцебиение в последнее время его не мучают, но почему руки потрескались от экземы? Может быть, оттого, что Ричард Оуэн снова перешел в наступление? А может, причиной экземы были химикаты, которые он использовал в своих опытах? Чарлз вспомнил, что в годы учебы в колледже Христа с ним уже такое случалось. Тогда, чтобы избавиться от волдырей, он принимал небольшие дозы мышьяка. Об этом способе лечения он прочел в «Новой фармакопее», когда учился в Эдинбурге. Отец не советовал ему принимать это средство, и все-таки экзема у Чарлза прошла. Прошла она и сейчас, но... без всякого мышьяка.

Громя дарвинизм в своих бесчисленных лекциях и статьях, Оуэн стал на этом поприще настоящим виртуозом, однако почти ни одно положение теории естественного отбора ему опровергнуть не удалось. Лайель, Дарвин, Гукер и Гексли, устроив за обедом в «Атенее» «военный» совет, пришли к выводу, что Оуэн ведет себя как помешанный.

Авторитет их научной группировки еще более утвердился, когда Томас Гексли получил профессуру в Королевском хирургическом колледже. Занимая этот пост, он мог знакомить студентов, порой несмотря на их внутреннее сопротивление, с дарвиновской теорией эволюции. Здесь «Дарвинов бульдог» мог использовать более хитроумную тактику.

Но обитателям Даун-Хауса было не до торжества. Заболел второй сын Дарвинов, Ленард, который вот-вот должен был пойти в школу в Клэпхеме; там в первом классе уже учился его брат Джордж, который мог присматривать за братишкой. У мальчика обложило горло, тело покрылось сыпью, затем началось серьезное воспаление, которое перешло в скарлатину. Послали в Даун за доктором Энглегартом. Мальчика удалось спасти лишь благодаря тому, что Чарлз и Эмма круглые сутки заботливо ухаживали за ним, поили из ложечки портвейном. Доктор Энглегарт по прозвищу Шпенгль наведывался в Даун-Хаус по нескольку раз в день. Через некоторое время Ленарда удалось немного покормить жидкой овсянкой.

— По-моему, кризис миновал,— сказала Эмма, внося в комнату большую вазу с июньскими цветами.

Вечером, к изумлению родителей, Ленард, не открывая глаз, спросил:

— Мои марки целы?

— Да,— ответил Чарлз.— Профессор Грей прислал тебе из Америки еще одну. Завтра посмотришь.

— А можно сегодня?

Чарлз прииес марку. Леиард с огромиым трудом открыл одии глаз, взгляиул иа иее и с довольиым вздохом произиес:

— Красивая.

Час спустя Чарлз приием еще иесколько марок, только что получеииых из Америки. Леиард приподиялся иа локте и сказал:

— Передай профессору Грею большое спасибо.

На следующий деиь Леиарду стало гораздо лучше. Присев отдохиуть вместе с Эммой в прохладиой теии сада, Чарлз размышлял вслух:

— Дети, коиечио, великое счастье, ио и хлопот с иими ие оберешься. Учеиому ие следует заводить детей, да и без жеиы, пожалуй, лучше. Тогда ему ии о ком иа всем белом свете ие иадо будет заботиться: работай себе и работай. Хватит ли у иего сил — это уже другой вопрос. Ну ладио. Даст бог, через пару диeй я смогу опять собраться с мыслями.

Эмма увидела, какое облегчеиие испытывает Чарлз, и пожалела его.

Леиард поиемиогу выздоравливал, и Чарлз сиова пригласил в Дауи-Хаус Алфреда Уоллеса. Уоллес приехал в иачале августа. Чарлз испытывал огромиый иитерес к этому человеку: ои считал, что Уоллес ие только ие уступает по своим способиостям ему самому, ио и скажет еще свое слово в естествозиаиии. К тому же Уоллес может стать прекрасиым дополиеиием к их иаучиой четверке.

В зеркало Чарлз иаблюдал, как Уоллес вылезает из послаииого за иим экипажа. Ои был высокого роста — около шести футов,— сухощав и плечист; у иего были узкие бедра и крепкие иоги, как видио привыкшие к хождеиию по горам. На лоб падали густые чериые кудри. Уоллес иосил аккуратиые усы, бакеибарды и раздвоеииую чериую бороду. Когда Парсло провел его в кабииет, Чарлз рассмотрел его глубоко посажеииые голубые глаза, проиицательио глядящие через стекла крошечиого, меиьше, чем у Гукера, пеисие. Уоллесу было тридцать девять лет. На ием был серый жилет с широкими лацкаиами, темиый фрак и светлые брюки. Ботиики его были плохо вычищеиы. Уоллес жил в Лоидоие вместе с семьей своей сестры — иа чердаке их дома ему отвели место для разборки коллекций.

Чарлз попросил Парсло прииести холодиого лимоиада. Когда Уоллес иапился, Чарлз сказал:

— Уоллес, еще до вашего возвращеиия в Аиглию естествеииоиаучиые журиалы опубликовали тридцать пять ваших статей! Я преклоияюсь перед вашей четкостью изложеиия. С меия-то обычио семь потов сойдет, пока я иапишу хоть одиу фразу.

Уоллес зарделся от удовольствия и возразил:

— Если бы я за всю свою жизнь написал только две книги, но такие, как ваши «Путешествие на «Бигле» и «Происхождение видов», я был бы счастлив.

— Мне вот что интересно: как вы пришли к теории естественного отбора, которую приписывают нам обоим?

Словно для того, чтобы ему лучше вспоминалось, Уоллес сделал большой глоток лимонада и протер шарфом пенсне.

— Хотите — верьте, хотите — нет, мистер Дарвин, но случилось это в феврале 1858 года на Молуккских островах, когда меня свалил сильнейший приступ малярии. Как-то я лежал в постели, закутавшись в одеяла, хотя температура на улице поднялась выше тридцати, и опять размышлял на эту тему. И тут мне на ум почему-то пришли «положительные ограничения», о которых пишет Мальтус в «Опыте о законе народонаселения»,— я прочел эту книгу несколько лет назад, и на меня она сильно подействовала.

— На меня тоже.

— Я был уже основательно подготовлен,— робко добавил Уоллес.— Кажется, еще в 1847 году я впервые прочел ваше «Путешествие на «Бигле». Как научный путевой дневник эта книга уступает лишь «Путешествию» Гумбольдта, но как увлекательное повествование, на мой взгляд, даже превосходит его.

Чарлз покраснел, эта похвала по-настоящему тронула его.

Уоллес был одним из тех немногих людей, которые говорят точно так же, как и пишут: он выражал свои мысли без вычур, правильно строя фразу.

— Мне пришло в голову, что эти ограничения — война, эпидемии, голод и другие — вероятно, распространяются не только на людей, но и на животных. Эти и им подобные явления происходят беспрерывно. А поскольку животные размножаются гораздо быстрее, чем люди, то, по всей видимости, огромное их количество ежегодно погибает — иначе число представителей одного вида выросло бы неимоверно. Я вдруг понял, что этот самостийный процесс неизбежно приводит к *улучшению* вида, ибо в каждом поколении менее совершенные непременно гибнут, а более совершенные остаются в живых. Другими словами, *выживают наиболее приспособленные*.

Было уже за полдень. Чарлз предложил Уоллесу прогуляться по Песчаной тропе.

— С удовольствием. Знаете, про вашу тропу говорят даже в Лондоне. Ее называют «дорогой в будущее».

— Неужели? А ведь именно там меня посетили самые светлые мои мысли.

За ужином Уоллес познакомнлся н сдружнлся с Эммой н детьмн; нм понравнлась его застенчнвость, сочетающаяся с нскреинним смехом.

— Мне еще не скоро удастся получнть прнлнчный доход от монх кннг и статей,— говорнл Уоллес.— Иногда мне бывает так однноко. Хочу женнться, завести детей, жить своим домом.

Когда Ленард поправнлся, вся семья отправнлась иа лето в Борнмут. Но тут Эмма заболела скарлатнной. Это случнлось по пути, в Саутгемптоне, где иаходилась банкирская коитора, совладельцем которой стал окоичивший колледж Хрнста Уильям. Чарлз, Эмма, Леиард н пожнлая экономка Дарвннов осталнсь в Саутгемптоие, а остальные поехалн в Борнмут. Все четверо поселилнсь в доме Уильяма на Карлтон-террас. Дом не блистал комфортом, но зато был достаточно просторным.

Чарлз наиял сиделку, однако н сам день н ночь не отходнл от больной. Опасеиня, вызванные здоровьем Ленарда, а теперь еще и Эммы, измотали его. Вот уже несколько недель его мыслн былн заняты только болезиямн родиых. К счастью, болезнь Эммы оказалась не столь серьезной. Чарлз сиял еще один дом, в котором поселнлись Ленард и экоиомка, а сам остался с больиой. Затем он вместе с жеиой н сыиом последовал за семьей в Боримут.

Эмма выздоровела. Наконец все оин снова былн вместе и моглн наслаждаться всемн прелестямн курортной жнзни. В Даун-Хаус онн вернулнсь только в конце сентября.

Чарлз уже давио мечтал обзавестнсь для своих нсследованнй теплнцей. Как раз накануне рождества в Дауи-Хаус приехал садовннк сэра Джона Леббока Горвуд, который слыл мастером своего дела. Ои прнвез подарок от своего хозяииа — полную тележку растеннй и луковиц из теплиц Леббока.

— Знаете, Горвуд,— грустио сказал Чарлз,— а я давно подумываю о небольшой тепличке.

Горвуд был толковый малый, он получил уже иемало прнзов за свон растення. К тому же он отличался исполннтельностью.

— Я все ждал, когда вы самн предложите, мистер Дарвин. Вон н сэр Джон согласился, чтоб я вам помог. Хотите — могу план нарнсовать.

Теперь Горвуд каждый день на часок заезжал в Даун-Хаус. Теплнцу решнлн поставить возле колодца в двух шагах от дома, ближе к огороду — там, где иаходнлнсь солнечные часы, по которым Чарлз обычно проверял н свои золотые н стариииные дедовскне часы в прихожей. Фасад теплицы должен был смотреть на благоухающую Лаймавеню — липовую аллею, которая вела через сад к Песчаной тропе. Горвуд решил, что длнна теплнцы будет пятьдесят футов, ширина — десять, одиоскатная крыша должна отлого спускаться к фасаду. У теплицы два вхо-

да. Притолока крепилась на массивных стойках. Столь же массивные столбы по углам придавали постройке устойчивость. Крыша и фасад были застеклены, чтобы внутри было светло и тепло. Вдоль стен тянулись грядки, а по стенам — ряды полок. Для обогрева в теплице было решено соорудить печь.

Строительство шло своим чередом, и Чарлз радовался как ребенок. Горвуд отлично руководил строительством. Когда в середине февраля работа закончилась, Чарлз отправился к Леббокам.

— Теплица готова,— объявил он.— Большое спасибо, что позволили Горвуду взяться за эту работу. Сам бы я ни за что на такое не решился, а если бы и построил что-нибудь, то из рук вон плохо. Для меня эта теплица — не просто забава: теперь я смогу ставить в ней кое-какие опыты, о которых без нее и думать было нечего.

При встрече с Джозефом Гукером он восторженно сообщил:

— Новая теплица построена, мне не терпится в ней что-нибудь посадить. Скажите, какие растения вы можете мне дать, и я прикину, какие еще следует купить.

— Тепличных растений и мхов у нас хоть отбавляй.

— Как же мне их перевезти? Я могу выждать денек потеплее и рано утром послать к вам тележку, которую прежде выстелю изнутри циновками,— и к вечеру растения будут у меня. Только вот как бы они не померзли: путь займет около пяти часов.

— Мы их хорошенько укроем,— пообещал Гукер.— Они будут в тепле, и с ними ничего не случится.

Когда сестра Чарлза Сюзан узнала, что Гукер стал страстным собирателем веджвудского фарфора и при своих скромных доходах скупает все изделия, какие оказываются ему по карману, она прислала ему из Маунта кое-какие старые вазы и медальоны. Этот подарок привел Гукера в восторг. Чарлз писал ему: «Вы представить себе не можете, какую радость нам доставили Ваши растения, куда бо́льшую, чем Вам — фарфор Сюзан. Мы с Горвудом от них не можем глаз оторвать. Однако мы по секрету признались друг другу, что, не будь эти растения нашими собственными, мы не смогли бы обнаружить такую ни с чем не сравнимую прелесть в каждом их листике».

В начале февраля 1863 года вышла книга Чарлза Лайеля «Геологические свидетельства древности человека». Он так и не показал рукопись Дарвину, да и другие не имели о ней ни малейшего представления. Получив присланную Лайелем книгу, Чарлз сразу же открыл последнюю главу и остолбенел: ни одного слова о нем и о его труде. Только коротенькая выдержка из рецензии на «Происхождение видов», опубликованной в «Журнале Фрейзера». Разговор о происхождении заканчивался сло-

вами Асы Грея, который отмечал, что «учение об изменяемости и естественном отборе вовсе не призвано расшатать основы естественной теологии». В заключение Лайель писал: «Те, кто упорно считает возникновение отдельных организмов, равно как и родов и видов, прямым следствием акта творения, могут придерживаться своей излюбленной теории, поскольку она отнюдь не противоречит учению об изменяемости».

Чарлз глазам своим не верил.

— Короче говоря,— с горечью заметил он,— объективной истины не существует. Пусть каждый верит во что хочет, а факты, от которых не отмахнешься, побоку.

Испытывая горькую досаду и недоумение, мысленно повторяя обещание Лайеля: «О вас я напишу в последней главе», Чарлз поднялся с кресла, положил книгу и вышел на улицу. Небо хмурилось, с полей дул холодный ветер. Но Чарлз не чувствовал холода, им овладела растерянность. И он взялся за работу, которая уже не раз оказывала на него целительное действие: принялся пропалывать сад. Приводя в порядок сад, он приводил в порядок и свои мысли. Через полчаса он успокоился, вернулся в кабинет и начал читать с самого начала.

Ясно было одно: что касается геологических данных о происхождении человека, то их Лайель исследовал обстоятельно. Он добросовестно анализировал работы и взгляды Гукера, Гексли, Уоллеса. Шестнадцатая глава была посвящена Дарвиновской теории происхождения видов путем естественного отбора; все исходные аргументы Чарлза излагались в ней столь же добросовестно. «Значит, Лайель запнулся на полуслове лишь в конце книги,— огорченно подумал Чарлз.— У него не хватило духу принять бой».

Тут у него мелькнула другая мысль, и он улыбнулся. «То-то Эмма будет рада. Ей претило, что Лайель может стать на мою сторону».

Вскоре Чарлз прочел несколько рецензий на книгу Лайеля, которая имела большой успех. Чарлз радовался за своего друга и все-таки испытывал прежнюю досаду оттого, что Лайель обошел молчанием его взгляды на происхождение человека и ограничился геологическим обоснованием.

Ветреным мартовским днем в Даун-Хаус приехали Лайели. Им отвели спальню над кабинетом Чарлза. Пока Мэри Лайель и Эмма в гостиной беседовали за чаем о своих делах, Чарлз и Лайель сидели в столовой у окна, выходившего в тихий сад, за которым виднелись пастбища. Лайель рассказал, что отказался от места депутата Лондонского университета в парламенте.

— По-моему, будет больше толку, если я продолжу свои геологические изыскания,— объяснил он.

— Это верно. Мне и самому как-то пришлось прииимать такое решеиие, когда мие предложили преподавать в колледже Христа.

Мимо, скрипя иесмазаиной осью, проехала телега на вихляющих деревяниых колесах. Чарлз молча иаблюдал за тем, как лошадь и дремлющий возиица исчезают за поворотом. Ои поиимал, что Лайелю не терпится узиать его миеиие о «Древиости человека», ио говорить он не решался: боялся обидеть друга.

— Я прочел вашу киигу с огромиым иитересом,— сказал ои иакоиец.— Но мие иечего о ией сказать.

— Э, нет,— покачал головой Лайель.— Я за двадцать лет прекрасио изучил выражеиие вашего лица. Вам есть много что сказать.

Чарлз почувствовал ком в горле.

— Ну, раз уж вы сами разрешаете, я начну с самого неприятиого. Меия очеиь огорчило, что вы иикак не определили и не высказали своего собствеииого миеиия о происхождеиии человека.

Лайель помрачиел.

— Так я и думал. Вас огорчило, что я ие пришел к тем же выводам, что и вы. Но я писал только о том, в чем я сейчас полностью уверен.

Ветер стих, и, хотя в иебе еще висели тучи, сквозь иих уже пробивались лучи солица.

— Может, прогуляемся по Песчаиой тропе? — предложил Чарлз.— Подышим свежим воздухом. Глядишь — и в голове проясиится.

— Моя голова в порядке,— ответил Лайель,— ио о прогулке я мечтаю давио.

Положив рядом с тропиикой пять камешков, Чарлз сказал:

— По моему, рецеизеит «Парфеиоиа», который писал, что вы ие даете читателю ясиого ответа, был прав.

Напомииаиие об этой рецеизии Лайелю ие поиравилось.

— Прав, говорите? Вы и Гексли углубились в область иепозиаваемого...

— ...Поскольку вы обо мие, Гукере и Уоллесе пишите больше, чем о Ламарке,— перебил Чарлз,— читатель иесомиеиио решит, что вы о иас более высокого миеиия. И все-таки я думал, что ваше собствеииое суждеиие произведет переворот в иауке.

И ои иогой отбросил одии камешек.

— Между прочим,— заметил Лайель,— в отиошеиии измеиеиий биологических организмов я выразил такую увереииость, какой иа самом деле ие обладаю. Но, может быть, это увеличит число ваших с Гексли сторошииков зиачительнее, чем все старания молодых учеиых вроде младшего Леббока: им-то ие придет-

ся отбрасывать столько укорениившнхся, давио привычиых представлеиий.

Чарлз ие ожидал, что Лайель так откровенно распишется в своем коисерватизме, ио обнжать друга ему ие хотелось. Он предложил вериуться в дом — приблнжалось время обеда. Мэрн и Эмма иикак ие могли поиять, почему их мужья за обедом не спорят о иауке, а те старались н виду ие показать, что впервые за все время нх дружбы между иими возиикли серьезиые протнворечня. После хереса и великолепных сардии, устриц и греиков Эмма подала рыбные кнели, жареиую бараиью иогу, шпииат с картофелем, пирог и крем.

— Может, постучим на бнльярде? — предложил Чарлз.

Играли оии рассеянно и ие испытывали инкакого удовольствия, даже когда шары со стуком влетали в лузу.

— Лайель, я вас прекрасио поинмаю,— начал Чарлз, как бы извиияясь.— Я просто поражаюсь, до чего умело вы подобралн доводы и проаиализировали их. Выше всяких похвал глава, где вы прослежнваете развитие речи у человека.

Но Лайеля такое одобреине наполовииу ие обмаиуло, тем более что исходило оио от едииствеиного иатуралиста, с миеиием которого Лайель счнтался. Ои положнл бнльярдиый кий и отчекаиил:

— Еслн я обмаиул ожидаиия тех, кто предполагал, что я полностью прнму вашу теорию, то меия это иичуть ие волнует: я хочу быть до коица последовательным. Как я могу убеждать других прииять иовое учеиие в мгиовеиие ока, еслн сам меняю свои взгляды лншь постепенно? Когда я перечнтываю иекоторые главы свонх «Осиов геологии», то всякий раз нахожу там факты, которые не позволяют мне прииять до коица иовую доктрину. Для меия в ией ие все так просто, поэтому мне несвойствеино опасиое усердне прозелитов, которые по части веры превосходят свонх иаставииков. Гукер утверждает, что людям не иравнтся, когда им чересчур уж определеиио указывают, в какую иаучиую теорию верить; религия — другое дело, там эта определенность нм необходнма.

Чарлз уже досадовал иа себя: н зачем только ои вынуднл Лайеля призиать, что в своей киигe он пошел иа компромнсс? Ои тоже отложил кий и подошел к Лайелю.

— Вы, конечио, не обиделись на меня за мою откровеииость? Вы же зиаете, что для меия вы были и остаетесь высокочтнмым учнтелем.

Лайель решил, что шутка поможет укрепить возроднвшуюся доброжелательиость:

— А читали вы, как окрестили мою киигу в «Субботием обозрении»? «Трнлогня Лайеля о древиостн человека, льдах и Дарвиие».

Чарлз подлил масла в огонь:

— А эта гнусная статейка о вашей книге и книге Гексли «Место человека в природе» в «Атенее»? Оказывается, вы задались целью состарить человечество, а Гексли — превратить его в скопище выродков. Этот писака и понятия не имеет, что такое научное открытие.

Лайель улыбнулся.

— Вы что, считаете рецензентов хищниками, которые истребляют пишущую братию? Регулируют ее численность?

Они рассмеялись. Лайеля больше не угнетало собственное признание в том, что у него не хватило твердости духа пойти до конца, а Чарлза больше не мучила досада оттого, что его друг не смог перебороть свою нерешительность. И в таком благодушном настроении они вернулись в кабинет.

Сидя в кресле, Чарлз подался вперед, словно желал преодолеть возникшую в их отношениях трещину.

— Вы, кажется, все еще на меня дуетесь.

Лайель добродушно улыбнулся.

— Не могу я на вас долго сердиться. Я отношусь к вам так же, как когда-то покойный Джон Генсло. Во многих отношениях вы заменили мне сына и наследника, которых у меня никогда не было. Поэтому я жду от вас лишь полной откровенности.

Чарлз взял из банки, которую он прихватил из передней, щепотку табаку.

— Я все-таки считаю, что, выскажись вы более определенно, это сильно подействовало бы на читателей.

Тут ему в голову пришла забавная мысль и он лукаво спросил:

— А может, вы позволите мне заново написать последнюю главу о предках человека?

— Черта с два! — рявкнул Лайель.— Пишите собственную книгу. Если вам ругань, вызванная «Происхождением видов», была нипочем, то как-нибудь переживете и ту бурю, которая поднимется, когда вы объявите предком человека обезьяну. И низших животных.

Чарлз встал и принялся расхаживать по кабинету, трогая микроскоп, редкие минералы, колбы с образцами на столе и полках.

— Поймите, я очень хочу — для вашей же пользы,— чтобы вы с полной уверенностью, решительно и определенно заявили, что разные народы не были сотворены независимо друг от друга. Что возникновение человека вообще не могло произойти независимо от окружающего мира, что он развивался подобно прочим живым существам.

Лайель смотрел на него с каменным лицом.

— Это ваша область и ваша обязанность,— подчеркнуто произнес он.— Когда-нибудь вам придется взять на себя этот труд.

Возвращаясь из Бекенема, где остановились Лайели, Чарлз снова и снова вспоминал эти споры. Он знал, что события человеческой жизни имеют свойство повторяться. Что стоит ему опубликовать книгу и высказать в ней такой взгляд на происхождение человека, который не соответствует существующим в Европе и Америке представлениям, как эта книга вызовет такое же возмущение и хулу, что и «Происхождение видов», а самого Чарлза ждет всеобщее осуждение. Но знал он и то, что несомненно напишет такую книгу. Так зачем же ему надо было столь откровенно осуждать Лайеля за то, что тот поступил иначе?

Когда экипаж миновал даунскую церковь и кладбище и медленно начал подниматься по дороге, ведущей к усадьбе Дарвинов, Чарлз уже окончательно решил, что последует совету дяди Джоза «Исполни свой долг и доверься судьбе».

Он вернулся к обязанностям судьи, но его редко приглашали в Бромли слушать дела: он все еще был казначеем Даунского клуба друзей. По-прежнему приглашал гостей в Даун-Хаус, с большим удовольствием работал в теплой, влажной оранжерее, где пахло всевозможными цветами и кустарниками, с которыми он экспериментировал. Но писать он не мог совсем, и потому 1863 год показался ему самым тяжелым из всех, им прожитых. Здоровье его окончательно расстроилось. Он уже привык к упадку духа и приступам дурноты, которые сопровождались расстройством желудка, быстрой утомляемостью и бессонницей. Но теперь он был настолько болен, что не мог даже оставаться в кабинете и держать в руках перо.

В начале мая они с Эммой поехали недели на две в Хартфилд — вдруг ему станет лучше от перемены обстановки? Остановились сначала у преподобного Чарлза Лэнгтона, потом у сестры Дарвина Каролины и у Джо Веджвуда. Однако поездка не принесла ему облегчения.

Тем временем Чарлза представили к медали Копли — самой высокой награде в британском ученом мире. Его поддерживали друзья — новые члены Королевского общества, старое поколение ученых было настроено решительно против. Контр-адмирал Роберт Фицрой пустил слух, что Дарвину пришлось, по его настоянию, покинуть «Бигль» из-за морской болезни. В Даун-Хаус слух этот привез Эразм. Чарлз пришел в ярость.

— Фицрой никогда не предлагал мне сойти на берег из-за морской болезни! А мне самому это и в голову не приходило, хотя морская болезнь сильно меня мучила. Но я не считаю ее

причиной моего последующего нездоровья, стоившего мне стольких лет жизни, а потому и думать о ней нечего.

Однажды Эразм был свидетелем, как Чарлза рвало через три часа после обеда.

— Может, ты прибегнешь к старому отцовскому средству,— заметил он не без юмора,— изюму и сухарям? А ко дню рождения я тебе куплю гамак.

Что было тому виной, значения не имело, но Чарлз потерпел поражение, медаль Копли присудили другому.

Вернуло его к работе новое открытие и новая любовь: лазящие растения. У него в кабинете росла Echinocystis lobata. Наблюдая за ней, Чарлз с удивлением обнаружил, что верх у каждой веточки постоянно, очень медленно закручивается, иногда образуя два-три витка. Потом так же медленно раскручивается и закручивается в обратную сторону. Очередное движение начинается через полчаса.

Все дети, кроме Уильяма, были дома. Чарлз показал им чудесное растение, все были поражены. Они спросили отца: «А кто-нибудь еще наблюдал это явление?» Оказалось, что об этой способности растений писали два немецких ученых, а также Аса Грей, но она была совершенно не исследована.

— Я хочу написать об этом книжицу. Вполне мирную, но достаточно удивительную.

— Это очень красиво, отец. Но как это происходит? — поинтересовался младший сын.

— Да, красиво, Горас. Каждые полтора или два часа растение описывает круг диаметром от одного фута до двадцати дюймов, усик растения нащупывает какую-нибудь опору, прицепляется и начинает по ней ползти вверх. Садовник у Леббока уверяет, что усики могут «видеть»: куда бы он ни посадил лазящее растение, оно обязательно найдет, вокруг чего обвиться. У этих усиков есть и «чутье»: друг друга они никогда не обвивают.

В этот период неожиданного прилива сил и возвращения работоспособности Чарлз вернулся и к своей книге «Изменение домашних животных и культурных растений»; 16 июля он начал главу «Селекция», содержащую основательно изученный материал. 20 июля он эту главу закончил. Тем не менее он признался Гукеру:

— Меня все больше занимают эти усики. Самая подходящая сейчас для меня работа,— когда я пишу об этих растениях, я отдыхаю.

Эмма, у которой состояние Чарлза перестало вызывать опасение — он, забыв обо всем, возился со своими вьюнками, растущими в кабинете и теплице,— занялась исполнением своей

давней мечты, организовав кампанию за новую конструкцию капканов. В маленьких стальных капканчиках, которыми все пользовались, попавшийся зверек мучился перед смертью восемь — десять часов. Она послала длинную статью в «Дневник садовода», обратилась в Общество гуманного обращения с животными с призывом учредить премию изобретателю за лучшую конструкцию капкана. И начала собирать деньги для этой премии.

Семья ею гордилась.

Событием, изумившим всех тем летом, была помолвка Кэтти с преподобным мистером Лэнгтоном, вдовевшим по смерти Шарлотты Веджвуд; свадьбу назначили на октябрь месяц. Новость произвела ошеломляющее впечатление на семью Дарвинов. Первой взорвалась двадцатилетняя Генриетта.

— По-моему, просто неприлично думать о замужестве, когда тебе уже за пятьдесят,— возмущенно проговорила она.

— Дело ведь вовсе не в годах,— попенял ей Чарлз.— Кэтти не может похвастаться ни крепким здоровьем, ни хорошим характером. И у нее и у Лэнгтона слишком сильная воля. Я сомневаюсь, что она будет счастлива.

— Да, их помолвка не может не беспокоить,— согласилась Эмма.— Но, с другой стороны, они ведь так давно знают друг друга. Возможно, они и смогут ужиться.

— И почему это Кэтти до пятидесяти трех лет не выходила замуж? Она пользовалась успехом, могла бы не один раз составить хорошую партию.

— На свадьбу мы, конечно, пойдем,— решила Эмма.— Они не должны знать о наших сомнениях.

— Бедная Сюзан, остается совсем одна в Маунте,— пожалел сестру Чарлз.

— Мы пригласим ее в Даун-Хаус, пусть живет с нами,— сказала Эмма.

Наблюдение за усиками лазящих растений стало любимым занятием Чарлза. С волнением следил он, как Apocynaceae, выпустив свои усики длиной восемнадцать дюймов, настойчиво искал какую-нибудь опору, а найдя, лез вверх; это лазанье было результатом кругового движения верхушки растения. Чарлз обнаружил, что, прикоснувшись карандашом к двум веточкам одного усика, можно придать им любую форму. Он уже подробно изучил движения плюща пятилистного и теперь то и дело писал Гукеру, прося прислать ему вьющиеся растения с усиками какого-нибудь особенного, необычного строения.

Когда у него самого не хватало сил писать, он диктовал Эмме или дочерям. Отдыхал он по вечерам; растянувшись в шезлонге у пианино, слушал, как Эмма играет его любимые отрывки из

опер. Ему никогда не надоедал Гендель. Днем он читал лондонскую «Таймс», которая часто приводила его в ярость, поддерживая Юг в Гражданской войне в Америке и тем самым защищая рабство.

— «Таймс» становится все ужасней,— говорил ои детям.— Мама хочет, чтобы я ее больше ие читал. А я ей ответил, что на такой героизм способны только женщины. Отказаться от «кровавой старушки» «Таймс», как ее называл Коббет, все равно что отказаться от мяса, вина и свежего воздуха.

В начале сентября он на полтора месяца поехал в Малверн для водолечения. Никакой пользы оно не прииесло. Чарлз проболел до конца года; в 1864 году легче ие стало; он сильно недомогал до самой середины апреля. «Куда,— спрашивал он себя,— уходят недели, месяцы? Я с содроганием думаю о страшиой потере времени, когда на руках столько неокончениых дел. У меия такое чувство, что я никогда ие поправлюсь. Жизнь моя окончена так раио, в пятьдесят пять лет».

Проснувшись 13 апреля после крепкого, здорового сна, он почувствовал себя так хорошо, что сразу же после завтрака сел писать свою книгу «О движении и повадках лазящих растеиий». Здоровье вернулось к иему, и после четырех месяцев упорного труда монография была закончена. Долгие месяцы уныиия, когда Чарлз не мог взять в руки пера, сменились радостиым оживлением.

— Какое было удовольствие писать эти сто восемнадцать страниц,— сказал он Эмме.— Вот если бы все мои книги было так приятно писать!

— Это вполне возможно. Надо только писать о любимом предмете.

Лиинеевское общество опубликовало его исследование в своем «Вестнике», а также напечатало его в виде моиографии и пустило ее в продажу по цене четыре шиллинга за экземпляр. Чарлз заказал еще двести экземпляров, чтобы разослать своим корреспоидентам во многие страны мира. «Лазящие растения» были приняты с большим одобрением читающей публикой. Для иатуралистов эта его книга стала еще одиим источником знания и вдохновеиия.

Теперь, когда ои виовь мог сам писать свои письма, ои возобновил переписку с друзьями, живущими в Лоидоие. Вышла третьим изданием книга Лайеля «Древность человека». Его избрали президеитом Британской ассоциации и дали титул баронета. Будучи в Берлине, Лайель познакомился с английской принцессой крови, вышедшей замуж за кронпринца Пруссии; принцесса сказала ему, что «Происхождение видов» Дарвина иаиесло такой удар старым воззрениям, от которого они вряд ли

оправятся. Чарлз честио призиался Лайелю: «У меия в крови чисто английское преклонение перед титулами».

Большой успех имела киига Томаса Гексли «О положеиии человека в ряду оргаиических существ», которая тут же вышла вторым издаиием. Гексли жаловался Чарлзу: «Я должеи был бы работать как лошадь, вериее как вол. Я погряз среди неокончеиных дел. Просыпаюсь утром и слышу, как будто кто-то шепчет мие иа ухо: «А» ие сделано, «Б» ие сделаио, «В» ие сделаио, «Г» ие сделаио». Я чувствую себя как человек, дом которого осаждеи кредиторами».

Чарлз был счастлив, что его молодой друг Гексли рядом.

— Скажите мие, что вы сейчас делаете?

— Редактирую лекции о строеиии черепа позвоиочиых, собираюсь послать их в «Медикал таймс». Переписываю лекции по иачальиой физиологии, думаю иад курсом из двадцати четырех лекций, который прочитаю весной о млекопитающих в Королевском хирургическом колледже. Работаю иад учебником по сравиительиой аиатомии, будь ои иеладеи, я уже семь лет корплю иад иим. И иакоиец меия всюду казнят — публично и в частных домах. Казият за то, что я, как теперь прииято говорить, «дарвиинист».

— В другой раз будете более осмотрительиы в выборе едииомышлеиииков,— рассмеялся Чарлз.

Уоллес по-прежиему жил вместе с сестрой иа скромный доход от двух опубликоваииых книг и от статей, которые время от времеии появлялись в разиых иаучиых журиалах. За годы жизни в заморских страиах ои собрал огромиый материал; исследовав его и опубликовав результаты, ои стал одиим из ведущих иатуралистов страиы. Его попытка обзавестись семьей коичилась неудачио.

За время очередиого приступа болезии Чарлз решил отпустить бороду. И в этом весьма преуспел, чего иельзя было сказать о других его иачиниаиях. Борода выросла на славу, пышиая, с красивой проседью, окладистая. Под густыми, кустистыми бровями его карие глаза казались еще глубже. Однажды за столом ои с гордостью спросил Эмму и детей:

— Не правда ли, у меия вид, как у священиика?

— Тебя будут звать епископом Кембриджа,— ответила Геириетта,— как Уилберфорса — епископом Оксфорда.

— Но «скользким» Чарлзом я иикогда не буду.

Ои стал представлять время в виде иитервалов. Длиииые иитервалы. Короткие иитервалы. Иитервалы благотвориые и плодотвориые. Иитервалы бездеятельиые. Время было застыв-

шим паковым льдом Северного полюса. Время было ледяным полем, трескающимся, тающим, движущимся то медленно, то быстрее и быстрее. В процессе подбора и обработки материалов о различных человеческих расах, древних и настоящих, мысль его совершила скачок, изменивший и его самого. Он подошел к осознанию того, что самым мощным средством изменения человеческих рас является половой отбор. Он записал: «Я могу доказать, что у разных народов разное представление о красоте. У дикарей самых красивых женщин выбирают самые сильные мужчины, и у них бывает самое многочисленное потомство».

— Вот где самый страшный грех! — проворчал он про себя.— Если я разовью эту идею полового отбора, то приведу в ярость громадное большинство нашего общества, для которого страшное слово «пол» — табу, его не встретишь даже в самых неприличных романах. Этим я стократ умножу свои преступления.

Дарвин получил по почте копию статьи Алфреда Уоллеса «Развитие человеческих рас под действием закона естественного отбора», опубликованной в «Антропологическом обозрении». Просматривая статью, он не испытывал того беспокойства о приоритете, которое почувствовал много лет назад, читая первую работу Уоллеса о естественном отборе. На этот раз он ощутил разочарование и расстроился не меньше, чем от работы Лайеля. Уоллес писал: «Человек в самом деле является особым существом, он не подвержен действию великих законов, неукоснительно изменяющих все другие живые существа... Человек не только свободен от произвола естественного отбора, но сам присвоил себе эту прерогативу природы, результат действия которой был заметен повсюду до появления человека...»

Неужели Уоллес может всерьез так считать? Ведь он еще молод и не отличается консервативностью мышления...

Чарлз был очень признателен сыну Уильяму, пригласившему в гости братьев; ведь ему самому так хотелось, чтобы все дети жили в дружбе и согласии. Вторым своим сыном, девятнадцатилетним Джорджем, Чарлз тоже был доволен: тот успешно сдал первый экзамен на степень бакалавра в Кембриджском университете. Джордж определенно имел способности к математике, и он вознамерился добиться поощрительной стипендии.

Шестнадцатилетний Френсис решил стать врачом — пойти по стопам деда и прадеда. Из всех пятерых мальчиков у него одного были художественные наклонности. Он любил музыку, учился играть на флейте, гобое, фаготе; писал недурные стихи и рисовал забавные карикатуры. Его отличало обаяние и колкое остроумие, хотя временами на него нападала меланхолия. Он больше своих братьев интересовался занятиями отца; по его

просьбе Чарлз иаучил его работать с микроскопом и производить перекрестиое опылеиие. Фреисис читал киигн отца, а если чего-нибудь в иих по молодости ие поиимал, приставал к отцу с расспросами. Четыриадцатилетий Леиард всерьез занялся фотографней. Он фотографировал отца, н снимки так ему удались, что Чарлз разослал их своим друзьям. Самый младший сын Чарлза Горас, которому исполиилось трннадцать лет, ходил в школу и поэтому жнл вдали от дома. Учнлся ои превосходио.

Младшей дочери Дарвинов Элнзабет было семиадцать лет. Оиа была иеказистой полиой девушкой. Хотя оиа снльно уступала Геириетте в сообразительиости, ио зато отличалась большей чуткостью. В практических делах оиа была довольио беспомощиа. Джорджу так и ие удалось втолковать ей, что такое пять процеитов, одиако в людях оиа разбиралась лучше, чем Геириетта. К болезиям оиа всегда относнлась с иедоверием и без всякого стеснения давала это понять. Частенько Генрнетта своим поведеиием иапомииала сестре, что оиа старше и снльнее ее, одиако Дарвниам случалось убеднться в том, что в некоторых вопросах Элизабет проявляет бóльшую проиицательиость.

Геириетте исполиился двадцать одии год. Чтобы подчеркиуть свою самостоятельиость, оиа стала читать киигн Томаса Гекслн н высказывать о иих суждення. Теперь оиа сама ездила в гостн к Эразму, Веджвудам и Лэигтоиам, которые жили в Уилтшнре.

Дети решили, что оии уже не маленькне и поэтому будут звать родителей не «папа» и «мама», а «отец» и «мать». Но Чарлз об этом и слышать ие хотел.

— Уж лучше зовите меия «Пёс»,— заявил ои.

Прозвища прилипают. Уильям, которого в детстве звалн Вилли, требовал, чтобы его теперь называли полиым имеием, и добился-таки своего. Геириетта так н осталась Этти, Элизабет стала Бесси, Фреисис — Фрэнком, а Леиард превратнлся в Лении. Но Джорджа и Гораса перенменовать было ие так-то просто.

Когда решался вопрос о присуждении очередиой медали Копли, Чарлзу было предложеио иаправить в Королевское общество дополиительиые материалы, ио ои отказался.

— Хватит с меня этой морокн,— сказал он.

Одиако Хью Фалькоиер, который путешествовал по Европе, написал в Королевское общество обстоятельиое пнсьмо, в котором выдвигал Чарлза кандидатом иа эту медаль. В письме содержалось такое призиаиие: «Я считаю, что мистер Дарвии ие только одии из иаиболее выдающихся иатуралистов современ-

иости, но что впоследствии ои будет признан одним из величайших натуралистов всех времен и иародов... И накоиец, великий труд мистера Дарвииа «Происхождение видов путем естествеиного отбора». Прежиие трактовки этой серьезиой и загадочиой темы отличались таким легкомыслием или иелепостью, что создалось впечатлеиие, будто оиа вообще ие может стать объектом философского исследования. Посвятив двадцать лет пристальиому изучеиию этого вопроса, мистер Дарвии опубликовал свои выводы. Достаточио отметить, что оии привлекли к себе виимаиие всего цивилизованиого человечества. Трудио себе представить, что одии человек мог с успехом справиться с проблемой такого огромиого масштаба, решение которой сопряжеио со столькими трудиостями».

Благодаря этому и другим письмам Чарлз получил медаль.

На церемоиии вручеиия он решил ие присутствовать: кое-кто из старейших члеиов Королевского общества противился присуждеиию этой медали Дарвииу, и Чарлз решил поберечь иервы. Лайель вызвался произиести речь после торжествеииого обеда, Чарлз с радостью согласился. Однако иа церемоиии вручеиия чуть ие разразился скандал. Об этом рассказал Чарлзу Джозеф Гукер:

— В своей речи президеит Общества Эдвард Сэбии сказал, что, присуждая вам эту медаль, члеиы Общества «умышлеиио ие прииимали во виимание» «Происхождеиие видов». Тогда Гексли встал и потребовал объясиений. Ои попросил огласить протокол, и оказалось, что «Происхождение» там, коиечно, упомииалось. Лайель попытался хоть как-то спасти «Происхождеиие» от посягательств Сэбииа и объявил, что целиком согласеи с вашей киигой. Ои сказал: «Происхождеиие» заставило меия отречься от прежиих убеждеиий, одиако где искать иовые, я пока не зиаю». Ои прислал вам записку: «Надеюсь, теперь вы довольиы миой».

— Сэбии обещал внести поправки в свою речь, когда ее будут публиковать?

— Да вроде иамекиул.

Но Сэбии ие виес иикаких поправок. В опубликоваииой речи президеита Сэбииа говорилось: «Обсуждая заслуги каидидата, все члеиы Общества умышлеиио ие прииимали во виимаиие «Происхождеиие видов».

Из-за этой подтасовки Чарлз ие испытал такой уж радости от получеиия медали.

— Сэбии просто-иапросто пытался умиротворить старейших члеиов Общества, которые голосовали против твоей каидидатуры,— успокаивала его Эмма.— Ведь одиа из задач президеита — предотвращать раздоры.

— Это что же, любой цеиой? — гневно возразил Чарлз.— Умышлеиио подделывая протоколы? Это уже иазывается склокой.

Кое-кто из его коллег прислал ему поздравлеиия, которые, как ои выразился, были для иего «как бальзам иа душу».

— Надо же, кто-то еще помиит такую старую загиаииую клячу, как я,— удивлялся ои.

Эмма уже привыкла к его обычиой маиере уиичижать себя.

— Старая? Загиаиная? — переспросила оиа.— Да ведь у тебя иа столе столько бумаг, что иа полдюжииы кииг хватит.

— Да-да, ты права,— вздохиул Чарлз.— Я, по всей вероятиости, буду жить вечио.

Ои ие ожидал, что присуждеиие ему медали Копли вызовет иовую волиу иападок. Одиако недруги вдруг разразились статьями, проповедями и даже киигами. Благодаря той же медали и иовым иападкам о «Происхождеиии видов» заговорили там, где прежде об этой киите иикто и ие слышал. Чарлз просто ие мог этого поиять. Было похоже, что в коице коицов и иовый взрыв иегодоваиия мог оказаться ему иа руку.

Геириетта пристрастилась к чтеиию иаучиых трудов. Как только в Дауи-Хаус попадали работы Гексли, Гукера и Уоллеса, оиа тут же прочитывала их и даже высказывала свое миеиие отиосительио их стиля. Особеиио это забавляло Гексли. Прочтя его «Лекции об элемеитах сравиительиой аиатомии», Геириетта сказала ему:

— Написали бы вы киигу.

— Я только что иаписал толстеиную киигу о черепе, мисс Этти.

— Разве это киига? Я про такую киигу, которую можио прочесть. Вы можете иаписать какой-иибудь популяриый трактат по зоологии?

— Но, мисс Этти, моя последияя киига — действительио киига. Господи ты боже мой! Или ваша милость считает ее брошюрой?

— Да, просто моиографией.

Чарлз, сидевший иеподалеку, заметил:

— По-моему, популяриые трактаты дают иауке ие меиьше, чем исследовательские работы.

— Я иедавио закоичил цикл лекций для рабочих о разиых расах. Это будет как раз такая киига, о которой говорит мисс Этти.

Миогие из коллег Чарлза ие дожили до коица 1865 года. В коице яиваря, возвращаясь из Европы, умер Хью Фалько-

нер — умер через три месяца после того, как Чарлз его стараниями получил медаль Копли. В июне после сердечного приступа скончался добрый сосед Чарлза сэр Джон Леббок. В августе умер сэр Уильям Гукер. 30 апреля вице-адмирал Роберт Фицрой перерезал себе горло.

Самоубийство Фицроя опечалило Чарлза больше всего:

— У меня в голове не укладывается, как этот щеголь, бывший в моем представлении идеальным капитаном, мог наложить на себя руки,— услышала Эмма, как Чарлз рассуждал вслух.— И все-таки я часто за него боялся. Его дядя, лорд Кесльри, покончил с собой примерно в этом же возрасте. Эта мысль не давала Фицрою покоя даже в юности.

Все объяснилось после похорон. Фицрой начисто разорился. Чтобы оплатить его долги, была устроена подписка. Фицрой болел, переутомился; работа в Метеорологическом бюро ему опротивела, нагоняла на него тоску. Но хуже всего было то, что самый значительный его труд со времени возвращения «Бигля» в 1836 году оказался никому не нужен. Изучая собранные им метеорологические карты, он пришел к выводу, что погоду можно предсказывать. Но лондонская «Таймс» попросту высмеяла этот «бессвязный лепет». Предположение Фицроя разгромили, жестоко раскритиковали и предали забвению. И при всем том он остался одним из самых упорных и неугомонных гонителей Чарлза.

— Бедняга Фицрой, пришлось-таки и ему хлебнуть горечи, которая по его милости досталась и на мою долю,— сказал Чарлз.— Нет, я вовсе не рад, что одним противником стало меньше,— добавил он, словно отвечая на свой собственный вопрос.— Я помню о его дружбе, о том, как он помогал мне в исследованиях во время славного плавания на «Бигле». Тогда он был мне другом, и в моей памяти он навсегда им и останется.

Чарлз не умел предугадывать, когда его посетят новые мысли, однако подготавливать их возникновение и развитие ему определенно удавалось. Прежде чем написать «Изменение домашних животных и культурных растений», он несколько лет изучал изменение почек и семян, наследственность, атавизмы, наиболее и наименее благоприятные условия размножения. У него появилась страсть связывать в единую систему собранные факты с помощью какой-нибудь гипотезы. Теперь он загорелся идеей пангенезиса, пытаясь объяснить им явление наследственности: каждая клеточка организма, по его мнению, воспроизводится, отделяя от себя мельчайшие крупинки и передавая их зародышу или почке, из которых развивается затем новый организм.

Изложив на тридцати страницах идею пангенезиса, Дарвин отправился в Лондон побеседовать с Гексли и дать ему прочитать написанное.

— Это будет при вашей занятости огромным для меня одолжением. Пангенезис — грубая и скороспелая теория, но она была для меня большим облегчением, я «навесил» на нее множество фактов.

Гексли согласился прочитать.

— Великолепно! — воскликнул Чарлз.— Могу сказать, что я действительно герой — не колеблясь, подставил себя под обстрел вашей убийственной критики.

По мнению Гексли, создавая эту гипотезу, Чарлз находился под большим влиянием французских натуралистов Бюффона и Бонне.

— Я не оспариваю ваше суждение,— разочарованно проговорил Чарлз.— Попытаюсь уговорить себя не публиковать эту работу. Конечно, все это слишком умозрительно. И все-таки мне кажется, что подобную точку зрения просто необходимо принять.

— У меня в мыслях не было отговаривать вас от опубликования ваших взглядов,— Гексли пытался загладить неловкость.— Я не могу взять на себя такую ответственность. Представьте, что спустя полвека кто-нибудь будет перебирать ваши бумаги и, наткнувшись на эту рукопись о пангенезисе, воскликнет: «Вот какое замечательное произведение, а этот осел Гексли отговаривал Дарвина опубликовать его». Публикуйте свои взгляды, но не в виде окончательных теорий, а как гипотетические предположения, основанные на единственном имеющемся в нашем распоряжении факте. Не давайте филистерам в руки против себя оружие.

Чарлз почитал Бюффона и Бонне, увидел, что они стоят на иных позициях. Но он отдал должное их теоретическим поискам в пространном примечании.

Эмма, так же как и дети, считала, что главная черта в характере Чарлза — нетерпимость к жестокости. В семьях Дарвинов и Веджвудов всегда осуждалось рабство. В 1863 году лондонские газеты перепечатали манифест об освобождении рабов Авраама Линкольна — Дарвины радовались безмерно. А как стало легко на душе, когда 14 апреля 1865 года в Америке закончилась Гражданская война: девятого числа в Апоматоксе генерал Грант принял капитуляцию войск генерала Ли. Впрочем, в «Таймсе» чаще появлялись гнетущие и безотрадные известия. Эмма умоляла его не читать «Таймс», и Чарлз в конце концов внял ее уговорам.

Вторую половину дня Чарлз занимался главным образом тем, что просматривал старые научные журналы, читая и конспектируя статьи для своего труда «Изменение домашних животных и культурных растений». Час в день он уделял верховой езде. И всегда старался разнообразить занятия.

Семейная жизнь Кэтти с преподобным Чарлзом Лэнгтоном сложилась удачно. Правда, Кэтти часто хворала, и довольно тяжело. Но когда в Маунте слегла Сюзан, Кэтти вернулась и стала ухаживать за сестрой. Сюзан поправилась, а Кэтти сама слегла и уже больше не поднялась с постели, тихо во сне угасла. Чарлз очень горевал о младшей сестре. Внешне они были похожи и дружили, когда Чарлз жил дома.

— Еще раз попробую уговорить Сюзан переехать жить к нам,— сказал он Эмме.— С тобой ей будет хорошо.

Чарлз с головой ушел в работу. Кабинет, бывший столь часто полем брани, стал теперь тихим прибежищем. Активная работа поддерживала бодрость духа. Размышляя о половом отборе, Чарлз заметил: на бабочках особенно хорошо видно, что красивая окраска располагается на тех частях тела, которые особенно бросаются в глаза. Самцы имеют более яркую окраску, чем самки, особенно пестрая окраска у них на внутренней стороне крылышек. Вспомнилась птица-фрегат, живущая на Галапагосских островах: в брачный сезон их видимо-невидимо на побережье и возле болот; самец облачается на это время в ярко-оранжевый или огненно-красный воротник и, важно надувшись, расхаживает туда и сюда, привлекая своим видом самочек.

Сходное явление Чарлз обнаружил и у цветов, которые своей яркой окраской привлекают насекомых для опыления. Он вступил в переписку с двумя профессорами ботаники — один из Фрайбурга, другой из Мюнхена,— обсуждая с ними мудрость природы, проявляющуюся в изменчивости функций органов, в красивом наряде цветов, яркой окраске ягод.

Эти последние наблюдения ему хотелось увязать со своей теорией естественного отбора. Увлекшись работой, он забросил все хозяйственные дела, так что Эмма даже однажды спросила:

— Может, я буду теперь вести все хозяйственные записи? Я не против.

Чарлз любил вести запись домашних расходов и доходов, но теперь ему была дорога каждая минута. Пришло письмо от Джона Мэррея, он готовил четвертое издание «Происхождения видов». Исправления, уточнения — как все это сейчас докучало Чарлзу. Правда, тираж предполагался большой — тысяча двести пятьдесят экземпляров, это сулило

приличный гонорар в двести тридцать восемь фунтов стерлингов.

— Будет что записать в графе доходов,— улыбнулся он Эмме.

Одновременно он проверял, исправлял, дополнял рукопись «Изменения». Набралась уже тысяча страниц, но он медлил с заключительной главой, пока рукопись не отослана в типографию. Работа продвигалась успешно, это благотворно сказывалось и на здоровье. В середине апреля он даже предложил Эмме съездить в Лондон к Эразму, который давно их приглашал. Эмма обрадовалась. Она уже не помнила, когда была в театре, на концерте. В поездку взяли с собой и дочерей.

Работа двигалась быстро, но и лето 1866 года не стояло на месте. Однажды, вернувшись с прогулки в экипаже, Эмма воскликнула:

— А я уже почти забыла, как приятно дышать свежим воздухом!

— Я тоже,— отозвался Чарлз.— Но мне грех жаловаться.

Главы «Изменения» принимают постепенно законченный вид. Друзьям — Гексли и Карлейлю — начинают воздавать почести в Эдинбургском университете. Уоллес скоро женится на восемнадцатилетней Энни Миттен, дочери знакомого ботаника. Жених, правда, на двадцать пять лет старше, но сил и мужественности ему не занимать: наверное, их семейный союз окажется удачным. У Лайеля выходит уже десятое издание «Основ»; для научной книги — неслыханное чудо. Он дополняет ее все новым материалом. Гукер после смерти отца стал директором Ботанического сада. Он сделает его богаче и разнообразнее, все будет вестись по-научному. Он говорит, что часов шесть в день проводит на воздухе.

На лето сыновья съехались домой, а в сентябре Френсис поедет учиться в Тринити-колледж. Мальчишки резвились, как щенята, и Чарлз с ними. Генриетта побывала на юге Франции. Она с упоением рассказывала о Сен-Жане, «маленькой бухте, расцвеченной желтыми и красными треугольными парусами». Элизабет уже девятнадцать, и она начинает самостоятельную жизнь. Она часто читала отцу нашумевшие книги, будь то роман Чарлза Кингсли, сочинение Джордж Элиот о временах английской Реформации или роман Шарлотты Йонг «Голубь в орлином гнезде».

Осенью, когда работа над рукописью «Изменения» подходила к концу, Чарлз решил, что необходимо добавить главу о происхождении человека, может быть самую важную

и принципиальную. Она логически завершит книгу, без нее рукопись ощущается неполной. Он должен вписать последние страницы в работу, которую не удалось довести до конца Лайелю.

— Тогда не придется писать отдельный фолиант о человеке. Можно будет ограничиться одной главой. И тогда я свободный человек.

Сестра его Сюзан часто болела. Она всю жизнь прожила в Маунте, отказывалась от приглашений Чарлза, Эммы и других родственников, не желая покидать отчий дом. В октябре, шестидесяти трех лет от роду, она умерла. Похоронили ее в Шрусбери. Каролине и Эразму Чарлз сказал:

— Я, кажется, догадываюсь, почему Сюзан не покидала Маунт, хотя последние годы жила там в одиночестве и в одиночестве умерла. Она боялась — порвется ниточка, связывающая ее с отцом. А она больше всех на свете любила его. Потому и замуж не вышла.

— Я это чувствовала,— сказала Каролина.

Чарлз получил отчет о распродаже имущества усадьбы Маунт — деньги выручили немалые. Домашняя утварь, мебель, книги, фортепьяно, добротная голубая карета от лондонского мастера с упряжью и «багажной корзиной наверху», фаэтон доктора Дарвина «на самых лучших рессорах, обитый коричневой тканью», «модный четырехколесный экипаж, почти что новый...». Чарлз закрыл глаза и увидел отца, возвращающегося домой после долгого дня работы.

Деньги от аукциона разделили между детьми Марианны Паркер, как того и желала Сюзан. Когда продали дом, на Чарлза навалилась тоска по ушедшим дням. «Прекрасный старый цветник, площадка для прогулок, сад с оранжереей, пять акров земли». С домом продавались: четыре конюшни, кучерская, упряжная, кузня, псарня, амбар. Покупателям обещались «охота и гольф».

В те годы, когда Чарлз жил в Маунте, площадки для гольфа еще не было. Но охота в окрестностях Шрусбери и тогда была отличная, особенно около Вудхауса. Там он влюбился в Фэнни Оуэн. Ни от нее, ни от ее сестры Сары он и строчки не получил с тех пор, как вернулся в Англию.

Прошло несколько дней после смерти Сюзан; Чарлзу все не работалось, и вот мало-помалу он стал понимать, что ни единой строки о происхождении человека он в рукопись «Изменения» не добавит. На то было две причины. Первая — критики, главным образом теологи, сразу набросятся на главу о человеке, обойдя вниманием тридцать с лишним глав о растениях и животных.

Вторая причина — нельзя рассматривать эволюцию человека в одной-единственной главе в конце рукопнси, насчитывающей тысячу страниц.

Нужен простор, чтобы изложить свою теорию, обосновать ее, связать воедино все звенья, чтобы получнлась неразрывная цепь. Целая книга отнимет годы, но это не страшно: уже собран огромный материал, на котором можно построить теорию происхождения человека. Хорошо бы еще включить объясненне этническнх различий народов земли.

К 21 декабря Дарвин завершил правку «Измененння» н остался доволен: лучше, чем есть, он не мог бы сделать. Джона Мэррея смущал объем книгн; он сказал Чарлзу, что для однотомннка она велнка. Пришлось бы набирать мелким шрифтом, сокращать поля. Он предлагал издать книгу в двух томах, приблизительно одинаковых по объему. Дорогостоящая затея: оба тома будут стоить один фунт десять шиллингов. Чарлз написал Мэррею: «Трудно передать, как огорчительно, что книга слишком велика по объему. Боюсь, она себя не окупит. Но сократить не могу. Даже если бы и предвидел ее объем, не изъял бы ни одной главы. Если вы побоитесь ее напечатать, тотчас же уведомьте меня. Я приму это как отказ. Если решитесь печатать, отдайте наиболее понятные главы на суд человеку, которому вы доверяете. Умоляю, не беритесь печатать, не взвесив все хорошенько, ибо, если вы из-за меня окажетесь в убытке, я не прощу этого себе до конца дней».

Дожидаясь ответа Мэррея, Чарлз пребывал в мрачном, раздраженном настроении. Ходил как неприкаянный, и вот ожнданию пришел конец: Мэррей написал, что расходов он не боится, несмотря даже на то, что для иллюстраций потребуется сорок трн доскн. Кннгу он нздаст, хотя один из его друзей, человек, блнзкнй к литературе, познакомнвшнсь с рукопнсью, высказался о ней отрицательно.

Чарлз закончил последнюю главу «Измененния домашних животных и культурных растений», назвав ее «Заключительные замечания». Она была короткая, но содержала несколько строк с грозным предупрежденнем: «Еслн всемогущий, всеведущий создатель все планирует и предвндит, то мы поставлены перед лицом проблемы, которая так же неразрешима, как проблема свободной воли и предопределения».

Год отнимет у него кропотливая правка гранок, что-то он пересмотрит, что-то прояснит. И затем с легким сердцем — ведь Мэррей уже печатает книгу — кто же еще взялся бы печатать? — он вновь садится в любимое кресло за крытый зеленым сукном письменный стол в своем кабинете и начинает писать первую главу «Происхожденния человека». И снова он невольно

обманывает себя, думая, что напишет «один не очень объемистый том».

В феврале они отправились на неделю к Эразму в Лондон: отпраздновать день рождения Чарлза (ему исполнялось пятьдесят восемь лет) и отметить двадцать восьмую годовщину своей свадьбы. Чарлз заранее известил Уоллеса, Гексли, Гукера и Лайеля и назначил день встречи с каждым из них. Первым он навестил Уоллеса, проживавшего теперь на Сант-Марк, в доме № 9, вблизи Риджент Парк Роуд. Его жена Энни готовилась летом стать матерью. Своего первенца — если, конечно, родится мальчик — они намеревались назвать в честь Герберта Спенсера, ученого-философа, который пустил в оборот выражение «выживание сильнейших», с тех пор прочно вошедшее в обиход дарвинизма.

С Уоллесом у них получился длинный разговор. Вначале — к обоюдному удовольствию — их точки зрения совпали, затем при обсуждении «выживания сильнейших» Чарлз сказал:

— Я не могу понять, почему среди множества гусениц, имеющих защитную окраску, тем не менее попадаются ярко окрашенные экземпляры — прямо художественная работа?..

— Можно предположить, что эти подозрительные гусеницы, а также прочие насекомые, непригодные в пищу птицам, дают о себе знать подобным образом,— осмелился заметить Уоллес.

Лицо Чарлза озарилось неподдельной радостью.

— В высшей степени оригинально, Уоллес!

Развивая идею, столь занимавшую его в последнее время, Чарлз выразил мнение, что изучение полового отбора привело его к решению опубликовать небольшую работу на тему о происхождении человека.

— Ведь половой отбор является, по сути, основным фактором, влияющим на формирование различных человеческих рас,— сказал он.

И тут он почувствовал, что Уоллес не согласен. Но почему? Возможно ли, что он сам готовит книгу по данному вопросу? Или снова все упирается в проблему первой публикации? В это он поверить не мог. Уоллес никогда не стал бы ограничивать его; он был человек с благородным сердцем. Разве не настаивал он публично в одной из работ на том, что первенство в исследовании и разработке вопроса о происхождении видов путем естественного отбора принадлежит Чарлзу Дарвину? Он отогнал от себя эти пустые подозрения. Однако на их месте возникло еще одно: ведь в статье «Развитие человеческих рас под действием естественного отбора» Уоллес прямо сформулировал мысль о том, что на человека не распространяется действие законов, определяющих развитие всего органического мира.

Не в этом ли кроется причина уоллесовских опасений? Иначе он не отговаривал бы его столь откровенно.

— Я намеревался включить главу о происхождении человека в «Изменение домашних животных и культурных растений», так как многие называют его, правда незаслуженно, выдающимся одомашненным животным,— сказал Чарлз.— Теперь же я нахожу, что эта проблема выходит за рамки отдельной главы. Единственная причина, по которой я поднимаю этот вопрос, заключается в том, что половой отбор всегда составлял объект моего неослабного интереса. Когда-то я думал, что просто доставляю себе этим удовольствие, но сейчас ко мне пришла уверенность, что предмет изучения более достоин интереса и внимания со стороны науки, чем вы, по всей видимости, допускаете.

На следующий день Чарлз поехал в Ботанический сад в Кью, где жили Гукеры. Январские заморозки и обильный снежный покров погубили много старых деревьев, более половины всех кустарников и почти все молодые сосны и кипарисы. Он ожидал найти Гукера удрученным, но ошибся: тот встретил Чарлза весьма бодро.

— Чтобы справиться со всем этим, мне потребовалось немалое мужество и уверенность, что не все потеряно,— заявил Гукер.— Когда шок прошел, я вдруг увидел возможность извлечь немало пользы из того, что произошло. Теперь можно высадить растения по системе, которая обеспечит полный набор образцов. Первый сад создавал мой отец. Сейчас очередь за мной.— Он робко улыбнулся и прошептал: — Ландшафтное садоводство — моя страсть, вы ведь знаете.

Потом Гукер демонстрировал свои достижения: семь газонов, которые лучами разбегались от пагоды; еще одну газонную полосу, что была высажена параллельно реке, и, наконец, новые площади, отведенные под сезонные цветы и кустарники.

— Ах, Гукер, впереди у вас счастливое время, заполненное творческой активностью,— воскликнул Чарлз.— Со временем Ботанический сад Джозефа Гукера в Кью станет одним из прекраснейших в мире.

В ответ Гукер тихо рассмеялся:

— К этому я и стремлюсь. Мне хочется, чтобы вы могли гордиться мною.

Спустя два дня он посетил лекцию Гексли о тяжелейших условиях жизни безработных в Ист-Энде. Ученый подверг суровой критике политику имущих, пренебрегающих нуждами неимущих сограждан, которые продолжают прозябать в нищете и голоде.

— Все мы за социальную справедливость, против крайней нищеты, но именно ваша деятельность приносит плоды. Ваш

голос, я уверен, будет услышан,— сказал Чарлз, обращаясь к Гексли, когда они выходили из зала.

Потом они вместе приняли участие во встрече прогрессивных преподавателей средних школ, на которой Гексли рекомендовал включить изучение естественных наук в программу закрытых частных средних школ. Лайель развивал ту же идею в более влиятельных кругах. Во время чаепития у Лайелей на Харли-стрит хозяин попросил Чарлза прислать ему гранки «Изменения», и он обещал выслать первый же оттиск.

Вернувшись в Даун-Хаус, Чарлз не раз спрашивал себя, почему правка не приносит ему никакого удовлетворения,— ведь он работал над книгой с таким упоением. А тут недели оборачивались месяцами, а дело не близилось к концу.

В мае Эмма с дочерьми съездила в Кембридж повидаться с Джорджем и Френсисом и посмотреть лодочные гонки. Братья ожидали их в своем общежитии. После обеда прошлись все вместе по городу, осмотрели прекрасные каменные здания колледжей. На следующее утро наняли экипаж и проехали три мили до реки, где и расположились, чтобы наблюдать за состязаниями гребцов. Это было прекрасное зрелище: двадцать лодок медленно приближались к месту старта, гребцы — как на подбор симпатичные, атлетически сложенные юноши в разноцветных спортивных костюмах. Прозвучал выстрел стартового пистолета, и зрители ринулись по тропинке вдоль трассы, вслед за лодками. Река Кем не могла вместить по ширине больше одной лодки, так что, если задней случалось врезаться в идущую впереди, та была вынуждена уступать ей дорогу, прижимаясь к берегу. После гонок пили чай в комнате Джорджа: подали рыбу, отбивные котлеты и пирожные. Следующие два дня они провели в хлопотах, завтракали у Френсиса, а ленч, обед и прочие угощения заказывали на кухне Тринити-колледжа. В последний вечер перед отъездом неожиданно потеплело, так что все съездили в Эли и посетили местный собор, славящийся своими размерами.

Вскоре, удостоверившись, что Чарлз отлично себя чувствует и дома все образцово налажено, Эмма позволила себе отдохнуть и отправилась в столь редкий для себя «отпуск» в Равенсбури, отстоявший на шесть миль к северо-западу от Дауна. Она любила этот тихий городок отчасти и потому, что летом дожди здесь преимущественно шли по ночам. Она взяла с собой книгу с забавным названием «Свадьба в Ланкашире, или Мораль Дарвина» и читала ее в дороге. В одном из писем домой она писала: «Мораль ясна и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять ее: ради женитьбы на богатой, но больной и сварливой девице неразумно отказываться от счастья любви с хорошень-

кой, здоровой, ио бедиой девушкой. Следовало бы представить все ииаче: герой отказывается от счастья любви с красивой, ио больиой девушкой и жеиится иа здоровой, к которой ои не испытывает иикакого чувства. Киига эта иастолько скучна, что иедостойиа даже деревеиской библиотеки».

Дома все шло своим чередом, и это радовало Чарлза. С утра до вечера ои работал, уедиившись в своем кабииете. Летом в Лоидоие прошли прощальные выступления одиой из зиаменитых актрис Аиглии — Кейт Терри. Оиа покидала сцену в связи с замужеством. Вериувшись в Дауи-Хаус, Эмма съездила на иесколько спектаклей с ее участием. В этих поездках Эмму сопровождали дочери. Шесть миль до ближайшей стаиции в Бромли проезжали в открытом экипаже, запряжеином парой иебольших, ио быстрых серых лошадок. Каждый раз возвращались ночиым поездом, и так как погода стояла на редкость хорошая, а иебо было усыпано звездами, то эти обратные поездки со стаиции доставляли всем особое удовольствие. Они составляли осиовиое содержаиие того, что Геириетта описывала как «почти неслыханио легкомысленый образ жизии, которым наша мать иаслаждалась иаравие с нами».

По мере получеиия оттисков из типографии Чарлз отсылал по одиому экземпляру Лайелю и Асе Грею в Бостон. Особеиио радовала его глава о паигеиезисе и наследствеиности. В этой связи он писал Асе Грею: «...что это? Мечта сумасшедшего или мечта, достойиая вииmaиия науки? В глубине души я увереи в том, что оиа иесет в себе великую правду».

Алфред Уоллес опубликовал работу о половом отборе у птиц и продолжал отговаривать Чарлза от публикации работ иа тему о происхождеиии человека. Одиако в коице концов он смирился с иевозможиостью добиться своего и сказал:

— Работа иад этой проблемой прославит вас, но с таким предметом дóлжио обращаться осторожно.

Замечаиие Уоллеса навело Чарлза иа мрачиые размышления. Да, с этим предметом иадо быть предельио осторожным — это известио ему лучше, чем кому-либо другому. И разве ои закрывает глаза иа то, какой иеистовый отпор встретит его точка зреиия, разве ои ие представляет себе зараиее, что голоса оппоиентов смолкиут ох как ие скоро? Но вот насчет «деликатности» обращеиия с предметом (ведь имеиио иа это и иамекает, кажется, Уоллес) — тут ои ие согласеи: там, где речь идет о поисках истииы в вопросе об эволюции природы, иет места «осторожиости». Либо устаиавливаешь наличие фактов и описываешь их так, как оии есть иа самом деле, либо вообще отказываешься от дела. Ои зиал иаверияка: иебеса иад иим развернутся.

Каковы бы ни были сомнения, одолевавшие его по поводу того, как примут книгу, они исчезли, когда он получил письмо от Лайеля, уехавшего в Париж на выставку. Туда же отправился и Гукер, в чьи обязанности входила экспертиза ее ботанической секции. Лайель писал: «Хочу сказать Вам, что считаю за честь для себя возможность читать Вашу работу до ее опубликования. Она выходит далеко за пределы того, что я ожидал, как по количеству оригинальных наблюдений, так и по разнообразию материала, собранного из множества источников, который будет способствовать истинному пониманию Вашей книги «Происхождение видов», чего, я полагаю, не случилось бы, будь новая книга Вашим первенцем».

Эти несколько строк несказанно ободрили Чарлза. В конце октября состоялся традиционный осенний аукцион Джона Мэррея. Он объявил, что напечатает полторы тысячи экземпляров, тысяча двести шестьдесят из которых были заказаны заранее владельцами книжных магазинов к радости издателя и автора.

Появилось третье издание «Происхождения видов» на немецком языке и второе — на французском. Он был удостоен новых почестей и наград; и хотя они столь мало значили в его жизни, в то же время это было свидетельством серьезного отношения к его работе за рубежом. В Пруссии его удостоили звания кавалера ордена «За заслуги» (привилегия, редко выпадавшая на долю англичанина), в России он был избран членом Петербургской академии наук.

Наконец в январе 1868 года новая книга — «Изменение домашних животных и культурных растений» — была представлена на суд широкой публики. Она хорошо распродавалась, и интерес к ней был велик. Через две недели Мэррей информировал Чарлза о скорейшей необходимости второго издания, предлагая немедленно высылать список замеченных опечаток. При вычитке гранок Чарлз исправил двенадцать опечаток, теперь — лишь одну.

Он читал все отзывы и рецензии на свою книгу, которые мог достать, остальные присылали друзья. Газета «Пэлл-Мэлл» поместила положительную рецензию, «Атеней» — как всегда — ужасную. Отзыв «Хроники садоводов» отличала солидность. В разговоре с Эммой и детьми Чарлз заметил: «Прежде всего это будет способствовать продаже и распространению книги». Одна из эдинбургских газет выразила ему глубокое презрение. Не менее категоричен в оценке был и герцог Аргильский. С другой стороны, Аса Грей отозвался о книге с восхищением. Он поместил рецензию в журнале «Нейшн», пытаясь привлечь к ней внимание натуралистов и ученых-естественников Америки. Как

и предсказывал Чарлз, книга не вызвала разночтений, ее рассматривали как отчет натуралиста по вопросу развития видов. Серьезные возражения исходили лишь от Ричарда Оуэна и некоторых других, которые отказывались повернуть или принять на веру, что естественный отбор является способом существования вида или его смерти.

Время стало своеобразным зонтиком, защищавшим его от невзгод. Месяцы, в течение которых он чувствовал себя хорошо и мог напряженно работать подряд по три-четыре часа и, кроме того, писать ежедневно по десятку писем специалистам, снабжавшим его информацией по вопросу полового отбора, создавали у Чарлза ощущение непрерывности работы. Более чем когда-либо, его деятельность приобрела теперь ощутимую цельность. В дневнике он отметил, что подолгу работал над завершением глав «О способе развития человека из низших форм» и над «Сравнением умственных способностей человека и низших животных».

И для Эммы эти годы проходили незаметно, подобно плавному течению спокойной реки. Текли дни, похожие друг на друга, иногда по воскресеньям она посещала церковь, надев подходящее платье и шляпку. В юности время казалось ей цепью горных вершин, которые нужно преодолеть, теперь жизнь походила скорее на равнину, и только иногда вдали виднелся небольшой пологий подъем. Для них обоих чувство устойчивости жизненного уклада обретало дополнительную силу в сознании тех успехов, которых добились их сыновья в учебе. Джордж стал вторым по успеваемости в математических науках в Тринити-колледже. За это полагался приз, и он мог рассчитывать на получение стипендии. Они узнали об этом из телеграммы. Парсло принес бутылку шампанского из погреба, Чарлз и Эмма выпили за успехи своего отпрыска, Чарлз написал Уильяму в Саутгемптон, Ленарду и Горасу в Клэпхем и сообщил им эту приятную новость. Френсис помог Джорджу устроить вечеринку в Тринити.

Джорджу Чарлз написал:

«Я так счастлив, я поздравляю тебя от всего сердца, от всей души. Я всегда говорил тебе с детства, что такая энергия, такое упорство и талант, как у тебя, будут в конце концов вознаграждены. Но я не ожидал такого блестящего успеха. Снова я поздравляю тебя. Благослови тебя бог, мой мальчик! Желаю успехов».

На следующий день он был поражен, увидев в зеркале кабинета, что по дорожке к дому бегут его младшие сыновья. Он вышел на порог и крикнул им:

— Что это вы делаете дома?

Зардевшись от волнения, Горас ответил:

— После того как в школу пришло твое письмо о Джордже, нас отпустили с занятий, и мы играли в футбол в зале, угрожая окнам и картинам на стенах.

Ленард продолжал:

— Директор собрал нас всех в холле и сказал, как замечательно, что выпускник Клэпхема занял второе место на испытаниях по математике в колледже с такими высокими требованиями, как Тринити. Он сказал, что это поднимает престиж нашей школы в глазах научной элиты, и, чтобы отпраздновать это событие, предоставил нам выходной день.

— Мы доехали в наемном экипаже до Кестон-Марк,— сказал Горас,— а потом шли пешком остаток пути до дома. Другие ребята отправились в Кристал-Пэлас, но мы хотели быть с вами в такой день.

Эмма обняла обоих мальчиков, а Чарлз пожал им руки. Ленард сказал:

— Я хочу добиться таких же успехов, как Джордж, потому что собираюсь поступить в Королевскую военную школу в Вулвиче и стать королевским инженером.

Чарлз почувствовал, как слезы набегают ему на глаза.

4 февраля 1868 года, когда он начал наконец писать книгу о происхождении человека, он понял, что именно сейчас, в возрасте пятидесяти девяти лет, достигает высшей точки в работе. «Не в том смысле, конечно, что я исписался,— думал он,— напротив, материала хватит на добрых полдюжины монографий: о выражении эмоций, о насекомоядных растениях,— проблем, которые волнуют меня вот уже много лет, достаточно...»

Эти книги станут скромным вкладом в пополняющуюся сокровищницу знаний, это будут выдержки из капитального труда объемом в две тысячи страниц, который он никогда не собирался печатать. Он, разумеется, не считает их менее заслуживающими внимания, чем книга о происхождении человека. Скорее, они станут логическим продолжением наблюдений над природой и ее исследования, то есть того, чему он когда-то положил начало на корабле «Бигль», когда второпях соорудил небольшую сеть и прикрепил ее к полукруглой дуге, так, чтобы корабль тащил ее за собой. Тогда он впервые, пораженный размером улова, попытался найти объяснение непонятному дотоле факту, что такое количество великолепных экземпляров живых существ могло обитать столь далеко от суши. На следующий день после этого замечательного события он записал в своем дневнике: «Я ужасно устал, проработав целый день над описанием моего улова... Многие из этих существ, которые находятся на

столь иизкой ступеии развития, совершеиио изумительиы по формам и богатству окраски. Это создает ощущение чуда, вызывает удивлеиие, почему такое обилие красоты, по существу, создаио для такой иичтожиой цели (11 января 1832 г.)».

В то время, еще ие созиавая этого, ои сделал лишь первый шаг иа пути, который превратил его в «закоичеиного натуралиста», как и предсказывал Джон Геисло. Всю свою жизнь ои искал ответы иа вопросы, которые ставила перед иим природа.

Больше всего Дарвииа огорчило, как прииялн по прочтеиии его кингу «Измеиеиие домашних животиых и культуриых растеиий», в которой ои изложил теорию, иазваииую им паигеиезисом *. Рецеизеиты обошли ее молчаиием, а ведь оиа казалась ему самым важиым элемеитом книги. Возможио, потому, что это была одна из его свежих идей, еще ии с кем, кроме Гексли, ие обсуждеииая (Гексли оиа ие поиравилась, что ие помешало ему, впрочем, иастоять иа ее публикации). Когда Чарлз сиова поехал в Лоидои иавестить Эразма, то ие раз иаведывался в зоологический сад, где изучал расцветку павлииьих хвостов, раскраску зебр и жирафов. Вечера ои проводил с Лайелем, Гукером и Уоллесом, обсуждая с ними все волиовавшие его вопросы.

Как-то раз, сидя иапротив Чарлза за столом в «Атеиее», Лайель, как всегда добродушио рассмеявшись, объявил:

— Я говорю всем: можете ие верить в паигеиезис, ио, когда вы разберетесь в этой теории как следует, оиа вас покорит.

Гуляя с Чарлзом по Ботаническому саду в Кью, Гукер высказывал ему свои сомиеиия:

— Боюсь, вы будете смеяться иад моим иевежеством,— говорил он,— но я вижу в паигеиезисе лишь то, что — как я давно предполагаю — составляет основополагающую идею всех учений о развитии, а имеиио: переход к потомству всех свойств и качеств родителей... И тем ие меиее я считаю главу о паигеиезисе самой замечательиой во всей киште и самой иитересиой — она плод работы выдающегося ума. И вам самому она ведь так иравится! Гроша ломаиого ие дам за то, что оии

* Паигеиезис — умозрительиая гипотеза иаследствеииости, согласио которой призиаки и свойства родителей передаются потомству посредством мельчайших зародышей — геммул, поступающих в половые клетки из всех других клеток организма. При развитии иового организма геммулы дают начало такого же рода клеткам, какими оии образоваиы. Дарвии считал гипотезу паигеиезиса «времеииой» и поздиее сам призиал ее иеудовлетворительиой.— *Прим. пер.*

об этом думают! Я уверен, что на каждую сотню ученой братии в лучшем случае только один по-настоящему способен оценить эту идею. Мне самому еще предстоит в ней как следует разобраться.

Сэр Генри Холланд за обедом у Эразма сказал:

— Я нахожу книгу трудной для понимания, но допускаю истинность вашей концепции в общих чертах.

Как ни странно, именно Алфред Уоллес, который, казалось, возражал против всего, что было написано Чарлзом на тему о происхождении человека, за чаем в доме Эразма дал идее пангенезиса самую высокую оценку.

— Я начал читать прямо с главы о пангенезисе, уж очень мне не терпелось. Просто не могу вам не выразить своего восхищения. Так здорово получить в руки объяснение тех трудностей, что всегда не давали мне как следует работать. Вряд ли возможно предложить более совершенное объяснение, а это значит, что я буду не в силах расстаться с вашим.

А потом в Дарвина полетели камни. Виктор Карус, пунктуальный немецкий переводчик, переслал ему свой неблагоприятный приговор: теория слишком сложна. Джордж Бентам, сотрудник Гукера по энциклопедии растений, сказал, что он просто не в состоянии переваривать идею пангенезиса. В одной английской рецензии также содержалась мысль, что эта концепция недоступна для восприятия.

Статья Асы Грея в «Нейшн» дала американцам представление о том, что Чарлз пытался сформулировать как один из законов природы. В ответ Чарлз с благодарностью писал: «Пока что пангенезис — это младенец в пеленках, обласканный лишь немногими, кроме своего заботливого родителя. Надеюсь, однако, что ему предстоит долгая жизнь. Вот вам н родительская самонадеянность!»

Наиболее активный творческий поиск в области естественной истории вела в Великобритании группа ученых, в которую входили Чарлз Дарвин, сэр Чарлз Лайель, Джозеф Гукер, Томас Гексли. В последние шесть лет в ту группу входил также и Алфред Уоллес. Чарлз Дарвин прекрасно понимал, что, не будь их рядом, его жизнь как ученого и как человека стала бы бесцветной и ограниченной — не будь этой столь необходимой ему дружбы, конструктивной критики, поощрения и одобрения с их стороны. В определенном смысле они составляли некий эквивалент профессуры колледжа. Еще раньше, в 1844 году, Чарлз говорнл: «Я всегда считал, что все написанное на добрую половину зародилось в голове Лайеля». То, что они замышляли, о чем рассуждали, было частью их общей работы мысли. Град писем, статей, монографий, распространившихся по всему

свету, содержавших иаучиые прозреиия и фуидаметальиые иаучиые понятия, сформировал целое поколеиие учеиых. Все вместе оии перевериули мир представлеиий, измеиили способ мышлеиия человека о себе самом и об окружающем его мире, способствовали истреблеиию предрассудков и предубеждеиий против тех, кто ие разделял ортодоксальиых религиозиых убеждеиий, иакоиец, прииесли освобождеиие от жесткой церковиой догмы и всепроиикающего коитроля церковиой иерархии, который распростраиялся ие только иа школьиую систему образоваиия, прессу и правительствеииые круги, ио и иа повседиевиую жизнь. Теперь появилась иадежда иа иителлектуальиую иезависимость, иидивидуальиую свободу от диктаторского засилья церкви. Теперь, когда с человеческой мысли, похоже, скоро спадут оковы мистицизма, оиа сможет достичь еще иевидаииых высот. Став хозяииом своей судьбы, человек обретет свободу, которая предопределит будущие великие свершеиия.

Вместе оии составляли оргаиизацию, общество, хотя специальио и ие стремились к этому, ио, как таковое, оии утвердились в миеиии других естествоиспытателей. За рубежом к иим отиосились как к авторитету, обсуждали и изучали их идеи от Саикт-Петербурга иа севере до Неаполя иа юге. Их переписка, эти простраииые письма, в которых оии излагали свои иаучиые проблемы, могли бы составить полдюжииы первоклассиых томов в издаиии Джоиа Мэррея.

Судьба собрала их в одио время и в одиой страие. Подобио тому как современиый мир театра, философии, образоваиия обязаи своим возиикиовеиием Софоклу, Еврипиду, Сократу и Платоиу в Афииах, а переворот в живописи XVI века — Микелаиджело, Леоиардо да Виичи, Лореицо Медичи и Рафаэлю в Риме и Флореиции, так и зарождеиие иитереса к истории земли и ее обитателей связаио с деятельиостью этих пяти учеиых в Лоидоие. Окружеиие ли сформировало и иаправило их иаучиые иитересы, сами ли оии создали друг друга? А может статься, иужда в их деятельиости была столь велика, что само время и социальиые условия способствовали создаиию той осиовы, иа которой в полиую силу расцвели их дароваиия?

Чарлз был убеждеи, что ии одии из иих ие смог бы выполиить своей столь важиой и иасущиой фуикции без любви, предаииости и постояииой поддержки со стороиы остальиых. Силу их чувства друг к другу с полиым осиоваиием можио иазвать любовью. Оии всегда боролись друг за друга, сражаясь отважио, даже если это было связаио с опасиостью. Но иикогда оии ие иаиосили ударов друг другу, ие поддавались чувству ревиости, зависти, злобы. Их содружество было спаяио иерушимыми узами.

Для Дарвннов и Веджвудов семейные привязаииости оставалнсь иензменнымн. После смерти Шарлотты, одиой из сестер Эммы, другая продала оба их дома. Элизабет всю жнзнь страдала от болей в позвоиочнике и сочла, что ей легче устроиться в Лондоие.

— Мие кажется, Чарлз,— сказала Эмма, узиав о переезде сестры,— что Элизабет должна окончательно переселнться в Дауи. Лоидоискне инщне утомляют н пугают ее, а в семьдесят пять лет суета большого города просто иевыиосима. Здесь поблизости продаются дома. Оиа сможет взять с собой собачку Тоии и предаииых слуг, а я буду в состоянин позаботнться о ией.

Оии подыскалн дом с красивой гостниой иаверху, удобнымн спальиями и — что было важиее всего для Элнзабет — с теплнцей; ведь она сама была талаитливым садоводом. Вскоре фигура Элизабет в сопровожденин Тоии замелькала иа дорожках сада. Когда оиа появлялась в Дауи-Хаусе, то иепременно спрашивала с порога:

— А где Эмма?

Эмма всегда тепло встречала сестру и сразу бросала любые свон заиятня. Она устронла дополннтельную спальню специальио для Элизабет, чтобы сестра могла ужииать и оставаться с иими до утра. Забота н любовь Эммы делали свое дело: Элизабет чувствовала себя теперь гораздо лучше. Все это, безусловно, прииоснло Чарлзу удовлетвореиие. Ои словио возвращал часть своего долга дяде Джозу. Ои методичио продвигался вперед в работе иад главами «Человеческие расы» и «Вторичиые половые призиаки у жнвотных ннзших классов». Заннмался по нескольку часов ежедневно, только иногда верхом иа Томми выезжал размяться и отдохиуть.

И вдруг иеожндаино ои заболел и 23 нюия был вынуждеи приостановнть работу. Этот факт ие столько удручал его, сколько вызывал раздражение.

— Прошло уже два с половниой года после последиего прнступа. Если бы я мог поиять причииу заболеваиия, я бы так ие беспокоился.

— Вместо того чтобы думать о причинах,— заявила Эмма,— давай лучше найдем приличиый дом иа острове Уайт, куда бы мы смогли поехать отдохнуть всей семьей.

В середние июля оии сиялн там комиаты в доме миссис Камерои. Через два дня после приезда Чарлз почувствовал себя лучше, хотя желтоватый оттеиок кожи, который появнлся во время иедельиого иедомогаиия, все еще ие исчезал. Прошло иесколько дией. Как-то раз, читая газету, оии узиали, что Ленард прошел вторым на вступнтельном экзамеие в воеииую

школу в Вулвиче. Это означало автоматическое зачисление. Чарлз воскликнул:

— Я так счастлив! Разве это не великолепно? Кто бы мог поверить, что бедный маленький Ленни поступит в такую замечательную школу?

— Я бы первая поверила,— ответила Эмма.

Скоро к ним присоединился Эразм, а потом их навестили Фэнни и Генслей Веджвуды со старшей дочерью. На несколько дней заезжал Генри Холланд. Потом — на три дня — Гукер, который был недавно избран президентом Британской ассоциации и должен был выступить на предстоящем заседании 1868 года в Норвиче. Он загодя известил их о своем посещении: «Я содрогаюсь от мысли, что должен показать Вам свою президентскую речь на этом заседании. Не могу же я настолько поддаться трусости, чтобы скрыть ее от Вас».

Джозеф Гукер очень нервничал: он боялся, что в его выступлении соседствует слишком разнородная информация из области ботаники и эволюции. Во время прогулок по острову Чарлз сделал несколько предложений по докладу. После отъезда Гукера они познакомились с местным обществом. Миссис Камерон знала всех в округе. Однажды она повезла их в гости к поэту Альфреду Теннисону.

Посвежевшие, они вернулись в Даун-Хаус в августе. Чарлз купил «Таймс», «Телеграф», «Спектэйтор», «Атеней» и кучу других газет и журналов, чтобы ознакомиться с отзывами на речь Джозефа Гукера. Хотя акустика в зале подкачала и голос Гукера был едва слышен, доклад прошел «на ура». Лишь «Спектэйтор» выразил недовольство по поводу его не слишком ревностной религиозности. Гукер рассказывал, что после такого отзыва его ждала довольно прохладная встреча в воскресное посещение церкви в Кью. Чарлз был убежден, что своим выступлением Гукер чрезвычайно способствовал распространению идеи эволюции видов, и немедленно написал ему: «Ваш огромный успех меня очень порадовал. Я только что внимательно прочел всю Вашу речь в «Атенее», и хотя Вы заранее ознакомили меня с ней и она мне очень понравилась, все же в тот момент я был озабочен лишь тем, чтобы найти, к чему придраться. Конечно, я упустил из виду общее впечатление и сейчас пользуюсь случаем высказать свое восхищение. Как должно быть приятно Вам сознавать, что все тревоги миновали. Должен добавить немного о себе. Никогда еще не приходилось слышать столько похвал в свой адрес, и я горжусь этим. Не могу прийти в себя от изумления: Вы так высоко оценили мою работу в области ботаники».

На том же заседании, в секции «Д», выступил М. Беркли, сокурсиик Дарвииа по колледжу Хрнста, зиаменнтый на весь мир пиоиер в областн систематизацнн патологнн растений. Это была та самая секцня «Д», на которой когда-то — в бытиость Геисло ее президентом в Оксфорде — Гукер и Гекслн учниили решающий разгром епископу Уилберфорсу в дискуссии о «Происхожденнн видов».

Беркли, в частностн, заявнл: «...было бы непростнтельно закоичить эти беглые заметкн, не упомяиув одного из интересиейшнх учеиий нашего времеии — дарвниовской доктрнны паигеиезнса. Как и все, что выходнт нз-под пера этого учеиого, которого я без колебаний иазвал бы величайшим естествоиспытателем иашего времеии, даиная теорня нуждается в тщательиом н беспрнстрастном рассмотреини...»

Итак, речь Гукера опубликоваиа, теория паигеиезиса заияла подобающее ей место в нстории иауки, как прежде это случнлось с «Пронсхожденнем вндов» после заседання в Оксфорде.

Чарлзу потребовалась дополиительиая ниформация для одной из глав «Пронсхождеиня человека», и он пригласил к себе Уоллеса. Тот прибыл иа унк-эид из Лоидоиа, прихватив с собой Д. Дженнера Уэйра, специалнста по насекомым, и Эдварда Блнта, в теченне двадцати лет состоявшего куратором Музея Азиатского общества Беигалнн, известиого зиатока птнц и млекопнтающнх Инднн. Много лет он предоставлял Чарлзу ценные сведеиия, получнть которые другнм путем представлялось практнчески иевозможиым. Это была волнующая встреча: все трое щедро делилнсь своимн зианнями. Чарлз вел дискуссии по теоретическим н спорным вопросам.

В другой раз Гукер привез в Дауи-Хаус Асу Грея с жеиой. Чарлз ие видел американца с тех пор, как впервые встретил его в Кью иесколько лет иазад.

— Восхнщенне и любовь, озаряющне отношення между вами тремя, заслужнвают самой высокой оценки,— заметила Эмма.

На следующий деиь после рождества Чарлз прервал работу иад «Происхождеинем человека», чтобы виестн поправки в пятое нздание «Происхождеиия видов»; Джои Мэррей выпустил дополнительиый тираж в две тысячи экземпляров. Эта работа заияла пять иедель, иадо было виести кое-какие поправки и довестн книгу до совремеииого уровня зиаиий; естествеииая историня, подобио живому оргаиизму, росла и развивалась с каждым днем.

«Прошло только два года после предыдущего нздаиия,— писал Дарвнн,— и я уже неприятио поражен тем, как много следует нзменнть и добавнть».

В это же время ои познровал скульптору, работавшему над его бюстом. Это была скучиая обязаниость, отрывавшая его от чтеиия и пнсьма во время сеансов.

Он закончил доработку «Происхождения вндов» как раз к праздиоваиию своего шестидесятилетия. Из Лондоиа прнехали Эразм, семейство Веджвудов с детьмн н Генрн Холланд. Из Лейт Хнлл Плейса прибылн его сестра Каролина и брат Эммы Джо. Эмма пригласила также молодого Джона Леббока н доктора Энглегарта с жеиами н преподобного Броди Иннеса с супругой.

Генриетта как раз вериулась из Швейцарии со своимн друзьями. Она стала совсем иезавнснмой. В эти же днн Джордж в Триннтн отпраздновал получение звания младшего научного сотрудинка, что озиачало возможиость делать академнческую карьеру, в том случае, еслн он этого захочет. Френсис тоже учился в Тринитн-колледже, а прошлой осеиью туда же поступнл и Горас. Так что теперь все три брата одиовремеиио были студеитами одного колледжа — такое случалось в Кембрндже не часто.

На юбилейном торжестве поздравительиые речи смеияли одна другую. Когда очередь дошла до Генрн Холлаида, ои сказал:

— Сегодня вы празднуете свое шестидесятилетие. Кто бы мог подумать, что это станет возможным? Ведь вы провелн в ожиданин неизбежной смерти несколько десятилетнй!

Повар подал иа стол огромный пнрог с черешней, покрытый белой глазурью. По ней надпись: «С днем рождения!» Это постарался Парсло, использовав в качестве орудия письма малеиький бумажиый конус. В цеитре пнрога были зажжены шесть белых свечей.

Доктор Холланд прошептал на ухо Эмме:

— От всего сердца желаю вам отпраздновать семндесятнлетне Чарлза н поставнть на стол пирог с семью свечамн.

Чарлз продолжал упорно работать над главамн о половом отборе у млекопнтающих н человека, медленно, но неуклонно продвигаясь вперед; «со скоростью поезда», ворчал он, смирившись с необходнмостью постоянно делать остановкн в работе илн возвращаться назад для устранення неточностей. Несколько прнятных неожнданностей подбодрилн его.

Во-первых, Алфред Рассел Уоллес опубликовал киигу путевых заметок «Малайскнй архипелаг», которую он посвятил

Чарлзу. Чарлз поблагодарил его за оказанную честь н сказал: «Этнм будут гордиться детн моих детей».

Вышел н аиглийский перевод кннгн Франца Мюллера о Дарвние под изваиием «Факты н аргументы в пользу Дарвнна». Чарлз прнобрел несколько экземпляров для рассылкн друзьям. Ои отправнл своему ученику теплое пнсьмо, в котором благодарил его за киигу. В частностн, он пнсал: «Прочтя Ваше эссе, лншь отдельные фаиатнки, уверовавшне в не связаииые между собой акты творення, способны сохраинть свон заблуждения».

В апреле привычное теченне дней было нарушеио, когда его жеребец Томмн неожнданно споткиулся во время прогулкн и упал. Чарлз сильно ушнбся прн паденнн. И хотя в последние три года Томмн показал себя спокойным и осторожным жеребцом, отличавшнмся к тому же жнвостью нрава н старательиостью, Чарлз прекратил иа иекоторое время прогулкн верхом.

Второе пронсшествие он счел не менее серьезным. В апрельском номере «Куотерлн ревью» была помещена рецензня Уоллеса иа десятое нздаиие «Осиов геологии» Лайеля н шестое нздание его же «Элементов геологии». Похвалнв Лайеля за отказ от возраженнй протнв теорнн эволюцнн, Уоллес добавнл, что личио он прндержнвается того взгляда, что человеческнй мозг, а также его оргаиы речи и рука ие могли эволюцнонннзнровать путем естественного отбора.

Чарлз поставнл на полях «нет» н трн раза подчеркнул, добавнв несколько восклнцательных зиаков. Он почувствовал, что обязаи сказать Уоллесу прнмерно так: «Я был бы уверен, что этн строки иаписал кто-то другой, еслн бы Вы ие убеднлн меня в обратном. Как Вы н предполагалн, я прндержнваюсь прямо противоположиого мнеиня».

За обедом у Дарвннов адмнрал Джеймс Салнвен сообщнл им, что корабль «Нассау» проплыл через пролнв Магеллана, достиг берегов Южной Амернкн н высаднл экспедицию на берегу реки Галего. Там былн обнаружены останкн нскопаемых жнвотиых. По возвращеннн находкн былн переданы для нзучення Томасу Гексли. Гекслн буквально поразнл однн уиикальный экземпляр: это была челюсть млекопнтающего, в которой сохраиилнсь почтн все зубы. Было доказано, что челюсть прннадлежнт нензвестному дотоле млекопитающему размером с иекрупную лошадь. Гексли немедлеНио сообщил об этом Дарвину: «Какне велнколепиые образцы диких животных, по всей вндимостн, обнтали в Южной Амернке».

В нюне, после четырех месяцев напряженного труда, состояиие здоровья Чарлза снова — как н год назад — ухудшилось,

он был близок к истощению. Вместе с Эммой и пятью детьми он отправился в Северный Уэльс. Остановились в Бармуте, о котором у него остались теплые воспоминания еще со студенческих лет. Не хватало только Уильяма и Гораса: они не смогли выбраться. По дороге в Бармут заезжали в Шрусбери навестить Маунт. Нынешние владельцы провели их по дому. Он был заново обставлен и отделан. Когда экипаж вновь задребезжал по дороге, ведущей в Бармут, Чарлз сказал:

— Останься я в одиночестве в той теплице еще минут пять, то уверен, что увидел бы отца в его кресле на колесах с такой отчетливостью, как если бы он сидел тут, напротив меня.

В Бармуте они сняли хороший дом на северном берегу дельты реки, выходящий окнами на горную цепь напротив Кадер Идрис. Перед домом шли три длинные террасы, все засаженные розами и другими цветами. Чарлза одолевала апатия. Эмма ежедневно водила его за руку гулять. Террасы служили им для этих прогулок: туда — по одной из них, обратно — по другой. Особое любопытство всей семьи вызывал велосипед, недавно привезенный из Парижа. Они никогда раньше не видели такой машины, и Чарлз сразу купил его для мальчиков. Недалеко проходила довольно ровная дорога, там сыновья и носились на двух колесах в свое удовольствие. Вскоре, однако, Ленард упал с велосипеда и сильно ушиб ногу. С тех пор машина только раздражала Эмму.

К концу июля они вернулись в Даун-Хаус. Чарлз возобновил работу над «Происхождением человека». Северный Уэльс несомненно оказал на него благотворное влияние. С августа он начал читать насквозь все готовые главы о половом отборе. Гексли прислал записку, в которой сообщал о своем выступлении на прошедшем заседании Британской ассоциации в Экстере. Его назначили президентом следующего заседания, которое было решено провести в 1870 году в Ливерпуле. С присущим ему беспощадным чувством юмора Гексли писал: «Как обычно, Ваши мерзкие ереси послужили средством ввергнуть меня во всяческие неприятности на заседании. Три священника нападали на Ваши идеи и оскандалились: будь Вы самым злорадным человеком на всем белом свете, клянусь, Вам не удалось бы более ловко оставить их в дураках».

Не уведомив Чарлза, Джон Мэррей запросил академию о возможности скорейшего обсуждения «Происхождения человека», что повлекло за собой поток писем от друзей и коллег с просьбой предоставить экземпляр работы.

В жизни каждого человека бывают периоды, когда огорчения затмевают радости. Постоянные огорчения доставлял

Чарлзу «Атеией», иа страиицах которого Джои Робертсон поместил ядовитую рецензию иа пятое издаиие «Происхождеиия видов»: «Виимаиие еще ие означает всеобщего призиаиия, а частое переиздаиие ие обеспечивает истииного успеха».

Огорчеиия соседствовали с радостями. Газеты иапечатали сообщеиие о иаграждеиии Гукера ордеиом Баии за его заслуги в восстаиовлеиии Ботаиического сада в Кью. Чарлз отправился в Лоидои поздравлять Гукера. Сотрудиики последиего чувствовали себя слегка уязвлеииыми: оии рассчитывали, что их патрои получит дворянство. Чарлз сказал:

— Мие следовало бы прокричать «ура», хотя, я увереи, что вы заслужили дворяиский титул.

Гукер ответил:

— Прошу вас, только ие упомииайте этих заслуг в письмах ко мие *. Я ие выиошу этого. Призиаю, что иаграждеиием отмечеиы мои чисто служебиые успехи и это, возможио, поможет скорее преодолевать иекоторые формальиости в переписке с Иидией и другими колоииями. Но как учеиый я испытываю иеприязиь к подобиым условиостям. Кстати, как продвигается ваша работа иад «Человеком»?

— Бьюсь над текстом по-прежиему: хочется, чтобы было поиятиым каждое предложеиие. К тому же я устал от этих бескоиечиых мужских и жеиских особей, от петухов и кур.

Глаза Гукера весело блесиули за стеклами очков.

— Победа ие всегда дается только отважиым, ииогда ее добиваются иастойчивостью. Нетерпеиие — добродетель молодости!

— Согласеи, ио вы-то покорили мир иа лету,— ответил Чарлз.

Подытожив свои достижеиия, ои пришел к выводу, что 1869 год был успешиым для иего и для Ассоциации. Листы практически завершеииой рукописи были иавалеиы иа письмеииом столе. Положительиыми отзывами встретила шведская общественность выход в свет перевода «Происхождеиия видов». Вместе с Гукером и Гексли ои был приият в члеиы Америкаиского философского общества в Филадельфии. Гукер работал иад учебиым пособием по флоре Британских островов, выполияя иастоятельиую просьбу шотлаидской профессуры. Ныиешиий учебиик, иаписаииый еще его отцом, устарел. Были серьезиые осиоваиия иадеяться, что киигой Гукера будут пользоваться учащиеся школ в Аиглии и Шотлаидии.

* Орден давал право именоваться кавалером ордена Бани.— *Прим. пер.*

Уоллес и Гексли продолжали постоянно публиковаться.
Алфред Уоллес и его жена Энни захотели приобрести за городом обширный участок земли, заросший лесом. Условием покупки было также наличие ручья или небольшой речки в пределах владения. Уоллес прислал Чарлзу экземпляр своей новой книги «Естественный отбор». Предисловие представляло собой почти панегирик «дарвинизму». В ответном письме он писал Уоллесу, с которым все еще находился в состоянии дружеской дискуссии по вопросу о происхождении человека: «Хотелось бы полностью оправдать Ваши похвалы. Надеюсь, Вам доставит удовольствие мысль, что, хотя мы и являемся в известном смысле соперниками, мы никогда не испытываем чувства ревности друг к другу. Лично мне это приносит удовлетворение, как ничто другое. Я говорю сущую правду и более чем уверен, что это справедливо и в отношении Вас».

Чтобы как-то восполнить нехватку общения, Чарлз купил собаку по имени Боб. Это был нечистопородный черно-белый ретривер, который теперь сопровождал его на прогулках по Песчаной тропе. Когда Чарлз останавливался, чтобы немного поработать в оранжерее, Боб сидел снаружи с выражением полного неудовольствия. Чарлз отметил это для своей будущей книги об эмоциях. И когда у кого-нибудь в семье появлялось на лице выражение нетерпения или грусти, ему обязательно говорили:

— Ого, ты похож на «оранжерейного» Боба!

Генриетта прочла рукопись и кое-где внесла в нее поправки, исправляя неясности стиля. Когда она поехала в Канны, на юг Франции, погостить у двоюродных братьев и сестер, Чарлз прислал ей туда рукопись главы «Разум». Получив ее обратно, он принял большинство исправлений и предложений дочери. Генриетта ясно излагала свои мысли и разработала такой способ вносить исправления, что он избавил Чарлза от многих неприятностей. Он писал: «Ты так помогла мне, но, боже милостивый, как напряженно, должно быть, ты работала, как тщательно исправляла мою рукопись. Теперь я вполне доволен этой главой.

Любящий, покорный
и восхищающийся тобой отец».

До сих пор качество гравюр в его книгах оставляло желать лучшего, а между тем «Происхождение человека» надо было снабдить значительным количеством иллюстраций. Через смотрителя отдела зоологии в Британском музее он нашел некоего Форда, превосходного гравера, отличавшегося особым умением

передавать мельчайшие детали раскраски перьев у птиц. Птицы, изображенные на его гравюрах, производили впечатление живых, так что Чарлз невольно провел пальцем по поверхности бумаги, чтобы убедиться, что это просто-напросто оптический обман. Не хуже оказались и гравюры с изображением рептилий.

Чарлз предполагал, что в марте можно будет сдать рукопись в печать, но, как всегда, основная тема потянула за собой побочные рассуждения, и это развитие трудно было остановить. Мыслительный процесс невозможно прервать. В разговоре с одним из посетителей он заметил:

— Одному богу ведомо, когда я наконец завершу этот труд.

Постепенно были написаны главы об умственных способностях, моральном чувстве, развитии интеллекта, о переходе от низших форм к высшим.

Теперь он рассчитывал, что закончит книгу только к осени 1870 года, и с головой ушел в работу; за несколько месяцев он принял одного посетителя. Отдыхал за выращиванием перекрестноопыляющихся и самоопыляющихся растений, часть из которых высадил в теплице, остальные разместил прямо на камине. Опыты принесли ряд интересных результатов, в частности любопытные аномалии. Этим объяснялись непомерные на первый взгляд затраты, на которые шла природа, допуская частые случаи скрещивания столь различных особей. Неожиданности, таящиеся в природе, приводили его — как и прежде — в трепет. По привычке он не выдержал и прошептал:

— Какой странный, удивительный мир!

В конце мая они решили навестить сыновей в Кембридже и заранее заказали комнаты в отеле «Бул». Тридцать три года он не был здесь, с тех пор как он решил больше не возвращаться в университет. Покрытые дерном пологие склоны позади зданий колледжей спускались к реке и по-прежнему производили впечатление райских уголков, сад с деревом Мильтона у колледжа Христа сохранил нетронутой свою знаменитую красоту.

В понедельник с утра он свиделся с Адамом Седжвиком, который радушно приветствовал его. Седжвику было восемьдесят пять лет, и Чарлзу показалось, что его интеллект заметно ослаб. Тем не менее в тот вечер он был просто великолепен. Он предложил Чарлзу пройти в музей, но так трясся над каждым экспонатом, что довел своего более молодого друга буквально до изнеможения.

Чарлз пригласил его к обеду. На прощание Седжвик сказал:

— Мое сердце преисполнилось радости, когда я увидел вас во время семейной трапезы, окружениого счастливыми домочадцами и заботой любящей прекрасной супруги и дочерей. Как это не похоже на мою жизнь, жизнь старика, влачащего свое существование в безрадостном одииочестве!

Когда они остались одии, лицо Чарлза исказилось от боли. Он повернулся к жене.

— Почему он не женился на Сюзан? Ведь его так тянуло к ней. Она подходила ему во всех отношениях. У них обоих была бы совсем другая жизнь.

— Возможно, он и делал предложение, но она отвергла его,— мягко возразила Эмма.— Ты же сам говорил, что единственным мужчиной, которого она любила, был твой отец. Наверное, оиа ие могла заставить себя уехать из Маунта.

Ои сиова принялся за работу над разделом «Эмоции», пытаясь окончательио выяснить вопрос, действительио ли перья у птиц поднимаются при испуге и в гневе. Он успел провести опыты иад совами, лебедями, домашиими и тропическими птицами, а также над кукушками. Он послал запрос одному из орнитологов с просьбой объясиить, совершает ли дикая утка пеганка прыжки или танцеподобные движения во время отлива для того, чтобы морские черви выползли иа поверхиость. Он уже зиал, что в иеволе пегаики подпрыгивают, когда просят есть. Чарлз назвал эти движения выражением голода и нетерпеиия.

Адмирал Джеймс Саливеи получил титул кавалера ордеиа Бани второй степени, что было на порядок выше награды Джозефа Гукера. Вскоре почетиый ректор Оксфордского уииверситета лорд Солсбери пригласил Дарвииа в Оксфорд на церемонию присвоения ему почетной степени доктора каиоиического права. Чарлз вежливо отклонил приглашеиие, сославшись на нездоровье.

В «Оксфордской уииверситетской газете» от 17 июня 1870 года появилось сообщение о его болезни. Конечио, газета ошиблась. Он был здоров, но сказал Эмме:

— Я больше ие в состояиии выносить эти пустые формальиые церемоиии в Оксфорде, равио как и балы в Букингемском дворце.

В результате Оксфордский университет взял обратио свое предложеиие о присуждении докторской степени.

Эмма была расстроена отказом Чарлза. Ей хотелось, чтобы в Оксфорде ему была присуждена степень, которой не предложил Кембридж. Однако она не возражала против его решеиия. Ей случилось прочитать некоторые из его записей о выражении эмоций у человека и животных, и она не хотела обна-

руживать свои чувства, если существовал хотя бы малейший шанс, что Чарлз может принять их как укор. Чувство горечи частично умерялось успехами Френсиса, который окончил Тринити-колледж первым по естественным наукам и сдал экзамен с отличием. Он принял решение пойти по стопам деда и прадеда и выбрал медицину. Его приняли в больницу св. Георга близ Гайд-парка в Лондоне. Там он и должен был начать с осени свое медицинское образование.

Последнюю неделю июня Дарвины решили провести в Лондоне, а поскольку они не видели еще последних достижений строительного искусства, то проехались в экипаже Эразма мимо Гросвенора, где новые постройки лорда Вестминстера смахивали на Тюильри, осмотрели Вестминстерский мост и набережную, вдоль которой оживленно сновали пароходы, затем отправились к больнице св. Фомы, шесть корпусов которой, похожих на дворцы, выходили фасадами на реку, напротив Ламбета. Обратно вернулись по новому мосту Доминиканцев и Холборновскому виадуку. Открытые пространства перед Вестминстерским аббатством и парламентом являли собой величественное зрелище.

Пока Эмма с дочерьми ходила по магазинам, Чарлз навестил Гукеров. Недавно Гукер обедал у герцога Аргильского.

— Его основная претензия к «Происхождению видов» — то, что вы не настаиваете на предопределенности порядка эволюции. Я сказал ему, что, по моему мнению, вы намеренно не касались этой проблемы и не пытались создать впечатление, будто занимаетесь происхождением жизни. Ваше дело — изучать ее явления.

Чарлз глубоко вздохнул.

— В вопросах религии у меня сплошная путаница. Я не в состоянии представить себе Вселенную результатом игры слепого случая. С другой стороны, я не вижу свидетельств в пользу какого-либо благодетельного замысла или плана, будь он даже детально разработан. Что же касается любой разновидности живых существ, из которых якобы каждой предопределен особый конец, то я верю в это не больше, чем в то, что каждой капле дождя заранее отведено место, на которое она упадет.

Наконец в августе он закончил работу над рукописью книги «Происхождение человека и половой отбор» и отослал ее в типографию. Почти все предисловия он писал после окончания работы над основным текстом. Чарлз полагал, что лучше всего говорить читателю правду и начать с того, что объяснить, как писалась эта книга,— ведь тогда и сама работа будет понята гораздо лучше. И он рассказал, что многие годы копил за-

метки иа тему о происхождении человека без всякого иамерения публиковать их; иапротив, с твердым убеждением не давать их в печать, так как, по его мнению, это только усилило бы предубеждение против его взглядов...

«...В первом издании «Происхождения видов» мне казалось достаточным отметить, что эта книга бросает свет на природу человека и истоки его истории. Это означает, что мы должны включить человека, наравне с другими живыми существами, в любой вариант его возникновения на нашей планете. Теперь все предстает в совершенно ином свете... По крайней мере, достаточно большое количество естествоиспытателей должны допустить, что любые виды представляют собой модификации предшествующих видов. Особенно много среди них молодых ученых. Все больше становится тех, кто признает фактор естественного отбора...

...Я пришел к выводу, что должен собрать свои заметки, чтобы убедиться, насколько выводы, содержащиеся в моих более ранних работах, могут быть применимы к Человеку».

Джон Мэррей считал, что тираж будет готов к рождеству. На праздники Дарвины поехали в Саутгемптон навестить Уильяма, имевшего обыкновение отправляться на службу не раньше половины десятого и возвращаться домой до шести. Уильям был хорошим хозяином, веселым и добродушным. Чарлз выезжал верхом каждое утро, благо ушибы давно зажили и он смог взять с собой Томми. Места для прогулок были замечательные.

Вечера они посвящали беседам почти исключительно о франко-прусской войне. Бисмарку, похоже, эта война нужна была, чтобы объединить немецкие государства. Французы оказались плохо подготовленными к ней, поэтому была серьезная опасность их разгрома. Ленард заметил, что почти все молодое население Вулвича на стороне Франции большей частью потому, что мечтали попасть на войну. Сам Ленард был твердым сторонником пруссаков. Не вдаваясь в подробности споров, Эмма затеяла чтение вслух «Мемуаров Наполеона» Ланфре. Все нашли, что это освежает спорщиков — и не удивительно: французский биограф остался равнодушен к «славе» завоевателя.

— Стыдно за Луи-Филиппа: вернул останки Наполеона во Францию с острова Святой Елены и хочет сделать из него прямо святого,— заметила Эмма.— Я уж не говорю о поражении в русской кампании — оно слишком ужасно.

Возвратившись из Саутгемптона, они узнали, что Томас Гексли будет не только председательствовать на заседаниях Британской ассоциации в Ливерпуле в качестве ее президента,

но и выступит с важной речью на тему о происхождении жизни; Нетти Гексли не поедет в Ливерпуль из-за детей: она не хотела оставлять своих семерых детей, старшей из которых было только двенадцать лет, без надлежащего присмотра. Тогда Эмма настояла, чтобы все семеро были привезены в Даун-Хаус на две недели. Они наполнили дом и сад болтовней, смехом, играми. На них действовали свобода и простор, которых им так не хватало в своем тесном лондонском доме. Генриетта и Элизабет помогали ухаживать за детьми. Эмме нравилось, когда в доме много детей. Чарлз тоже был доволен.

— Все это похоже на цирк, напоминает дни нашей молодости в Мэр-Холле и Маунте. Я отношусь к юным Гексли как к собственным племянникам и племянницам. Но кто, кроме тебя, моя дорогая, способен взять в дом семерых детей, чтобы дать возможность подруге съездить с мужем на неделю в Ливерпуль?

И он нежно ее поцеловал.

— Эмма, бывают моменты, когда я подозреваю, что ты просто святая.

В конце ноября начали приходить гранки «Происхождения человека». Джон Мэррей заказал у типографа две тысячи пятьсот экземпляров книги. Чарлз с головой ушел в работу, и его уединение было нарушено только однажды. После окончания Тринити-колледжа Джордж был избран в состав группы ученых, отправляющихся на Сицилию для наблюдения за полным солнечным затмением. Он должен был отплыть на посыльном судне адмиралтейства «Психея». Судно потерпело крушение близ берегов Сицилии. Когда Дарвины узнали об этом, они обезумели от ужаса. Затем пришло известие, что Джордж опоздал на это судно и плыл на другом пароходе. Он собирается подняться на вершину Этны, чтобы наблюдать затмение.

К рождеству работа Чарлза была почти закончена, оставалась лишь небольшая порция гранок, с которой он намеревался легко справиться до конца года. «Происхождение человека» в двух томах увидело свет 24 февраля 1871 года. Была установлена высокая цена в фунт и четыре шиллинга, но это ни в коей мере не помешало распродаже книги. Экземпляры первого тиража разошлись за несколько дней, и в типографии приступили к печатанию еще двух тысяч экземпляров.

Отзывы в печати были в основном благоприятными. В «Сатердей ревью», в частности, говорилось: «Он утверждает, что включил человека в то единство, которое он издавна стремился выявить во всех представителях животного мира. За годы, прошедшие со времени опубликования предыдущей

книги Дарвина, дискуссии в научном мире продвинули эту проблему далеко вперед».

«Спектэйтор» поместил пространный отзыв в двух выпусках. В нем говорилось, что Чарлз затронул самую суть психологической проблемы и в этом далеко опередил своих предшественников. Рецензент заключал отзыв словами о том, что книга является «оправданием теизма более замечательным, нежели рассуждения Пейли в «Натуральной теологии».

— «Натуральная теология»! — воскликнул Чарлз.— Да ведь это была моя любимая книга в годы учения в Кембридже, она и еще «Путешествия» Гумбольдта. Кто бы мог подумать, что из меня выйдет защитник теизма в духе Пейли?

Газета «Пэлл-Мэлл» дала рецензию на три номера. Среди прочего сообщалось: «Труд, проделанный г. Дарвином, представляет собой один из тех редчайших и фундаментальных достижений человеческой мысли, которые оказывают решающее влияние на все области общественного сознания».

«Атеней» не изменил себе, в очередной раз обрушившись на ученого. Вниманию читателей было предложено письмо из Уэльса, в котором Чарлза сравнили со старой и глупой обезьяной.

Лондонская «Таймс» писала: «...если допустить, что весьма маловероятно, существование животного мира во всем его разнообразии исключительно благодаря эволюции, то и тогда для доказательства положения о том, что человек есть лишь звено в самоэволюционирующей цепи, потребовалось бы независимое исследование, выдающееся по силе мысли и законченности».

Эта рецензия была опубликована без подписи. Чарлз заметил, что рецензент «не обладает научной подготовкой и вообще похож на пустозвона, напичканного цитатами из области метафизики и классической литературы... хотя, впрочем, я опасаюсь, как бы такие выступления не помешали распространению книги».

Его опасения оказались напрасными. Продажа шла полным ходом. Гукер заметил с удивлением:

— Я слышал, что дамы из высшего света с удовольствием читают вашу книгу, но об этом не говорят вслух, поэтому все заказывают ее втихую. А это, вне всякого сомнения, только поощряет торговлю. За последнюю неделю я был на трех обедах, и каждый раз об эволюции говорили как об общепринятом факте, проблему происхождения человека обсуждали спокойно.

Сэр Чарлз и Мэри Лайель как раз гостили у них в Дауне, когда появилась статья Алфреда Уоллеса. Лайель признал, что он согласен с Уоллесом в том пункте, что человек не мог

произойти путем естественного отбора из примитивного организма. Чарлз расстроился, а Эмма зарделась от удовольствия.

— Я так счастлива и признательна вам,— воскликнула она.— Как чудесно, что и вы, и Алфред Уоллес — на моей стороне. И еще Аса Грей в Гарварде. Если три таких авторитета согласны, что человек — совершенно особый вид, то, значит, бог все еще находится среди нас!

Вполне понятно, что Томас Гексли считал «Происхождение человека» просто шедевром.

В апреле Мэррей заказал следующий тираж, и общее количество экземпляров, проданных в течение двух месяцев, подскочило до семи тысяч — просто неслыханный успех в деле продажи научной литературы. Таким образом, все больше представителей широких читательских кругов знакомились с вопросами естественной истории.

Резкая рецензия появилась в журнале «Куотерли ревью». Она оказалась последним выпадом против «Происхождения человека». Клерикальная пресса, в свое время обрушившаяся на «Происхождение видов», на этот раз использовала «Происхождение человека» — подобно «Спектэйтору» — для того, чтобы сделать из дарвинизма еще одно свидетельство веры в божественное творение. Некоторые естествоиспытатели не согласились с основными положениями теории Дарвина, но большей частью они не выразили этого публично, а высказали свои взгляды лично или в письмах. Так поступил, к примеру, Броди Иннес, живший теперь в Шотландии. Он изложил свои сомнения в дружеском послании. Проповеди против новой книги Дарвина, несомненно, произносились, но они не стали достоянием прессы, как это случилось в прошлом с проповедями против «Происхождения видов».

Все эти годы он опасался повторения бурных обвинений, выливавшихся в публичные скандалы. На этот раз, однако, никто не назвал Чарлза Дарвина «дьяволом во плоти» или «антихристом». Огонь под адским котлом потух.

«Я провел эти дни в состоянии крайней тревоги,— писал он.— Какая напрасная трата энергии и душевного покоя! В конце концов мои ереси получили право на существование. Я сам свидетель этому. Подумать только! Ведь я не предполагал давать в печать ни строчки. Ну и ну!»

Он вынграл решнтельное сражение, но вонна еще продолжалась. Война с протнвннками илн с самим собой. В письмах к друзьям Чарлз по-прежиему иазывал себя инвалидом, но слово это употреблял как защиту от возможных собраннй н офнцнальных встреч, до которых он был неохоч.

Месяц спустя после выхода в свет «Происхождеиия человека» Сент-Джордж Майварт, нзвестный биолог, опубликовал свое сочииение под назваинем «Генезнс внда», в котором пытался опровергнуть дарвннизм, резко крнтиковал теорию естественного отбора. Книга быстро разошлась и вызвала бурные споры. Чарлз прочнтал ее, сделал иа полях пометкн, сравнил главы одну за другой с главамн своей кннги. Майварт не убеднл его нн иа йоту. И все-такн появленне этой кннгн задело его.

— А желудок не заболел? — спроснла Эмма.

— Нет, как нн странно. Вот на душе как-то нехорошо. Я дожнл уже до тех лет, когда даже самая злобная крнтнка не отражается на здоровье.

— Слава тебе господн!

Сент-Джордж Майварт писал Чарлзу пнсьма, нсполненные самых теплых чувств, и одновременно не переставал нападать на него на страннцах прессы: по-вндимому, нменно он был автором аноннмной, полной яда статьи в «Куотерлн ревью», направленной протнв «Пронсхождеиия человека». Этого Дарвин ннкак не мог понять.

— Прихожу к печальиому выводу,— как-то заметил ои,— что Майварт, хотя и пытается сохраннть лнчнну благородства, на самом деле так закоснел в предрассудках, что не в состояннн рассуждать справедлнво.

Чонси Райт, американский натуралист, опубликовал в «Норт-Америкэн ревью» статью, в которой дал такую глубокую и всестороннюю критику взглядов Майварта, что Чарлз обратился к Райту с просьбой опубликовать его статью в виде брошюры. Гексли также бросился защищать друга, да так горячо, что Чарлз должен был успокаивать его.

— Война, мой друг, будет долгая,— сказал он,— мы с вами умрем, а она все будет длиться.

Гексли не утихомирился и написал главу ко второму изданию «Происхождения человека», в которой сравнивал мозг человека с мозгом обезьяны.

Гукер также повел борьбу с противниками Чарлза, особенно с Майвартом и Оуэном. Он, между прочим, сказал:

— У каждого из нас есть хотя бы один человек в мире, которого ненавидишь. Это способствует душевному равновесию,— при этих словах лицо Гукера нахмурилось.— У меня тоже есть такой человек, Эктон Эйртон, новый министр работ в правительстве Гладстона. Этот высокомерный джентльмен занял антинаучную позицию в отношении моего сада в Кью. Он делает все, чтобы я ушел в отставку. Поскольку он мое прямое начальство, я стараюсь сотрудничать с ним, но у него шкура, как у носорога.

И все-таки можно сказать, что для Чарлза семидесятые годы были такими же хорошими, как далекие тридцатые, когда он совершил свое плавание на корабле «Бигль», вернулся в Кембридж, где занялся обработкой привезенных коллекций, переехал в Лондон, женился на Эмме и начал писать геологические и естественнонаучные труды. Причин для огорчений почти не осталось. Он был почетным членом научных обществ, академий и университетов многих стран; «Происхождение человека» было издано в США и переведено на многие языки. Изредка случались вспышки раздражения или наступал упадок сил от чрезмерной, изнуряющей работы над микроскопом — Чарлз изучал секрецию плотоядных растений,— но все это быстро проходило. Каждый день, даже если погода была холодная, он совершал прогулку по Песчаной тропе в сопровождении своей любимой собаки.

В июне произошло событие, напомнившее о быстротечности времени. Неделю они гостили в Лондоне у Эразма. Генриетта, которой было уже двадцать восемь лет, познакомилась с неким Ричардом Личфилдом, и в августе они поженились. Дарвинам Личфилд понравился. Ему исполнилось тридцать девять лет, он был широк в плечах, а его близорукие глаза придавали ему отрешенное выражение. Ричард окончил Тринити-колледж Кембриджского университета, стал адвокатом,

основал Рабочнй колледж, преподавал в нем и был его казначеем. Когда церемония бракосочетання закончнлась, Чарлз сказал:

— Только что на нашнх глазах начался новый цикл. Наши птенцы начинают вылетать нз гнезда, напутствуемые молнтвой священнника.

— Дай-то бог,— ответнла Эмма.— Нам с тобой перевалило уже на седьмой десяток, пора внуков нянчнть.

Чарлз дал дочерн только однн совет:

— Душа у твоей матерн,— сказал он,— из чистого золота. Будь, как она.

Лицо у Эммы было совсем без морщнн, только под глазами лежали тенн. В каштановых волосах пробивалась седина, она по-прежнему носнла нх на прямой пробор, опуская на ушн наподобие крыла. Отправляясь в гости, она надевала нарядный капор с шнрокнмн лентами. Эмма роднла десятерых детей, у нее было отменное здоровье, и она всегда находнла в доме какую-нибудь работу. Эмма горднлась мужем; во многнх странах его называлн «первым ученым мира»; в этом была и ее заслуга, она ведь нянчнла его, как ребенка, больше тридцати лет. И она уже давно примирилась с тем, что онн с Чарлзом ннкогда не будут одинаково относнться ко всевышнему. Однажды Чарлз сказал ей в утешенне:

— Я отнюдь не атенст. Я не отрнцаю существованне бога. Скорее всего я агностнк; просто я не знаю точно.

Дети былн нх радостью. Нн в одном не было червоточины. Унльям большую часть времени посвящал сбору пожертвованнй на меднцннскую н другую помощь ненмущим, поскольку Саутгемптон по обнннщанню населення заннмал второе место после Бристоля. Онн часто навещалн Уильяма. Генрнетта с Ричардом поселилнсь в Лондоне, но часто наезжалн в Даун-Хаус. Онн помогали Чарлзу редактнровать его труды; у Ричарда был острый глаз на повторы. Вычнтывалн гранкн вновь публнкуемых работ, которые нескончаемым потоком шли от Джона Мэррея, таким образом, Чарлз мог не отрываться от своей работы — он нзучал под мнкроскопом росянку н ее органы пнщеварення.

Джордж, второй сын, решнл было стать юристом, но потом вернулся в Трнннти-колледж, опять занялся математнкой н начал преподавать. Теперь его увлекла астрономня, он мечтал стать полным профессором.

Чарлз одобрнл выбранный нм путь.

— Мон знакомые юрнсты говорили мне,— сказал он сыну,— что закон вещь прекрасная, еслн ты готов пнтаться в завтрак, обед и ужин опнлкамн без масла.

Ленард успешно работал в Королевском военном училище в Вулвиче, Френсис проходил практику в лондонской больнице св. Георга, Горас учился в Тринити.

В доме родителей осталась только Элизабет, радуя их сердца добротой и приветливым нравом.

Джордж и Френсис на каникулы поехали в Соединенные Штаты.

— По возвращении подробно опишите мне американцев,— напутствовал их Чарлз.

— Едем с нами, отец, сам все увидишь.

— Я Стикс-то даже не знаю, как переплыву,— содрогнулся Чарлз.

Как-то Дарвины вместе с Горасом приехали погостить к приятелю и в первый раз увидели пристроенную к дому веранду. На веранде собиралась вся семья; гости пили чай, читали газеты, просматривали новые книги. Было уютно, прохладно, легко дышалось, царил какой-то особый дух товарищества — и все-таки крыша над головой. Перед отъездом Эмма сказала:

— А у нас нельзя сделать такую веранду? Пристроить со стороны гостиной?

Дома Чарлз позвал двух плотников из деревни и начертил план веранды — длина, как у гостиной, ширина двенадцать футов. Постройка самая простая — бетонный фундамент, покатая стеклянная крыша, начинающаяся между первым и вторым этажами. Фасад совсем открытый, боковые стены в три фута высотой; рамы с частым переплетом и встроенные скамейки. Обставили веранду недорогой плетеной мебелью с красными подушками.

Веранда изменила обычное течение жизни в Даун-Хаусе, распорядок дня стал менее строгим. В хорошую погоду грелись в лучах солнца, падающих сквозь стеклянную крышу; особенно любила веранду молодежь; дети и их гости часами разговаривали на веранде, читали, играли в карты или шашки. От горячих лучей полуденного солнца с запада веранду защищали высокие липы, в июне наполняющие воздух медовым ароматом; из окон открывался вид на цветущие клумбы и солнечные часы. Чарлз с Эммой любили смотреть, как молодежь играет на лужайке в крокет.

— Ну не странно ли,— говорила Эмма,— что простое маленькое крыльцо может так сплотить семью?

— Я должен был построить такую веранду много лет назад,— сокрушался Чарлз,— так мы больше проводим времени под открытым небом, ближе к природе.

А когда он смог выменять кусок Песчаной тропы, принадлежащий Леббокам, на равноценный кусок своей земли, он

почувствовал, что наконец-то все в его мире встало на свои места.

Чарлз вынашивал планы нескольких книг, которые должны были завершить его труд «Происхождение видов». Это были по большей части работы в области ботаники: «Насекомоядные растения», «Различные формы цветов у растений одного и того же вида», «Действие самоопыления и перекрестного опыления в растительном царстве», «Способность к движению у растений». Теперь в его распоряжении было достаточно материала, чтобы написать строго научное сочинение на основе монографии «О движении и повадках лазящих растений».

Джону Мэррею постоянно требовались все новые издания его книг, а Чарлз не мог просто перепечатывать старые. Всегда появлялись какие-то новые открытия, которые нельзя было обойти молчанием; многие из них выросли на почве, подготовленной его собственными трудами; они способствовали более глубокому и строгому пониманию естественной истории. Его картотека — десятки узких ящичков с наклейками, сколоченных в 1842 году, в год переезда в Даун-Хаус,— была битком набита результатами ежедневных наблюдений над живыми организмами, рассеянными по всему лику земли. Чарлз работал больше двух месяцев над шестым изданием «Происхождения видов», расширив его, исправив ошибки, встречавшиеся в предыдущих изданиях, а в январе 1872 года закончил работу над гранками дешевого издания этого сочинения. Оно было набрано на бумаге низкого качества, мелким шрифтом, но зато число ее читателей значительно возросло. Он также доставил себе удовольствие дать в новом издании хорошо аргументированный, написанный в сильных выражениях ответ Сент-Джорджу Майварту.

Его идеям не были страшны далекие расстояния ни на земле, ни в сознании человека. Но идея пангенезиса, универсальной структуры клетки, не находила отклика у коллег-натуралистов, если не считать узкого круга друзей — Лайеля, Гукера, Уоллеса, доктора Холланда. После выхода в свет очередной книги, критикующей его теорию, Чарлз писал Уоллесу: «...я еще не опустил знамен пангенезиса...»

Опубликовав «Происхождение человека», Чарлз почувствовал, что здоровье его опять пошатнулось, и он мог теперь работать всего полдня. Но поездка на несколько дней в Лондон восстановила его силы. За весь 1872 год он написал всего одну печальную строчку: «...я старею, теряю силы; ни один человек на свете не может сказать, когда его интеллект начнет сдавать по-настоящему...»

Его интеллект, по-видимому, еще и не начинал сдавать. Он очень много работал и писал научные статьи для журналов

«Прнрода» н «Дневннк садовода». В Дауи-Хаус прнезжалн и оставалнсь пожить гостн нз Германин, Росснн, Голланднн н Соедннленных Штатов. Прежде, побыв с гостем минут десять, в крайнем случае полчаса, Дарвнн спешнл вернуться к своему уединеиию; теперь же он с большнм удовольствнем долго оставался в обществе друзей н едиомышленннков.

К сожаленню, многие его друзья переживалн в это время тяжелые днн. Джозефу Гукеру по-прежнему мешал миинстр работ; он урезал бюджет для лабораторнн, музея н бнблиотекн в Кью; уволил иесколькнх главных его помощннков; распространил слух, что н Гукеру скоро прндется уйтн. Гукер обратился к премьер-мнннстру Гладстону с просьбой вмешаться. Гладстои инчего не ответнл. Мниистр работ Эйртои поручнл Рнчарду Оуэну, давиему протнвннку Гукера, приготовить анонимный доклад для прочтення в палате общнн, который был опублнкован как официальный отчет о состояннн Ботанического сада в Кью. Оуэн бросил тень на доброе имя сэра Уильяма Гукера н его сына Джозефа; он с нздевкой пнсал о его гербарнн, перечислнл погибшие деревья, объясняя потерн плохнм руководством н небрежением.

— Я всегда стыднлся своей ненавнсти к Оуэну,— сказал друзьям Чарлз.— Теперь я буду лелеять свою ненавнсть н презрение к иему до последннх дней моей жнзнн.

Группа натуралнстов, куда вошли Лайель, Гекслн, Бентам н Дарвнн, написала письмо о Кью н о заслугах перед наукой отца н сына Гукеров, вручнв его премьер-мнннстру. В то же самое время Джозеф Гукер был нзбраи презндентом Королевского общества — высшнй пост учеиого в Англнн.

От переутомления заболел Томас Гексли, он не мог ии работать, ии отдыхать. Его доктор, Эндрю Кларк, посоветовал Гекслн отправнться путешествовать, но у того не было нн единого свободного фунта стерлиигов. Чарлз с Гукером обратнлись к друзьям и коллегам за помощью н набралн приличную сумму в две тысячн сто фунтов.

— Теперь осталось самое трудиое,— сказал Гукер.— Он ведь откажется от денег. Скажет, что это благотворнтельность.

— Я иапишу ему такое письмо,— пообещал Чарлз,— что он примет деньгн, н гордость его не пострадает.

Гекслн согласнлся. Ехать ои решнл во Францню н Германню. Гукер предложнл сопровождать его. Перед отъездом Гукер сказал друзьям:

— Я везу с собой огромный спнсок советов доктора: что Гекслн должен есть н пнть н от чего воздержнваться. Сколько должен спать и сколько отдыхать, сколько разговарнвать· и

сколько ходить. Одннм словом, я буду сразу и сиделкой и лекарем.

Гексли вернулся здоровым и полным иовых замыслов: какие он напишет книги, статьи, какие прочитает лекции, что сделает для перестройки всего народного образования в Англии.

В ноябре 1872 года вышла книга Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных»; книгу читали с таким захватывающим интересом все слои общества, спрос на нее был так велик, что очень скоро она стала самым популярным из всех его сочинений. К концу года в типографин печаталось девять тысяч экземпляров, что на тысячу превосходнло тираж «Происхождения человека». В книге были помещены иллюстрации: кошка, скалящая зубы на своего извечного врага — собаку; лебедь, отгоняющий чужака; плачущне и недовольные дети. Книгу читали в каждом доме от мала до велика. Это была совершенно новая область исследований н наблюдений; она имела такой успех, что Чарлзу пришлось заплатить в миинистерство финансов пятьдесят два фунта стерлингов подоходного налога.

— В этом году мы им заплатили больше, чем всегда,— жаловался он Эмме.— Тебе не кажется, что налоги с каждым годом растут?

— У всего на свете есть обратная сторона. Чем больше книг ты пишешь, тем больше денег за них получаешь, тем выше становится налог. Адмирал Саливен сказал, что королевский флот завоюет весь мир. А каждый корабль стоит довольно-таки дорого. Не знаешь, сколько стоил «Бигль»?

Чарлз ничего не ответил, и разговор сам собой прекратился.

Когда в «Атенее» появилась благоприятная критнческая статья, Чарлз заметил Френсису, который иеделю работал в кабинете отца:

— По-видимому, одннм противником стало меньше.

Журнал «Эдинбург ревью», тоже старый, закоренелый противник Чарлза, писал: «Господин Дарвин присовокупил еще один том забавных историй и гротескных рисунков к ряду своих удивительных сочинений, в которых излагаются н защищаются эволюционные теории».

— Я смеялся до колик,— комментировал Чарлз, не отрываясь от микроскопа.— Оказывается, я еще и писатель-юморист! После Адама Седжвика, который сказал, что, читая «Происхождение», он ие мог удержаться от смеха, это первый раз, когда мои сочинення находят забавными.

Френсис оторвался от листка, который разглядывал.

— Будь добрым христианином, отец,— сказал он.— Ненависть — плохое чувство. Подн лучше сюда н посмотри, что

делается с сырым мясом, которым ты иакормил иасекомоядиые растеиия.

Растеиия поглощали сырое мясо точио так же, как ассимилировали месиво из гороха и капустиых листьев, которым угощали их раиьше. Не отрывая глаза от объектива микроскопа, Чарлз сказал:

— Вот, оказывается, как дросера переваривает пищу. Кляиусь всем святым, ии одио открытие ие доставляло мне большего удовольствия, чем это.

Не меиьшую радость ему доставляла и индейская трефоль, чьи крошечиые листики двигались прерывистыми толчками. Как-то вечером, уже собравшись идти спать, Чарлз предложил Эмме:

— Давай посмотрим, что делает трефоль.

Оии вошли в кабиист и увидели, что растеиьице спит — все, кроме крошечиых ушек, которые, по словам Чарлза, «играли в превеселую игру».

— Дием я ии разу этого ие видел,— заметил ои.

Чарлз закоичил чериовой вариаит «Насекомоядиых растеиий» в январе 1873 года и поехал иа иеделю в Лондои иемиого развлечься. В иачале февраля ои иачал работать иад задумаииой киигой «Действие самоопылеиия и перекрестиого опылеиия в растительиом царстве». Ои уже поставил миожество опытов по перекрестиому опылеиию; ио самоопылеиие редко удавалось подглядеть ие только ему, ио и другим ботаиикам. Чарлз часами иаблюдал орхидеи и в теплице и у себя в кабииете, где цветы стояли иа камииной полке и иа столе, пока иакоиец ие поиял, что все орхидеи обоеполые растеиия, мужские и жеиские одиовремеиио. Когда иасекомые опыляют два цветка орхидеи А и Б, расположеииых иа одиом цветке, у того и другого цветка все готово, чтобы цветок А оплодотворил цветок Б и Б оплодотворил А. У цветов иа пестике есть рыльце, иад иим сейчас же пыльиик. Когда идет дождь, вода наполияет чашечку цветка, пыльца плавает иа ее поверхиости, потом оседает виин и оплодотворяет тот же самый цветок, иа котором оиа зародилась! Кроме орхидей к самоопылеиию довольио часто прибегают и лютики.

Первый раз оии поехали погостить к Фаррерам, жившим в Суррее, в поместье Абииджер-Холл; хозяии дома был женат иа одиой из дочерей Геислея Веджвуда. И все-таки Чарлз ие мог пересилить себя и через иеделю засобирался домой.

— Но мы обещали погостить две иедели,— пыталась протестовать Эмма.

— Можио ведь опять вериуться. У меия иакопилось миожество заметок о самоопылеиии. Я ие могу дольше бездельиичать. Работа — это жизнь.

Авторы многих писем из все растущего потока корреспонденции хотели бы обсудить религиозные вопросы. Чарлз отвечал на все письма, кроме непристойных. Журналы и газеты без конца просили статьи о его религиозных взглядах. На все подобные просьбы он вежливо отвечал: «Я бы не хотел выступать публично на религиозные темы».

Тем не менее он публично одобрил отмену всех теологических экзаменов в Кембридже и Оксфорде; теперь эти экзамены сдавали только студенты, изучающие теологию.

Даун-Хаус навестил некий доктор Конвей из Американской теологической школы при Гарвардском университете. Фэнни и Генслей Веджвуды приехали с ним познакомиться. Доктор Конвей был автором волнующей проповеди о дарвинизме, которую он читал прихожанам и даже опубликовал. Веджвуды прочитали эту проповедь перед заморским гостем, что тому явно очень понравилось. Когда все уехали, Эмма сидела какое-то время задумавшись, а потом сказала себе:

— Иногда просто не верится, что принадлежащий мне человек может наделать столько шуму во всем мире.

Волна смертей глубоко огорчила его. В Кембридже в возрасте восьмидесяти семи лет скончался Адам Седжвик. Чарлзу вспомнилась их давняя поездка в Северный Уэльс, теплая встреча в гостинице «Бул» три года назад. И совсем изгладилась из памяти его убийственная критика «Происхождения видов».

Вслед за Седжвиком ушла после недолгой болезни Мэри Лайель. Лайелю было уже семьдесят пять лет; его больше изумила, чем опечалила смерть Мэри.

— Я представить себе не мог,— сказал он друзьям,— что Мэри уйдет раньше. Она была гораздо моложе меня, на двенадцать лет! Я всегда думал, что умру первым.

В день своего восьмидесятипятилетия умер Генри Холланд, много лет исполнявший должность придворного лейбмедика ее величества королевы Виктории; в похоронной процессии принимали участие члены королевской семьи.

— Он был не очень тактичен, но добр и много лет лечил нас,— горевал Чарлз.

А Элизабет с торжеством прибавила:

— Он тогда согласился со мной, что у Генриетты просто была ипохондрия. С тех пор как она вышла замуж, все ее хвори как рукой сняло.

Подождав, пока отец выйдет из комнаты, Эмма прошептала:

— Есть старая пословица, Бесси: «В доме повешенного не говорят о веревке».

В августе у Чарлза обнаружнлся новый иедуг. Ои так опнсал его снмптомы Эмме — потеря памяти н постоянное ощущенне снльнейшего удара в голове. Встревоженная Эмма иастояла на поездке в Лондон для консультацнн с доктором Эндрю Кларком, который так помог Томасу Гекслн. Доктор Кларк оказался очень приятным человеком с добрыми, сострадательнымн глазами. Лнцо у него было белое, довольно красновое, с тонкнм горбатым носом, обрамленное черной с проседью бородой. В нем ие чувствовалось ннкакого снобнзма, хотя он был в чнсле самых знаменнтых лондонских меднков. Он очень внимательно выслушал Чарлза, доскональиейшим образом осмотрел его. Окончнв осмотр, сказал вселяющнм надежду тоном:

— Я смогу помочь вам, господнн Дарвнн. Но прндется прнложнть уснлня.— Теперь в голосе его зазвучалн властиые ноткн.— Во-первых, днета. Ее вы будете соблюдать очеиь строго.

Чарлз стал пнтаться только тем, что ему предпнсал доктор. Через неделю он пожаловался:

— Днета отвратнтельна.

— Но вам стало гораздо лучше.

— Да, стало. Буду н дальше насиловать желудок, чтобы ублажать голову, которая должиа быть ясной.

После месяцев воздержання Чарлз старался нзо всех снл нагнать упущенное. На завтрак — черный хлеб с маслом, яичница, жареная рыба нлн крылышко холодиого цыпленка н вдобавок чашка какао, выпнваемая со вкусом, нетороплнво. На обед нежный, хорошо прожареиный кусок мяса, хлеб, картофельное пюре, рисовый пудинг или тушеные зеленые овощн. Все это запнвалось стаканом воды с тридцатью граммамн коньяку. Иногда перед сном Чарлз выпнвал стакан воды с пятнадцатью граммами коньяку.

Болезнь больше ие возвращалась к нему, хотя он и пнсал кузену Фоксу спустя несколько месяцев (кузен Фокс был жнлеткой, в которую Чарлз долгне годы плакал): «Я забываю свон недугн, только когда работаю».

Кузен Френснс Голтои готовнл к нзданню кннгу «Ученые Англнн». Чарлз, заполняя анкету, вернул себе потерянные иа корабле «Бигль» полдюйма н напнсал, что рост его равен шестн футам.

Его так увлеклн нзучаемые с помощью мнкроскопа результаты скрещнвания растеинй, что он обратнлся к доктору Кларку лишь через четыре года, да н то только по поводу прнступов головокружеиия.

Давно забыты расстройства желудка, дурнота, сердцебиение. Эмма настаивала на частом отдыхе. Ездили гостить в Абинджер-Холл, к кузену и другу Томасу Фарреру, однажды гостили целый месяц. Чарлз любил бродить по древнеримским развалинам, находившимся неподалеку, здесь он нашел виноградный куст с рассеченными листьями, от которого взял веточки для прививки на своих кустах.

Ездили в Саутгемптон к Уильяму. Вернувшись домой после первой поездки, Чарлз сказал:

— Я последний раз чувствовал себя таким же бодрым, отдохнувшим, получившим такой же заряд энергии, как в те далекие дни, когда мы ездили в Мэр.

В Лондоне они гостили у Эразма или Генриетты. Ричард Личфилд попросил позволения привезти в Даун-Хаус попить чай на лужайке шестьдесят учеников класса пения из Рабочего колледжа. Чарлз и Эмма радушно приняли гостей, поили их чаем с печеньем и гренками с огурцами, помогая ухаживать за гостями стареющему Парсло и двум горничным.

Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из детей Дарвина не гостил в Лондоне у дяди Эразма. Еще одной семейной радостью была любовь дяди Эразма ко всем племянникам и племянницам — и детям Генслея и Фэнни Веджвуд и детям Дарвинов. Он буквально усыновил и удочерил их всех. Его дом на улице Королевы Анны стал для них вторым отчим домом. Дядюшка Рас, как они называли его, говорил им, что они могут приезжать к нему, когда хотят, жить у него, сколько хотят, располагать его домом, каретой и всем его имуществом, как своими собственными.

— Вы даже представить себе не можете, как это замечательно иметь двенадцать детей, не будучи никогда женатым! — восклицал он.

Эмма наслаждалась свободой. Ее увлекла мысль открыть в деревне библиотеку. Чарлз Муди, лондонский книготорговец, основавший библиотеки во многих городах вокруг Лондона, посчитал Даун слишком маленькой деревушкой и не включил ее в свою просветительную сеть. Жители Дауна, чтобы взять из библиотеки книгу, должны были ехать в Лондон или Бромли или ждать, когда к ним наведается книгоноша, появлявшийся раз в месяц. Кроме того, Муди сам отбирал книги для своих библиотек. Церковь в Дауне имела свою крохотную библиотечку, состоявшую из нескольких устаревших религиозного содержания томиков. Эмма устроила читальный зал, выбрала несколько книг из церковной библиотечки, другие купила и собрала у знакомых. Семьи, живущие по соседству, могли брать в библиотеке книги, уплатив тридцать шиллингов в год.

Третий сыи, Фреисис, прошел медициискиий курс в больиице св. Георга. Но практикующим врачом ои так иикогда и ие стал. Когда ему было двадцать пять лет, ои влюбился в Эми Рук, девушку родом из Севериого Уэльса; оиа прислала в подарок Чарлзу пакет с листьями от растеиий Севериого Уэльса, в котором оказалось иесколько случайио попавших туда иасекомых, чем сразу же покорила его. Фреисис вошел в кабииет к отцу, закрыл за собой дверь и сел иа зелеиый пуф.

— Отец, ты ведь зиаешь, что я ие хочу быть врачом,— сказал он.

— Я тоже этого ие хотел. А что же ты собираешься делать?

Фреисис придвинул пуф поближе к отцу.

— Я много думал об этом. И я зиаю, что мие больше всего по душе. Тебе иужеи секретарь, который помогал бы тебе справляться с твоей огромиой работой. Мои заиятия медициной довольно хорошо познакомили меия с естествеииыми науками. У меия есть диплом.

Чарлзу ие иадо было долго обдумывать предложеиие сыиа.

— Моя жизиь стала бы гораздо легче. А как ты думаешь это организовать?

— Я сегодия же включусь в работу. Когда мы с Эми поженимся, мие хотелось бы переехать в Дауи-Хаус и жить с вами одной семьей.

— Ты советовался с Эми?

— Да, оиа тоже мечтает об этом.

— А с матерью ты говорил?

— Нет еще. Я сиачала хотел узиать, иужиа ли тебе моя помощь.

— Тогда пойди поищи ее. Оиа опять что-иибудь приводит в порядок.

Эмма пришла в восторг от этой идеи, потому что из всех детей ее под родительским кровом осталась одиа Элизабет. Уильям жил в Саутгемптоие, Геириетта в Лоидоие, Ленард год назад вторым окоичил Королевский военио-инжеиерный колледж; его преподаватели были такого высокого о нем миения, что ои был послаи с группой ученых в Новую Зеландию наблюдать прохождеиие Веиеры по диску Солица; результаты этого иаблюдения должиы были помочь рассчитать расстояиие между Землей и Солицем. Горас, самый младший сыи, сдал первый экзамеи иа степеиь бакалавра в Кембриджском уииверситете. Ои собирался стать иижеиером-механиком, о чем всегда мечтал; и ои, коиечио, поедет туда, где потребуются его зиаиия и умеиие.

Иногда пустота Дауи-Хауса оглушала Эмму. Позиакомившись с Эми Рук, оиа сразу полюбила тоиеиькую, изящную

девушку, милую, спокойную, хорошо воспитанную. Услыхав предложение сына, она поцеловала его, поднявшись на цыпочки.

— Как будет хорошо! Опять сын дома и еще одна дочка. Скажи Эми, что мы ее очень, очень ждем.

— Надо будет заново покрасить одну из больших комнат с тремя окнами-фонарями, которые выходят в сад.

Френсис и Эми поженились. Отношения у Эми с Эммой и Элизабет сложились прекрасные. Она была очень милая, хрупкая молодая женщина с блестящими черными волосами, скрученными на затылке в узел. Лицо у нее было тонкое, продолговатое, темные глаза широко расставлены, взгляд спокойный. Они с Френсисом очень любили друг друга. По настоянию Эми Эмма часть домашних дел передала ей. Элизабет не возражала, она терпеть не могла заниматься домашним хозяйством. Дневные трапезы в столовой Даун-Хауса стали оживленнее, веселее, как и вечерний чай на веранде.

Френсис очень скоро проявил себя не только превосходным секретарем, но и знающим ассистентом, таким, какие помогают в исследованиях университетским ученым. Он помог Чарлзу составить из отдельных кусков рукопись о насекомоядных растениях. С одобрения Чарлза и при его помощи Френсис разработал несколько собственных программ для изучения его коллекций и их описания.

Однажды Чарлз, оторвавшись от микроскопа — он только что обнаружил новую подробность на обратной клейкой стороне листка,— сказал сыну:

— Работа — моя единственная радость в жизни!

— Смотри, чтобы мать не услышала этих твоих слов!

В начале сентября пришло письмо от Лайеля из Белфаста, где проходила конференция Британской ассоциации. С приветственным обращением к конференции выступил президент ассоциации физик Джон Тиндал. Лайель писал: «Я каждый день собираюсь поздравить Вас; здесь, на конференции в Белфасте, Ваше имя и Ваша теория встречены — без преувеличения — овацией. Что бы ни говорили о Тиндале, надо отдать ему должное — его речь была мужественным и бесстрашным выражением своего мнения...»

Речь Тиндала вызвала бурные отклики по всей Ирландии; в этой стране отношение к Дарвину было резко отрицательное; статья была опубликована и в английских газетах.

В 1874 году выступления английских натуралистов в защиту Джозефа Гукера и его работы в Ботаническом саду в Кью наконец дали результат. Премьер-министр Гладстон не мог дольше отмахиваться от протестов Британской ассоциации;

не мог он и не обратить внимания на статьи в газетах «Таймс», «Дейли ньюс» и «Пэлл-Мэлл», с похвалой отзывающихся о деятельности Гукера. Гладстон переместил министра общественных работ в Управление Верховного суда. Гукеру было позволено пригласить себе на должность помощника директора Тизелтона-Дайера, превосходного ботаника, помогавшего Дарвину исследовать насекомоядные расстения.

В начале февраля 1875 года в Дауи-Хаус приехал Джозеф Гукер. Три месяца назад скоропостижно скончалась его жена Френсис, оставив на руках отца шестерых детей. Гукер был убит горем.

— Почему? Почему Френсис? Она прекрасно себя чувствовала. Она была счастлива. Обожала детей...

— Такова воля бога,— мягко утешала его Эмма.— В вашем сердце должна быть вера.

Чарлз мог только положить руку на плечо своего друга.

Эмма с беспокойством спросила, как Гукер управляется с семьей, на что Гукер ответил подавленно:

— Только тот, кто сам пережил подобное, может понять, что такое дом без матери, в котором шестеро детей.

— Пройдет какое-то время, и вам, наверное, надо будет жениться второй раз.

Гукер покачал головой.

— Никогда,— почти не разжимая губ, проговорил он.

В кабинете Чарлза он спросил, как продвигается книга о насекомоядных растениях.

— Мне казалось, что она написана очень прилично, но теперь я нашел в ней столько мест, которые нужно переделать, что, думаю, раньше чем через два месяца она к издателю не попадет.

— Знаете, что такое два месяца в вашей творческой жизни? — заметил Гукер.— За эти два месяца у вас в голове созреет замысел еще одной книги.

— Я вчера читал, что в Америке один человек по имени Ремингтон делает аппараты, которые он называет пишущими машинками. Оказывается, можно писать без помощи ручек и чернил: просто ударяешь по клавишам с буквами, и все. Я-то сам никогда не научусь новому способу письма, а вот, пожалуй, Френсис научится. Он молод и может решиться на любой опасный эксперимент.

У сэра Чарлза Лайеля не было впереди и двух месяцев творческой жизни. Он умер 22 февраля 1875 года, спустя почти два года после смерти своей жены, умер, скорее всего, от старости. Его близкие и друзья видели, что конец близок. Гукер стал хлопотать, чтобы Лайеля похоронили в Вестминстерском аббат-

стве, где покоились многие великие люди Англии. Разрешение было дано. Крупнейший английский геолог, пионер в своей области, по книгам которого постигали науку все ученые Англии, был погребен с самыми высокими почестями. Чарлз и Джозеф Гукер написали эпитафию для надгробного камня, под которым покоился Лайель.

Чарлз был безутешен. Он очень горевал об утрате старейшего друга.

Три месяца Чарлз был с головой погружен в работу, «трудился как черт», по его словам, подготавливая второе издание «Происхождения человека». Из Кембриджа помочь отцу приехал Джордж, и все-таки работа над книгой затянулась до конца года.

«Насекомоядные растения» были изданы Мэрреем в июле: две тысячи семьсот экземпляров из первого тиража разошлись мгновенно. В который уже раз английская публика с захватывающим интересом читала о фантастических, невероятных открытиях этого странного гения — Чарлза Дарвина. Он не стал тратить время на то, чтобы отпраздновать успех новой книги, и немедленно сел за переработку «Лазящих растений», увеличив объем книги на девяносто страниц, в которых описывались последние открытия в этой области.

— Ваша прелестная книжица о лазящих растениях,— сказал ему Алфред Уоллес,— представляет собой очень интересное дополнение к вашим «Орхидеям» и «Насекомоядным растениям». Они составили ботанический триптих.

Вскоре Чарлз начал работать над отчетом о десятилетних опытах, исследующих рост и размножение растений, выросших от перекрестного опыления и самоопыления. В письме к Эрнсту Геккелю он писал: «Поистине удивительно, какое действие на потомство оказывает пыльца, взятая с растения, выросшего из саженца, который на протяжении его жизни помещали в самые разные условия».

В семье не было никаких разногласий с 1865 года, когда Уильям выступил с защитой английского губернатора Эйра, подавившего восстание на Ямайке. И вот теперь Генриетта приехала из Лондона и привезла с собой петицию, составленную некой мисс Коб, в которой требовалось запретить вивисекцию в Англии.

— Мисс Коб,— сказала Генриетта,— убедила многих важных лиц подписать эту петицию. В Лондоне петиция наделала большой шум.

— Я знаю,— сухо ответил Чарлз.— Прочитал об этом в газетах.

— Прошу тебя, отец, подпиши и ты.

— Нет, дорогая дочь, никогда не подпишу.

— Почему?

— Потому что я давно считаю физиологию одной из величайших наук. Рано или поздно она принесет человечеству огромную пользу, а развиваться эта наука может только с помощью опытов на животных,— Чарлз похлопал рукой по петиции и продолжал: — Предложение ограничить исследования только тем, что имеет непосредственное отношение к здоровью по нашим сегодняшним понятиям, представляется мне глупым ребячеством.

В глазах у Генриетты заблестели слезы.

— Отец, ты только подумай о тех страданиях, которые люди причиняют беззащитным животным!

— Животных всегда сначала анестезируют. Наша задача — как можно меньше мучить животных и в то же время не мешать физиологам в их работе.

Спор о вивисекции разгорелся вовсю и продолжался довольно долго. Муж Генриетты привез Чарлзу черновик законопроекта о вивисекции, который предстояло направить затем в парламент; была создана специальная Королевская комиссия для изучения этого вопроса. Чарлз давал показания в комиссии, председателем которой был Томас Гексли. Было внесено столько поправок, что окончательный вариант законопроекта не мог устроить ни ту, ни другую сторону.

— Закон, который позволяет мальчишкам ловить на удочку щук и насаживать на крючок живых лягушек,— сказал Гексли,— а учителям этих мальчишек под страхом штрафа и тюремного заключения запрещает использовать эту самую лягушку, чтобы продемонстрировать одно из самых прекрасных и поучительных зрелищ — циркуляцию крови в лапке лягушки,— такой закон просто не имеет смысла!

Когда бесценный Парсло, который был тридцать шесть лет членом семьи, ушел на покой, поселившись со своей женой и детьми в домике по соседству, Эмма стала давать ему ту или иную работу в усадьбе и платила столько, чтобы общий заработок у него получался приличным. Скоро она нашла нового дворецкого по имени Джексон. Это был маленький человечек с румяными щеками и длинными вьющимися бакенбардами. По внешнему виду он больше походил на клоуна, чем на дворецкого. Недостаток ума в нем компенсировался веселым нравом. Прислуживая за столом, даже в присутствии гостей, он старался не пропустить ни одного слова, а услыхав что-нибудь смешное, разражался гомерическим хохотом, чем бы в это время ни был занят — собирал ли со стола тарелки или передавал блюда с едой.

— Как ты думаешь,— спросила Эмма Чарлза,— не поговорить ли мне с ним, чтобы он вел себя более сдержанно?

— Да нет, не надо,— ответил Чарлз,— гостей развлекает его смех. Кто-то в прошлый раз назвал его «исцелителем».

В 1875 году Англия купила половину всего пая у владельцев Суэцкого канала за четыре миллиона фунтов стерлингов.

— Вот куда идут деньги налогоплательщика,— сетовал Чарлз.— И ведь только подумать, я даже не знаю, какую половину мы купили.

Джексон подумал, что это шутка, громко захохотал и даже чуть не начал аплодировать.

— Я бы назвал его скорее шутом, чем исцелителем,— заметил Френсис.

Смит Элдер, один из первых его издателей, попросил Чарлза приготовить к переизданию его старые книги «Строение и распределение коралловых рифов», «Геологические наблюдения над вулканическими островами» и «Геологические наблюдения над Южной Америкой», опубликованные тридцать лет назад. Студенты и геологи все еще нуждались в этих книгах. Как всегда, Чарлзу очень не хотелось отрываться от своей настоящей работы.

Но чувства юмора он не потерял. Вот что он писал Асе Грею в Америку: «Передайте миссис Грей наш самый сердечный привет. Я помню, что ей очень нравилось, когда мужчины хвалятся; это их так вдохновляет. Так вот, скажите ей: наша с женой турнирная таблица — мы продолжаем состязаться в триктрак — выглядит следующим образом: у нее 2490 побед, а у меня — ура! ура! — 2795!»

Он съездил в Лондон специально для того, чтобы посмотреть, как Гукер председательствует в Королевском обществе. Вернувшись домой, он сказал Эмме:

— Моя поездка доставила мне большое удовольствие. Я видел много людей, и это не причинило мне никакого вреда.

В начале нового года Эми порадовала их новостью — она ждала ребенка. Эмма и Чарлз рассчитали, что они станут бабушкой и дедушкой в середине сентября.

— Наконец-то у нас будет внук или внучка,— с восторгом повторяла Эмма.— Я так давно об этом мечтала.

— Подожди, их будет очень много,— отвечал ей Чарлз.— У тебя ведь еще четыре неженатых сына и одна незамужняя дочь.

Иногда ему казалось, что он занимается перекрестным опылением своих собственных книг. В мае он начал вносить поправки во второе издание своей книги об орхидеях. В июне занялся пересмотром (уже во второй раз) сочинения о самоопылении.

В июле один иемецкий издатель попросил Дарвина «иаписать историю развития его ума и характера и рассказать немиого о своей жизни». Это было интересиое предложение; до сих пор еще никто никогда не просил его написать автобиографию.

— Эту рукопись ты оставишь своим внукам,— предложила Эмма.

— Да, прекрасная мысль. Особенно потому, что ее исполнение оторвет меня — пусть ненадолго — от микроскопа. Я едва жив.

— Почему бы нам ие поехать в Суррей? Геислей и Фэнни несколько раз предлагали нам пожить в их летнем домике.

— Прекрасно. Я буду там писать и надуваться от гордости, как голубь-дутыш.

В Суррее ему работалось легко, без иатуги; писал он по утрам, после обеда отправлялся на прогулку. Он рассказал о своем детстве в Маунте, об отце, докторе Роберте Дарвине, о семи годах в Шрусберской школе, о трех с половиной годах в колледже Христа, о пятилетнем плаваиии на корабле «Бигль»...

«У меня привычки педанта,— писал он,— и это очень помогает в работе... Поскольку мне ие надо было зарабатывать на хлеб насущный, у меня всегда был досуг, свободное время. Даже мое слабое здоровье, хотя оио и похитило несколько лет жизни, ограждало меня от светских развлечений и забав...

...Мои успехи в науке, каковыми бы их ни считать, объясняются, насколько я могу судить, сложными и разнообразными свойствами моего ума и определенными условиями. Самые важные мои свойства — любовь к науке, безграничное терпение, благодаря которому я мог долго размышлять над одним и тем же предметом, упорство в иакапливании и объяснении фактов, изобретательность и здравый смысл. То, что я с моими скромными способностями, по-видимому, оказал существенное влияние на убеждения учеиых в некоторых важных областях, поистине для меня удивительно».

В начале августа вернулись домой; и Чарлз уже дома закончил автобиографию. Получилось около ста страниц. Чарлз дал рукопись Эмме. Она читала ее на веранде. Окончив читать, сказала:

— Это интересно. Другим будет еще интересиее. А этот издатель из Германии действительно хочет напечатать ее?

— Мие кажется, ие надо ее публиковать. Пусть возьмут отдельные куски. Но в целом это — иебольшой рассказ о моей жизни для внуков, как ты и говорила. Дети про меня знают все.

Джозеф Гукер стал ухаживать за Гайесинт Саймондс, дочерью известного геолога, и сделал ей предложение. Она была

иамиого моложе Гукера, среди учеиых пользовалась большим уважеиием. Гайесиит согласилась стать жеиой Гукера. Дарвииы были счастливы за иего; ои больше ие будет одииок, а за детьми теперь будет присматривать заботливый жеиский глаз!

Когда Эми подошло время рожать, оиа спросила Френсиса, не может ли оиа вериуться иа время родов к себе домой в Севериый Уэльс.

— Я зиаю, Фреисис, что зиачит для отца твоя помощь. Оставайся дома, я поеду одиа. Я ведь буду там со своими родителями, у иас есть домашиий доктор. Будь за меия спокоеи.

Фреисис ие соглашался. Ои хотел ехать с ией. Если придется ждать, ои может и вериуться домой, убедившись, что оставляет ее в иадежиых руках. Но Эми уверяла его, что легко переиесет путешествие. И в коице коицов Фреисис уступил, хотя иа сердце у иего щемило. Эми поехала одиа. Вскоре в Дауи-Хаус пришло письмо, которое потрясло всех. Эми умерла при родах, иикаких подробиостей в письме ие было. Младеиец же — у Эми родился мальчик — был жив и здоров.

Убитый горем и мучимый угрызеииями совести, Фреисис иемедлеиио отправился в Уэльс за сыиом. Смерть Эми глубоко раиила Эмму; оиа стала всего бояться, в душе поселилась тревога. Фреисис замкиулся в себе. Но мальчик, его иазвали Бериард, приносил огромную радость и утешеиие. Эмма наияла ему кормилицу, взяв иа себя все остальиые заботы матери. Ей пришлось ограиичить круг своей деятельиости, ио оиа ие жаловалась.

Киига «Действие самоопылеиия и перекрестиого опылеиия в растительиом царстве» увидела свет в декабре. Уильям Тизелтои-Дайер, помощиик Гукера в Кью, опубликовал в журиале «Природа» прекрасиую статью, посвящеииую кииге Дарвииа; статья послужила как бы благословеиием: до ее появлеиия было продаио уже тысяча пятьсот, а после статьи киига пошла иарасхват.

12 декабря Чарлз отпраздиовал свое шестидесятивосьмилетие. Его борода стала длииной и совсем белой. Ои убедил Эмму ие праздиовать деиь рождеиия. Но почитатели в Германии и Голлаидии решили по-своему. И Чарлз получил два великолепиых альбома, в каждый были вклееиы фотографии учеиых: в одии — иемецких, в другой — голлаидских, под каждой фотографией — иесколько благодарствеииых слов и подпись. Чарлз был глубоко троиут; очевидио, альбомы готовились ие одии

месяц. Он ответнл ученым двух стран: «...я думаю, что у каждого ученого бывают порой мннуты депресснн, когда ему кажется, что жнзнь его прожнта зря н что его труды не заслужнвают затраченных уснлнй; так вот, всю остальную жнзнь, когда мне будет нужна поддержка, я взгляну на фотографни монх выдающнхся коллег н вспомню нх добрые слова, сказанные в день моего рождення. А когда я умру, этн альбомы перейдут к монм детям как самое дорогое сокровнще».

Когда Чарлз получнл очередное почетное звание за научные труды, Френсис спроснл его:

— Отец, сколько такнх званнй ты уже получнл?

— Не знаю, Френк. Ннкогда не считал.

— А хочешь, я сосчнтаю?

— Еслн это доставнт тебе удовольствне.

Френснс сосчнтал, что отец был почетным членом семндесятн пятн зарубежных академнй н уннверснтетов; пожалуй, больше почестей, чем он, заслужнл только сэр Исаак Ньютон, который тоже окончнл Кембрнджсккй уннверснтет и был там профессором с 1669 по 1701 год.

Через неделю после дня рождення Чарлз получил уведомленне нз Даунского клуба друзей, в котором он был бессменным казначеем двадцать семь лет, о том, что члены клуба постановнлн клуб распустить, а находившиеся в казне деньгн в сумме тысяча сто пятьдесят фунтов стерлннгов разделнть между собой. На это былн две прнчнны: боязнь, что англнйское правнтельство объеднннт все клубы в один, а значнт, объеднннт и все фонды. И во-вторых, все члены клуба сталн уже состоятельнымн людьми н нужда в таком клубе как будто отпала. Чарлз сурово, по-отеческн, отчнтал свонх собратьев по клубу: «Уверяю вас, что все слухн касательно объедннення клубов н создання еднного фонда не имеют под собой никакой почвы. Я консультнровался со служащнм, которому нет ннкакой корысти обманывать вас; он подсчитал, что можно пустнть на дивиденды около тысячн пятнсот фунтов стерлннгов, а около тысячн фунтов сохраннть. Нн однн здравомыслящнй человек не станет сомневаться, что полученная сумма как раз та, которая может понадобиться для похорон нлн на леченне. Поэтому я надеюсь, что вы позволнте мне самым серьезным образом просить вас не распускать клуб не только радн вашнх жен н детей, но н радн вас самнх. Я надеюсь, вы понимаете, что я не руководствуюсь неблагородными побужденнями, высказывая вам это свое мненне...»

Члены клуба внялн его совету.

Джозеф Гукер стал сэром Джозефом Гукером. Он чувствовал себя очень неловко оттого, что в рыцарское достоинство

возвели не Чарлза, а его, хотя он на восемь лет моложе и, по его мнению, внес в науку и сокровищницу знаний гораздо меньший вклад, чем его друг и учитель.

Ученые коллеги Дарвина были потрясены, возмущены, оскорблены тем, что Чарлза Дарвина обошли. Была организована мощная кампания, требующая восстановления справедливости; участникам кампании не ответили «нет», их просто игнорировали. По-видимому, ни правительство, ни двор не желали связываться с церковниками.

— Меня это нисколько не трогает,— сказал Чарлз своим друзьям,— мои сочинения — вот мое рыцарское достоинство.

И он не кривил душой.

Дочь Гукера Хэрриет вышла замуж за Уильяма Тизелтона-Дайера, ставшего таким образом членом большой ботанической семьи Гукеров — Генсло. А через пять дней после свадьбы сэр Джозеф уехал в Соединенные Штаты по приглашению профессора Хейдена, главы американского Общества топографических и геологических исследований; ему предстояло принять участие в естественно-геологической экспедиции, участником которой был также Аса Грей; экспедиция должна была пройти по штатам Колорадо, Юта, Невада, Калифорния и закончить работу в Сан-Франциско. В задачу сэра Джозефа входило составить описание флоры, особенно лесов — их характер и размещение.

— Я почти ему завидую,— сказала Эмма.— Оказывается, что уже все, включая наших мальчишек, побывали в Америке. А мы — нет.

— Если ты найдешь перешеек, соединяющий два континента, я, так и быть, повезу тебя в Америку. А ведь, между прочим, и у нас в Англии есть одно из чудес света. Не съездить ли нам в Стоунхендж?

В Стоунхендж отправились вместе в Джорджем. Джордж, по профессии математик, показал им, что расположение камней, возможно, не случайно, его могли использовать для наблюдения за небесными объектами.

В разговоре с Горасом Чарлз на один из его вопросов ответил:

— Я часто задумываюсь над тем, что делает человека открывателем неизвестного. Это сложный вопрос. Многие очень умные люди, гораздо умнее открывателей, никогда ничего не могли открыть. Я вижу объяснение в следующем: открывает тот, кто постоянно доискивается до причины или до смысла всего происходящего. Для этого нужно иметь острый глаз наблюдателя и знать по возможности все об исследуемом предмете.

Вернувшись из Америки, Гукер сказал Чарлзу:

— Сотни людей в Америке спрашивали о вас, так что примите через меня привет от американского народа.

Чарлз работал, как одержимый.

На очереди была книга о различных формах цветов и растений одного вида. Фактически она уже существовала в отдельных записях, оставалось только собрать их в книгу. Вместе с Френсисом они очень быстро подготовили рукопись и сдали ее в печать 9 июля 1877 года. Чарлз посвятил книгу Асе Грею, который собирал статьи о Чарлзе, помещенные в американских журналах. Джон Мэррей выпустил только тысячу двести пятьдесят экземпляров книги, но их тут же расхватали те, кто любил тщательную и точную методу описаний Чарлза.

— За работой я горю как в огне.

Это означало также, что он и чувствовал себя прекрасно. Энергия била в нем ключом, он даже написал статью о поведении младенцев, используя свои записи об Уильяме; статья вышла в «Майнде» и привлекла внимание публики.

У него появился новый предмет исследования; он говорил, что это, по всей вероятности, его последний научный интерес. Он очень увлекся им, отчасти потому, что у других этот предмет вызывал отвращение. На этот раз Чарлз занялся червями!

Вернувшись из плавания на корабле «Бигль», он не раз задумывался над жизнью этих пресмыкающихся. Как-то он гостил в Мэр-Холле у дяди Джоза, и дядя Джоз показал ему, сколько земли нанесли на его газоны черви. Спустя год Чарлз написал и прочитал в Геологическом обществе доклад, в котором утверждал, что дай земляным червям время, и они похоронят под слоем почвы все, что находится на поверхности земли. Двадцать лет никто не вспоминал об этом сообщении, только однажды в «Гарденерс кроникл» появилась статья, опровергающая точку зрения Чарлза. И он тогда же решил, что придет время, и он ответит своему критику.

И вот время пришло.

Много месяцев изучал Дарвин анатомию, повадки и работу земляных червей. В его кабинете повсюду стояли горшки с землей.

— Я хочу выяснить,— сказал он Френсису,— в какой степени они действуют сознательно, есть ли в их действиях проявления разума. Мне тем более это интересно, что, насколько я знаю, очень мало ученых занималось до сих пор такими низкоорганизованными животными.

— Многие считают,— пожал плечами Френсис,— что черви годятся только для насадки на крючок.

— Это неправильно. Черви принимают участие в формировании гумуса — верхнего слоя почвы в странах с влажным климатом.

— А для чего нужен гумус? И как черви формируют его?

— Ты видел маленькие земляные холмики — их бывает везде очень много? Эти холмики нарыты червями.

— А что еще мы должны узнать о них? — спросил Френсис, тон его говорил, что он отнюдь не уверен, что черви — достойный объект исследования для такого ученого, как Дарвин, магистра гуманитарных наук, члена Королевского общества.

— Все: их строение, их чувства, железы внутренней секреции, повадки, разум, что они едят, как переваривают пищу, как роют свои ходы, как подрывают крупные камни и погребают их под слоем земли, вес земли, которую они выносят на поверхность...

Френсис свистнул.

— Опять за микроскоп! Меньше всего я ожидал, что буду резать червей, как ты резал усоногих рачков.

— Черви играют куда большую роль в истории земли, чем ты думаешь. Археологи должны быть им благодарны за то, что они сохраняют на протяжении необозримо долгого времени под своими холмиками предметы, не поддающиеся гниению, причем сохраняют так же успешно, как мы с помощью лопат и заступов.

Эмма была удивлена гораздо меньше, чем Френсис.

— Всюду, где есть жизнь, отец устремляет свой ум исследователя,— сказала она ему.

Генриетте Эмма написала:

«...Отец был очень счастлив, найдя в земле два старых камня. Он нанял человека, который роет для него червей. Он хочет понять, как черви постепенно подрывают камни, а потом погребают их под слоем земли. Пойду отнесу ему зонтик».

Прогуливаясь по соседнему полю, которое он знал как свои пять пальцев, Чарлз обнаружил, что все камни на нем, благодаря земляным червям, каждый год уходят в землю на четверть дюйма. Более трудная задача — выяснить, сколько земли выносит на поверхность один червь. Вскоре удалось установить, что на меловых холмах вблизи Дауна черви поднимают на поверхность восемнадцать тонн земли ежегодно!

Все эти годы Чарлз был вполне доволен своим кабинетом, хотя иногда и приходилось набросить на плечи плед — окна были слишком близко к рабочему месту; и вот наконец в его кабинете негде повернуться: весь он забит книгами, картотеками, инструментами, глобусами, чучелами, стены увешаны фотографиями, портретами, картами. И Чарлз решил выстроить себе новый большой кабинет за гостиной. Он выбрал проект подешевле, сам наблюдал за строительством; пришлось перестроить также крыльцо, входную дверь и сени.

К осени 1877 года все содержимое старого кабинета было размещено в новом. Нашлось место для кушетки, на которую можно было прилечь, появилось глубокое кожаное кресло, длинный широкий стол, на котором лежали рукописи, книги, статьи, письма, бумага, чернильница с ручками. Его стул, как всегда, стоял в углу у большого окна с широким подоконником, на нем — книги и журналы. Он попросил местного плотника приделать к ножкам стула колесики, чтобы разъезжать в нем по всему кабинету.

Однако переезд в новый кабинет не решил проблемы: полгода спустя новый кабинет стал таким же тесным. Увидев, как полки набиты книгами, Эмма сказала:

— Да, природа не любит пустоты.

Как-то Чарлз, одетый в свой длинный плащ, бродил один по окрестным полям. Задумавшись, остановился и долго стоял, не шелохнувшись, так что белки решили, это дерево, и запрыгали по его ногам и спине. Жесткошерстный фокстерьер Полли, которого Генриетта, переезжая в Лондон, оставила в Даун-Хаусе, чуть не лишился от такой наглости собачьих чувств. Он знал, что Чарлз — большой пес. К нему очень хорошо прыгать на колени, когда можно, конечно, и дремать на них.

Чарлз был находкой для карикатуристов. Журналы «Лондон-скетч-бук», «Панч», «Хорнет» то и дело помещали на него карикатуры скорее веселые, чем злые. Его голова, лицо, длинная белая борода изображались очень похоже, тело же было обезьянье, волосатое, а на ногах когти.

Старший сын Уильям объявил о своей помолвке с американкой Сарой Седжвик.

— Я очень, очень этому рад,— сказал Чарлз.— Уильяму тридцать восемь лет, и я уж думал, что он останется холостяком.

Уильям, живший в Саутгемптоне, упал с лошади. Доктор Эндрю Кларк высказал предположение о возможном сотрясении мозга. Горас, которому было уже двадцать шесть лет, ухаживал за братом и исполнял роль секретаря, отвечая на деловые

письма. Почти одиовремеиио Леиард, строивший форты для Британской империи, упал иа теииисном корте и так сильио расшиб колеику, что иесколько дией пролежал в постели. За Леиардом ухаживала Элизабет. В Лоидоие заболел Личфилд, Генриетта ухаживала за своим мужем так же заботливо и предаиио, как мать за отцом. Эмма хвалила Геириетту.

— Ничто так ие сближает, как болезии,— сказала оиа.

Но самое большое переживаиие выпало иа долю Эммы. Миогие годы у иее были самые лучшие отиошения с местиым священииком. Вместе с преподобиым мистером Иниесом оии занимались всевозможиыми приходскими делами, местиой школой, помогали бедиякам; с преподобиым Геири Пауэлом, смеиившим мистера Иииеса, оиа тоже ладила. Но с последиим свящеииником — преподобиым Джорджем Фиидеиом оиа иикак ие могла найти общего языка. Ои был тори и выступал против всего, что всегда отстаивали Веджвуды и Дарвины. На все приходские дела в Дауие у иих с Фиидеиом были противоположиые точки зрения. Оии так ссорились иа местных собраниях, что Эмма перестала их посещать. И вот иа диях преподобный Фиидеи совершил вопиющую бестактиость. Читая в воскресеиье утреииюю проповедь, ои позволил себе иапасть иа Дарвииа и его сочииеиия в присутствии Эммы и Элизабет.

Услыхав слова свящеииика, обе жеищииы подиялись со своей фамильиой скамьи и удалились из церкви. Эмма всю дорогу домой ие иаходила слов от возмущеиия. Распахиув дверь в иовый кабииет мужа, оиа воскликиула:

— Нет, ои иепроходимый болваи! Ноги моей больше ие будет в дауиской церкви. В то воскресеиье я пойду за две мили в Кестои и помолюсь в кестоиской церкви.

Разобравшись, в чем дело, Чарлз сказал:

— Я провожу тебя. Ну а как же быть зимой? В дождь и грязь туда трудио добираться. Ты ведь ие захочешь, чтобы иаш кучер возил иас и в воскресиые дии?

Эмма опять возмутилась:

— Если я ие могу в воскресеиье пройти в иепогоду две мили, то какая же я добрая христиаика!

Чарлз обиял жеиу.

— Ты ие только добрая христианка,— сказал ои, утешая ее,— ты святая мучеиица. Я так и вижу тебя иа ареие Колизея в Риме, ты отгоияешь иападающих иа тебя львов и кричишь императору, что ои подлый язычиик.

Немного успокоившись, Эмма поцеловала его в щеку и сказала:

— Ну почему имеиио иам из всей Аиглии достался этот хаижа?

Чарлз усмехнулся. Его жена Эмма была такой же рьяной христианкой, как и преподобный Финден; и вот она сражается с ним в защиту своего мужа-вероотступника.

Эмма так никогда и не примирилась с тем, что муж ее не был возведен в рыцарское достоинство. Кембриджский университет объявил, что Дарвину присуждена степень доктора юридических наук, высшая ученая степень, которую университет мог присвоить. Церемония вручения диплома состоялась 17 ноября в Сенатском зале университета (степень магистра университет присвоил Чарлзу сорок лет назад). Чарлз согласился поехать на церемонию.

Семейство остановилось в гостинице «Бул». На другой день Эмма, Элизабет, Ленард и Горас вошли в сенат через боковую дверь. Зал сената представлял собой удивительное зрелище. Галереи по обеим сторонам были переполнены, в партере яблоку негде было упасть, студенты стояли на подоконниках, висели на статуях.

Время от времени там и здесь слышался смех... Когда вошел Дарвин в красной мантии, шум поднялся невообразимый. Дарвин улыбнулся и стал ждать появления вице-канцлера. Вдруг откуда-то сверху на веревках, идущих от галереи, спустилась навстречу Дарвину большая игрушечная обезьяна. Веселье поднялось неописуемое — кембриджские студенты радовались шутке, которую они приготовили для Дарвина.

Наконец появился вице-канцлер в красной мантии, отороченной белым мехом; начались поклоны и рукопожатия, затем Чарлза проводили по проходу между рядами два жезлоносца. Оратор на трибуне прочитал скучнейшую речь на латыни, студенты, согласно традиции, прерывали его одобрительными возгласами. Затем Дарвин с сопровождающими лицами подошел к вице-канцлеру. Против правил, он не встал на колени. Наконец церемония была окончена, все подходили к Дарвину и пожимали ему руку.

В честь Дарвина было устроено много обедов и встреч. Чарлз побывал в своих старых комнатах, где он жил, учась в колледже,— отдал дань сентиментальным воспоминаниям. Показал детям цветущий Ботанический сад, который заложил Джон Генсло, прогулялся по городу с дипломом доктора в кармане своей шелковой мантии.

В тот же вечер Томас Гексли произнес речь, посвященную Дарвину, в Кембриджском философском обществе. «Замкнулся круг»,— подумалось Дарвину. Это было то самое общество, которое в 1835 году опубликовало отрывки из его писем Джону Генсло, написанных на борту корабля «Бигль», с комментариями Адама Седжвика.

Сэр Джозеф Гукер уднвнл всех: его молодая жена роднла ему сына. Томас Гекслн не уднвнл ннкого, обрушнв иа мир целую лавнну лекцнй, монографнй н кнпг, н в конце коицов тоже, как н Дарвии, получил степень доктора юрндческих наук.

Этой знмой Чарлз с Френснсом месяц работалн в новом кабннете, стараясь доказать, что спячка растеинй иужиа для того, чтобы лнстья меньше страдалн от радиацнн. Весной он поехал в Лондон повндать доктора Эндрю Кларка по поводу частых головокруженнй. Доктор Кларк посаднл его иа сухую днету и отказался от гонорара. Не взял он денег н посетнв Чарлза в Дауи-Хаусе, чем поставнл Чарлза в затрудннтельное положенне: неудобно было прнглашать врача, который ие берет платы.

Унльям продолжал заннматься общественной помощью бедиякам в Саутгемптоне; прн его активном участнн была органнзована профессиональная школа, где преподавалнсь такие разиые предметы, как жнвопнсь н химия. Когда ои прнехал в Дауи-Хаус повидать роднтелей, Чарлз сказал сыну:

— Не попробуешь лн ты уговорнть доктора Кларка брать хотя бы символнческнй гонорар? Так мне будет легче.

Унльям попробовал. Доктор Кларк даже рассердился.

— Даун-Хаус — это Мекка для всего ученого мнра. Так вы полагаете, что за прнвнлегню посещать Мекку я должеи получать деиьги?

Годовалый сын Фреиснса Бериард, веселый жнвой мальчик с яснымн глазамн, радовал всю семью. И все-таки Эмма требовала, чтобы Чарлз почаще устранвал себе каинкулы. Побывали в прелестном озерном крае в Камбрнн, где броднлн по крутым, обрывистым скалам. Чарлз, даже жалуясь, говорнл с восторгом об этом краснвейшем месте Англии.

Он иапнсал Алфреду Уоллесу: «Чувствую себя сносно, хотя все время такое ощущеине, что не жнву, а умираю. Тем не менее продолжаю исследовать пснхологню растений; я знаю, что сразу же умру, если перестану работать...»

Алфреда Уоллеса постоянио преследовало бездеиежье. Его единственным источннком дохода, на который он кормил все растущую семью, былн кннгн н статьи для журиалов, за которые очень мало платили. Он понимал, особенно после того как женнлся, что ему необходимо найтн постоянную работу. Он уже обращался в Королевское геологическое общество с просьбой дать ему оплачиваемую должность помощиика секретаря. Но на эту должность иазначнлн его

друга и товарища по путешествиям Генри Бейтса. Он просил место директора музея в Бетнал Грин и управляющего в Энтинг-форест. Всюду ему было отказано, эта третья неудача совсем выбила его из колеи; он не видел будущего для своей семьи. Чарлз поехал в Лондон и пригласил друзей на обед в дом дяди Эразма.

— Ничего больше не остается,— сказал он, обращаясь к Гукеру и Гексли,— мы должны выхлопотать правительственную пенсию для Уоллеса. Это замечательный ученый, мы должны ему помочь.

Разработали план действий. Сначала Чарлз написал несколько писем в разные инстанции. Хлопотали целый год, просили, уговаривали и наконец убедили правительство выплачивать Уоллесу пожизненную пенсию в двести фунтов стерлингов в год.

Времена года в 1878 году точно с ума сошли. В июне разразилась тропическая гроза с градом. Градины были такие крупные, что Дарвины боялись за стеклянную крышу веранды. Теперь, в октябре, намного раньше срока выпал снег на еще не опавшие листья. Под тяжестью снега у многих деревьев в саду обломились ветви.

Вдруг непредвиденная радость — письмо от некоего мистера Антони Рича из Гина, графство Уортинг. Мистер Рич писал, что они с сестрой последние представители семьи и при таких обстоятельствах «должны помнить о тех, чьи таланты приносят наибольшую пользу человечеству». Поэтому они оставили почти все свое состояние Чарлзу Дарвину. Это были акции домостроительной компании в Корнхилле, которые приносили тысячу фунтов в год.

Чарлз хотел было отказаться от наследства. Но ни в ком не нашел поддержки — ни в Эмме, ни в детях, ни в друзьях. Все они, в том числе Личфилд, Гукер, Гексли, Уоллес, в один голос заявили: «Примите эти деньги! Пусть эта тысяча фунтов пойдет через Королевское общество молодому натуралисту, который нуждается в помощи. Этим вы подадите прекрасный пример. Возможно, и другие люди будут оставлять часть своего состояния натуралистам и ученым обществам. Такого ведь раньше никогда не было».

И он получил это наследство.

Туринское научное общество присудило Дарвину Брессовскую премию, он получил положенные ему сто фунтов стерлингов и отправил Неапольской зоологической станции письмо, в котором писал, что если станции понадобится аппаратура стоимостью приблизительно сто фунтов стерлингов, то пусть ему позволят за нее заплатить.

За несколько дней до своего семидесятипятилетия Чарлз вошел к себе в кабинет и остолбенел, увидев на столе роскошную меховую шубу. Следом за ним вошли сыновья и Элизабет и хором воскликнули:

— Это подарок! Наш подарок ко дню рождения! От всех нас! Померь!

Шуба пришлась в самый раз. Он обнял детей. Генриетта, принимавшая участие в подарке, была в Лондоне.

— Я не смогу ее носить.

— Почему, отец?

— В наших широтах таких холодов не бывает.

Но Чарлз ходил в этой шубе так часто, что даже боялся совсем износить ее.

В ноябре 1880 года он узнал о наводнении в Бразилии, в котором чуть не погиб его друг Фриц Мюллер. Чарлз немедля написал его брату Герману Мюллеру, что если в наводнении у Фрица погибли книги и инструменты, то он просит, чтобы ему позволили «во имя науки возместить потерянное — наука не должна страдать».

Приблизительно в то же время младший сын Горас женился на дочери их друга и родственника Томаса Фаррера. Дарвины любили, чтобы браки детей совершались в пределах семьи. Дома остались только Френсис и Элизабет да еще маленький Бернард — Эмма и Чарлз растили внука, вспоминая с умилением, как растили своих первенцев на Аппер-Гауэр-стрит, 12.

Подобно тому как года два назад погода вдруг удивила своими капризами, так и сейчас, точно снег на голову, на Дарвина свалились неприятности, хотя сам он, в сущности, ни в чем виноват не был. Самюэль Батлер, внук директора шрусберской школы, в которой учился Дарвин, известный своим сочинением «Еревуон» — почти точное обратное написание английского «никуда», выпускник кембриджского колледжа Сент-Джон, опубликовал книгу «Эволюция — старая и новая», в которой отстаивал взгляды доктора Эразма Дарвина в противовес взглядам его внука Чарлза. Спустя немного времени доктор Эрнст Краузе, научный редактор своего журнала «Космос», опубликовал краткую биографию доктора Эразма Дарвина, собираясь затем переработать ее в книгу. Он попросил Чарлза написать коротенькое вступление о своем деде.

Прочитав все это, Батлер послал в «Атеней» разгневанное письмо, обвинив Краузе в том, что он заимствовал из его книги целые параграфы без указания на источник, а Чарлза — в содействии плагиату. Дарвины собрались на семейный совет.

— Отец должен защитить свое доброе имя,— настаивали сыновья.

Эмма, Генриетта и муж ее Ричард были категорически против.

— Удостоить вниманием этот пасквиль — слишком большая для него честь,— сказал Личфилд.

Самюэль Батлер поместил в «Сент-Джеймс газетт» еще одно письмо, в котором недвусмысленно намекал, что Чарлз Дарвин — лжец.

Гексли на этот раз с сардонической усмешкой заметил:

— Позвольте мне процитировать Гёте, который тоже бывал объектом подобных нападок: «У каждого кита есть своя вошь».

В начале августа 1881 года Чарлз и Эмма отправились в Лондон навестить Эразма. Туда же по делам службы приехал Уильям. В Лондоне в это время находился и Френсис, который водил свою сестру Элизабет по театрам и выставкам.

При встрече с Эразмом Чарлз сказал ему:

— Твой дом на улице королевы Анны — совсем как Даун-Хаус.

— Совершенно справедливо. А Даун-Хаус — совсем как Маунт.

Дарвины пробыли в Лондоне три дня. Вид у Эразма был больной — ему уже было семьдесят семь лет, но держался он бодро. Поэтому, когда 26 августа в Даун-Хаус пришла телеграмма, извещавшая о смерти Эразма, Дарвинов это известие поразило как гром среди ясного неба. Умер Эразм после непродолжительной болезни. Смерть его была легкой.

Для Чарлза эта смерть была тяжкой потерей: словно часть Англии навсегда канула в морскую пучину.

— Раса нельзя хоронить в Лондоне,— сказал он родным.— Я привезу его в Даун, и он будет лежать на кладбище возле церкви. Тогда мы каждый день будем проходить мимо его могилы, и он будет знать, что его помнят.

Эразма похоронили там, где хотел Чарлз. Похороны были скромные. После похорон Уильям сказал:

— Удовольствие от поездок в Даун может сравниться только с тем удовольствием, которое я получал, навещая дядю Раса всякий раз, когда бывал в Лондоне. И не только потому, что он был моим дядей. Я с детства помню его мягкость и доброту; он всегда умел расположить к себе людей,

доставнть нм радость. Да н когда я вырос, каждая поездка к нему была для меня счастьем. Он был на редкость обаятельный человек.

В письме к Томасу Фарреру Чарлз пнсал: «Смерть моего брата Эразма — большая утрата для всей нашей семьн. Эразма отлнчало уднвнтельное добросердечне. Я в жнзнн не встречал такого мнлого человека. С ннм было ннтересно разговарнвать на любую тему. Как больно, что этнх бесед больше не будет! По-моему, он не чувствовал себя счастлнвым, н многне годы жнзнь не нмела для него ннтереса, однако он не роптал. Хорошо хоть, что в последнне свон днн он не очень мучнлся. Неужелн мне ннкогда больше не суждено увндеть этого человека?»

Своей сестре Каролнне Эразм завещал прнлнчную сумму. Остальная его собственность, в том чнсле н дом на улнце королевы Анны, досталась Чарлзу н Эмме. Это было солндное состоянне.

— Пожалуй, нам не стонт распоряжаться нмуществом Раса,— сказал Чарлз жене.— Он хотел, чтобы оно перешло к нашнм детям. Для ннх мы его н сохранвм.

Годы сказывалнсь на Чарлзе куда снльнее, чем на Эмме. Хотя разннца в возрасте у ннх была всего несколько месяцев, он казался гораздо старше жены. То лн продолжнтельные болезнн, то лн упорная нзнурнтельная работа, то лн окладнстая белоснежная борода н седнна под мягкой черной шляпой прндавалн Дарвнну внешность некоего вселенского патрнарха. Глаза его глубоко запалн, н выглядел он так, будто вот-вот распростнтся с этнм мнром, но это его не очень расстранвает. Конец его жнзнн был уже недалек; по его собственным словам, кратер вулкана наполннлся до самых краев.

В гостнной он поставнл на пнаннно Эммы банку с землянымн червямн; Эмма уже н не занкалась о том, что червям место в теплнце. Чарлз пытался установнть, как реагнруют червн на свнст н другне звукн. Червн не обращалн на ннх ннкакого вннмання. Тогда Чарлз взял несколько высокнх нот на фортепьяно. Червн поспешно спряталнсь в землю.

— Наверное,— язвнтельно заметнла Эмма,— кроме тебя, еще ннкто не устранвал фортепнанные концерты для червей.

К большому камню, который водрузнлн на газоне, Горас прнладнл ннструмент, который показывал, на какую глубнну камень ушел в разрыхленную червямн почву н за какое время. Френснса этот опыт очень заннтересовал, но женщнны, как нн странно, былн к нему совершенно равнодушны.

Рукопись книги «Дождевые черви» Джон Мэррей получил в апреле 1881 года. Книга вышла в свет 10 октября. Две тысячи экземпляров разошлись мгновенно, а к концу года было продано пять тысяч.

О земляных червях заговорили повсюду.

— Надо же, с каким восторгом встретили мою книгу — смех, да и только! — восклицал Чарлз.

Джозеф Гукер, считавшийся одним из самых авторитетных ботаников мира, признавался в письме к Чарлзу: «...по правде говоря, я счнтал червей самыми беспомощными н безмозглыми тварями на свете. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что у них есть личная жизнь и общественные обязанности! Теперь я буду с уважением относиться даже к тем червям, которые живут у нас в цветочных горшках, и онн теперь для меня не просто корм для рыб».

Чарлз не испытывал особого желания затевать новые длительные исследования. Он с большим удовольствием занимался менее значительными проблемами. «Два месяца я изучал воздействне углекнслого аммиака на хлорофнлл н корни растеннй, но мне трудно разобраться в этом вопросе: некоторые непонятные явления, которые я наблюдал, я просто не могу объяснить. А только записывать свои наблюдения мне совсем неинтересно».

Он горячо поздравнл Гораса и Иду с рожденнем первого сына. Долго утешал Бернарда, когда его кормилица вышла замуж н уехала. Попросил Уильяма, опытного банкира, заняться денежными деламн семьи, оценить стоимость всего имущества и рассчнтать, сколько получит каждый из его детей.

Уильям оценнл все состоянне отца в двестн восемьдесят тысяч фунтов стерлингов плюс деньги Эммы. И выработал формулу, по которой каждый сын получал пятьдесят три тысячи фунтов стерлингов, а дочери — по тридцать четыре тысячи. Таким образом, дети Чарлза были обеспечены на всю жнзнь.

Это было его мечтой.

Чарлз не сказал ни Эмме, нн Унльяму, что у него начал слабеть пульс. Френсис повез его в Лондон к доктору Кларку.

— Есть небольшие неполадки, но это не страшно,— сказал им доктор.

Чарлз знал, что это не так, но возражать не стал. Несколько дней спустя, идя в гости к одному из друзей, Чарлз почувствовал себя плохо. Кое-как дотащился до дому, постучал в дверь. Друга дома не оказалось. Дворецкнй, вндя состояние

Чарлза, пригласил войти. Чарлз отказался. Дворецкий спросил, не поискать ли кеб. Чарлз опять отказался.

— Не хочу причинять вам беспокойство.

Не позволил дворецкому проводить себя. И побрел в ту сторону, где легче было найти кеб. Пройдя шагов триста, он пошатнулся и, чтобы не упасть, должен был схватиться за решетку ограды.

Это было начало конца. Но еще не самый конец. Начался сильный кашель, пришлось лечь в постель. Эмма поила его хинином, от которого ему стало лучше. Он не забыл послать Гукеру двести пятьдесят фунтов — Гукер составлял «Индекс» — полный список опубликованных когда-либо названий всех известных растений с указанием их автора и места публикации. Отдал распоряжение душеприказчикам и детям, чтобы они выплачивали Гукеру ежегодно двести пятьдесят фунтов, пока тот не закончит составление «Индекса».

Джордж ходатайствовал о получении места профессора математики и натурфилософии в Кембридже с окладом восемьсот фунтов в год; когда через год он получил это место, Чарлз сказал домочадцам:

— Не сомневаюсь, что в один прекрасный день Джордж станет великим математиком.

Ежегодная конференция Британской ассоциации 1882 года должна была состояться в Саутгемптоне, и Уильям, как сын Чарлза Дарвина, решил взять на себя ее устройство.

— Смотри,— предупредил его Чарлз,— кто везет, того и нагружают.

Последним проявлением воли к жизни были две коротенькие работы для Линнеевского общества; одна — о его исследовании корней, другая — о хлорофилловых зернах. К большой его радости, Ленард женился, его молодую жену звали Элизабет Фрейзер. Четверо сыновей из пятерых были женаты.

На последней неделе февраля и в начале марта его сильно мучили боли в области сердца, к вечеру начиналась аритмия. Теплые дни он проводил в саду с Эммой, потому что «любил слушать пение птиц и смотреть на распустившиеся крокусы».

7 марта он решил прогуляться по любимой тропе, но у него опять сделался сердечный приступ. Болезнь приняла такой серьезный характер, что Эмма послала за доктором Кларком.

Пригласили специалистов из больницы св. Варфоломея и св. Марии Крей. Врачи ничего не могли сделать, чтобы снять у него ощущение сильнейшей слабости. С глубокой

печалью он начинал осознавать, что работать больше не сможет.

15 апреля за обеденным столом у него начался мучительный приступ головокружения, он встал и, сделав шаг в сторону шезлонга, потерял сознание. Через два дня с ннм опять случился глубокий обморок. С большим трудом его привели в чувство.

За Чарлзом ухаживали Эмма, Френсис и Элизабет. Дали знать о состоянии отца Генриетте. Генриетта приехала утром девятнадцатого, накануне у Чарлза был еще более тяжелый сердечный приступ. Оставив у отца Генриетту, Эмма спустилась вниз, чтобы немного отдохнуть. Генриетта и Френсис сидели по обеим сторонам его постели. На секунду придя в себя, Чарлз взглянул на дочь и тихо произнес:

— Ты самая лучшая из сиделок.

Чарлз отходил. Генриетта пошла за матерью и сестрой. Чарлз в последний раз открыл глаза. Ему удалось вложить свою ладонь в ладони Эммы.

— Я не боюсь умереть,— сказал он.

Эмма поцеловала его в лоб и прошептала:

— Ты и не должен бояться.

Через несколько минут Чарлз вздохнул в последний раз. Один из врачей закрыл ему глаза.

Эмма с детьми спустилась вниз, там ждали родные. Генриетта отметила про себя, как спокойно и естественно держнтся мать. Принесли чай. Эмма позволнла себе улыбнуться на миг какой-то мелочи.

— В чем секрет, мама, твоего спокойствия н самообладания? — спросила Генриетта.

Эмма секунду помедлила, затем сказала, глядя на дочь добрыми, понимающимн карими глазами.

— Отец, наверное, не верил в бога. Но бог верил в него. Там, куда он ушел, он будет покоиться в мире.

Семья решила не устраивать пышных похорон и предать Чарлза земле на старинном кладбнще возле церкви рядом с братом Эразмом и детьми Мэри Элеанор и Чарлзом Уорингом. Джон Леббок рассудил иначе. Он послал петицию, подписанную двадцатью членами палаты общин, настоятелю Вестминстерского аббатства доктору Брэдли. В петиции говорилось: «Глубокоуважаемый сэр, мы надеемся, вы не сочтете вольностью с нашей стороны утвержденне, что большинство наших сограждан всех сословий и убеждений полагает желательным похоронить нашего замечательного соотечественника в Вестминстерском аббатстве».

— Я вполне разделяю ваши чувства,— сказал Джон Леббок родным,— и я лично тоже предпочел бы, чтобы ваш отец покоился в Дауне и был бы всегда рядом. Но с общенациональной точки зрения Чарлз, несомненно, должен быть похоронен в аббатстве.

Похороны состоялись 26 апреля 1882 года. Гроб несли Джозеф Гукер, которого Чарлз называл самым дорогим другом; Томас Гексли — «Дарвинов бульдог»; Алфред Уоллес, заявивший, что «происхождение видов целиком заслуга мистера Дарвина»; Джон Леббок, называвший Дарвина своим учителем; Джеймс Рассел Лоуэлл, американский посланник при Сент-Джеймсском дворе, который хотел, чтобы его страна была представлена на похоронах; Уильям Споттисвуд, президент Королевского общества; каноник Фарар; герцог Девонширский; граф Дерби; герцог Аргильский.

В Вестминстер на похороны приехали представители Франции, Германии, Италии, Испании, России, члены академий и ученых обществ, друзья и почитатели.

Дарвин не был возведен в рыцарское достоинство, он так и не стал сэром Чарлзом Дарвином, но и англиканская церковь, и вся титулованная Англия оказали ему самые высокие почести в его последнее появление перед публикой. В соответствии с правилами процессии первыми шли члены королевской семьи, затем вестминстерские плакальщики, старшие священники аббатства, жезлоносец, затем друзья несли гроб, сопровождаемый родными, слугами; процессию завершали представители ученых обществ, академий, университетов...

Место последнего успокоения для Дарвина настоятель Вестминстерского аббатства выбрал, очевидно, в минуту озарения: гроб опустили в северной стороне нефа, там, где сквозная загородка отделяет хор, в двух шагах от могилы сэра Исаака Ньютона.

Похороны были торжественные. Впускали только тех, кто был в трауре, но под древними сводами ощущалась не безысходная скорбь, а восхищение и гордость от сознания того, что такой человек мог жить на земле.

По мнению Эммы, иначе и быть не могло. Она так и не стала называться леди Дарвин, но сегодня были достойно оценены заслуги ее мужа, с которым она прожила сорок три года и который «наделал столько шуму во всем мире».

По дороге домой Уильям сказал Френсису:

— Надеюсь, мои слова не прозвучат неуместно, но вообрази себе, какие восхитительные беседы будут каждую ночь

вести наш отец и сэр Исаак Ньютон, когда с наступлением ночи собор опустеет и затихнет.

Оставалось самое простое — сочинить эпитафию для надгробного камня. Гукер и Гексли попробовали, но оказалось невозможно двумя-тремя фразами передать все величие труда Дарвина.

— Самое лучшее,— предложил Гексли,— высечь на камне потрясающие слова американского поэта Эмерсона:

«Берегитесь,
когда Вседержитель
посылает на землю
мыслителя».

Но их предвосхитили. Чарлз подумал и об этом. Он не хотел, чтобы на его надгробье было какое-нибудь изречение. На камне уже было все, что нужно:

ЧАРЛЗ РОБЕРТ ДАРВИН
родился 12 февраля 1809
умер 19 апреля 1882.

Дарвин потряс мир.

Но не весь.

На другой день после похорон в Вестминстерском аббатстве фирма часовщиков с Флит-стрит отправила письмо банку Мартина в Лондоне. В письме говорилось:

«Сэр, мы сегодня выписали чек на 28 000 фунтов стерлингов и таким образом закрыли счет в вашем банке. Причина, почему мы закрыли счет, открытый так много лет назад, такого свойства, что ее можно расценить не соответствующей результатам... Причина заключается единственно в том, что мистер Р. Б. Мартин присутствовал вчера в Вестминстерском аббатстве, одобряя тем самым происходившую там церемонию не просто как частное лицо, а, по-видимому, как один из членов общества, которое дошло до того, что поддерживает и почитает теории мистера Дарвина. Мы полагаем, что пришел день, когда все те, кто не стыдится отстаивать истину бога живого, заключенную в его словах, объясняющих акт творения, которые даны им на горе Синай и записаны в книге Бытие, должны наконец открыто заявить о своей позиции.

Мы озабочены тем, чтобы господь по крайней мере засвидетельствовал нашу веру в истинность каждого его утверждения, которые находятся во всех книгах Библии, начиная от книги Бытие и кончая Апокалипсисом.

Мы понимаем, что наш собственный слабый голос потонет в восторженном хвалебном гимне человеку, чьи смешные и злобные теории мы считаем ужасным богохульством.

Да будет так. Грядет день, который будет гореть огнем, и мы увидим тогда, кто прав — бог или мистер Дарвин.

С уважением *Баррод и Лундс»*.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирвинг Стоун

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Заведующий редакцией
А. В. БЕЛОВ

Редактор
Л. И. ВОЛКОВА

Младший редактор
М. В. АРХИПЕНКО

Художник
В. Б. МАНОХИН

Художественный редактор
П. В. МЕРКУЛОВ

Технический редактор
Ю. А. МУХИН

ИБ № 5756

Сдано в набор 29.07.85. Подписано в печать 12.11.85. Формат 60 × 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,51. Уч.-изд. л. 27,68. Тираж 200 000 экз. Заказ 926. Цена 3 р. 10 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.